

КНИГИ I-V

С.П.Р.-Д.

А. М. РЕМИЗОВ

А. М. РЕМИЗОВ

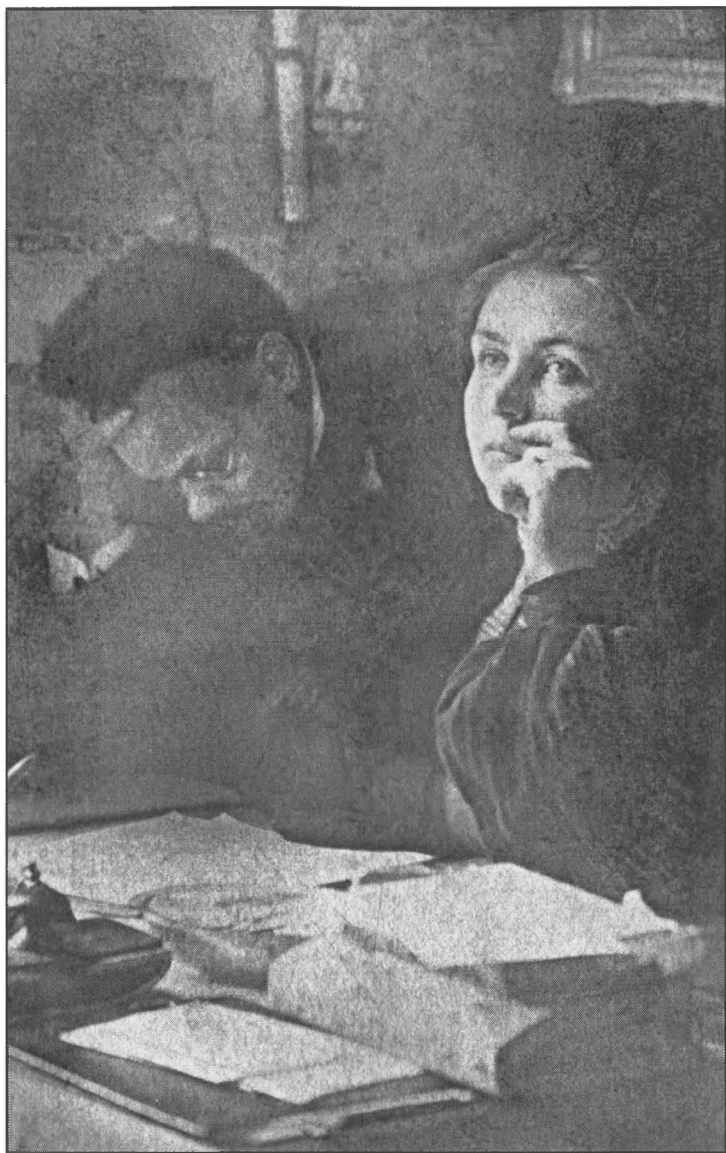
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

С.П.Р.-Д.

Девятикнижие памяти

КНИГИ I-V

*С. П. и А. М. Ремизовы. Фотография. Киев, 1904 г.
ГЛМ.*

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. М. РЕМИЗОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

С.П.Р.-Д.

*Девятикнижие
памяти*

Книги I—V

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.1-32-34
ББК 84.3(2Рос+Рус)1
Р38

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации*

Редакционная коллегия:

*А. М. Грачева (главный редактор), А. Д'Амелия, А. В. Лавров,
Е. Р. Обатнина, О. П. Раевская-Хьюз, Т. С. Царькова*

Издание подготовлено при содействии
Е. Д. Резникова, А. Д. Резникова

Подготовка текста Книги I: *А. М. Грачева,*
комментарии: *А. М. Грачева, Т. В. Игошева*
Подготовка текста Книги II: *Т. В. Игошева,* комментарии: *Е. Р. Обатнина*
Подготовка текста и комментарии к Книге III: *В. Н. Быстров*
Подготовка текста и комментарии к Книге IV: *А. С. Урюпина*
Подготовка текста и комментарии к Книге V: *А. М. Грачева*

Научный редактор тома: *А. М. Грачева*

Рецензенты:

доктор филол. наук, академик РАН *А. В. Лавров* (ИРЛИ РАН),
доктор филол. наук *В. Н. Терехина* (ИМЛИ РАН)

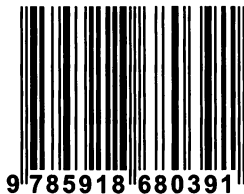
Ремизов А. М.

Р38

С.П.Р.-Д. Девятикнижие памяти. Книги I–V. Собрание сочинений.
Т. 17. — СПб.: ООО «Полиграф», 2023. — 678 с.

«С.П.Р.-Д.» (17 и 18 тома Собрания сочинений А. М. Ремизова) — впервые публикуемое по рукописи новое авангардное произведение А. М. Ремизова в 9-ти книгах, созданное в 1945 г. на основе материалов архива его жены — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло. В 17 т. публикуются I–V Книги. В «С.П.Р.-Д.» отрывки из ее воспоминаний, дневников, писем 1907–1940 гг., запечатлевшие деятелей революционного движения начала XX в. (Б. Савинкова, Е. Брешко-Брешковскую, И. Каляева и др.) и лидеров культуры Серебряного века и довоенной эмиграции (А. Блока, И. Бунина, А. Куприна, Вяч. Иванова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Б. Поплавского и др.) перемежаются с развернутыми мемуарными текстами и эссе Ремизова. Центральная тема произведения — раздумья Ремизова о судьбе России, о причинах трагических поворотов ее истории в XX в.

ISBN 978-5-94668-159-9
ISBN 978-5-91868-039-1 (т. 17)

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Собрание сочинений А. М. Ремизова, 2023
- © ООО «Издательство «Росток», макет, 2023
- © Быстров В. Н., подготовка текста, комментарии, 2023
- © Грачева А. М., подготовка текста, комментарии, статья, 2023
- © Игошева Т. В., подготовка текста, комментарии, 2023
- © Обатнина Е. Р., комментарии, 2023
- © Урюпина А. С., подготовка текста, комментарии, 2023

КНИГА I

[Торопился переписывать: все боюсь, не поспею. Знаю, без меня никто не займется. Понадобится ли вообще кому-нибудь, не уверен: мне такого дара не дано, чтобы имя мое в будущем вызвало внимание и любопытство. Ведь наперечет имена в истории литературы.]

В особой тетради предполагаю переписать свои письма того времени, начну с Берлина — 1921-го. Тогда будет наш переклик ясен.

Нет никаких записей 1936 и 1936 г. <так! — Ред.> С. П. очень много переводила и составляла словарь, ничего не осталось. Начинается с 1937 г. — и это по моей просьбе.

Так вот кончил переписывать, и стало пусто. Записи из дневников в этой книге посвящены Диксону — «бедный Диксон!». В нашей жизни он блеснул и погас. А какой короткой оказалась жизнь. Мы жили вместе 40 лет, а ведь как миг прошли эти годы. Да, переписал. Ну, еще что-нибудь подпишу... Вот и все.

А. Р.]

<ПИСЬМА>

ПЕТЕРБУРГ

1.

1909 СПб

Стою в хвосте возле Бассейной ул. [*за билетами на Шляпинна*]. Пусть «Варвара Федоровна» [*Зинаида Димитриевна*] завтра придет, пусть оставит кофточки, они мне нужны, а завтра утром пусть придет в 11 ч<асов>, я ей деньги заплачу и отдам работать. Извиняюсь перед ней. Не знаю, когда приду, если до 3 ч<асов дня> не приду, то позвони Бурлючке [*Людмила Давыдовна Бурлюк-Кузнецова*] — 127–59, чтобы не приходила, что я ее вызову вечером и скажу, когда прийти. Это если до 3-х ч<асов> я не вернусь. Вчера с 6 ч<асов> вечера уже стоят те, кто теперь билеты берет, все-таки надеюсь. Посыльному заплати 50 коп<еек>. Настроение бодрое, веселое.

2.

1910 СПб.

Пусть она непременно подметет столовую и вытрет пыль, и пусть мокрой тряпкой вытрет калоши. Вернусь часов в 6-ть. Сейчас 3 ч<аса> дня.

3.

VIII 1919 СПб.

Увы! Зеленая бочка течет. Пришлось выкачивать воду из нее. Надо будет дознаться, где течь.

[*Только эти 3 записки от Петербурга. И как это все по-другому: бодрость и веселость, Шляпин — «Борис Годунов» и часами в очереди. И этот порядок: у нас прислуга или «блаженная» (как Акумовна), или без «разумения». Аксалот, Броня, Настя: им не скажи, сами не догадуются и пол подмести. А с бочкой — трагедия: вода на 6-ой не подымалась, и собирали в бочку из прачечной, об этом рассказываю во «Взвихренной Руси». А. Р.]*

<ГЕРМАНИЯ>

1. ^a

6 X 1921^b

Звонила Марье Моисеевне [Гуревич]; оказывается, вчера в 2 часа дня ее переехал автомобиль, и она лежит в постели. А сегодня к ним звонила Кнопф, ее телефон Uhland 69-00, будет ждать от нас ответа. Может быть, посоветуемся с Н. М. [], и он позвонит. Хотя я как-то не могу решить, надо ли брать эту квартиру. Еду обедать, оттуда к Соломону [Гитмановичу Каплуну-Сумскому] для совета, а потом к немке.

2.

10 X 1921

Поехала обедать, а оттуда к Wertheim'у. Поезжай обедать тоже. Так немка и не позвонила, Елизавета Адольфовна [Цех]. Нет, только что позвонила, что завтра в 11 ½ ч<аса> она в моем распоряжении.

3.

1 IV 1922^c

Berlin

Если Шрейберы [Яков Соломонович и Фрида Лазаревна] захотят прийти, пусть приходят. Звонил Лев Максимович, очень надо поговорить, просил часа в 3 чуть пораньше [Шрейбер не звонил. А. Р.] или попозже ему позвонить Pfalzburg 65-39. Говорит, что очень, очень надо.

4.

11 IV 1922

Berlin

Когда позвонит Рывкин, попроси его позвонить Гржебиным [Зиновий Исаевич, Марья Константиновна] Steinplatz 99-44, я иду туда. Скажи, что я не возвратилась домой.

^a Сбой нумерации писем из-за неправильного прочтения Ремизовым цифры «4» как «1» на ранее пронумерованных оригиналах текстов. Далее нумерация следует в порядке арифметического соответствия номеров писем.

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1921

^c Справа на полях помета синим карандашом: 1922

5.

15 VI 1922/18 VI

Дорогой мой, родной П<апуленька>, слава Богу, получила от тебя письмо и знаю, что у тебя есть 1000 м<арок>, а то очень беспокоилась. Я еще не купаюсь: нельзя без костюма, купила костюм вчера, но без юбочки, надо еще пошить юбочку и тогда купаться. Да, сегодня должно начаться, значит, уже после этого. На пересадке было очень трудно, никакого носильщика нет, я едва несла, а поднять в вагон уже не могла; какой-то господин помог. Оказывается, надо всегда в багаж сдавать, когда пересадка. Посмотри в картонке, осталась ли там моя брошка? Если да, то припрядь. Пей молоко, ешь побольше. Конечно, они хотят, чтобы мы с тобою здесь жили месяц: комната с кухней стоит 4 тысячи. Ну, конечно, в крайнем случае. Для тебя было бы здесь полезно, воздух морской, хороший, и для меня тоже — от купанья худеют, но я ведь буду совсем не свободна, уже мне нельзя будет отделаться от хороших людей и детей. Но, в крайнем случае, конечно, это будет лишних 4 тысячи, потому что есть и пить и в Берлине надо. Скажи Зиновию Исаевичу [*Гржебину*] в пятницу или субботу утром, что ты: как он приедет и мне расскажет. Уж и не знаю, кто проиграл сосиски: я или мальчик — я приехала в 6 ½ ч<асов>, но на пересадке поезда ждать только 3 минуты, а не 1 ½ часа, как он говорил. Ну, Х<ристос> с тобою, берегись.

Забыла написать, что у Гржебина неприятности: от него отняли всего Горького (сочинения) и денег не дают. Но у них, по-видимому, все очень хорошо.

6.

19 VI 1922 / 20 VI^a

Дорогой мой, родной П<апуленька>, ты думаешь, что мне хорошо, а мне очень плохо. Нервы у меня совсем расстроились. Ведь здесь все время кричат, ссорятся, никакой тишины нет. Одна Софья Константиновна [*Дориомедова*] чего стоит! Да и Марья Константиновна [*Гржебина*] стала очень раздражительная. Очень тяжело. И никогда я одна не бываю, ничего о Ро-

^a Здесь и далее через косую черту указана зафиксированная Ремизовым в оригинале дата получения письма.

занове не написала — невозможно в крике и шуме. И о тебе очень тревожусь.

Сегодня ты мне снился, будто ты — женщина и голова у тебя набок, и надета на тебя юбка и вязаная безрукавка, как у Анны Павловны — помнишь^а?

Ты последнее письмо мне вышли в пятницу 23-го, в воскресенье 25-го я приеду; выеду отсюда в 12 часов дня и буду дома от 4—5 ч <асов> дня. Ты жди меня дома. Если удастся мне вырваться, я и раньше приеду, но ты до пятницы пиши мне, в пятницу письмо опусти, в субботу Капочкино [Гржебиной] рождение, поэтому до воскресенья трудно вырваться. Так хочу домой к тебе. Я очень взволновалась, что Екатерина Владимировна [Селевина] в Париже и сейчас буду писать ей, думаю, что теперь нам легче будет в Париж поехать, когда она там. А больше я никому не пишу, негде. Господи, хоть бы денежки получить! Я боюсь очень, что тебе там плохо. Это очень противно, что будет здесь жить Чуковский. Был вчера Гржебин, я ему сказала, что на его контору посланы для тебя книги (не говорила какие), он очень удивился, потому что он получает только по почте, а по почте и на твое имя можно. Я очень расстроена, что церковь на Unter den Linden передана и уже там не будет службы, будет приходское собрание, а я так и не записалась — что мне теперь делать? Батюшка меня в лицо знает, надо посоветоваться с Сувчинским [Петр Петрович]. Ну, Х<ристор> с тобою. Пиши.

7.

22 VI 1922 / 23 VI

Дорогой мой, родной, я хочу тебе напомнить, как еще сказано тогда было. Швейцар Ивана Александровича [Рязановский] сказал ему: «Вот землю теперь трудящимся, я тоже получу». А Ив<ан> Ал<ександрович>: «Зачем вам земля? Вы ведь всю жизнь в городе живете, и не знаете, что с землей делать». Тогда швейцар подумал, помолчал и сказал: «Ну, я деньгами согласен получить».

Нарочно посылаю, может, ты вставишь. А потом я подумала, хорошо ли, что Терещенко [Михаил Иванович] упоминается? Мо-

^а *Справа на полях помета синим карандашом: сон*

жет, не надо? В воскресенье, значит, приеду. Приготовь булочек с субботы; от 4—5 часов поезд должен. Корректуру у Вишняка [Абрам Григорьевич, «Геликон»] [«Эпопея»] непременно надо будет взять. X<ристос> с тобою.

Очень мешают, едва могу написать. Еще про Бородаевского [Валерьян Валерьяныч и Маргарита Андреевна] помнишь? Но это можно потом.

8.

15 II 1923 ½ 2го а

В 1 ½ приедет Димитрий Владимирович Философов, подождите с ним меня. Звонила Заблудовская [«Окно», Paris], просила позвонить до ½ 2-го. Я еду смотреть квартиру раньше, чтобы с Д<имитрием> В<ладимировичем> побыть.

9.

7 V 1923^b

Berlin

Ушла, боюсь, поздно будет.

10.

10 VII 1923 / 11 VII

Kudowa

П<апуленька> мой родной, X<ристос> с тобою. Пишу на почте. Исайю Яковлевичу [Каган] ни в чем нельзя верить: у нас было 2 пересадки, когда есть поезд без пересадки. Ехали 12 часов с мукой невыразимой; конечно, наши места были действительны только до пересадки, места с бою брали, при выходе у меня все платье расстегнулось, такая толчея. Я бы не вышла на пересадке, если бы не какой-то сердобольный немец, помогший мне протолкаться, потому что я не еврейка; когда просишь пропустить, надо говорить: «Lassen Sie, bitte, durch!» Это он все время говорил. Была сцена, окончившаяся почти дракой между Борисом [Каган] и каким-то немцем, ну и нахалы же они, мои спутники. Остановилась в гостинице, а сегодня уже нашли комнату, мне и им тут ихнее нахальство помогло. Но комната

^a Указание времени (½ 2го) заключено в квадрат.

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1923

моя будет еще с 5 часов, поэтому я на почте. Гостиница обошлась 60 тысяч, а туда (носильщики, извозчик здесь с вокзала) 50 тысяч. Моя комната с полным пансионом стоит 60 тысяч в день. Конечно, плохо будет, но мне это на руку, похудеть. Еще неизвестно, какой налог платить. Мой адрес: Willa Hildegard («d» на конце). Остальное у тебя уже есть, т. е. Силезия и город. Очень много зелени и очень малое место, деревня, не знаю, сколько выживу здесь. Завтра собираюсь к доктору, тогда еще напишу. Население католическое, но приезжие евреи. Мы с тобою во втором классе поедем, теперь здесь не то. Как ты, родной мой, вчера тебя крестила издали. Покупай себе все, не расчитывай. Х<ристорос> с тобою, жду письма твоего.

11.

Remisoff, Lessingstr<aße>, 16 Berlin, bei Diepus<?>
12 VII 1923
Badkudowa
Warum keine Briefe?

12.

13 VII 1923 15/VII^a
Kudowa

П<апуленька>, мой родной, я, наверное, в Воскресенье 15-го обратно поеду. Сегодня получила 2 твоих письма (как долго идут!) и деньги почему-то очень скоро пришли. В завтрашнем твоём письме наверно будет объяснение, какие это деньги и остались ли у тебя, а то я боюсь, что ты мне все выслал, и сам остался ни с чем. В среду я была у доктора и поняла, что я не туда попала: здесь ванны только углекислые, как нарзан, конечно, это полезно всякому, но это — дыра, ни массажистки, ни Цандеровского института, и единственное, что есть, мог сказать доктор для похудения — это молочная диета. Но из-за этого не стоит столько денег тратить, я не приму ни одной ванны, потому что как раз не здорова, значит, и налога (Kurtax'a) платить не надо, для меня, как платящей налоги, было бы 250 тысяч, не стоит из-за одних ванн, а так здесь оставаться не имеет смысла, скука полосатая и надоела Вера Васильевна [Каган],

^a Здесь и далее вторая дата — дата получения письма.

я с Борисом [Каган] приеду, он тоже уезжает. Этих денег, что ты мне прислал, с лихвой хватит, и менять я ничего не буду, лучше уж на неделю куда-нибудь поближе поехать, хоть к морю или в горы. Оказывается, в 3-х часах от Берлина есть Эльстер (Elster) курорт для похудения и от печени. Я не жалею, что я приехала, но больше оставаться не имеет смысла. Корзиночку надо отнести на Flusburger str<афе> по правой стороне не написан, а на втором углу. В пансионе кормят неплохо. Много слов узнала немецких. Жара страшная. Ну, X<ристок> с тобой, родимый мой.

13.

26 VII 1923 28/VII
Ostsee bad Brunshaupten
In Meeklenburg

П<апуленька>, пишу тебе сегодня второе письмо, а всего третье. [Первые два письма не дошли. А. Р.] Уже решено: я выезжаю отсюда во вторник [31 VII] в 3 часа дня и в 9 часов вечера буду в Берлине, я не допишу письма, спрошу у уезжающей завтра точно час прибытия поезда, чтобы Frau Kagus меня встретила и мой багаж повезла бы на трамвае. Тут ужасно, и я попала, т. е. меня поместили к такой хозяйке, что хуже Frau Delion [Берлин], и она меня обдирает, а живу я ужасно при этом, вообще здесь обдирают, но, по крайней мере, обдираемые живут хорошо, а я и живу ужасно. Купаться нельзя в такой холод, во всяком случае, начинать купаться. Я вчера взяла ванну теплую морскую, было очень хорошо. Сегодня получила твое первое письмо. Я думаю, пускай бы прислали Сергею Яковлевичу [Осинову] книгу, это самое важное и, может быть, можно будет в другой раз, тогда мои альбомы палеографические. Как я хочу, чтобы мы с тобою пожили так, как тогда под Ревелем [23 VIII — 18 IX 1921]. Я думаю, в августе удастся. Значит, последнее письмо ты мне пошли в воскресенье утром, тогда я получу наверно до отъезда, а что потом напишешь, сохрани. Вере Васильевне [Каган] после твоего письма написала открытку в Кудову. Ну, X<ристок> с тобою, родной.

Денег мне хватит, несмотря на обдирательство.

Поезд приходит в 9 ч<асов> 4 мин<уты> вечера.

14.

28 VII 1923 30/VII

Brunshaupten

П<апуленька>, еще раз повторяю, что во вторник [31 VII] в 9 ч<асов> 4 м<инуты> вечера я приеду, пусть Frau Kagus меня встретит. Сегодня получила желтую кофту — спасибо. Если бы здесь было помещение, хорошо бы тебе отдохнуть — лес настоящий, как у Ивана Сергеевича [*Соколов-Микитов, Кислово, Смоленской губ<ернии>*]. Впрочем, решим, только так бездомно нельзя. Ну, все расскажу во вторник вечером.

<ФРАНЦИЯ>

15. <так! — ред.>

18 VII 1924 20/ VII^a

Kerbellec

Мой родимый П<апуленька>, вот я уже в настоящей деревне Бретонской, это куда настоящее, чем Breitbrun, один дом всего и есть, где мы живем. Барышня тогда на вокзале неверно сказала: в Нанте в 3 ½ ч<аса>, час ждать, а в la Bernerie в 6 ½ вечера. Сразу узнали друг друга. [*M-me Fleury*]. Воображаешь, как я ехала на двухколеске, да еще она предупредила, что лошадь пугливая, но не кричала, прямо кусала себя за язык, чтобы не кричать. Семья: она [*Mme Jeanne Huguenet-Fleury*], похожа на Шкапскую [*Марья Михайловна*], только мужественнее, свою манеру смеяться в бок, я думаю, у нее взяла Шкапская; муж ее [*Pierre Fleury*] очень красивый, седоватый, очень хорошо говорит по-французски, многому вчера меня научил; 2 племянницы [*Mme Denise, M-elle Suzanne*], одна огромная [*† 1943*], другая маленького росту; мальчик 3-х лет [*Maurice*], очень миленький, Морис, сын племянницы [*Denise*]. Я с ним сейчас пойду к морю. Море прямо против окон, а может быть, это Океан, по-ихнему, все «мер». Вчера нас дождь вымочил, когда ехали. Очень была голодная, а дали обедать «le mouton» в 10 ч<асов> вечера [*баранины С. П. нельзя было из-за печени. А. Р.*], потом я, пере-

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1924

крестивши себя и тебя, легла спать и спала до 9 ч<асов> утра, потом мне дали чудесного молока в такой чашке, что на полоскательницу похожа [*le bol*]. Хозяев-то дома нет, они давно в поле, и есть прислуга [*Helène*]. А сейчас вот я письмо пишу, а потом к морю с мальчиком [*Maurice Bicou*] пойду. Если б здесь прожить месяца 3, по-французски бы говорила, как французенка, звука нет другого. Жду твоего письма, еще напишу англичанке [*Miss Jane Ellen Harrison † 1925, Hope Mirrlees*]. Беречься, ешь, покупай себе. Х<ристос> с тобою.

16.

20 VII 1924 22/VII

Kerbellec

Дорогой мой, родимый П<апуленька>, едва могу писать — такое перо и почти нет чернил. Часто думаю: если бы тебе сюда, только с тем, чтобы совсем не заниматься, и просто на сене лежать. Заниматься здесь невыносимо. Да, это Океан, я спросила, вчера купалась, купаться очень трудно, потому что почему-то можно купаться только во время прилива (почему, я не поняла). Когда вода набегает, с ног сшибает, очень страшно, но купаюсь я одна, вообще здесь никого нет. Днем жара, я обожгла все лицо и шею, на шее пузырь, и обожгла даже пробор на голове. А вечером очень холодно, слава Богу, я взяла свою желтую кофту, сплю под пуховым одеялом. Но и в желтой кофте мне холодно. Еда плохая, т. е. у них все свежее, но все так неумело сделано и очень много мяса, фруктов нет, вот молоко козье очень вкусное. Может быть, ты бы за мною приехал, чтобы посмотреть, знаю, жить тебе было бы тяжело тут; мне тяжело, хорошо только, что уединение полное. П<апочка>, купи себе мяса, хлеба свежего, очень прошу тебя, ешь яйца, молоко, купи фруктов, это близко со всех сторон. Да, это ужасная фраза у Ариадны Владимировны [*Тыркова-Williams*] [*«Иностранцы считают, что пора нам не ходить с ручкой» А. Р.*]. Я все твое негодование так чувствую, оно и мое, мы с тобою вдвоем на свете, и Бог нам помогает, я только в чудо верю. Я подумала, надо пройти на Rue Michelet (кажется, так?), может, там тебе деньги полагаются. Ну, я приеду, пойду. Сегодня все-таки хочу купаться. Я забыла перевести будильник, он стоит на 6-ти. Интересно, что ты напишешь о Залкиндах [*Виктор Александрович, его отец*]

и мать]. Два письма получила. Берегись, родимый, ешь. Х<ри-
стос> с тобою. Всегда крещу тебя.

17.

23 VII 1924 24/VII

Kerbellec

П<апуленька> мой родимый, не спала я сегодня ни часу, так кусали блохи, их здесь тьма-тьмушая. Думала, вот если б «Оле» столько, когда я на пол садилась. [«Оля», ч<асть> I «В поле блакитном»]. Это очень мучительно. Вообще я очень искусана. Нет, это не Вандея, а Бретань, самая настоящая, а Вандея находится недалеко отсюда, с балкона видна деревня. Так жалею, что ты один читал Аввакума, надо было отложить до моего приезда. [«Житие Аввакума», читал с Miss Harrison и Hope Mirrlees, они переводят на английский: «The life of the Archpriest Avvakum by himself. London, 1924». А. Р.]. Хочу выехать в воскресенье, но они хотят, чтобы я выехала в понедельник, не знаю уж, кто победит. Во всяком случае, ты письмо опусти в субботу утром последнее. Поезд приходит так, что я дома буду или в 4 часа (поезд в 3 ч<аса>) или в 12 ч<асов> вечера (поезд в 11 ч<асов>), все зависит от того, сколько времени в Нанте, разно бывает). Еще есть поезд с другой станции (Pornic), идет без пересадки, но на Montragnasse приходит; тот приходит в 5 ч<асов> утра. Думаю, что это очень рано. Но чаще приходит поезд в 11 ч<асов> вечера. Итак, скорее всего в Воскресенье, а в крайнем случае в понедельник часов в 12 вечера. Только мне не надо Дуралея [Влад<имир> Мих<айлович> Селевин] [это он в день нашего приезда в Париж привел нас в «Дом Свиданий», по-русски «Случная гостиница», дурак смеющийся. А. Р.], сама справлюсь. Но на всякий случай и в 4 ч<аса> в эти дни будь дома, т. е. в воскресенье, потому что в понедельник только один поезд, который в 11 ч<асов> приходит. Да, эти богатые люди или бывшие богатые — трудно с ними. Я тебе клешню везу и морскую траву и ракушки перламутровые маленькие [les nacrés]. А про сахар надо говорить: «suscге en potseaux». Покупай себе мяса, надо туда немножко масла положить.

Да, про «Олю»^a надо написать, что она думала. Я тогда больше чувствовала, но думала определенно, что не хочу быть ра-

^a Справа на полях помета синим карандашом: «Оля» VI ч<асть>

бой с рабами, а хочу с теми, кто гибнет, страдает. С<оциал>-д<емократов> ненавидела так же, как теперь бол<ьшевик>ов, они также оскорбляли мою веру и своим материализмом отталкивали. Я помню, курсистка с<оциал>-д<емократка>, гораздо старше меня, я ее звала Зинаидой Павловной, она меня — Сима; она мне сказала, что — «Вы нас так не любите, и всего-то во всей России кучка людей, которые хотят социализма и еще и среди этой кучки ненависть!» Я о социализме никогда не думала, и его не звала.

Это я тебе канву, сам расцвети, и я приеду.

Только для меня всегда самое святое было — Пасха, я никому не говорила, зная, что засмеют. С<оциалистов>-р<еволюционеров> любила, потому что они — не «матерьяльные» [*и не материалисты? А. П.*] (так мне казалось) и хотят «страдать», «гибнуть». Много говорилось: «от ликующих...» [*Некрасов*].

Ну да здесь никто не пишет [*A Mme Fleury? А. П.*], вообще не «интеллигентные» люди, но довольство и работа.

Х<ристос> с тобою, родной [*M. Pierre Fleury, Clion^{s/m}, бывший провизор в Нанте. А. П.*].

18.

24 VII 1924 25/VII

Kerbellec

П<апуленька>, родимый, я приеду в воскресенье вечером, поезд придет в 11 ч<асов> вечера. Ты письмо опусти в субботу последнее, я получу в воскресенье утром. Шрейберам напиши открытку, попроси привезти нашу посуду, если можно. Да я думаю, что они сами привезут. Фрида Лазаревна [*Шрейбер*] внимательная. Я отсюда не могу написать им письма, совсем невозможно отсюда в Германию посылать, ведь письма отвозят мои хозяева, здесь о немцах и Германии со скрежетом, расскажу. Но так она хорошая [*Mme Fleury*], но это «крестьяне» ведь [*Denise и Suzanne, скорее «мещане». А. П.*]. Я рада, что увидела, многое узнала и поняла. Я думаю, что комнату в отеле для Шрейберов можно заказать не накануне, а когда угодно, но сказать, что на вторник. Лучше раньше, п<отому> ч<то> могут быть заняты комнаты. Насчет Балаховских [*Софья Исааковна и Данила Григорьевич*], как вздумаешь, может лучше бы написать или по телефону, чтобы отложить на вторник, впрочем, как вздумаешь.

Я думаю, что на вокзале сама справлюсь, буду искать носильщика. Ну, Х<ристок> с тобою, мой родной, соскучилась очень.

19.

П<апуленька> родимый, я приеду в воскресенье вечером.
La Bernerie (L. Inf.).

20.

19 II 1925 20/II
Nantes^a

Сижу в Нанте, скучища страшная. Уже выпила 2 чашки очень хорошего кофе, съела бутерброд. Купила 2 апельсина, дешевле, чем в Париже, хотя и вокзал. И кофе дешевле. Х<ристок> с тобой. Еще 1 ½ часа ожидания. По-моему, статьи З. Н. Гиппиус [Зинаиды Николаевны Гиппиус] нет в «Последних Новостях». Да?

21.

20 II 1925 21/II
Kerbellec

П<апуленька>, родной мой, слава Богу, что ты не приехал — иногда и мы бываем умными. Понимаешь, холод отчаянный, не на дворе, а в комнатах, совсем не топят, постель влажная от холода, я едва заснула, а когда проснулась сегодня утром, поняла, что значит «пар от дыханья волнами ходил». Я сначала думала, дым откуда-то и пыль летит, а это оказывается, я дышу. Скажи Кирееву [Гр<игорий> Сильвестрович Киреев, шофер, потом инженер в Африке], что он не верно: билет считается с того дня, в который он куплен, потому что там на билете вытеснено число, так что мой билет считается с 17-го февраля и действителен только кончая вторником, потому что воскресенье не считается. А на дворе не холодно, шубы не надо было бы. Пойду к океану. Знаешь, со мною случилось опять, как, помнишь, М. Basil, поищи, не осталась ли дома, здесь бесповоротно нет, и искать негде, все на ладошке. Поищи, П<апочка>, и мне напиши. Сегодня снилось^b мне, что ты ссоришься с Познерами [Сол<омон>

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1925

^b Справа на полях помета черными чернилами и синим карандашом: Сон

Вл<адимирович> Познер и Эсфирь Солом<оновна>], а я это слышу отсюда по телефону. Думаю, что во вторник я приеду, еще напишу, жалко тут из-за одного дня тратить. Морис мешает писать, очень доволен моими подарками. Ну, Х<ристос> с тобою. Пишу «своим» пером.

22.

22 II 1925 23/II
Kerbellec

П<апуся>, дорогой мой, насчет М. Basil'я не беспокойся — нашла! Завтра (понедельник) я выезжаю и буду на вокзале, как тогда, в 11 ч<асов> вечера. Если это письмо не дойдет вовремя, то я и сама приеду. Телеграмму послать нельзя, потому что сегодня воскресенье. Больше терпеть не могу. Хотя бы Бог сохранил в целости и крепости! Только те несколько часов в день, когда я бываю на океане, бывает мне хорошо и тепло, а остальное время хуже, чем было у нас в Советской России, никогда не согреваюсь. Ужасно. Камин есть только в одной комнате, где обедают, но топится не всегда, а в остальных комнатах никакого отопления. Сейчас я сижу перед топящимся камином и пишу на коленях у себя. Насчет денег поговорим, думаю, что наилучший способ, как посылать Татьяне Николаевне [Гуннуис], получают обратно ее расписку. А поручать там часть гонорара не годится, не верю никаким издателям и редакторам, всегда обманут. Имея деньги, отсюда теперь можно послать. Какие еще расходы лишние? Вот падение последнее. И все-таки лучше Шрейбер, потому что несчастная. П<апуля>, вымой ванну, чтобы я завтра, приехав, сразу напустила воды и выкупалась, я ведь не умываюсь здесь, как следует, невозможно! Привезу цветов чудесных и ракушек, и травы, а лапы краба пока не нашла, теперь они прячутся в земле от холода, оттого море их и не выносит. Жду-не-дождусь завтрашнего дня, чтобы уехать. Но я встрянула и много раздумала. Ну, Х<ристос> с тобою.

23.

25 II 1925
Moutiers

Je reviendrais demain, n'envoyer pas de lettres.

24.

15 IV 1925

Paris

Уже 4 ч <аса>. Все ждала тебя, дорогой, но боюсь, что везде опоздаю, потому ухожу. Очень беспокоюсь.

25.

1 VIII 1925 2/VIII

Chartreuse de Neuville^a

Родной мой, ну, доехала. Но, конечно, не так, как писали. На пересадке пришлось ждать 50 минут. Оказывается, есть 2 поезда, и мой опоздал к тому первому. Это часто бывает, и надо это иметь в виду. Здесь поля хорошие, как в России, я сидела на колоде, как в России. А в комнатах очень скверно, грязно невероятно и вычистить невозможно, кругом сажа. Сегодня вечером придет Шумов [*фотограф*] и поговорит с директором, можно ли нам получить такую же квартиру. Тогда я найму женщину, если можно получить, и она вычистит, насколько возможно. Черновым носят воду Вадим [*Андреев*] с приятелем, а мы можем нанять женщину носить воду за 3 франка в неделю. Молоко очень хорошее, но надо непременно иметь машинку, иначе трудно с плитой. Жалею, что не привезли подушки — под головую будто камень. Монастырь очень интересный, но много испорчено и разрушено. Оказывается, в основе живут тут сумасшедшие, а одна квартира Черновых, одна — Шумовых, одна — Лапиных и больше никого. Если ты приедешь, купи синие штаны, о которых говорил, а то в костюме тут смешно. И куртку мюнхенскую обезьянью. Можно будет тогда с Киреевым приехать, в следующем письме напишу, дадут ли квартиру. Очень о тебе тревожусь. Обедай, покупай себе. Завтра жду твоего письма. Кажется, что я уже давно уехала, так все здесь по-другому. Лапина прислала письмо — от тебя в восторге. Я принимаю решение защищаться. Сем<ену> Вл<адимировичу> [*Лурье*] не могу сегодня писать — от воздуха спать хочется. Завтра и тебе пришлю. Ну, Х<ристос> с тобою, мой родимый. Береги себя, не уставай.

^a *Вписано синими чернилами. Справа на полях помета теми же синими чернилами: около Montreaul s/Mer / Victor Hugo «Misérables» / Jean Valjean был мэром*

26.

21 VIII 1925

Kerbellec

П<апуля>, родной мой, доехала благополучно, пишу на окне — очень неудобно. Имей в виду, что есть 2-а Nantes. И поезд, когда идет с Nantes-Etat и приходит из Парижа на другой Nantes [*Orléans*], — вот это и бывает 2-ая пересадка, но у меня опять не было, только одна. Поезд из Nantes уходит в 5 ч<асов> 23 м<инуты>, и приходит в La Bernerie в 6 ч<асов> 20 м<инут>. Я встречаю. Конечно, можно теперь в «salon» заниматься весь день, туда никто не зайдет, вид прямо на океан. И можно кофе варить самому днем. А вот насчет чаю, я думаю, надо взять машинку и маленькую кастрюльку, и наш старый чайничек, п<отому> ч<то> они рано ложатся спать, и плита у них топится брикетами, и уже неловко будет просить, а вечером-то и хочется, после ужина. А кофейника не бери, найдется. Возьми ложечки 2-е чайных, стаканы найдутся тут. Вчера я попросила чаю, так мне дали такое что-то, что я просто не могла пить, напилась холодной воды. Вещей много не бери, здесь все дают, ну, теплое и перемену, и одно полотенце свое, налево я отложила. Возьми в карман мои глазные капли, в шкафу бутылочка стоит, я ее нарочно поставила, а пипетка у меня. Вчера был тихий день и вечер теплый, а сегодня ветер и вечер, значит, будет холодный. Пока мне здесь очень хорошо, воздух чудный. К морю пойду сейчас. Хочу, чтобы письмо поспело завтра (суббота). Киреева они устроят у себя. Очень жду вас. Я, должно быть, с мальчиком [*Maurice*] вас встречаю. Не пропустите станцию, я чуть не пропустила. Снился Бердяев [*Николай Александрович*]^a, который сказал: «Книга А<лексея> М<ихайловича> очень хорошая, но у нас нет денег». А я говорю: «Но вам нравится?» А он: «Да, только аристократична!» И еще Диксон [*Владимир Васильевич*] снился и еще Л<ев> И<саакович> [*Шестов*]. Я тревожусь, как ты скажешь консьержке, чтобы не говорила об отъезде, какой предлог, чтобы не подумала. Дай ей 30—35 frs для белья, если больше будет стоять, заплатим по приезде, скажи, что я забыла посчитать, сколько будет стоять. Ну, Х<ристос> с тобою, приезжай.

^a *Справа на полях помета синими чернилами:* [Бердяев — сон]

27.

22 VIII 1925

Kerbellec

П<апуленька>, я уже без тебя соскучилась, сегодня ждала, ждала письма, уже стала беспокоиться, и уже в 1 ч<ас> дня почтальон принес — запивает, поэтому так поздно. Хотя бы уже скорее ты приехал! Мечтаю, как ты будешь отдыхать. Знаешь, если будет место, пожалуй, кофейник металлический лучше привезти, — здесь есть фильтр, но на такой маленький стаканчик, что ты не удовлетворишься. Если портниха принесет кофточку, ты ее привези. И еще борной кислоты. Да, родной мой, равнодушие поразительное, как бы я хотела все высказать. Душа опухла оттого, что так много не высказанного. Иногда думаю, что Бог нам поможет, не оставит, и тогда я выскажу для их научения.

Здесь теперь масса ожины [*la mûre*], я все ем ее, по всем полям она и долго еще будет. Морис [*Maurice*] ждет тебя и Киреева, сегодня писал письмо (он не умеет): «pour M. Kireev et pour M. Remizov», конфетку мне дал.

Снилось мне, что сидят Зайцев и Зайцева^а [*Борис Константинович и Вера Алексеевна*] и рассуждают о квартирах. А из большой комнаты вышел Шестов [*Лев Исаакович*] (не теперешний, а как раньше) и Бердяев [*Николай Александрович*] (седой) и говорят мне: «Уже мы переговорили с А<лексеем> М<ихайловичем>». Я киваю головой и, вместо того, что в комнате, очутилась на извозчике, еду куда-то далеко домой и беспокоюсь, что ты меня будешь там искать, где Бердяев. А потом я будто в комнате и вижу, ты идешь по улице. Я так наклонилась, что рама вылетела, спрашиваю: «Куда ты идешь?» А ты отвечаешь: «К Мар-кó-вичу (такое ударение) денег просить». А я говорю: «Зачем ты со мною не посоветовался, не ходи к Мар-кó-вичу, без него проживем». А потом Лисевна [*Ольга Елисеевна Чернова-Колбасина*] появилась. Я и проснулась.

Два дня ветер сильный и еще, говорят, один день будет, и с понедельника совсем хорошо. Приезжай, родимый. И чер-

^а *Справа на полях помета синими чернилами: [Зайцевы, Шестов — сон]*

нила еще привези, которыми я пишу. Завтра жду письма. Ну, Х<ристос> с тобою, мой родимый.

Это бумажка, Морис [*Maurice*] тебе письмо написал.

28.

23 VIII 1925
Kerbellec

П<апуленька>, родной, я на всякий случай посылаю это письмо. Если ты не выедешь во вторник, оно тебя застанет. Кофейника не привози, видела сегодня своими глазами, имеется здесь. Привези огурец, который я купила и оставила. Если портниха кофточку принесла, то ее привези. Х<ристос> с тобою. Жду. Если портниха не принесет кофточку, то привези мне мое белое платье — то, что лежит в бумаге в шкафу, оно грязное, здесь выстирают. До свиданья.

29.

1925

Родной мой, если можно, затопи у меня теперь, чтобы не к ночи. Разогрей суп и поешь. Свари 2 яйца, надо воду вскипятить и в кипящей воде варить 3 минуты.

30.

23 VI 1926^a
Vichy

Пока посылаю открытку с султаном [*Le sultan Moulay Hafid*]. Ехать было очень холодно. «La couchette» — только подушка дается — твердая. Здесь чисто, сегодня к доктору.

31.

23 VI 1926
Vichy

П<апуля> мой родной, сегодня весь день ходила. Вчера ехать было плохо. «La couchette» — собственно ничего, только дают подушку твердейшую, какую мы видели в окно. Да протянуться можно. Но от холода спать нельзя. Возле меня ехала дама, перешла потом, так у нее одеяло меховое с собою, она хорошо спала. Приехала я и в 6 ч<асов> утра заснула до 9 ч<a-

^a *Справа на полях помета синим карандашом: 1926*

сов>, а потом пошла по городу. Ну, что же, больше всего напоминает Эссентуки, только гор нет, гораздо лучше Кудовы, но гораздо хуже Карлсбада. Сегодня мне не было плохо, но потом, я знаю, надоест. Посмотрим. Если бы польза была. Была у доктора, целая канитель. Надо сначала все сказать его секретарю, который и записывает, я была первая. А потом появился доктор, посмотрел записку и сказал, что придет завтра ко мне в 6 ½ утра (представляешь?) В первый раз он осматривает на дому, да это и хорошо, не надо будет раздеваться, но час какой! Скажу разбудить меня в 6 ч<асов>, чтобы умыться до его прихода. По виду доктор хороший, из породы Поггенполя [*Сергей Михайлович, † 1919, Петербург. О нем во «Взвихр<енной> Руси»*], отнюдь не Афонский [*Николай Павлович*]. Говорит на всех языках, у него были и немцы, и англичане, и итальянцы, и французы, и я, и еще какой-то русский. С каждым говорит на его языке. Открыток здесь нет никаких особенных, только виды да свинья поросят кормит, пришлю, а больше ничего. Султана послала [№ 30]. Все ходят намазанные, в парке играет музыка, как в Эссентуках. Все убрала у себя, вода действительно есть и холодная, и горячая в комнате. Хозяйка меня спрашивала про Мме... Я что-то лепетала. Завтра жду твоего письма. Сегодня лягу часов в 10, не позже. Мне кажется, что я уже давно уехала. Купила бумаги, марок, чернил, открыток, кружку и палочку, через которую пить. Ну, Х<ристос> с тобою, родимый мой. Берегись, тревожусь.

32.

24 VI 1926

Vichy

Был доктор, очень, очень хороший. О, если бы в Париже был такой. Прямо — Поггенполь: надо остаться 3 недели, назначил лечение, я уже ходила и воду пила. Напишу письмо, получила твое. Пиши.

33.

27 VI 1926

Vichy

Только что запечатала конверт, принесли результаты исследования. По-моему, все хорошо, но, конечно, во вторник доктор

все разберет. Взяли 80 frs. Нужна ли такая открытка [*Une bonne pourrice*]^a для Сергея Яковлевича [*Осинов*].

34.

28 VI 1926

Vichy

Вот какие тут открытки. [*Une pensée de Vichy*]. До сих пор ничего не получила [*Обещали выслать деньги. А. Р.*], беспокоюсь, справиться бы у Шестова, боюсь, что Шестов уедет, боюсь, что так выйдет, как я шутила. [*М<ожет> с<таться>, надуют. А. Р.*] Щетку получила. Адрес я спрашивала Анны Елизааровны [*Шестовой*] и Проскуряковой.

35.

29 VI 1926

Vichy

П<апуля> родной, если не считать сегодняшнего дня (сейчас 8 ч<асов> вечера), то остается 15 дней. Сегодня неделя, как я уехала, сегодня я все мечтала, как буду отсюда уезжать, привезу с собой спаржи, в Париже уже нет, тогда говорили, что последняя. И еще чего-нибудь. П<апуля>, поговори с Шестовым, не письмом, а именно поговори, очень меня беспокоит, что я денег не получаю до сих пор, и теперь вижу, что моих не хватит, неизвестно, сколько возьмет доктор. И мало ли какая история, путаница может произойти с деньгами, вроде письма к Болье [*Leon Beaulieux, секретарь École des langues orientales*]. Так и говорить надо. Ведь завтра неделя, как твоя пневматичка получилась у Шестова. Вот, напр<имер>, со мною случилось: принесли мне тогда исследование, я заплатила, посмотрела и спрятала, а сегодня пошла к доктору, как было назначено, он говорит: «Я не получал вашего исследования». А я: «А я получила». Он стал сердиться, сказал, что пошлет запрос в лабораторию. И пришлось мне идти домой и ему нести исследование, гляжу — надпись: Hôtel Lesbonne, chambre 8 (моя) Monsieur Bernizoff. Это так спутали фамилию. Исследование мое — в нашем отеле Розанов никого больше не лечит, написано, что по его записке исследование, и комната моя, а вот так спутали, что он и не нашел у себя, ищет R, а тут B; вот такое может быть, не-

^a Слова в квадратных скобках над словом: открытка

пременно поговори с Шестовым, — не насмешка же это была. [*Это хуже насмешки, безответственное обещание. А. Р.*] Исследование не плохое, белка совсем нет, и он нашел, что у меня там что-то лучше стало. Теперь к нему в понедельник. Я получила письмо от Сувчинской, меня оно взволновало, пишет, что им Эфрон написал отчаянное письмо, что Марину [*Марину Ивановну Цветаеву † 1940*] лишили Пражской стипендии. Очень взволновало — а ну как? Хотя она много получала — 900 крон, это теперь 900 фр<анков>. Напиши Диксону [*Владимир Васильевич Диксон † 1929*], чтобы предупреждал, когда приходит днем, что ты теперь летом гулять ходишь, а то так можно никогда не застать. Я уже 7 дней молчу, ни души, вот сегодня немножко с доктором.

Хоть бы Бог помог, чтобы польза, я стала тревожиться обо всем. Х<ристос> с тобою, родной мой, я тебя всякий вечер в 9 ½ ч<асов> крещу. Пусть «старица» кухонные полотенца помоет.

36.

30 VI 1926 1/ VII^a

Vichy

П<апуля>, родной, если не считать сегодняшнего дня (7 ч<асов> вечера сейчас), то осталось 14 дней. Я думаю, что мне придется выехать 15-го утром, а, может быть, и 14-го, это как доктор скажет. Сегодня уплатила по первому счету за 7 дней. Все больше удивляюсь и не понимаю богатых людей, даже и сделать-то не умеют, когда уж решили, ну, что бы я сделала без своих денег? [*Богатые люди «помогают» не от сердца, а из тщеславия; на внимание нельзя рассчитывать, никто из них никогда не подумает о том, кому сказано: «поможем», а кроме того, никогда не могут представить себе, что значит нет денег. А. Р.*] А ванны сколько стоят и души, каждый день деньги идут, уж не говоря о том, что, сядешь в парке на лавочку, мальчик подходит, за место плата, — ну что бы я делала? Я уж не говорю, что я всякий день покупаю ягоды, без этого невозможно, ну, наверно, Шестов посчитал бы, что это лишнее. А ванны, души,

^a *Справа на полях помета синими чернилами: [в 3 ч<аса> на Rue d'Auteuil около остановки трамвая на меня наскочил автомобиль, и я упал на спину 1 VII. А. Р.]*

исследование, — для этого же я и приехала сюда, этого уж он не может считать лишним. И плату за пансион. Мне не только больно и беспокойно, что я денег не получаю и тревожусь, а еще как-то горько, что такое невнимание. Интересно, что тебе скажет Шестов. Сегодня увидела другие, лучшие ванны — без поводыря-то плохо — с пятницы начну там брать, там немного дороже, но зато куда чище. А я и не знала об их существовании. Случайно прочитала на афише и пошла туда, взяла билет на пятницу, на завтра есть уже в старых, не стоит, чтобы пропал. Напрасно Сувчинский [*Петр Петрович*] обвиняет Шаховского [*Димитрий Алексеевич — о. Иоанн*], наверно, Соколов [*издатель «Благонамеренного», Брюссель*] ему денег не захотел давать из-за травли. Спасибо за адреса. Но я не ходила, жалко стало потерять свое одиночество, и не знаю ее совсем, — если бы она была хоть как Нина Григорьевна [*Львова*] или Наташа, Оля [*Черновы-Резникова-Андреева*], Лисевна [*Ольга Елисеевна Чернова*] или Фрида Лазаревна [*Шрейбер*] (нарочно различных поминаю), а вдруг она — как «бабища» и не отвяжешься. Хорошо, что адрес есть, в крайнем случае пойду, сегодня мне веселее, наверно, лечение действует. Я бы хотела, чтобы Сувчинские с нами поехали. Ну, X<ристок> с тобою, родной.

37.

4 VII 1926 5/VII

Vichy

П<апуленька>, если не считать сегодняшнего дня (сейчас 10 ½ ч<аса> утра), то остается 10 дней. Ужасно надоело. Почему-то со вчерашнего дня вдруг так надоело. Со вчерашнего дня стали съезжаться, к нам приехало 6. Целое семейство: мать, отец и 2 дочери-близнецы, ну невозможно отличить одну от другой, куда Оля и Наташа [*Черновы — Андреева и Резникова*]. И еще 2 каких-то выдр, похожих на начальницу нашей гимназии. Я рада, что ты получил от чехов. Всегда в 4 часа покупаю «Последние Новости». Вчера заходила, узнала о поездках. Поезд выходит в 10 ч<асов> утра, а приходит в Париж в 4 ч<аса> с минутами. Значит, 15-го в 10 ч<асов> утра я выеду, 10 ч<асов> утра для меня теперь поздно, встаю в 6 ч<асов>. Была вчера в церкви, очень мне было хорошо. Это в самом низу в том же доме, где лютеранская церковь, небольшая комната, как на-

ши две вместе, но что меня поразило — чудесно поют. В хоре всего 5 человек, и очень хорошо поют, особенно алыт изумительный, мальчик необыкновенно русский и хороший, лет 14^а. Это мальчик тот — алыт, только не вышло, у него волосы вьются и выпуклый лоб, а глаза голубые большие, а нос вверх. Было народу человек 20, но никого я не знаю. А свечи какие странные, с дыркой внизу. Я, может быть, пойду сегодня к обедне, если успею. Ох, как мне надоело! Боюсь, что с горя пойду к Проскуряковой или поеду к Елизааровне [*Анна Ел<иазаровна> Шестова*], это 20 минут^б.

Завтра pošлю тебе в большом конверте 3 письма для отправки — Наталье Васильевне [*Григорьева, Петербург*], Лиде [*Лидия Павловна Довгелло, Киев*], Верочке [*Вера Осиповна Богатко, Киев*]. Лисевна [*Ольга Елис<еевна> Чернова*] мне написала письмо, предлагает там найти для нас. Но я, знаешь, по опыту говорю: надо ехать туда, где хорошо, и чтобы соответственно кормили, а это будет у Винтерфельда. [*А так и не пришлось попасть! А. Р.*] Можно и со мною ему написать, время есть. Х<ристок> с тобою, родной мой. Вчера легла поздно — 10 ½ ч<асов>.

38.

7 VII 1926

Vichy

Поздравляю с днем рождения, все время буду думать и вспоминать. Еще утро. Что-то сегодня получу.

39.

8 VII 1926

Vichy

П<апуля> мой родной, я вчера в честь твоего рождения ездила в Thiers автомобилем, это устраиваются здесь такие экскурсии, я и записалась, надо заплатить 40 frs, ну я уже решила истратить, чтобы и день твоего рождения отпраздновать, и время скоротать. Было очень хорошо, 1 ½ ч<аса> туда, 1 ½ ч<аса> обратно по горам, по лугам, по полям — чудесно. И мало народу записалось, так что была я, 2 господина и шофер. А в Тьере

^а В круге помета: рис<унок> лица.

^б Далее рисунок: в круге голова мальчика в профиль

фабрика ножей, я купила ножницы хорошие и маленький замочек-брелок, и открытки. Там же есть Зингер, должно быть, туда и собирался ехать Диксон. Это была среда [7 VII], а в понедельник [5 VII] с автомобилем произошел несчастный случай, шофер убит, а 3 пассажира ранены, мы видели автомобиль, так и лежит в откосе, как полетел, его достают веревками, всех останавливают, и мы остановились. Уже завтра 9-е число, идти к доктору, завтра все решится. Я думаю, что надо уже добыть, только меня деньги беспокоят, все-таки дольше, и вдруг не хватит. Теперь мне как-то лучше стало. Встретила даму, которая живет в нашем отеле, она стала со мною разговаривать по-немецки, думала, что я — немка, она — эльзаска, спрашивает, кто у меня доктор. Отвечаю: «Розанов». Она: «О, я очень хотела к нему, но он меня не взял». — «Как?» — «Я пошла к нему и спросила, сколько будет стоить, он ответил, что сойдемся, и что завтра утром придет, а утром вместо него пришел какой-то Raух, сказав, что доктор Розанов занят, не может взять и ему передал. Я — говорит — возмутилась и написала ему (Розанову) письмо». И этому Raух она тоже послала 25 frs, а себе взяла еще третьего. Она мне завидует, что я у Розанова, а я очень боюсь, что он такой важный, сколько еще возьмет. Я спрашивала Проскурякову, сколько платят доктору, — она говорит: 250, 300, 500. Если, действительно, 9-го вышлют 500 frs, так я 11-го, 12-го получу их. Я жалею, что была у Проскуряковой, слава Богу, она очень занята хозяйством, а то бы не отделаться. [*Проскурякову я встречал потом, и всякий раз она вспоминала, как была у нее в Vichy* С. П. А. Р.] Завтра после доктора напишу тебе. Я открытку с «дорогой» [в Thiers] посылаю так прямо. Х_{ри}стос с тобою.

40.

8 VII 1926

Thiers

LAuvergne. Thiers. Route de Lyon dans les Gorges de la Durrolle^a.

^a *Послана видовая открытка с одним адресом без текста. В качестве содержания послания Ремизов переписал с оборота печатную подпись над фотографией.*

41.

10 VII 1926 11/ VII

Vichy

Ну, П<апуля>, я опять начала лечение, пила воду уже законно и взяла одну клизму — вот в это я верю, клизма из минеральной воды. Сегодня, к сожалению, жаркий день, я хочу поехать к Шестову, просто так, чтобы хоть сказать несколько слов. 100 frs получила, ты не высылай больше, я думаю — денег хватит. Опять сегодня надо идти на почту за деньгами, этими 500 frs. [*А сколько было беспокойства, когда можно было все сделать вовремя: должно быть, немного добра от недоброго, только тщеславного чувства «благодетелей»!* А. Р.] Я уже ту бумагу кончила, и это тебе первому пишу на новой, которую сегодня купила. Собираюсь сегодня идти ко всенощной. Я думаю, не надо писать обо мне Розанову, а то он еще больше рассердится, я его боюсь, да он и так меня не задерживает, я в субботу уеду, с тем же поездом, с которым рассчитывала. Нет, никогда нельзя одной ездить — если бы хоть Тэффи [*Надежда Александровна*] была, все было бы лучше. Ну, X<ристок> с тобою.

42.

13 VII 1926

Vichy

П<апуля>, родной, я написала письмо Марье Моисеевне [*Гуревич*], что я возвращаюсь в Париж в субботу вечером. Знаешь, если бы я даже и одна была, но хоть бы одна живая душа, с которой можно посоветоваться, ну, слово сказать. Но ничего, теперь уже кончается срок. А что же Степун [*Федор Августович*] пишет про Диксона в статье о «Благонамеренном», наверно о тебе там есть. С каждым днем все больше народу. Эти близнецы — из Бразилии. X<ристок> с тобою.

Здесь Демидов [*Игорь Платонович*] из «Последних Новостей», но я не знакома.

43.

15 VII 1926

Vichy

П<апуля>, родной мой, ну я уже взяла билет на субботу, значит, около 5 ч<асов> я приеду. Если можно, приготовь мне

иогурт или простоквашу, а больше мне ничего не надо. Жара стоит непереносимая. Сегодня попрощалась с доктором, на мой вопрос, сколько я ему должна? — он ответил: «Сколько хотите». Я оставила 300 frs, неловко было меньше, хуже нет, когда так говорят, он очень важный. Сказал, что мне лучше теперь во всех отношениях, и сказал, что надо делать весь год, и на будущий год непременно приехать, но не в это время — в мае, начале июня или сентябре. Здесь теперь ужасно, ну я все расскажу. [Сидела около часу в ванне, не могла дозвониться. А. Р.] Да, пусть «старица» придет в понедельник. Денег хватит, еще надо заплатить здесь за 3 дня, автомобиль, носильщика и rougboire'ы. Сегодня пойду к Проскураковой попрощаться и спрошу, сколько надо давать на чай. Еще мне осталось 2 обеда (сегодня и завтра) и 1 завтрак (завтра). Хоть бы скорее. Ну, X<ристос> с тобою, родной мой, много я тут печалилась.

[Со встречей вышел и смех, и грех: я ждал на одном углу нашей Villa Flore, а С. П. приехала с другого^a, я не видел, и в квартиру попасть не может. ½ стояла и звонила. Консьержка догадалась, она видела, как я вышел, а то бы я еще и час простоял, дожидаясь. А. Р.]

44.

1926
Mme Line Roubinet
Coiffeuse
119 Av<enue> Mozart

Пожалуйста, дай мой гребешок, наверно, лежит на моем столе, черепаховый небольшой. Заверни гребешок.

45.

4 IX 1927^b
Lyon

Ах, зачем мы не уехали от бурь? Родной мой, я сделала 2 пересадки и еще 2. Что-то будет? Напиши мой адрес Владимиру Васильевичу [Диксон]. X<ристос> с тобой.

^a Справа на полях рисунок-схема расположения углов улицы Villa Flore с пометами, где находились А. Р. и С. П.

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1927

46.

5 IX 1927 6/IX
Brides-les-Bains

П<апуля>, родной мой, я вчера выехала в 6 ½ утра из Виши [В *Vichy* — 3 IX, один день. А. Р.] и приехала сюда в 9 ч<асов> вечера, было 4 пересадки. Я очень тревожилась в вагоне. По-знакомилась с голландкой, которая меня привезла в Hôtel, где она заказала комнату, там оказалась еще свободная комната, очень дорого — 60 frs с пансионом. Я осталась переночевать, сегодня пошла искать доктора, оказалось, что надо записаться сначала, и сегодня в 5 ч<асов> вечера он меня примет. Я тогда тебе напишу, что он сказал. Потом я пошла искать себе Hôtel подешевле и вдруг встретила свою портниху [*Нина Казимировна Станкевич* — «*Борщок*»], которая мне стала советовать устроиться, как она, у ее же хозяйки, т. е. взять себе комнату за 15 frs в день, и потом купить себе машинку и самой питаться, это будет дешевле, т<ак> к<ак> в Hôtel'e всегда дают то, что нельзя, и приходится все равно докупать, а тут машинка с разрешения хозяйки. Я так и сделала, комната с 2-мя кроватями. И я тебя жду непременно, комната все равно столько же будет стоить, а питаться тебе и дома надо. А здесь чудно, горы и солнце, и замечательный воздух, я себя ругаю, лучше было бы ехать 15 августа сюда и прожить здесь. Тебе будет полезно такой воздух, а я тебя встречу, и тебе не надо пересаживаться, прямое сообщение из Парижа. Поживешь, если наскучит, уедешь. А как я буду рада. Родной, приезжай! Адрес мой: Chez Mme Hubert, Villa des Terrasses, Brides-les-Bains (Savoie). Х<ристос> с тобою.

47.

8 IX 1927 9/IX
Brides-les-Bains

Дорогой мой П<апуленька>, я получила твое письмо, как я рада, что ты приедешь; да я думаю, можно 14-го, дождись денег, так будет лучше. Я знаю, что есть дневной поезд, с ним ехала голландка, она из Парижа соединилась со мною в Chambéry, приехали мы в 9 ч<асов> вечера, но этот поезд с пересадкой. Я думаю, в 3-м классе тебе будет тяжело ехать, лучше во 2-м. Возьми фильгр для кофе. У меня очень хорошая машинка, ту-

шить дýхом и не придет в голову, надо накрывать таким напёрстком. И еще у меня кастрюля и сковородка, чашка чайная, ложка, вилка, нож. Вот и все хозяйство. Если ты привезешь фильтр и 2 чайных ложки, будет хорошо, а чашку для тебя купим здесь, пригодится нам. И еще полотенец 2—3 привези и одну простыню. Себе одну перемену, вот и все. Я думаю, тебе надо будет взять отдельную комнату в моем этаже, теперь только я живу, напротив свободная комната. А в этом этаже так: одно место^a и больше никого и ничего, так что у нас будет вроде квартиры нашей. А твоя комната 10 frs в день, если ты приедешь 14-го, а надо уезжать 25-го, не так уж много — 100 frs. А тебе будет гораздо удобнее, а то ко мне приходит массажистка и так сильно делает массаж, что я кричу и плачу, а она меня страшает, что с улицы придут, думая, что она меня режет. Она француженка — M-lle Azière. Тебе будет хорошо и полезно, воздух здесь изумительный. Я ожила за 3 дня, тебе хоть 10 дней пожить, и то будет толк. А портниха — «Борщок». А Kraús — это немка, жалею, что не удастся повидаться с ней. П<апочка>, напиши Розенберг [*Berlin, переводчица*], нельзя ли переслать весы, наверно, это дешевле, чем новые, а она может — немка. Ну, X<ристок> с тобою. Иду к доктору, волнуюсь. Жду тебя, П<апочка>.

48.

13 IX 1927 14/IX
Brides-les-Bains

Родной мой, сегодня уезжает неожиданно Нина Казимировна [*Станкевич — «Борщок»*], и я ее прошу тебе передать письмо пораньше, часов в 10 утра, отправить рпеч. Я остаюсь одна, голландка далеко живет, но послезавтра я жду тебя. Пальго не привози, лучше вязаную кофту, себе бери теплое, а мне не надо. Мне — калоши. Насчет денег я очень беспокоюсь, — конечно, жулики. И вот что: если ты не получишь денег до завтра (среда), заложи мою цепочку, ведь время будет, ты едешь вечером, и возьми с собою для размена на всякий случай. Здесь ночи холодные, я сегодня спала в вязаной кофте, а сейчас солнце и теп-

^a В тексте дан схематический рисунок расположения комнат.

ло. Я одеваюсь утром на воду тепло: теплое платье и могу еще и вязаную, пальто не надо. Я в четверг встречу, приеду трамваем; если поезд придет раньше трамвая, ты подожди. Ну, Х<ристос> с тобой. Жду. — Чай привези. Кастриюлю оставляет мне Нина Казимировна, не привози.

[С 14—25 IX я прожил в Brides-les-Bains. Моя комната вроде землянки, окно в садовую грядку: если бы кто-нибудь проходил, я видел бы сапоги. Но было светло, а холод пришел с последними днями, все-таки горы — конец сентября. Тут я кухню развел, и спал, и писал. И 10 дней прожил безвыходно. Выходить к воде нельзя было: мог непременно с кем-нибудь встретиться из окружения Шестова. С. П. лечится, но при чем я? Ведь это лишних, по крайней мере, 200 frs, и на какие деньги — «деньги не валяются!» Оба мы боялись, что, если узнают, нельзя будет в следующий раз просить «на лечение С. П.-ы». Так я и не выходил из своей землянки. А. Р.]

49.

17VII 1928 18/VII^a
Roscoff (Finistère)

Родной мой, доехала благополучно, хотя все время презирала соседей, т<ак> к<ак> закупорили окна. Протестовала. Не спала. «Птицы» [Миньович, «Рами», Сарра и Надежда † Мих<айловны>] встретили. На открытке отметила наш отель. Завтра напишу подробно. Ночью все о тебе думала, просила Ангела тебя хранить. Х<ристос> с тобою, родной.

50.

19 VII 1928 21/VII
Roscoff^b

П<апуленька> мой родимый, завтра мы собираемся ехать на остров. Сегодня здесь очень прохладно, я надела вязаную. Насчет «Воли России» [Прага] ты совершенно прав. Я непременно скажу Маргарите Николаевне [Лебедевой]. Сегодня ее не видела. Х<ристос> с тобою. Вот мошенник Огнев!

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1928

^b Справа на полях помета синими чернилами: Le Rocher du Sphinx

20 VII 1928 22/VII
Roscoff

П<апуленька> мой родной, получила твое письмо и телеграмму^а. Ну, слава Богу, значит, разделались с ними. Как это тебе сон вещей^б снился про меня? В ту ночь с 18 на 19 мне было нехорошо; и я себе компрессы ставила на голову, было очень жарко 18-го, и я много была на солнце, «Птицы» не отпускали. Теперь я не бываю много на солнце, и сегодня спала чудесно и чувствую себя хорошо. Очень интересно мне карточки мои и письма, которые получены, но не надо пересылать, когда возвращусь, лучше все сразу. А насчет Шкотта [*Иван Андреевич † 1933 Болдырев*], как ты думаешь, не послать ли ему отсюда открытку? Он будет знать, что я уехала от Черновых. Чтобы он не вообразил чего, раз уже он написал, а ответа нет. Если лучше ему открытку — просто вид и несколько слов, то ты напиши мне его адрес, я ведь не знаю. А мы сегодня ходили на *Pe de Batz* (две последние буквы не выговариваются). Там есть скала, на которой, по преданию, был сам Св<ятой> ап<остол> Павел, и у него повисла на руке змея, он ее отбросил и остался невредим (это в Деяниях описано: «иноплеменники» значит «бретонцы»). Эта скала поэтому называется «*Rocher du serpent*». Жаль, на этом острове еще бóльшая некультурность, чем здесь. Надо и нам, я думаю, не к морю ехать, надо запросить Перемиловского [*Владимир Владимирович^с, учитель*], сколько там стоит и вообще. Ну, обсудим. Здесь есть часовня, где была Мария Стюарт^д в 1548 г<оду> — есть надпись, часовни самой уже нет, а вход. А мне ты сегодня снился и Евгения Юльевна [*Аронсберг*]. Я хочу написать Каменскому. [*Ищете квартиры. А. Р.*] Х<ристос> с тобою, родной мой, единственный!

^а Слева на оборотном листе тетрадного разворота абстрактный рисунок Ремизова (синие чернила, красный карандаш).

^б Подчеркнуто синим карандашом: сон вещей

^с Над строкой: le Bourboulé

^д Справа на полях: [1542–1587]

52.

21 VII 1928^a

Roscoff

П<апуленька> мой, сегодня получила твое письмо о мытарствах с Огневым. Завтра будет о том, как ты разделался с ним. Здесь никаких фруктов, завтра прислуга обещала достать. Мне не холодно, а как следует. Приехал Лебедев [*Владимир Иванович, «Воля России»*] сегодня, мельком видела. Х<ристок> с тобою, родной.

53.

23 VII 1928

Roscoff

Mon adress: Hôtel Angleterre

54.

25 VII 1928^b 26/VII

Roscoff

П<апуленька>, мой родной, вчера я с Лебедевными ходила очень далеко, верст 10 по дну моря, потом мы зашли в Отель и напились кофе и оттуда приехали на автомобиле. Было очень хорошо, только я себе сожгла всю шею. Все тебя вспоминали, все Лебедев хочет, чтобы ты сюда приехал. Никак не могу еще сказать о «Воле России», хочу, чтобы вышло между прочим, а не так самой начинать. А Маргарита Николаевна [*Лебедева*] советует и тебе, и мне ехать в Contrexeville, там хорошо и для печени, и для сердца, и дешевле, чем в Виши, она даст доктора, к которому обратиться, и 2 пансиона, куда надо написать заранее. После 15-го августа все там дешевле. Я бы так думала, что числа 15-го и выехать нам, там надо быть 3 недели, ехать от Парижа 6 часов. Как ты думаешь? Здесь мне теперь не плохо, в этом Отеле гораздо лучше и «Птицы» не так пристают, потому что они отдельно, да и прибавилась им компания. Так что, если бы ты мог сюда приехать, мы бы устроились не худо. Подумай, П<апуленька> мой^c.

^a *Справа на полях: Rocher bizarres de Dramadaire*

^b *У Ремизова ошибочно: 1926*

^c *Далее часть текста густо заштрихована.*

Лебедевы очень хорошо друг к другу относятся, тем мне нравятся. С ними у меня есть о чем поговорить, и они знают, что нельзя без перерыву болтать, как «Птицы», притом о выеденном яйце. Х<ристос> с тобою, родной. Я приеду 1-го, если ты не приедешь.

55.

26 VII 1928^a

Roscoff

Родной мой, меня очень беспокоит, как ты один справляешься с жуликами [Огнев. *Все насчет квартиры: взяли вперед, ничего не вышло, и не отдают. А. Р.*]. Уже в среду утром рано я приеду, и тогда будем вместе. Ты мне сегодня снился, будто усы у тебя Перемиловского [«Морж» А. Р.], и я плачу, прошу отрезать. Х<ристос> с тобою.

56.

26 VII 1928 — 28 VII

Roscoff

П<апуленька>, родной, мне сегодня ты снился^b, будто бы у тебя такие усы, как у Перемиловского [«Морж»], и я плачу, прошу, чтобы ты их отрезал. Я беспокоюсь за тебя, как ты там с жуликами [Огнев]. Я приеду и буду искать квартиру, а 15-го уедем в Contreheville. Маргарита Николаевна [Лебедева] говорит, что тебе хорошо принимать ванны.

28-го VII^c

Пригласили меня Лебедевы вчера чай пить к себе, и там в разговоре стали возмущаться «Современными Записками». Ну, я тогда все и высказала о «Воле России». Лебедев говорит, что Слоним [Марк Львович] должен написать, не понимает, почему не пишет, а Маргарита Николаевна говорит, что она давно говорит, и пусть так устроят, чтобы в следующей книге было. Еще тут разные высказывания, что если бы кто-нибудь написал, они непременно напечатали бы (это Лебедев). Я уже подумала, может, Бахрак [Александр Васильевич] бы написал хотя

^a *Справа на полях: La Roche de L'Oiseau*

^b *Справа на полях помета синим карандашом и черными чернилами: Сон*

^c *Число и месяц обведены кругом.*

бы об «Оле», или он не пойдет в «Волю России»? Что «нельзя же, чтобы вроде Сосинского [Бронислав Брониславович] писал кто, детски». Я сказала, что лучше «детски», чем никак. Сегодня мы вместе едем в Morlaix, и я там буду продолжать, — когда начато, то уже легко. А «Птицы» мне изменили, теперь они всегда с этими 2, но я этому только рада. От Диксона письмо, что он был в воскресенье, не открыли, он спрашивал у консьержки, она сказала, что вышли, и он думал, что его не хотят принимать: на письмо нет ответа, и не открыли. От Каменского письмо, что он мне найдет квартиру. Уже скоро вернусь, ты в последний раз опусти письмо в понедельник, я выеду во вторник вечером, в среду утром приеду. X<ристок> с тобою.

57.

29 VII 1928

Roscoff

Сегодня воскресенье, мой родной, ты мне завтра опустишь последнее письмо. А я, может, после этой открытки не напишу. Это снимок с дома Анны — королевы Бретонской^a. Когда она жила? X<ристок> с тобою, родной. В среду утром.

58.

15 VI 1932 17/VI^b

Bourbon-Lancy (S<aône>-et-L<oire>)

Ну, родной мой, расскажу все свои злоключения. Пересадки очень мучительные, надо идти долго под землей, потом подыматься. Когда сели в автобус (садиться ужасно — не за что держаться и очень высоко) оказалось, что одного моего чемодана нет, того старого. Тут все во мне приняли участие, стали говорить, что еще, может быть, и найдется. По дороге акация цветет, ее очень много. Да, последняя остановка перед Nièvre-Pouguesles-Eaux в 4 ч<аса> 15 м<инут>. Там шел дождь. Какая-то женщина, которая всегда живет в Bourbon-Lancy, сказала мне, что я должна выходить, и сама она вышла. Вижу, «Кролика» нет [Ирина Александровна Дориоль, самая преданная ученица

^a Справа на полях помета черными чернилами: Marlaix (Finistère) Maison de la reine Anne 1474—1514

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1932

С. П-ы]. Тут стали опять говорить о моем пропавшем чемодане, и посоветовали оставить и этот на станции в bureau и квитанцию, а завтра, когда получится другой, оба привезут. Но куда? Я пошла по дороге, как указала женщина, и там встретила «Кролика», она меня встречала дальше. Она привела меня в Hôtel, дала мне яблоко и немножко вишен, а сама ушла, <отому> ч<то> Jean Didier [«Кролик» *блудливый А. Р.*] уезжает сегодня, она сегодня придет в 5 ч<асов>. Я поела свое и вышла, нашла комнату с электричеством, воду будут приносить, 13 frs. в день, я могу делать на машинке. Моя теперешняя комната без всякой еды 20 frs, здесь дорого. Сегодня видела доктора, он совсем старый, похож на Замятина [*Евгений Иванович †*], когда тот составил. Назначил лечение до субботы, я уже приняла ванну, после нее лежала час дома, очень утомительно и чувствую себя так, будто меня колотили. Не знаю, сегодня или завтра переберусь, сразу напишу. Воду пила тоже, пьют воду после ванны, туда приносят, вода горячая, потом еще 2 раза пить, и массажистку жду. Вчера в 9 ч<асов> легла спать, представляла, как ты сидишь, Х<ристос> с тобою, родной мой. Оба чемодана принесли.

59.

15 VI 1932 17/VI^a

Bourbon-Lancy

Вот я перебралась из Hôtel'я, мой адрес: M-elle Sechaut [*с усами и с бородой. А. Р.*]. Les Noisetiers St. Leger Bourbon-Lancy (S<aône>-et-L<oire>).

60.

16 VI 1932 17/VI

Bourbon-Lancy

Сегодня получила твое первое письмо. Сегодня приняла 2^ю ванну. Ночью плохо спала, вздрагивала, покликала, а ты далеко. Я тебе опишу, как я устроилась — может быть, ты и приедешь. Я думаю, ты мог бы приехать после получения моих денег [*С. П. получала в триместр по 862 frs. А. Р.*]. У меня комната вроде Brides-les-Bains'ской. И тут же есть другая комната,

^a *Справа на полях: Les Vieaux Remparts*

пустая, могла бы быть для тебя, но, конечно, может случиться, что ее займут. Тут же возле меня загончик, там я умываюсь и готовлю. Это довольно утомительно, но чисто и здорово, лучше, чем тут обед, что я вчера ела и после которого целый день хотела пить. Я ела творог со сметаной, 1 яйцо, 2 картошки, молоко. Здесь деревня, очень тихо, вечером слышно, как где-то далеко лают собаки — это напоминает что-то далекое [*Берестовец. А. Р.*]. В город идти надо в гору, гора высокая, как Эйфелева башня, только покато, в городе все можно достать, а здесь ничего, только молоко, яйца, творог, хлеб приносит женщина. Конечно, настоящего порядка не может быть, но с тобою будет больше; лечение здесь, в деревне. «Кролик» уедет послезавтра в субботу, у нее было 4 кисты, на каждом глазу по 2.

Я помню, что бабушка сидит у стола, а я рядом, против, у меня в руках горшочек из моей посуды игрушечной, и я спрашиваю, такой ли горшочек делал тот человек, что один жил? А бабушка, смеясь, говорит: «Нет, гораздо больше». Еще я просила повторять, именно о том, кто жил один, нравилось. Больше я не помню. Ведь бабушка умерла, когда мне было 6 лет, а это раньше все. [*«Как улетали птицы», «Оля», ч<ась> III и «Таинственный зайчик», «Оля», ч<ась> I. А. Р.*]

Х<ристос> с тобой, как бы я была счастлива, если бы ты приехал.

61.

19 VI 1932 21/VI
Bourbon-Lancy

Дорогой мой, родной П<апучечка>, я уже приняла 4 ванны, сейчас иду принимать пятую. Я опишу тебе свою жизнь: встаю в 7 ч<асов>, женщина приносит мне продукты и горячую, и холодную воду, сегодня мои продукты стоили 3 frs 90 c. Я мою лицо, зубы, уши и иду в ванну, там очень долго, потом возвращаюсь, лежу час, в это время думаю, что бы написать тебе из воспоминаний, уже 2 написала [для «Оли» ч<ась> III. А. Р.], потом подымаюсь, готовлю кофе, теперь хозяйка дала мне настоящий фильтр, а то ужас что было, завтракаю в это же время, творог, сметана, яйцо или картошка или сардинка, потом отдыхаю, что-нибудь делаю, потом иду пить воду, потом иду в город или еще куда-нибудь гулять, потом опять воду пить, потом пью

чай или что-нибудь закусываю, и вот тут начинается тоска вечером. Сплю я очень плохо, так что вчера купила валерьянки. Это я тебе все описала, чтобы ты знал, если приедешь. Хозяйка мне дала 3 маленьких кастрюли, 3 тарелки, 2 бóла [*le bol*], чашку, 2 ложки, нож и вилку. Если приедешь, не бери полотенец, у меня есть, вообще возьми себе для бритья и перемену белья, белые туфли, здесь полная деревня, я купила по 30 frs материю и сегодня отдам шить платью за 18 frs, мне жалко тут, конечно, есть какие-то нарядные, но я туда и не хожу, воздух очень хороший и скука. Что это мое письмо так долго шло к тебе? Сегодня мне приснилась Нина Лапина. Х<ристок> с тобою. Комната рядом со мною еще не занята, я смотрела. Если ты думаешь, что для тебя лучше остаться в Париже, то я совершу подвиг, постараюсь.

62.

25 VI 1932

В<ourbon>-L<ancy>

Attendre lettre.

63.

2 VII 1932 3 /VII

Bourbon-Lancy

П<апулик> мой, получила сегодня твое письмо с билетом, и «Числа», и 2 газеты — одну вчерашнюю, и другую от того воскресенья, где-то она завалилась. В понедельник пойду добывать билет на среду, я должна приехать в среду в 7 ч<асов> вечера на Gare de Lyon, всеми силами постараюсь, чтобы вещи были со мною в вагоне. Ты пошли мне последнее письмо в понедельник, теперь стали поздно приносить почту, в среду не успела получить. Насчет Гоголя многое очень верно ты пишешь и уж, конечно, нельзя его мерить по Кривуцу [*художник*]. Это фамилия малороссийская, оказывается, по-малорусски «соха» называется «кривуц», я этого не знала. Ты так и скажи, если будут спрашивать, что я вернусь в среду. Вчера весь день шел дождик, так что я никуда и не ходила. Сегодня приняла 18^{ую} ванну. Надоело мне здесь ужасно. «Числа» буду читать в дороге, но еще здесь получила письмо от Евгении Юльевны [*Аронсберг*],

ей адрес написала Софья Юльевна [*Штерн*]. Когда приеду, напишу Палагее [*Пелагея Ивановна Терещенко-Чайковская*], почему она не приходит? Я тебе расскажу про здешнюю массажистку. Хорошо бы позвать этого Рязанцева в воскресенье 10-го, когда я уже буду, расспросить его. Написал ли ты Философову [*Димитрий Владимирович † 1940*]. Ну, Х<ристор> с тобою. Уже мало осталось.

[*На следующее лето мы были вдвоем. Дорожные приключения и наблюдения в рассказе «Слепая любовь» — «Учитель музыки». А. Р.*]

64.

III 1933^a

Paris

Не беспокойся, я иду «на службу». Я им обещала пойти чай пить, так что, может быть, придется, тогда вернусь часов <в> 11-ь. [*«Рама» — Миньович, после смерти Надежды Михайловны С. П. не оставляла их и сидела с ними в их лавочке на Rue Roussin, это и называлось «службой». А. Р.*]

65.

IV 1933

Paris

Уже 3 ч<аса> 20 м<инут>, она не пришла.

[*Кто это «она», не могу вспомнить.^{х)} А. Р.*]

[^{х)} *Вчера какая-то приходила вся в черном, просила на хлеб. Я что-то вспомнил, взглянув на нее «моими глазами». Было 5 ч<асов> (см. № 65) — как опоздала. И странно, она от меня никуда не зашла — не постучала — а слышны шаги выйти на улицу. И не выходит она у меня из мыслей. Кто она? Если бы это было во сне... может, это моя судьба? Я ей сказал, что я все понимаю — все-все — про беду, конечно. И она пошла и обернулась: без кровинки — и что-то уже неживое — и пошла. А. Р.]^{б)}*

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1933

^{б)} Помета под знаком ^{х)} черными чернилами расположена параллельно тексту письма № 65 на листе левой стороны разворота Книги I.

66. ^a

1933 IV

Paris

Я очень проголодалась и поела колбасы. Ты кончай ее и все, я еще принесу.

1) Сам постели свою постель. 2) Прочти мою пневматичку к Марье Исааковне [*Барская*] и отошли ее. X<ристок> с тобою.

[*М. И. Барская, племянница доктора Маршака; несколько раз ей удавалось продать мои альбомы. Некоторое время С. П. стелила мою постель, заметив, как я, зверски, скомкав, прикрыв одеялом: готово. А. Р.*]

67. ^b

1937 Paris^c

Вымытые земляника и английские вишни на столе. В большом чайнике вода кипяченая.

68.

18 X 1938^d

Paris

Поздравляю! Пошли нам, Боже, здоровья и денег и чтобы затопили! Цветы поставить на столе.

[*В первый раз в моей жизни письмо на именины. Никогда не праздновал своих именин, так с детства. А. Р.*]

69. ^e

1941 IX^f

Paris

П<апуся>, скажи Анне Николаевне [*Полякова, соседка*], что я не могу давать рекомендации, что я теперь ничто, пусть скажет Дьяченко.

^a *Тексты писем № 66—69 расположены на листе левой стороны разворота Книги I.*

^b *Текст № 67 вписан позднее черными чернилами.*

^c *Слева на полях помета синим карандашом: 1937*

^d *Слева на полях помета синим карандашом: 1938*

^e *Было: 68*

^f *Слева на полях помета синим карандашом: 1941*

[Марья Николаевна Дьяченко — учительница, просила рекомендацию для библиотеки *École des langues orientales*, но с начала войны — 1939-го курс палеографии уничтожили и С. П. больше не читала лекций].

[Искал, в мышиные норки заглянул — нету больше. Вообще-то было больше, и затерялись, и уничтожены.
17 IV 1945^a]

----- b

^a Дата написана по диагонали. Слева и справа от нее рисунки: мышка, сидящая в норке, и мышка, изображенная в профиль.

^b Линия, разделяющая разделы, — синим карандашом.

НАДПИСИ НА ФОТ<О>КАРТОЧКАХ

1.

Киев 1904 г. 2 X
Переснята в Париже
5 V 1929 Paris

Дорогому моему П<апочке>. Это когда мы жили в Киеве в бедности, но все легко переносилось от юности. 2-ой год нашей жизни вместе. X<ристок> воскрес!

2.

Чернигов
Переснята в Париже
5 V 1929 Paris^a

А это когда я была в 8-м классе, полная невинность, и еще так мало понимала. Но Пасха и тогда была для меня — все. Сегодня я жалею, что вчера мы не до конца Обедню отстояли. Это тебе, мой единственный родной. X<ристок> воскрес!

^a *Справа на полях помета черными чернилами: (1892—1893)*

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЗАПИСЕЙ

1.

1941

Вот опять моя ночь без сна. Я вспоминала, почему я тогда насчет «рыбки» не так мучилась. [*Маленькая «золотая рыбка» — подарок А. О. Фондаминской после моего чтения в Сорбонне пушкинскую «Золотую рыбку». Эта «рыбка» пропала, и долго не могли найти. А. Р.*] Я тогда подумала, что А<малия> О<сиповна> не была ни близка, ни особенно важна, что ее память есть не то, что дорога, но это не «супирчик» бабушки, которого я не могу и теперь забыть [*«Оля». Ч<асть> III. «Супирчик»*]. Да, так я тогда умиротворилась. Но тогда я была здорова в сравнении с теперь. У меня были силы. И еще скажу: как возможно, что человек мне говорит: «ну, значит, я буду здесь спать» [*в «кукушкиной» А. Р.*]. А вообще, какое успокоение: «ты в пытке будешь, а я спать буду, и чтобы ты мне не мешала своей пыткой, я уйду» [*в «кукушкину». А. Р.*]. Да я и сама не сплю и сижу здесь [*в «кукушкиной». А. Р.*], не мешаю, но какой ужас — никого нет. Я не сумасшедшая, я очень чувствительная, мне надо, чтобы со мной были чувствительны.

[*Против бессонницы никакие «седормины» не помогли. Одно время я подымался и начинал читать — около часу продолжалось чтение, из последних вещей Ап<оллон> Григорьев; еще было одно средство: кофе с молоком и это вернее Ап<оллона> Григорьева. Было условлено, что на оклик я подымусь и все сделаю: кофий ли, чтение. Плохо, когда не стало кофию. А заснуть, когда другой не спит, невозможно. Вот я как-то и сказал, что пойду в «кукушкину» (я боялся, что у меня не хватит сил), но, конечно, я не должен был так говорить и сказал, не подумавши. А. Р.*]

2. ^a

1942 1 IV

Из дневника: «Господи, дай мне яичко и еще что-нибудь к Пасхе!» — Ох, как хочется в церковь.

[*Так только дети могут молиться. И я помню, мне повар из рус<ского> ресторана дал яйцо и сколько было радости, а еще «что-нибудь» — я ничего не принес и сам, затаившись, ждал: вот кто-нибудь принесет... А. Р.*]

3.

1943

Эту книжку мне подарил А. В. Оболенский. Сказал, что Петру Марковичу [*Костанову*] лучше.

[*Очень было трудно достать записную книжку. Принес кн<язь> Оболенский: красная. И С. П. начала ее. Но очень маленькая, я достал другую большую: писать ей ежедневно ее молитву*].

4.

9 V 1943

«Матерь Божия, возьми нас под кров свой! Избави нас от напастей, избави меня от напасти, спаси, сохрани, помилуй нас! Защити нас, дай мне здоровье, дай выздороветь совершенно, дай, чтобы ноги не болели, — исцели, Боже, мне ноги! — дай благополучия, дай мне спать хорошо, дай здоровье, спаси, спаси, спаси! Дай мне одежду — спаси, спаси, спаси!

Господи, пошли нам помощь денежную, дай нам денег, пошли нам помощь денежную, дай мне одежду — спаси, спаси, спаси!

Матерь Божия — Иисусе Христе! дай мне выздороветь совершенно, исцели, исцели, исцели, спаси, спаси!

Боже, дай, чтобы ноги мои отпухли, дай мне провожатого, дай научиться ходить, дай дойти до Odette и до Rue La Fontaine, исцели, исцели, исцели.

Помилуй, помилуй!»^b

*А 13-го С. П. померла
1943.*

^a Пункты 2—4 подраздела «Из последних записей» расположены на листе левой стороны разворота Книги I. Пункты 2, 4 записаны черными чернилами; пункт 3 — синими.

^b Справа от текста молитвы рисунок: два цветка.

<ПИСЬМА НЕОТОСЛАННЫЕ И ВЕРНУВШИЕСЯ>

1.
ПИСЬМО JULES LEGRAS [† 14 V 1939]
[1865–1939]

1934
Paris

Дорогой Юлий Антонович!

Я Вам посылаю пример: 2 слова или, лучше сказать, 2 понятия, чтобы спросить Вас на этом примере, так ли я поняла Вашу мысль. Что касается index'a, я думаю, что его надо ставить в конце книги.

Аромат — запах, воня, вонь —	имена существительные
Ароматный — пахучий, вонючий —	—"— прилагательные
Ароматизать — пахнуть, вонять —	глаголы
Ароматно — пахуче, вонюче —	наречие
Ароматизающий — пахнущий, воняющий —	причастие наст<оющего> в<ремени>

Жилище, дворец, замок, палаты, дом, домик	} — им<ена> существ<ительные>
Домишко, квартира, усадьба, обиталище	

Жить, житьствовать, квартировать, обитать — глаголы

Жилой, квартирный, усадебный — им<ена>
прилаг<ательные>

Живущий, квартирующий, житьствующий, обитающий —
прич<астие> наст<оющего> вр<емени>

Живший — —"— прошед<шего> вр<емени>

[*He помню, отослано ли было это письмо. Помню, что смеялась: такую, хоть и «ароматную», а все-таки вонющую Легре в нос. Legras был у нас и чай с «кексом» пил, и разговаривали о словаре, который С. П. и сделала для него, но безрезультатно, два рукопись получили назад, — а сколько труда — 6.454 основных слова. А. Р.*]

<ПИСЬМО ЖЮЛЯ ЛЕГРА>^a

Université de Paris
Faculté des Lettres
Sorbonne

10 Décembre 1934

Chère Madame,

Vos notes, que je vous rendrai vendredi, sont parfaites. Vous pouvez les continuer, et les mettre par ordre alphabétique. Mais, pour qu'elles puissent être utilisées rapidement, il faudra, à la fin, faire un index groupant les principales idées exprimées.

Exemple:

absurdité	v	{ substantifs adjectifs verbes
abat-jour	v	
abstraction	v	

hazard etc.

En un mot, chaque idée nouvelle qui répondra à une liste de mots voisins de sens, se trouvera marquée dans l'index.

Le meilleur moyen de faire ce travail est de prendre un dictionnaire russe et de faire des listes de mots groupés par idées ou sens communs, ou en écrivant chaque jour, 1 ou plusieurs listes, et non pas un beau jour 7 ou 8 listes d'un coup, et rien le lendemain. C'est un travail de longue haleine, mais qui donnera ses fruits.

A vendredi donc, et recevez vous deux, chère Madame, l'expression de mes sentiments les plus cordieux

Jules Legras.

2.

ПИСЬМО К З. Н. ГИППИУС [МЕРЕЖКОВСКОЙ]

5 X 1924

Paris

Дорогая З<инаида> Н<иколаевна>, зачем Вы верите каким-то злым и гадким людям? Никакой книжки А<лексей> М<ихайлович> не издавал в Москве [*после 1921 г. А. Р.*], а тем более не посылал предисловия никакого, и вообще А<лексей> М<ихайлович> никогда бы не стал писать предисловий в уго-

^a На листе, вклеенном в Книгу I.

ду кому-нибудь. Это мне напоминает ссылку, такие сплетни, такое желание очернить, бросить грязью в человека [*«Северные Афины»* — «На ссылке». А. Р.]. Вообще предисловие сам к себе А<лексей> М<ихайлович> только один раз писал — это предисловие к немецкому изданию «В поле блакитном» [*«Оля» I ч<асть>*] [*In blauen Feld. S. Fischer Verlag, Berlin, 1924*], по-русски это предисловие теперь напечатано в «Воле России» 1924, № 14—19, 1925, № 1—3 [*Прага*], потому что объясняет «С огненной пастью» [*«Оля» II ч<асть>*], т. е. продолжение «В поле блакитном». А Автобиографию А<лексей> М<ихайлович> писал тоже только один раз года три тому назад для «La revue de Genève», когда там печаталось «Бесовское действо» [*«L'office des Diables», «La revue de Genève», 1922, № 29*]. А потом она была перепечатана в «Русской Книге» в Берлине тогда же, т. е. года 3 тому назад [*«Русская книга», Берлин, 1921, № 9 (о жизни в России в революцию 1917—1921), «Русская книга», Берлин, 1922, № 9; «Литературная Россия», М., 1924; «Огонек», Рига, 1925, № 12; «Le Flambeau», Bruxelles, 1926, 30 IX; «La Revue de Catalogne», Marseille, 1929, 1 VII; Les nouvelles littéraires, Paris, 1938, № 825, 6 VIII*]. Все время по всей России идут пьесы Д. С. Мережковского [*† 1940*] и «Павел», и «Ц<аревич> Алексей» — и такие предисловия закатываются, что ужас, мне писала невинно Наташа, — так что же, отвечает ли Дмитрий Сергеевич за эти предисловия? Я была сама на «Короле Лире» и слышала предисловие, а еще лучше на «Венецианском Купце». Но тут-то вообще ложь, потому что книжки вообще не издавалось, по крайней мере, мы ничего не знаем, хотя переписываемся, и думаю, что написали бы уже. Я очень возмутилась, что так лгут на А<лексея> М<ихайловича>, довольно уже ему зла сделали здешние злые и гадкие люди. И так жить тяжело, и мы — нищие, да и не мы одни, и теперь уже краю не видно испытания, а тут еще не то что помощь, а прямо желание повредить. Очень это плохо.

Это я Вам пишу, дорогая моя Зинаида Николаевна, потому что Вы — это, а другому и не так бы, а Вы любимая. А читали ли Вы в «Воле России» новую вещь А<лексея> М<ихайловича>, т. е. начало? [*«Оля» II ч<асть>. «С огненной пастью»*]. Очень жаль, что немец не ездил, все ищу способы. Приехал сюда Добронравов [*Леонид Михайлович † 1926*] — помните его? Он ведь

румын теперь по паспорту, собирается в качестве иностранца в Россию на месяц, не думаю, чтобы удалось ему. В среду открывается Духовная Академия здесь, как была в Берлине. Ну, целую Вас крепко.

[Не помню, было ли послано такое письмо, а скорее всего, С. П. написала другое. Она всегда в сердцах или очень расстроенная, садилась писать письмо. Это облегчало. Первое время я этого не понимал, мне казалось достаточно высказывания мне, но оказалось, этого мало, надо было написать. Как раз обратное тому, что бывает со мной, и тут, должно быть, профессия: мне надо что-то сохранить, сберечь, чтобы затаилось со всем огнем, и потом выразить. Мы приехали в Париж 7 ноября 1923 г<ода> и сейчас же поднялось на меня гонение: меня объявили «большевиком». А это выразилось во всяких денежных отказах, что было очень чувствительно: при всяких дележах меня обходили, напр<имер>, устраивался «бридж» «в пользу писателей», я никогда не получал; даже И. А. Бунин, раздавая из своей нобелевской премии, мне ничего не дал, а на вечерах моего чтения мешали устройству, никто не помогал распространению билетов, и часто в день моего вечера устраивалось другое собрание. То, что про меня говорят, меня никогда не трогало, но всякие денежные неудачи, связанные с моей «репутацией», меня огорчали, и что С. П. терпит из-за меня всякие лишения, это меня мучило. Мы^а жили одиноко и скрытно. А. Р.]

3.

ПИСЬМО АЛФЕРОВЫМ

1942 4 VII

Paris

Дорогие Анна Митрофановна и Анатолий Васильевич, я вам пишу о Петре Марковиче [Костанов, учитель музыки], а вы не сердитесь на меня, будто я вмешиваюсь не в свое дело. Я люблю П<етра> М<арковича>, и думаю, что вы его любите, ему сейчас очень плохо, вот был он у нас, он, как и мы, никуда не собирается уехать, Анаида Марковна с Оболенским [кн<язь> Андрей Владимирович, женат на сестре П<етра> М<аркови-

^а После слова Мы в тексте рисунок: фигура антропоморфного существа в профиль с посохом.

ча>] уезжают на 10 дней к монашкам [*сестра Оболенского монахиня Blondина*], но П<етр> М<аркович> не может ехать туда, п<отому> ч<то> надо пешком идти 4 километра и потом спать на полу, ну, конечно, там воздух хороший, но и все, я бы тоже не могла ехать туда, уж эти 4 км для меня немислимы. Итак, П<етр> М<аркович> принужден остаться в Париже. А здоровье его худое, он весь оперирован, едва дышит. Вы помните, Ан<атолий> Вас<ильевич>, как П<етр> М<аркович> рассказывал о себе, Вы были у нас, и П<етр> М<аркович> был. Так важно, когда есть кому-нибудь сказать, все-таки облегчение получаешь, вот я и пишу вам, чтобы было облегчение для моей души, мы тоже никуда не можем уехать, и жить нам очень трудно, когда приходит П<етр> М<аркович>, все-таки бывает легче. У вас есть телефон, и у П<етра> М<арковича> тоже, позвоните ему, скажите ему, что вы о нем тревожитесь, пригласите его к себе. Простите, что я будто вмешиваюсь не в свое дело, но я хочу спасти П<етра> М<арковича>, надо помогать друг другу всячески, особенно в такое время, как мы живем. Я об А<лексее> М<ихайловиче> тревожусь очень, и потому мне легче представить себе положение П<етра> М<арковича>. Я пишу вам дружески, предупреждаю вас, подумайте о П<етре> М<арковиче>, спасите его! Вот я представляю себе вашу жизнь и жизнь П<етра> М<арковича>, подумайте о нем, спасите его, пока еще можно.

[Не отослано, и не почему-либо, а просто потерял: завалено в бумагах, скрылось, не мог найти, а когда нашел, было уже поздно, да и адрес неизвестен,^a А. В. Алферов, автор повести «Дурачье», Анна М<итрофановна> Пихтина, племянница Громова, ученица П. М. Костанова. В письме речь идет не о деньгах, П<етр> М<аркович> Костанов в то время в деньгах не нуждался, а о внимании — надо было вспомнить о нем, когда ему так тяжело, и еще важно вот что: состояние П<етра> М<арковича> соединилось с самочувствием С. П.: «спасите, пока еще можно» — это она о себе. И несколько раз меня просила: спасти ее. Без слов понимали друг друга, сознавая весь наш пропад. А. Р.]

^a Фраза записана на оборотной стороне предыдущего листа.

4.

ПИСЬМО ВАНДЕ АДАМОВНЕ СПУВ-ВВЕДЕНСКОЙ

M-me Spouv, masseuse
 Bourbon-Lancy (S<aône>-et-L<oire>)
 Retour á l'envoyer (17 VIII) Partie sans laisser d'adresse
 Exp. Mme Remisoff, 7 Rue Boileau, Paris XVI

16 VIII 1937

Пишу на лавочке в Bois de Boulogne.

Дорогая Ванда Адамовна, надеюсь, что Вы меня не забыли. Пишу Вам и прошу ответить мне в Париж, наш адрес все тот же: 7 Rue Boileau, Paris XVI. Хотелось бы в начале Сентября поехать в Lancy, но, конечно, денег нет. Напишите мне, пожалуйста, могу ли я приехать в этом году, как в последний раз, т<o> е<сть> не надо обращаться к доктору, и массаж делать у вас, не беря билетиков. Могу ли я остановиться в Chaumière? Если бы можно было в Chaumière НЕ наверху. Буду Вам очень благодарна за сведения. Может быть, я с А<лексеем> М<ихайловичем> приеду, тогда надо будет в Chaumière 2 комнаты. Сколько это будет стоить? Если не хватит денег на 21 день, то хотя 15 дней все-таки будет польза. Если в Chaumière нельзя, может быть, у Вашей хозяйки будет и для меня комната? А в крайнем случае у Sechaut, но цены очень надо знать. Буду Вам бесконечно благодарна за сведения.

Как Ниночка? Наверно совсем большая? А Верочка? Ваш муж тоже работает в Лансу. Передайте всем им привет от меня. Я Вашего парижского адреса не знаю, напишите мне его. А<лексей> М<ихайлович> Вам шлет привет, всегда Вас вспоминаем хорошо. Обнимаю Вас душевно. С<ерафима> Ремизова.

[В 1933 г. мы оба жили в Ланси. Там я написал «Слепую» («Учитель музыки»), там и Нина, и Вера, и мать Нины массажистка и M-lle Sechaut, у которой мы жили, бородатая.

Письмо к Спиф — последняя надежда, и оно вернулось в сентябре. С. П. была в отчаянии. Стало быть, зимовать (Дневник 1937 г. кн<ига> VI). А. Р.]

5.

ПИСЬМО К D'ANCONA

Le destinataire n'a pu être atteint 19 IX 1940
Sarlat (Dordogne)

29 VII 1940

Дорогая Марья Самойловна, слава Богу, Вы нашлись. Много думала о Вас и беспокоилась. Как живете? Вы дали адрес на R<oste> R<estante>, что значит, что у Вас нет своего пристанища. Теперь начинают возвращаться, уже одна приходила ко мне, очень загорела и поправилась. Может быть, Вы вернетесь? Все вместе лучше, часто смотрю на лавочку, где Вы сидели, и порою кажется, что Вас вижу, но всмотревшись, понимаю, что это не Вы. Оставили ли Вы свою квартиру, или ждет Вас? Мы силится не погибнуть, заработка нет, живем на волю Божью, впрочем, везде во всем воля Божья, а теперь как-то виднее. И каждый человек, если в нем увидел душу живую, остается отдельно, неповторимым. Если бы Вы приехали, мы бы вместе читали, теперь до 11 ч<асов> можно ходить. Наверно, в новом месте трудно найти друзей, а мы бы Вам так рады были. Обнимаю и целую Вас крепко. Я простужена (окон нет) [*После бомбардировки 3 VI. А. Р.*] и едва пишу, любящая вас.

[И мое письмо 28 VII вместе вернулось, в том же конверте. «Живем совсем одни. Беспризорно. Доктор [Ил<ья> Ос<ипович> Очан † 1944] уехал “отдыхать” раньше вас. И все рассеялись. Некого покликать. И не у кого попросить просто милостыню, чтобы как-нибудь прожить. Стекла не вставлены (очень дорого — по 200 frs за окно). Ветер дует — погода переменялась на дождик. Кутаюсь в шкурки по-зимнему, и на окнах, картоном завешены, делаю конструкции и все думаю, и думаю. Серафима Павловна опять не спит ночи, но всполох ее (шок) развеялся. Много за эти дни видел я и малодушия, и чего-то такого в человеке — это какая-то вскипь “человеческого”, от чего сами “звери” отшатываются. А так все было очень тихо [с 12 на 13 VI, когда немцы вступили в Париж], а теперь с возвращениями и жизнь налаживается, и черный хлеб, и даже пирожки у Суханова [к зиме ничего уже не было. А. Р.], только без денег не подступиться. А скоро и автобусы пойдут [Не пошли, только по окраинам]. Трудно еще с хвостами, а для меня это почти не-

возможно. И никогда мне не удастся получить кофей. Без кофею и холодно. А вечерами продолжаю читать».

D'Ансона — существо кроткое, были у нее такие глаза, я ее называл Анна-пророчица, а потом выгорели. Она приносила нам хороший чай: ее муж «голландец» служил в чайном деле. Она училась с С. П. в Alliance Française (École pratique de langue française) с 1927—1928 и кончила с С. П. (Diplome supérieur d'Études française moderne). С мужем она разошлась и жила по соседству с нами: очень любила мое чтение.]

6.

ПИСЬМО POPESCO

inadmis; retour á expéditeur 21 VII 1940

Bucurest, Roumanie, Pos aguil Comedia, 2 ap. 18

20 VII 1940

Paris

Дорогая моя, родная моя Любовь Георгиевна, как я обрадовалась Вашему письму, я его получила только вчера, теперь будут приходиться письма скорее, не было почты, а потом пришла, Ваше письмо шло больше месяца. Надписывайте на листке, когда пишете письмо, так будет яснее и вернее. Ну, слава Богу, что Вы опять возле меня, т<о> е<сть>, что я могу написать к Вам и получить ответ, а то я чувствовала Вас далекой и недоступной. Да, мы много пережили во время бомбардировки [3 июля], у нас окна выбиты, и мы оба были ранены: А<лексей> М<ихайлович> был ранен около самого глаза в бровь [и в висок. А. Р.], а я — в руку повыше локтя, в мягкую часть [и в лицо. А. Р.]. Это было 3 июня. Теперь А<лексей> М<ихайлович> совсем оправился, а у меня знак на руке, мы ранены были осколками стекла, у меня рана глубокая, как вошло стекло. Ну, теперь все прошло, я очень была испугана, почти не могла спать. [Спала С. П. в коридоре на полу, подстелив тюфяк, а я стерег ее, свернувшись на полу у «плякара». Так много ночей. А. Р.] Всё мы Вас вспоминали, что, будь Вы здесь, было бы нам легче переносить. Теперь у нас тихо и спокойно, только совсем безденежно, нельзя заработать, негде, и все, кто побогаче, уехали, одно осталось: молиться и ждать воли Божьей. Помолитесь Вы там, у нас ничего нет. Если Бог спасет, много расскажу, я все надеюсь, что Вы приедете. А знаете, какой хороший теперь Париж, воздух хороший, пусто, тихо.

Мы читаем по вечерам, Вас вспоминаем, как нашли маму свою? Видели ли Разу? [*С ней училась С. П. в войну в Евгеньевской Общине С<естер> М<илосердия> и ездила с ней с отрядом в Варшаву в 1915 г. А. Р.*] Напишите мне поскорее, тяжело, что Вас здесь нет. Ольга Елисеевна [*Чернова*] уже уехала на свой остров [*St. Denis d'Oléron, Chez Mar*], я ее больше не видела. Ну, спасибо Вам за Ваши мысли и желания. Помолитесь, чтобы Бог нас спас, я всякий день Ему молюсь. Сейчас пришла соседка, принесла нам супу, сегодня все-таки будет. Кланяется Вам А<лексей> М<ихайлович>. До свидания, целую и обнимаю Вас много, много, как люблю. Как бы я хотела навестить Вас, пили бы чай с теми хорошими булками и с бубликами, о которых Вы писали. Еще раз крепко целую и люблю, жду письма, молитесь о нас. Напишите о себе. Ваша любящая крепко.

[Попеско — русская румынка, имение в Крыму, художница, а в Париже занималась косметикой, какие-то розовые мази делала, волосы у нее такие черные и жесткие, как перья: однажды я ее узнал сзади именно по волосам. Она очень хотела сделать что-нибудь для нас, но у нее никогда ничего не выходило, она пыталась разговаривать о нас со всякими богатыми людьми, но, кроме неприятности себе, ничего не было, не выходило, без толку. В этом письме такая вера: с нею рождаются, она проникает все мысли, все дела человека. С. П. не любила «рассуждать» в вопросах веры, вера жила в ее сердце без рассуждения, так оно и должно быть. А. Р.]

7. ^a

ПИСЬМА В. Г. КВИЛЬ-ТИЩЕНКО

78 Rue de l'Assomption

1.

1939 28 IV

Дорогая Вера Георгиевна, я Вам пишу это письмо, но возможно, что не пошлю его. Письмо от нас двоих; А<лексей> М<ихайлович> его прочитает, и тогда мы решим. Когда Вы пришли в среду, поражение от Ваших слов было так велико, да еще при нашей безмерной усталости, что мы ничего не сказали,

^a В тексте описка: 8, надо: 7

вроде как дара слова лишились. Но в душе был ужас, Вы сказали, что Лоллий Ив<анович> [Львов] Вам говорил, что мы Вас не примем, а вот и приняли, и Вы «прощены». Принять-то, конечно, всегда примем, а прощать или не прощать — не наше дело, позабыть этого нельзя.

Вчера приходила Тамара Ив<ановна> [Кристин], Боже, как мне было стыдно перед нею! Стыд за пощечину от Вас. Между прочим, она сказала то же, что мы говорили после Вашего ухода: «может, это последний вечер А<лексея> М<ихайловича>». [И действительно, это был мой последний вечер. А. Р.] Фондаминский — враг, вот уже 15 лет мы живем в Париже [7 XI 1923], и видим, и понимаем, что он — враг. Есть другие, хотя не враги, но вполне равнодушные, и не ценящие, готовые лягнуть. И только маленький островок людей понимающих и в каком-то смысле готовых помочь своим присутствием, тех, кто не выдаст в страшную минуту, — я всегда считала Вас в этом островке.

Там<ара> Ив<ановна> говорит: «Не надо так горячо и хорошо относиться почти ни к кому, в общем от человека надо ждать худшего». Когда-то одна дама грубая (потом она стала «возвращенкой» и уехала в Москву) сказала: «Я ведь и так, т<о> е<сть> у нас, могу слушать А<лексея> М<ихайловича>». [А не ходить на мои весенние вечера. А. Р.] Меня это тогда ударило, но я знала, что она — грубая. Вы такого не можете сказать, но в чувствах, я думаю, это было. Это страшно. Вероятно, это был, действительно, последний вечер: не говоря о прочем, у нас одна дама — Аронсберг Евг<ения> Юл<ьевна>, которая сама теперь «бедная» [«Но еще не занимаем», по словам А<лександра> Иос<ифовича> Аронсберга. А. Р.], и богатые с нею не считаются, а лягают и не отвечают ей, — вечер имеет смысл, чтобы получить деньги и заткнуть самые важные дыры, а без денег какой же смысл? Конечно, у нас дома А<лексей> М<ихайлович> будет читать иногда, но всегда останется чувство, что «выдал» в трудную минуту.

Там<ара> Ив<ановна> говорит, что было бы меньше зла, если бы Вы неправду сказали, напр<имер>, что-нибудь случилось, и т. п.^a

^a Под текстом письма рисунок: фантастическое существо и более поздняя помета, указывающая на страницу продолжения текста письма: Стр. 54.

Не знаю я, от неправды всегда зло, но и то, что получилось, незабываемо. Я хочу кончить письмо: если Вы придете, будем рады поговорить. Между прочим, о Керенском: уж лучше нельзя было относиться, как к нему, но с его стороны было столько невнимания и даже плеванья, что хочется все это ему вернуть. Душевный привет Инне Исааковне [Тищенко]. Всего доброго. С. Ремизова.

[На^а мой последний вечер Квили не пришли, — а они не пропустили никогда, — и это С. П. обидело, не было и Керенского. Помню, говорилось, что я и у них читаю и могу прочитать вечернее чтение. А. Р.]

1939^b
Дневник
26 IV

2

Дорогая Вера Георгиевна, как жаль, что я Вас не застала. Я очень беспокоюсь о Вас, о Инне Исааковне, о Исидоре Николаевиче. У нас все плохо и так хочется подумать о Вас, но все тяжело. Обнимаю Вас и Инне Исааковне кланяюсь. С. Ремизова. Этот цветок из Палестины. [Письмо на карточке. А. Р.]

8.
ПИСЬМО И. С. ШМЕЛЕВУ^c

2 Bd. De la Republique, Boulogne^{s/s}
Monastère de Saint Job
Pošta Sodomirova u Svidaika ČS-quiе

13 V 1937
Paris

Дорогой Иван Сергеевич, много раз я Вам собиралась написать и даже писала, но письмо оставалось на столе: у нас вся зима была исключительно трудная и еще теперь А<лексей>

^a Первая строка комментария Ремизова густо заштрихована.

^b 1939/ Дневник/ 26 IV обведены в круг синим карандашом.

^c Слева от адреса рисунок: фантастическое существо сидит на месяце, лежащем на арке, под которой поставлена заглавная буква Т.

М<ихайлович> не совсем восстановился после воспаления легкого.

Дорогой Иван Сергеевич, приходите к нам, так хочется сказать Вам «Христос Воскрес», мы сделаем чай, посидим, я берегу для Вас яйцо пасхальное. Приходите в воскресенье, когда Вам удобнее: днем (в 4 ч<аса> или вечером (в 9 ч<асов>)). Ждем Вас, дорогой Иван Сергеевич.

[В этом году у Шмелева была первая Пасха после смерти О. А. Шмелевой. С. П. все сокрушалась, как один теперь на Пасху, и она все хотела, чтобы он пришел к нам, и она своей горячей верой и любовью развеет его отчаяние. Письмо вернули, надписав чехословацкий адрес. А. Р.]

<9.>

ПИСЬМО И. КРИСТИН [Лопате]

3 Sq, La Fontaine, XVI

27 III 1935

Paris

Дорогая Ирина Ивановна, я знаю, что Вы на меня обиделись, но изменить ничего не могу. В начале нашего знакомства мы оба Вам говорили, что к нам можно приходиться только вечером. Мы оба не можем утром ни с кем разговаривать. Конечно, в крайнем случае, все можно, и среди ночи прийти. Если бы Вы утром пришли и сказали: «Тамара заболела, посоветуйте доктора», — никакого чувства неприятного не было бы, а наоборот, надо идти, когда очень трудно, надо идти к нам. В последнее время Вы взяли повадку приходиться днем, и с этих пор мы ощущаем Вас как насильника.

Конечно, за Вами есть большие заслуги, которые мы не забываем, но и заслуги не искупают того, что производит дневной приход. Днем можно приходиться только по назначению, сегодня у нас было условлено, что Вы придете в 4 часа, я и приготовилась к этому, и вдруг в 12! Представьте себе, во что обратилась бы наша нищенская и каторжная жизнь, если бы у нас были посетители во всякое время дня, это было бы еще хуже, чем те воскресенья, которые были обращены нашими знакомыми в «café». Подумайте о нас, и тогда Вы поймете. Если Вы не обиделись, то приходите вечером в любой день; если захотите идти на Вечер, билет вам есть и Тамаре Ивановне.

[Письмо не было отослано. Пришла «Нянька» (И. И. Кристин) и объяснилась, и все кончилось миром. «Нянька» и сестра ее «Лопата» (Тамара Ив<ановна>) существа «микроскопические», одну зиму они жили в конторе «Чисел» и только весной на каком-то собрании их заметил Оцуп: в каких-то подщелях они ютились на книгах, оберточной бумаге и клею. Выносливости необыкновенной: когда «Лопата» осталась одна, она умудрилась зиму прожить на чердаке без отопления, правда, лампа только грела. «Лопата» служила в «Возрождении»: дактило, а «Нянька» — нянькой у Головиных. Обе были в стаде Кришна-Мунди и собирались ехать в Индию «освободить» индусов. Помогали мне продавать билеты на мой вечер и всякие мои дешёвые картинки. «Нянька» уехала в Ревель, а «Лопата» — должен сказать, она верила во все мои рассказы и никогда не перебывала [теперь я больше никому не рассказываю, не «сочиняю»] — «Лопата» после 3 июня 1940 г<ода> однажды пришла и исчезла безвозвратно. Конечно, не в Индию она поехала].

<10.>

ПИСЬМО К Mme BARBARA CHURCH

27 I 1936

Chère Madame,

Je suis désolée de n'avoir pu répondre à votre aimable invitation, mais j'ai été obligée d'assister à une réunion à l'Institut Slave et il m'a été impossible de m'en libérer. J'espère avoir le plaisir de vous rencontrer une autre fois et je vous prie d'accepter, chère Madame, pour vous et pour M. Church mes salutations les meilleures de ma part et celle de mon mari. S. Remizov-Dovguello.

КАК Я ВИДЕЛА КОГО В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

ИЗ ДНЕВНИКА

I.

1 VIII 1934^a

Paris

Мне пришло в голову написать, как я видела кого в последний раз, кого уже никогда не увижу.

ЛИДА

[Лидия Павловна Довкгелло — «Лена», «Оля»

I, II, III ч<асти>]

Я уезжаю в 17 году [из Берестовца]. Лошади у крыльца, мы пообедали раньше. Все вещи уложены. Лида вышла во двор, и я вижу в окошко, как собаки^b к ней бросились, облипают, скачут к самому ее лицу. Я подумала: «Вот Лида и ее собаки!» — и защемило сердце. И всегда, когда я это вспоминаю, сердце щемит. Я ее больше никогда не увижу, хотя она жива, но она в Киеве, а я здесь.

Она с детства возилась с собаками и кошками, особенно с собаками. Я помню — однажды она еще девочкой лет 12-ти легла в траву, а собаки через нее перескакивали, одна за другой.

«Что ты делаешь?» — спросила я.

«Я доставляю удовольствие собакам», — ответила Лида.

[Прощаясь, я видел в глазах застывший испуг и благодарность. Ведь всегда был страх — все эти годы — что могу что-то сделать и отобрать Наташу — это не почти, а вообще немислимо, и все-таки у меня какие-то такие права, перед которыми нет никакой управы, разве только если бы я был не в своем уме или имел славу «истязателя». А. Р.]

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1934

^b Справа на полях рисунок: собака.

БАБУШКА

[Марья Михайловна Самойлович (Ратькова) —
«Татьяна Алексеевна», «Оля». I. II. III ч<асти>]

Я приехала в Прохоры» [«Меженинка»] по дороге в Круты, ехала в Петербург, на 2-м курсе. Я пробыла в Прохорах несколько часов, пока лошади отдохнули, а я пообедала. Была утка жареная. Бабушка медленно пошла в сад и принесла мне единственную оставшуюся розу, был уже сентябрь, и положила возле моей тарелки. Я была тронута, я знала, как Бабушка любит цветы и не позволяет срезать. Я положила розу в книгу, которую взяла в дорогу. Это было «Детство Темы» Гарина [Михайловского]. Потом, когда мы были уже на крыльце, и Бабушка меня благословляла — крестила, она сказала:

«Не забывай бабушку».

Больше я ее не видела, но я долго хранила эту засушенную розу, она осыпалась в Петербурге в I-ом томе Пришвина [Михайлович Пришвин]. Когда вспоминаю эту розу, сердце щемит, но Бабушку я не забыла.

[*Единственная роза... Весь мой стол в лепестках розы — присланы цветы с острова Олерона от крестницы С. П. положить на могилу — вчера 13-го исполнится год. Я смотрю на эти розы больше чем, как на цветы. Они мне звучат. Стало быть, и Бабушка дала в напутствие (последнее свидание) розу; и на Рождестве тогда кто-то [последнее], и перед могилой мне дали розу. Не могу больше видеть равнодушно цветы. Вдруг вспомнил: мне и сегодня ночью снились цветы. Эту бабушку С. П. всю жизнь вспоминала, да «не забыла». Я теперь вижу, что любовь не забывается. «Незабвенно» — это не пустое слово. А. Р.*]

ДИКСОН

[Владимир Васильевич Диксон, 1900 † 1929]^a

[Владимир Диксон. Стихи и проза. С предисловием
А. Ремизова. Изд. ВОЛ, Париж, 1930]

Лежит в больнице [в Neuilly], я ему принесла иконку маленькую, она^b положена ему в гроб. Я ухажу, он сказал:

^a Справа на полях помета Н. В. Резниковой карандашом, затем обведенным черными чернилами: стр. 58, 76, 81, 86, 88, 100, 101, 105

^b Несколько слов густо заштрихованы.

«Возьмите себе цветы».

Я хотела взять, но трудно было вынуть из вазы:

«Ну, в другой раз», — сказала я.

«Перекрестите меня», — сказал Диксон.

Я перекрестила.

«Если можно, поцелуйте меня в глаза».

Я нагнулась и поцеловала глаза, а он все целовал мою руку. Я, отворяя дверь, кивала ему головой. Я не думала, что увижу его уже на столе. Он все говорил, пока я открывала дверь:

«Спасибо, спасибо».

Сердце щемит, когда вспоминаю.

[Вот ему суждено было проститься. Чистый сердцем и чистый помыслами. Из всех, кого я встречал, никто так не почувствовал существо С. П., как Диксон. Если бы он был здесь последние дни... впрочем, все равно судьба разделила б: по отцу англичанин, по матери русский, а паспорт американский. Я долго не мог помириться с его смертью. И после смерти я чувствовал его присутствие. И потом одно загадочное явление — «случай»: погиб один человек^а, «случайно» связанный с нами, — много было обиды для нас от него (и все соединено было с именем Диксона): дожидаясь в метро поезда, «случайно» свалился этот человек и прямо на рельсы, и раздавило. Это было отмщение: кто-то ведь толкнул, чья рука? Оттуда! — так думаю. А. Р.]

ПАПА

*[Павел Иванович Довгелло † 21 III 1895 —
«Оля». Ч<асти> I, II, III]^б*

Я уезжала в Петербург, папа в передней меня крестил, он тяжело дышал, и я подумала: «какой папа бледный». Потом, когда я получила письмо, что он умер и уже похоронен, я никак не

^а Слева на полях помета Н. В. Резниковой: Адвокат вдовы Диксона, требовавшей от Ремизовых денег за книгу (Проза и стихи В. Диксона), изданную в Париже — изд<ательство> «Вол». Книга была непродávаемой, и А<лексей> М<ихайлович> просто раздавал ее друзьям. Жена Диксона, жившая в Америке, этого не понимала. (Н<аталья> Р<езникова>).

^б Справа на полях помета Н. В. Резниковой синим карандашом и черными чернилами: III к<нига> 2— 8 стр<аницы> / I <страницы> 60, 79

могла представить, что вот дом стоит, а хозяина дома нет, хозяйина дома у не с л и из его дома. И я так и не сказала, что я его люблю и высоко ставлю, — а ему бы от этого легче было бы жить, т<o> е<сть> если бы я сказала. Ох, как щемит сердце.

ЛИДА БОРЕЙКО

[Лидия Антоновна Бореико † 1918 «Лена Боровая»
(«Оля». Ч<асти> I. II. III. «Не считается»)]

Я пришла проститься в 17 году [в Берестовце]. Лида встала с дивана, она лежала на балконе, укутанная большим красивым старинным платком, хотя было жарко, было лето. Она, худенькая, маленькая, как-то крепко хватала за руку, как клещами, чем-то похожа на Марию Николаевну Янич (Суслову) [† 1937], и так же трудно с нею поцеловаться, далеко губы. Она открыла свои огромные голубые глаза и сказала:

«Прощай, наверно никогда не увидимся».

Да, она была права.

Вспоминается детство, и Лида тут, вспоминается юность, и Лида тут. Помню одно воскресенье мама [Александра Никитишна <так! — ред.> Самойлович † 1917 г.] с Лидой и Сережей [Сергей Павлович † 1918] уехали на весь день, а меня оставили у Бореико, и как мы с Лидой ели кукурузу, и как потом пошли гулять далеко за мельницу, и она мне сказала, как она «только мать любит, а отца и брата, и бабушку не любит», — и я очень была поражена. Потом, когда я выходила замуж, вот только ее свадебный подарок у меня есть; было 2 — от нее я н т а р ь, ее прабабки, и от Нади [Яновой] полотенце; но полотенце порвалось, а янтарь остался, а Лиды нет.

[Несколько раз я видел эту Л<идию> А<нтоновну>: мое впечатление: какие-то изломанные кости на проволоке и глаза, светящиеся ярче, чем, казалось бы, возможно при таком скелете. Чувствовалось необычное, воля и «по-своему» — ее считали сумасшедшей, да она и не подходила к «порядку», может быть, и расстроилась, — просто места себе не нашла в кругу обыкновенного.

Надежда Даниловна Янова, берестовецкая барышня, таких рисуют «хохлушек», только правое ухо обгрызано крысами, а так, как тополь, черная с дугами-бровями, и говорила совсем

как настоящая «украинка». Отец ее был знатный и богатый, а мать — простая казачка. Отец их покинул и где-то помер. Оказались долги, и остался небольшой дом, мать хозяйничала, а дочь помогала. Жизнь нелегкая. А. Р.]

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ЩЕКОЛДИН

[Ф<едор> И<ванович> Щеколдин † 1919 г. —
«Северные Афины»]^a

Ф<едор> И<ванович> пришел к нам [в Петербурге]. Я с ним была не ласкова, п<отому> ч<то> он возражал, когда я очень ругала «большевиков», т<о> е<сть> он сам их ругал, но что-то там признавая (марксист) [меньшевик, «плехановец»]. Потом как я мучилась за свою неласковость в последнее свидание. А осталось у меня от него на память: старинный игольник и деревянный крест из Берна. А было много.

[«Марксизм» Ф<едора> И<вановича> напукской и в спорах ему казалось надо держаться, иначе и из «меньшевиков» вылетит. Он был партийный, «казначей» и пользовался большим уважением, и с Ильичом чай пил. Незадолго до его смерти у него произвели «обыск», он послал телеграмму Ленину, и очень скоро ему все забранное у него вернули. А обыск сделан был вот почему: в его паспорте была пометка там, где вопрос о «средствах к существованию», — «живет капиталом» (старшие дворники для простоты часто так отмечали в паспортах и у служащих, — Ф<едор> И<ванович> служил в банке). У Ф<едора> И<вановича> хранилась бутылка портвейну. Как я его просил: «Выпьете». «Нет, — говорил он, — берегу: когда падут большевики, мы с вами выпьем». А выпил этот портвейн хозяин, у которого он снимал комнату. Почему-то я этот портвейн всегда вспоминаю. Или потому, что история с «портвейном» (здесь он называется «порто») повторяется и только другой припев — не «большевики», а война: «когда кончится война...» А хоронили Ф<едора> И<вановича> в Соборе Александро-Невской Лавры, торжественные похороны — как «генерала»].

^a Справа на полях помета Н. В. Резниковой синим карандашом и черными чернилами: V к<нига> стр<аница> 45

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ БУЛИЧ

[Н. П. Булич Оводов, «Оля». Ч<асти> I, II, III]

Я уезжаю на пароходе, пароход уже отчаливает (Котлас — Из Сольвычегодска в Вологду), а он стоит на пристани, снял шляпу и под очками у него слезы. Потом через 9 лет я его увидела. И вот на Таврической улице перед нашим домом [дом Хренова] я опять увидела под очками слезы. В дом он не вошел, он за 9 лет очень переменялся, постарел, и спереди у него не было одного зуба. Мама любила Н<иколая> П<авловича>, он ей нравился.

[Более далекого человека я не встречал: его голос, и как он говорил — очень мягко, но в основе сухое — все против моего, такое меня отпугивает, и, должно быть, ход его мыслей и мысли — не мое. Для меня загадка, как он мог полюбить С. П., а он ее любил беззаветно. Я понимаю С. П., как он раздражал ее своей заботой о ней. Но я терпеливо все бы выслушал от него — за его заботу о С. П<авловиче>. А эти слезы, такие, как он, не из плачущих, стало быть, как сильна была его любовь. А. Р.]

МАМА

[Александра Никитишна Довгелло
(Самойлович † VIII 1917)^a

Мама больная сидит в кресле, она меня крестит дрожащей рукой, я чувствую, что больше не увижу ее, хочу скорее оторваться, чтобы не заплакать. Выбегаю в переднюю.

Мама многого во мне не знала и не понимала, и так осталось это все, вообще я думаю, что лучше всех меня понимала бабушка [Марья Михайловна Самойлович (Ратькова)], я это как-то чувствовала, что бабушка знает, какая я.

[Ни с лица, ни в голосе С. П. ничего не имела от матери. И как шли ее мысли, трудно представить, чтобы, хоть как-нибудь, запала бы мысль С. П<авловича>. Как она ходила с палочкой, и как на ней висела кофта, я нахожу сходство, но С. П. была выше ее. А бабушку я не видел, только по портрету сужу: возможно, она могла что-то понять. А. Р.]

^a Справа на полях помета Н. В. Резниковой карандашом, затем обведенным черными чернилами: стр. 119

БЛОК

[Александр Александрович Блок 1880—1921]

Я шла по Невскому и встретила Блока и Иванову-Разумника. Блок собирался в Москву. Я сказала:

«В Москве ужасно». (Мы были в Москве перед этим.)

А он говорит:

«У меня там есть место, ненадолго».

Он был очень худой и совсем желтый, и очень серьезный. Я не подумала, что не увижу его больше: из Москвы он вернулся [1 мая] и слег.

ШКОТТ

[Иван Андреевич Шкотт-Болдырев, 1903—1933]

Автор: «Мальчики и девочки»

Он подходил к нашему дому, а я стояла у остановки, ждала автобуса. [Мы жили в Булони.] Он спросил: «Куда я собираюсь?» Я рассказала, что я очень взволнована и хочу поехать к одним людям — высказать. Он стал просить не делать этого, и я с ним пошла к нам.

В тот вечер у нас никого не было, и это был исключительный вечер, — о самоубийстве он не говорил. На дорогу я ему дала 2 яйца красных, это была Пасхальная неделя (Воскресенье). Он был, как обычно, бледный и умный, из-за его глухоты приходилось кричать.

САВИНКОВ^a

[Борис Викторович Савинков 19 I 1879 — 7 V 1925]

Мы были в Café с музыкой (Rue d'Auteuil), он нас провожал; на углу Villa Floge я споткнулась и упала, он помог встать. Я подумала: «Это нехороший знак, что я упала». Больше я его не видела. А в тот вечер он упрекал нас, что к нему не пришли, когда было плохо.

«Я знаю, что значит голод, — сказал он, — и нищий нищему должен помогать».

Да он был тогда нищий.

^a Справа на полях помета черными чернилами: стр<аница> 71

ЧЕХОВ

[*Антон Павлович Чехов 1860—1904 — «Оля», Ч<асть> III «Баррикадный»^a*]

В первый и в последний раз я его видела. Мне было лет 11, а Марусе Нечаевой лет 14. Папа ехал со мною и с нею [*из Чернигова в Берестовец*], поднялась метель, едва нашли деревню и остановились у постоялого двора. Оказалось, что там сидит уже один, застигнутый метелью, высокий в пенсне. Был поставлен самовар, и стали пить чай, папа пригласил и этого высокого. Он с нами разговаривал и часто вынимал записную книжку и записывал что-то. Нас это занимало с Марусей. Мы шалили, он смеялся. Потом папа сказал, что «нельзя ехать, метель еще усилилась, надо ночевать».

«Как же мы будем ночевать? — сказала я, — комната одна».

Тогда этот высокий говорит: «А мы сделаем баррикаду».

Было очень весело делать баррикаду: мы натаскивали стулья, столы, чемоданы, — он и мы с Марусей. Мы долго не могли заснуть, все говорили о нем, называя его «баррикадный». Слышим, кто-то кашлянул, не папа, — ну, значит, баррикадный! Нас очень интриговало, что он запишет. Утром мы проснулись и увидели, что папа один сидит за самоваром.

«А где баррикадный?» — спрашиваем.

«А это писатель Чехов, — сказал папа, — чуть свет, уехал, а я пожалел вас будить».

БИСК

[† 1923 *Фрид в «Оле». Ч<асти> II и III «Две лиры»^b*]

Он уходил [*В<асильевский> О<стров>, 14 л<иния>. 1917 г.*] и хотел оставить на память, ничего у него не было, наконец, в кармане нашлась совсем новенькая монета — две-лиры: он ее отдал на память. Я пошла его проводить на лестницу, он сказал:

«Самое лучшее воспоминание всей жизни — Вы».

Я поняла, что мы больше не увидимся.

[*У меня осталось в памяти, как пришел к нам какой-то знакомый С. П-ы и, когда я поздоровался, почувствовал, столько до-*

^a «Баррикадный» подчеркнуто красным карандашом. Справа на полях помета синим карандашом с обводкой синими чернилами: Оля

^b Справа на полях помета синим карандашом с обводкой синими чернилами: кн<ига> VI / стр<аницы> 24 — 45

броты в нем и грусти. Он сидел за столом, сияя, — лицо у него было библейское: седая борода, но он был вовсе не старый. Он приехал в Революцию в Петербург — его приятель Троцкий — и вот уезжал в Киев, зашел перед отъездом. Видно, хороший человек и никакой сухости, я бы мог с ним разговаривать, не сжидаясь и не «думая». Он очень любил С. П.]

РОЗАНОВ

[Василий Васильевич Розанов — 1856 — 23 I 1919

«Кукха», Розановы письма]

Мы были у них [на Шпалерной] в разгар революции [в мае 1917 г.]. Никого не было, только он и Варвара Димитриевна. Подали чай и яичницу. Я не стала есть яичницу, тогда он из моей тарелки взял и съел, — он очень боялся наступающего голода. Он говорил о том, как страшно жить, что все отрекаются от старого, что вот был Розанов, и нет Розанова теперь.

А Вар<вара> Дм<итриевна> рассказала, как они позвали доктора и, по обыкновению, она ему сунула 5 рублей, и, как она поняла, что он недоволен, что надо было, значит, дать 10 р<ублей>.

На прощанье мы поцеловались, так и знали, что не увидимся, они собирались уезжать из Петербурга.

[Я помню этот «вечер», думаю, было 5 ч<асов>. В<асилий> В<асильевич> долго не выходил, спал, а когда вышел, видно, трудно было ему говорить, вытил чаю и пришел в себя. Лицо у него было красное. Вар<вара> Д<митриевна> до него говорила, что у него склероз и о докторе Поггенполе. А когда мы возвращались, — мы ехали на извозчике и проезжали мимо цирка Чинизелли, около стояла толпа, и слышна была музыка, я подумал: «Революция, беда, а вот кому-то и в цирк можно, всем этим, от кого никто не отречется, безмянным». А. Р.]

ЦВЕРЦИКЕВИЧ^a

3 VII 1932

Вот я вспоминаю Цверцикевича, я не могу понять конца, впрочем, я многого не могу в жизни понять.

^a Справа помета синим карандашом с обводкой синими чернилами: «Оля» III (Из вечного: Шидловский)

Когда приехали в Вологду мои (1902) — мама, Сережа, Лида, это он их встречал на вокзале, и все время о них заботился.

И вот я с ними уезжаю в Берестовец.

Последнее впечатление: он стоит на платформе в огромной шубе, его отца шуба, и вытирает платком глаза.

МОЙ ПЕТЕРБУРГ

[*Мы уехали из Петербурга 5 VIII 1921 г.*]

Раньше я думала, что не могу жить без Петербурга. Это было начало «нэпа», я и Наталья Васильевна [*Григорьева*] ехали в день нашего отъезда на трамвае, купили на дорогу бублики. А А. М. попал в другой, прицепной, вагон. Я старалась как можно больше увидеть, в себя впитать: Невский, я смотрела туда, к Адмиралтейству, потом Николаевский вокзал, потом встали и пошли пешком. Я со всем прощалась, но я не думала, что навсегда.

А накануне я сказала Валентине Александровне [*Шалаурова, учительница, из Сольвычегодска*]:

«Мы ведь никогда не увидимся».

Но она сказала: «Через год».

Она была моя спутница, всегда все готовая сделать для меня, скромная, даже забитая; наверно, ее больше на этом свете нет, чистая и добрая.

[*Я помню этот день. Мы ехали налегке. Все казалось очень быстро, вот и Знаменская площадь, вылезать. Я только тут и видел: памятник Александру III, вокзал, — и подумалось: «навсегда», но чувства никакого, все было под «мыслью»: «Что-то будет?»*]

Наталья Васильевна, племянница Климовича, такой был жандармский полковник, служила в продовольственном отделе, член Петросовета от «пищевиков». У нас ее роаяль, пропало после отъезда, и ей не вернули.

Вал<ентина> Алек<сандровна> и Раиса Ал<ександровна> Шалауровы, знакомые С. П-ы из Сольвычегодска, ученицы С. П-ы: одна — учительница, другая — фельдшерница. Обе преданные беззаветно. А. Р.]

ОЧЕНЬ СТРАШНОЕ

Когда Лида [*Лидия Павловна*], та самая Лида, которая возилась с котятками и собаками, перевела старую-престарую бабушку (тетку матери) [*Елизавета Михайловна Козловская*]^a против ее воли в проходную комнату для того, чтобы в ее комнате устроить уголок для кукол своей любимицы — Наташи. Да, такую любовь я отрицаю. И я тогда пришла в ужас, но не написала ничего, знала, что меня будут ругать и не послушают. Но теперь я думаю, что надо было написать даже без надежды на то, что послушают.

И представляю я и тогда представляла эту старуху, которая живет в проходной комнате и вообще не в том месте, к которому привыкла, и какая обида и горечь у нее на сердце, ее будто выбросили. Я помню, я тогда вспомнила какую-то сказку, как вывезли старого деда за ограду, и как его внук играл в куклы и тоже вывозил своих дедов кукольных за свою кукольную ограду, и как родители это увидели и тогда устыдились.

По моей натуре я должна была написать, и обличить, и требовать, чтобы перевели старуху обратно, ах, зачем я не сделала? — Это меня мучает страшно. Я знаю, из тысячи одна десятая шанса, что меня послушали бы, но надо было написать.

О, эти помещицы дома, кроме всего прочего, и за таких несчастных старух разрушались. А теперь, когда мы так нуждаемся, не из-за моего ли тогдашнего со стиснутыми зубами молчания (я была далеко, но могла написать) видят нашу гибель и молчат?

Нет, надо всегда говорить, я понимала, я мучилась и осталась в стороне, не написала.

II.

29 VII 1936^b
Paris

НАДЯ САМОЙЛОВИЧ

[Надежда Ивановна]

Все время почему-то думаю о Наде Самойлович. Какая она странная, иногда мне кажется, что она такая — от «вырожде-

^a Пояснение вписано черными чернилами.

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1936

ния», как последний цветок. Она была бы просто «красавица», если бы себя не безобразила.

Я помню ее девочкой, мы с нею ровесницы. Она училась в Нежинской гимназии, но в том же классе, что и я, тоже рано поступила. Она с детства никуда не хотела выходить из дому, не хотела учиться. Ее заставили окончить 7 классов гимназии, в 8-м она не была.

Я помню, однажды зимою мы с мамой приехали к Самойловичам, это было на Рождественских каникулах. Конечно, я была с Надей. Андрей [*Андрей Иванович Самойлович*] был в 8 классе, Маруся — в 1-м, а мы с Надей, обе — в 5-м. Андрей нас игнорировал, Марусю мы игнорировали.

Мы проводили целые дни с Надей за печкой; печка топится или еще теплая, она выходит углом, мы сидим за печкой (ее инициатива) и лушим семечки, мы сидим на низенькой скамейке вдвоем, а на стуле красная деревянная посуда с семечками, а скорлупу мы бросаем в другую посудину.

Она тогда была очень хорошенькая: ее глаза всегда были изумительные, темно-серые с длинейшими ресницами, большие; иногда они казались черными; нос, рот, брови как выписанные, сама она темная, ну, «красавица».

Мы разговаривали во время еды семечек, мы «решали вопросы», напр<имер>:

«Кого из людей можно назвать идеалом?»

Я говорила: «Брешковская».

Она: «Коля Товстолес».

А однажды мы спросили Марусю, она ответила: «Начальница гимназии».

Другой вопрос:

«Кем ты хочешь быть?»

Я: «Доктором».

Она: «Экономкой в большом имении».

Еще:

«Кого ты любишь?»

Я: «Родных, потом подруг, потом... потом всех».

Она: «Родных, а потом мужиков».

«Кого или чего ты боишься?»

Я: «Страшного суда».

Она: «Смерти».

И много еще в таком роде.

Потом я ее не видела несколько лет, я уже была на Курсах в Петербурге, а она поселилась в деревне и там работала, как экономка; она не хотела жить в имении своего отца, потому что там жила наша общая бабушка Марья Михайловна (моя любимая), а она хотела быть одна — хозяйничать.

III.

1925
Paris^a

БОРИС ВИКТОРОВИЧ САВИНКОВ^b 1879—1925^c

Я не литератор и не хотела, и не хочу быть литератором, никогда у меня не было, и нет этого зуда — увидеть напечатанным, опубликовать то, что думаешь и чувствуешь. И если теперь пишу, то только потому, что хочу всемирно покаяться.

Когда-то давно, в Вологде (1902—3), Б. В. Савинков сидел у меня в моей маленькой комнате [*на Желвунцовской*]. Было грустно, хотя впереди было столько радости и надежд. Б<орис> В<икторович> сказал: «Я знаю, что бы со мной ни случилось, Вы не поверите слухам и придете ко мне в отверженности, как к П. Е. Щеголеву [*† 1931*] придете в тюрьму, когда его посадят за долги».

Да, я так сама думала. И вот отреклась.

Помню еще наше последнее свидание с Б. В. Савинковым в июне 1924 в Париже. Мы сидели в Café [*Rue d'Auteuil*], играла музыка. Тогда уже почти все бросали грязью в Савинкова, и он, когда приходил к нам [*5, Villa Flore*], просил устроить так, чтобы он не мог ни с кем встретиться. Это был другой Савинков, не тот, который сидел в моей комнате в Вологде, это был измученный, бедный, нищий Савинков, но главное — было тоже —

^a *Справа на полях помета синим карандашом: 1925*

^b *На левой стороне тетрадного разворота вклеена вырезка из неустановленной газеты: фотография «Савинков перед судом военного трибунала».*

^c *Справа помета черными чернилами: стр<аница> 63*

это был аристократ, русский, это был «аристократ», не «мещанин», несмотря на свою нищету. На душе у него было то же горе, что и у меня, горе за Россию. И было так: как дальше жить? О, мне легко было, я могу жить и даже люблю жить в одиночестве, не «на арене общественности». А ему непременно дело нужно, и такое, чтобы он был первым, и на душе много лежит жизней, погибших из-за него. Я сказала: «Надо всенародно покаяться, и жизнь изменить — в тихость войти».

А он после нескольких часов: «Да, или под расстрел, или вы правы, но каяться-то всенародно мне пришлось».

Надо сказать, что Б<орис> В<икторович> меня в свои планы политические не посвящал, у нас отношения были вне этих планов, над ними. Хотя до нашей встречи в Париже я всегда думала, что если кто может побороть большевиков, то именно Савинков.

Это было последнее наше свидание. После него еще было одно письмо [13 июня 1924]. Больше ничего.

И вот в Карлсбаде я прочитала о его переходе к большевикам; был там только «Руль» — Боже мой, что писалось! Но я не верила, я все сама решала, хотела понять, что это такое. Я весь суд прочитала, я все представила: тут было и всенародное покаяние, и жажда унижить себя, и сплошная ложь со стороны большевиков. Я три недели, все свое пребывание в Карлсбаде, не спала ни одной ночи, я не находила себе покоя. Но я не отреклась тогда от Б<ориса> В<икторовича>, я страдала за него, значит, любила! И только после письма, которое опубликовал Д. В. Философов [† 1940], письма Савинкова к нему и его к Савинкову, я отреклась от Савинкова. Я его стала в душе своей звать изменником и предателем. И в этом я каюсь пред всеми. О, я Философова не обвиняю больше чем самое себя — не все ли равно, часом раньше или часом позже отречься^а от человека.

После статьи Мягкова я все сразу поняла: да, это была последняя попытка сделать, спасти Россию; в себя он верил, и весь был не свой, а России. Эти чекисты, которые его предали, они же его уговорили сыграть комедию, чтобы народ пошел за ним,

^а Было: отречься

когда его освободят. Да, да, это было так в этом роде. И он сыграл комедию. И вот я скажу: если бы большевики были не так умны (они ведь умны и лживы, как их отец Дьявол), и Савинков был бы на свободе, да, это был бы Наполеон. Ведь срывается всегда на мелочи (а тут и не мелочь), и если бы ему удалось, и ему простили бы все, так всегда бывает. Ну а я теперь ему прощаю, теперь, когда он погиб. Как не ясно, что то, что было с Савинковым, и его уход, и его одиночество, и его гибель, — все это еще ждет Шекспира.

Я видела Савинкова здесь нищего, одинокого, оклеветанного, но «аристократа». А много ли «аристократов»? Я совсем не знаю дел его политических, но я его лицо знаю. И когда многочисленные обвинители мне о нем говорили и то, и сё, эти обвинения отлетали от меня, на этом пути все делают то же. Путь этот я отрицаю, и самого Савинкова по-прежнему ставлю над людьми. И несколько раз мужчины среди обвинений указывали мне, что несколько женщин покончили с собою из-за Савинкова. Не касаясь того, что такие вещи слишком интимны, чтобы о них говорить сплеча, не касаясь того, правда это или нет, мне всякий раз хотелось сказать такого рода обвинителям: да кто же из-за вас-то покончил с собою, вас так много, и отличаетесь вы друг от друга носами, ушами и т. д., в этом и невинность ваша. А поищите второго Бориса Викторовича Савинкова.

[Последнее письмо Савинкова — открытка, Roma, Piazza delle Terme, 13.VI 1924, 32 Rue de Lubec, XVI — «В воскресенье не могу, в понедельник не могу. Очень об этом жалею. Если не уеду, постараюсь на будущей неделе. Тогда напишу. Цалую ренчки» (Б<орис> В<икторович> по-польски говорил, пожалуй, лучше, чем по-русски, учился в Варшавской гимназии). В альбом С<ерафиме> П<авловне> он написал стихи, 24. II. 1924, Paris:

Как невысохшие слезы / Звезды ясные сияют, / Анемоны и мимозы / Пыль росистую роняют. / Не трепещет лист магнолий, / Не журчит вода в колодце, / А мне снится: вечер, поле, / У околицы болотце, / Пьянный запах ржи и мяты, / Темный зов лесной кукушки... / И исплаканы, и смяты / Все углы моей подушки.

С<ерафима> П<авловна> пожалела Б<ориса> В<икторовича> и потому вообразила себе его «лицо», наделив тем, чего

у него уже не было: я не говорю, конечно, никакого мещанства, но чтобы что-то совершить — стать Наполеоном — он никак не мог. Это был камень — выветрившийся камень. Он уже не говорил, как когда-то в Вологде, а как-то приглушенно «конспиративно» рассказывал случаи из своих походов: если записать, при чтении будет однообразно. И уж без вина не мог, он приносил Порто — так только и оживлялся. «Организация убийств высокопоставленных лиц» — вот его специальность, не могу себе представить, и, должно быть, поэтому я и разговаривала с ним точно через перегородку, литература его, конечно, интересовала, но это было у него второе, своего стиля у него не могло быть, Э. Н. Гиппиус может назвать его своим учеником, но сама Зинаида Николаевна в прозе бесцветна. Большевики преувеличили его силу, не по жалости, конечно, а по «традиции» — по славе-молве. Если бы ему дали власть, все равно, опасности никакой — выветрившийся камень.

О Савинкове мое: «Последние Новости», № 4008, 13.III. 1932, Paris; «Северные Афины» — «Современные Записки», 1927, XXX, Paris. — все входит в мою книгу «Третья стража», как приложение. Есть еще в «Розановых письмах», Берлин, 1923 [9 XII. 1906, Пб.] и в «России в письменах», Берлин, 1922, т. I.

По газетам Савинков кончил самоубийством 7.V. 1925 — 7.V. я видел его во сне: пришел к нам в летнем белом костюме. А видеть вообще Савинкова во сне, по моим наблюдениям, всегда к «скандалу».

В 1913 г. мне приснился Савинков, этот сон я запомнил весь.

«Вернулся тайно в Россию Савинков. И когда это стало известно, говорят мне: “Есть единственный способ поступить с ним по-дружески: он у Вас сейчас, идите и застрелите его сонного, иначе все равно его повесят”. Я взял револьвер и действительно нашел Савинкова в моей комнате: лежит на диване, спит. Но тут я заметил, что я совсем не одет, в одной сорочке. “Неловко, думаю, так, ведь когда я его застрелю, подымется суматоха, придет полиция протокол составлять, а я в таком виде, нагишом!” И начинаю одеваться. И пока я застегивался, Савинков проснулся, увидел меня и обрадовался: “Как хорошо, говорит, что Вы пришли и с револьвером: теперь можно будет убежать. Побежимте вместе!” А я молчу. “Как же это так, думаю, я должен застрелить его и это будет самое дружеское,

что я могу сделать для него, а он: «Побежимте!» И это мне – бежать? И куда? Да такой жизнью я не могу жить, как он! И говорю ему: «Давайте вместе застрелимся». А он головой так: не хочет. «Ну, думаю, застрелить-то его я теперь никак не могу, рука не подыметя, это не то, что сонного. И уж лучше я сам». И бросив револьвер, я твердо подошел к окну, стал на подоконник и, нагибаясь все ниже и ниже, сорвался и полетел вниз. Головой». А. Р.]

IV. ИЗ ДНЕВНИКА

1.

1928, Paris^a

ПОСЫЛКА [В. В. Диксон]

— Сон^b —

Мне снился В<ладимир> В<асильевич> Д<иксон>^c, будто он постригся в монахи, и в мантии монашеской, и в клобуке, такое все черное, что с синим оттенком. Он мне кланяется, прощается; говорит, — «еще увидимся»^d.

И вдруг все изменяется, я будто в Берестовце, рамы выставляют, и будто яблоня вошла в комнату. В<ладимир> В<асильевич> стоит, но не монах, а в своем обыкновенном костюме. Я собираюсь пить из стаканчика что-то белое, как творог. В<ладимир> В<асильевич> просит:

«Дайте и мне такой стаканчик».

Я: «Для этого надо распаковать посылку».

На столе стоит ящик — посылка.

Я: «Я Вам дам стаканчик, потому что Вы — лучше всех».

В<ладимир> В<асильевич>: «Почему же Вы за меня не вышли замуж?»

Я: «Да ведь Вы женились на американке, помните?»

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1928

^b Подчеркнуто синим карандашом.

^c Справа на полях помета синими чернилами: Владимир Васильевич Диксон [† 1929].

^d Справа на полях помета черными чернилами: Кн. I, 1) стр<аницы> 58, 76, 77, 81, 86, 88, 100, 101, 105.

Начинаем распаковывать посылку, вынимаем мантилью очень красивую меховую. Я думаю: «Мне она будет мала, ну, кому-нибудь подарю». Потом шарф кружевной коричневый. Потом самовар. Но дальше нельзя разбирать, потому что самовар прирос^a и его нельзя сдвинуть. Я ищу, кто бы его мог оторвать — и проснулась.

2.

[ПЕТУХ]
сон^b

Мальчик сидит на петухе.^c

3.

[МЫЛО]
сон^d

3-и куска мыла — ем его.

4.

[СНЕГ]
сон^e

«Чтобы достигнуть совершенства, надо броситься с горы в глубокий снег». Я выбираю место, откуда броситься, чтобы не зацепиться за деревья, что стоят кругом^f.

5.

[ГНЕЗДО]
сон^g

Мы едем по огороду, не дотрагиваясь гряд, а дерево стоит, и на самом верху гнездо^h.

^a Справа на полях рисунок: приросший самовар.

^b Сон подчеркнуто синим карандашом.

^c Под текстом рисунок: мальчик на петухе.

^d Сон подчеркнуто синим карандашом.

^e Сон подчеркнуто синим карандашом.

^f Справа на полях рисунок: деревья.

^g Сон подчеркнуто синим карандашом.

^h Справа на полях рисунок: дерево.

6.

«Культурный человек тот, кто различает великое и малое, доброе и злое, чужое и свое, прекрасное и безобразное. Окультуриться — научиться различать».

Важно родиться, а не сделаться.

Самое ужасное, когда говорят, что «все одинаково» и «все возможно».

7.

Разница между дядей Ив<аном> Ив<ановичем> Довгелло («отчаянный») и Шкоттом [Ив<ан> Андр<еевич> Болдырев † 1933]: дядя, играя, рисковал своим именем, значит, не дорожил им, а Шкотт хочет достать деньги, поэтому играет.

8.

Если думаю, что хорошо в той жизни, то отхожу душой: если думаю, что плохо, приближаюсь.

Есть то, что зависит от обстоятельств, — это не так важно. А есть то, что само по себе — это важно.

9.

Мне так тяжело, я хочу умереть, потому что не умею жить, и там есть больше людей, чем здесь, которые меня утешат.

[Это состояние мне особенно памятно, передо мной всегда возникали те люди, умершие, которые любили С. П. Я сравнивал с собой: они не допустили бы это «потому что не умею жить». Я очень много был своим занят — «литературой». «Писатель» плохой защитник. Я это говорил, я понимал, я не оправдывался, я только объяснял, но разве от этого легче. И теперь я спрашиваю себя, да и тогда схватывался, вся эта моя литература какой пробы при таких жертвах, — и отвечал и отвечаю: нет, я не оправдал, а человека замучил. Какая угодно профессия, только не писательство, как я его понимаю, и я говорил об этом, но разве от моих слов что-нибудь изменялось. Продолжалась та же жизнь: «двойная», — эта еще и «мысленная», тончайшая (страшно спугнуть). А. Р.]

10.

Когда я думаю о том, что больше всего меня мучит и мучило в жизни, я вижу, что это — отсутствие маленького чистого уголка, без пятнышка.

11.

Я — не литератор. Но меня тянет сказать, высказаться. Теперь такое время, что литература должна стать человеческой; человеческое из литературы ушло.

- - - -

V.

[ИЗ ПРЕРВАННЫХ ДУМ] 1923—1924—1925

24 XI 1923^a

Paris

[Последняя запись была в 20-м году в России, и ни строчки в Германии. Единственный, мною записанный со слов С. П. сон про отца. А. Р.]

1.

ПРО ОТЦА

— сон^b —

4. 2. 1923

Berlin^c

Получила два письма. Вижу по почерку: одно от Е. В. Селевиной [Екатерина Владимировна Селевина-Романова, о ней в моем «Чапыжнике» — «Философская натура» 1854. — А. Р.], а другое неизвестно: прокламация французов против немцев. Народу много, и не знаю, что делать, увидят, — Ausländer (иностранка), а я не виновата, что получила. И вижу, идет Е. В. Селевина молодая, красивая.

«Я получила прокламацию, — говорю ей, — и не знаю, что делать».

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1923 1924 1925

^b Сон подчеркнуто синим карандашом.

^c Слева на полях помета синими чернилами: I к<нига?> 60, 79 / III к<нига?> 2 <1 нрзб>

«Пойдемте чай пить!» — и она повела меня длинными коридорами в комнату.

Самовар на столе, угощает чаем, чай пью. Знаю, рядом в комнате лежит мой отец и моя мать и тут же дети, т. е. все мы: я, мои сестры и брат. И я поднялась идти к ним.

«Я вам пришлю булку из Парижа: у вас начинается голод, 1 ½ рубля, сама испекла», — шепчет Е. В. Селевина, как какую-то «конспирацию».

Я вошла в комнату, а там никого, пусто.

«Его, — говорит кто-то, — увезли в сумасшедший дом».

И не знаю я, что делать, куда идти. И вдруг Юра [*Дориомедов, о нем в моей книге «Вереница» — «Пупочек». А. Р.*]:

«Симапаля [*так дети переделали из «Серафимы Павловны». А. Р.*], я Вас провожу, это сейчас, возле Nollendorfplatz».

И какими-то закоулками мы идем с Юрой. И вижу, красное здание и стоит пустая коляска. «Это его привезли!» — думаю и вхожу в дом. И вижу, сестра милосердия.

«Мне надо отца увидеть», — говорю ей и очень волнуясь.

И она меня ведет. И вижу: лежит — как много седых волос!

«Я искала тебя, папа, искала, — говорю ему, — но я к тебе, может, завтра приду».

В это время вошли два санитары и стали из кишки поливать стену. И стена стала мокрой.

«Зачем это стену поливают?» — спрашиваю.

«А это новый способ лечить сумасшествие!» — говорит сестра милосердия.

2.

ПЕРВЫЕ ПАРИЖСКИЕ ДНИ

26 XI 1923

Paris

Завтра, наконец, переезжаем на квартиру. Измучены оба ужасно. 5 ноября уехали из Берлина. 7-го приехали в Париж, жили первую неделю у В. В. Мальфитано, — она такая [*22 Rue de Faisanderie, XVI*] болтливая, не давала ни минуты покоя. Потом в этом ужасном пансионе по соседству с Екат<ериной> Вас<ильевной> [*Маковская*], она очень хорошая, с нею так спокойно [*48 Rue de Passy, XVI*]. И, наконец, завтра на свою квартиру [*59 Rue Chardon-Lagache, XVI*].

Господи, помоги нам устроиться на квартире по-своему, дай нам денег, соверши чудо, как уже много раз Ты совершал: вся наша жизнь — чудо, живем, как птицы небесные, а живем^а.

Много тяжелого здесь уже было, и какие злые люди, я таких не встречала^б еще. Я разлюбила Зин<аиду> Ник<олаевну> Гиппиус (Мережковскую), а любила ее долго и верила, я разлюбила за ее полное равнодушие и даже не равнодушие, а какую-то боязнь, соперничество, какой-то страх, что вот А. М. больше, может быть, понравится, что они меньше денег получат^с. Тут не то, что не помогут, а ножку подставят, кусок хлеба вырвут. Гадкие люди. Я уже не говорю о Мережковском, его я никогда не любила, только терпела из-за Зин<аиды> Ник<олаевны>, а уж теперь совсем не люблю. Озлобленные люди. И Россию они не знают, они не русские совсем, чужие.

А почему это в Германии ни одного раза я не записала ничего. Я люблю Германию и Берлин, и люблю, и жалею. А там я мучилась сначала из-за России, а последнее время из-за кошмарной жизни, а в середине могла бы писать, я вот ничего не записала. Я люблю Нину Григорьевну [*Львову*] больше всех оставшихся в Берлине, а потом люблю Веру Васильевну, — это реально, а нереально я люблю там Ивана Александровича и Наталью Николаевну [*Ильиных*]. А еще хорошая Фрида Лазаревна, а Грачев — какой-то беспокоящий душу сумасшедший.

3. НА ДВЕРЯХ

17–21 I 1924^d

Paris

Всем.

Не звоните, а если хотите, подождите меня, я пошла кое-что купить, а А. М. болен лежит, некому открыть, я скоро вернусь.

^а Текст моления слева выделен квадратной скобкой, справа рисунок: собака <?>.

^б Над словом встречала вариант: (видела)

^с Справа на полях помета синим карандашом и черными чернилами: Кн<ига> II стр<аница> 15 / Кн<ига> X стр<аница> 29 / Кн<ига> I <страницы> 45, 79

^д Слева на полях помета синим карандашом: 1924

Не звоните, я ушла за покупками. А. М. болен лежит, открыт некому, я скоро вернусь, подождите.

[Я часто простуживался — в Петербурге у меня было дважды гриппозное и раз крупозное воспаление легких — остался какой-то «фокус», как говорили мне доктора, и, может, отсюда такая восприимчивость к «простуде», а тогда, помню, после ванны у Осоргина, он жил в Passy на Jean de Bologne, а мы на Chardon Lagache, 59. Я писал «По карнизам». Чаше приходил тогда Д. П. Святополк-Мирский с Мочульским, приносили шампанское и сами выпивали, и тогда проживавший в Париже Серг<ей>Юлиан<ович> Кулаковский (Варшава). А ухаживала за мной, конечно, Серафима Павловна, — много за нашу жизнь ей пришлось со мной возиться в мои напасти].

4.

В РАЗГОВОРЕ

19 I 1924

Paris

Бунин был против того, чтобы А<лексею> М<ихайлович>у деньги дали?

[Не помню, кому и при ком это было написано. А это^а иллюстрацией к записи № 5. Я подавал всякие прошения о вспомоществовании, и часто неудачно. Я так и не знаю, почему-то был против меня И. А. Бунин. Ничего между нами не произошло, наперечет встречи, а между тем. А, главное, о Бунине я столько слышал хорошего от Ив<ана> Сер<геевича> Соколова-Микитова, о его сердечности и заботливости: Соколову-Микитову он много помог. А вот со мной! С. П. это очень волновало. Потом я узнал, что не только Бунин, а многие, — много еще кого назвать можно, — против меня. Как все это мучило С. П. Будь у нас деньги, да и думать нечего было б: я никому не навязывал, ну и не подливал, но прошения-то приходилось писать. А. Р.]^б

^а Справа на полях помета черными чернилами: стр<аница> 80^{об<орот-ная>}

^б Посередине листа наклеена газетная вырезка: портрет Н. К. Рериха.

5.

А УМЕРЕТЬ ДАЮТ

27 I 1924 (воскресенье)

Paris

Сегодня вдруг вспомнила бабушку свою любимую [*Мария Михайловна Самойлович*], даже плакать хочется. Думаю так: человек, у которого умерла бабушка и мать, сирота на свете, особенно без денег.

Какие люди ужасные! Не помогут вовремя, а потом, когда умрет человек, жалеют и что-то говорят, а умереть дают^a. Хуже человека нет ничего в мире. Это особенно я поняла здесь, в Париже. И это такая ложь — утверждение, будто в России голодают теперь. Вот здесь и голодают, и холодают, и унижаются. Там, на своей земле, лучше. Я всегда жалею, что мы оттуда уехали.

Господи, сделай чудо, пошли нам денег, измучилась душа, так унижаясь и думая все о мелком, дай жить, как мы жили в Германии первый год! Хоть бы нашелся добрый человек, помог бы нам, ведь это только пока, потом мы устроимся.

Господи, дай нам денег!

Вчера получилось от Наташи письмо, так меня за сердце тронули ее слова, дай мне с нею увидиться, и с сестрами моими!^b

6.

ДЕСЯТЬ КОНФЕТ ИЛИ СТО РУБЛЕЙ^c

[*Л. И. Красильщик*]

— сон^d —

1924. 8. XI

Paris

Получилось письмо от Любови Исааковны Красильщик [*Трапезникова, антропософская дама. А. Р.*]. Распечатала и читаю:

«Мое чувство меня никогда не обманывает, тебе нужны деньги, и я посылаю 100 рублей».

^a Подчеркнуто синим карандашом: а умереть дают.

^b Текст моления слева выделен вертикальной чертой.

^c Записи снов № 6 и 7 вставлены в текст позднее, расположены на листе, вклеенном в Тетрадь I.

^d сон подчеркнуто синим карандашом.

И из конверта высыпалось десять, как конфеты в бумажках с картинками. Развернула я конфету, — а там две маленькие красненькие птички и кусочек золота. Развернула другую, — а там колечко с маленьким белым камушком: на мизинец не налезает. (Колечко, между прочим, было завернуто в бумажке с порошком, чтобы было мягко!)

«Как же, она думает, я буду продавать? Остается восемь конфет».

Но тут появилась Изабелла Львовна [*учительница музыки, лицо все в волосах. А. Р.*]. И я иду считать, иду и считаю — 8-ь находится на сажелке в Берестовце. Какие-то, должно быть, прислуга, моют посуду.

«Коммунистам, — говорит одна, — конец, но мы еще посмотрим!» И подает мне грязную руку.

И я ушла куда-то. Кровать очень низкая, на ней лежит Любовь Исааковна, и чтобы говорить с ней, я стала перед ней на колени, так низко кровать.

7.

БЕРЕСТОВЕЦ^а

[Тени]

— сон^б —Paris, 1 I 1925^с

Показываю Диксону [*Вл<адимир> Вас<ильевич> Диксон*] наш Берестовецкий сад. День, а мы с фонарем. В сад мы вошли через калитку — осень — под ногами по дорожке листья шуршат. Вдруг из-под жасмина тень — моя старшая сестра, она зеленоватая, очень большая, быстро прошла мимо нас. Мы все идем, и вдруг из-под яблони перерезал дорогу мой умерший брат. И стало жутко. Повернули направо под грушу, там сыро, словно после дождя, и листья прилипли: на лавочке под грушей сидит Черкасов [*Павилко*], его тень зеленоватая, как тень сестры.

«Боже, — думаю, — куда идти? За амбар? Или вести туда, где кусты смородины?»

^а *Справа на полях помета черными чернилами: (Диксон. Кн<ига> I) стр<аницы> 58, 76, 81, 86, 89, 100, 101, 105)*

^б *сон подчеркнуто синим карандашом.*

^с *Слева на полях помета синим карандашом: 1925*

А возле барбариса, вижу, три тени: они белые и одежды на них легкие. И среди них моя любимая бабушка [М. М. Самойлович]. Я взяла Диксона за руку:

«Лучше по траве идти к сажелке!» — сказала я.

А листья еще больше шуршат, — тени неизвестных мне шмыгают, их полон сад. Очень жутко. А когда мы приблизились к сажелке, из-под осокоря бросился ко мне Заруцкий и так радостно. Я вскрикнула и проснулась.

[*Все тени в сне мертвых, только одна старшая сестра, она в канун своей смерти † X 1925 г., и Диксон, уже обреченный † 1929. А. Р.*]

8.^a

РЕРИХ^b

— сон^c —

[Николай Константинович Рерих]

2 II 1925

Paris

Нарисована картина над воротами: изображен «учитель» — синие живые глаза; и стоят дальше — ряд учеников в парчовых разноцветных ризах. Эту картину нарисовал Рёрих <так! — ред.>. Смотрю на картину, и в это время появляется стог сена, немного затмевающий картину, так как он очень высокий. И вдруг стал падать с неба каменный дождь, и Рёрих пошел. А А. М. говорит мне: «Мне Рёрих дал 500 франков».

9.^d

... не согласилась, чтобы... ходил. Когда... Теперь у меня к нему неприязнь, тяжелое чувство, как к изменнику России... Фу! Какая гадость! Ш. сумел... поместить так, чтобы не быть изменником. Сегодня пойду на концерт Кусевицкого, все легче. А Слонимский [Николай] лишь кажется хорошим.

[*Не могу вспомнить про кого, и кто такое Ш. Ставлю много-точия, где стерто. А. Р.*]

^a Было: 6

^b При первоначальной записи сна на левой стороне тетрадного разворота была помещена газетная вырезка с фотографией Н. К. Рериха.

^c подчеркнута синим карандашом.

^d Было: 7

10.^a
ПУШКИНСКИЕ РУКОПИСИ
 — сон^b —

1925 19 V
 Paris

Вижу, подъехал к дому автомобиль, и все вооруженные. Они в моей комнате, их очень много.

«Скажите, — говорят мне, — правильно ли разобраны рукописи Пушкина?»

Я понимаю: кто-то разобрал новые, только что найденные рукописи Пушкина, и что от моего ответа зависит судьба того человека.

«Я еще ничего не могу сказать, — говорю им, — дайте мне еще посмотреть».

И один из этих вооруженных дает мне черный шнур, расщепленный на конце, как электрический провод.

«Если вы скажете неправду, вам — смерть!»

И я, глядя на шнур и видя, что рукописи разобраны неправильно, и зная, что ответ мой — судьба человека, делаю страшные усилия что-то сообразить и как-то выгородить, спасти человека, и просыпаюсь от детского крика, — кричат за окном коты.

11.
ДИКСОН
 (сон)

15 VI 1925
 Paris

Сегодня мне снился В<ладимир> Д<иксон>.^c Теперь он мне так редко снится. Один раз просто он был, и ничего не происходило^d. А сегодня будто мы с ним едем, он в своем сером пальто. И он мне сказал:

«Не сердитесь на меня, С. П.»

А я ответила: «И Вы не сердитесь на меня».

^a Было: 8

^b Подчеркнуто синим карандашом.

^c Стр<ава на полях помета черными чернилами: Кн<ига> I. 1934 / стр<аницы> 58, 76 стр<аницы> 81, 86, 88, 100, 101, 105

^d Над строкой вариант: (Снится просто он и ничего не происходит)

Как-то он был вне... не знаю... или нет, об этом не упоминалось во сне. Мы идем вместе. Я сказала, что я еду завтра, — и вдруг с ним что-то такое, дурно ему. Тут какое-то Café, я подвела и со столика взяла графин с водой, стала ему мочить лоб и голову; а волосы у него черные. А потом он оправился, и мы попрощались. И я тогда подумала: «как же это я его не позвала к себе, ведь я завтра уезжаю». Вот и все. Как странно, ... скорее и чаще думаю, что ... будет... кончится.

[*Многоточие там, где или вычеркнуто, или стерто*].

12.^a

АНГЛИЧАНКИ

16 VI 1925

Paris

Были англичанки [*Miss J. E. Harrison и Hope Mirrlees*]. Я думаю, они — лучшие из всех англичанок, какие есть, и вот земные, без духа, только душа хорошая. И не любят Достоевского, потому что он тревожит, будоражит, от него им больно. А я за то самое его так люблю.

Я их спрашивала про американок. Они говорят, что американки — это практика, «проза», плоскость, — они их не любят. И еще говорят, что американки умеют деньги наживать, что чувствуют, где деньги, если не теперь, то в будущем.

Бедный Д<иксон>, неужели... не чувствует, что он был... это главное. А то, за что... это, вероятно, пока прощается^b.

Мне не с кем говорить, как душа опухла, столько там лежит несказанного.

[*Многоточия — вычеркнуто. Как странно мне и тогда, и теперь, С. П. обо всем со мной разговаривала, но этого было мало, надо было всегда какого-то третьего, кому бы, поверив, можно рассказывать сокровенное свое. И опять: я складывал для литературы, меня не тяготила невысказанность, я даже боялся бы как-нибудь охладить, опустошить свою «опухшую» душу. Но для С. П. как трудно было найти человека, кому бы могла она высказать и освободить свою «опухшую» душу. А. Р.*]

^a Нумерация исправлена.

^b Справа на полях помета черными чернилами: [Диксон] кн<ига> I <цифры зачеркн.> стр<аницы> 58, 76, 81, 86, 87, 88, 100, 101

13.^a

11 VII 1925

Paris

Как тяжело жить, когда нельзя высказать того, что возмущает всю душу. Если бы можно было, я бы всем все сказала. Ничуть не жалею о своем письме к Э. Н. Гиппиус, — наоборот, есть удовлетворение, потому что высказала, что накопилось. Вот я бы с радостью громко сказала..., что они — сплетники, что поссорили нас с П..., а теперь с Л... И еще высказала бы Ш..., что он от мещанства, и что нельзя так — все путать обо всех, и никому ничего. Еще высказала бы... А самое главное здешним бешеным собакам. А нельзя, надо молчать и негде высказаться. Я бы В<ладимиру> В<асильевичу> Д<иксону> не так написала, я бы все сказала, что ду<маю>...

[*Многоточие — там, где зачеркнуто. Я догадываюсь о именах. Между прочим, тут ничего такого нет обидного, где про Шестова: свое «мещанство» он, кажется, сам признавал, хотя и не высказывал, порицая в других, но одно он не понимал: всегда хлопоча за кого-нибудь, он присоединял еще имена и, когда надо было просить за одного, он просил о десятиерых, — ему это доставляло удовольствие, но ни другому, никому другим не было никакой пользы: одно<му> еще не отказали бы, а десятиерым, конечно. Мне было легче переносить все безобразия этой эмигрантской жизни, к<отор>ую я называю «на каторге», я все свое возмущение складывал для «литературы», — сколько мог, выразил в «Учителе музыки», — но мне было больно за С. П.: ей было ужасно — ей складывать куда-нибудь не для чего было. А. Р.]*

14.^b

КНИГИ

— сон^c —

1925 20 VII

Kerbellec

У Сумского [Соломон Гитманович Каплун 1891—1940] книжная лавка, а продавщицей у него служит Надя Булгакова [«Оля»]. Я вошла в лавку, спрашиваю «Русскую Мысль».

^a Нумерация исправлена.

^b Нумерация исправлена.

^c Подчеркнуто синим карандашом.

Сумский говорит: «Вам послано в пятницу».

«Я не получила», — говорю.

Тогда он Наде Булгаковой: «Дайте “Русскую Мысль”, и еще “Летопись”, новый журнал».

А Надя не хочет. Я жду, жду, не дает.

Пришел А. М. Я ему рассказываю, а он никакого внимания. Я рассердилась, и прыгнула^а с горы и прямо в лужу с травой.

15.^b
ДВОЙНОЙ СОН^c

21 VII 1925

Kerbellec

Я вошла в дом, это где-то очень далеко. И там старик вроде Чайковского [] стал мне левую руку целовать. А потом гости собрались: Зин<аида> Аф<анасьевна> Венгерова в черном с серебром платье, Ник<олай> Макс<имович> Минский [*Виленкин 1855—1937*] и Наталка Свечникова, моя гимназическая подруга [*«Оля»*] и еще много, каких-то, и мне хочется уйти. И я ушла, наконец, и иду по тропинке в лесу. Слышу голоса и побежала, мне страшно, и вдруг узнаю, что тропинка эта из нашего Берестовецкого сада, вижу и дорожки, и кусты барбариса, и дом. Думаю, надо будет стучать в дверь. И слышу, голоса в саду, и понимаю, что это крестьяне, потому что революция. И проснулась. И вижу Палагея <так! — *ред.*> [*Пелагея Ивановна Терещенко-Чайковская*], а я купаюсь и очень глубоко; мое кольцо от воды замкнуло, и камень отделился, но я камень держу в руке, потом надо будет приделать, но я никак не могу выйти из воды. И проснулась.

^a Далее одно слово зачеркнуто.

^b Текст на вклеенном листе. Нумерация исправлена.

^c Подчеркнуто синим карандашом: СОН

16.^a
С БЛОКОМ О ДИКСОНЕ^b

— сон^c —

3 VIII 1925

Chartreuse de Neuville

Montreuil^{s/м}

Мы приехали в Петербург и спешим уложить наши вещи, опять ехать в Париж. С нами едет А. А. Блок [1880—1921], он хуже, чем был, а лицо розовое. Он нам показывает Петербург: многое изменилось, и много чего иначе называется, напр<и-мер>, Васильевский остров — «Застравовонный <так! — *ред.*> остров». Мы поднялись на вышку Исакиевского <так! — *ред.*> собора, смотрим на Петербург: Нева, огни. И я говорю Блоку:

«Да, Ал<ександр> Ал <ександрович>, я Вам должна сказать, Вас очень любит один, по-настоящему любит. Только он умер недавно. И зачем он умер, не дожил до того дня, что вот я Вам рассказываю».

У Блока слезы на глазах, так его это тронуло. А я все сокрушаюсь, что он умер.

«Но, — говорю я, — вон звезды нам светят: я думаю, он слышит, что говорю я. Это Владимир Васильевич Диксон — «Семенцов» [1900—1929]». И обращаюсь к А. М.: «Есть ли его книжка?»

«Да, есть», — говорит А. М.

Мы спустились с вышки Исакия и видим, идет крестный ход: это Пасха.

Я говорю Блоку: «Возьмите его книгу».

«Я прочту, — сказал Блок, — и Вам о ней напишу».

Тогда я говорю: «Еще есть у него приятель, живет в Нью-Йорке, он, наверно, Вас тоже любит: Вл<адимир> Перцов».

^a Нумерация исправлена.

^b Слева на полях помета черными чернилами: [Диксон] 58, 71, 81, 86, 87, 88, 100, 101, 105

^c Подчеркнуто синим карандашом.

17.^a
ДВЕ СТАРУХИ И КОФИЙ
— сон^b —

1925 5 VIII
Chartreuse de Neuville

У нас большая квартира и есть спальня, но мы в ней никогда не спим.^c Идет спектакль — пьеса, которую я знаю, но ее совсем иначе играют^d: одна старуха благословляет другую старуху и говорит, что «от нее произойдет чистая кровь». Никто не хлопает. И кругом говорят, что это кошунство, — не хлопают. А эти старухи, будто Бог с Авраамом.

И у нас живет прислуга-француженка, и просит кормить ее подругу Лизу. [*Лиза — подруга Насти, нашей последней прислуги на Вас<ильевском> Острове в революции.*] Я в отчаянии: хорошо сказать «кормить», да такую еще как Лиза! [*Эта Лиза славилась необыкновенным обжорством и матросов заводила — для еды, а сама тонкая, хрустальная, и куда это все складывалось, неисповедимо. А. Р.*] И слышу, что Гржебиных из Франции выслали за то, что «плохо с Алешей (их сын) обращаются: не вовремя кормят». И тут же появилась М. К. Гржебина, волосы выкрашены в черный цвет.

Я говорю А. М.: «Давай, я буду утром кофе варить, а то нас вышлют за то, что ты варишь».

А он: «Лучше в четыре будем пить, но только чтобы я!»

18.^e

24 VIII 1925
Kerbellec

Живу у совсем чужих и простых [*Fleury*], будто мы с ними с другой планеты. Ни одного русского слова уже 5 дней. Завтра А. М. приедет и Киреев...

^a Нумерация исправлена

^b Подчеркнуто синим карандашом.

^c Взамен зачеркнутого слова — рисунок собаки.

^d Внизу листа помета простым карандашом, обведенным синими чернилами: стр<аница> 90

^e Нумерация исправлена.

19.^a

31 VIII 1925

Kerbellec

Надоело мне здесь ужасно, но и домой тоже не хочется. Так всегда со мною летом. Если бы надо было летом где-нибудь свою квартиру иметь, как в Париже, чтобы по-своему жить, и тогда я бы себя хорошо чувствовала. А то приходится подчиняться чужому и быть постоянно среди чужих, и это утомляет.

Я люблю молчать и думать, а приходится зря разговаривать.

20.^b

2 IX 1925

Kerbellec

Совсем я одинокая. Ну, кого ни возьми, у всех есть близкий человек, в самом главном. А у меня нет никого.

Так мне надоело и так противно это все, эти разговоры о большевиках с таким, что «это все ничего». А К. — это то отвратительное, что теперь пришло в Россию: хитрый, везде сухой пролезет, там помолчит, там не договорит, все свою выгоду имеет в виду, ничего святого, ничего, за что бы готов держаться... Я думаю, если бы меня не было, А. М. сам был бы не то, что вроде большевика, а так.

[В чем заключался мой «большевизм»? — это я теперь спрашиваю себя. Оба мы вынесли из России, что Россия жива, «не погибла», и никаким «снегом ее не заметало», что в России остались большие «культурные» силы, что чваниться эмиграции «мы — все» — самонадеянно и слепо, и кличка «Совдепия» вместо «России» для Русских, оставшихся в России, обидна, да и неправда. И я стал искать и отмечать, что за эти годы подымалось в России «живого», это касалось не политики, но «литературы» и «живой жизни». И тут я, конечно, ошибался: я верил часто не в то, что было, а в желаемое, чтобы так было. В жизни там поднялось «мещанство» и «серединная мера» — провинциализм — то самое, что здесь заполняло все. С первого шага на чужой земле я почувствовал это в своих, русских. Меня очень все задевало здесь, и я, конечно, говорил иногда резко против, «вроде

^a Нумерация исправлена.

^b Нумерация исправлена.

большевика». Не сразу пришла «мудрость». И я понимаю, как я мог соблазнять своими «отзывами»: все было не то, не так, — но для С. П. слышать такое было тяжело, а она сама была, как и я, задета, и сразу проникнуть и увидеть то, что было действительно во мне, она не могла, и мучилась, чувствуя себя иногда «совсем одинокой». А. Р.]

21.

СОН

11 апреля 1926^a

Вл<адимиру> Вас<ильевичу> Диксону

Мне сегодня ночью сон такой снился яркий. Это и не сон: наша церковь в нашем имении [*Берестовец*]. Пасха. Поют «Христос воскрес». Рассветает. Птичка летает и чирикает. Я иду с няней моей. Она говорит: «На солнышко взгляни, как оно играет». Я вижу, нищий стоит в лохмотьях. Я ему хочу дать кулич и яйцо красное. Вглядываюсь, а это Вы [*В. Диксон*], только все лицо избородили морщины, по глазам узнала. Я проснулась в ужасе и уже не могла спать.

И подумала: «Нет, я не из тех, кто за три недели может успокоиться. Все равно, у меня уже полной радости не будет в эту Пасху. Все равно, я буду знать и помнить то, что Вы допускаете на 1-ый день. И еще меня кошмары будут мучить, будто я Вас лишаю самого для меня важного. Потому я Вам пишу, чтобы сказать: если Вы хотите, то приходите и в пятницу, и в четверг, и на Ночь, когда Вы приедете, и хотите. Только известите».

VI.

СТАРШАЯ СЕСТРА

[*Екатерина Павловна Довгелло [в разводе Котляревская]* кончила Киевский Институт, учительница в Жекулинской гим<назии> в Киеве.

В «Оле» I, II, III — Ирина]

1874—1925

7 XI 1925

Все, что <о> ней помню, она родилась трудно, она была у мамы первая, трое суток были роды; мама очень мучилась,

^a Слева на полях запись: Я Вас пускаю с собою в церковь.

акушерка жила в доме до и после родов. Это было осенью 1-го октября в старом доме [дом с «белыми башнями» сгорел в революцию] — наверное, сад был весь в опавших листьях.

Она говорила, что помнит, как я родилась, что меня положили на очень высокий сундук, — этот сундук был у нас, пока дом был, он не был высокий, это ей так тогда казалось.

Потом я помню всегда восхищение ею у нас в доме, когда я была маленькая: восхищалась мама и ее в пример ставила, и я восхищалась за мамой. Я помню, у нее было зеленое платье, когда она еще девочкой была. Я помню, девочкой она была хрупкая, бледная и худая. А потом я помню, как у нее была передержка [*перезкзаменовка*], она летом занималась, это в зеленом платье. А потом я помню ее, когда она окончила институт: она была удивительно хорошенькая: высокая, стройная, волосы очень красивого цвета, такого, как теперь себе красят, но у нее свои, очень красивые брови, длинные, темные, и вся она не розовая, а очень белая, нос немного вздернут.

Я знаю, что ей нравился Котляревский и Кочубей, а еще раньше, мне кажется, Введенский. Когда я сидела в тюрьме, она приехала, и мы полчаса сидели, обнявшись, она тогда меня любила. И еще в Вологду она ко мне приезжала, и тоже любила, горшок тогда мне купила.

Она не была счастливая, она много работала, она всегда суе-тилась, хлопотала. Она была деликатная, воспитанная и гордая.

Молюсь, чтобы Христос ее там принял к себе.

VII.^a
В БОЛЕЗНЬ
1925.20.XII — 1926.12.I
Paris

[20 января 1925 г. исполнилось 600 лет, как был 1-й Никейский Собор 325 г., в Notre-Dame была торжественная служба. Много было народу, пошла и С. П. А погода была — самый дождь. И простудилась. А в канун болезни ей снились тяжелые сны, это так за неделю. Я их вперед выписываю, а потом с 20 XII — из

^a Раздел VII — подшивка листов, вклеенных в Книгу I. На левой стороне тетрадного разворота рисунок: цветы.

дневника «в болезнь», я записывал со слов С. П., иногда соединяя со своим в снах. А. Р.]

1.
НА ТЮФЯКЕ

— сон^а —

1925 12 XII

Paris

Мне нужно вверх лезть. Дошла до последней ступеньки. А дальше перескоки, очень трудно. И кто-то говорит:

«Идите через ад, так легче!» — И показывает на тюфяк внизу.

Я спрыгнула на тюфяк и на тюфяке полетела. И вижу, лечу над горой, и еще гора выше. И говорю:

«Как это ужасно».

И тут лошади: они сидят, подогнув ноги, и очень важно, а выражение глаз — человеческое. И вдруг все поднялись и стали танцевать: и лошади, и люди — люди странные, без носа, без шеи. И вижу, мальчик — отвратительный, «которого, подумала я, только родители могут любить»: большое туловище, бессмысленные глаза. И он заплясал с этими непохожими людьми, и с лошадьми.

«Это и есть бесовский танец».

2.
С КУВШИНОМ В ГРЯЗИ

— сон —

1925 14 XII

Paris

Иду куда-то, а навстречу девочка. А грязь такая на улице. И все эта девочка пристаёт ко мне, наконец, села в лужу и стала бросать камни. Я схватила ее да и пригнула в лужу, — и у нее потекла изо рта кровь. Бросила я ее, отошла и вижу, как приподнялась она и кувшином в меня. Но кувшин не долетел. Я подняла его и думаю: «брошу», — а возле кувшина, вижу, другая девочка совсем маленькая, а лицо старое.

^а Во всех миниатюрах раздела VII жанровое определение сон подчеркнуто синим карандашом.

3.

«ПИЩИК»

— сон —

1925 16 XII

Paris

Вижу, «Пищик» ходит по комнате и меня не узнает. А руки у нее — все-то пальцы в земле.

[«Пищик» — Надежда Платоновна Янковская, существо доброе, большое, но тоненький голос, — бывала у нас со своей сестрой в Петербурге в революцию, 1919—1921. Видеть ее во сне всегда доброе предзнаменование.]

4.

ПРОШЛОГОДНИЕ ЕЛКИ

— сон —

1925 20 XII

Еду с В. В. Диксоном куда-то. Когда поезд остановился, пришлось переходить — «перескакивать» — через другой поезд. Оказалось, что нам нужно еще немного пожить в пансионе. В этом пансионе живут Гржебины. Буба Гржебина водит меня по комнатам, показывает прошлогодние елки: елки осыпались — идем по иглам — а вместе с тем, на елках полно свежей хвой.

«Я пойду к Диксону в № 7», — говорю Бубе.

И иду одна, я в одних чулках: чулки коричневые с белыми полосками. Я постучалась и отворила дверь. Диксон лежит больной в жару. Я говорю:

«У меня деньги на груди: 5 и 10 рублей, бумажки. Но у меня есть еще в запасе».

5.

В ГРОБУ

1925 20 XII

[Вижу, в комнате сидит мать С. П-ы и ее брат. Он нагнулся и подает мне коричневые туфли. А. Р.]

Лев Шестов сидит под деревом, глубоко задумался. И вдруг слышу:

«Честнѣйшую херувимъ
И славнѣйшу безъ сравненія серафимъ...»
[*Это в воскресенье в Notre Dame пели по-славянски.*]

Лежу в гробу в синем платье, распущены волосы. Вижу
А. М. стоит, на нем желтая кофта, и Аля Цветаева плачет.

6.

ОБЕЗЬЯНКИ

1925 21 XII

Вижу, как обезьянки надувающиеся, но в виде человеческого, белые, вошли в комнату и чего-то около кровати делают, а ступают неслышно; на шее у них воротнички широкие и пышные, как на старинных гравюрах.

[*В мою комнату вбежала С. П. в одной рубашке и крикнула, — крик ее был, как шепот:*

«27»

А. Р.]

И опять входит Аля Цветаева: она принесла ветку-вербочку.

7.

ЧУЛКИ, НА ИЗВОЗЧИКЕ И ПИСЬМО ДИКСОНА

— сон —

1926 6 I

Кричу, чтобы услышала моя сестра [*старшая сестра, умершая*].

[*Я подошел на крик. Какая беспомощность, и сколько благодарности, что освободил. А. Р.*]

Иду покупать шерстяные чулки. Темно. Прохожу по Avenue Mozart и боюсь встретить доктора Васильева.

«Если встречу, думаю, я закрою лицо, и он меня не узнает».

И очутилась я на площади, и там берестовецкий священник о. Евтихий в полном облачении, а волосы — седые кудряшки. Я поклонилась ему и хочу рассказать, как была больна — и не могу...

По Quai еду на петербургском извозчике. А впереди на извозчиках же: один огромный, как Мансветов [*Прага*], другой чуть поменьше, к<ак> Махин [*Белград*]. Надо переехать на другую сторону, а они почему-то пропускают мосты. Уж к Hôtel de Ville приближаемся, и меня это волнует —

Получилось письмо от Диксона: «Я ничего не могу сделать пока по Вашим делам, потому что все время идет дождь, но 8-го, в понедельник, если не будет дождя, я поеду и все сделаю. Передайте С. П., что я все время ношу ее китайскую кофту [*это расшитая шелками китайская кофта, подарок Екатерины Ивановны, жены Турки — Тотеша, которую я носил в России с 1919—1921 и однажды выступал в ней в Доме Литераторов. А. Р.*], и еще передайте С. П., что я научился говорить не то, что я думаю».

8. «КОЗАК МОЛОДОЙ»

— сон —

1926 7 I

Идем с Мочульским [*Константин Васильевич*] по ступенькам вниз. И на каждой ступеньке Мочульский говорит, повторяя:

«9».

Так вышли на улицу.

«Давайте поедем по Quai», — предлагает Мочульский.

«Нет, — говорю, — надо сначала по счету заплатить».

И он пошел в загончик [*отхожее место*]. А я жду. Все нет и нет. Проходит М. К. Гржебина: глаза у нее выворочены — смотреть страшно. И слышу, говорят, что Андрей Оболенский написал замечательное произведение, напечатал в «Днях», и есть там слово «козак молодой», и этим все особенно восхищаются. Не дождавшись Мочульского, я пошла, — а навстречу одна из Хижняковых и на ходу говорит:

«Я Оля. А какое удивительное произведение написал Андрей Оболенский, особенно это — “козак молодой!”»

А я подумала: «и нашли же чем восхищаться, ведь это пришитое выражение “козак молодой!”». И я очутилась на балконе. А с самого веру из окна высунулась:

«Я Оля, — говорит, — вот когда я туда шла — Вы, а пришла на балкон — опять Вы».

И тут выходит Мочульский, и вижу, вместо рук у него лягушьи лапы.

9.

В ЧЕРНОМ И В СЕРОМ

— сон —

1926 10 I

По правой стороне стоят две в черном, они высокие и тонкие. Хорошо смотрят, в бровях особенно хорошо, светло-карие глаза. Принесли два пакета: один коричневый, другой — желтый. Пришел Зайцев [*Борис Константинович*] с дочерью Наташей. Я угощаю их колбасой. А с левой стороны выступил в сером.

10.

НА КЛАДБИЩЕ И ВНИЗУ

1926 11 I

Надо мне пойти после болезни на кладбище. Я и пошла. Хорошо на кладбище. Осень. Под ветром кусты колышутся. Вот могила Блока. Какая большая, а на ней неровный пенёк. Пришла я домой: мы живем наверху, а внизу какие-то незнакомые. Нина Николаевна Сеземан сидит на подоконнике. [*Н. Н. Сеземан* > *очень крупная. А. Р.*] Я ее тронула пальцем, и она перекувыркнулась и упала. И прямо на кровать. Я очень испугалась. А говорят, «ничего, не разбилась» И несут ее к нам наверх.

«Нужно пойти мне вниз, думаю, пока несут. А то неловко».

И пошла. А внизу живут какие-то, и среди них К. (я ее вспоминаю из ранней молодости, она была не как следует, а «выпишала»).

«А у вас не все дома сидят, кому следует», — говорит она.

«И у вас тоже, — повторяю ее слова, — не все дома сидят, кому следует». А сама думаю: «Кто же это “не сидит”?». — «А вот, знаете, — говорю, — что у нас случилось?» И хочу рассказать, как упала Нина Николаевна.

Я очень больна. Доктор Васильев стоит надо мною, лицо у него озабочено. А в воздухе мелькает Мухина записная книжка со стихами и изречениями, такая пестрая в цветочках.

11.
ЛЕКЦИЯ ПАСТЁРА

— сон —

1926 12 I

Сабашникова [*Маргарита Васильевна*] говорит мне:
«Я советую Вам послушать Пастёра».

Я пошла на лекцию: в аудитории кровати, и все лежат, я тоже легла, а передо мной пустая кровать. Читал Пастёр по-русски. Целый час читал, а что, не помню. Я сложила книги в зеленых переплетах, завязала веревкой, хочу выйти, выхожу из аудитории, но не могу найти выхода на волю. И вернулась. И так неловко, лекция продолжается второй час, и осталось всего несколько минут. Я все-таки дослушала, а что, не помню. И вышла. А навстречу Шрейбер:

«Знаете, — говорит, — Мария Моис<еевна> [*Гуревич*] очень больна».

«Что такое?»

«Почки».

«Странно, она никогда не ест мяса».

«Да, но зато она ничего и не пьет».

Но передо мною уже не Шрейбер, а Сабашникова. И я проснулась.

1926 11—12 I

[Днем я в первый раз выходил далеко после 23-х дней затвора болезни С. П.]

На углу Rue Lafayette, где особенно людно, я подумал, чья-то воля гонит всех этих спешащих и перегоняющих друг друга, и в этом движении — жизнь. Эта воля может быть и отдельных лиц, и государства, это самое непреклонное и грозное, и какая форма (социализм, коммунизм), неважно. А в этом бестолочном движении, так со вне, проходит жизнь. Долго мне приходится выстаивать на перекрестках с моими глазами. И мне как-то скучно становится («скучно» — по-русски): какой смысл всей этой суетне, но все цепляются, п<отому> ч<то> дороже жизни, кажется, ничего нет.

<12.>
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
сон^a

Опять в дорогу. Я это покорно принял. Но так скоро, не успели обжиться. «Этапом, — говорят, — и ничего нельзя с собой брать». Я пошел было в наши комнаты, там вещи навалены в беспорядке, а вот, оказывается, взять ничего нельзя. Да как-то и в голову не приходит, чтобы выбрать что-нибудь из вещей.

Я лежу на полу в ожидании отправки этапа. Тут же и Палагея Ивановна Терещенко [Чайковская]. О чем-то мы с ней разговаривали. Но кто-то перебил нас. И вижу, Сем<ен> Вл<адимирович> Лурье. И кто-то, предостерегая:

«Имейте в виду, Семен Вл<адимирович> Лурье все время следит за Вами».

«Надо записную книжку взять с собой», — говорит С. П.

Я поднялся и пошел к загородке. А караулит Ник<олай> Макс<имович> Минский, на нем таможенная форма.

«Мне надо, — говорю, — записную книжку в дорогу».

«Минский выдаст», — говорит кто-то.

И, действительно, Минский подает мне огромную книгу в кожаном переплете, как Четьи-Минеи:

«Получайте!»

«Вот так, — думаю, — записная, да ее и не донесешь!» А. Р.]

VIII.
ИЗ ДНЕВНИКА
1926^b

1.

20 VI 1926
Paris

Послезавтра, наверно, поеду в Виши. Мне от этого жутко. Как я там буду одна: у меня безумная тоска все это время на душе, и почти никто мне не нравится. Вот если бы приехала

^a Вписано синим карандашом.

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1926

Наталья Васильевна [Григорьева], — это настоящий человек. Я очень болела этой зимой и очень устала, так бы легла на траву и пролежала бы весь день.

2.

23 VI 1926

Vichy

Сегодня здесь 1-й день. Мне приятно, что я весь день молчу. Только очень беспокоюсь о А<лексее> М<ихайловиче>. Спать хочется, хочу дотянуть до 9 ч<асов> и лечь спать, а то даже неловко, вроде как вчера перед носильщиком, — за час приехали. Хоть бы Бог помог, чтобы это Виши было на пользу.

3.

16 VII 1926

Vichy^a

Сегодня последний день моего лечения, завтра я уезжаю домой. Странный сон мне сегодня снился, я все время под его впечатлением:

Т<ышка> — Д<иксон>

— сон —

Будто земля черная, чернозем и мокрая, свежо, появился Т<ышка>^b К. Л. и говорит:

«Не гоните Д<иксона>, это я ему Ваш свет показал, чтобы он берег Вас».

Я сказала: «Нет, нет». И хочется мне много ему рассказать, что было за это время; я понимаю, что он — нездешний. И вдруг пришел Д<иксон>, а Т<ышка> К. Л. исчез.

Д<иксон>, оказывается, женился на Милюковой, просит меня его не осуждать.

^a Справа на полях помета чернилами: стр<аницы> 58, 76, 80, 86, 87, 100, 101, 105, 109

^b Под литерой Т. проведена черточка синим карандашом и обведена чернилами, напротив на полях помета синим карандашом, обведенная чернилами: III к<нига?>.

4.

Предисловие к стихам Вл. Диксона «Листья».

Изд. «Вол», Paris, 1927

Зачем я издаю эту книгу? Я хочу закрепить тот свет, который я нашёл^а. [— Вера во Христа и Любовь и жалость к России. И Вера, что Христос спасет Россию.]

Я не одинок, я только подымаю свой голос и, как умею, выражаю то, чем живу^б те, кто со мною.

В настоящее время каждое слово о «настоящем» — уже не напрасно. Думать, что я сказал настоящее слово, слишком много. Я говорю только о «настоящем». Чем же мы живем и о чем, о каком «настоящем» думаем?

Вера во Христа, любовь к России и вера, что Христос спасет Россию.

Меня не тронет ни похвала, ни осуждения в печати. Потому что я не знаю в настоящее время никого, кто бы критиковал во имя Правды, а только такая критика может и научить, и огорчить. Мне важно мнение тех нескольких не критиков, которым я верю.

[Я знаю, что всю жизнь можно выразить полнее и лучше, чем маленькой слабой книгой. Это попытка.

Меня не трогает осуждение, равно как и похвала, потому что ни в одном из существующих критиков и не критиков, пишущих о книгах в журналах, я не вижу искания правды, — в жизни и даже в литературе, а только критика во имя Правды может и научить, и болью отозваться, и обрадовать.]

[*Это «предисловие» не для печати, а чтобы, если бы захотел Диксон, было бы руководиться чем. Стихи вышли без предисловия, посвящены С. П<авловн>е. А. Р.*]

5.

25 IX 1926

Paris

Лучше никакого предисловия не надо. Его предисловие [Диксона] не годится, и мое тоже. Станный человек.

^а Над строкой не зачеркнутый вариант: увидел.

^б Над строкой не зачеркнутый вариант: живу я и чем

Очень я тревожусь о Наталье Васильевне [Григорьевой] и о своих альбомах [палеографических] и архиве [Берестовецком]. Какой непригожий растет мальчик у Г., которого я любила, когда он был маленький. Как это странно! Был Вик<тор> Алек<с> З<а>, вот хороший человек, хотя и чужой, но весь хороший. И Л. Я. [его жена] хорошая. Я это кольцо очень берегу.

6.

о. Иоанн

23 X 1926 (суббота)

Paris

Была в Подворье у всенощной. Церковь почти готова. Подумала: «Где же Шаховской?» [кн. Дм<итрий> Алексеевич, архимандрит Иоанн]. Нету его. Потом чувствую, что кто-то на меня смотрит. Я туда взглянула и увидела глаза Шаховского. Это он, только я его не узнала. Встретясь со мною взглядом, он плотно закрыл глаза и так стоял несколько минут. И еще несколько раз при взгляде на меня он закрывал плотно глаза. Он очень изменился, не узнать: ряса, клобук, борода круглая и еще что-то чужое. Когда он прикладывался к Евангелию, снял клобук, и тогда стал больше похож на того, кого я знала.

Мне его было очень жаль, и теперь я полна какой-то боли за него. Я думаю, ему там очень трудно, я даже увидела или мне это показалось, у него слеза упала, когда он закрыл глаза.

Да, он очень одинок, но с ним Христос.

Он так изменился, и я подумала:

«Да, это не Димитрий Алексеевич, это о. Иоанн».

7.

10 XI 1926

Paris

В воскресенье было нашествие. Сначала хорошо: Наташа [Резникова], Нина Ник<олаевна> [Сеземан], Ольгерд [Мошанский], Сувчинский и из Праги Богатырев. Было приятно, даже весело. Вдруг явление: Сувчинская, Эфрон и Цветаева, — и сразу все померкло. Во-первых, у нас так много людей не может поместиться: и стульев, и чашек нет, — выходит страдание и для меня, и для А<лексея> М<ихайловича>. А во-вторых, невозможно приходить в «пространство», ведь если приводить с собою, значит, в пространство, не к нам вместе и не к кому-

нибудь одному. А к тому же Цветаева говорит «тирады» и сама себя слушает, ей ни до кого дела нет; и до нее не хочется иметь дело, потому что она вся собою занята. А Эфрон, он — размазня. Было очень тяжело.

Диксона^a мне глубоко жаль, так потерять свою душу, свое лицо. А каким хорошим он мог бы быть. Воли нет. Ольгерд с настоящей волей, этот не попадетя, как Диксон^b.

[*Ольгерд Мошанский учился с С. П. в Alliance Française, твердый литовец, о судьбе его не знаю. Цветаева повесилась в Москве в 1941 г. в августе, Богатырев — исследователь подкарпатских сказок, д<олжно> б<ыть>, в Праге, а может, в России. А. Р.*]

IX.
ИЗ ДНЕВНИКА
1930—1931—1932^c

1.
245
— сон —

9 III 1930
Paris

Снилось мне сегодня, что я путешествую по какой-то неведомой стране. Огромный дом на пересадке, там надо занимать места, мое место — 245, несет мои вещи В. В. Д<иксон>^d [† 1929]. Кругом говорят о ценах; оказывается, в этой стране денежная монета — вожжи: 20 вожжей, 50 вожжей и т. д. В<ладимир> В<асильевич> поставил мои вещи на мое место, и потом мы с ним сели в отделение. Я помню, что он умер, или, может быть, он должен скоро умереть. Но мне неловко его спрашивать, умер ли он, и потому я говорю:

«Что бы Вы делали, если бы я умерла?»

^a Слово подчеркнуто синим карандашом. Слева на полях помета чернилами, подчеркнутая синим карандашом: [Диксон]

^b Слово подчеркнуто синим карандашом.

^c Справа на полях помета синим карандашом: 1930 / 1931 / 1932

^d Справа на полях помета карандашная помета, обведенная черными чернилами: стр<аницы> 58, 76, 81, 86, 87, 88, 100, 101 [Диксон]

А он отвечает: «О, я бы скоро за Вами последовал, так или иначе». Потом он говорит: «Поцелуйте меня в глаза».

Я не знаю, что делать: у него нет места сухого, все лицо в^a страшном поту... или это слезы?

2.^b**ДИКСОН**

† 17 XII 1929

11 III 1930

Paris

11 Bd. de Port-Royal XIII

Вот опять начинаю давно прерванные записки. И как все изменилось с тех пор. Сколько горя и беды может вынести человек, если у него есть вера. Это я на себе узнала.

Умер Вл<адимир> Вас<ильевич> Диксон 17-го декабря [1929], уже почти 3 месяца. Теперь у нас никого нет такого, как он был, т. е. такого, который думает и беспокоится, и что-то может сделать, помочь.

Почему он умер? О, да, он умер от операции, но всегда есть более важная причина, чем видимая болезнь. Я думаю, он умер от того, что жил не тою жизнью, как должен был жить по тем дарам, какие он получил.

У него была душа светлая и ищущая света, русская душа, а жил он с «американкой» в довольстве и уже стал «в бридж играть». Лучше для него, что он умер, чем если бы он остался жить и превратился в «американца». Это для нас хуже, что его нет, а для него лучше.

Я никогда не видела такой женщины, как эта американка, просто животное без признака человеческого, и очень некрасивая, какая-то кривая вся.

3.^c**ДВА ПУТИ**

1 VIII 1930

Paris

Жить трудно. Как надо жить, чего искать? Я смотрю кругом — чего люди ищут? Славы, денег, праздности. Средства

^a Одно слово густо заштриховано.

^b Текст № 2 записан на листе, вклеенном в Тетрадь.

^c После введения текста № 2 исправлена пагинация в текстах 3—8.

подходящие: ложь, клевета, зависть. Но я видела тех, кто ищет Любви и Правды. Да, мало, но если раз видела, забыть нельзя. Значит, такое может быть, бывает.

4.

«ХОРОШО ЛЮБИТЬ»

26 XI 1930

Paris

Я вспоминаю и хочу сказать себе ясно, кто меня хорошо любил. А что такое «хорошо любить»?

Я думаю, что это значит любить в человеке вечное и радоваться, когда это вечное увеличивается, и даже ругать человека, когда не «вечное» берет верх.

Вот еще как бывает: я знаю, что В. В. Д<иксон> меня любил за самое «вечное», за то, что он его во мне видел. Да, я знаю, что он ни к кому больше так не относился. Но это было преклонение, т. е. если бы я падала, он бы, наверно, этого не видел, потому что он во мне видел только одно «вечное». Т. е. это было не равное отношение, не равное, вроде как к высшему существу, а надо равное. Это был недостаток его отношения, он считал меня другом и родной душой; везде, где он говорит о «родной» душе, это всегда ко мне [*Стихи*]. Но он меня, по-моему, боялся, даже хорошо боялся, боялся упасть в моих глазах. Но благодаря этой боязни он иногда от меня скрывал, т. е. говорил неправду. Значит, эта его любовь не совсем была, как надо, — надо, чтобы страха не было. Но это, конечно, очень большие требования. Если бы мы раньше встретились, он бы и не боялся, и не умер бы. Он был мой друг.

5.

ГODOBЩИНА [Диксон]

— сон^a —

20 XII 1930^b

В годовщину смерти В. В. Д<иксона> — 17-го декабря мне снился сон, будто его кладут в гроб, но он — живой, с ним мож-

^a Подчеркнуто синим карандашом.

^b Справа на полях пометы: 1) карандашная помета, обведенная черными чернилами: стр<аницы> 58, 76, 81, 86, 87, 88, 100, 101, 105; 2) помета синими чернилами: [В. В. Диксон]

но разговаривать. И как-то странно он соединяется с Оводовым [Н. П. Буличем]. И вот его положили в гроб. Я, чтобы его утешить, говорю:

«Владимир» Васильевич», мы в будущей жизни будем вместе».

А он говорит: «Только этого я и хочу, но буду ли я достоин?» Тут я проснулась от его голоса.

6.

БРЕТАНЬ

21 VII 1931

Kerbellec

Опять мы в Бретани [*Kerbellec. Le Clion* ^{S/M} L. П.]. Сколько воспоминаний! И Висоу [*Maurice*] вырос, 10 лет. А когда я в первый раз приехала, ему было 3 года. И теперь он хороший и нежный мальчик. Здесь тишина, отдыхаешь после Парижа и после всех тяжестей квартирных и матерьяльных. Пока денег у нас нет, но мы платим все сразу, уезжая, и есть надежда получить.

7.

«ПТИЦЫ»

Думаю о том, что ко мне часто приближаются далекие люди, и потом от меня требуют, и получается неприятно. Эту мою черту хорошо знал Оводов (Н. П. Булич). Я ее не умею сама определить, но если бы ее у меня не было, прежде всего, мне самой было бы легче.

Вот «Птицы» — ну ничего общего со мной не имеют, но как-то приблизились ко мне, будто я их подруга, приблизились, потому что ласковы со мной и даже больше, чем ласковы, — прилипали ко мне, не выпускали от себя, как приду в лавочку [*Rami, Rue Poussin*], присылали мне подарки — цветы, конфеты; я их приглашала, неловко было не пригласить, а они уже и требования предъявляют. Ни минуты я не думала, чтобы они могли хоть чем-нибудь быть близки — ну, совсем чужие, а они обижаются, я это вижу. И так смотрят. А «лексей» М «ихайлович» говорит: «Не обращать внимания». Да, конечно, но все-таки неприятно, хотя я знаю, что они меня и не представляют себе, вроде родственников: знают внешне, и что я, напр<имер>, люблю огурцы, сад.

8.
ПАМЯТЬ

22 VIII 1932

У меня очень хорошая память, потому, должно быть, прошлое имеет надо мною такую власть. Если бы не было воспоминаний, жизнь была бы беднее. Как плохо, наверно, жить беспмятным.

[Память для С. П. была великим даром: это большое счастье, но и большая мука. Помня все хорошее, она помнила и все огорчения. Легко сказать: «позабыть», — часто так говорят беспмятные. От памяти никуда не уйти, как от самого себя. Много я об этом думал, желая облегчить, отвлечь, — не удавалось; одно есть верное средство: музыка. А. Р.]^a

Х.
ИЗ ДНЕВНИКА
1933^b

1.
ТРОЦКИЙ
— сон —

1933 IX
Paris

Приговоренные к смерти, шли мы закованные, но легко, не путаясь в кандалах, и свободно, несмотря на узкие тугие наручники, потому ли, что во сне нет этого чувства тяжести, или потому, что и смертного страха не чувствовали, напротив: одно чувство — освобождение, и одно слово — наконец-то! Мой спутник — я его не встречала в жизни, но узнаю по портрету: это — Л. Д. Троцкий. По дороге трава и земля черными комками. И уж видится помост и над ним высоко на блоке блестит нож. И я сказала, показывая на землю под этим блестящим ножом:

^a Далее густо заштрихован текст С. П. с комментарием Ремизова под названием: «Мелкий бес».

^b Справа на полях помета синим карандашом: 1933

«Вот тут будут лежать наши тела!»

«Да, — отвечал Троцкий, — но только их смертный жребий».

И я понимаю, Троцкий хотел сказать, что и человеческая мысль телесна, как и чувство, а чувство обречено огню, и мысль «умирает», но то, от чего человек мыслит и от чего чувствует, каждый по-своему, этого сжечь нельзя. И я проснулась. И меня нисколько не удивило, что на какой-то мышинной единице в бесконечности судьба свела меня под один нож с Троцким, а его ответ о бессмертном жребии человека, — моя мысль.

[Этот сон я записал со слов С. П., потому и проскочила моя «мышинная единица». А поразительно, как этот сон по цвету похож на мой в день смерти С. П.: эта комками черная земля и зелень. А. Р.]

2.

1933
18 IX
Paris

Теперь, когда мы в таком ужасном положении (боюсь сказать «безвыходном», чтобы кликать «выход»), теперь я вдруг вспомнила Варю Пугач («Оля» III «С горбом»)^a.

<вклейка: лист с наклеенной фотографией В. В. Диксона>

3.

11 XI 1933
7 Rue Boileau, XVI^b

Как я рада, что мы живем не в Булони.

3 года там прожили (1930—1933), и такая даль от всего, никуда не пойдешь. Еще до сих пор мы оба не можем очухаться после 3-х месяцев без крова, особенно тяжел был последний месяц.^c

^a («Оля» III «С горбом») — синим карандашом, обведенным чернилами.

^b Справа на полях пометы: 1) карандашом: 103, 185; 2) карандашом с обводкой черными чернилами: 58, 76, 81, 86, 87, 88, 100, 101, 105, 109

^c Справа на полях помета синим карандашом: Д

О Бедном Диксоне

Хочу теперь написать подробно то, что начала писать 3 года тому назад, — о бедном Диксоне и о его несчастной жизни.

Что такое судьба? Думаю, что судьба «свободна», т. е. что человек тоже участвует в судьбе, от него тоже она зависит. Бывают роковые сроки в жизни, когда надо повернуть направо или налево, значит, так: повернуть надо, нельзя не повернуть — судьба! Но конечный выбор, куда повернуть, зависит от человека. Конечно, ему помогают силы, в этом я глубоко уверена: надо слушать голос души и духа, но не тела, и не пола.

[Прибавлю от себя: не слушать, как и следовать, не от воли человека — чей голос будет громче, кто перевесит, вот тут и скажется судьба. А. Р.]

Д<иксон> погиб, потому что послушался голоса пола и не нашел в себе сил противостоять натиску «американскому». И хотя с плачем о чем-то, что он теряет, но женился на американке.

Этому помогло его безволие. Ему надо было просто запретить жениться. «Не смей», и кончено. И тогда бы все пошло по-другому.

А ведь много лучше, если бы он «связался», пусть с какой-нибудь «проституткой», но был бы свободным духовно. Он начал уже изменяться к худшему, хотя и сознавал, что он сделал и какое «зверовидное» существо возле него.

Я хочу для себя шаг за шагом все написать, как было, чтобы уже не думать об этом, и не мучиться.

[С. П. мучилась, что вот она могла и не сделала: она своей волей могла бы остановить, «запретить», но почему так все случилось, в этом мне и видится судьба, «конем не объедешь». А. Р.]

Пришел к нам Д<иксон>, когда еще был совсем молодой, 23-х лет. Он был хороший, но сразу видно было, что слабовольный. И скоро начал относиться ко мне особенно, как к «высшему существу»: что я скажу, то он принимает; что я отвергаю, то и он отвергает. Под моим влиянием стал верующим, начал говеть. Я никогда его, грубо говоря, не «пропагандировала», но он все от меня воспринимал, со всем вниманием прислушивался к моим словам.

А<лексей> М<ихайлович> стал к нему относиться очень хорошо, п<отому> ч<то> он любит, чтобы ко мне так относились.

А меня это стесняло, особенно когда он начал говорить, что если бы все было иначе, и если бы он мог на мне жениться, это и было бы его счастье.

Однажды он мне рассказал, что из Америки приехала ба-рышня, не очень молодая, и привезла ему письмо от какого-то его товарища по технологическому, и что он, прочтя письмо, забыл о ней, но она стала постоянно ему звонить по телефону и звать к себе, но он не удосужился к ней пойти, и как-то она позвонила и сказала, что ей очень надо его видеть, и он пошел. Что она ему очень чужая и совсем некрасивая, и что она, по-видимому, в него влюблена.

Я особого внимания не обратила.

А потом через некоторое время он поехал на неделю в St. Tropez, и туда она явилась. Там-то и произошло.

Он плакал, говоря мне это, и все спрашивал, как он должен теперь поступить? Я говорила, что надо душу свою беречь прежде всего, и что во имя «пола» соединяться с человеком нельзя.

Когда я все это рассказала А<лексею> М<ихайловичу>, он сказал, что напрасно Д<иксон> со мной об этом говорит, лучше бы говорил с ним, мог бы подробно рассказать, и тогда можно было бы вместе подумать. Но Д<иксон> и слышать не хотел говорить с кем-нибудь, кроме меня, и плакал, и все решал, — то решал освободиться от «американки», то решал, что не может, что слишком далеко зашел, да и нелегко освободиться от нее.

Было очень тяжело все это выслушивать, и я уверилась, что без воли человек с хорошею душой, — все равно пропадает.

Однажды во время его плача я сказала:

«Вас спасет то, что для “буржуйной” жизни у Вас не хватит денег».

Я тогда не знала и не предполагала, что у него есть деньги, и не понимала, что если бы у него не было денег, американка и не охотилась бы за ним.

Это был несчастный человек, и я терпела его из жалости, потому что он всегда говорил, что если я его прогоню, он погибнет.

Он уезжал часто по службе. И вот я получила от него письмо, где он пишет, что решил жениться, и что его отец для этого приезжает. Письмо с большими помарками, что-то вычеркнуто, и следы слез. Потом он мне расскажет, что было вычеркнуто. А это было описание, как требовали, чтобы он женился.

Одна очень хорошая старая дама говорила потом уже, когда он умер, что я обязана была ему запретить жениться, что поэтому я несу на себе ответственность за его несчастье. А А<лексей> М<ихайлович>, который лучше и ближе все знает, говорит, что это было невозможно из-за его безволия и нахрапа американки, что можно было бы спасти его только одним; самой выйти за него замуж, но это — ganz ausgeschlossen.

[Теперь я бы прибавил: на время надо было приютить его у нас, а у нас как за стеной, проникнуть к нам было не очень-то просто, ну, американка покрутилась бы и исчезла; конечно, он должен был бы нести ответственность по американским законам, как «соблазнивший», хоть и «соблазненный», что же делать, но это все-таки лучше, чем его хомут, который его задумит. А. Р.]

И вот он женился.

Я думаю так: это и был поворот — к смерти при его безволии.

Он по-прежнему приходил к нам и все то же повторял горькое тысячу раз, и меня во всем слушался. Рассказывая о своем несчастье, он ни за что не хотел, чтобы его жена бывала у нас: иначе у него не будет угла своего, ведь стоит ее раз впустить, и уж никак от нее не отделаешься.

Когда он рассказывал, как он, живя с американкой, борется за свою душу, и что это ему надо поставить в плюс, и стал описывать свою жизнь, ну, ничего общего! — и он от нее все скрывает, и вот есть люди, у которых жены с другими сходятся, но он этого не может ждать, п<отому> ч<то> она очень некрасивая, а было бы его освобождение, если бы она могла кому-нибудь понравиться.

Я слушала этого безвольного человека и с сердцем сказала:

«Ваша жизнь ужасна и пошла, если бы хоть ребенок был, все-таки была бы какая-то связь и какое-то оправдание».

Вот от этих моих слов и вышло то, что появился у него сын.

И опять та дама, которая обвиняла меня в том, отчего я не запретила ему жениться, поставила мне в вину мои слова о рбенке, — что я не должна была так говорить, что я виновата.

Да, я сказала ему тогда с сердцем, — я его уже давно только жалела и только из жалости его не отгоняла, надежды не было на его возрождение из-за его безволия.

Когда сын родился, ему как будто стало легче, но он сам стал хуже, начал себя оправдывать: «и у других бывает так». Или: «я сделаю мальчика русским и в этом мое призвание и оправдание».

Так он падал. Это уже не был тот Д<иксон>, который любил свет и стремился к свету; еще проблески оставались, но он все больше и больше погружался в матерьяльное.

Он получил прибавку жалованья и большое повышение по службе, теперь с января месяца [1930] он будет жить в большом благополучии.

Иногда он схватывался и все хотел кого-то найти мудрого, кто бы ему приказал и указал. А какую еще искать мудрость, когда все так ясно: надо было выбрать, остаться с американкой и погружаться все больше в благополучие матерьяльное и все дальше уходить от света, или разорвать и уж жить по-другому.

Но он, безвольный, он и отца своего боялся, а американка — нахрапистая, и «что скажут» те люди, которых он не уважал, но от которых он зависел.

И вот он умер.

Он умер после операции аппендицита, после которой редко кто умирает. Я думаю, Бог его взял, чтобы не дать ему окончательно пасть. Если бы была у него воля, и он мог бы освободиться и начать новую жизнь, он бы поднялся, но воли не было. Я думаю, лучше для него, что он умер.

В день его смерти в клинике я и увидела в первый раз американку. Я знала, что она некрасивая, я ее карточку видела, но все-таки ее некрасивость меня поразила: она вся кривая с очень большим кривым и курносым носом, с маленькими черненькими глазками и со ртом, как у деревенской бабы, очень здоровая и вся одна — матерьяльность. (Между прочим, еще его не увезли, а она уже торговалась с людьми, которым сдавала квартиру, требовала «реприз».) И когда я пришла в клинику в день его

смерти, он еще был жив, она меня не пустила к нему и не дала привести священника. Было все ужасно.

После панихиды я ее позвала к нам, п<отому> ч<то> она плакала, и мне было ее жалко, и потому еще, что мне казалось, н а д о п о з в а т ь. И она приехала, вся обвешанная золотыми вещами и сразу все стала рассказывать: как он ей о себе ничего не говорил, как он ей раньше говорил, что не может на ней жениться, но она настояла. Мы были поражены: свою нахрапистость она ставила себе в заслугу.

ПЕТЕРБУРГ 1907—1909

1.

Очень мне плохо

2 III 1907

Петербург^a

Ходила по городу, была у Бердяевых, очень мне плохо. За-чем так человек устроен, что ему нужны люди, а в людях и есть весь ужас. Я бы хотела куда-нибудь далеко, где солнца много, и чтобы никто меня не тронул. Меня все трогает. Хоть бы скорее это все окончилось, и найти себе такое, чем бы жить. Надо от людей уйти дальше и жить так, чтобы Бога чувствовать возле себя! А Натусенька письмо выдумала, так бы ее поцеловала крепко: наверно, если бы она была с нами, мне бы жилось легче. Она ведь ангел. Мне и уезжать жалко, жалко А<лексея> М<ихайловича>, как он один тут без меня останется. Все чужие кругом — заклюют. И меня ведь люди заклевали. Разве я такая была? Только я и сама виновата, много сама сделала, вот мне теперь и тяжело. Я так думаю: совсем отстранюсь от людей, буду жить одна с собою, буду читать, а общаться только с Богом и с А<лексеем> М<ихайловичем>, они не обидят. Не хочется на Эрн идти, а с другой стороны и хочется.

[Эрн^b — молодой философ † IV 1917 г., читал публичные лекции в Петербурге. Когда С. П. говорила докторам, что ее болезнь, как у ее деда, и читала письмо бабушки — 1843 г., она имела в виду это ее состояние темной тоски, тут есть не только что «все трогает», но и «сама виновата, много сама сделала», — это ее постоянная мука за тех погибших из-за любви к ней, в чем вины ее никакой не было. О ее деде бабушка пишет сыну,

^a Справа на полях помета синим карандашом: 1907—1909

^b Справа на полях помета черными чернилами: Вл. Эрн. Русские мыслители. Г. С. Сковорода. Кн.-изд. Путь., М., 1912.

приводит слова деда: «его всякая малость беспокоит и тревожит»; а тетка сообщает брату о покаянном состоянии отца, как он мучается, вина себя: «не может без слез вас вспомнить и все рассказывает, что он обидел вас и нас, и мы его не можем уговорить, что какая тут обида, это больше ничто, как болезнь наделала». Запись С. П. очень важная, как и следующая, для ее состояния «За зеленой оградой».

Бердяевы жили в Петербурге в Басковом пер<еулке>, где была раньше редакция «Нового Пути» (1904 г.) и начала «Вопросов жизни» (1905 г.), а раньше при «Новом Пути» Г. И. Чулков жил (†) и Надежда Григорьевна Чулкова, в ней было что-то общее с Н. Г. Львовой по душевному складу, а так она черная.

С. П. читала Бердяева и с выписками. Мне трудно представить себе, как она это делала, все равно, как из Михайловского: С. П. такая «реальная» с ее знанием «святой земли» и «заколдованных мест» на земле, по Гюголю, и вдруг такое словесное отвлечение, беспредметность.

Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии.

«Трансцендентальное сознание, психологическое сознание. Заслуживают названия нравственных лишь такие поступки, которые обязательные для всякого сознательного существа, для всякой воли; основной признак нравственного есть приспособление индивидуального ко всеобщему. / Основной признак нравственного — совпадение индивидуального и частного со всеобщим. Нравственность, как и истина, не может быть классовой, но исторически она принимает классовую форму и носителем ее является тот общественный класс, который несет знамя общечеловеческого прогресса. Истинно человеческая нравственность оказывается психологически недоступной для эксплуатирующих классов современного общества, но этически она обязательна для всех, как норма. / Прогресс есть улучшение, т. е. переход от этически худшего к этически лучшему. / В историческом процессе видим нравственное развитие, приближение к абсолютно нравственному благу, к высшей человечности. Этот прогресс совершается посредством устранения субъективизма, вредного для объективной нравственности и обусловленного низким уровнем общественного развития. Каждая историческая эпоха создает в своем прогрессивнейшем классе тип нравствен-

ности более высокой, нежели предыдущие. / Общественный идеал можно рассматривать не только с точки зрения его объективной необходимости и субъективной желательности, но и с точки зрения его объективной справедливости и нравственности. / Правда всегда объективна, субъективно лишь то сознание людей, которое составляет разумную степень приближения к вечной правде. / Власть человека над природой и соединение человека с человеком — сущность социальной жизни. Развитие человека — цель и результат социальной жизни» (Дозде Бердяев). Эти выписки относятся к Устььсыольску или к Сольвычегодску, со мной «За зеленой оградой» С. П. таким «самообразованием» больше не занималась. А чудно читать эти строки, как-то даже «верить мудрено», что такое писалось, да еще и выписывалось в тетрадку, когда в сердце уже таилось: «надо жить так, чтобы Бога чувствовать возле себя». Но, конечно, — я очень к словам, к их ладу нетерпелив! — а мысль у Бердяева не впусе бродит и это совсем не то, что раз мне слышать пришлось: оратор — вопрос о нравственности: «Кеннан, Ренан, — сказал он, — что такое нравственность!» (Кеннан — это описание ссыльных в Сибири, книга обязательная для «революционера»). После Кеннана и Ренана вообще не существует вопроса, вот что хотел он сказать, т. е. все позволено. А имел он в виду не какие-нибудь «преступления», а только в вопросах «любви», где всегда говорится, что можно и чего нельзя. Помню, лицо: остренький, черненький и бородой, как сажеей, щеки измазаны, — студент, медик, и никакой веселости, тупой, должно быть, но решительный и добросовестный. Так вспомнилось, таким жизнь не трудна. А. Р.]

2.

Дрожит вся душа

Мне^а очень тяжело жить потому, что меня почти никто не понимает. А когда я вспоминаю К<азимира> Л<юдвиговича>, то меня берет такой ужас, что дрожит вся душа.

^а Справа на полях пометы : 1) синим карандашом с обводкой синими чернилами: Оля; 2) [Заруцкий][III-я Тетрадь]

3. Пасха

Она [Оля]^a уже давно не понимала, как ей жить на свете. Когда-то цель была ясна, но потом много нового выплыло, на что не было ответа, много было разочарований, иногда казалось, что нельзя верить никому. «Никому из оставшихся» — прибавлялось, потому что в прошлом у нее были встречи, память о которых навек осталась, твердо стояли люди на ногах, в них она верила. Были минуты, и не минуты, а месяцы, в которые она наложила бы на себя руки, и всегда ее останавливало одно: «Пасха». Если хотелось умереть осенью, то вспоминалась Пасха, которую непременно надо дожидаться, и потом уж можно и умереть; а сразу после Пасхи кто же может наложить на себя руки из тех, кто хоть раз произнес всем сердцем «Христос воскрес».

[Впервые поминается «Оля», даже «Ольга Александровна», когда еще не затевалась никакая «Олина книга». Помню, я рассказал, как мы в детстве ждали Пасху и, несмотря ни на что, говорилось у нас, как последний выход и утешение: «вот придет Пасха». С. П. на листке написала: «рассказ» — ей было легче так написать; а ведь это ее душевное состояние за «Зеленой оградой»: «дрожит вся душа». А. Р.]

4. Наташе

[Наталья Алексеевна Ремизова]

1909 11 IV

Петербург

Хочу написать тебе о себе, чтобы тебе было легче жить от моих уроков, потому что жизнь — жуткая и страшная. Хочу написать тебе о тех, кто любил меня, и о тех, кто не любил меня, но вставал на дороге и делал жизнь еще жутче. Теперь так мало я верю людям, и только Богу верю, а когда-то, когда вступила в жизнь, когда приехала в этот город, ставший навек моим отцом и моей матерью, когда приехала в Петербург [С. П. было 16 лет — А. Р.] — я всем верила, я во всех подозревала хороших

^a *Справа на полях пометы: 1) синим карандашом с обводкой синими чернилами: Оля; 2) [Заруцкий] (III Тетрадь)*

людей и уж, конечно, во всех видела людей, желающих мне добра. Там, у своих родителей, я уже понимала, что моя сестра мне завидует и не любит меня так, ни за что, просто потому, что я всем больше нравлюсь, чем она. Это было там, я бросила ту жизнь, тех людей, я приехала сюда и уж здесь я всем, всем верила. Я всегда улыбалась тогда. В начале своей жизни я встретила людей очень хороших (жизнь моя начинается с Петербурга, раньше — детство и гимназию я не считаю жизнью, это полная бессознательность). Что случилось с ними? Почему я теперь так одинока? Почему нет никого у меня? А вот видишь, одни умерли очень рано на самой заре своей жизни, таков...

* *
*

Знаешь, как ужасно жалеть? О трех вещах я страшно жалею. Первая вещь — это когда девочку отвезла к своим родственникам. Я помню, мы уже решили ее отвезти перед Пасхой, завтра поедем; я целую ночь не спала и все плакала, плакала, будто чувствовала, что потом будет. И не повезли. А потом через неделю, уже после Пасхи, повезли. Теперь, когда я думаю и решаю, можно ли отвозить детей, если бедность такая, как у нас была, думаю, можно, только к родственникам по духу, к людям, понимающим хоть что-нибудь в твоём. А мои родственники для меня дальше и чужее всех встречаемых. Там, при встрече с первым попавшимся человеком, есть надежда, что, может, и не чужой будет, а тут все известно, и они воображают, что меня знают, и сами обо мне никакого понятия не имеют. Я думаю, что мое самое страшное несчастье — мои родственники. И им-то пришлось отвезти мою дочь. Мне бы было легче, если бы она тогда умерла, чем то, что теперь случилось. Это мое самое страшное несчастье. А второе мое несчастье, оно из первого, что я на Медицинские курсы не поступила, все думала: вот девочку привезу, нельзя будет столько времени уделять занятиям! — так и не поступила. В Археологический институт поступила, чтобы поменьше дела было. Еще и еще одна вещь, о которой я страшно жалею, но не напишу ее, могла бы сказать ее на ухо тому мудрому и любящему^a человеку, и не лично ко мне относящемуся,

^a На основе нескольких густо заштрихованных слов — рисунок фантастического существа.

которого нет, т. е. которого я не встречала никогда и о котором только мечтаю, что встречу.

[Горькие слова о роде — ожесточение разлученной матери. Эта горечь проникает всякую память и глушит всякое чувство, остается одно режущее и резкое — безысходное^a. Но в жизни живого сердца живое подает голос и вся теплота чувства овеет слово. Вот из дневника 1919 г.^b 20 VI Петербург: «Как давно я не писала. И все тот же ужас кругом, нет, не тот же, а еще ужаснее. Что с моим братом родным, единственным? Вся душа изболела за него. Что Лидочка пишет, ничего понять нельзя. [Помер от сыпного тифа, я-то понял тогда. А. Р.] И снилась мне моя мама, будто поезд мчится — мчится, и моей мамочки голова в окне промчалась! А сегодня снилась Катечка, я их всех очень люблю, моих родных, и никогда так не любила их, как теперь, никогда не тосковала о них так, как теперь. И знаю я, сколько горя им принесла, и не из-за чего было. Не надо было мне из дому уезжать совсем, свои — роднее всех. Сережа — самый добрый из нас, совсем незлобивый, добрый, хороший, никому зла не сделал, его все и любили, мама больше всех его любила». И еще есть уже в здешнем дневнике, Париж, 1934, 1 VIII: «Как я видела кого в последний раз, кого уже никогда не увижу»: об отце, о матери, о сестре.^c И 1925, 7 IV — о смерти старшей сестры^d. В этих записях слова тише в раздумье сквозь слезы о прошлом, просветленном только любовью.

А то, про что она на ухо сказала бы мудрецу, в нашу жизнь она говорила полным голосом: это то, что я называю «за зеленой оградой», в том и несчастье ее, что она покинула свой голубой прозрачный мир и вошла в наш «прекраснейший» за зеленую ограду мучиться на чужбине. А что она пришла «оттуда», можно было догадаться и без всяких слов глазами — как узнавали ее люди высокого духа — по ее глазам, улыбке и рукам. «Рука, полная сверху, сужалась к тонкому и нежному запястью; и кисти рук: маленькие, фарфоровые; в них, как и в улыбке, удиви-

^a Поставлен знак вставки, но ее текст отсутствует.

^b Подчеркнуто синим карандашом: из дневника 1919 г.

^c Поставлен знак вставки, но ее текст отсутствует.

^d Поставлен знак вставки, но ее текст отсутствует.

тельная чистота», — это впечатление О. Андреевой с первой (Берлин, 1921) встречи. А глаза переданы на портрете с васильками, рисовала в Париже 1911 г. Маргарита Васильевна Сабашникова, хранится в Петербурге. А. Р.]

5. Мои записки^а

Это я тебе пишу свои записки, ты — мой один родной друг. Я теперь все понимаю и про отца, и про мать, вот хочу вспомнить, как в детстве понимала. Я знаю, что мать моя^б жила детьми и больше ничем, никогда я не видела, чтобы мать моя «одевалась», делала себе платья или шубу, она как-то всегда носила старое, шубы ей надавали в приданое, и она их носила и до сих пор они есть. Она всегда детей одевала, для детей все делала, она осуждала тех, кто, имея детей, сам о себе заботился, по ее мнению, все должны только о детях думать; мне кажется, моя мать совсем не знала жизни и не понимала в жизни ничего, ей была интересна жизнь только, поскольку она касается детей. Когда я была маленькая, мне часто говорили о страданиях Христа, и я много из-за этого мучилась, т. е., что вот это было — и из-за меня, потому что «за всех». И я думала, что самая лучшая дорога — тоже страдать за других. Это и было основой моей «революционности»: хочу пострадать, мне стыдно жить спокойно, хорошо, когда другим людям плохо... и т. д.

[Так начинаются «Мои записки», я их переписываю отдельно. Из них вышла моя книга «Оля». Не знаю, может все это в «безыскусственной» форме, как писалось, яснее и ярче моей «повести». С. П. записывала, что приходило ей на память, а не преднамеренно, и только иногда я просил ее записать что-нибудь из рассказанного ей. «Оля» писалась не только по записям, но и по рассказам. С. П. вообще не любила писать. А. Р.]

^а Нумерация и заглавие взято в кружок синим карандашом, обведенным чернилами, синим карандашом на полях проведена черта, обведенная чернилами запись: кн<ига> VI

^б Над строкой: [кн<ига> I стр<аница> 62]

6.
Не поддержал
 — сон^а —

Будто^б я и ты пошли на Бестужевские Курсы, которые я кончила три года тому назад. Много курсисток ходит, и некоторые из них говорят про меня что-то очень приятное, я это чувствую. Мы с тобой идем во второй этаж. На площадке, что между первым и вторым этажом, сидят курсистки, а навстречу нам идет какая-то с сросшимися бровями, с черными блестящими глазами и с широким носом — лицо у нее особенное. Вдруг в то время, как мы почти встречаемся с этой курсисткой, ее что-то очень сильно ударило в висок, что-то или кто-то невидимый, но так сильно ударило, что у нее хрустнула голова. Она побледнела и схватилась руками, лицо закрыла. Мы с тобой тоже так же схватились и закрыли лицо руками, и все сидевшие курсистки тоже. А та курсистка стала медленно падать. Я все ждала, что ты ее поддержишь, но ты не поддержал, она упала и об стулья ударилась.

7.
Про птичку, как руку клевала
 — сон^с —

1909 6—7 I

Снилось^д мне, будто я в каком-то огромном саду хожу, и там много народу. И при саде дом. Вот вижу я, К<азимир> Л<юдвигович> [Заруцкий] идет. Мы друг другу страшно обрадовались, он положил мне на лоб руку и сказал:

«У вас лоб стал лучше, и рот лучше».

И мы с ним смотрим друг на друга, и нам хорошо. Потом сели за стол я и А<лексей> М<ихайлович>, а он поодаль с кем-то стоит. Вдруг подбегает ко мне дочь Мейерхольда Таня, и я ее ласкаю. И слышу, К<азимир> Л<юдвигович> спрашивает: «Чья

^а Подчеркнуто синим карандашом.

^б Справа на полях помета синим карандашом и черными чернилами: Оля II стр<аницы> 278—79

^с Подчеркнуто синим карандашом.

^д Справа на полях пометы: 1) синим карандашом с обводкой синими чернилами: Оля; 2) [Заруцкий III-я Тетрадь]

это девочка?» И кто-то ему отвечает: «Это дочь С. П<авловн>ы, она ведь замужем». Тогда он говорит:

«Как замужем? За кем?»

Тот говорит: «За Р<емизовым>».

И я вижу, как ему неприятно, он схватился руками за голову и сказал, смотря на меня:

«Ну, теперь я ухожу».

Я его жестами прошу и стесняюсь перед людьми сказать, чтобы он меня простил, стираю руки, но он исчез.

Я бросилась его искать по дому и по саду, и А<лексей> М<ихайлович> его ищет, и Надя Янова, и не можем найти. Вдруг я иду и вижу: на подоконнике сидит птичка — коричневая, а горлышко и лапки беленькие. Я знаю, что эта птичка и есть К<азимир> Л<юдвигович>. Я ее взяла на руку, глажу, а она меня клюет. Так я ношу птичку долго, и вдруг опять птичка превращается в К<азимира> Л<юдвиговича>.

Его окружает много народа и А<лексей> М<ихайлович> тут же, говорят они о литературе, что А<лексей> М<ихайлович>а будто очень ругают за рассказ. Я говорю К<азимиру> Л<юдвиговичу>:

«Мне надо с Вами поговорить».

Он кивает головой, — сейчас, значит. Но я иду пока в кухню, чтобы мне дали пельмени. Мне Гусев дает тесто и палочку стеклянную, — и я все это несу к К<азимиру> Л<юдвиговичу>. Прихожу, а его уже нет. Я опять искать его, и вдруг на дороге встречаю Эглита — который спрашивает меня, поеду ли я осматривать Музей Александра III-го, он будет всем его показывать. Я отвечаю: «Нет», а сама ищу, ищу, ищу К<азимира> Л<юдвиговича>. И вижу, как уже стоит много людей, собрались ехать за 10 верст в Музей Александра III-го, и вижу, среди них К<азимир> Л<юдвигович> весь в светлом, а на голове жемчужное украшение. Я обрадовалась и к нему бросилась, как вдруг звонок, и я проснулась. А на руке у меня знак остался, как птичка клевала.

КНИГА II

ПЕТЕРБУРГ 1908—1909

СНЫ

1
ЛЕВ ШЕСТОВ^а
1866—1938

1908 21 на 22 XII

(с воскр<есенья> на понедельник)

Я и А. М. попали в какой-то сарай вроде постоянного двора. На мне шуба. И вижу, здесь же в сарае Н. П. Булич [Оводов] и мне хочется увидеть его и сказать ему, чтобы он не сердился на меня, да никак не могу найти его. Вот открываю дверь и вижу, что с другой стороны эту же дверь отворяет Н. П. Б. Он почти весь седой. Я обрадовалась: наконец-то нашла его! Я сказала ему что-то из моей мысли, а он нахмурился и отвернулся. И мы очутились на «поле битвы» возле какого-то села, где живет Лидия Ант<оновна> Борейко [Лена Боровая]. Лежим мы втроем: я, А. М. и Лев Шестов. Кругом трупы убитых, очень страшные.

Шестов говорит: «Вот для примера!» — и подает в руке какие-то отвратительные разложившиеся кишки.

Могилы открыты. Я чувствую, как в одной из могил кто-то шевелится в золотой одежде. И вдруг я поняла, что это шевелится царь Алексей Михайлович. Я очень боюсь, чтобы А. М. это не узнал: он, как узнает, сейчас же пойдет смотреть на царя Алексея Михайловича — ничем не удержишь. А царь так давно ведь умер — в 1676-м и потому вид его, должно быть, ужасен. А в это время кто-то из могилы кричит: «Послушайте! Послушайте!» И вдруг подходит ко мне какая-то барышня:

^а На левой странице разворота вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: Лев Шестов с бутылкой «порто». Рис. С. П. Ремизовой-Довгелло в обрисовке А. М. Ремизова.

«Я думаю, — говорит она, — значение современных писателей в том, что они влияют на людей».

Я сказала: «Может быть, вы правы»^a. И проснулась.

[Для Шестова очень характерно эти «разложившиеся кишки»: его страсть «разлагать», чем он особенно гордился, вся тут в его руке. По «кишкам», не называя имена, сразу догадываешься: никто, как Шестов. Мне это понравилось в Шестове, я люблю «копаться», да думаю, без этого и нельзя, если хочешь иметь отчетливое представление о вещах, но я люблю и легенду и чувствую ее магию и без легенды не могу представить себе живое в мире, все то, что можно разложить. А беда Шестова в том, что его глаза и сердце были закрыты для этого сказочного мира и от его слов всегда печаль, как его глаза.

И для меня этот сон характерен:^b мое любопытство, которое заметила С. П., мое всегдашнее посмотреть что-нибудь такое необыкновенное, как тут царя Алексея Михайловича. Но не в этом дело, а в моей зрительной памяти, которую заметила С. П., а эта моя память острейшая, захватывающая всю душу. С. П. боялась этого. Особенно напугал я ее в Херсоне, в первый год нашей жизни: в Херсоне поймали какого-то важного «разбойника» и приговорили к смертной казни, назначен был день — в 4 часа утра — на тюремном дворе; для назидания было решено присутствовать при казни всем, кому охота, и я собрался идти. Теперь я думаю, если бы я увидел, всю бы жизнь мою в глазах у меня висел человек на виселице. Вот этого С. П. и испугалась.

Кроме писем, не философских, а домашних, осталась от Шестова память: написал в альбом С. П. 26 XI 1921, Berlin:

«Первые слова после многолетней разлуки: Кто знает? Может быть, жить — значит умереть, а умереть значит жить. Эврипид».

К этому глубокомысленному закруглению двух противоположностей: «жить» и «умереть» я подписал под Эврипидом от мудрости самого Льва Шестова: «хлопотать за всех сразу — верное средство не выхлопотать ни за кого» («Последние Новости», № 1769, 25 I 1926, Paris).

^a Два слова густо зачеркнуты.

^b Одно слово густо зачеркнуто.

В этих словах та же закругленность Эврипида: «хлопотать, значит не хлопотать». Кажется, так просто, куда проще, чем «жизнь» и «смерть», но Шестов при своем^а уме, понимая Еврипида, не мог всю жизнь понять своих собственных слов и всегда за «всех» хлопотал.

Шестов с бутылкой «порто» (портвейну) — нарисовала С. П. Она вообще не рисовала, но я всегда приставал к ней нарисовать что-нибудь — любопытно, как человек не рисующий кого-то изображает: испытание человеческого глаза при безыскусственной руке. И в чем-то всегда получается сходство. Человек рисует глазом, это заметил Новалис, а глаз, если только есть глаза, никогда не обманет. Обыкновенно я обрисовывал рисунки С. П.-ы. и только в этом мое. А. Р.]

2

З. А. ВЕНГЕРОВА

1908 22—23 XII

под вторник

[Зинаида Афанасьевна Венгерова, переводчица; среди тысячи повестей и рассказов, переведенных ею, печатались в «Вестнике Европы», есть рассказы Э. Т. А. Гоффмана (1776—1822): Мадемуазель де Скюдери, Кавалер Глюк и Дон Жуан; изданы отдельной книгой в Берлине, 1923.]

З. А. Венгерова зуб лечила. Я знаю, Н. П. Булич [Оводов] ходит к Мережковским, он также подружился с М. Г. Сущинским [Рашевский]. Я поздоровалась с Н. П. и наши руки так плотно сжались, едва оторвала; у Н. П. рука теплая. А у А. П. Зонова родилась дочь с двумя головами, а его дочь Христина померла. У Дины, жены А. П. Зонова лицо рябое. Я с ней поцеловалась, а она говорит: «Как бы вы не заразились!» А З. А. Венгерова, жуя слова, точно держит булавки во рту, заметила:

«Нафталин все обезвреживает».

[Л. Н. Толстой говорил, что сны часто открывают о человеке гораздо больше, чем самое тщательное наблюдение, сны, как припечатывают. О З. А. Венгеровой очень характерно, что она «зуб лечила» и про А. П. Зонова тоже: А. П. — чудак и все у него

^а своем написано дважды.

не показано. Последний приезд Дузэ в Петербург окончился скандалом: актеры думали, как чествовать получше, чтобы без всяких адресов, а было чувствительно, и решено было, предложил А. П. Зонов: после последнего акта выйти всем на сцену и, ничего не говоря, замереть в восторге, так и было, ну, а она, как увидела эти зверские лица, восторг не очень-то изобразителен, испугалась и с ней сделалась истерика^а.

Что касается дружбы Оводова с Мережковскими, а более противоположных, чем Оводов и Мережковские, трудно себе представить: Оводов вроде Иванова-Разумника, революционер, с «Заветами», а Мережковские — и пусть это будет шире, но все-таки «декаденты», оправдывающие всякие душевные сложности и часто очень несложные^б, вот во сне на какой-то мышинной единице в бесконечности встречаются^с, а стало быть, возможно соединение и таких крайностей перед лицом... чего?

Конечно, смерти, конечно, и еще перед лицом любви, об этом дальше, ведь Оводов подружился и с Рашевским, что^д в жизни^е никак невозможно; оба любят Олю, соперники, с^ф лютой ненавистью друг к другу. А. Р.]

3

Ф. К. СОЛОГУБ^з
1863—1927

1909 1—2 I (с четверга на пятницу)

Умер Сологуб. И я, и А. М. поехали к нему на квартиру. Оказалось, что он лежит под Блоками: квартира Блока наверху, а он внизу. Мы зашли сначала к Блокам. Любовь Дмитриевна Блок, она такая маленькая-маленькая, обошлась со мной очень сурово. И мы пошли к Сологубу: я, А. М. и Блок. Сологуб ле-

^а Зачеркнуто: А. Р.

^б Одно слово зачеркнуто.

^с Написано над зачеркнутым словом.

^д Написано над зачеркнутым словом.

^е Одно слово густо зачеркнуто.

^ф Одно слово зачеркнуто.

^з На левой странице разворота наклеена вырезка из неустановленного печатного издания: портрет Ф. Сологуба с подписью: «6 декабря в Петербурге скончался изв. русский писатель Федор Сологуб (Ф. К. Тетерников)».

жит на столе, лицо платком покрыто. Народу немного. Настасья Николаевна Чеботаревская (жена Сологуба) стоит возле стола: она в коротком шелковом красном платье.

Мне стало очень жаль Сологуба и я заплакала.

«Я за этот день стала такая, как он, — говорит Нас<тасья> Ник<олаевна>».

И когда она так сказала, вижу я, идет Сологуб. Один на столе лежит, а другой идет — такой самый, как настоящий живой Сологуб — Федор Кузьмич Тетерников, только помоложе и волосы не совсем седые, а с проседью. Он подошел к Нас<тасье> Ник<олаевне> и вдруг исчез. И мне стало очень страшно.

«Вот Сологуб теперь увидится с Лидией Дмитриевной» [Л. Д. Зиновьева-Аннибал (Шварсалон) жена Вяч. Ив. Иванова † 17 X 1907].

И еще подумала: «Вот кто первый из писателей помер — Сологуб!» И стала я есть яблоко: сначала кожу очистила и ем. И вдруг вижу, что внутри яблока еще другая кожа. Я бросила яблоко: в самом деле, нехорошо есть, когда на столе покойник лежит. Подхожу к Нас<тасье> Ник<олаевне> и спрашиваю:

«Было ли напечатано в газетах о смерти Сологуба?»

«Да, — отвечает, — было в “Слове”».

И я подумала: «почему же это Вячеслава Иванова нет?»

И в это время^а с разных концов донеслось до меня — говорили вполголоса:

«У него лицо перед смертью исказилось».

И еще говорили, также вполголоса: «Потому и лицо закрыто платком».

От страха всю затрясло меня: мне вспомнилось, как говорили про Сологуба — о «сатанизме». И жалко его стало, и опять страшно, и я заплакала. Среди присутствующих произошло движение: вошел митрополит с архиереем, но не в митрах они, а в высоких лиловых камилавках. Я отошла в уголок и проснулась.

[В Сологубе было много «провинциализма», начиная уж с того, что и псевдоним взял себе графа Соллогуба, автора замечательной повести «Тарантас», и весь его дешевый «сатанизм» с «Литургией мне» на невзыскательного читателя, которого он

^а Одно слово зачеркнуто.

покорил своей дешевкой — «Мелким бесом». Его ученик — (Сологуб^а кончил Педагогический институт (Учительскую семинарию), был учителем в Городском училище, потом инспектором) — Василий Иванович Коренев воплощал всех его учеников и поклонников, какой-то весь коричневый, с ничшеанскими усами, у Сологуба тоже такие были усы, потом уж обрился для портрета Сомову, Василий Иванович тоже писал стихи — под Сологуба, но ничего не запомнилось. В революцию Сологуб часто заходил к нам, он был совсем не такой, как в «беспутные», хотя бы для видимости «беспутные» кануны. Читал он стихи — редко кто так монотонно читал из тогдашних поэтов, он стихами замаривал. А предсмертные его стихи: «Подожди еще немного» любила читать С. П. в последние дни своей жизни. А. Р.]

4

ВЯЧЕСЛАВ ИВ. ИВАНОВ^б

1866 —

1909 1—2 VIII на среду

Видела много знакомых и маму. Попала в огромный дом, иду по коридору — по сторонам двери. И вижу Лидия Дмитриевна [Зиновьева-Аннибал, жена Вяч. Иванова] в черном шелковом платье. Она показывает на дверь:

«Не пускайте Вячеслава в эту дверь, — говорила она, — там его смерть: придут такие маленькие, черненькие, цепкие... Скорее! скорее!»

Я бросилась к двери и вижу, стоит Вяч. Иванов и еще какие-то, они тоже не хотят его пускать.

«Вячеслав Иванович, не ходите туда, не ходите!», — кричу.

А он как-то сразу приоткрыл дверь и собачонкой юркнул туда. Лицо у него^с бледнее, чем всегда, а волоса чернее. Мы тоже вошли за ним в комнату. Нас человек десять: я, А. М., Вера Константиновна [Шварсалон, подчерица Вяч. Иванова, а впоследствии жена], Анна Рудольфовна Минцлова, Александра Нико-

^а Одно слово густо заштриховано.

^б На левой странице разворота листе наклеена вырезка из неустановленного печатного издания: Портрет Вячеслава Иванова. Рисунок С. П. Довгелло-Ремизовой в обрисовке А. М. Ремизова.

^с Написано над зачеркнутым словом.

лаевна Чеботаревская, Марья Михайловна Замятнина, Модест Людвигович Гофман, а кто еще, не помню. Комната пустая, четырехугольная, высокая, полы крашенные и очень блестят. По одной стене желтые венские стулья. Мы сели и все заняли. А Вячеслав Иванов лег у противоположной стены на пол.

И вот вижу, идут, и откуда они взялись? — я насчитала восемь — маленькие, черненькие и все в черном, один повыше, другой пониже — тоненькие, цепкие. Идут тихо, медленно, на цыпочках и ложатся на пол: одни ничком, скрестив тоненькие руки, другие навзничь, скрестив руки. И стало тихо до жути. И я вспоминаю, как Лидия Димитриевна сказала, чтобы не пускать Вячеслава в эту комнату..., и я боюсь, умрет он.

«Господи, что сделать! Как сделать, чтоб он не умер? Возьми из меня силы, чтобы только не умер!»

И задышавшись, вдруг почувствовала, как вылетает из меня с шумом, как голуби шумят, и вижу маленькие птички — белые, и много их — стая, и полетели.

Я стою у окна и смотрю в сад. И мне сердце теснит — это такое чувство, когда хочется в сад, а не пускают.

[Вяч.^а Ив. Иванов замечательный человек: он все знает. Таким универсальным был кн. Одоевский и Сенковский (Барон Брамбесус). Рисунок С. П. в моей обрисовке;^б его стихи высоким стилем, не архаические слова, а церковно-славянские. Они, конечно, имеют право обращения, но после Ломоносова, Тредьяковского и Хераскова потеряли значительность и звучат смешно. Можно было бы и тут найти неиспользованные слова, сколько есть и какой звучности в русском переводе Иоанна Златоуста, хотя бы Беседа 11-я на послание Ефессеям, нравоучение 11-ое. «На Схизматики, отдирающих себе отъ Церкви в тойжде вѣрѣ, занеже противная Закону и правиломъ творити». Вяч. Иванов «обратился» в католичество, он может во что угодно обратиться, так необъятна его «универсальность», эта беседа ему бы как раз, но зачем ему по-русски, когда он может по-гречески! К слову «обернуться»: в 1919 г. вернулась из Москвы О. Д. Каменева, она

^а Далее клякса, преобразованная в рисунок фантастического существа.

^б После — две глаголические буквы, которыми Ремизов маркировал рисунки С. Р. в своей обрисовке.

заведывала ТЕО, и нам — «члены коллегии» — сообщила свое необыкновенное открытие: она разговаривала с Вяч. Ивановым и оказывается, он «марксист», — было очень весело, «в каком плане», — спросил А. А. Блок, но Каменева не поняла. Вяч. Иванов мог быть одновременно и марксистом, и антропософом, и православнейшим, и католиком — и все в «разных планах». Е. В. Аничков уже тут, в эмиграции, ездил в Рим и видел Вяч. Иванова «припадающим» католиком. «Но меня это нисколько не удивило, — рассказывал Аничков, — до утра мы с ним проговорили о манихейцах, Вячеслав защищает, впрочем, Вячеслав все может». Если Ф. К. Сологуб чтением, как рассказов, так и стихов, действовал снотворно, редко кто выдерживал^а, и Ф. К. сердился, Вяч. Ив. Иванов своим чтением вызывал самый добродушный веселый смех, но так как в стихах было^б полно любомудрия (философии) и никакого шутовства и смеяться было не к месту, выхохотывались потом, впрочем, если бы кто не удержался и пёрскнул, Вяч. Иванов не заметил бы: он при чтении отдавался стихам весь до слепоты, до глухоты и до беспамьятства, забыв какую-нибудь строчку, он держал в беспокойной тишине обалдевающее внимание слушателей. Голосом на грани фистулы, с распевом, гнуся, он выводил строку за строкой, никто ничего не понимал, и тут дело не в церковно-славянских жупелах, а как определил Картыков, автор сборника «Бабьих сказок», — «все мы средней культуры, а Вяч. Иванов высокой». Сын нашего петербургского «Демона» Тартаков жил в Усикирке в санатории Волковой, и так не заморыш, да еще и разнесло, лечился для похудения, а я лежал с грелкой — язва желудка, так и познакомились. И что странно, таких крупных размеров человек, а представлял самых маленьких птичек чижиков, ремеза не мог, но зато соловья, как настоящий, обыкновенно после обеда выйдет в соседнюю комнату с орехами — такой был способ леченья — наестся орехов и начнет^с свое соловьиное, затарахтит, защелкает и до чаю с час заливается, вот подлинно дар Божий это его птичье пение.

^а Написано над зачеркнутым словом.

^б Далее зачеркнутое слово преобразовано в рисунок фантастического существа.

^с Вписано над зачеркнутым: начинает

А был в Петербурге такой писатель Осип Исидорович Дымов (Перельман), в революцию 1905 первый писатель в «Биржовке», человек доброй души и незлобивый и, как Тартаков птиц, Дымов писателей представлял. Люди тонкой чувствительности говорили про него «пошляк», а он был самый настоящий отпрыск Гейне с его наивным идиотизмом, только без гейновской гениальности. Сенковский очень метко определил, как Гейне пишет стихи: «его спрашивают, говорите ли вы по-французски? — нет, отвечает он, но мой двоюродный брат отлично играет на скрипке». Дымов представлял и таких начинающих, как я, и почтенных отставных, как Аким Львович Вольтинский (Флексер), редактор когда-то самого зазорного из журналов «Северного Вестника» и писавшем всегда на одну тему с Мережковским, а в наше время утопшим в балете, предшественник А. Я. Левинсона, бесподобно передавалась Дымовым природная осточертелость Вольтинского, но, пожалуй, всех лучше^a выходил^b Вячеслав Иванов: «Се медь звучит, оле, не ты ли Кюхельбекер!» — Вяч. Иванов слушал и не мог не улыбаться, он слышал свой голос, свой прием, какие-то свои слова. В альбом С. П. Вяч. Иванов написал стихи, но без всякой «меди» и «Кюхельбекера»:

26–27. IX. 1906 г.

Млея в сумеречной лени, бледный день
Миру темный свет оставил, отнял тень.

И зачем-то загорелись огоньки;
И текли куда-то искорки реки.

И текли навстречу люди мне, текли...
Я вблизи тебя искал, ловил вдали.

Помнил я: ты в околдованном саду...
Но твой облик был со мной, в моем бреду;

Но твой голос мне звенел, — манил, звеня...
Люди встречные глядели на меня.

И не знал я — потерял иль раздарил:
Словно клад свой в мире светлом растворил, —

^a Далее одно слово зачеркнуто.

^b Далее одно слово зачеркнуто.

*Растворил мою жемчужину любви...
На меня посмейтесь, дальние мои!*

*Нищ и светел, прохожу я и пою, —
Отдаю вам светлость щедрую мою.*

Вяч. Иванова рисовал К. А. Сомов, 96 сеансов: терпение! — Золотые кудри и золотая козья борода и все лицо залито, сияя кротостью и умилением: «овчий пастырь». Потом Вяч. Иванов эту маску с себя снял и уж лысый, и бритый обратился в немецкого профессора: Jean Chuzeville, встречавший Вяч. Иванова в Москве в образе «овчего пастыря», через много лет полтора месяца прожил в Риме на одной улице с Вяч. Ивановым и был убежден, что это Момзен. А интересно бы знать, как сам Вяч. Иванов себя представляет, себя — свое «я» без всяких масок. Я спрашиваю это потому, что по себе сужу: мне случилось видеть себя, — себя, непохожего ни на какие фотографии, ни на то, что сам я вижу в зеркале — кое-что о себе я представляю, конечно, в общих очертаниях, и несколько раз я встречал на улице и всегда думал, вот на кого я похож, и это ото всех скрыто и если бы как-то содрать с себя кожу и рассечь себя, вышел бы этот человек — я.

Лидия Димитриевна Зиновьева-Аннибал, ученица Виардо, автор единственного рассказа «Тридцать три уroda» (33 портрета — но, как и что, ничего не помню). Ей всегда было жарко, и она легко одевалась, так и простудилась и померла 17 X 1907. Добрый человек и очень внимательный.

Анна Рудольфовна Минцлова (сестра С. Р. Минцлова, прославленного в эмиграции, но он печатался и в России, только как-то незаметно), оккультная дама и не без зрения, С. П. выделяла, но я почему-то попал в круг «темных». Она и знала много, можно было ее спросить, я помню, о снах с ней разговаривал, только как-то все расплывчато у нее получалось, чего-то в ней не было или точнее, что-то в ней было, что ее затолкало, и она вдруг исчезла, говорили, что кончила самоубийством, возможно. Злые люди говорили, что «завралась», а надо сказать «запуталась», это вернее: взяла на себя такое, на что сил не было, а отказаться не было мужества. Кто был ее учителем, не знаю, Патюс? Какое-то отношение она имела к антропософии —

к Рудольфу Штейнеру. Говоря, она держала руку, закатывала глаза — иногда слова ее набегали и перебивали друг друга, у нее спадали зубы. Человек безусловно добрый. Долго у нас хранился ее золотой крестик на цепочке, она дала С. П., когда у нас ничего не было, сначала закладывали, а в последние годы пришлось расстаться. Между прочим, у нее не было никакой оседлости: она все время переезжала: то в Москве, то за границей. О ней есть у Андрея Белого и у Г. И. Чулкова в «Воспоминаниях». Мне ее всегда было жалко: она была какая-то бездомная в жизни.

Александра Николаевна Чеботаревская, сестра Настасьи Николаевны, жены Ф. К. Сологуба. Она была в стае Вяч. Иванова, или, как ее называли, «мироносицей» Вяч. Иванова, у него были такие верные, вот она, и Марья Михайловна Замятнина, верные до самопожертвования. Ал<ександра> Ник<олаевна> была переводчица, хорошо знала и немецкий, и французский, а жила в Москве, и часто приезжала в Петербург. От нее я узнал, что она была невестой Павла Владимировича Беневоленского. А Беневоленский имел для меня огромное значение: он давал мне книги, он был товарищ моего брата Николая и часто бывал у нас; через него я добирался до самой верхушки — он мне давал и Ницше и Ибсена, только что появившиеся тогда на свет Божий, по крайней мере, для русских. Вместе с братом он окончил гимназию и поступил на филологический. Но уже студентом я его не встречал. Я всегда думал, что из него выйдет что-нибудь особенное. А как-то слышу от брата, что Беневоленский едва перешел на 2-ой курс: надорвался. А потом слышу: болен и дают ему только виноград. А вскоре и совсем плохо: туберкулез. Совсем молодым помер. Сын священника от Семена Столпника.

Модест Людвигович Гофман, ему было лет 15, ходил он в голубой распашонке и представлял «отрока» при Вяч. Иванове, я не слышал, чтобы он сказал хоть слово, всегда молча на цыпочках, а между тем, однажды мы были у него^a, и он показывал такой вот огромный ворох бумаги — свое^b сочинение: «история русской литературы». А. Р.]

^a Написано над зачеркнутым словом.

^b Написано над зачеркнутым словом.

К. Д. БАЛЬМОНТ^а
1867—1942

1909 29—30 IX (на пятницу)

Я встретила Бальмонта на ступеньках лестницы. Он был так прекрасен, полон такого света, что, увидав его, я почувствовала, что <от> этого света я задыхаюсь. Я взяла его за руку и повела в дерево, чтобы там полюбоваться на этот светлый образ. Мне памятли его глаза и руки: его большие глаза иссераголубые, светящие и такие правдивые, что жутко, и такие глубокие, в них все отражается. И заглянув ему в глаза, я увидела в них дерево, в котором мы сидели, траву вокруг дерева, какие-то веточки и себя. И вдруг увидела пару лошадей: белые в серых яблоках. И подумала: «Откуда эти кони, нет тут нигде близко». Но тотчас сообразила: «Да это глаза такие глубокие — это они отражают в себе все, весь мир и этих белых коней, а они, верно, где-то далеко бегут». А какие руки! Маленькие белые и тонкие длинные пальцы, но крепкие, это я почувствовала, когда за руку вела его в дерево.

Он начал говорить стихи, но таких стихов у Бальмонта нет: из четырех строф по четыре строчки; начинается «восход», а оканчивается «рассветает».

Слушая, я чувствовала, как подымаюсь на воздух — так мне легко было.

«И неужели правда, — подумала я, — такое совершенство и красота, и такая распутная жизнь?» Я припомнила рассказы о Бальмонте. «Но правда ли это?» — спросила я в себе.

«Никогда я и не пил», — сказал он, проникая мои мысли.

И я подумала: расскажу А. М. о Бальмонте, что он воистину избранник Божий, и такой красоты необыкновенной, какой на земле не бывает.

[Кто же это был под именем Бальмонта? Этот сон важен для С. П., хотя и значится имя Бальмонта. Потому я и не поминал ему об этом. Наши встречи с Бальмонтом были по сну: он всегда был трезвый, в очках. Единственная сохранившаяся па-

^а На левой странице разворота вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: «К. Бальмонт». Фотография.

мать о Бальмонте «Фейные сказки» Изд. Гриф, М., 1905, с надписью Наташе Ремизовой

*Наташа — сказочка, Наташа,
Услышь меня: вся радость наша —
Любить цветы, в лугах, в лесах,
В садах и в сказках, и в сердцах.*
К. Бальмонт

1907—8 Зима
Bruxelles. Berkendael
(*Лежу со сломанной ногой,
Но, чуть весенний ветерок
Означит легким тучкам срок,
Восстану вольный и другой,
И полечу, как мотылек.*)

А. Р.]

6
Д. В. ФИЛОСОВОВ^а
1873—1940

1909 22—23 X (на пятницу)

Пришла я к Мережковским. В передней стоят: З. Н. Гиппиус, Философов, Татьяна Николаевна Гиппиус в шубах. З. Н. и Т. Н. пошли в одну сторону, а мы с Философовым в другую. Идем — а по дороге лежат все дохлые лягушки, вообще, какая-то дрянь. Потом видим, лежит мертвый человек: из него все внутренности вынуты — и пустой он. А Философов взял этого пустого мертвеца и надул воздухом, как надувают вербных свинок. И стал мертвый человек толстым — вот-вот лопнет. А мы пошли на Бестужевские Курсы — Курсы стоят на берегу реки, а кругом снег лежит, все в снегу.

[*Что же такое был Философов? У него было чувство долга, а это не валяется. Помню, в те еще времена, когда бунтовала*

^а На левой странице разворота вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: «В. Л. Бурцев среди членов редакции газ. «За Свободу»». Фотография.

Государственная дума, он как-то «почтительно» поехал в Павловск — предполагалась демонстрация на вокзале во время музыки. И еще у него была верность: это к Мережковским: жить с Мережковскими, а он уехал от матери с Баскова пер., и поселился в доме Мурузи, это уже подвиг. И терпел до Варшавы, т. е. до 1920 г. и тут что-то произошло, Мережковские со Злобиным уехали в Париж, а он остался в Варшаве. Он был библиотекарем в Публичной библиотеке, любил книгу. Да, он был без лукавства и всякой «политики», он был простой, а судьба его столкнула с такими, как Мережковские, потом Савинков. Какое разочарование и сколько огорчений! В «России в письменах», т. II (не издано) о Философове: «письма его деда и отца». А. Р.]

7

МЕРЕЖКОВСКИЕ^а

Д. С. Мережковский 1865—1941

З. Н. Гиппиус 1867—

1909 г.

Лежу в лесу на кровати. И знаю я, что в лесу я путешествую: то в кровати, то^б так — иду. Лес зеленый лиственный и такой жуткий холодок. Птицы перепархивают. И слышу, как они между собой разговаривают. Птицы говорят:

«Померла Зинаида Николаевна Гиппиус. А через полчаса и Димитрий Сергеевич».

И вижу: идут они — З. Н. в черном, Д. С. — в сером. Ну, такие же самые, только чуть побледнели лица и вроде как просвечивают. Я поднялась с кровати и пошла с ними.

«Ну, как же у вас, кружки какие существуют?», — спрашиваю оба.

«Есть, — говорю, — один, называется “Вирофлей”, там читают Мережковских».

А З. Н. на это как-то так, не то, что недовольна, а капризно:

«Зачем же читают Мережковского?»

^а На левой странице разворота вклеен рисунок: Д. С. Мережковский. Рис. С. П. Довгелло-Ремизовой в обрисовке А. М. Ремизова. Справа на полях помета: кн. V ст. 29, I — 45, 79, II — 15.

^б Далее в слове густо зачеркнута одна буква.

Д. С. вступился:

«А почему же не читать Мережковского?»

И они так это говорят, будто совсем не про них говорится, а о ком-то другом. А птицы все перепархивают и такой зеленый лес.

И вижу я, продается рыба, селедка что ли — она плавает в кадке, а на кадке палочка и на дощечке надпись — 1 р<убль> 50 к<опеек>. А продает рыбу приказчик в белом фартуке, и такой неприветливый, нет, чтобы предложить, знай себе, руками вылавливает рыбу из кадки и опять в кадку^а пускает.

«Дайте мне немного», — говорит З. Н. приказчику. И ко мне: «Это я Бердяеву хочу отнести».

«Нет, — говорит приказчик, — я вам не дам, это им раньше заказано!», — на меня показывает.

А я тихонько, утешаю их:

«Не обращайтесь, — говорю, — на него внимания, это не настоящий хозяин: настоящий хозяин совсем добрый».

[С. П. хранила память о З. Н. Гиппиус: письма, книги с надписями и два стихотворения, посвященные С. П.-е: 1) на листке 1. I 1906. СПб. 2) в альбоме — I 1913.

1

*То бурная, властно-мятежная, —
То тише вечернего дня;
Заря огневая и нежная
На небе взошла для меня.*

*Простая, спокойно-суровая,
Как правда пряма и ярка,
Чиста, как вода родниковая,
Как чистый родник глубока.*

*Пусть люди, судя нас и меряя,
О нас ничего не поймут.
Не людям — тебе одной верю я,
Над нами есть Божеский суд.*

*Их жизнь суетливо-уньялая
Проходит во имя ничье.*

^а Зачеркнуто: ее.

Я — вечно люблю тебя, милая,
И все, что любишь, — мое.

2

Тебе

В горькие дни, в часы бессонные
Боль побеждай, боль одиночества.
Верь в мечты свои озаренные:
Божьей правды живы пророчества.

Пусть небеса зеленеют, низкие,
Помни мысль свою новогоднюю.
Помни, есть люди, сердцу близкие,
Веруй в любовь, в любовь Господнюю.

О Мережковских память: его словесный загиб^а в альбоме С. П.: «Людей надо судить не по тому, что они есть, а по тому, чем они хотят быть». Почему это философы всегда пишут глубокомысленную «бестолочь», ничего не поправляющую в живой жизни? Еще есть письмо Мережковского С. П.-е, а у меня хранилось письмо здешнее уж, да кто-то стащил. Рисунок С. П. передает то у Мережковского, чем он был.

В Петербурге мы часто встречались с Мережковскими, хотя у меня не было никакого пристрастия к <ним>, я ценил отношение З. Н. к С. П.: Зинаида Николаевна поняла ее больше, чем кто-либо. А. Р.]

Из дневника 1941 г.

9. XII. Вчера умер Д. С. Мережковский. Господи, прости ему все грехи, упокой его. Тяжело думать. Прости ему!

10. XII. Очень плохо спала. Сегодня похоронили Мережковского. Господи, прости ему грехи. Жалко З. Н.

^а Написано над густо зачеркнутым словом.

ПЕТЕРБУРГ
На Шпалерной [предварилка]^a
(С. П. Довгелло)

1
Книги

1896 15 VI
Тюрьма

Куда пропали мои книги? Это ужасно! Самые дорогие для меня книги пропали: Некрасов, П. Я., Гревс, Николай-он, может быть, и еще пропали какие-нибудь, Елена [Берсенева] [в «Оле» — Нина] не пишет, с ее стороны это просто варварство; ведь она знает, как я дорожу книгами, знает, как беспокоюсь о них, особенно здесь, в тюрьме, где у меня одна отрада — книги, и она мне не пишет. Ужас! Я считала ее добрее, но теперь вижу, что и в ней так же, как во всех людях, ошиблась. Все люди гадкие, только малая крупица хороших, — это я умом знала уже давно, но только здесь, в тюрьме, я поняла, потому что почувствовала, насколько мерзки, мелки, изменчивы, самолюбивы люди, о, как я их ненавижу!

[Оля^b Ч. II «С огненной пастью», — Прощанье, стр. 331].

2
Марусе

[Марье Гавриловне Сущинской-Чернышовой,
а в «Оле» Зине Рашевской]^c

Я виновата перед тобой, Маруся, [Зина], я это сознаю. Ведь ты меня любила всегда ровно, ты меня всегда так любила, как я теперь тебя люблю. Помню я один день на 2-м курсе: папа мой умер [21 III 1895]. Мне было тяжело, я шла обедать и встретила тебя. Никогда не забуду твоего лица в тот миг, когда ты меня увидала: любовь, сострадание, желание помочь — все вы-

^a Главу предваряет вклеенная на отдельном листе фотография с подписью-автографом Ремизова: «Подарок Александра Глебовича Успенского. Снимок с его рисунка Шпалерной».

^b Оля написано синим карандашом с обводкой чернилами.

^c Справа на полях помета синим карандашом с чернильной обводкой: ОЛЯ II.

ражалось в нем. Мы долго ходила по Среднему проспекту [Ва<ильевского> Ос<трова>]. Я была счастлива тот день, я редко бывала так счастлива, как тогда.

[Оля^a Ч. II «С огненной частью» — Из-под опеки, стр. 222].

3

Н. К. Михайловский
1842—1904

19 X 1896.

Н. К. Михайловский, «Суздальцы и суздальская критика». Под «суздальцами» М<ихайловский> разумеет тех людей, которые рассуждают по поводу какого-либо вопроса, лица, события, научной системы, не понимая этого, не дорожа истиной. «Суздальцы» или очень хвалят, или очень ругают — или все, или ничего, а не рассматривают предмет по существу, не отмечают в нем и хорошие и дурные стороны. Как на пример «суздальской» критики М<ихайловский> указывает на статьи о Конте^b и о его философии Гёксли^c и Кареева — 1-ый бранит Конта, а 2-ой хвалит, не признавая никаких дурных сторон. Сам М<ихайловский> о Конте говорит следующее: Конт, как философ [*Course de philosophie positive*], много принес пользы: он позитивист, сторонник положительной философии, философии, которая находит бесполезным трактовать о предметах, находящихся за пределами нашего познания и нашего опыта. 2) Конт классифицирует науки — разделяет их на абстрактные-отвлеченные и конкретные-описательные. Конкретные науки, по его мнению, принадлежат будущему, а абстрактные он классифицирует в следующем порядке: математика, астрономия, физика, химия, биология и социология. Конт провозгласил необходимость субъективного метода в общественной науке. Предмет наук общественных есть «раскрытие законов, управляющих различного рода явлениями в применении ко всем случаям, какие только можно представить себе. Конкретные науки заключаются в применении этих законов к действитель-

^a Оля написано синим карандашом с чернильной обводкой.

^b Справа на полях помета: Aug<ust> Conte 1798—1853.

^c Справа на полях помета: Th<omas> Huxley 1825—1895 «<La> Place de l'homme dans la nature» 1891.

ной истории различных существ». Эта вторая задача необходимо основана на первой. Но это вовсе не значит, чтобы первые науки возникли раньше вторых. Эмпирически мы видим обратное, конкретные знания возникли раньше абстрактных, но на степень науки конкретные знания стали только со времени приложения к ним абстрактных. Логически абстрактные знания должны предписывать конкретным, но эмпирически было наоборот и вообще был такой хаос в приобретении знаний, в котором разобраться трудно. Далее Конт определил закон трех фазисов развития: 1) теологический или фиктивный, 2) метафизический или отвлеченный, 3) научный или положительный. Эти фазисы верны тоже логически, а эмпирически постоянно бывает существование всех трех фазисов вместе, борьба между ними и вытеснение одного другим или 3 фазиса даже в одном индивидууме могут одновременно существовать. Ученики Конта распались на два лагеря: 1) позитивисты, критически относящиеся к философии Конта и не признающие необходимости субъективного метода в общественной науке и наоборот, признающие необходимость только субъективного метода и 2) контисты-суздальцы, даже все ошибки Конта ставящие в заслугу ему. Сам Конт, как человек, был низкого нравственного пошиба. Он родился в 1798 году — умер 1853 г. От усиленных занятий, от бедности и непостоянной жизни Конт в 1826 г. сошел с ума, через 2 года поправился, потом опять сошел с ума и до конца жизни был ненормален.

«Жертва старой русской истории». В этой статье М<ихайловский> рассказывает о Кельсиеве^а, воспитаннике старых сентиментальных и фантастических романов, развивающих одно только воображение. Кельсиев не получил никакой научной подготовки, не имел сильно развитого социального чувства. Он — человек увлекающийся, честный, отдающийся всякому увлечению целиком, но увлекается он не идеей, не делом, а обстановкой, увлекается ради увлечения. Благодаря сильно развитому воображению, жажде таинственного, возвышенного, жаждет он снов, подвигов: сначала он хочет идти на войну, но, когда узнает, что он не будет в сражении — отказывается от участия в войне. Потом он попадает за границу, там знакомится

^а *Справа на полях помета: Кельсиев.*

с издателями «Колокола» — Герценом^a и Огаревым^b, без надобности делается эмигрантом, приезжает без надобности под чужим паспортом в Россию, опять возвращается за границу, потом отказывается от своих взглядов, возвращается в Россию и мечтает о соединении под властью России всех славян. Это — натура честная, способная отдаться, но неглубокая натура, а извращенная, воспитание еще более способствовало укреплению поверхностности. Такие люди, как Кельсиев, увлекаются искренно, но положиться на них нельзя.

«Идеализм, идолопоклонство и реализм».

В этой статье Михайловский^c разбирает разницу между идеализмом и идолопоклонством. Идеализм возник в противовес идолопоклонству — направлению, создающему идола, возвышающие душу обманы, не соответствующие действительности. Идолопоклонники идут в разрез со своими идолами, не стремясь осуществлять или хоть сколько-нибудь подходить к ним в жизни. Теоретический реализм и практический идеализм — родные братья, связанные друг с другом неразрывно. Теоретически надо относиться ко всему критически и на почве критики создавать себе идеалы, к которым надо стремиться и их стараться осуществлять — это — идеализм.

«Что такое прогресс?» Н. К. Михайловский^c.

«Когда семья дифференцируется на слои слизистый, серозный и сосудистый, то этим явлением обуславливаются зачатки физиологического разделения труда. С течением времени каждый из этих слоев дифференцируется в ткани и органы, из которых каждый наполняет какую-нибудь одну специальную функцию. Одни берут на себя труд переваривать пищу, другие воспринимать впечатления, третьи передавать организму кислород воздуха и выделять углекислоту, четвертые исполнять внешние движения по велению центрального органа нервной системы. Чем ярче здесь обозначена специализация функций, тем организм стоит выше на зоологической лестнице, тем он

^a *Справа на полях помета:* А. И. Герцен 1812—1870.

^b *Справа на полях помета:* Н. Огарев 1813—1877.

^c *Выписка из статьи Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?» записана на левых оборотных листах тетрадного разворота, параллельно тексту конспекта С. П. «З. Н. К. Михайловский».*

^d *Одно слово густо зачеркнуто.*

развитее, тем он сложнее. В этом постепенном усложнении путем физиологического разделения труда между органами состоит закон Бэра^а органического развития. Если мы видим, что органы неделимого все более специализируют свои отправления и тем способствуют усложнению целого, мы говорим, что организм прогрессирует, развивается. Если бы случилось, что борьба за существование поставила неделимое в такие условия, что некоторые органы его перестали действовать, вследствие чего произошло упрощение организации, мы сказали бы, что неделимое регрессирует. Глаза пещерных животных, вследствие долгого неупотребления, перестают функционировать, иногда веки их срастаются и накрываются шерстью. Ясно, что неделимые стали однороднее своих зрячих родичей; труд передачи впечатлений от внешнего мира, распределявшейся прежде между пятью органами чувств, распределяется теперь только между четырьмя. Физиологическое разделение труда стало менее полным и потому животное регрессирует. Рабочие пчелы и муравьи, как известно, бесполо. С другой стороны, способные к воспроизведению самки и самцы неспособны к работе, что, разумеется, также коренится в некотором упрощении организации. Так как бесполое муравьи и пчелы должны были явиться очевидно позднее плодовитых, то было, значит, время, когда пчелы и муравьи были одновременно способны и к работе, и к воспроизведению новых особей, когда, следовательно, физиологическое разделение труда между органами пчел и муравьев было полнее теперешнего: в каждом из них функционировали и органы работы, и органы воспроизведения. Под влиянием каких же условий произошло ослабление физиологического разделения труда и след<ующее> понижение организации, упрощение, регресс? Под влиянием разделения труда экономического. Когда муравьи и пчелы бессознательно поделили между собой свой общественный труд, п<отому> ч<то> одни стали только работать, а другие только воспроизводить новых особей, то путем естественного подбора это экономическое разделение труда в ряду поколений атрофировало ненужные для каждого из специальных трудов способности и силы. Итак, экономическое разделение труда повело к ослаблению

^а *Справа на полях помета: Paul Bert 1833–1886.*

разделения труда физиологического и таким образ<ом> понизило уровень развития муравьев и пчел. Человеческое общество устроено, разумеется, не хуже муравейника и улья. Экономическое разделение труда играет в нем не менее значительную роль. И если мы не дожили еще до бесполох рабочих, то дожили, по крайней мере, до теории морального воздержания. А это уже не мало, это идея бесполого рабочего, которую уму человеческому, пожалуй, и удастся обратить в плоть и кровь. Физиологическое развитие возможно только при простом сотрудничестве, и что неизбежный результат сотрудничества сложного, разделения труда, есть патологическое развитие и состояние неделимых. В простом сотрудничестве общая цель вызывает солидарность интересов и взаимное понимание членов общества. Как люди равные, находящиеся в одном и том же положении, имеющие одни и те же цели, стремления, мысли и чувства, они не только успешно работают, не только не впадают в патологическое состояние, но кроме того имеют полную возможность в каждую данную минуту проникнуться жизнью своего сотоварища, прожить эту жизнь в самом себе и относиться к нему постоянно, как к равному себе. Высокий нравственный уровень составляет естественный результат такого порядка вещей. Не таковы междуличностные отношения в обществе, построенном на принципе сложного сотрудничества. Не говоря уже о том, что члены его находятся в патологическом состоянии, вследствие усиленного развития одних органов в ущерб другим, для них общая цель отодвигается постоянно все дальше и дальше и, наконец, разменивается на ряд частных целей, одна от другой совершенно обособленных. Они не понимают друг друга, хотя связаны между собой самым тесным образом. Взаимное непонимание ведет к безнравственности отношений. Одни вязнут в безысходном труде, донельзя развивая ту или другую часть своей мускульной системы. Другие, обращаясь в специалистов нервной деятельности, живут на счет труда первых и не только не оплачивают им за это чем бы то ни было, но даже утрачивают всякое представление о своей солидарности, о том, что без них они не могли бы иметь ни одного из тех наслаждений, какие даются утонченно развитой нервной системой. Человек, выработавший себе особенную напряженность того или другого специального отправления и более или менее затушив-

ший все остальные, естественным образом понимает и ценит только то, что тесно соприкасается с его специальным направлением. Понятие о единстве, индивидуальности человека здесь не имеет места. Центром помыслов и стремлений становится не человек, как неделимое, не вся совокупность человеческого организма, а некоторая отвлеченная категория. Член общества, в котором разделение труда провело достаточно глубокие борозды, не в состоянии охватить понятие человека во всей его целостности и неделимости. Он может понять и оценить только ту долю человека, к<отор>ая развита в нем самом.

Рабовладельцу легко проникнуться жизнью такого же, как и он, рабовладельца, ведущего с ним одинаковый образ жизни, имеющего те же привычки, п<отому> ч<то> их личный опыт почти тождествен. Но понять страдания и горести раба, поставить себя в его положение для рабовладельца несравненно труднее. Он никогда не испытывал того, что испытывает раб. Поэтому он, естественно, высоко ставит радости и горести своей группы и ни в грош не ставит радостей и горестей других групп; он их не замечает; они для него не существуют. Он видит раны и не видит, слышит стоны и не слышит. В его сознании они отдаются глухо, хотя он в то же время способен с полной отчетливостью оценить горести и радости своих сотрудников. Эта естественная неравномерность оценки существенным образом отражается на всем его психическом складе, состояние к<отор>ого, так сказать, замораживается в целом ряду поколений наследственной передачей. Чтобы в эксцентрическом периоде общественного развития могли явиться люди, органически способные к многостороннему сочувственному опыту, способные воспроизвести в своем сознании все оттенки жизни, раскиданные процессом общественных дифференцирований в разные стороны — для этого нужны особенно счастливые обстоятельства. И это будут люди с высоким нравственным уровнем, способные к успешной выработке социологии. Такие люди редки^a крайне, а остальные люди смотрят на общественные факты под известным углом зрения, с известным нелегким для них самих предвзятым мнением. Это предвзятое мнение неизбежно человек создает под влиянием известных условий — оно создает его

^a Далее одно слово зачеркнуто.

эмпирическое содержание, отрешиться от к<отор>ого он не может, так же он не может вывернуться наизнанку. (Эмпирич<еское> содерж<ание>, сложившееся под влиянием извес<т>ных условий. Здесь приходится иметь дело с невидимыми и неизвестными врагами, к<отор>ые, однако, неуклонно следят за каждым вашим шагом и дают себя чувствовать там, где вы их всего менее можете ожидать. В области человеческих явлений происходит своего рода атавизм, заглухнувшее относительно некоторых частностей представление вдруг встает во всей силе и втайне руководит наблюдателя без ведома его сознания вывеска. Наблюдатель видит, чего на самом деле нет.^a Люди с высоким нравственным сознанием с высоты его могут замечать такие явления, к<отор>ые ускользают.

Что же делает объективный метод? Он самым грубым и топорным образом уклоняется от оценки внутреннего смысла явлений и скользит по их внешности. Да и по внешности только скользит, п. ч. посмотрел Спенсер^b один раз на картину революционного движения и нашел в ней переход от однородного к разнородному, посмотрел в другой раз и нашел переход от разнородного к однородному. И однако и в том и в другом случае видит в ней шаги к разложению. Не ясно ли, что как ни выворачивай Спенсер подлежащий обсуждению факт, он всегда найдет его регрессивным явлением ни почему другому, как потому, что ему революционные движения не нравятся. При чем же тут хваленая объективность? И эта точка зрения до такой степени объективна, что с нее нельзя даже отличить эпохи развития от эпохи упадка. Были люди дикие, ограниченные, но целостные. Их целостная индивидуальность, благодаря кооперации^c раздельного труда, развивалась в разброд.

Грубый фетишизм сменился более утонченным пантеизмом. Для первобытного человека исчезла возможность быть с своими богами запанибрата, беседовать с ними запросто, сидеть в одной комнате. В сношения с ними он должен вступать через посредство жрецов. Обеспеченные трудом производительных классов, жрецы и высшие слои общества вообще начинают мало-помалу отвыкать от физического труда. Когда распадение

^a Далее одно слово зачеркнуто.

^b Слева на полях помета: Н. Spenser 1820—1903.

^c Написано над зачеркнутым словом.

труда на труд физический и умственный доходит до известн<ых> пределов, антропоцентрический^a монизм сменяется эксцентрическим^b дуализмом. Когда вы здоровы, вы не замечаете присутствия того или друг<ого> органа, сознаете только себя, как совокупность органов, находящихся в физиолог<ической> гармонии. Когда вы больны, т. е. когда гармония отправления так или иначе нарушена — вы невольно обращаете внимание на пораженный орган. Больная голова, больная рука вызывают ваше специальное внимание, и вы мысленно отделяете их от остальной части организма. Совершенно точно так же нарушенная дифференцированием труда гармония выделила от человека дух, как нечто отдельное от тела. Борозда, пролегла между телом и материей в практической жизни, отразилась и на теоретических воззрениях, и со сменой поколений обозначалась все глубже и глубже. Единоличным богам и единоличной морали первобытного человека, работающего одновременно и руками, и головой, соответствует понятие о единстве его собственного существа. Практическое распадение труда на физический и умственный везде и всегда сопровождается и теоретическим распадением души и тела, т. е. дуализмом. Вот оно откуда он произошел! Мысль, отрываясь от материи и изолируясь все больше и больше, доходит до метафизических систем, в к<о>тор<ых>^c величайшие умы, таков в области мысли и знания один результат общественных дифференцирований и осуществления...»

4

Отзыв Михайловского^d

«Я о тебе разговаривала с Михайловским, хвалила. А он говорит: “Да, она иногда замечательно хорошая. А то у нее червь есть, в существе ее, не будет революционеркой до конца. Это может помешать”.

На это Оля [С. П.]: “Мне не нравится, что все я должна врать. А я хочу жить по правде. Первые христиане, которых

^a В ркп. — антропоцентрический.

^b В ркп. — эксцентрическим.

^c В ркп. оставлено место, достаточное для одного слова.

^d Справа на полях помета: Оля П. Мои записки VI кн. Слово «Оля» написано красным карандашом с чернильной обводкой.

гнали, они^а говорили: «Да, я христианин», и никогда «не», а я «нет», «нет, ничего не знаю»».

[Почему так случилось, что мои сверстники год рождения конец 70-х, как я 1877, и начала 80-х, как Блок в 1880, чуть кто поживее, непременно попадал в круг: Белинский — Чернышевский — Добролюбов — Писарев или Герцен — Лавров — Михайловский, да еще пристегивался Шелгунов и Скабичевский, а другой круг русской мысли — Погодин, Ап. Григорьев, Страхов или Хомяков, Аксаковы, Киреевские или Дружинин известны были только по имени, да и то не всем. В чем дело? И ведь не скажешь, «отпугнуло»: никто и строчки не читал. Неужто «революционность» только и могла развиваться в «позитивизме», обличении и без всякой «поэзии»? Потом начнется марксизм — книга Н. Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1895 г. — это основа, а затем П. Б. Струве, Булгаков, Бердяев и до Ленина. А между тем, какие чудесные страницы у Дружинина, Ап. Григорьева, Страхова — все мимо. А история русской литературы, какое убожество, Скабичевский!

Что связывало С. П. с Михайловским? Натолкнулась С. П. на М<ихайловского> через с-р-ов. Не народничество, об этом С. П. не думала, и что сблизжает М<ихайловского> с славянофилами, не позитивизм, исключаящий религию, а должно быть, хоть и упорно безбожная [ведь ясно, что под «червем» М<ихайловский> подразумевает религиозность], но все-то глубокая вера в «правду-истину» и «правду-справедливость».

[Представляю себе, как С. П. выписывает из Михайловского о «неделимом», «особях» и всяких дифференциациях — какое это имеет отношение к живой мысли, к человеку?]

МОИ СОБСТВЕННЫЕ КНИГИ

(С. П. Довгелло)

1899 г.

[С. П. любила книги и собирала, и когда после России, в Берлине (1921 г.), у нас не было ни одной книги, она снова начала свою библиотеку и первое, что купила, были «Мертвые души». Она

^а Далее одно слово зачеркнуто.

берегла книгу и редко кому давала, а если даст, не успокоится, пока не вернут.

Перечень книг любопытен: это только что выпустили С. П. из тюрьмы, в конце ссылки [июль 1900] их она и повезет в Усть-сысольск — «Чем люди живы»; есть редчайшая Николай-он, едва ли дочитала С. П. эти скучнейшие рассуждения о государственных доходах, но другие статьи, конечно, читала^а; имя Николая-она было^б так же громко, как у марксистов Бельтов (Плеханов^с). А. Р.]

1. Ив. Мих. Гревс, Лекции по средней истории.

2. А. И. Введенский, Лекции по истории новой философии^д.

3. Бокль^е, История цивилизации в Англии, 3 тома (La civilisation en Angleterre. 1857).

[История Бокля обязательное чтение, она могла бы войти в знаменитое пятитомное: Бюхнер — Фохт — Малешот <так! — Ред.> — Фейербах — Миль.]

4. Д. Писарев^ф, 4 тома.

5. Сборник памяти Гаршина^г (редкая книга).

6. Полн. собр. соч. Н. К. Михайловского^б, 6 томов.

7. ----- Г. И. Успенского^г, 3 тома.

8. ----- Н. А. Некрасова^д, 2 тома.

9. Унковский, Освобождение крестьян.

[Эту книгу все читали.] [Однажды^к я был на пуб<личной> лекции в Политехническом музее в Москве; народу не протол-

^а Написано над зачеркнутым словом.

^б Написано над зачеркнутым словом.

^с Справа на полях помета: Г. Плеханов 1852—1918 <так! — Ред.>.

^д Слева на полях фигурная скобка для № 1, 2 и помета: профессора Выс<ших> Жен<ских> Курс<ов>.

^е Справа на полях помета: Н. Buckle (1821—1862).

^ф Справа на полях помета: Д. И. Писарев 1841—1868.

^г Справа на полях помета: Вс. М. Гаршин 1855—1888.

^б Справа на полях помета: Н. К. Михайловск<ий> 1842—1904.

^г Справа на полях помета: Гл. И. Успенский 1840 <так! — Ред.>—1902.

^д Справа на полях помета: Н. Ал. Некрасов 1821—1877.

^к Написано над зачеркнутым словом.

катся: читал^a Джанишев на ту же тему — с большой страстью, глаза горели — даже для моих глаз видно с последнего места, и таким я представлял себе Унковского, а какой он был на самом деле, не знаю. А. Р.]

10. Дюринг, Ценность жизни^b.
11. Белинский^c, 4-ый том.
12. Святловский, Фабричный рабоч<ий>.
13. Маркс^d, Капитал, 3 тома.
14. Бёрне^e, Полное собр<ание> соч<инени й>.
15. Геффдинг, Психология.
16. Чернышевский^f, Эстетика и поэзия.
17. Летурно^g, Эволюция собственности.

L'évolution de la morale, du mariage et de la famille, de la propriété, de commerce.

18. Адам Смит^h, Исследование о богатстве народов.
19. Крестьянское наследственное право. Статья Тютрюмова.

20. М. Ковалевскийⁱ, Происхождение совр<еменной> демократии.

21. Статьи из Отечественных Записок XI — 11.

22. Фейе^j, Происхождение мира [Sur l'origine du monde 1854—1885].

23. Энгельс^k, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

24. Эмиль Генекен^l, Опыт построения научной критики (La critique scientifique, 1888).

^a Далее начало слова зачеркнуто.

^b На левой стороне тетрадного разворота приклеена фотография — репродукция женского портрета работы неустановленного художника.

^c Справа на полях помета: Вис. Г. Белинский 1811—1848.

^d Слева на полях помета: Marx 1818—1883.

^e Слева на полях помета: L. Börne 1786—1837.

^f Справа на полях помета: Н. Г. Чернышевский 1828—1889.

^g Слева на полях помета: Ch. Létourneau 1831—1902.

^h Слева на полях помета: Adam Smith 1723—1790.

ⁱ Справа на полях помета: М. М. Ковалевский 1851—1916.

^j Слева на полях помета: H. Faye 1814—1902.

^k Слева на полях помета: F. Engels 1820—1895.

^l Слева на полях помета: E. Hennequin, 1859—1888 (так! — ред).

25. Дитятин, Статьи по истории русского права.
26. Жан Жак Руссо^a, Исповедь (<Les> Confessions).
27. Современные учения, учения о нравственности и ее история.
28. Сеньобос^b, Политическая история современ<енной> Европы (1897–1824) <так! – Ред.> Histoire politique de l'Europe contemporaine.
29. Гобсон, Эволюция современного капитализма.
30. Томас Ралей^c, Элементарная политика.
31. В. Лексис, Современное положение учения о валюте.
32. Теория взаимного кредита. Статья Павловского.
33. Статьи из Рус<ского> Бог<атства> № 12.
34. О народном кадастре. Статья.
35. Николай-он. Чем объяснить рост наших государ<ственных> доходов.
36. Статьи из Рус<ского> Бог<атства> № 13.
37. Кривенко, На распутье.
38. Шерр^d, Комедия всемирной истории.
39. Тургенев^e, I-ый том.
40. Гаршин^f, I и II т. рассказов.
41. Короленко^g, Голодный год.
42. Толстой^h, Хозяин и работник.
43. К. Маркс, Нищета философии (La misère de la philosophie, réponse à la philosophie de la misère par M. Proudhon (1809–1865)).
44. Экономические кризисы.
45. Засодимскийⁱ, I т.
46. Гиббинс, Промышленная история Англии.
47. Ермолинский, Выкупные платежи.
48. Карно^j, История франц<узской> революции.

^a Слева на полях помета: J. J. Rousseau 1712–1778.

^b Слева на полях помета: Ch. Seignobos 1854– (так! – Ред.).

^c Слева на полях помета: T. Raleigh.

^d Слева на полях помета: J. Scherr 1817–1886.

^e Справа на полях помета: И. С. Тургенев 1818–1883.

^f Справа на полях помета: В. М. Гаршин 1855–1888.

^g Справа на полях помета: В. Г. Короленко 1853–1921.

^h Справа на полях помета: Л. Н. Толстой 1828–1910.

ⁱ Справа на полях помета: П. Засодимский 1843–1912.

^j Слева на полях помета: Hippolyte Carnot 1801–1888.

49. Н. Ч. Очерк аграрного движ<ения> 1879 и 1880 гг. в Ирландии.
50. Басни Крылова^a.
51. Бунин^b, Рассказы.
52. М. Зернов^c, Анатомия человека.
53. Немецко-русский словарь.
54. Золя^d, Как умирают.
55. Самоучитель немецкого языка, 2 книги.
56. Жизнь Гарibaldi^e.
57. «Нухим» Яблоновского^f.
58. 200 украинских песен.
59. Шевченко^g, Кобзарь.
- 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66
67. Горький^h, Рассказы.
68. 4 немецких книжки.
69. Иеринг, Борьба за право.
70. Биографии: Шевченко, Писареваⁱ, Сперанского, Гегеля^j, Жорж-Занд^k, Тургенева^l, Роберта Овена^m.
71. Лесевич, Что такое научная философия.
72. Войнич, Овод.
73. П. Я. (Якубович-Мельшин)ⁿ, Стихотворения.
74. Статьи Николай-она
75. Лассаль^o, Франц фон Зикинген.

^a *Справа на полях помета:* И. А. Крылов 1768—1844.

^b *Справа на полях помета:* И. А. Бунин 1870— (дата смерти густо заштрихована).

^c *Справа на полях помета:* Москов<ский> професс<ор>.

^d *Слева на полях помета:* E. Zola 1840—1902.

^e *Слева на полях помета:* Garibaldi 1807—1882.

^f *Справа на полях помета:* Ал. А. Яблоновский 1870—1935 (так! — Ред.)

^g *Справа на полях помета:* Т. Г. Шевченко 1814—1861.

^h *Справа на полях помета:* А. М. Горький 1868—1936.

ⁱ *Справа на полях помета:* Д. И. Писарев 1841—1868.

^j *Слева на полях помета:* Hegel 1770—1831.

^k *Слева на полях помета:* George Sand 1804—1876.

^l *Справа на полях помета:* И. С. Тургенев 1818—1883.

^m *Слева на полях помета:* Robert Owen 1771—1858.

ⁿ *Справа на полях помета:* П <етр> Филипп<ович> Якубович-Мельшин 1860—1911.

^o *Слева на полях помета:* F. Lassalle 1825—1864.

76. Карышев, История политической экономии.
77. Дайси, Основы государственного права в Англии.
78. Брусилowski, Спичечные фабрики^а.
79. Очерки итальянского простонародья.
80. Психические.
81. Экономические статьи из Рус<ского> Богат<ства>.
82. Мантегац^б <так! — Ред.>, Будущее человечества.
83. Барр, Неустойчивая толпа.

[Почти все эти книги я читал, а которые по названию мне были известны и отмечены: прочитать. Из писателей, здесь названных, я потом познакомился с Короленко, Горьким, Яблоновским, Буниным. Некоторых имен я не нашел в Larousse du XX siècle, а между тем в Росс<ии> «все» знали. А. Р.]

Две картинки^с

[Это с 1895 г. до нынешнего^д 45-го хранил. Чудное дело, сохранились во все наши ломки и переборы. Это С. П. в тюрьму кто-то прислал, она и поминала, да из головы вышло, что. К рестру книг подходит: глаз радовала. А. Р.]

АТТЕСТАТЫ

[У С. П. была, не покидавшая ее, жажда знания, ей все давалось легко и учиться для нее было удовольствием, даже в самое последнее время она занималась немецким яз<ыком>, изучая его в подробностях. Из аттестатов не все сохранились: нет гимназического, нет и об окончании курса сестер милосердия воен<ного> времени в Евгениевской Общине в Петербурге. Сохранилась фотогр<афия> выпуска окончивших. Я знаю, что все эти нарядные листы пропадут, и хочу как-то сберечь^е имена профессоров, а с ними останется память о ученье. А. Р.]

^а На левой странице тетрадного разворота приклеена открытка — репродукция пейзажа работы неустановленного художника.

^б Слева на полях помета: Р. Mantegazza 1831—1910.

^с Справа на полях дата: 18 III 95.

^д Часть слова написана на зачеркнутой частью.

^е Написано над зачеркнутым словом.

Свидетельство С.-Петербургских Высших Курсов^a 29 V 1897

Совет профессоров С.-Петербургских Высших Женских Курсов сим удостоверяет, что Серафима Павловна Довгелло, православного исповедания, поступившая на Курсы по аттестату Черниговской гимназии^b, окончила ныне полный четырехлетний курс по историко-филологическому отделению и оказала на испытании следующие успехи: в богословии хорошие; в истории философии отличные; в психологии отличные; в логике удовлетворительные; в русском языке хорошие; в истории русской литературы: древней удовлетворительные, новой удовлетворительные; в истории всеобщей литературы средних веков отличные; новой отличные; в русской истории хорошие; в всеобщей истории: древней хорошие, средней хорошие, новой удовлетворительные; в славяноведении хорошие; в латинском языке удовлетворительные; в истории римской литературы хорошие; в истории искусств хорошие, и в педагогике хорошие.

На основании § 30 Положения о С. Петербургских Высших Женских Курсах 3 июля 1889 г. изданного согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 25 июля 1889 г. Положения Комитета Министров выдано г-же Довгелло это свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Курсов. С. Петербург, 21 мая 1897 года^c

Директор С.-Петербургских Высших Женских Курсов Раев

Профессоры Курсов: Н. Кареев, С. Платонов^d, Ив. Гревс, И. Шляпкин, А. Петров, И. Холодный <так! — *Ред.*>.

№ 211/827

1909 года Сентября 18 дня с этого документа в конторе С.-Петербургского Нотариуса В. П. Сомова засвидетельствована копия и выдана Д о в г е л л о. По реестру № 3940

^a *Справа на полях помета: 1893—1897.*

^b *Справа на полях помета — годы обучения в гимназии: [1885—1893].*

^c *Ниже изображен круг, внутри которого надпись: печать*

^d *На отдельном вклеенном в тетрадь листе вклеена вырезка из не-установленной газеты: фотография с надписью: «† Академик С. Ф. Платонов».*

[Любимым профессором С. П-ы был Сергей Федорович Платонов, несколько раз я был на его пуб<личных> лекциях уже в революцию, он читал в Доме литераторов на Бассейной: соловей! Что еще сказать; приводя из памятников или документов большие отрывки — и все на память — он передавал и интонацию, музыку фраз. Это говорил XVII век. Несмотря на то, что Милюков играл на скрипке, от речи его было впечатление, как от человека без слуха, всегда хотелось громко поправить «напеть». Но у Платонова выходило без задоринки, можно было слушать часами. У С. П. было общее с ним: ее память и музыкальность. Между прочим, законоучителем в Черниговской гимназии был брат С<ергея> Ф<едоровича> «батюшка Платонов», о котором говорили, что он «дом себе на мощах построил». Есть и его изображение — нарисовала С. П.

С. П. занималась по-русски у Ильи Александровича Шляпкина. Он жил в Белоострове. Дом его — он был чудно построен с закоулками и клетушками. Однажды я со слушателями Арх<еологического> Ин<ститута> был у него. Какие археологические сокровища: укладка с рукописями — он показывал Петровские документы, сундук, списки неизданных русских повестей. И в каждой комнате часы — все тикает, все уголки, как сверчки. А вызвал он меня к себе для разговора о моем Лимонаре, его смутили «Страсти Господни», ему почудилось кощунство. Я ему все разъяснил — по апокрифу, если бы такой был, иначе и не могло быть — на то и демоны, эти низвергнутые силы, которые неистовали в ночь смерти, когда распятый Христос провел 3 дня «во гробе» — в аду. Шляпкин остался доволен моими объяснениями, и мы расстались дружно. Мне все хотелось доткнуться до его сундуков — до русских повестей, но он только из своих рук показывал. А помер он в Революцию — «режима», как тут бы сказали, не выдержал, я говорю не столько о продовольствии, как о самом способе добыть. Много тогда профессоров померло, а какой был потерянный вид в очередях, жалко смотреть.

С Иваном Михайловичем Гревсом мы жили в одном доме <—> 14 л<иния> В<асильевского> О<строва>, д<ом> Семенова-Тяньшанского. Каждый день встречались. А по ночам в революцию в самую изгарь 1918—1919 только и теплились два огонька: я занимался с лампадкой (электричества не давали), керосин горел, а у Гревса не знаю что горело. Но про это все знали.

Николая Ивановича Кареева, его прозвище «водолей», и действительно пространный человек, я слышал его раз — в Большой аудитории Университета в Москве. Все было полно, помню, я стоял около кафедры, т. е. под. Когда он кончил, послышались свистки — это было в начале марксизма. Мне его было жалко, а его словесная пространность... «нет, я буду лучше марксистом за краткость», так у меня где-то сказалося.]

2

**Аттестат Им<ператорского>
Археологического Института^a
14 V 1912**

Императорский Спб. Археологический Институт удостоверяет, что Серафима Павловна Ремизова, поступив в 1909 году в число слушателей Императорского Археологического Института, выслушав курс наук: первобытную и христианскую археологию, юридические древности, славяно-русскую палеографию, историческую географию и этнографию России, нумизматику, дипломатику, архивоведение и археологию и по испытании в названных науках признан достойным звания действительного члена Императорского Археологического Института, в удостоверение чего дан этот аттестат за надлежащими подписями и с приложением печати Института.

С.-Петербург 1912 года, мая 14-го дня.^b

Директор Императорского Археологического Института
Н. Покровский

Члены Совета Института: Н. Каринский, Н. Веселовский, Н. Лихачев, Вл. Майков, И. Шляпкин, С. Гольдштейн, С. Середонин, С. Платонов, А. Марков.

Секретарь Института С. Розанов.

№ 154

(Рисовал Слуш<атель> II курса П. Красновский — [ну и дурак! А. Р.])

[Душой Института, он и создатель, был Николай Васильевич Покровский. На Пасхальную заутреню мы бывали в Александро-Невской Лавре в Академической церкви и там всегда подходили

^a Справа на полях помета: 1909—1912.

^b Ниже нарисован круг, в круге слово: печать.

к Покровскому христосоваться: он сиял весь от умиления. А помер в Революцию, в самом начале^a.

Однажды я видел Николая Петровича Лихачева, не помню где, он мне показался таким крепким, как гвоздь-костыль. Сергея Михайловича Середонина раз встретили на музыке в Павловском вокзале, С. П. меня познакомила с ним, на нем было пальто с оборванной пуговицей, совсем не был похож на профессора, а скорее под конторщика в будний день.

Между прочим, С. П. рассказывала, как надо быть осторожным на экзамене: древности спорный предмет — напр<имер> тмутараканский камень — Шляпкин утверждает, что подделка, а Каринский, что камень подлинный. Надо это иметь в виду, чтобы не ляпнуть Каринскому Шляпкина и наоборот.

Для изучения палеографии С. П. пользовалась двумя книгами, Соболевским и Карским. И потом в *École de langues orientalis* в Париже она будет пользоваться ими для своих лекций.

А. И. Соболевский^b, Славяно-русская палеография. Лекции СПб. 1908. Изд. 2.

Пока здесь, в Париже, достала С. П. себе эти лекции, ей пришлось переписать всю книгу. Рукопись ее храню: мало ли, пропадут все книги, а рукопись останется, кому она нужна, разве огню.

Е. Ф. Карский^c, Палеография

Е. Ф. Карский, Образцы славянского кирилловского письма X–XVIII в.^d

^a Далее на отдельных вклеенных в тетрадь листах — вырезки из неустановленных печатных изданий: 1) Фотография с подписью: «Президиум Академии Наук. Сидят (слева направо): академики Е. Ф. Карский, В. А. Стеклов (вице-президент), А. П. Карпинский (президент), С. Ф. Ольденбург (временный секретарь), С. Ф. Платонов; стоят: И. Ю. Крачковский, А. Е. Ферсман (3-й и 4-й слева)» 2) Фотография с подписью: «Алексей Иванович Соболевский, знаменитый русский филолог. Род. 1856 г. — † 1929 г.»; 3) Фотография с подписью: «† Академик Е. Ф. Карский». — фотография, дописано от руки А. Р.: «† 1931».

^b Слева на полях помета: Алексей Иванович Соболевский 1856–1929.

^c Слева на полях помета: Евфимий Федорович Карский 1860–1931.

^d Справа на полях помета: Вар<шава>. 1902. Изд. 2.

3

Диплом^a

**Alliance Française École pratique de langue Française
Diplôme Supérieur d'Études Françaises Modernes
29 II 1928**

Le conseil d'Administration de l'Alliance Française atteste que Mme Seraphine <так! — *Ред.*> Remisov née le 4 juillet 1878 à Tchernigov, Russie, de nationalité Russe a subi avec succès, à l'issue des Cours de la Première Session de l'Année 1927—1928, les épreuves, écrites et orales, prescrites pour l'obtention du diplôme supérieur d'Études françaises modernes.

Paris, le 29 Février 1928^b

Le Directeur de l'École Pratique de langue Française Robert Dupouen

Le Président du Jury 2

Le Conseil d'Administration de l'Alliance Française:

Le Secrétaire Général Paul Labré <?>

Le Vice-Président Gaston Deschamps

№ 458

[Учительницей была Isabelle Rivière^c, жена Jacques Rivière, основателя NRF. С ним мне пришлось познакомиться незадолго до его смерти, а с ней нет. С. П. под ее руководством перевела «Зайку» из «Посолони» и очень она понравилась ее тогда маленьким детям, сыну^d и дочери^e. Храню себе на память всякие сочинения С. П. на самые неожиданные темы, изобретение Mme Rivière.

С С. П. кончили Alliance: Первушина, Steinberg, Sinkevitch, Krausé, Stegman, Кувайтис и, мне кажется, еще Вайкутис. И d'Ancona, с которой до 1940 г. до оккупации часто виделась С. П.: она приходила к нам, очень кроткая и «несчастливая»].

^a Справа на полях помета: 1927—1928.

^b Ниже—изображение печати: круг, внутри которого надпись: «A<l-
liance> F<rançaise>. 101 Bd. Raspail Paris».

^c На левой странице разворота вклеена вырезка из неустановленного печатного издания 1944 г. с извещением о смерти M.-J. Rivière под названием: «Mort d'une religieuse».

^d Справа на полях помета: Dom Marie-Alain Rivière, prêtre O. S. B.

^e Далее вставка: Marie Jacqueline †.

4

В начале 1924 г. две пробные лекции С. П. в École de langues orientales «Славяно-русская палеография».

École Nationale

des langues Orientales Vivantes

30 VI 1924

L'Administrateur à Madame Remizov

Madame et chère amie,

Le vous rappelle officiellement, que, aux termes des décisions de la Commission des enseignements rasses, vous devez toucher (rue Michelet, 9, a l' Institut d'Études slaves) 1000 francs avant les vacances et 1000 francs après les vacances.

Le vous prie d'agréer, Madame et chère amie, les assurances de mon dévouement le plus affectueux

Paul Boyer

*

**Русский историко-филологический факультет
в Париже**

Лекции на рус<ском> истор<ико>-филолог<ическом> факультете в Париже возобновляются в начале ноября. В настоящем году объявлены курсы двумя новыми преподавателями: «Русская палеография», которую будет читать Ремизова-Довгелло [*Ecole Na<tionale> des langues orientales, 2 Rue de Lille, Paris VI*] и прив<ат>-доц<ент> К. В. Мочульский: «Пушкин и его плеяда» [*не мог выдумать другого названия! А. Р.*]

Пос<ледние> Нов<ости>. 28 VII 1924

До войны 1939 г. 2 IX С. П. читала лекции по славяно-русской палеографии в École des Langues Orientales (1924—1939)

Анкета^а

Русского Культурно-Исторического Музея

Ремизова-Довгелло Серафима Павловна

Читаю лекции в École des langues orientales (cours libre) по славяно-русской палеографии; даю частные уроки.

Чернигов

^а *Справа на полях помета: 10 V 1937 Paris.*

ref russe

Историко-Филологический факультет на Высших Бестужевских курсах и СПб. Археологический институт^а.

Действительный член СПб. Арх<еологического> Инст<и-тута>.

Общество Университетских женщин в Париже; Общество Друзей Русской Книги; Общество «Икона».

Занималась у И. А. Шляпкина по Русской Палеографии; оставлена при СПб. Археологич<еском> Инстит<уте>. Описание Торжественника Призренскаго Протопопа, работа осталась в Петербурге.

С 7-го августа 1922 г.

С 1924—1925 читаю лекции в *École des langues orientales*, 2 Rue de Lille, Paris VI (курс древней палеографии — кириллица и глаголица); новый период от XIV—XVII в.; и XVI отдельно — скоропись. Курс продолжается 2 года.

(Chargée de cours libre de paléographie russe et de vieux-slavon)

Connaissance des langues russe, française, allemande, polonaise et serbe.

Моя работа: Русский Словарь; о титлах; описание неизданной Грамоты о Повольной торговле, 1603 г.; Новгородская Грамота XIII в. «Путь чист». Разбирала надписи на предметах — вещевая палеография, определяла время выхода книг; просматривала работы по разбору житийных рукописей; разбирала тайнопись, и занималась переводами на французский.

Бедуем очень, и все сильнее и безнадежнее.

7 Rue Voileau, Paris XVI

10 мая 1937

С. Ремизова-Довгелло

БЕЗЫМЯННЫЕ СТИХИ

При жизни Чехова

Ни один город не был таким стихотворным, как Чернигов: каждый гимназист свою первую любовь выражал стихами. Сколько С. П. знала таких стихов, попадались неожиданно не-

^а *Помета на полях*: Diplômé de l'Université de St. Petersburg et de l'Institute d'Archeologie de St. Petersburg.

суразно громкие вроде: «она исчезла в треске камыша» и нежные с персидской розой и соловьем и всякие «талаталаты» <так! — *Ред.*> — так называл свои стихи Болотов. Конечно, Василий Викторович Леонович (Ангарский), б<ывший>. с-р., сибиряк, знакомый С. П.,^a «звучностью» превзошел всех, С. П. читала его стихи Вяч. Иванову, так и Вяч. Иванов, чего он только не переслушал на всех языках, а и ему такое впервые: про Чернышевского: «он завещал “Что делать”, свой трактат-роман». Я воспользовался черниговскими безымянными стихами для рассказа «Без предмета» — III ч. «Оли».

Провинция долго хранит столичные новинки, где-нибудь в Петербурге давно уже забытые, а в Чернигове — идут года — а ни моли, ни лини (от «линять»), это как пьесы, как «Трильби» — в Пензе каждый сезон. Как в первый раз, как боги — ведь были ж у нас какие-нибудь боги, не Велес, не Дажбог — измышления Христолюбца — боги, попрятавшиеся по заговорам и по трущобам всяких из души и сердца вырывающихся восклицаний, отпор на беду, в страхе и^b напуге или радости. Я читал областные словари изд. 2 отд<еления> Акад<емии> Наук, ища богов и в каких-нибудь примерах областного слова, зацепившегося за редкое необычное нам слово, находил.

В Чернигове много было стихов любовных, о которых можно было сказать, что это вот написал Гр. Александровский, двоюродный брат С. П. (потом учитель гимназии в Киеве и автор исследования о Гоголе, о ^cчем поминается у Нес<тора> Ал<ександровича> Котляревского в книге о Гоголе), а были стихи «либеральные», и трудно было сказать, кто сочинитель: Иероним Иеронимович Ясинский (Максим Белинский), жил он под Черниговым, или из Петербурга пришло. С. П. знала и такие стихи.

Вот стихи 70-х годов:^d

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом,

^a Далее одно короткое слово зачеркнуто.

^b Далее одно слово густо зачеркнуто.

^{c-c} Написано над двумя густо зачеркнутыми словами.

^d Далее три строки текста зачеркнуты.

Нарядясь в дорогой кашемир.
Мать твоя презирает весь мир —
Как же ты — это трудно понять —
Не в отца уродилась, не в мать?

Из столицы отец на покой,
Мать в Париж уезжает весной,
А тебя из туманных небес
Манит в горы, да в доли, да в лес —
Целый день ты готова блуждать —
Не в отца уродилась, не в мать.

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу,
Чтоб крестов было больше, да лент.
А с тобою какой-то студент —
Рада душу ему ты отдать.
Не в отца уродилась, не в мать.

Не сулит тебе брачный венец,
Принимай жизнь, какую отец
За любовь твоей матери дал,
Разобьется и твой идеал —
Иль уж лучше, чтоб горя не знать
Уродиться в отца или в мать?

А это гимназические: Автор — из «Без предмета», Оля, III ч.

Ах, нет не нужен пламень бурной страсти,
Но ласка мне мила твоей души.
Я не ищу в объятьях жарких счастья,
Но музыке речей внемлю в тиши.

Твоя любовь зовет меня к молитве,
Твоя любовь исполнена чудес,
Миров бесчисленных в бессменном трепетаньи
И ты и я — посланники небес.

**НАША СВАДЬБА
И КОНЕЦ**
27 VI <так! – Ред.> 1903 – † 13 V 1943
Херсон Paris

В мае 1903 кончился срок моей ссылке в Вологде, срок С. П. раньше, я поступил в Театр Мейерхольда, Мейерхольд начинал свое театральное дело уж без компаньона <так! – Ред.>, один год он держал театр с Кошеверовым. Сезон предполагался в конце августа, а я поехал в Херсон загодя, все равно, мне деваться было некуда. Я подрядился с Мейерхольдом вести у него в театре часть закулисную — тогда это входило в моду — как его советчик и как настройщик актеров. На херсонской группе я и стал не с актерами в куче, а немного в сторонке с костюмером Семеном Иванычем Козаковым и парикмахером.

В Херсон приехала С. П., и мы сыграли свадьбу: образом нас благословил священник — храню Покров, а шафером был повар из отеля, где я жил, дожидаясь С. П.

27 VI <так! – Ред.> 1903

Означенный в сем Свидетельстве Личный почетный гражданин Алексей Михайлович Ремизов в первом браке повенчан с девицею Потомственной дворянкой Серафимой Павловной Довгелло в 1903 Причтом Кладбищенской Всех Святых церкви г. Херсона. Июня 27 дня. 1903 г. № 7 акта^а.

Священник Петр Гусенов
Диакон Николай Залиша
№ 180

За болезнь, а я считаю с мая 1940. Др. Очан пустил кровь, вскрыл вену, в два приема, и вот вечером да это было числа 13-го, С. П. вдруг что-то заговорила, была Н. Г. Львова, и я почувствовал, что это и есть расстройство речи, а Н. Г. заметила С. П., что она говорит так, а я, поняв, сказал: вот и у меня тоже язык заплетается. Тогда было тревожное состояние и много было всяких забот. А с 3 июня после бомбардировки обострилось: речь стала нечистая, но только для меня заметно. Сознание не

^а *Ниже: изображен круг, внутри него надпись: печать.*

теряла. Память, она читала стихи, как прежде, но бывали выпадения строчек и, конечно, без той ее ритмической отчетливости, иногда сливая слова. Она стала забывать мои ответы, переспрашивая через какие-то промежутки времени, но это бывало, хоть и не так резко, а и раньше. Пожалуй, невнимание, а объясняется тем, что она «думала», глубоко уходила в свою думу и ответы не западали, а скользили.

Для д<окто>р<а> Аитова было несомненно «расстройство», что она вне всяких интересов, — не говорит о войне, вообще о событиях и ко всему относится как-то чересчур ровно. Я определял такое состояние — отхождением вещей, вообще мира, я очень боялся, как пройдет Пасха и вижу, ее не заволновало, что мы дома, не в церкви, и тоже с причастием — приходил о. Василий, я думал (ждал), что произведет впечатление, нет, я не заметил. Но люди оставались, она радовалась, когда приходил П. М. Костанов, ждала Н. Г. Львову, С. Ю. Штерн.

Разговор о госпитали давно был: сначала чтобы пройти курс лечение «детермии», потом, чтобы в ванну взять. Но и в клинику, и в госпиталь в наше время не так-то просто.

В клинику дорого, а в госпиталь, да еще русскому много препятствий. В понедельник (10 V 1943) Аитов написал свидетельство: оно было сильнее действительного состояния или так: действительное состояние С. П. «отнялись ноги» и очень важное в свидетельстве не выражены. Но и определение Аитова произвело действие: в среду утром я ходил в госпиталь с Е. Д. Унбегаун и там по свидетельству согласились принять. Мне запомнилось это утро: был маленький дождик и дорожки сырые. Я поминаю об этом, потому что слово «сырой» будет повторяться: и во сне в день смерти С. П.-ы, и мое ощущение, когда в мертвецкой (14-го) я погладил ее по голове. И сказалось: «в сырую землю». О чем я жалею? Что не было ни Оли, ни Наташи (Андреевой и Резниковой). Никто не заметил, что я в полусне, что меня нельзя оставлять. Чижев хлопотал о похоронах, приходил П. М. Костанов, Оболенский. А надо было меня просто «за руку водить», все это я говорю, имея в виду мертвецкую, где лежала С. П. А если бы была Наташа или Оля, все было бы по-другому: все было бы исполнено. Хотя меня одно успокаивает: ведь от С. П. еще при жизни очень многое отошло, многое стало не важным, без значения — это когда стал отходить от нее мир.

*

Docteur V. Aitov
27 Rue Vital, XVI
Irac<?>. 24–35

Paris, le 10 mai 1943

Je soussigné, certifie que Madame Remisoff, âgée de 57 ans, demeurant 7 Rue Boileau, XVI, atteinte d'obésité monstrueuse est une hypertendue de vieille date qui présente actuellement – outre affaiblissement notable des facultés intellectuelles [? A. P.] – de gros œdèmes dont l'origine cardiaque est probable. Ne pouvant recevoir chez elle les soins que nécessite son état, elle doit être hospitalisée d'urgence.

*

Administration générale de l'Assistance publique à Paris
Hôpital Ambroise Faré-Boileau
12 Rue Boileau, XVI

Paris. Le 13 mai 1943

Получено в 21 Н (т. е. в 9 ч<асов> в<ечера>.)

Monsieur,

J'ai le très grand regret de vous informer que, malgré tous les soins dont elle a été l'objet, Madame Remisoff Serafina est décédée à 20 H 15, le 13 mai 1943.

Je vous serais reconnaissant de vouloir bien, de toute urgence, me faire connaître vos intentions relativement à la sépulture. Il est en effet obligatoire d'effectuer la levée du corps dans un délai de 48 heures après le décès.

Le micux serait de vous présenter au Bureau d'Etablissement avec une pièce d'état civil pour que l'acte de décès puisse être dressé régulièrement (le livret de famille, par exemple, ou bien un acte ou bulletin de naissance ou de mariage).

Veillez aussi apporter, si possible, le linge nécessaire pour l'envelissement.

Si vous désirez reconnaître le corps, vous pourrez le faire de 14 à 16 heures.

Je vous prie très instamment de prendre connaissance des indications qui figurent au dos de la présente lettre et qui peuvent vous être d'une grande utilité.

Recevez, Monsieur, mes sincères salutations et mes bien vives condoléances.

Le Directeur

*

Paris, le 1 juin 1943

Monsieur

En réponse à la demande que vous m'avez fait adresser par une de vos amies, j'ai l'honneur de vous informer que Mme Remisoff est morte d' hémorragie cérébrale. Elle est entrée dans le coma, dès le début de la nuit [12–13 V], et n'a pas prononcé une parole. Elle ne paraissait pas souffrir.

Elle était très forte et s'est coupée sous les seins. Pour désinfecter la petite blessure on l'avait badigeonné avec du mercuroforme.

Veillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués.

*

Pompes funèbres centrales et régionales
Littré<?> 37–28

André Berjoan
70 Rue Vaneau
(Angle rue d'Olivet)
Paris VII
Paris, le 16 mai 1943

Je soussigné reconnais avoir reçu de M. Tchijoff la somme de Quatre mille trois cents francs montant des de Madame Remisoff, née Sérafine Dowgello, décédée rue Boileau № 12.

Qui auroit lieu le Dimanche 16 Mai à 9 heures le dépôt à l'Eglise Russe (Rue Daru) et à 14 heures le convoi.

Comprenant:

Taxe municipale, 8 porteurs pour le dépôt à l'Eglise Cathédrale russe, fourgon auto, 44 vacations de police au départ de la rue Boileau à l'Eglise, et au cimetière.

Corbillard de 7-ème classe, avec bandeau frangé et galonné coton, 2 écussons au corbillard, 4 porteurs pour le service.

Cercueil en chêne fort, garniture étanche, frettes pour^a le dépôt, garniture intérieure cello ouate, couverture funéraire, coussin spé-

^a Далее несколько слов зачеркнуто.

cial, plaque gravée, mixture sanitaire, livraison du cercueil, supplément pour dimension hors mesure.

Présence d'employé au départ le matin, et au service l'après-midi, démarches, gratifications au personnel.

Tous frais ei dessus

Taxe 1,50%

4.300

43

22

4.365

*

Расходы:

По счету Похорон<ного> Бюро 4.365

В церковь (хор, свечи, свящ<енник>) 650^a

Свящ<енник> за поездку на кладбище 100

На чай рабочим на кладбище 120

На чай шоферу _____ 20

5.255

*

Préfecture de la Seine

Cimetière Parisien de Bagneux

Situation de Sépulture

Nom Remizoff

Date de l'inhumation 16 mai 1943

70 Division

4 ligne

№ 23

*

В воскресенье, 30 мая у Знамения на Rue Michel-Ange после обедни будет отслужена панихида по Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло, скончавшейся 13 мая 1943 и погребенной на кладбище Bagneux. Извещает Алексей Ремизов.

«Парижский Вестник»^b

^a Справа на полях помета: (хор — 265; 50 свечей — 150 р.)

^b Ниже в рамочке помета: 300 fr. за объявление.

*

Entreprise Générale de Sépultures
M. Hallier Succ<esseu>
Octobre 1943

Montrouge, le 27

№ 4551

F^o 441

Monsieur Remizoff

J'ai l'honneur de vous aviser que les travaux don't vous m'avez confié l'execution sont terminés. Dans l'espoir que vous en aurez toute satisfaction et dans l'allente de votre visite je vous prie d'agrée, Monsieur, mes salutations empressées.

Le 9 November 1943

Reçu pour solde de tout compte la somme de 2.450 frs.

**КТО БЫЛ НА ПОХОРОНАХ
ИЛИ ПИСЬМО ПРИСЛАЛ КТО:**

Или на улице встреча

1. Аитов Вл<адимир> Давидович
2. Аитова Маргар<ита> Никол<аевна>
3. Андреев Николай Ефимович Археол<огический> Ин-ст<итут> Прага
4. Андреев Вадим Леонидов<ич>
5. Андреева Оля
6. Андреева Олечка
7. Апостол Павел Николаев<ич> Общ<ество> Друз<ей> Рус<ской> Книги
8. Аронсберг Александр Иосифович
9. Аронсберг Евгения Юльевна
10. Бальмонт Елена Конст<антиновна> († 1944) <так! – Ред.>
11. Бем Альфред Людвигович. Прага
12. Берберова Нина Николаев<на>
13. Бердяева Лидия Юдифовна
14. Бердяев Никол<ай> Алек<андрович>
15. Блок Андрей Григорьев<ич>
16. Beaulieux Leon É<cole> L<angues> O<rientales>
17. Вельтер Густав Генрих<ович>
18. Вышеславцева Наталья Никол<аевна>

19. Гиппиус Зинаида Ник<олаевна>
20. Гофман Модест Людвиг<ович>
21. Гофман Ростик
22. Гржебина Марья Конст<антиновна>
23. — “ — Буба
24. — “ — Капа
25. — “ — Алексей
26. Даманская Августа Филипп<овна>
27. Демидова Софья Семенов<на>
28. Denis Jean É<cole> L<angues> O<rientales>
29. Довгелло Лидия Павлов<на>
30. Долгополов Никол<ай> Саввич
31. Дориомедова Софья Конст<антиновна>
32. Drieu la Rochelle P.
33. Евреинов Ник<олай> Ник<олаевич>
34. Замбелла <?> Елиз<авета> Павл<овна>
35. Завадская-Добровольская Надежда Алексеев<на>
36. Завадский-Корсак Вениамин Валерьян<ович> (†1944)
37. Зайцева Вера Алексеев<на>
38. Зайцев Борис Конст<антинович>
39. Замятина Людмила Никол<аевна>
40. Зарецкий Никол<ай> Вас<ильевич>
- 41—42 Зеелер Влад<имир> Теофилович, Варв<ара> Мих<айловна>
- 43—44 Зерновы Влад<имир> Мих<айлович>, Софья Мих<айловна>
- 45—46 Иванов-Разумник Разумник Вас<ильевич>, Варвар<а> Никол<аевна>
47. Карташов Антон Влад<имирович>
48. Кобеко Ив<ан> Павл<ович>
49. Ковалевская Ольга Фед<оровна>
50. Костанов Петр Марк<ович>
51. Крюков Ник<олай> Павл<ович>
52. Кугульский Семен Лазарев<ич>
53. Кузьмин-Караваев о. Дим<итрий> Ник<олаевич>
54. Кулаковский Серг<ей> Юлиан<ович> (Варшава)
55. Кульман Наталь<я> Ив<ановна> (Лихарева, Бокий)
56. Кутырина Юлия Алекс<андровна>
- 57—58. Лазаревы Адольф Марк<ович>, Берта Абрамов<на>

59. Lelli Gilbert
 60—61. Лифарь Сергей и Леонид
 62. Львов Лоллий Ив<анович>
 63. Львова Нина Григ<орьевна>
 64. Mazon André
 65. Малинин Вл<адимир> Федор<ович> † 1943
 66. Мамченко Викт<ор> Андр<еевич>
 67—68. Манухин Ив<ан> Ив<анович>, Тат<ьяна> Ив<а-
 новна>
 69—70. Мирович Нико<лай> Влад<имирович>, Фрида <?>
 71. Можайская Ольга Никол<аевна>
 72. Мочульский Конст<антин> Вас<ильевич>
 73. Никитин Вас<илий> Петров<ич>
 74. кн. Оболенский Александр Марк<ович>
 75. — “ — ий Андрей Вл<адимирович>
 76. Parain Brice NRF
 77. Pascal Pierre
 78. — “ — и Евг<ения> Алекс<андровна>
 79. Полякова Анна Ник<олаевна>
 80. Paulhan Jean NRF
 81. Полонская Любовь Алекс<андровна>
 82. Ремизова Наталья Алексеевна
 83. Руманов Аркад<ий> Вениамин<ович>
 84. Рябушин<ский> Вл<адимир> Пав<лович> (общес-
 тво> «Икона»)
 85. Резникова Наташа
 86. — “ — в Даниил Георг<иевич>
 87. Селевина Екат<ерина> Вл<адимировна>
 88. Солнцев Конст<антин> Ив<анович>
 89. Сологуб (Зайцева) Наталь<я> Бор<исовна>
 90. Сосинская Ариадна Викт<оровна>
 91. — “ — й Брон<ислав> Брон<иславович>
 92. Станкевич Нина Казим<ировна>
 93. — “ — — “ — Екат. Каз<имировна>
 94. — “ — — “ — Ксана
 95. Струве Алексей Петров<ич>
 96. — “ — — “ — Екатер<ина> Андреев<на>
 97. — “ — — “ — Мих<аил> Алекс<андрович>
 98. — “ — — “ — Петр Бернгардов<ич> † 1944

99. Судейкина Ольга Афанасьев<на>
100. Сургучев Илья Дим<итриевич>
101. Тер-Погосьян Мих<аил> Матве<евич>
102. Тэффи Надежда Алекс<андровна>
- 103–104. Тыркова Ариадн<а> Вл<адимировна> и ее сын
105. Унбегаун Борис Генр<ихович>
106. — “ — Елена Ив<ановна>
107. — “ — Таня
108. — “ — Ек<атерина> Данил<овна>
109. Fleury Pierre
110. Jeanne
111. Maurice
112. Унковский Вл<адимир> Ник<олаевич>
113. — “ — Азра Моис<еевна>
114. Чайковская Пел<агея> Ив<ановна> (Терещенко)
115. — “ — Мих<аил> Петр<ович>
116. Часар Лидия Александровна
117. Чернова Ол<ьга> Елис<еевна>
118. Чижов Глеб Вл<адимирович>
119. Чичибабины Вера Вл<адимировна>, Алекс<ей> Ев-
г<еньевич>
120. Цадонер<?> Ольга Вл<адимировна>
Дервиз — баронесса Утенюк
121. Шаповалов Арк<адий> Дм<итриевич>
122. Charoix Maurice
123. Шклявер Георг<гий> Гав<рилович>
124. Шмелев Ив<ан> Сер<геевич>
125. Шнейдер Ив<ан> Вас<ильевич> («Икона»)
126. Штерн Сер<гей> Фед<орович>
127. — “ — Софь<я> Юльев<на>
128. Chuzeville Jean
129. Янковская Над<ежда> Платоновна (Пищик)
130. Яницкая Вера Степа<новна>
131. Янчевский Ник<олай> Дм<итриевич>
132. Ячиновский Вас<илий> Лукич

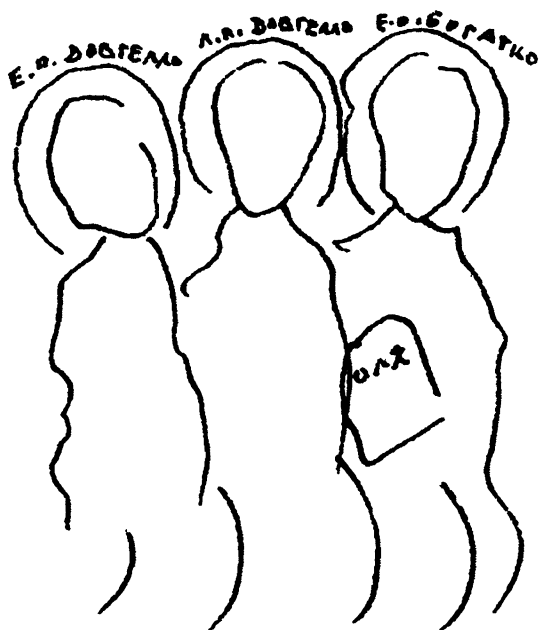
На улице или через кого

1. Бакунина Е. В.
2. Гингер А. С.

3. Денисюк (сестра Полонского)
4. Денисов Ив<ан> Куз<ьмич>
5. Денисова На<талья> Мих<айловна>
6. Дейша Адр<иан> Вас<ильевич>
7. Вознесенск<ий> Ал<ександр> Ал<ександрович>
8. Кончаловская Викт<ория> Петр<овна>
9. M-me Meuvret
10. Суханов И. Н.
11. Суханов М. Н.
12. M-me Belmer
13. M-me Mercier (Тоненькая Шейка)
14. M-me Odette
15. M-me Janina
16. M-lle Jannet
17. M-me Servant
18. Mr Servant
19. Пузырь и ее мать
20. Неизвестная на улице
21. Та, с которой С. П. сидела на скамейке
22. Б<?> Ал<?> Дим<?>
23. Мать Розы
24. Заменяюща<я> консержку
25. Billard
26. и ее мать
27. ген. Гулевич
28. Тамар<а> Мих<айловна> Лурье
29. Яковлева Лидия Иван<овна>
30. Чекунов Ив<ан> С<тепанович>
31. Серов С<ергей> Мих<еевич>
32. Шаршун Сер<гей> Ив<анович>
33. Mme Martygé
34. Н. Г. Елисеев
35. Н. К. Волков
36. В. А. Могилев<ский>
37. Вл. В. Вейдле^а

^а Далее следуют вырезки из неустановленных печатных изданий с текстами некрологов: Кулаковский С. «Памяти Алексея Ивановича Соболевского», Б. п. «Памяти акад. Н. П. Лихачева», Б. п. «Академик Е. Ф. Карский».

КНИГА III

[В этой книге собрано самое больное. Об отце — через всю жизнь С. П. хранила память, берегла уцелевшие листки из его дневника и в горькую свою минуту в тоске видела его (об этом рассказано в главе «Наташа» в «Сквозь огонь скорбей»). И судьба ее — в ее конце что-то похожее. Затем «Тунгус в юбке»: это клевета, долго не могла избыть ее. А с «клеветой» — проба дружбы, и тут оказалось, что ошиблась. Много и в самой основе переменяло это событие. И тут почему и отчего не поправило.

О Лебединцеве — куме — связано с Наташе<й>.

Заруцкий, так переделано имя в «Оле», — Каз<имир> Люд<вигович> Тышка — это очень резко, это роковое. Чувство вины и невозможность поправить, а с годами оценка «любви» — кто еще так любил?

Я собрал все листки с его именем, С. П. не раз писала о нем, но уничтожила.

Черная тень покрыла душу.

И когда теперь передо мной проходят все наши дни, я всегда думаю, какая сила радости хоть на миг рассеивала эту тень — эти тени, упавшие на душу. И всё это роковое — оно шло откуда-то, оно не из души человека.]

А. Р.

ИЗ «ОЛИ» О СМЕРТИ ОТЦА ^а

Оля была на 2-м курсе, когда умер отец [21 III]^б. В Петербург пришло известие только через месяц: Оля получила письмо во время экзаменов.

Потом уж в Вагагине [Берестовце] она узнала подробности о последних минутах.

Ал<ександр> Пав<лович> [Павел Иванович] опять «сошел с ума». Поводом послужил начатый процесс против него со стороны его сестры [Наталья Ивановна Василенко] из-за ее части, которую он будто бы ей не отдал. Она доказывала, что имение принадлежит матери [Анне Ефимовне Ковалевской], а часть, ей выделенная, меньше следуемой ей по закону: она требовала эту часть и всю ту сумму, составившуюся из процентов за время «незаконного» владения ее землей.

Когда помер Павел Петрович [Ив. Ив. Довгелло], Ал<ександр> Пав<лович> [Павел Ив<анович>] был маленький и имение перешло к его матери, во владение он никогда не вводился, так Вагагино [Берестовец] и принадлежало не ему, а матери. А это засвидетельствовали, — нашлись такие охотники среди вагагинских.

Ал<ександр> П<авлович> [Павел Ив<анович>] получил повестку из суда и почувствовал себя дурно.

«Гонят меня из моего дому!» — так сказало у него и выговорилось. А потом он стал кричать.

[Так бывало и с С. П<авлович>ой, сначала тихо, и вдруг подымался крик, уж вне себя, она кричала, слышать этот крик ужасно. А. Р.]

Затихая, он ходил по комнатам и писал на запотелых окнах: «раз — перерез — разраз — а — переа — раза...» И опять начи-

^а Справа на полях помета: «Оля». С огненной пастью. стр. 222.
Ниже — надпись синим карандашом: Оля II

^б Справа на полях дата: [1895]

нал кричать. В его выкриках можно было различить: он кричал, что дети не его, и только одна Оля — его дочь.

Три недели он так мучился. И решили опять везти в Покидош (Чернигов) в сумасшедший дом, и вдруг у него отнялись ноги, потом руки, потом язык. И так три дня — затих и заснул и больше не проснулся.

Ватагинский батюшка о. Евдоким [*о. Евтихий*] за «вольнодумство» не жаловал Ал<ександра> Пав<ловича> [*Пав<ла> Ив<ановича>*]. Ал<ександр> Пав<лович> на исповедь ездил к Покидошенскому старцу, и этого никак не мог простить священник. Всех Ильменевых (Довгелл) хоронили всегда на цвинтаре, около церкви, об этом каждый раз подавалось прошение архиерею, но о. Евдоким отказался:

«Лучше похоронить на кладбище, со всеми, — сказал он, — не все ли ему равно?»

Наталья Ивановна [*Александра Никитишна*] сама подала прошение без священника, и архиерей разрешил.

За отпеванием над гробом о. Евдоким говорил «обличительное» слово, оно оканчивалось обращением к присутствовавшим на похоронах:

«Это был великий грешник, — сказал он, показывая на еще не закрытый гроб, — молитесь за него!»

Когда про это рассказывали Оле, ей было очень больно. Единственная память об отце — несколько случайно уцелевших листков из его дневника. В чем же был его «великий грех»? Оля верила просто, как «сказано и уложено», а у отца была мятежная мысль. Но разве это грех — «раздумывать»? А кроме того, он искал «правды»: как человеку надо жить? Оля много вычитала из кратких строк и многое поняла, о чем только догадывалась с первых своих дней, как стала замечать и думать.

ИЗ ДНЕВНИКА

*
* * *

31 августа 1881 г.

Был в церкви, стоял сзади всех, опершись к стене. Заметил, кто молился (вообще) за царя. Из панов и офицеров только двух: старик седой, который стоял впереди всех, и одного офицера, родившегося в Борзне. Из простых: баб (сзади), стоящих сзади всех панов, одного у. о. [*унтер-офицера*], 3-х—4 солдат. За офицера я помолился, чтобы Бог ему послал разум. Всмотревшись в его лицо, прочитал доброту. За царя я помолился, а также и за всю царскую фамилию. Когда пели «Святейший Синод», явился вопрос, почему он «святейший»? Явился ответ: такой дом и в нем заседающие не святые, а когда начали писать «дом святой», — так как его освящали. Затем явились еще несколько мыслей — и пропали. Еще в церкви пришла мысль: познакомлюсь с офицером. И к концу приблизился к нему, но не успел в церкви сказать, догнал и сказал: «Позвольте спросить вашу фамилию?» — Сказал, что «эта фамилия мне сродни может быть», — прочитал на лице неудовольствие. «Позвольте с вами познакомиться». — «Очень рад». — «Вам некогда, так я после с вами погов^орю». Офицер побежал строить солдат, вышел и я, заметил, что...

Дал совет Софье Николаевне молиться со слезами на глазах, — она не заплакала. Какая-то мысль явилась — и умерла; опять мысль умерла. Драгун, семечки, и две девки работали — развлекли. Мысль умерла. Встаю ходить. Волы сено крадут, а человек не позволяет. Пришел Лизогуб: «можно?», — говорит. Стучит кто-то в фортку. Смеюсь. Новая мысль умерла. «Не оживет аще не умрет». Мысли явились и умерли. Опять меня не понимают. В другой комнате Глушановский бурчит и смеется. Я его лаю часто в глаза, называю «лысый хвост». Когда пишу, то мысли одна другую гонит. Мысль: послать в «Неделю» всё, что пишу сегодня — умерла мысль... — для передачи фамилию забыл, думаю и никак не могу припомнить. Благодарить

«Неделю» за то, что она меня сделала лучшим. Я это засчитаю в душе. Думаю совсем — мысль умерла — 13 лет, кажется, читаю «Неделю».^a Когда шел в церковь, то говорил с мужиками и советовал лавочникам не торговать. Они сейчас все закрыли и, кажется, на меня не сердились. Коммиسیونеру, мною произведенному в этот чин из факторов в прошлом году, советовал ему, чтобы он присмотрел за этим +. Мысли умерли...

— — —

Ты, П<авел> И<ванович>, получивши письмо от своей сестры, писанное 29 генваря, рассердился за ее советы. За что ты сердился? Разве ты не знаешь, разве тебя Господь наш Иисус Христос, а также Матерь Господа нашего Иисуса Христа, до сих пор не уразумели? Стыдись, П<авел> И<ванович>, думать так, как ты подумал. Проси Бога и Матерь Божию, чтобы они изгнали эти мысли, которые к тебе приходили, а помогали бы тебе делать, помышлять, говорить и писать, что им угодно до конца жизни твоей. Ты знаешь, что люди часто делают по незнанию. Разве твоя сестра знает лучше твою жену, чем ты? и знает тебя? Вот тебя понимает, и ты ее, та женщина, которая того же числа, как писала к тебе сестра, говорила: «Мне жаль покойного, царство ему небесное, Саввича, что он застрелился. Я была сама в таком положении, люди мне советовали и то и другое, а не знали, что я хотела лишиться себя жизни!» Тебе пишут: «Отдай всё жене своей энергической, тогда будешь счастлив!» Но ты знаешь, что счастье на этом свете — живая вера в Христа. Ведь тебе сестра советовала перестать и молиться Богу. Разве она понимала, что говорила? Ведь ей это наговорили, вероятно, врачи, что ты, П<авел> И<ванович>, психически расстроен. Разве ты не знаешь, что врачи знают столько же психиатрию, сколько ты китайский язык.

Правда, ты знаешь китайского мудреца Конфуция, который до Р<ождества> Х<ристов> жил и уверял своих учеников,

^a На левой стороне разворота примеч. Ремизова: «“Неделя” — март 1866 г. — еженедельная газета П. А. Валуева; с 1 янв<аря> 1869 переходит к Е. И. Конради, при сотрудничестве П. А. Гайдебурова и Ю. А. Росселя. В 1876 г. ред<актор>-изд<атель> П. А. Гайдебуров, после смерти <в> 1893 г. ред<актор> его брат Вяч<еслав> А<лександрович>, затем сын Вас<илий> П<авлович> / В конце <18>70-х и в начале <18>80-х гг. орган “народничества”, а потом влияние Л. Н. Толстого и Вл. Соловьева. / В 1901 г. кончилась».

что придет с неба Святой и Всеведующий и получит всякую власть на небе и на земле. Ты знаешь и греческого мудреца Сократа, который счастья семейного, как и ты, не имел, но умер с надеждой и уверенностью на лучшую жизнь. Ты знаешь Сократа ученика, Платона, который признавал эту жизнь приготовлением к будущей лучшей жизни, где наказывается зло и награждается добро, и ученика Платона, Аристотеля, который искал живого Бога, что видно из его слов:

«Если бы были существа, которые бы в глубине земли жили в домах, украшенных статуями, картинами и всем, чем в богатом изобилии владеют люди, живущие роскошно; если бы потом эти существа узнали о господстве и могуществе Бога, и через открытые отверстия расселины вышли из своих сокровенных жилищ в места, где мы живем, и увидели сушу и море и свод небесный, посмотрели на солнце в его величии, по наступлении ночи увидели звездное небо, луну, восход и заход звезд, — тогда они поистине сказали бы, что есть боги и что всё это величие их дело...»

Ты знаешь, что Спаситель мира, которого ожидали и персы и индейцы, приходил на землю во плоти и, умирая на кресте, просил Отца Своего за своих врагов. Апостол Иаков, сброшенный в Иерусалиме с храма, настолько имел сил, что сказал: «Господи, прости им, не ведают, что творят». Иван Гус, сожженный, кажется, в Праге, просил о той женщине, которая подложила дровец под его костер. Ты, П<авел> И<ванович>, понимаешь, что зло делает и посылает такие мысли, какие к тебе пришли, враг рода человеческого. Нет, П<авел> И<ванович>, ты чаще молись Богу и Матери Божьей, чтобы они отгоняли эти злые мысли.

Ведь ты знаешь, что есть люди, которые признают, что Бога нет и с концом этой жизни, по их мнению, всё для человека кончается, а потому — «будем есть, пить и веселиться!» — которые, изучив строение человека, прочитавши Дарвина, Ренана, Страуса, Геккеля и Вольгера, воображают, что они мудрецы и + S. Разве ты не видишь, что они больше страдают, чем веселятся. «Горе миру от соблазнов, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит...» Скажите этим мудрецам, что есть чорт — Дух Святой с нами! — разве они вам поверят, когда они не знали, не читали и не верят тому, что написано в Евангелии. Евангелие есть столбовая дорога, а они идут проселком. Но Боже Милостивый буди нам, грешным!

Вы — соль земли, священники, а вас какая буря застигла, что вы, большинство, заблудили? Вы тоже только и думаете, чтобы хорошо есть, пить, по моде одеть своих жен и детей, а на себя надеть шелковую рясу с белой подкладкой, а на пасомых смотрите, как на своих рабов, — как вы сбились с истинного пути! О! вы, слепые, припомните Спасителя слова: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

*

Оля помнит, как уезжала она в Петербург после Рождества (1895). Провожая, отец вышел в переднюю и, тяжело дыша, крестил ее, и она подумала: «какой папа бледный». Она никак не думала, что это прощанье будет последним.

Получив письмо, что он умер и уже похоронен, она никак не могла представить, что вот дом стоит, а хозяина дома нет, хозяина дома унесли из его дома.

И ей было больно думать, что она так и не сказала, что любит его и ставит высоко.

«А ему бы от этого легче было бы жить, если бы я сказала!»

* Сон

Какими-то закоулками шла она и видит: красное кирпичное здание и стоит пустая коляска. «Это его привезли!» — подумала она и вошла в дом. И там сестра милосердия.

«Мне надо отца увидеть!» — сказала она сестре и сама очень заволновалась. И сестра повела ее. И она видит: лежит — как много седых волос!

«Я искала тебя, папа, искала, но я к тебе, может, завтра приду».

А в это время в палату вошли два санитары и стали из кишки поливать стену. И стена стала мокрой.

«Зачем это стену поливают?» — спросила она.

«А это новый способ лечить сумасшествие».

Так приснилось Оле и запомнилось. Вспоминая все мелочи дома, да из этих листков дневника, Оля разобралась, где болезнь, а где живая душа. А эта стена в ее сне — это то, что задавило отца, но разве есть такая вода, чтобы оживить непромокаемый камень?^a

^a Было: но какая вода оживит непромокаемый камень?

ТУНГУС В ЮБКЕ^а

Сын меча

Этого в «Оле» нет. Но есть отголосок:

«В день своего освобождения Оля послала телеграмму Зине [Марусе Сущинской]: “Здравствуй, родная!”» — это и означало, что Оля вышла на свободу. И вот получился ответ — трудно было поверить, что писала Зина. Оля перечитывала и глазам не верила: сухое официальное письмо! Что же такое произошло? «Да какие-нибудь мелочи, — сказал Федор Иваныч, — что-нибудь такое передали ей: на самолюбие ее. Помните, еще Орлова удивлялась ей, что она безропотно принимает от вас всякую резкость. Ну, и тут что-нибудь сказано было. А она поверила».^б

В том же самом кружке, где Оля, с с-р-ими устремлениями, участвовала курсистка, ее звали тоже Оля, Клычоглу [Сын Меча — Мечных]^с [Оля Уварова], а жандармский полковник Шмаков ее называл^д «тунгус в юбке»^е. Родом она^ф из Сибири, возможно, что какая-то тунгусская помесь. Была группа: Оля в центре, а на полу эта Оля Мечных. Эта Оля — тунгус в юбке — она по всему противоположность Оле: маленькая, лядящая, а должно быть, очень выносливая, а в лице^г такое, неизменяемое, она так до старости и застынет.

Вот, эта Оля Уварова^г, она влюблена в Оводова — но Оводов к ней равнодушен. А за это она <не> любит меня, но вдруг на-

^а *Справа на полях помета: ОЛЯ / стр. 333*

^б *Далее следует зачеркнутый фрагмент: «Возможно, что Федор Иваныч был прав. Ф<едор> И<ваныч> сказал всё: Зине было что-то “сказано”, и она “поверила”, но он не захотел и без то<го> измученную еще мучить Олю, потому что “сказанное” относилось не к Зине, а к Оле: про Олю. Зина (Маруся) поверила!».*

^с *Ср. помету Ремизова справа на полях: «Клыч = меч / Оглу = сын».*

^д *Зачеркнутый вариант: окрестил*

^е *Было: «тунгусом в юбке».*

^ф *Далее было: откуда-то*

^г *Далее было: что-то нетвердое, несобранное, не убежденное.*

^г *Было: Мечных*

чинает лгнуть ко мне, как собачонка. Мне всегда с ней тяжело было, я знала причину ее неприязни, но боялась выговорить, как-то мне стыдно: «ревность». Она что-то и наговорила Зине (Марусе) обо мне.

Меня клевета не трогает. А главное — не сумела: всё такие мелочи. Но Зина (Маруся), которая меня так любила, ведь она и «воли» без меня не хотела — как она могла поверить? Ну, а если б и поверила, как она могла такое письмо написать?

Оля не ответила Марусе.

«Так она меня не любила!» — мучилась Оля.

«А казалось, все так думали, и она сама так думала, что она меня любит гораздо больше, чем я ее. Как же это так? Значит, не любила. А если не любила, то кто же любит-то? Или правы неразлучные Лида и Ира, когда объясняют свою неразлучность не потому, что “любят”, а привычка: с детства жили вместе, дом против дома».

Оля вспоминала все слова Зины, ее голос, и как она хотела, чтобы Оля была с ней совсем-совсем откровенна, Оля вспоминала ссоры.

«Будто и любила?»

Письмо Зины больно ударило Олю, сильнее всех бедовых тюремных дней, вскрывавших и предательство, и трусость — все те мелкие черты человеческие, что и сам человек в себе ненавидит.

«Нет, Зина не любила: если бы любила, не “предала бы”, иначе как назвать ее чувство на клевету. А может, она и любила, да не было верности. Может, ни в ком верности нет? Буду одна. Боюсь людей. Буду всегда издалека».

Оля страшно мучилась, ночей не спала.

«Мне важно, как Бог всё видит, — сказало у ней и успокоило, — я верю только Богу».

И этот тунгус в юбке на допросе что-то сболтнула, а когда ее выпустили — ее выпустили раньше Оли — в расспросах она всё свалила на Олю, не подозревая, что Оле всё хорошо было известно, жандармский полковник давал ей читать показания тунгуса, думая этим вызвать признание у Оли. Такие, как Оводов, конечно, не поверили тунгусу, ведь это так не похоже на Олю, а «тунгус» именно и рассчитывал на Оводов, чтобы, как

угодно, а отстранить Олю. Но были ведь и такие, что поверили, и среди них — Зина.

Тунгус должен был признаться, да ей ничего и не оставалось, когда выпустили Олю, а кроме того, она очень испугалась своего брата: за неосторожное слово про Олю брат ее «тунгус» мог просто убить ее: он любил Олю «страшно» — Оводов как-то, рассказывая Оле про Михаила, заметил, что встречаться с ним ему страшно, что был случай: он зазвал его на конспиративное свидание, и для разговора вышли они на балкон, и вот с 5-го этажа он его хотел столкнуть, да, такой и зарезать может. И недаром такое — Клычоглу — сын меча, да еще и Михаил. Угрюмый, и это странное лицо, очень далекое от нас; он как-то Оле признался, как ее любит, и в выражении лица и в словах было что-то дикое и грозное, хотя он ничего не требовал и ничем не угрожал. Потом он следил за Олей, это Оля скоро заметила, и появлялся вдруг, когда Оля возвращалась откуда-нибудь одна. Он больше не говорил ей о своей любви, а только смотрел. А простившись, уходил от нее с каким-то свистом. Оля всего не понимала, но где-то ей было страшно.

После разговора с братом, воображаю, что за разговор, «тунгус в юбке» передала через Федора Иваныча просьбу повидаться с Олей, но Оля не захотела. А как это странно бывает, с Зиной всё было кончено:^a любовь измеряется верой. И мне жалко: ну, как она могла верить каким-то слухам. Потом уж после ссылки Оля с ней встретилась в Петербурге, она вышла замуж, и Оля тоже, началась наша повесть, виделись они дважды, не больше, и дружба не возобновилась. И однажды на собрании Рел<игиозно>-Фил<ософского> Общества — такая была болтология во главе с Мережковским, С. П. мне ее показала: мне она понравилась, что-то общее с Олей, только черное и какая-то покорность, не Олина.

*b

Лето 1904 г. мы жили в Киеве на Зверинце около Киево-Печерской Лавры. Уже была Наташа. Мы снимали комнату в деревянном дачном доме Хорошиловых (комната и кухня — весь и дом). Хозяйка возраста чуть помоложе моей матери, когда-то

^a Было: было всё кончено.

^b Выше помета Ремизова: см. кн. 10, стр. 107 (мои письма)

«революционерка» — «ходила в народ» и сохранила вид «нигилистки», да и в отзывах другой раз такое ляпнет — Писарев постеснялся б, что-то от лесковской замечательно описанной в «Некуда», этой прошедшей до конца всё «Пятикнижие» с Бюхнером, Фохтом, Молешотом, ну не в подлинниках, а в переводе и изложении, а главное — поверившей до конца и несомненно.^а Муж ее помер, а была дочь, замужем за Кондоуровым.

Мы жили очень бедно — так бедно, ни один печерский монах, давший обет нестяжания, не мог бы и вообразить себе нашей крайней нужды. За комнату мы платили очень мало — но ведь и на это надо было достать как-то. И тут старая-то революционерка нас и выручала. Урок достала С. П<авловн>е, и я что-то делал, только не помню — какую-то «домашнюю работу», а так ведь я писал и нянчил Наташу.

И теперь, раздумывая, скажу: этот самый нигилизм революционерки... в нем было рядом с верой в потрошение лягушек и человеческий скелет такое милосердие, о котором разве только мощи Печерских угодников представляют себе и посочувствуют.

А зиму мы жили на Безаковской, д. 20, кв. 17, общую квартиру снимали, там и случился пожар.

Так вот, как-то на Зверинец пришел какой-то с письмом С. П<авловн>е: на маленьком клочке бумажки карандашом. Передавая, он сказал, что это от Михаила из Шлиссельбургской крепости^б. И больше он ничего не знает о его судьбе^с. Трудно было разобрать, но все-таки одолели: 9 строчек колонкой:

«Прощай. Любил тебя одну. Там буду думать о тебе. Тебе последнее прости. Сохрани сокровища свои — знаю, ты замужем. Пусть любит он тебя, как я любил. Прощай».

А судьба его оказалась очень короткая. Недолго его держали в Шлиссельбургской крепости, но и в Сибирь не выслали, не знаю, по какому делу, его повесили.

Кроме этих прощальных строчек у Оли остался в памяти свист, такого^д она больше никогда не слыхала: в нем было такое отчаяние и какая-то разбойничья удаль.

^а Вероятно, к ней относится помета слева на полях: Анна Григорьевна / Марья Григоров<на> Катаурова

^б Далее — несколько зачеркнутых слов.

^с Далее — несколько зачеркнутых слов.

^д Далее — одно слово зачеркнуто.

КУМ

Я его встречал раза три в жизни. Он крестил Наташу — Всеволод^а Сергеевич Лебединцев. Когда я познакомился, я думал, что он итальянец, но он оказался русский, да еще какой — сын священника. Откуда у него это итальянское и в лице, и как хорошо он говорил по-итальянски. У русских вообще хорошее произношение, но тут что-то природное — не только звук, а и движения. Потом я встретил Пиранделло, и мне вспомнилось — как это давно было, в Одессе, весна 1904 г.

Мы жили совсем одиноко, ни души знакомой. И вот какая-то барышня, вспомнил, Лиля Сапожникова, отыскала С. П., это было в канун рождения Наташи. Она оказалась дочь каких-то революционеров, которые знали С. П. по Петербургу.

И когда надо было крестить Наташу, она и привела к нам итальянца. Он мне очень понравился, живой и безо всяких фертелей, открытый. Хотя мне, как отцу, не полагается, но я был в церкви и видел, как бережно он обращался с Наташей, и она не кричала, а кумой была эта барышня, которая познакомила нас. О ее судьбе я ничего не знаю, а его судьбу через много лет случайно узнал я. И никогда я не думал, что он когда-нибудь вспомнит обо мне. А вот, оказалось, вспомнил, и когда! — перед смертью.

Это было в 1000-у седьмом или восьмом, не помню, после революции: Леонид Андреев, Арцыбашев, «огарки» («клуб самоубийц»), Религиозно-Философское Общество, Вяч. Иванов и хлысты. Один из коноводов Рябов, с лицом Чуркина, черный, в поддевке, и сапоги бутылками, появлялся и на собраниях Р<елигиозно>-Ф<илософского> Общ<ества> и весело и хитро приглашал к себе чаю попить; Пришвин приводил к нам одного из убежденнейших, на вид скорбного, но говорящего с веселостью Рябова, только без всякой хитрины. В Лесном жила Богородица, у которой однажды поздно вечером осенью были

^а Было: Владимир

и мы: С. П., А. Р. Минцлова, Вяч. Иванов, Пришвин и я^а. А как-то раз были мы с Блоком на Пет<роградской> Стране на каком-то собрании: собрание это было хлыстовское, а читал что-то А. А. Мейер. В перерыве я вышел с Блоком в комнату, где и курили, пили чай. И ко мне подошел какой-то, он очень волновался, даже дергался, молодой, студент д<олжно> б<ыть>, но не в студенческом. И необыкновенно трепетно сказал мне о последних днях моего «кума»: он оказался брат его жены. Свидание состоялось в Шлиссельбургской крепости в канун казни после приговора: Лебединцев, вспоминая, — стало быть, перед такой смертью можно все-таки вспоминать что-то, помянул и нашу встречу в Одессе на беднейшей Молдаванке, где мы жили, и просил передать мне свое последнее. Меня это очень поразило и оттого, как это мне было передано, и то, что было передано: то горячее чувство, о котором я и не подозревал, ведь не больше трех раз мы встречались в жизни.

Потом я слышал, что Лебединцев был один из «Семи повешенных», и я всё хотел спросить у Леонида Андреева, ведь он пользовался матерьялами этого «процесса» для своего рассказа, но так и не пришлось спросить: Л. Андреев всегда был окружен стеной и нелегко было подступиться с вопросом. А Наташа так и не знает, кто ее отец крестный.

^а Далее одно слово зачеркнуто.

К. Л. ЗАРУЦКИЙ

1875 — 1902 21 III

Lomża

Сольвычегодск, Вологодской губ.
[Казимир Людвикович Тышка]^a

1^b

Мне очень тяжело жить, потому что меня почти никто не понимает. А когда я вспоминаю К<азимира> Л<юдвиковича>, то меня берет такой ужас, что дрожит вся душа.

2

ПАСХА^c

Оля уже давно не понимала, как ей жить на свете. Когда-то цель была ясна, но потом много нового выплыло, на что не было ответа, много было разочарований, иногда казалось, что нельзя верить никому. «Никому из оставшихся», — прибавлялось, потому что в прошлом у нее были встречи, память о которых навек осталась, твердо стояли люди на ногах, вот в них она верила. Были минуты, и не минуты, а месяцы, в которые она наложила бы на себя руки, и всегда ее останавливало одно: «Пасха».

Если хотелось умереть осенью, вспоминалась Пасха, которую непременно надо дожидаться, и потом уж можно и умереть; а сразу после Пасхи кто же может наложить на себя руки из тех, кто хоть раз произнес всем сердцем: «Христос воскрес!»

3

СОРОКОУСТ

Трудно себе представить после Петербурга, что такое Сольвычегодск, а еще труднее обжиться. Кругом лес, а зайдешь — не вернешься. Зимой в город забегают волки — далеко блестят

^a *Справа на полях пометы:* «Оля» III ч. «Из вечного» / **ОЛЯ**

^b *Справа на полях помета:* 1907 СПб.

^c *Справа на полях помета:* 1907 СПб.

огоньки, эти дикие фонари голодной волчиной ночи. Через три дома церковь, а кажется, церковей больше, чем домов. Это как в старом Нюренберге. Пожить немного в таком городе любопытно, а так не выдержать, надо родиться.^a Почта приходит два раза в неделю, привозит газеты с опозданием на недели, письма, писанные месяц назад, — они нагоняют тоску: ну, хорошо, а что-то теперь? — так всегда себя спросишь. И как хочется перенестись туда куда-то, где много книг и вовремя письмо — где живешь не назад, а вперед.

Оля поднялась^b чуть свет, апрель, а оделась по-зимнему, да зима еще, хоть и ночь побелела. Со стиснутым сердцем она вышла из дому и знакомой дорогой, но к которой никак не привыкнешь, пошла на кладбище. Кладбище в полуверсте, но добраться по снегу — большой подвиг. Шла она, спотыкалась, попадала в сугробы, — дороги не видно, и, измучившись, добралась-таки. А тут опять — нелегко разыскать могилу. Пошла по снегу прямо, повернула вправо, потом опять вправо и опять прямо.

«Вот она!» — она громко сказала.

Оводов, следивший за ней, он всю ночь простоял около ее дома и следовал за ней на кладбище, не теряя ее из вида. И слышал, как она сказала, а она и еще что-то говорила, но он разобрал лишь отдельные слова: «эти груды снегу... где солнце светит... и зачем, зачем... зачем?»

Когда-то Оля, встретив около больницы мать Черкасова, и от нахлынувшей жалости и себя обвиняя, что из-за нее ведь это, Черкасов попал в сумасшедший дом, сказала, что готова выйти за него замуж, так и теперь она говорила тоже, но в могилу — мать Черкасова тогда ее остановила, «что без любви...», но тут ей не было ответа... и разве она его не любила? Конечно, любила, но никогда не приходила ей мысль о замужестве, а если б она сказала ему тогда, что несмотря ни на что, она готова выйти замуж за него, всё бы было не так и не было бы этой смерти... «зачем, зачем... зачем?» — повторяла она и себе и туда, в могилу.

^a Несколько слов густо зачеркнуты.

^b Одно слово густо зачеркнуто.

4 НОЧЬ^a

Какая тишина! И от ночного часа и перезвона колоколен еще она затаеннее,^b в старых покинутых городах такое: в их ночных^c беззвучно клубящихся промежутках канувшая бурная жизнь веков.

^dИ кто не спит в эту ночь — тишина так убаюкает, буди — не добудишься, стучи — не услышат. А Оля не спит, а на улице у дверей караулит ее Оводов: он всякую ночь как на часах: Олю нельзя оставлять.

Со смерти К<азимира> Л<юдвиговича> тяжелые думы одолели ее.

И когда она доходит в своих воспоминаниях до сегодняшнего дня, сердце вдруг затрепещет, и она порывисто хватается за голову и давит себе голову — но разве раздавишь мысль?

Ей вспоминается, как она сюда ехала и свои первые встречи.^e

5 ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мы познакомились так незаметно. Я приехала в Сольвычегодск и остановилась у знакомых; к ним стали приходиться один за другим все (ссылные), пришел и К<азимир> Л<юдвигович>. Его появление было так незаметно, так для меня неощутительно; скоро он ушел. Потом мы с Сашей [*Расской?*] пошли к М []^f, в его отдельный совсем маленький дом. Это было летом — июля конец^g. Мы сидели у М. в саду и пили чай. И опять стали приходиться, некоторых я уже видела в день приезда. И вдруг появился^h К<азимир> Л<юдвигович>, пробыл несколько минут и ушел. Но на этот раз я его отметила из всех. Аⁱ как-то шла я по улице и встретила его — это было вечером,

^a *Справа на полях помета: 1907.*

^b *Далее было: только*

^c *Одно слово густо зачеркнуто.*

^d *В начале абзаца одно слово густо зачеркнуто.*

^e *Было: и первые встречи с ним.*

^f *Так в тексте.*

^g *Далее густо зачеркнуто несколько слов.*

^h *вдруг появился вписано над густо зачеркнутыми словами.*

ⁱ *Далее было: вскоре*

так луна светила, белые ночи уже кончились, но луна еще бледная была, мы поклонились друг другу и разошлись. А вскоре я послала телеграмму губернатору, чтобы проехать в Вологду, и получила разрешение, а К<азимир> Л<юдвигович> получил разрешение к отцу на месяц в Ломжу. И вот он зашел ко мне; он предложил мне вместе ехать до Котласа, я согласилась.

Мы поехали от меня вечером, когда солнце уже не печет, а светло и прохладно. Мне было неловко с ним, не знакомый ведь совсем, а потом разговорились, и когда доехали до парома, мне было уже хорошо и ничуть не стесняло, да и ему, как видно, тоже. Когда переправлялись на пароме — темно уже и луна так светила, что видно, и чувствуется, что^а ушли белые ночи. А Северная Двина! — я ее сразу полюбила: река холодная и широкая и деревья отражались в ней.

^б«Посмотрите, как здесь хорошо, — сказал он, — и совсем не так, как у нас, а хорошо, и нельзя сказать, где лучше, какая река лучше, эта или наша, только совсем разная красота».

После парома до станции опять разговаривали и уже друзьями были. И тут я в первый раз увидела, как он волнуется, говоря; я больше не видала, чтобы так волновались: он делался вдруг страшно бледен, и на лбу капли пота, у него был удивительный лоб.

Так мы ехали в Вологду, и путь наш вместо обычных 4-х дней растянулся в 2 недели. По всем северным рекам и по Белому морю мы ехали. Да, какие-то оба неподобные, и денег едва хватило. Тут я его хорошо узнала.

Мы любовались на алебастровые берега и на Белое море — одинаково любовались: его глаза и мои одно видели. Мы говорили обо всем: о своей прошлой жизни, и о том, что будет, и о том, как лучше жить. И он сказал, что он больше думает о том, как лучше умереть, это важнее.

6 О НЕМ

Он был такой, каких я больше не видала. Уж очень нежная душа. Как трудно таким выносить «стрелы» жизни! Всё его

^а *Далее было:* недавно

^б *Первоначально было начато и зачеркнуто:* Не знаю, сказал он,

трогало. И почти всегда грустный. И только иногда вдруг — и так всё живо замечает и остро судит. Мы много хохотали оба.

А когда он признался^а, как меня любит, я ему сказала, что не могу его любить, потому что я могу служить только одному Богу.

«Я это знал, — сказал он, — но я думал — ваш Бог и мой Бог, и мы вместе ему будем служить».

*
* * *

Он меня, не уча, многому научил: он научил меня различать в людях важное и неважное, первое и второе, и за первое, настоящее, прощать второе, наносное. И еще научил меня просто проходить мимо людей, не имеющих ничего важного за душой, ничего от них не требовать, а на суд их не обращать внимания. А это нелегко дается в жизни, когда такие вот встречаются в вашу жизнь.

Без него могла ли бы я сойтись с А<лексеем> М<ихайловичем>: мне чужилось в нем много неважного и нехорошего.

[*Чутье Оли не обманывало. О своей жизни я пытаюсь рассказать в «Узлах и закрутах» — «Les yeux tondus»: всё делалось не потому, как я хочу, а по чьей-то другой воле, начинается с моего изуродования, когда меня какая-то сила толкнула и я ткнулся носом в железо, начало моего сознания; надо мной много смеялись, я наперечет знаю внимание и ласку — одно время мой старший брат Николай, редкая гостья матери немка Ганешина, потом учительница, нигилистического толка, сестра священника Н. Н. Строганова, но это всё мимолетно, а так я никому не нравился, меня никто не любил, и всё неудачи: с музыкой не пошло, с рисованием не вышло, перевели из гимназии в коммерческое, а мне хотелось по-своему быть, и я как об стену бился — университет, Петровская Академия (Сельскохозяйствен<ный> Институт), куда думал перейти и готовился к экзамену по математике, мое путешествие за границу, где я не понравился и мне приписывали какие-то неосторожные записи, будто бы я делал — об этом рассказываю в «Реу львином», какое-то недоверие я возбуждал в людях.^б Об этом в моем «письме Достоев-*

^а Было: говорил

^б Далее было: я никому не нравился.

скому», я чувствовал, что я не похож на других и оттого всё и происходит, и старался быть, как все, что мне никогда не удавалось, только потом я научился представляться, молчать, скрывая свое заветное, сочинять про себя небылицы, и бывали вразрез всему моему существу — я мог прослыть чем угодно, да кое в чем и достиг, а между тем чья-то воля мудрвала надо мной, я какой-то был изнасилованный: у С<ерафимы> П<авловны> была подруга, курсистка, Валя, она писала стихи, существо кроткое, м<ежду> п<рочим> [хотя тут как-то не идет «между прочим»], ее изнасиловали; она однажды была у нас в Петербурге, и странно, что-то в ее взгляде было общее со мной, и это заметила С<ерафима> П<авловна>. В своей неприкаянности я почувствовал себя то что называется «неудачником»: всё не так, всё не по мне или против моей воли или вдруг чего не ждешь; я одну подробность вспомнил, когда меня арестовали в Москве на демонстрации, я сидел в Тверской части в комн<ат>е один, а поздно вечером меня вызвали в общую, где было много народу, всё студенты, и должен был ждать, когда поведут к приставу, а у них тут и чай и калачи от Филиппова, рядом ведь, и какой-то студент мне налил чашку, и я протянул руку и услышал — я ушам не верил и все-таки опустил руку. Кто-то сказал: «не надо, это провокатор!» (Потом этот студент, один из самых горячих, приезжал ко мне в ссылку в Пензу и просил простить его.) Так меня к приставу и повели, а от пристава в тюрьму в Каменщики. Этот случай меня очень взволновал. Я хотел жить по правде и чтобы никому не в тягость, и где можно бедующим помогать и заступаться — униженное и оскорбленное Достоевского и обойденное Лескова я так это чувствовал, и я хотел бы написать тоже свое вопиющее, и в этом было мое первое и важное, а мое второе, и оно соблазняло, это всякие мои «безобразия» и какие-то живые игрушки и дурачества с дураками, ну, «безобразия» — это на острие, с безобидным близко и дурное — я чувствовал себя «неудачником» и каким-то «отверженным» и «юродивым», но не в смысле «Христа ради», а в смысле «поругания от мира сего», который меня не принимал, и вопреки мудрующей надо мной воле я где-то говорил: «так на же тебе, я буду по-своему», и что-то выделял, и даже бессознательно, но при таких обстоятельствах, чтобы это могло выйти, но, я уже говорил, у меня мелкая душа.

Я всё хочу себе объяснить о своем главном и наносном, что отпугнуло Олю и в чем она права, при ее глубокой душе иначе и невозможно. Я еще подумаю и вернусь к этому: надо же себе написать «обвинительный акт». А. Р.]

Он мне говорил, что для меня всё сделает, и даже такое, что против себя [*про такое говорится, что «ради... может пожертвовать и честью» А. Р.*]; он мне говорил, что когда в первый раз услышал мою фамилию, он вздрогнул — он ровно знал, что дальше будет.

Когда он бывал грустный — волосы спадали прядями на лоб, а лицо бледное и в глазах столько любви, смотреть больно.

Почему-то мы часто ходили с ним на кладбище и там тихо разговаривали; мы оба боялись нарушить тишину. А когда я к нему заходила, это случалось редко, он от радости места не находил и бегал по комнате, будто искал чего-то. Он всегда за меня заступался, и я знала, когда он бывал со мной, что у меня есть верный защитник, он меня как бы хранил. Но это была не слепая верность, не безответное рабство. Как-то он мне сказал:

«Напишите письмо Р<емизову>; нехорошо, вы его зря возненавидели».

А я сказала: «Я сама чувствую, что зря, но я совсем не знаю Р<емизова>, и вдруг он мне не ответит».

А он сказал: «Если не ответит, ему стыдно будет, а я хочу, чтобы вам не было стыдно никогда».

[Письмо так и не было написано. А как бы я обрадовался, получив письмо. Я уже сказал, что почему-то в жизни у меня столько случаев: меня или подозревают в чем-то, или просто обвиняют в делах, «мною не содеянных». И так «до сего дня», так и помру. В чем дело? Я давал повод своими «безобразиями», я соблазнял, конечно, но теперь-то в моем затворе, почти слепой, и что-то все-таки сочиняется про меня. И опять я спрашиваю: в чем же дело? И не нахожу ответа. А. Р.]

Он каждый день со мной виделся и каждый день письма мне писал.^a Ночью напишет, а утром положит мне под дверь: на письмах он ставил пометку — «1-го года»: он считал: так как

^a *Далее было:* Утром я находила возле дверей письмо: это он подслушал.

любит 1-ый год, значит 1-ый год его жизни. Мне так жаль этих писем. Осталось только одно:

«Я хочу вам говорить только о любви. Есть много другого в жизни, но о нем говорить не стоит. В тот день я сильно страдал, когда я вам говорил: “кончено”. Но ничего не могло кончиться. В тот же вечер я не раз^а проходил мимо дома, чтобы увидеть хоть свет вашего окошка. Свету не было. Я мечтал еще, что, может быть, край занавески будет открыт и я хоть тень вашу увижу — я мечтал, что тогда я войду и скажу вам: “простите!” И на другой день я проделал то же — и опять свету не было. Я не следил за вами, я вас искал.

Как мы, однако, разное чувствуем. Вот я вам говорю: “конечно” и проглядел все глаза, ища вас. Знаете, я, как дети: мне кажется, что я скорее вас увижу, если нагнусь, и я всё нагибался к вашему окну, а свету — а вас не было. Кажется, что мне необходим воздух, которым вы дышите.

Вот Ксения Ивановна сказала, что вы приехали, и мне уже немного легче.

Ходил я сегодня к Евгению Петровичу, ходил в больницу, в город — тихо, тихо ходил я, думая о вас и ожидая чуда. Буду ли я еще когда-нибудь с вами, мне неизвестно.

Я не для вас, для себя пишу заключительное слово: люблю, люблю, Господи, как я люблю вас. — Я опять пишу.

Говорят, у надежды зеленый цвет. Для меня эти дни она окрашивалась иначе. Белая от снегу земля, какое-то бесцветное небо. Вдали показывается темное движущееся человеческое пятно — сколько таких темных пятен заставляли биться чаще мое сердце! Поймете ли вы? Но, простите, я не следил за вами, я искал вас.

И скажу вам, было бы счастьем для меня увидеть вас хотя бы в обществе самого нелюбимого мне человека. Я с трепетом чего-то ждал, когда пятен было даже больше одного. Но они приближались, росли — я видел ясно, что это чужие мне, и я говорил им в душе: “Идите мирно, идите мимо, идите прочь!”»

Я ему полотенце подарила, вышитое мною, и он так был рад. А когда он радовался, он становился светлым и улыбался, а в глазах опять было столько любви, смотреть больно.

^а Было: несколько раз

Он мне говорил, что до меня ни с кем не был вполне открыт, никого по-настоящему не любил, а только ночь: ночью он чувствовал себя свободным и «ночи» всё говорил, не стесняясь, ночью писал и ночь называл «своей подругой». [*Рассказ «Моя подруга» напечатан в «Воле России», Прага, 19*]; и^a однажды ночью он хотел поверять ей свои думы и понял, что не может, и вдруг увидел светлую полосу, она пролегала от него к моему дому, — тогда ночь для него исчезла и осталась одна я.

Когда умер брат Янины Ивановны Петрусевиц, я цветы делала на гроб. Пришел К<азимир> Л<юдвигович>, увидел и говорит:

«Когда я умру, тоже мне такие цветы сделайте!»

7

КОНЕЦ^b

Много К<азимир> Л<юдвигович> страдал от человеческой легкости. У него была глубокая душа, а всякая легкость человеческая ранит такие души.

Он любил меня так, как только можно представить себе любовь. И когда умирал он, я была около него. Это ему за его любовь судила его жестокая Судина. Он попросил меня умыть его, он был очень слаб. Я его умыла и ваткой вытерла ему лицо.

«Если бы крест на шею!» — тихо сказал он, горько закрыв глаза.

Я сняла с себя мой крестильный крест и надела на него.

«Спасибо!» — беззвучно сквозь кипь слез произнес он и стал метаться: то ему низко, то высоко.

«Где же доктор?» — нетерпеливо сказал он.

Но доктора в больнице еще не было.

«Да ведь я помираю!» И опять заметался.

А я поняла, что это так и есть, и как была только в платье, и без калош, а было 21 марта, Сольвычегодск, как в зиму, я выбежала из больницы и стала звонить и стучать к доктору, и когда заспанный он вышел, я схватила его за руку, чтобы скорее, скорее. Но когда мы вошли в палату, он уже умер.

^a Далее одно слово густо зачеркнуто.

^b Справа на полях помета: Кн. V / 1916 17 III / СПб.

Доктор послушал сердце и ничего не сказал. А я и так всё видела: какое особенное лицо, какой удивительной неземной красоты.

Я причесала его своим гребешком, и с моим крестом на шее положили его в гроб. Я убрала его восковыми венчальными цветами — живых цветов в эту пору в Сольвычегодске нет, а только одни эти — венчальные. И плакала над ним. «Зачем? Зачем?» А он лежал глубоко, присмирив и безответно.

*

Я всякий день ходила к нему на могилу. А когда пришла весна, и первые цветы я отнесла ему. Оводов сделал крест и ограду, сам трудился, для меня: он не любил его, ревновал ко мне: они оба меня любили.

У Оводова появилось еще что-то, точно вот человек вздохнул, я тогда не могла сказать себе, что это, а это было «освобождение»: Черкасов застрелился, теперь К<азимир> Л<юдвигович>; на его дороге осталось трое^а: Рашевский, Клычоглу и Шидловский^б (Ц<верцикевич>), но они не опасны — один в Сибири, другой, наверно, попадет в Сибирь, а Ц<верцикевич> — очень уж далекий.

Как-то пошла я на кладбище, и со мною Мушка.

Я сказала:

«Мушка, нарви цветов и положи на могилу К<азимира> Л<юдвиговича>. Ты помнишь, какой он был всегда добрый».

Мушка нарвала цветов и стала их в могилу впихивать.

«Я поглубже, чтобы он взял», — сказала она и долго возилась ручонками, закапывая цветы.

«А почему он умер?» — вдруг спросила она.

«Не знаю, деточка», — сказала я.

«А когда он опять будет живой?»

«Будет непременно, — сказала я, — только не знаю, когда».

А когда мы возвращались с кладбища домой, Мушка расплакалась. Она повторяла сквозь слезы: «Т<ышка> помер». И дома не могла утешиться.

^а Было: двое

^б Было: Цидловский

«Не плачь, Мушка, — сказал отец, — ему теперь лучше: его больше никто не трогает».

Мушка удивленно посмотрела на отца и почему<-то> растопырила пальчики: разве она когда-нибудь его трогала?

А я подумала: «Его всё трогало, его всё кололо, он так остро чувствовал: ему было очень больно жить».

Почему он так привязался ко мне? Он меня как-то **свято** любил, жить не мог, не видя меня. Бывало, придет ко мне, тихо сидим с ним: в нем было столько страдания: в глазах, в улыбке.

Когда он помер, Оводов и Шидловский оба за мной ходили, как за ребенком, не отпускали меня ни на шаг: они меня тоже любили.

8

Никого Оля не вспоминала с такой остротой, так больно, как К<азимира> Л<юдвиговича>. Да, у нее вся душа дрожала. В жизни такого она больше не встретила. И часто он ей снился. И только последние годы жизни, надо считать, лет 20, за границей, он отошел. Ей будет сниться Д<иксон>, в котором было что-то общее с К<азимиром> Л<юдвиговичем>, только Д<иксон> моложе и научить ничему не мог, его надо было учить — но самое существо и высота любви. Д<иксон> по отцу англичанин, а по матери польское; а К<азимир> Л<юдвигович> поляк. И до последнего года жизни вспоминался Черкасов: память была мучительной, вины — что из-за нее погиб человек. Много мне пришлось разъяснять, но^a мои рассуждения мало помогали. Из пяти <снов> о К<азимире> Л<юдвиговиче> сохранилось четыре^b.

I

Птичка как руку клевала^c

— Сон —

Я в каком-то огромном саду хожу, и там много народу. И при саде дом. И вижу — К<азимир> Л<юдвигович> идет. Мы друг другу страшно обрадовались. Он положил мне на лоб руку.

«У вас лоб стал лучше, — сказал он, — и рот лучше».

^a Два коротких слова густо зачеркнуты.

^b Было: три

^c Справа на полях помета: 1909 СПб - 7 I

И мы с ним смотрим друг на друга, и нам хорошо. Потом сели за стол я и А<лексей> М<ихайлович>, а он поодаль с кем-то стоит. Вдруг подбегает ко мне дочь Мейерхольда Таня и я ее ласкаю. И слышу, К<азимир> Л<юдвигович> спрашивает: «Чья это девочка?» И кто-то ему отвечает: «Это дочь С. П<авловн>ы, С. П. ведь замужем». — «Как замужем? За кем?» — говорит он. И тот отвечает: «За Р<емизовым>». И я вижу, как ему неприятно: он хватается руками за голову и говорит, смотря на меня: «Ну, теперь я ухожу».

Я жестами его прошу и стесняюсь перед людьми сказать, чтобы он меня простил — я руки стираю к нему. Но он исчез.

Бросилась я его искать по дому и по саду, и А<лексей> М<ихайлович> его ищет и Надя Янова [*Надежда Даниловна, Берестовецкая подруга С<ерафимы> П<авловн>ы*], и не можем найти. И вдруг я вижу: на подоконнике сидит птичка — коричневатая сама, а горлышко и лапки беленькие. Я знаю, эта птичка и есть К<азимир> Л<юдвигович>. Я ее взяла себе на руку, гляжу, а она меня клюет. И так я ношу птичку долго. И вдруг птичка превращается в К<азимира> Л<юдвиговича>.

Его окружает много народа, и А<лексей> М<ихайлович> тут же. Говорят они о литературе, что А<лексея> М<ихайлович>а будто очень ругают за его рассказ. Я говорю К<азимиру> Л<юдвиговичу>:

«Мне надо с вами поговорить».

Он кивнул головой: сейчас, мол. Но я иду в кухню за пельменями. Гусев [*ссылный из «Северных Афин»*] дает мне тесто и стеклянную палочку, и всё это я несу к К<азимиру> Л<юдвиговичу>. А пришла, его уже нет. Я опять искать его и на дороге встречаю Эглита [*латышский писатель, знакомый А<лексея> М<ихайловича> еще по Пензе, 1898—1900*]. Эглит спрашивает: «поеду ли я осматривать Музей Александра III-го, он будет всем показывать». «Нет», — отвечаю, и сама ищу, ищу, ищу К<азимира> Л<юдвиговича>. И уже много стоит, все собрались ехать с Эглитом за 10 верст в Музей. И вижу — среди них К<азимир> Л<юдвигович>: он весь в светлом, а на голове его жемчужное украшение, как венец. Я обрадовалась и к нему бросилась, и вдруг звонок и я проснулась. А на руке у меня знак остался, как птичка клевала.

II

Оля тосковала по любви. То «совестное», что вот из<-за> нее погиб человек, то кануло трагически в ту осеннюю ночь отчаяния^а. «Святая» любовь К<азимира> Л<юдвиговича> была не похожа ни на любовь «опекающую» Оводова, ни на безумную, требующую любовь Черкасова, ни на «страшную» Клычоглы, ни на самоотвержен<ную> Шидловск<ого>, ни на кроткую студента Караулова. А что мне сказать про себя? Когда я себя су-жу, я спрашиваю, чего во мне не было? И, конечно, первое, и это основа: мелкость моей души. ^бИ то, что не сразу^с принял Олю, как больного ребенка, а если б я раньше догадался, было б многое по-другому. При своей мелкости я был^д еще очень запутан — всё мое существо было, как в сетях,^е и в таком-то виде, мелком да не цельном, не скованным, я взял чужую судьбу. Как-то у Оли вырвалось: «двум больным жить нельзя», и это была правда: моя болезнь: я должен был распутаться, а болезнь Оли — ее судьба. А ведь у всех было свое цельное. И Оля жгуче тосковала по цельной потерянной любви, и К<азимир> Л<юдвигович> продолжал ей сниться.

Мертвыми глазами

— Сон —

Я дома в Берестовце. Знаю, что К<азимир> Л<юдвигович> помрет, и я плачу. Входит его сестра, а вид у нее Губачевой, такая была курсистка на старшем курсе. Не обращая на меня внимания, что-то рассказывает маме, и я сквозь слова слышу, что К<азимир> Л<юдвигович> уже умер.

И вот принесли его и положили на огромную, очень длинную и очень широкую кровать, каких не бывает. И появились три ужасные старухи: обмывать будут. Они в белых платках, и одинаковые платья, исстиранные, белесые, серыми цветочка-

^а Зачеркнуто одно слово.

^б Зачеркнуто три слова.

^с Зачеркнуто: но очень скоро догадался

^д Далее зачеркнутое слово: очень

^е Зачеркнуто одно слово.

ми, сгорбленные старухи, и какие лица: зубастые, безбровые. И я с гневом прогнала старух.

«Надо его отнести отсюда», — сказала мама.

И входит какой-то, снял с него простыню. И я увидела: на спине пятна. Без простыни тот поднял его, но не как мертвого, а как детей. И когда подымал его, голова откинулась и глаза открылись: мертвыми глазами посмотрел он на меня —

III Частями Сон

К<азимир> Л<юдвигович> опять умер, но только так: ноги его отдельно, руки его отдельно, голова его отдельно. В низкой комнате на скамейке лежит он — весь сложенный, и все части шевелятся.

«Как же его будут хоронить, а похороны сегодня, ведь он жив!» И раздумалась: «Жив? Но раз голова отдельно от чело- века, то, наверно, он умер».

«Да, конечно, он умер!» — говорит Лида, сестра, и за ней Надя Янова.

И я вышла из этой комнаты и было утро. А вечером я вернулась: он лежал на скамейке, но уж был не составной, и весь черный, черное лицо, а нос такой белый, будто осыпан снегом.

IV С Наташей Сон

Подали письмо, и странно: на конверте написано: «Валерию Яковлевичу Ремизову». Вот бы удивился Брюсов. Наташа пискнула, и я пошла ее качать. И вижу: корзиночка, где она лежит, отделилась от колясочки. И я прошу К<азимира> Л<юдвиговича> поправить. И он что-то приделал и стал целовать Наташу. А мама дала мне для нее два новых платья, я надела на Наташу синее. Сидим за столом: моя первая учительница Марья Евтихиевна Лукашева [«Оля» III ч. «Закрывает окна»], Маруся Сущинская [«Оля» II ч. Зина] и я. Я чего-то стесняюсь учительницы, и поднялась, позвала Марусю. И когда мы остались одни, спрашиваю: «Нет ли у вас денег?» И идем. Мы шли по белой дороге, усыпанной не снегом, а мукой. Впереди огонек.

И прошли над пропастью через огонь. И уж идем по дороге, устланной соломой. И дошли до самой лестницы нашей черниговской гимназии. И когда стали подыматься по лестнице, вдруг вспоминаю, что забыла Наташу. Я страшно забеспокоилась и уж одна пошла назад.

×^a

Теперь, когда я уже знаю, что в мире «правды» нет... «правда»-то есть, да очень спрятана; когда я знаю, что человек несчастен и одинок, я думаю:

«Слава Богу, что умер К<азимир> Л<юдвигович> еще тогда, когда не всё так было ясно».

Только наше время открыло правду о человеке и правду о мире: правду о мире, что в мире зло царит, а о человеке...

V
Т — Д
— Сон —^b

Будто земля черная, чернозем, и мокрая, свежо, появился Т<ышка> и говорит: «Не гоните Д. (Диксона), это я ему ваш свет показал, чтобы он берег вас».

Я сказала: «Нет, нет». И хочется мне много ему рассказать, что было за это время; я понимаю, что он не здешний. И вдруг пришел Д<иксон>, а Т<ышка> исчез.

Д<иксон>, оказывается, женился на Милюковой, просит меня его не осуждать.

9 РУКОПИСИ

[К. Л. Тышка (Заруцкий в «Оле») помер (отравился) 21 марта 1902 г. В этот самый день 21 марта 1895 г. помер отец С. П. Его польские рукописи С. П. передала его сестре: она приезжала на могилу в Сольвычегодск из Ломжи. А русские переплетены, там и карточки К<азимира> Л<юдвиговича>, и Сольвычегодск, и могила. Из рассказов его кое-что удалось напечатать:]

^a Справа на полях помета: 1920 г.

^b Справа на полях помета: 16 III 1926 / Vichy / I кн.

1) Башня, «Дни» 2) За решеткой^а I) № 5 и II) Старик, «Дни» 3) Холодно, «Дни» 4) Вечерние сумерки, «Дни» 5) Моя подруга, «Воля России».

Рассказы, собранные в отдельную книгу: К. Л. Тышка. «Вечерние сумерки». Я подавал в Гос<ударственное> Изд<ательство> в Петербург 1 янв. 1921 г., и книга была принята к изданию 6 марта 1921 г. Подавал к И. Ионову, а слово замолвила С. Н. Равич. Почему книга не вышла, не помню.

Содержание книги: 1) Идеал, 2) Холодно, 3) Моя подруга, 4) Вечерние сумерки, 5) Блюститель, 6) В дни одиночества: I) Мгновенье, II) De profundis, III) Канитель, 7) Червяк, 8) Явление, 9) Шахматы, 10) Моему врагу, 11) Сокровище, 12) Признание, 13) *Lasciate speranza*, 14) Притча про сторожевые посты, 15) Честь.

Так в 1907 г.^б у А. В. Тырковой познакомились со священником Григорием Петровым, потом встречали его у Розанова. Г. Петров взял устроить рукописи и несколько лет держал их: ему некогда было этим заниматься. Он дал аванс, 100 руб. Но я почувствовал, что это так, «на бедность». А. Р.]

^а Далее густо зачеркнутое слово.

^б Было: в 1905 г.

ИЗ ВЕЧНОГО ^а

У меня очень хорошая память, потому, д<олжно> б<ыть>, прошлое имеет надо мной такую власть. Если бы не было воспоминаний, жизнь была бы беднее. Как «плохо», наверно, жить беспмятным.

Вот я помню минуты с Т<ышкой>. Один раз, когда мы ехали на пароходе, была белая ночь и река очень спокойная, мы еще мало были знакомы, только что проехали вместе 15 верст до Котласа (из Сольвычегодска).

Потом уже зимою мы стояли на мосту в Сольвычегодске, было очень хорошо, тихо, тихо кругом, и я по<чу>вствовала, что эти минуты — из вечности.

Потом, когда мы шли к кладбищу, чтобы отдышаться от уга-ра, который был у меня в комнате, и кругом был снег, бело и дось близко, и кто-то прошел между нами, — это всё было из вечности.

И когда после его смерти я грезилась о том, что он восстанет и вдруг придет, и что я ему буду говорить, и как дальше жизнь пойдет, — всё это было из вечности.

Однажды луна упала косяком — и это было не здешнее.

А вот когда я вспоминаю Н. П. Б<улича> [*Оводова*], который так обо мне заботился, ничего не могу припомнить из вечности. Однажды он бился головой о стену (в буквальном смысле слова), это было очень страшно, я не знала, что делать, но это было здешнее, отсюда, а не оттуда. Он весь был как бы продолжением моего дома, не оттуда, оттого я и не могла его полюбить. Я была и есть за многое ему благодарна, но никогда не чувствовала его своим.

^а Слева на полях помета: Оля III / 22 IV 1932

«НЕПОПРАВИМОЕ»

1902 г.
9 X Вологда

ПРОШЕНИЕ МИНИСТРУ ВН<УТРЕННИХ> ДЕЛ

Рукою Б. В. Савинкова^а

Господину Министру Внутренних Дел
потомственной дворянки Черниговской губ.
Александры Никитишны Довгелло,
жительствующей в собственном имении
Борзенского уезда Черниговской губ.

ПРОШЕНИЕ

В конце сентября текущего года я получила внезапное известие о попытке на самоубийство в г. Вологде дочери моей Серрафимы Павловны Довгелло, отданной по Высочайшему повелению под гласный надзор полиции на 3 года с назначением ей местожительства в пределах Вологодской губ.

Глубоко опечаленная этим известием и крайне встревоженная состоянием здоровья своей дочери я немедленно со всей семьей выехала в г. Вологду для личного с ней свидания и оказания ей материнской помощи, оставив, по необходимости, все дела свои по имению на произвол судьбы.

Прибыв на место, я узнала следующее: дочь моя, пробыв более двух лет под надзором полиции в наиболее глухих и отдаленных городах Вологодской губ.: в Устьсысольске и Сольвычегодске, впала в тяжелое нервное расстройство, засвидетельствованное психиатрами, по мнению которых излечение болезни ее ни в коем случае не могло последовать в уездных городах, за отсутствием там врачей-специалистов и необходимых медицинских пособий.

В уважение к сему г<осподином> бывшим Вологодским Губернатором д<ействительным> с<татским> с<оветником>

^а *Справа на полях помета: «Оля» / 9 X 1902 / Вологда*

Князевым дочери моей было разрешено жить в г. Вологде в течение 3-х месяцев (VI, VII, VIII). Отпуск этот по истечении срока, ввиду продолжавшегося тяжелого нервного расстройства моей дочери, был продолжен г<осподином> исправляющим должность Вологодского Губернатора гр<афом> Муравьевым еще на месяц. Однако и за этот промежуток времени здоровье моей дочери в г. Вологде, в суровом климате и вдали от любящей обстановки семьи и родных отнюдь не улучшилось и по-прежнему требовало долгого и систематического лечения при помощи врачей-специалистов.

Несмотря на явное и неоднократно удостоверенное болезненное состояние моей дочери, г<осподин> исправляющий должность Вологодского Губернатора гр<аф> Муравьев еще до истечения им самим продолженного на предмет лечения отпуска, призвал к себе дочь мою и, в крайне резких и оскорбительных для нее выражениях, предложил ей выехать в г. Сольвычегодск, дав ей неделю на необходимые сборы и, в случае ее в этот срок невыезда, грозя отправить ее этапным порядком. На указание же моей дочери на тяжелую форму ее нервного расстройства г<осподин> исправляющий должность Вологодского Губернатора гр<аф> Муравьев в еще более резких выражениях снова предложил ей выехать в г. Сольвычегодск, опять повторив свою угрозу об отправлении ее этапным порядком, и заявил, между прочим, что «за такое его распоряжение она должна благодарить своих товарищей-ссылных».

На дочь мою, нервное состояние которой в последние три недели было и без того значительно ухудшено постоянным опасением высылки из г. Вологды в уезд, слова гр<афа> Муравьева, значение коих, по ее объяснению, и до сих пор ей остается непонятным, и его резкий и крайне оскорбительный для молодой девушки и дворянки тон произвели потрясающее впечатление.

Не имея в данную минуту достаточных средств, чтобы ехать на лошадях 500 верст до г. Сольвычегодска (движение пароходов ввиду наступающего зимнего времени было прекращено), страшась препровождения этапным порядком вместе с бродягами и ворами и хорошо понимая, что в уездном городе она не только не излечит своей болезни, но еще ухудшит состояние своего здоровья, дочь моя, поддавшись нервному расстройству, решила кончить жизнь самоубийством.

Попытка эта окончилась неудачно, и смертельного исхода, к счастью, не последовало, но болезнь дочери моей сделала еще шаг вперед и грозит теперь крайне опасными осложнениями.

На другой день после указанной попытки на самоубийство, когда дочь моя находилась на излечении в Вологодской Губернской Земской Больнице, к ней, лежавшей в полубессознательном состоянии, явился и <сполняющий> д<олжность> Вологодского Полицеймейстера пристав Суровцев, по распоряжению коего чины местной полиции неоднократно до сего тревожили ее напоминанием о состоявшемся распоряжении гр<афа> Муравьева о назначении ей местожительством г. Сольвычегодск. Г<осподин> пристав Суровцев, невзирая на ее болезненное состояние, сделал ей допрос о причинах, побудивших ее на самоубийство.

Появление г<осподина> пристава Суровцева даже для исполнения служебных обязанностей в тот момент, когда исход больной моей дочери был еще неизвестен, и сама она не могла по состоянию своего здоровья давать точных и ясных показаний, свидетельствует о крайней поспешности, с которою г<осподин> пристав Суровцев взялся за производство дознания, хотя таковая поспешность не вызывалась необходимостью и могла легко повести к весьма серьезным осложнениям в положении моей дочери, ибо один вид полицейского чина приводил ее тогда в крайне взволнованное состояние. Вместе с тем поспешность эта ничем другим объяснена быть не может, как желанием, пользуясь полубессознательным состоянием моей дочери, дать показаниям ее выгодное для администрации г. Вологды освещение.

На основании всего вышеизложенного честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство:

1) Сделать соответствующее распоряжение о разрешении дочери моей Серафиме Павловне Довгелло провести остающееся до конца установленного над нею надзора время на моем попечении в принадлежащем мне имении Черниговской губ., Борзенского у<езда>.

2) Оградить на будущее время дочь мою как от излишнего без причины и пользы стеснения ее надзором, о чем по силе ст<атьи> 319 Об<щего> Уч<реждения> о Губ<ерниях> должен был иметь попечение г<осподин> и <сполняющий>

д<олжность> Вологодского Губернатора гр<аф> Муравьев, так и от оскорбительного изъяснения с его стороны чувства за-пальчивой досады, которое по силе ст<агьи> 418 Об<щего> Уч<реждения> о Губ<ерниях> не допускается в сношениях должностных лиц по делам службы.

3) Сообщить в установленном порядке о нарушении г<оспо-дино> исправляющим должность Вологодского Губернатора гр<афом> Муравьевым: ст<агьи> 319 Об<щего> Уч<реждения> о Губ<ерниях> беспричинным и бесполезным, а потому излишним отягчением установленного над дочерью моею надзора, и ст<агьи> 418 Об<щего> Уч<реждения> о Губ<ерниях> открытым выражением ей чувства своей досады в резких и оскорбительных для нее выражениях.

Свидетельства, удостоверяющие болезненное состояние моей дочери за летние месяцы текущего года (VI, VII, VIII, IX 1902 г.), находятся в Канцелярии г<осподина> Вологодского Губернатора; свидетельство, удостоверяющее болезненное состояние моей дочери после выписки ее из больницы, препровождено мною Вашему Высокопревосходительству при телеграмме, посланной мною для ходатайства о разрешении дочери моей выехать в мое имение; свидетельство Заведующего Психиатрической Лечебницы Вологодского Земства, удостоверяющее ее нервное расстройство, при сем прилагаю.

9 X 1902

Вологда

[С неизбежной тоской я вспоминаю ту сентябрьскую бурную ночь — шекспировскую, с зловещим воем ветра, непроглядным небом, порывами выливающим на землю потоп дождя, загадочную для меня и навсегда, за 40 лет нашей жизни С. П. ни разу не вспомнила, а всегда помня, не решался первый заговорить. И странно, наутро всё переменилось, вдруг окрепло, точно всё пролилось без остатка, дымчатые тучи тянулись куда-то, и сухим вихрем подымались целые горы желтых листьев, а ночью показались звезды. Но это на другой день, когда решалась судьба: вернуться к жизни или расстаться.]

Меня упрекали, как мог я отпустить человека в таком отчаянии. Я и сам себя упрекал, но потом уж. Но тогда, почему тогда я не схватился и не подумал? А вот в чем дело: у меня было такое состояние, когда ничего не трогает — самое удиви-

тельное, самое странное я принимал как обыкновенное. Что ж, ночью пришел человек неожиданно, даже невероятно, и в отчаянии рвет на себе волосы, а я смотрю, как ничего особенного, я даже пытаюсь разговаривать, как за столом бы во время обеда. Или это было наваждение? Ведь не деревянный же я и не «слепой». А ведь вышло, как вроде. И то, что всю жизнь помню, как буду помнить до конца моей жизни день смерти, в этой памяти говорится, что что-то не так, не мое, не я или я, но «заколдованный», «остененный». В той ночи и последний день жизни что-то общее, а у меня мое чувство виновности.

Еще я вспомнил: бывало, расстроенная С. П. ночью о чем-нибудь меня спрашивала, и сначала я отвечал. Вопрос повторялся: было такое впечатление, что мой голос не доходил. И вот в какую-нибудь решительную минуту я засыпал, как проваливался куда-то, без памяти куда. И это замечала С. П. Стало быть, или сон, или столбняк, или я вижу и слышу, а не соображаю, и^а делаю то, чего не сделал бы, а то, что нужно сделать, о чем потом я спохвачусь, так и останется, как ко мне не касающееся.

Я не знаю, какая судьба гр<афа> Муравьева — чем кончил этот злой дурак с лицом птицы. Мне пришлось с ним иметь дело, близко его видел: я затеял проехать в Москву — 8 сентября появилось мое первое «Плач девушки перед замужеством», мне хотелось повидать и Леонида Андреева и Брюсова, я подал прошение М<инистру> Вн<утренних> Дел о свидании с матерью. И в ноябре меня вызвал гр<аф> Муравьев: мне пришло разрешение на неделю в Москву. И вот обнаружилось: на другой же день по приезде в Москву меня вызвали в Охр<анное> Отд<еление> и объявили, чтобы я немедленно возвращался в Вологду по требованию Вологодского Губернатора. И вместо недели всего три дня провел я в Москве, да и то, оттого что околоточный Таганской части был знаком с моим братом Сергеем, у которого я остановился.

А С. П<авловн>е разрешено было на месяц в Берестовец, и в конце ноября она вернулась в Вологду, и уж ее больше не трогали.

^а Далее зачеркнуто: что-то

Когда я думаю о Муравьеве, я говорю: какие попадаютсЯ среди людей мерзавцы. И всегда спрашиваю себя: а мое окостенение в важные минуты другого человека, как это называется? Потом я схватываюсь, я как очнулся, но уж поздно, и с ужасом смотрю на себя — на того себя, обращенного в соляной столб, когда требовалась живая вода, горячее сердце и одуманное слово. Не знаю, пожалуй, имя мерзавца для того окаменелого состояния слишком снисходительно. Есть вещи объяснимые, но не прощаемые моим судом. Ведь всепрощение изобретено в утешение для слабых душ. А каждый должен отвечать за себя и быть готовым^а нести кару. А. Р.]

^а Далее зачеркнуто одно слово.

БИСЕРНАЯ СТЕНА^а

«Ничего так не любила Оля, как всякие маленькие коробики и разноцветные бисерные вышивки». За нашу жизнь собралась целая стена. А странно, теперь, когда задумал с ними расстаться, никто не берет, а раньше, в особенности последние годы, сколько было разговору и мудрых советов, в которых с благожелательством всегда и осуждение.

- 1) кусочек на бархате (синель, китайка)
- 2) — // — — // —
- 3) на воску китайцы с попугаем, в рамке
- 4) Могила «Вера. Надежда. Любовь»
- 5) Всадники (амазоны)
- 6) Охотник
- 7) Турки^б в рамке
- 8) Собака в рамке за стеклом
- 9) Павлин от кошелька, любимое
- 10) Букет в рамке (Крыловский, тетушкино). Ваза. Воспроизведено у А. В. Средина, Старинные вышивки. Золотое Руно 1906 г.
- 11) Китайцы на канве и бисером по шерсти. У Дудоревой^с, стр. 41.
- 12) Розы — // —
- 13) Троице-Сергиевская Лавра. Воспроизведено в книге В. Дудоревой^д, Бисер в старинном рукоделии. М., 1923. Стр. 69. «Вид Святотроицкой лавры».
- 14) Бульдог (Моська на подушке) в рамке
- 15) Кусочек Вал. Ал. Шалауровой
- 16) Пенал (Н. Андреева)

^а *Справа на полях помета Ремизова: Серафиме Павловне Ремизовой / 9 VI 1922 / Charlottenburg / Для записей / Шарлоттенбургских. А. Р.*

^б *Было: Китайцы*

^с *В тексте ошибочно: У Дударева*

^д *В тексте ошибочно: в книге В. Дударева*

- 17) Ручка голубая (подлампадник / Крым)
- 18) С подушки вышивка (Н. В. Григорьева)
- 19) — // — — // — — // —
- 20) Вроде обшлага
- 21) Бисерный кружок (крупный), подставка
- 22) Мундштук
- 23) Пояс из Берестовца
- 24) Башмачок^а для часов
- 25) Сумка арабская
- 26) Сумка с масонскими знаками. Для параманда (аналава)
- 27) — // — Schuls
- 28) Подстаканники (6-ть)
- 29 //
- 30 //
- 31 //
- 32 //
- 33 //
- 34) Кусочек белой парчи
- 35) — // — темный
- 36) — // —
- 37) — // — синий с венком
- 38) — // — с желтыми листьями
- 39) Кошельки (5-ть)
- 40 — // —
- 41 — // —
- 42 — // —
- 43 — // —
- 44 Кисет. Белые цветы по бирюзовому полю
- 45 От В. В. Берсеновой
- 46 Для визитных карточек
- 47 На полотне
- 48 Турки — маленький кусочек
- 49 На синем шелку бисер
- 50 Синяя полоска
- 51 Лента — голубое с белым
- 52 Записные книжки (4-е)
- 53 — // —

^а Вписано поверх густо зачеркнутого слова.

Родственники С. П. Ремизовой-Довгелло. Сидят (слева направо): Неизвестная, Неизвестный, Довгелло А. Е. (бабушка С. П.), Н. И. Головня (тетя С. П.), Довгелло А. Н. (мать С. П.). Стоят (слева направо): М. И. Отрада (тетя С. П.), Неизвестная, М. И. Довгелло (дядя С. П.), И. И. Довгелло (дядя С. П.), П. И. Довгелло (отец С. П.). Фотография. Чернигов. Конец 1860-х гг. — ГЛИМ. Публикуется впервые

*Помещицкий дом семьи Довгалло в с. Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губ.
Фотография. 1910-е гг. — ГЛМ*

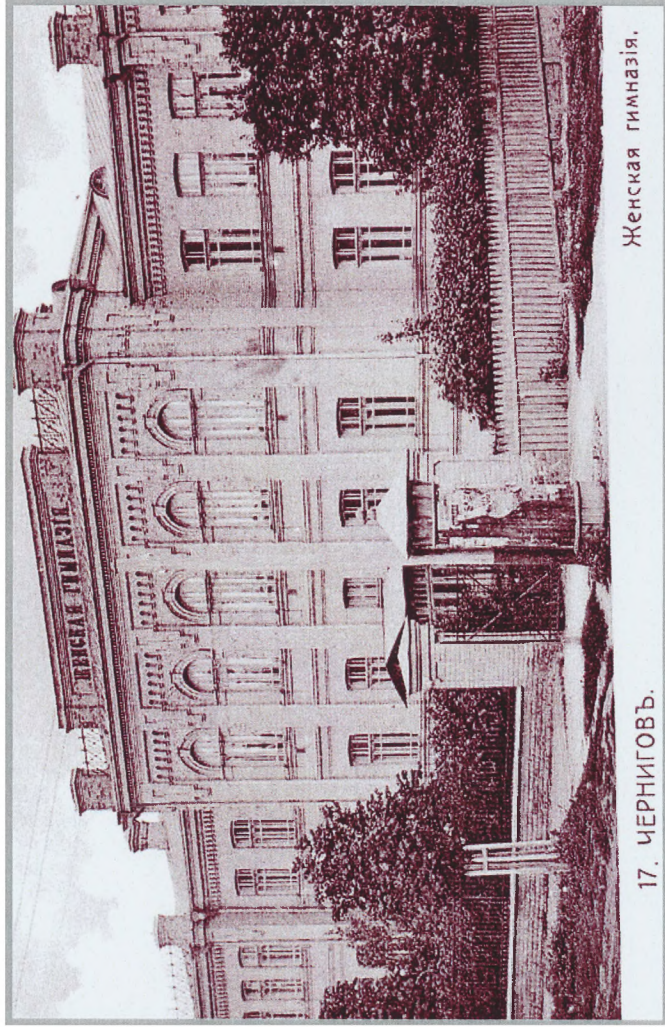
Е. П. Довгелло — старшая сестра С. П. Ремизовой-Довгелло.
Фотография. Нежин. 1880-е гг. —
ИРЛИ РАН. Публикуется впервые

Л. П. Довгелло — младшая сестра С. П. Ремизовой-Довгелло.
Фотография. Чернигов. 1890-е гг. — ИРЛИ РАН

*С. П. Довгелло — брат С. П. Ремизовой-Довгелло.
Фотография. с. Берестовец. 1900-е гг. — ИРЛИ РАН*

Женская гимназія.

17. ЧЕРНИГОВЪ.

Чернигов. Здание женской гимназии. Открытка нач. XX в.

С. П. Ремизова-Довгелло. Фотография. Чернигов. 1889 г. —
ИРЛИ РАН

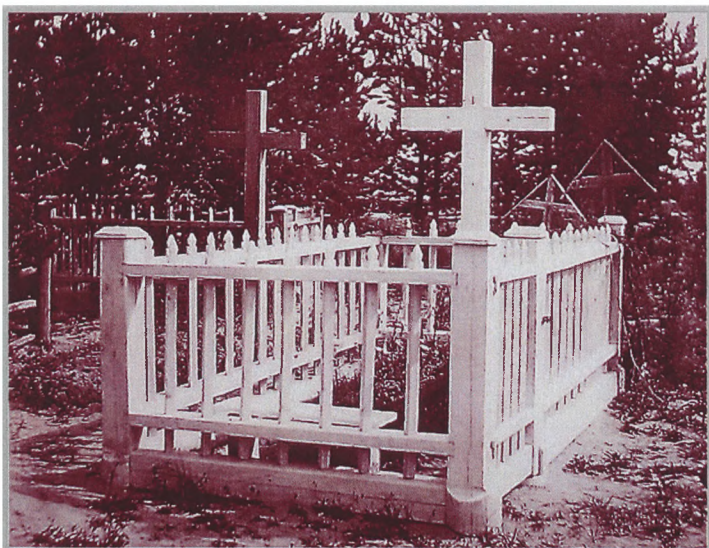
С. П. Ремизова-Довгелло. Фотография.
Подпись А. М. Ремизова: «В тюрьме». Санкт-Петербург.
Март 1897 — февраль 1898 г. — ГЛМ

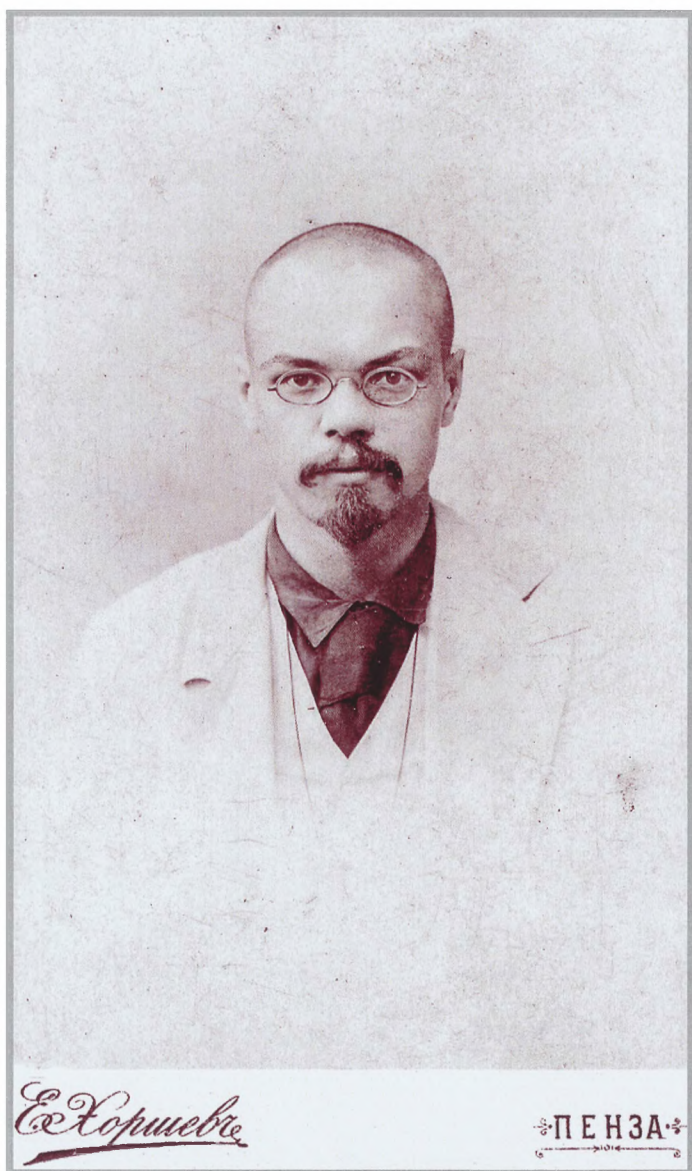
*К. Л. Тышка. Фотография. Конец 1890-х гг. —
ГЛМ. Публикуется впервые*

г. Сольвычегодск. Вид города. Фотография. 1902 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

Могила К. Л. Тышки на городском кладбище. Фотография. Сольвычегодск. 1902 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

А. М. Ремизов. Фотография. Пенза. 1898 г. — ГЛМ

С. П. Довгелло. Фотография. Вологда. 1903 г. — РНБ

Н. П. Булич. Фотография. 1900-е гг. — ГЛМ. Публикуется впервые

*Валентина Шалаурова. Фотография. Санкт-Петербург.
1905 г. — ГЛМ. Публикуется впервые.*

С. П. Ремизова-Довгелло с сестрами милосердия.
Фотография. 1915 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

*Карантин в Нарве для оптантов. Фотография.
10 августа 1921 г. — ГЛМ. Публикуется впервые*

*Карантин в Нарве для оптантов. Фотография.
10 августа 1921 г. — ГЛМ. Публикуется впервые*

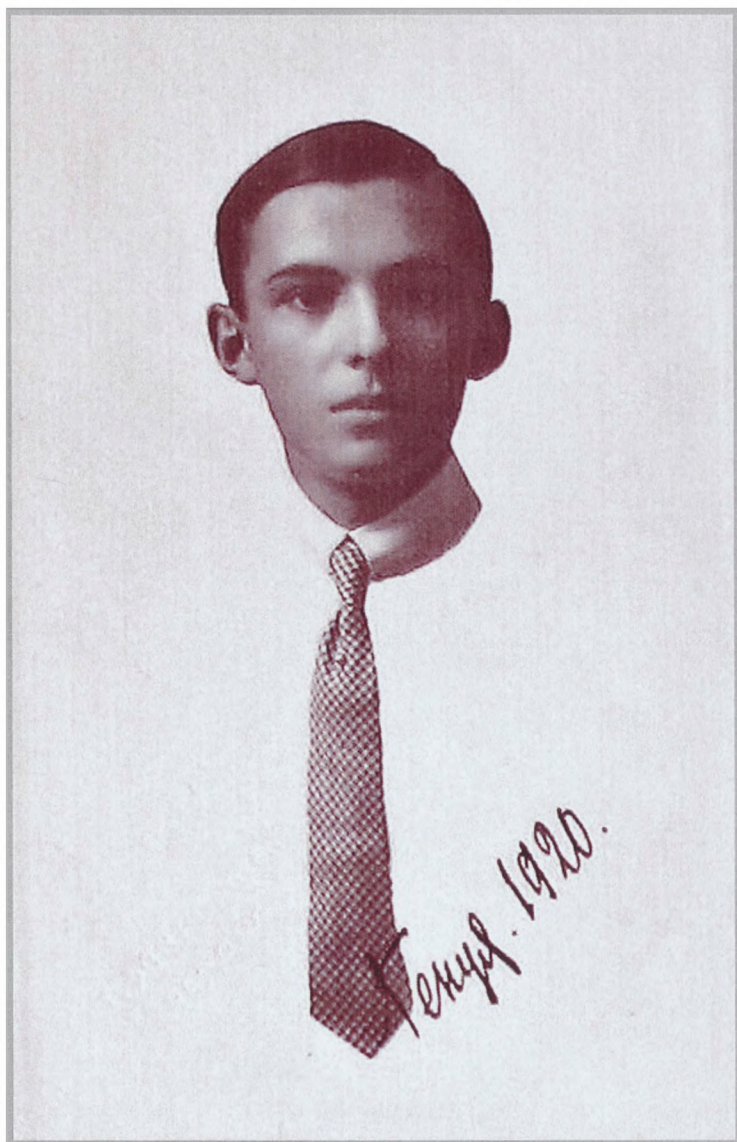
**С. П. Ремизова-Довгелло. Рис. Б. Кагана. Берлин. 1923 г. —
ГЛМ. Публикуется впервые**

*С. П. Ремизова-Довгелло. Фотография. 1920-е гг. —
ГЛМ. Публикуется впервые*

Н. А. Ремизова. Фотография. 1920-е гг. —
ГЛМ. Публикується вперше

Кн. Д. А. Шаховской. Фотография из собрания С. П. Ремизовой-Довгелло. Генуя. 1920 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

Кн. Д. А. Шаховской

Пѣсни безъ словъ

... И когда по убивенной
прошмзмицъ сани христеро,
прошмадъ во вселенной,
зелень яркая до слезъ.

Серафимъ Мавриковъ

отъ Шаховского.

Парижъ 1925 г. Весна.

Издательство Русскихъ Писателей въ Бельгiи
Брюссель
1924

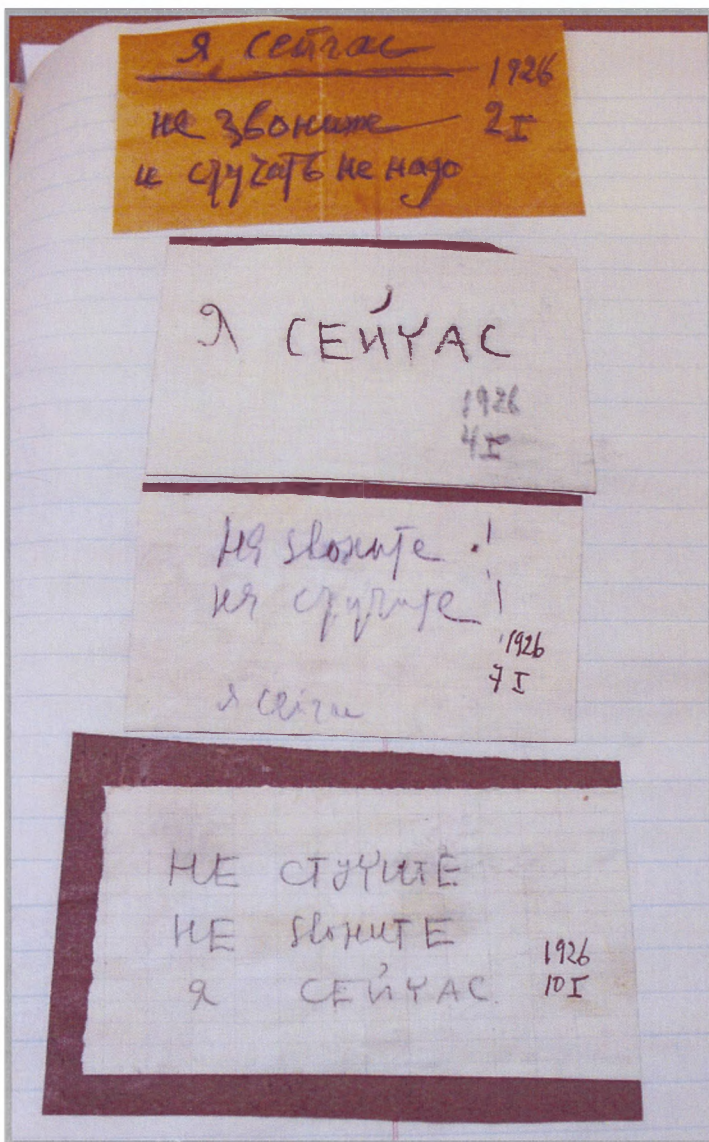
Обложка сборника стихов кн. Д. А. Шаховского «Песни без слов» (Брюссель, 1924) с дарственной надписью С. П. Ремизовой-Довгелло. Париж. 1925 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

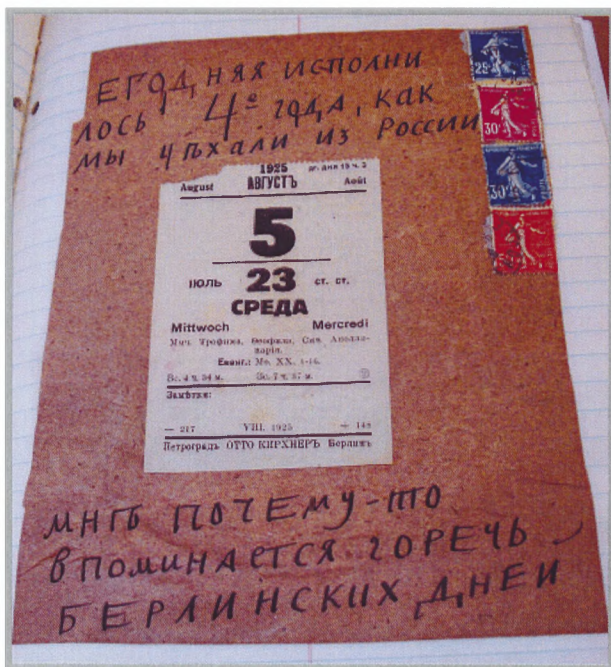
В. В. Диксон. Фотография из собрания С. П. Ремизовой-Довгелло.
Конец 1920-х гг. — ГЛМ. Публикуется впервые

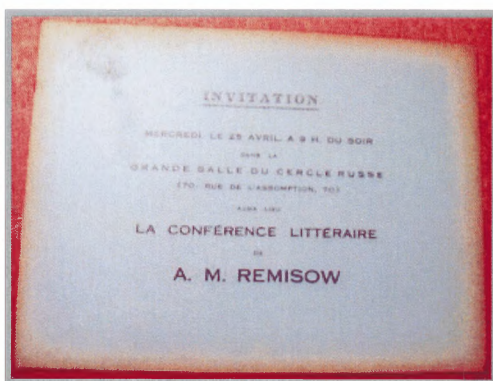
С. П. Ремизова-Довгелло. Фотография. Париж. 1920-е гг. — ГЛМ

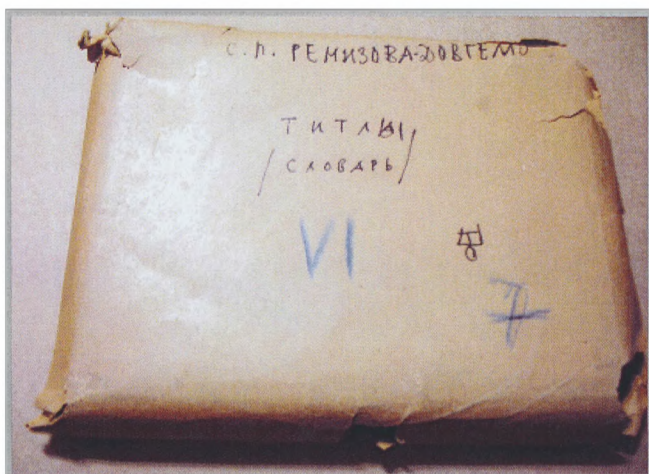
Лист из альбома с записками А. М. Ремизова для посетителей
квартиры. Автограф. 1926 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

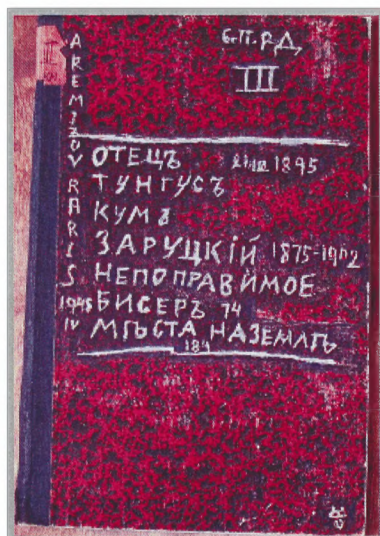
Лист из альбома А. М. Ремизова. Автограф. 1925 г. — ГЛМ. Публикуется впервые

Приглашение на вечер А. М. Ремизова. Печ. 1930-е гг. — ГЛМ. Публикуется впервые

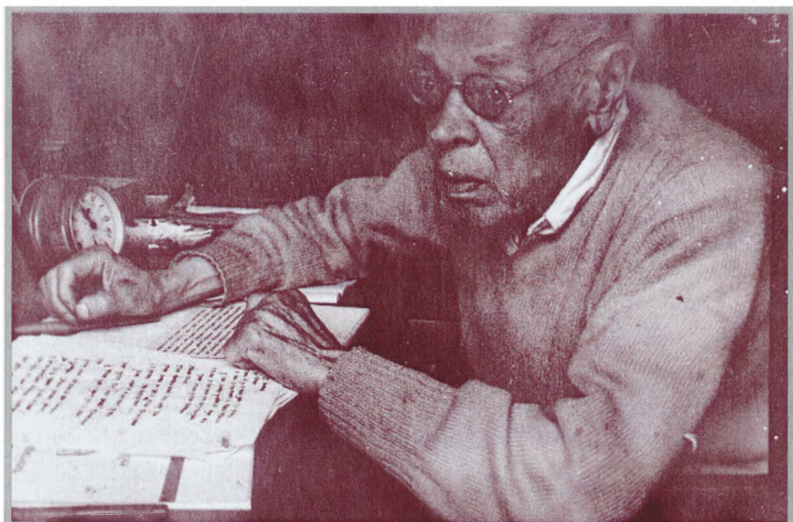
А. М. Ремизов. Лицевая сторона конверта для хранения картотеки словаря С. П. Ремизовой-Довгелло «Титлы». 1920-е гг. Автограф. — ГЛМ. Публикуется впервые

А. М. Ремизов. Обложка Книги III «С.П.Р.-Д.». Автограф. 1940-е гг. — ГЛМ. Публикуется впервые

А. М. Ремизов у могилы С. П. Ремизовой-Довгелло. 1949.
© Р. Герра

А. М. Ремизов в рабочем кабинете. Фотография. 1940-е гг. —
ГЛМ. Публикуется впервые

Париж. Улица Буало, дом 7. Современная фотография.
2012 г.

- 54 — // —
55 — // —
56 Подвесок (К. Богуславская)
57 Для ринспез
58 Портсигар
59 Полоса — вышито шерстью
60 Кружочек на стол, любимое, на нем Евангелие
61 Кружочки на стол (с дыркой), любимое, около Евангелия
62 Бисерная шкатулка
63 Коробка для табаку (С.)
64 Нерукотворный Спас
65 Богородица, в рамке
66 <Богородица>^a Рафаэля, окантована
67 Крестик
68 Колье 1819 г.
69 Египетск<ий> подвесок
70 Кошечки
71 ——— Н. Г<ригорьевой?>
72 Сумка арабская
73 Бисерное яйцо XV

^a Вероятно, слово указано стрелкой от выше написанного: Богородица

МЕСТА НА ЗЕМЛЕ^a

Есть места заколдованные, а есть судьбинные. Каждому свой город и среди городов особенные. Для С. П. особенным был Петербург, Сольвычегодск, Париж. Она затеяла записать, где была в жизни, на каких краях — она любила путешествовать. Список вышел не полный, но хоть часть сохранила. Я по природе кочевник, но страсти к передвижению у меня в мою жизнь не обнаруживалось, напротив, «сидень» и никуда б не тронулся. Но я люблю смотреть новые места, только мне всегда было трудно: я терялся на новом месте и никакого нет чутья: всегда не туда, и часто по-своему не туда можно было определить «куда», так и повертывал, куда не хотелось, и выходил на дорогу. Конечно, тут и глаза мои: м<ожет> б<ыть> под землей я бы ходил по-человечески. А вот С. П. — хоть и не твердо ходила она по земле, и сколько раз оступалась, но у нее было чутье, или то, что она родилась в деревне и земля ей была под первым шагом, а не тот мой камень, моя первая встреча, прикосновение и упор. А как любила С. П. воду, бывало, не пропустит реки, чтобы не искупаться, а тут Океан. Я люблю Океан, но как-то по-другому, я и плавать умею и нырять, но вода меня не тянет. Так вот какие места были для С. П. назначенными пройти, списываю с ее записи. Да, ее мечтой была Святая Земля, но в списке ее нет, не привелось, но мыслью она побывала там и не раз, я в это верю и вижу, я видел лицо ее — глаза под Пасху с ее из глуби ее сердца вырывавшемся с восторгом твердо на возглас «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»

1) Чернигов.

Тут родилась С<ерафима> П<авловна> и училась в гимназии. Незадолго до войны 14-го года мы были вместе, и тут ходил по всем ее тропкам, и на Ильинскую горку подымались — там I-ая рус-

^a Справа на полях помета: 1931 Paris

ская церковь, и в Казенный сад заглянули — во все, во все места, описанные в «Оле». И в Собор, конечно, к мощам прикладывались Феофея Углицкого [его, как мумию, в Революцию в Петербург перевезли], а около Собора я почувствовал по этим белым плитам и эти цветы вокруг и тополя — я почувствовал святость места, благодать, тайну, видел и примолкших бесноватых, их привели к мощам, но еще не вводили в церковь. Пожалели, м<жду> п<рочим>, в гостинице узнали, что был Ив. Як. Билибин и уехал вчера, вот было б с ним походить по святым русским местам.

2) Берестовец.

Это родовое: есть рисунок — вид старого сгоревшего дома. Надо попросить сфотографировать, а то пропадет и не останется памяти.

3) Прохоры.

Любимая бабушка М<ария> Мих<айловна> Самойлович. Однажды мы заезжали в пустой дом. После смерти бабушки долго не было хозяев — двоюродные братья С. П<авловн>ы. А какой сад и из-за сада церковь. Что-то заколдованное в этом саду с грушами, яблоками, малиной и^а грядками клубники, какая тишина и какие-то молчаливые серые птички и тополя.

4) Борзна.

Я был и в этом Мазепском пристанище; что-то гоголевское прет — из «Ревизора». Сестры Богатко, тамошня интеллигенция. Младшую в Революцию изнасиловали при пароме.

5) Оленовка.

6) Комаровка.

Из этой Комаровки приезжал в Петербург доктор. Не помню, как его звали,

^а Далее два слова зачеркнуты.

вспомнил — Алексей Павл<ович> Ягдовский. Спросил С. П. И восторженно говорил о ней. А С. П. не было дома. И я задержал его на свою беду. Вернулась С. П., вижу, когда сказал ей, недовольна: зачем задержал. Оказывается, отъявленный болтун, и уж не знали, как с ним распутаться и чем запрудить его неиссякаемую речь — и всё о пустяках, но не пустяшных, из к<отор>ых часто жизнь прет, а бессодержательных. А кроме того, он, вспоминая, затрагивал за что-то больное, чего не надо было трогать^а — грубо. Этот доктор Ягдовский надолго остался мне. Но кто ж это знал?

7) Стрельники.

8) Холмы.

[Тут Черкасов, это земля роковая. Повелко-Поволоцкий]

9) Хутор Булича-Оводова. Про судьбу Оводова были слухи: женился на кухарке. Мне это не показалось странным: такое у меня было чувство при встрече еще в Устьсысольске: на вопрос себе: чем этот человек кончит? В нем было всё, но никакого взлета.

10) Низковка.

11) Осняки.

12) Сибережа.

13) Плиски.

Это станция, как Круты, с такими же тополями, с зеленью, с корня. Там имение Самойловичей — Товстолес. Как-то под Рождество была метель и поезд опоздал, и мы заехали в Плиски, ночь провели. Такое мое чувство было от дома: «полная чаша». И большой порядок.

14) Остёр.

^а Далее зачеркнуто слово: легкими

15) Нежин.

16) Киев.

И для С. П. и для меня. После Одессы Зверинец около Киево-Печер<ской> Лавры под ее колокол. Потом Безаковская. Пожар. О. Сергей Булгаков. Н. А. Бердяев. Решение нашей судьбы — переезд в Петербург. Вопиющая бедность.

17) Канев.

18) Злодиевка.

Однажды жили недели две, больше нельзя было вынести. А устроил Е. Г. Лундберг. Там же жил доктор Тарасов, женатый на Кульдженко (ее брат издавал «Искусство»), и у них 12 дочерей, одна потом стала актрисой в М. Х. Т. Я ее видел здесь уж в Париже, играла Анну Каренину. Злодиевка, д<олжно> б<ыть>, получила свое название за пески, из них не выберешься, ну, прямо, тонешь. После Злодиевки мы попали в Цюрих, и помню, когда Маделунг сказал: «пойдемте песком», я пришел в ужас, и только потом сообразил, что его «песком» надо слышать «пешком».

19) Одесса.

С нею связана весна 1904 г. Акации, в первый раз видел, как цветет улица (Дерибасовская). Рождение Наташи. Тут была и самая настоящая нищета. Жутко вспомнить. Приезжал Вл. М. Саблин, дал 100 руб. (Издатель). Море — это в первый раз. Из Одессы переехали в Киев. Какая-то барышня Сапожникова, она и привела Вл. Лебединцева, крестил Наташу.

20) Херсон.

Наша свадьба. Помню вечерние прогулки. Ходили пить кефир и потом покупали абрикосы, удивительные там солнцем пронизанные фрукты. Из новых знакомых: Днепрова-Чайка, писа-

тельница, в первый раз видел такие цветы около ее дома, она жила под Херсоном, то же чувство, как от абрикосов, эти настурции, пронизанные солнцем. Потом И. А. Тотеш, знакомый С. П. по Петербургу, «Турка», шафер на свадьбе Савинкова и Веры Глебовны Успенской. Театр Мейерхольда. Зонов, Нелидов, Певцов. Поездка в Николаев с театром. Знакомство с Бурлюками, снимали у них комнату. Потом у фотографа Гескеса. Редакция газеты «Юг» Гошкевича. Маленькая комната, Гошкевич и Мих. Липский, вот и все сотрудники, нет, еще был один старичок, что-то вроде Дон-Аминады.

21) Чернянка.

С. П. жила у Бурлюков. Д. Ф. Бурлюк был управляющим имением Мордвиновых. Какие яблоки! Потом Бурлючка Люд<мила> Дав<ыдовна> (Кузнецова) нам присылала в Петербург.

22) Москва.

Конец лета редко когда не в Москве по дороге из Берестовца. Я показывал С. П. Москву. Ходили в Кремль.

23) Царицыно.

Под Москвою

24) Кусково.

25) Харьков.

26) Люботин.

— } мне памятные с детства

У Бердяевых. Имение матери Лид<ии> Ю<дифовны> Трушиной. Со скандалом. Просто нас попросили уехать. Помню утром на вокзале: «изгнанники».^a

27) Кислово.

Смол<енская> губ. Дорогобуж. У Ив<ана> Сер<геевича> Соколова-Микитова летом 1920 г. Помню, как мы набросились на еду: хлеб, молоко, мед, и как скоро приелись и всё надоело.

^a На левой стороне разворота надпись: История с письмами / (Н. Р<езникова>)

- 28) Вятка.
- 29) Караул. *У дяди А. П. Зонова о. Николая Кострова. Атя племянник. Видел раз под окнами, как били конокрада — молча, насмерть. Хороводы и песни вотячек, белое с серебром, а голоса, как тоненькие <?> птички.*
- 30) Константиноград. *Очень тесно.*
- 31) Ольховый Рог. *У Веры Степановны Гриневич. Вечерние прогулки в коляске. Старый мальчик Миша Диксон — такие бывали, ему так лет 17, а рассказы его из его прошлого, ну, лет на 50.*
- 32) Бобровка. *У Анны Алексеевны Рачинской. Писали «Пятую язву» и Андрей Белый «Серебряного голубя». Верховские. Григ<орий> Алексеевич Рачинский. Жили дважды. Тоже скандал, но это со мной и, слава Богу, по отъезде. Это было в войну 1915 г. За мой рассказ «Чайничек». Да, однажды меня лошадь понесла. Как уцелел! Бог ведает. Вад<им> Ник<андрович> Верховский дал поддержать вожжи, а сам зашел в лавку. И как только он скрылся, я, д<олжно> б<ыть>, вожжами дернул, лошадь и понесла. Напугался.*
- 33) Меженинка. *Софья Николаевна Рачинская.*
- 34) Ржев. *Внучка о. Матвея. Всё цело: на горке дом и церковь. Только памяти о Гоголе никакой. А какие чудесные Ржевские пряники и полупряники.*
- 35) Псков. *С. П. ездила одна от Арх<еологического> Инст<итута>.*
- 36) Минск.
- 37) Нижний Новгород.
- 38) Рыбинск.
- 39) Кострома. *С. П. мне показывала дом ее матери. А потом я жил один у Ив<ана> Ал<екс>*

- сандровича> Рязановск<ого>, знаменитый архивист; у него гостили Г. Лукомский, Чехонин, Кустодиев.
- 40) Казань. У Моисеенко. Бор<ис> Ник<олаевич>, его сестра, отец, мать. Хорошие люди. В мечети меня заставили надеть туфли, приняв за мусульманина. Это в путешествии нашем по Волге с Ив<а-новым>-Разумником. В то лето, как произошел «Плагиат» и я захворал.^а
- 41) Ярославль.
- 42) Астрахань.
- 43) Ессентуки. Санатория д<окто>ра Мих<аила> Степ<ановича> Зернова. Встреча с В. Г. Короленко. Два лета, в последний раз в 1917 г.
- 44) Кисловодск.
- 45) Пятигорск. «Кремнистой путь блестит». Столько памяти о Лермонтове. И вообще Кавказ: Марлинский, «Казаки» Толстого. Наша 2-ая встреча. А у С. П. ночь отчаяния.
- 47) Устьсысольск. 1-ая встреча.
- 48) Сольвычегодск. Могила К. Л. Тышки. Потом мы были вдвоем, С. П. мне всё показывала. Шалауровы.
- 49) Котлас.
- 50) Коряжма. Монастырь. Такого количества клопов я не помню, наверно, тут их материнское гнездо. «Суд Божий», мой рассказ.
- 51) В<еликий> Устюг. Прокопий Праведный, Соломония.
- 52) Чашниково. Под Вологдой. Психиатрическая больница. Ездили к А. А. Богданову (Малиновск<ому>).

^а На левой стороне разворота запись: [Только в Пензе С. П. не была, и у Аничкова — Ждани, и в Дерпте, куда я ездил с Блоком и Кузминым — литературный вечер. А. Р.] Эти названия в записной книжке С. П. позднее написаны черными чернилами отдельно в конце списка (ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1078. Л. 16).

- 53) Кадников. *Там жил знаменитый Ва<си>лий <?>^a
Лукич, открывший во мне «бесмыслие».*
- 54) Архангельск.
- 55) Петербург. *1905 — 1921 5 VIII*
- 56) Царское Село. *У Иванова-Разумника на Колтинской
и у Гумилева Н. С.
На даче у В. В. Розанова.
Музыка.*
- 57) Гатчина.
- 58) Павловск.
- 59) Петергоф.
- 60) Ораниенбаум. *У Матюшиных. Елена Генриховна.*
- 61) Мартышкино, *где жил К. А. Сомов.*
- 62) Карташовская платформа. } *у Мережковских*
- 63) Сиверская. }
- 64) Ермоловская.
- 65) Териоки.
- 66) Куоккала. *У Чуковского*
- 67) Уси-Кирка. *В санатории Волковой. «Крестовые се-
стры»*
- 68) Выборг.
- 69) Иматра. *Вспомнить страшно: меня забросали
снегом, это в экскурсию мы попали,
а там игру затеяли, я и попал в серединку.*
- 70) Гельсингфорс.
- 71) Або.
- 72) о. Вандрок. *У Иванова-Разумника. «Крестовые се-
стры».*
- 73) Хапаранда.
- 74) Варшава. *С. П. ездила с лазаретом <в> 1915 г.*
- 75) Вильно.
- 76) Рига. *По пути в Зесвеген к Эглицу.*
- 77) Майоренгоф. *У Ф. К. Сологуба.*
- 78) Зесвеген. *Рассказ о птичке.*
- 79) Ревель. *1921, август-сентябрь*
- 80) Нарва. *Карантин 1921 г.*
- 81) Тойла.
- 82) Вергежа. *У А. В. Тырковой*
- 83) Званка.

^a Возможное прочтение: Вахий.

84) Берлин. 1921—1923

85) Потсдамм.

86) Вебер.

87) Гершлинг.

88) Мюнхен.

А у меня еще память, как я в первый раз за границу ездил (летом 1897 г.) и из Мюнхена по своей полной беспомощности на земле, думаю, что из-за глаз всё, попал в Краков. Натерпелся муки мученической.

89) Брайтбруно.

90) Шёндорф.

91) Обераммергау.

{ На представлении Страстей. Какой чудесный призывный колокол. И кофий / «По карнизам»

92) Унтераммергау.

93) Kloster Ettal.

94) Нюрнберг.

95) Дрезден.

96) Кудова.

97) Альбендорф.

У Гржебиных

98) Брунстауптен.

99) Саров.

У Гржебиных

100) Альбек.

101) Герингсдорф.

102) Свинемюнде.

103) Алленштейн.

104) Штетин.

105) Стокгольм.

106) о. Рюген.

107) Карлсбад.

108) Эгер.

109) Прага.

110) Подибрады.

111) Мокронеу.

112) Вена

113) Рим.

114) Венеция.

115) Флоренция.

116) Милан.

- 117) Женева.
 118) Лозанна.
 119) Копэ. *У Л. Шестова*
 120) Фунэ.
 121) Шильонский замок.
 122) Шамони.
 123) Цюрих.
 124) Брюссель.
 125) Париж. *7 XI 1923 † 13 V 1943 Vagneux, Дивизион 70*
- 126) Шантильон.
 127) Версаль.
 128) Кламар.
 129) Медон.
 130) Венсен.
 131) Куси-ле-Шато.
 132) Суассон.
 133) Шартр.
 134) Монтрейль. *У Черновых*
 135) Пари-пляж.
 136) Барбизон. *У Янич*
 137) Машерен.
 138) Виши.
 139) Тьер.
 140) Шатель-Гийон.
 141) Кербеллек. *У Fleury*
 142) Беркери.
 142<a>) Порник.
 143) Нуар-Мутье.
 144) Карнак.
 145) Сен-Жан де Мон. *У Познеров*
 146) Ларошель.
 147) Фурас. *Очень гарно.*
 148) Сент-Анн д'орей.
 149) Кэмпер.
 150) Пуан де Раз.
 151) Локренон.
 152) Дуарненз.
 153) Росков. *С Лебедевскими*

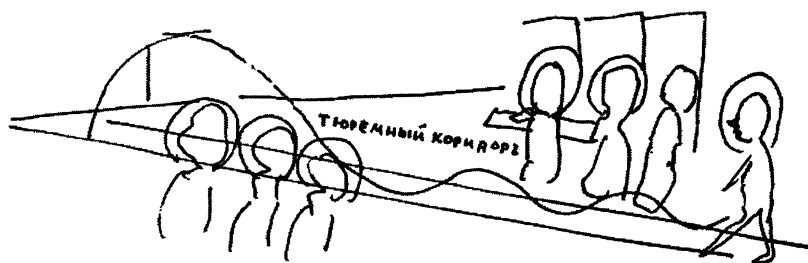
- 154) Морле.
- 155) Ильдеба.
- 156) St. Paul.
- 157) Контрексевиль.
- 158) Витель.
- 159) Нанси.
- 160) Варанжевиль.
- 161) Brides-les Bains.
- 162) Тиолаки.
- 163) Карантек.
- 164) Bourbon Lancy.
- v 165) Голицыно.
- 166) Монфорт.
- 167) St. Marguerite.
- 168) Страсбург.
- v 169) У Н. М. Кузьмина.
- 170) Colombes.
- 171) Егга.
- 172) Plessi-Robinson.
- 173) Gif sur Yvette.
- 174) Bellevue.
- v 175) Кладьковка.
- 176) Frangu. (H. S)
- 177) Тур.
- 178) Блуа.
- 180) Chenonceaux.
- 181) Mantes.
- 182) Magny.
- 183) Arthies.
- 184) Ville d'Avray (S et O) *Прощальный вечер у Henry Church'a (Mesures)*
Для многих это был «прощальный»:
Домель, Фернандес.

КНИГА IV

НА БЕССРОЧНОЙ КАТОРГЕ

*Русский исторический альбом.
1926—1943.*

Париж

20.XI.1932

Paris

Я начинаю писать объяснения к «Русскому Историческому альбому», который я сделала в 1926. Буду давать объяснения о лицах, кто подписался, по номерам, по порядку, для каждого подписавшегося буду оставлять место, может быть, надо будет потом прибавить что-нибудь.

[Альбом затеян по образцу Погодинского 1853^a (М. П. Погодина 1800—1875): Р<усский> И<сторический> А<льбом> 1853 изданный М. Погодиным, М., В типограф<ии> Степановой. В нашем экземпляре 42 листа (На 20-м половина листа оборвана, а на обороте 40-го, как раз по Гоголю, какой-то «книголюб» начертал неграмотный:

«W<ielmoż>ny Pan Zoręmbski up <1 nrзб.>»

«W<ielmoż>ny pan Leonard Kawaszkiewicz uprzejmie proszę o oddanie flaszki tej która zabraliście z szuflady mojej, a jak nie oddacie to się inaczej będzie rozmatwiać».

У Погодина есть и «объяснения», я дознаюсь от Барсукова «Жизнь и труды Погодина» и тогда напишу. А упоминается «Погодинский альбом» у Достоевского в «Идиоте», т. I ч. 1, III стр. 45. Изд. Ладыжникова, Б. 1920: [1868] «На толстом вене-

^a На левой стороне разворота тетрадного листа напротив сведений об Альбоме М. П. Погодина дан комментарий Ремизова: «Начало собрания Погодина относится к 1836 г. / 1836 Д. В. Давыдов: «Посылаю вам отысканные мной почерки Грибоедова и светлейшего князя Потемкина... Раевского почерк еще не отыскал, но коль скоро отыщу его, то сам лично вам доставлю». / Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. 3, стр. 432 / Рус<ский> Ист<орический> альбом издан в 1837 г. За это Погодин получил «Монаршее благоволение и благодарность» от наследника Московс<кого> Наблюдателя 1837. X. 126—127 / Журн<ал> М<инистерства> Нар<одного> Прос<вещения> 1837. XIII. 423—25 / Н. Барсуков, V. 78—79 / Древнейший почерк / 1328 / дьяк Кострома (духовная В<еликого> к<нязя> Иоанна Даниловича Калиты)».

левом листе князь написал средневековым русским шрифтом фразу: «Смиранный игумен Пафнутий руку приложил». — Вот это собственная подпись игумена Пафнутия, со снимка четырнадцатого столетия. Они превосходно подписывались все эти наши старые игуменьи митрополиты. Неужели у вас нет хоть Погодинского издания?

Иван Самойлович Гетман

(№ 137 Погод<инский> Альб<ом>)

Эту подпись своего прадеда (по матери) СП показывала любителям письмен.

АР]

№ 1. Петр Петрович Сувчинский9.VI.1926^б

Один из основателей «Евразийства» [*с кн<язем> Н. Трубецким † и П. Савицким*]. Впечатление хорошее, в нем много очарования, и умный и знающий, но... нет в нем совести (что-то от П. Е. Щеголева). От евразийцев перешел к большевикам и к нам не приходит.

[*С первого глаза в Берлине мне понравился П<етр> П<етрович>, с ним хорошо разговаривать о знаменном распеве. Он весь в пени. О нем всегда говорили, что «Сувчинский женится» и называли его товарища по «этой слабости» Лурье [Фараона]. Славился за умение делать котлеты и жарить сырую картошку, а я его научил суп варить из шкуры от окорока с протертым горохом. Всегда жаловался на ногу и каблук у него был какой-то особенный, а так он ни на что не жаловался и выносил невыносимые вещи: на Ав. Mozart (Villa Flore) взялся я варенье варить, не помню точно, кажется, сливное, да зазанимался, варенье и подгорело: ни ложкой, ни ножом, что делать, подлил я воды, вскипятил, и подаю к чаю: были Часар, Н. Г. Львова — отказались, а П<етр> П<етрович> всю кастрюльку съел и — ничего, пришел на другой день, спрашиваю, как, — а он только улыбается, морща нос, такое устройство улыбки. Он, кажется, со всеми перессорился. Встретились мы в канун войны, как раньше, он обещал зайти, но чтобы никого постороннего не видеть, единственный Бердяев, с кем он мог бы встретиться. Он был душою «Верст» и меня никогда не гнал. Голос его я слышал, это такая неистовая медь, раз он показывал «догматик», но когда стал учиться и готовится в певцы и чего достиг, не знаю, не слышал.*

^а Указанные Ремизовым номера листов соответствуют расположению сведений в переписанном им источнике — «Объяснении к русскому историческому альбому» СП.

^б Здесь и ниже дата после имени относится к автографу лица в «Русском историческом альбоме».

СП его вспоминала и если бы он заглянул к нам, она бы обрадовалась. Во время болезни дважды заходила его сестра от двоюродной сестры Кс. Корн. Вишневецкой, раз забыла зонтик, и всякий раз со сладями для СП. Так вспоминали П<етра> П<етровича>. В нем было что-то от русской истории, когда он появлялся, переполненный евразийством: его мысль зажглась и сверкала. Такие были во 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельяны, я не сказал бы «марксисты», которые уж очень кратки и безнадежно «реальны», а ведь пыл именно в бесконечной мысли. АР]

**№ 2. Кн<язь> Димитрий Петрович
Святополк-Мирский † 1939**

9.VI.1926

Он очень странный, на волкà похож лицом; из снобизма сделался большевиком, поехал в Россию. Что дальше с ним будет, неизвестно, всего можно ожидать вплоть до монастыря. Когда-то он писал стихи, потом критику, составил историю русской литературы по-английски: «Contemporary Russian Literature» (1881—1925). London and New York. Alfred A. Knopf, 1926. Есть у него и другая книга 1927 г. «A History of Russian Literature» (до 1881 г.). Он читал лекции в Лондоне — Lecturer in Russian Literature at King's College, London. (На его место потом Глеб Струве.)

[Рисунок СП в моей обрисовке. Познакомились мы со Святополком в Петербурге, он к нам приходил несколько раз, когда жили в М<алом> Казачьем пер<еулке> еще, студентом с Ал<ексеем> Мих<айловичем> Сухотиным. Как и П<етр> П<етрович> Сувчинский, меня никогда не гнал (меня, как пишущего), напротив, много сделал для меня доброго, м<ожет> б<ыть>, из «противоречия». В Париже он приходил к нам с К. В. Мочульским, а потом с Сувчинским. А как ехать в Россию, я его видел около автобуса, и он меня не мог не видеть, но сделал вид, что не видит, так и не простились. И не понимаю, что меня было «избегать».

С П<етром> П<етровичем> Сувчинским на Рождество 1930 (1931) он ездил к Горькому на Капри. Молчаливый, он только слушал, как говорил П<етр> П<етрович> и что говорил Горький. Горький конфузливо заметил, «неужели они ходят ко

всенощной?» В NRF 1.IX.1931 он поместил свое «отречение от предрассудков»: «Histoire d'une émancipation» — тогда это было модно, об этом мечтал и André Gide. Беда пришла, когда он очутился в России: он «попал впросак»: всю свою эмансипацию он строил на Покровском (был такой историк, доведший марксистское толкование до «бесчувствия»), а Покровского «запретили», как «вредителя», пока еще жив был Горький, он кое-как держался, а по смерти Горького (1936) его выслали в Нарымский край. Когда-то из Парижа он ездил в Руан утку есть, а появлялся у нас с огромной бутылкой Роттеры (долго служила как лампа), а тут изволь. Что Бог послал — по словам Ив<анова> Разумника, он умер от «голода», не мудрено. А на его «снобизм», на его «из противоречия» и, наконец, на его «эмансипацию» наплевали. В нем было что-то от Достоевского. «Я не умею себе дать отчета, что со мною сделалось, в иступленном ли я состоянии нахожусь, в самом деле или просто с дороги соскочил и безобразничаю, пока не свяжут» (Игрок, VI). А начитанный был человек, можно судить по его истории рус<ской> литературы, его английская книга полнее истории Лютера.

Когда-то судьба меня столкнула с его отцом, тогда пензенским губернатором, а впоследствии М<инистром> В<нутренних> Д<ел>, прозванным «весною»; что-то общее, какая-то неожиданная несообразность: его отец спросил меня: «Люблю ли я музыку», — и за мое «да» оставил меня жить под надзором в Пензе, а не угнал куда-нибудь в Чембары или Наровчат. АР]

№ 3. Жорж — Юргис Юргисович

Балтрушайтис

15.VI.1926

Сын поэта Ю. Балтрушайтиса († 1944) отвратительный фанфарон [*похвальба*], теперь он отрекается от России и русского и даже представляется, что не говорит по-русски, очень богатый, а разбогатели они на развалинах России, отвратительный, бессовестный, воображака, ничем не оправдывающий своего самомнения.

[Этот гневный отзыв СП — это за Россию. По матери Марье Ивановне Оловянишниковой (колокола, парча в Ярославле) этот Балтрушайтис не в отца, а Оловянишниковы славились на

Москве, про них говорили: «бахвалы». Но к этому присоединилось «несчастье», попал в пропеллер, весь рот разворотило с губами и носом, кое-что поправили, но все-таки впечатление жуткое. Он «строился» под Брюсова, даже так руки закладывал, скрестив с величайшим презрением к собеседнику. В этом роде был Гумилев. Но ведь и Брюсов и Гумилев, они за что-то стояли, имея за душой свои знания, а ведь этот — так, не надо было на него так сердиться, «персонаж комический». Что потом с ним стало, не знаю, слышал, он написал книгу о восточном искусстве, о Кавказе, великолепное издание, рисунки, с деньгами все можно. И женился. Может, и не такой теперь, только как он у нас бывал, а потом «исчез» и никакого отклика, вот и отец его умер, а не известил. Или человек не переменится и ничем из него не выколотишь, коли зародился таким, с «дурью». Трех я назову: Брюсов, Гумилев и этот Балтрушайтис, воистину, бывали невыносимыми и нельзя возражать, а лишь молчание могло быть ответом, уйти и за дверью плюнуть, такое мое чувство. АР]

№ 4. Федор Августович Степун [Steppun] 22.III.1927

В нем нет ни одной капли русской крови, он и немец, и швед, и голландец, но он себя считает русским, любит Россию; образованный, культурный — «философ», читает лекции в Дрезденском университете. Я думаю, он хороший, но легкий.

[Степун был выслан из России вместе с Бердяевым^а, Ильиным, Осоргиным (<†> 1942), о. Сергием Булгаковым († 1944), Изгоевым (†). Московский философ, философию разводили и на Собачьей площадке, где жил Бердяев, с Гр<игорием> Алекс<еевичем> Рачинским и М<ихаилом> Ос<иповичем> Гершензоном († <1925>), туда же приходил Шестов († 1938) и Гус<тав> Гус<тавович> Шпет, тогда молодой, влетал и Андрей Белый. Степун меня не «признавал» или, как у них говорилось мое было «спорным». Когда я подвожу итоги, думаю, что ведь действительно, за что же признавать меня — ведь я современник Блока и Белого. Когда высказывался Степун, конечно, перед ними были

^а Далее вставлен рисунок Ремизова.

эти два моих спутника. Да и Брюсов, записывая в дневник, «приезжал из Вологды какой-то Ремизов», поминает одновременно свое знакомство с Блоком и поминает Белого и с большим искренним восхищением. Я не знаю, потом — теперь изменил ли Степун обо мне или что-нибудь решил («спорно»), но не думаю, чтобы очень в сравнении Блока и Белого, про которого Разумник-Иванов раз выразился «они крылатые», а я — бескрылый. Все возможно, я не претендую: не загадываю и не решаю загадок — вот и сейчас боюсь найти себе место, и не умею, а так хотелось иногда куда-то спрятаться и отдышаться, ведь не надо забывать всю глубину души СП и я рядом, как бы говорю, со своей мелкостью (по рождению), ведь только любовь СП меня часто незаслуженно красила: как-то с ней и при ней моя душа углублялась, но как только она душой отходила в свое, требуя от меня и глубины и высоты, а ведь я нищий, я засыпал, в буквальном смысле слова. Мудрецы говорили, что засыпающего человека в такие ответственные минуты что-то вызывает туда — это очень проникновенно, только — не дай Бог, толку-то ведь нет никакого, вот если бы я проснулся, да сказал путевое, вот это было бы что-то. А я думаю, просто этот сон самооборона, вроде того, как просить спеть безголосова <так! — Ред.>, как ему защититься, да просто онеметь.

Давно уж я так себя сужу и свою литературу расцениваю, а страшно, когда я узнаю, что такой-то не признает, встречаясь, я сжимаюсь — и так уж мелко, а тут совсем уж комарин выходит. В детстве я хотел выйти из церкви (из теплой церкви, полной свечей) и стать <на> издрогшей паперти с нищими... Я как-то не могу, не умею сказать, что я хочу сказать, но это чувство мое через всю мою жизнь... СП вывела меня из этой паперти, я теперь это понял.

Еще про Степуна. Горький как-то сказал, «когда меня ругают, это подхлестывает», мне хочется «выйти на паперть». АР] ^а

^а Далее вклеен лист с вырезкой (фотопортрет Ремизова) из издания Prager Press (№ 36, 7.IX.1924) и подписью-автографом: «Снимал чех и получилось что-то чешское во мне, не мое. А немец снял бы под немца или точнее: каждый народ выделяет другого под себя, образу и подобию своему».

№ 5. А<лексей> М<ихайлович> Ремизов 10.VI.1926

[СП ничего не написала, а моей рукой в кавычках «персона». А знаете, как оно по-русски звучит: персона — «из 2-а совершенна». Обратите внимание на почерк: самая громкая из всех подпись, но разве я такой уж звучный, нет, именно «персона». АР]

№ 6. Михаил Андреевич
Осоргин (Ильин) † 1942 26.XII.1926

Всегда был публицистом, а в эмиграции сделался писателем-беллетристом, не плохой человек, но ужасно легкий и «бестактный», да еще одно время «донжуанил».

[Воспитание он получил в «Рус<ских> Ведом<остях>». Любил книгу. От того, что был «ужасно легкий», он и писал много. Ведь насильно писать себя не заставишь, а он каждую неделю — статья в «П<оследних> Н<овостях>». То, что считал он в себе оригинальным или было повторение давно известного и в его суждениях, а он ими гордился, просто бывало неловко. Пример из письма Никитину о камне «алатырь», — и до чего это его оборот: «вот вы филологи ищете, а между тем в Тамбовской губ<ернии> есть река Алатырь». Прекрасно, но причем филологи и что решает для слова «алатырь» название реки? До конца жизни он относился ко мне благожелательно, но в этом добром расположении вдруг прорывало и он что-нибудь «ляпал», за него было неловко. Вспоминаю, как он меня обвинял в «литературном засилии» и что мне надо устраниваться — а мне негде было печатать, и никто не хотел меня печатать, ведь я подлинно все эти годы отбывал «бессрочную каторгу». Но если бы, хоть не все, а было бы три Осоргина, не было бы «бессрочной», хоть и оставалась бы каторга, которую я должен был отбыть — такова была «воля Божья» сказал бы какой-нибудь афонский старец Арсений. В нем при всех его добрых качествах не было смирения и критики себя, а это от легкости (поверхностности), он воображал себя большим писателем, и чувствовал какую-то обиду, что не очень на это соглашались, по крайней мере, те, с кем он считался. АР]

**№ 7. Лев Исаакович Шестов
(Шварцман) † 20.XI.1938**

21.IX.1926

«Философ» по мыслям глубокий, много видит и вдаль и очень мало вблизи. В нем много мещанства. Помер. Очень больно, это был друг — в смысле благожелательства.

[Специалист раскладывать, но без малейшей способности и поэзия «соединять». Очень был доволен, что в Революцию С. Н. Булгаков сделал его приват-доцентом несуществующего Симферопольского Университета. Много о себе думал. Меня не гнал, покровительствовал с самого начала. В искусстве письма не разбирался, сужу по его отзывам — был такой несчастный писатель Яновский, писатель на неизвестном языке, и помню, Шестов его очень хвалил за язык. Л. Н. Толстой его называл «портной из Киева», что-то были у него комические и замечательные грустные глаза. АР]

№ 8. Василий Эмильевич Сеземан

20.XII.1926

Профессор в Ковно, умный, образованный человек, очень благородный, несчастливый.

[Он финн, северное молчание, никогда не слышал его говорящим. В Петербурге у А. В. Тырковой бывали собрания — «рецепсионы», бывал и П. Б. Струве и всякие «кадетские» столпы и в это же время к ее сыну Аркадию приходили его товарищи по Тенишевскому: Вл. В. Вальтер, сын скрипача, знаменитый Миша Диксон и Сеземан, он молчаливо сидел в стороне, а те даже шумели. Да, такая порода. Из всего существа его светится кроткое доброе. Его можно легко обмануть, а <ожет> <ыть> он только не покажет вида, а все поймет — да северное молчание.]^a

№ 9. Владимир Иванович Лебедев

27.XII.1926

С<оциал>-р<еволюционер>, настоящий «политик», несправедливый — «ведущий политику».

^a Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: портрет В. И. Лебедева.

[*Политика — его страсть, «ремесло», смелый человек — все это для меня непостижимо. Читает лекции агитаторские и всегда об одном и том же. С уверенностью, без размышления. Но во имя чего? России. А если бы все случилось так, как он желает, что этого было бы России? Этого вопроса нет, в самой глубине есть убеждение, что пожелания его никогда не осуществляются, да и плохо б было это осуществление, ему б тогда делать нечего было. А человек он не плохой, вот только насчет познаний слаб: какие-то слова, общие, и фразы — в этом вся культура. АР*]

№ 10. Марк Львович Слоним

27.XII.1926

Тоже с<оциал>-р<еволюционер> и «политик», но поменьше, очень живой и легкости необычайной, образованный.

[*Племянник критика Айхенвальда, писательская закуска, но так как «политик», то много общих политических мест в его критике, первоисточников не признает, легкий, как сам он, критический словарь без «перспективы», до него ничего не существует. — Иванов-Разумник перед ним король. Кончил университет во Флоренции, д<олжно> б<ыть> юрист, что-то филологического не слышно в его письме. АР*]

Лист 2

№ 11. Константин Васильевич Мочульский

1.XII.1927

Прив<ат> доц<ент> Петерб<ургского> Универ<ситета>. Читает лекции в Сорбонне по истории рус<ской> литературы, образованный, милый, но очень легкий, как-то малозначительный во всем, в последнее время сделался религиозным, но не стал глубже.

[*Ученик испаниста Петрова, романо-германское отделение, писал о средневековых мистериях, работа нескольких лет и почему-то бросил; стал писать рассказы, но вовремя спохватился, и перестал — Версилов, псевдоним. Его книга о Гюголе, о Вл. Соловьеве и о Достоевском. Много знает и на всех языках, но чего-то нет, подбросить бы ему вес, так должно быть, а то все выходит очень просто. Его отец профессор Новороссийского Ун<иверситета>, ученик Алекс<андра> Ник<олаевича> Веселовского,*

написал о Голубиной Книге и еще книга о Библейском в апокрифах (забыл название) добросовестно, но без голоса, так, видно, и сын. А говорит громче, чем рост позволяет, это немного смешно. «Аскет». АР]

**№ 12. Анна Ивановна Лозинская,
мать Г. Л. Лозинского**

12.I.1927

[Весь вечер сидела, как на иголках, она боялась, что я ее опишу в рассказе. Беда, когда западет такая убийственная мысль человеку, которого и описывать нечего — нет ничего, просто Анна Ивановна. Она и еще раз приходила, но уже одна — в 1943 г. к СП: через 16 лет страх прошел, и она сидела свободно и за своими словами не следила. АР]

**№ 13. Григорий Леонидович Лозинский
† 12.V.1941**

12.I.1927

Я его мало знаю. Формалист и сухарь. Читает лекции в Сорбонне.

[Из всех наших знакомых ходил в котелке, в Париже редкость. Ученый — старофранцузский читал тут в Сорбонне. Прив<ат> доц<ент> Петерб<ургского> Университета. Умер как-то безобразно: лечили не от того, схватились, когда было поздно. Он был учителем в здешней русской гимназии: боялись его, как огня. Сухой, голос сухой, а в душе, д<олжно> б<ыть>, не такая сушь, хромал, это тоже сушит. В Петербурге у него брат Михаил, тот несравненно мягче, служил в П<убличной> Биб<лиотеке>. АР]

**№ 14. Алексей Алексеевич Архангельский
† 1941**

1.II.1927

музыкант, старый знакомый А<лексея> М<ихайловича>, когда-то подавал надежду быть хорошим композитором, но не оправдал.

[Я познакомился с ним в школьные годы, он учился в Филармонии. На нем лежала печать «гениальности». В музыке он, кажется, все знал. А вот ничего не вышло. Какое-то малокровие

душевное. Оказался под стать «Летучей мыши» Балиева. Да так там во мыши и погряз. А мечтал он в отдаленное время — начинал тогда Ребриков, из которого тоже ничего не вышло, но, конечно, больше было содержания, чем у А<лексея> А<лексеевича> А<рхангельского>. Это какой-то Осоргин в музыке, недаром они были близки. Он занимался и литературой, писал похабные стихи, потом против большевиков. Он был один из таганских поэтов — соблазненный похабной перед<ел>кой «Горя от ума», он переделывал на похабное самое чистейшее Лермонтова. Всегда приветливый, встречал меня ласково, но странно, у нас появлялся только в свое трудное безденежье, а когда его <так! — Ред.> везло — никогда. Он написал «Пиковую даму», где единственное запоминается «со святыми упокой» — все остальное, всего его беззвучно, да без звука. Я видел его, как он дирижировал. Я не знаю, почему у него были такие движения в палочке, точно вот-вот ударит.

Он пермяк. С ранней молодости лицо его было покрыто коростой, потом залечили, но остались следы лосного зажившего струпа. АР]

**№ 15. Юргис (Юрий) Казимирович
Балтрушайтис † 1944**

24.IV.1927

Поэт. Был очень хорошим человеком, теперь от богатства одрянел. А был добрый и глубокий.

[А какой был хороший человек. Когда приезжал он в Петербург, всегда заходил к нам и СП ему всегда на дорогу черных сахариков узелок. Д<олжно> б<ыть>, с пивом, закусьивал. Молчаливый и твердый, верный, а вот ты и поди — здесь он заглянул однажды за все годы. А знал я его с 1900 какого-то года; в 1902 г. вышел мой перевод у В. М. Саблина Роде: «Гауптман и Ницше», там эпиграф, перевод Балтрушайтиса. АР]

С автографом стихи:

Зачем, Творец, для жизни бреной
Ты дал мне темную межу,
Где двум мирам одновременно
Я, блудный раб, принадлежу — ?
27.II.1927

**№ 16. Сергей Григорьевич
Сватиков † 1939**

2.III.1927

читает лекции в Сорбонне [*cours libres*], ничего себе человек, но большой бахвал.

[Судьба меня соединила со Сватиковым в Госпитале Воен<но>-Медиц<инской> Акад<емии> в 1916 г. в XII на испытании по призыву рат<ного> опол<чения> 2-го разряда. Потом в Революцию он повторял слова Керенского: зачем он не умер раньше. И тут несколько встреч: бахвалы тягостны, заладят о своих пузырьных делах и конца не видно. С самомнением всегда обида: всегда какие-то завистники-враги мешают. Да это и понятно: чем выше, тем больше глаз, а глаза больше не в восторге, а в насмешку и поеху. На самом деле завидовать нечему было, и помер он одинокий, его жена давно уехала от него и живет в Чикаго, Полина Васильевна. АР]

Узнал одну подробность, как помер Сватиков: 3 сент<ября> он потерял свою хлебную карточку, после всяких поисков он вернулся домой и от огорчения с ним сделался удар — и не поднялся [Рассказ Вл<адимира> Льв<овича> Бурцева]. Для меня это удивительная вещь: я тоже потерял свою карточку 13.X., ну, и что же: Боже мой, если бы были такие потери! Огорчения никакого не испытываю, у меня есть сухарики, а не будет, как-нибудь и без хлеба.

№ 17. Борис Петрович Вышеславцев

2.VI.1927

Профессор, очень живой умный человек, но на него нельзя положиться, все путает и забывает.

Спустя 2 года: оказался человеком неблагородным, клеветником.

[Хотя он старше всех нас, его называли «молодой человек». Ничего я не читал, но слышал его: у него какой-то сексуальный оттенок, очень высоко ценит Тэффи, на мой глаз — несет в себе ту пошлость, какой проникнуто все Тэффи. Вертлявый и необычайный «ловит момент». Он был и евразийцем, а в войну потянуло к «Новой Европе». Так вот жизнь и переживает: в профессор<ы> попадал при чистке Л. У. во время Кассо — с этого началось. Вообще, бессовестный, не в смысле Щеголева, это дру-

гое. СП «клеветник» — поссорил нас с Манухиными. Будто я сказал, что такую дрянь издают, как роман Т. И. Манухиной (Таманиной), а мне отказывают. Если вроде этого что и говорил, не все же передавать, а если передавать, то не так: ведь не то, что издавала УМСА этот роман, а то, что, говоря о культуре, мне тычут мою «несамоокупаемость» и отказывают в издании книг — как легенды. АР]

№ 18. Димитрий Николаевич Крачковский 9.XI.1927

Писатель и скрипач. Большой человек. Ему все кажется, что его обкрадывают другие писатели. Очень деликатный и, я думаю, тонкий.

[Приблизительно мы начинали вместе: Зайцев, Андрей Белый, Крашенинников, Петр Кожевников, Крачковский и я: это 1901—1903 г.

Какой повод был для «безумия» Крачковского: он помешался на том, что я и А. Белый его обкрадываем. Очень тяжело с ним было видеться. Один раз он заходил к нам. В Праге его издавали. Ему покровительствовал С. К. Маковский. Но хоть бы выругали его — гробовое молчание. Что за несчастье и за что? Он разговаривал с СП с болью-упреком, изредка посматривая на меня. Говорят, что хороший скрипач и первые годы в эмиграции играл где-то в Греции в кафе. Во Франции он жил в Ницце и там играл на скрипке. АР]^a

Лист 3

№ 19. Константин Андреевич Сомов † 1939 [1869—1939]

Он нарисовал свой портрет. Очень большой художник, умный и образованный человек, теперь в бедности.

«Старинному другу Серафиме Павловне».

[Автопортрет очень хороший. С Сомовым с 1906 года. Умный, увлеклся Э. Т. А. Гофманом. Вид поросячий, если бы не ху-

^a Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: фотография К. А. Сомова.

дожество, в Петербурге был бы регистратором в департаменте. Он жил на даче в Мартышкине. Говорил «по-петербургски», учился в гимназии Мая на В<асильевском> О<строве>. Много читал. С ним можно было говорить обо всем. Как и Мочульский, «аскет». И странно, обычно аскеты кончают религиозностью, а Сомов наоборот. Он был у нас незадолго до смерти и признавался. Он ни во что не играл, от ума не мог играть. Одетый и раздетый, все равно будет Сомов. Одно время в Петербурге Сомов недоступность, а тут, в Париже сошел на нет: свои есть. Последним состоял при нем — после Лукьянова — Бор<ис> Мих<айлович> Снежковский (массажист). Умер на Пасхальной неделе. Пели «Христос воскрес». АР]

Еще скажу: у Сомова хороший был голос — баритон. Не современное, старинные романсы, да это так и подходило к нему. А из современных он любил Чайковского, да, конечно: Сомова, исполняющего Мусоргского, нельзя и представить. В основе его голоса какая-то грусть^а.

№ 20. Димитрий Сергеевич
Мережковский († 1941)

14.IV.1931

Очень известный, все ждет Нобелевскую премию, культурный, образованный, но злой человек. Не дождался, премия дана Бунину.

[Знакомы с 1905 г. Всех и все лает. Не выносит музыку. И вид у него был отвратительный, какой-то зубастый, а голос глухо-ахающий и с «пафосом». Умел читать и мелко подчеркивал: так из подчеркиваний вышли его исторические романы и жизнеописания, хватал, где ни попало без кавычек, т<ак> ч<то> из Мережковского схватить уже невозможно, надо к источникам обращаться. Может, так и пишут «известные» писатели, только так не надо писать — ничего не остается, нет живого голоса. Жизнь прожил в удовольствиях. И семейная жизнь была какая-то порочная «собачья или песья», что вернее? И то, и другое. И памятник ему поставили на могиле нескладный. И была меч-

^а Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: фотография З. Н. Гиттис и Д. С. Мережковского.

та у человека: создать новую церковь (от Иоанна). Нет, новые церкви так не создаются. Вообще высоко мечтал: и Аввакумом и пророком — великим человеком. Все бы хорошо, но материала не хватало: одними только книгами не взлетишь. Я был на похоронах — через силу: после моих бессонных ночей в 8 ч<асов> утра на Рю Дарю. АР]

№ 21. Александр Иванович Куприн
(† 1939)

19.IV.1927

Писатель. Добрый пьяница.

[Я не сказал бы добрый: он играл в добродушие. Затаенно завистливый и мнения о себе величайшего. Очень некультурный, и читал он что-нибудь, не думаю. «Свиная котлета, свинина» это в нем. В Революцию, когда складывался быт безнадежного коммунизма, и дурак понял, что названия ерунда, а надо как-то жить, в это странное время в Петербурге летом был вечер — засветло — в частном доме: участвовали Куприн и я и кто-то играл на рояли. Помню, как я вошел в заставленную мебелью комнату, она служила уборной для артистов, меня сразу же до кишок забеспокоило: свиной дух. Из этой комнаты была дверь в кухню. Куприн сидел за столиком и какой-то с ним распорядитель: распорядитель кланялся и божился, что все будет как сговорено. А Куприн смотрел исподлобья с явным недоверием: он согласился читать, как потом оказалось, за порцию (миску) вареной свинины — по тем временам только Зиновьеву доступно. Я читал, как полагается, первый, а за мной музыка. После чтения я застал редкую сцену из съедобной комедии: Куприн над дымящейся миской свинины — не доверяя, он свинину вперед. И вот, зажмурившись, ел. После музыки он поднялся от порожней миски читать свой рассказ о Богородице.

Слава его была раздута: на «Поединок» взглянули, как на обличительное слово. И пошли превозносить повесть: тут попало и языку, которого не превзойдешь, и «анализу», с Толстым сравнивали. Аничка-Аробожин-Адрианов^a чесали языком кто во что,

^a Литературная игра Ремизова с фамилиями «Аничков» и «Араб-жин».

славя тонкости и глубину творчества Куприна. В последние годы в Париже дважды видел, но он едва ли меня различал, хотя и разговаривали о Крылове, о комедиях Крылова, о которых что-то когда<-то> слышал Куприн. Он уже едва передвигался. Таким и повезли его в Россию умирать, нет, умереть. АР]

№ 22. Георгий Гаврилович Шклявер

8.V.1927

хочет быть дипломатом, образованный, ученый, очень верный человек [Рериху].

[Меня поразила его необычайная легкость в эту войну. Очень уж, чересчур, патриотические чувства выказывал, Иванов-Разумник (10 лет провел в тюрьмах и кое-что рассказал, напечатано в довольно-таки неопрятной русской газете) — этот Иванов-Разумник «предатель», а между тем, сам Георгий Гаврилович стал французом, отошел от России бесповоротно. Уж лучше бы помалкивать. Отрекаться от родины не очень-то знатно. Да, лучше уж не искать «предателей». Это меня очень от него отвело: его верность Рериху, а это все равно какой-такой Рерих («персонаж комический»), нас удивила, как редкость среди измены, предательства. АР]

№ 23. Антоний Павлович Воротников

† 1930

23.V.1928

[Известный переводчик. В театральном мире все его знают: пьесы переводил. Написал не ученое, а вроде рассказа об Анне Ярославне. Приятель М. А. Кузмина. Также «аскет», бабовидный, совсем не злой и не хитрый, чувствительный и жизнерадостный и почему-то перешел в католичество. В каком-то театре, в Петербурге был вечер, устраивал Ал<ександр> Степ<анович> Рославлев и я выступал с А<нтонием> П<авловичем>. Что-то не вышло, или вышло неожиданно: полиция не была извещена, Рославлев напился в тот день и забыл. Пристав и велел опустить занавес на полуслове. Я-то что-то успел прочитать, а А<нтоний> П<авлович> только рот разинул — его выход — и улыбнулся. Добрый человек. АР]

№ 24. Сергей Порфирьевич Постников 28.VI.1927

с<оциал>-р<еволюционер>, добрый и очень красивый человек.

[Архангельский семинарист, в детстве пел альтом — исполатчик. Черный, благообразный, таких рисуют русских царевичей и святых князей. Секретарь «Заветов». Потом с Черновым «Дело народа», а в Праге от литературы отошел. Да, д<олжно> <быть>, не его это призвание, а секретарь был хороший при Иванове-Разумнике, которому остался верен и до теперешних дней. Кроме приятного ничего не могу вспомнить. Да, наш душеприказчик: его подпись под нашим духовным завещанием, обращенном к Наташе. АР]

№ 25. Владимир Васильевич Диксон († 1929) 3.XI.1927

Был создан Богом прекрасным, но без воли; женился на «американке» — по ее настоянию, был очень несчастным; и погиб; от сожительства с «американкой» стал хуже, чем был, но к свету еще тянулся. Думаю, он умер, чтобы не умереть духом окончательно, не было воли освободиться.

[О Диксоне кн. I, 1 (1934), IV (1928, № 1, 7, 11 [1925], 12, 15, IX, 1930 № 1, 2, 5, X.2 (1933), 1926, 3]^a

№ 26. Николай Константинович Мукалов 8.V.1927

Очень смелый — «герой».

[О нем в «Северных Афинах». Жив ли он? АР]

№ 27. Владимир Михайлович Зензинов 28.V.1927

с<оциал>-р<еволюционер>, писатель, твердый и умный человек, но полный «позитивист».

^a Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: портрет-карикатура на В. М. Зензинова.

[Это большое счастье в смысле душевных удобств, когда ро­дится человек с малым полем духовных потребностей: мир и жизнь так просты и ясны; я иногда думаю, судя по Зензинове, его воля так крепка именно из-за этой природной ограниченно­сти. Он настоящий «революционер», как остался жив, неиспо­ведимо, такие не дрогнут. А сколько опасностей прошел он! У него есть чутье к природе — его Сибирские рассказы, где с та­кой любовью о собаке. В чайных разговорах добродушный, чуть суховатый, но никогда не подумаешь, слушая его, о его непреклон­ности и твердости. Такие люди и находчивые, не растеряются. Я не то, что завидую, а как бы хотел не «растериваться»: ведь, растерянный вроде дурака, с которого требовать нельзя. Я ча­сто говорю про людей «дурак», а сколько раз попадал в такое по­ложение — в «дурацкое» и все из-за моей растерянности. Что еще сказать о нем? В его ограниченном круге что же его побуж­дает или побуждало к «революции» — да вот «человечность» д<олжно> б<ыть> с ее неременным «заступиться» и возму­щением перед «несправедливостью», такое было у Короленки. Но чего нет у таких людей? Что-нибудь одумать <так! — Ред.> до конца они никогда не могут — очень ограничен глаз. Еще при­бавлю: «рыцарь», как показала его жизнь, я говорю о его предан­ности к Ам<алии> Ос<иповне> Фондаминской. АР]

**№ 28. Мстислав Валерьянович
Добужинский**

10.VIII.1927

Художник, это его автопортрет.

[В юности моей я встретил однажды щеголеватого студен­та, Виктор Степурский, запомнил, и когда встретил в Петер­бурге в 1906 г. Добужинского, оказалось, что этот Степурский его двоюродный брат, ясно: польско-литовское. И только потом уж тут в Париже я узнал, что М<стислав> В<алерианович> Д<обужинский> внук по матери Софийского протопресвите­ра (Новгород) и все его детство прошло в Новгороде под сенью Св. Софии Премудрости Божией (8 сент<ября> празднуют) и что все церковные службы знает с детства. Ну, в голову не пришло б! Художник в кругу А. Н. Бенуа, «Мир искусства», се­мейный, чиновник Мин<истерства> путей сообщения с переня­тым от Сомова петербургским наречием и со словарем А. Н. Бе-

нуа. Для обоих нас памятно «Бесовское действо»: М<стислав> В<алерианович> Д<обужинский> впервые выступал как декоратор. Так он график. Потом он делал обложки для моих книг: «Пруд», «Чертов лог», «Лимонарь» и «Морщинку» сказку иллюстрировал. Знаю от него, что он написал «мемуары». Одно боюсь, у него нет страсти к писанию и от того что-то он не захватывает, сужу по его статье о Рисунках Пушкина. Или просто, есть и охота, но нет дара выражаться. Я не думаю, чтобы глубоко проникало в его душу, его душа ладная и добрая, и не потому, что он был добрый, а именно потому что ладный. Так и ум его и наблюдения, он кожи не сдерет, а только легко оцарапает. Удел его — безмятежность. Хороший человек. АР]

Лист 4

№ 29. Александр Федорович Керенский 2.XI.1927

с<оциал>-р<еволюционер>, был главою временного правительства, познакомились теперь: очень, очень хороший, настоящий «интеллигент».

[(Какая выпала доля: возглавлять Россию!)

За ним придет Ленин. С<оциал>-д<емократы> победят с<оциал>-р<еволюционеров>, «интеллигентов» с широтой, со «слезой», с жертвенностью и песнями, но людьми мало практичными, больше мечтателями. Речи Керенского! Ну, какой государственный человек может такое произносить публично, это знаменитое «зачем я не умер», повторяемое потом Сватиковыми. А про это говорится: «раскрыл душу» и «душа нараспашку». Ведь и Минин с «жертвою жен» о подробностях не говорил, ну, скажем, как «таксировать» жен. В России К<еренский> «утопал во славе», а тут в Париже мне его было жалко: без деятельности или с воображаемой, он скучал. За столом я смотрел на него и думал: сколько глаз на него смотрело! И как! А передо мной не выпавшийся, с заплывшими глазами, он поминутно рукой вытирал лоб (проводил рукой по лбу), хотел ли проснуться — очнуться — нет, все не Москва, не Петербург, а Париж, цветами не закидают. Незадолго до катастрофы 14 июля 1940 он «забежал» проститься. Увидимся ли, не знаю. С<ерафиму> П<авловн>у он уже не застанет. АР]

**№ 30. Зинаида Николаевна Гиппиус
(Мережковская)**

IV.1931

Поэтесса хорошая и беллетристка плохая и публицистка интересная. Я ее когда-то очень любила, потом с нею ссорилась. Она умна и очень бывает очаровательна, но бывает и зла очень. Она меня любила (может, и любит) за самое главное, зная меня в самом главном. Таковую любовь я ценю, это не то, что «Птицы» любят, не имея представления о сущности, или за внешнее, или сами создают по своей мерке, и не верно то, что создают. Я ей, З<инаиде> Н<иколаевне> Г<иппиус>, в главном и теперь верю, и остатки любви есть.

[Для меня остается загадкой. Или то, что в то время — 1905 г. — единственная З<инаида> Н<иколаевна> посмотрела внимательно, а главное заметила существо СП. И СП покорила. И она поверила в З<инаиду> Н<иколаевну>. Я не знаю, в чем главное З<инаиды> Н<иколаевны>, только одно знаю, что это не от существа СП. Ведь более противоположных трудно представить: З<инаида> Н<иколаевна> вся изломанная, вся деланная, вся фальшивая и какая-то порочная, и СП с ее чистейшим существом и правдивостью.

З<инаида> Н<иколаевна> очень и своей «прозой» гордится, только, кажется, сочувствия не находит: ее рассказы и повести очень поверхностные.

Между прочим: одна из причин, почему всегда против меня: З<инаида> Н<иколаевна> думала, что «Оля» попадет в ее руки, она напишет.

А ссорилась СП потому, что создала себе З<инаиду> Н<иколаевну> по-своему, поверив в общее «главное», и стала от нее требовать, как от себя бы требовала. АР]

О «Птицах» кн. I IX 1931, № 7 хорошо сказано: «знают внешнее, и что я, напр<имер>, люблю огурцы, сад».

№ 31. Иван Иванович Манухин

7.XII.1927

Известный доктор [*сумасшедший*] не злой, не добрый, себя не забудет ни из-за кого и ни из-за чего, грубый человек, само-дур.

[Ив<ан> Ив<анович> помешался на «освещении». Он нашел универсальное средство лечить все болезни, освещая селезёнку, кому-то это помогло, кому-то не помогло, но это все равно втемяшилось в голову и безвылазно: освещение всемогуще. М<ожет> б<ыть>, и всемогуще, да и не одно освещение, но надо знать, как управляется, а знать это, конечно, нельзя, есть только опыты, тем более что болезни индивидуальны и общих средств не может быть.

Как все одержимые, Ив<ан> Ив<анович> не отличается терпимостью, а вообще счастливый человек. Грубость непроходимая. И ни с кем не может дружить, непременно сорвется. Религиозный — он и Бога, д<олжно> б<ыть>, представляет себе вроде своего освещения. Все-таки счастливый человек. Я когда-то еще видел, теперь мне это недоступно, я в церкви подсмотрел: конечно, у него есть обида — вот он такой, но где же кругосветное признание? Но — и делает большой крест — оно придет. В Революцию в Петербурге он был первый доктор, лечил и Горького, а раньше был у Терещенок главным. Как он перешел к религии здесь, я не знаю: о каком-то чуде, с ним бывшем, он рассказывал. (Пример грубости: выходят из церкви после всяких братских поцелуев, проливной дождик, М<анухин>ы садятся в автомобиль, а СП, простившись, идет пешком до метро. А было бы подвезти или довезти — не так далеко). Однажды у нас не было денег, не хватало 300 фр<анков>. Надо платить завтра, Ив<ан> Ив<анович> дал мне, но, оказалось, что платеж отлагается, и тогда он потребовал назад деньги, именно потребовал. АР]

№ 32. Татьяна Ивановна Манухина

7.XII.1927

Жена доктора, совсем не умная и не совестливая «барыня» с большим самомнением, без основания, вообразила себя писательницей и в 45 лет написала бездарный роман (псевдоним Таманин).

[Роман, как и большинство романов. Здешнее производство, состоит из «общих мест», возразить нечего, ну, ничего. Да, умом не блещет, говорит с натуги, я ее помню в Петербурге во «Всемирной литературе», встречал, какими-то пользовалась она преимуществами, покровительствовал Горький: конечно, жизнь

нашу и нам подобных они не представляли себе, да и тут. У меня такие люди вызывают жалость, хотя, подумав, они себя несчастными не считают, на «рассуждение» им не дано, отсюда и писательство здорово-живешь, вообще благополучие. На меня в большой обиде через Вышеславцева, который что-то перedal, да еще подмазал — это все насчет ее писательства. АР]

№ 33. Иван Альбертович Пуни

24.XII.1927

Художник, из школы Пикассо, он по существу сурьезный <так! — Ред.>, но, находясь в пустой среде, как-то себя зря рас-точает.

[Теперь итог: своего он не выдумает, его картины, но это все уже знакомое, сначала «беспредметность», потом «революция», потом. Это как стихи, о которых, прочитав, не вспомнишь. Его дед Пуни, автор музыки, «Конька-горбунка»]

№ 34. Ксения Леонидовна Пуни-Богуславская

24.XII.1927

«Художница», добрая, но не верная, [может забыть без остатка, а при встрече обрадуется, «художница» вроде меня. АР]

№ 35. Пекельный

24.XII.1927

Художник, его привел Пуни, не знаю его, впечатление — незначительный.

[Только фамилия «Пекельный», а будь Иванов, ну, просто, как и не было бы вовсе человека. АР]

№ 36. Ольгерд Витовтович Мошанский
(А. Mošinskis)

4.XII.1928

Был здесь студентом, очень серьезный, крепкий, настоящий.

[Литовец, что-то общее с Балтрушайтисом, не с Добужинским. Мог выйти из него деловой человек. АР]

№ 37. Наталья Александровна Набокова
 (ур<ожденная> Шаховская) **23.II.1928**

Прошла «огонь и воду и медные трубы», не важная, но не мешающая.

[*Фифирка, приятная, они разошлись, да не мудрено: если она «через огонь и воду», так и он тоже — «аскет», по Мочульскому. АР*]

№ 38. Николай Димитриевич Набоков **23.II.1928**

Композитор, очень грубый и неверный, карьерист.

[*Одну музыку его слышал: «Оду» Ломоносова. Воображение — с куриный носок; «ода» идет минут 20, а показалась за час: одно и то же и ведь не слышит, что дубасит на одной ноте. Нет, из него ничего не выйдет. АР*]

№ 39. Илья Николаевич
Голенищев-Кутузов **14.IV.1931**

«Поэт» и «критик», сравнительно культурный, карьерист I-ой степени.

[*Кем только не был: и антропософ, и масон, и младоросс. Кончил в Белграде, там он и преподавал русский. И попал в войну, какая судьба, не знаю. АР*]

№ 40. Сергей Сергеевич Прокофьев († 1942)

большой композитор, его не знаю.

[*Да, этот настоящий. В начале своей славы и до Революции, и в Революцию бывал у нас, играл свое. И разговаривал больше о искусстве, а не о жизни, и я не знаю, как он о чем думал, а так в жизни, несмотря на отвлеченность, ловкий человек и очень даже, поехал в Россию, вернулся в Париж и опять поехал, да ведь единственный добившийся такого права «разгуливать» иностранцем. АР*]

Л<ист> 5

№ 41. Николай Александрович Бердяев 4.1.1928

«философ», очень благородный и искренний человек, но легкий.

[От этой легкости и легковерие: начинившись всякими пересудами за эти годы, он прислал мне письмо после смерти СП: «несмотря на политические разногласия...» Г<осподи> Б<оже> мой, я вообще никогда не был политиком, а эти годы — годы страды, какая уж там политика! О нем в «Северных Афинах». АР]

№ 42. Николай Карлович Кульман († 1940) 7.1.1928

Профессор, хитрый.

[«Профессор» не азовый, учебный, но не ученый. Ученых на пересчет. Не то Педагогический, не то Раевский. «Карлович», но это не от немецкого, а от финляндской «вейки», хотя сонного в нем, ни Вейдле, ни Сеземана не чувствовалось. В войну «Адриашка» (проф<ессор> Адрианов) его переименовал в «Карпочи». Хитрость свою наострил на придворной карьере — давал уроки Олегу Константиновичу, который писал что-то детское о Пушкине. Очень хорошо говорил, выговор, но насколько он знал рус<ский> язык, не знаю. Тут был при Сорбонне и возглавлял русских заблудных «профессоров». АР]

№ 43. Наталья Ивановна Кульман (Лихарева-Бокий) 7.1.1928

Я ее давно знаю, с нею на курсах училась, она ничего — но не горячая и не холодная — такую была, такую и осталась... большое самомнение, не добрая.

[На «Бесср<очной> каторге» очень характерная, жили они хорошо материально, обеспеченные, но она всегда говорила, как «она дает уроки», как «зарабатывает» — на «эмигрантском положении», холодная до жестокости, ее брат Глеб, правая рука Дзержинского, мудровал на<д> бабами по Волге, мужья раз-

бежались, так за неимением на ком сорвать свое «социалистическое» ледяное сердце, жестокая о нем память. Вот и сестра — ледяное сердце. Ученица Гревса, но какой толк, неизвестно. АР]^a

**№ 44. Рахиль Григорьевна Осоргина
(Макеева)**

18.V.1932

Бывшая Осоргина, очень-очень добрая, но совершенно незначительная.

[Когда Осоргин ее покинул, «выбрав» фитюльку (Бакунину), она приютила в своей квартире Макеева, но будь это и Немакеев, все равно, кто-то ее утешил. Добрый человек, и никогда не слышал от нее злого, только, СП права, так все бесцветно, ну как ничего. АР]

**№ 45. Иван Андреевич Шкотт
(Болдырев) † 19.V.1932**

14.II.1928

Начал писать, очень умный и способный, но не стал продолжать из обиды. Конечно, здесь отношение дикое, позитивист, только очень чувствительный. Спустя четыре года Шкотт умер: отравился вероналом.

[Автор «Мальчики и девочки». Описывает Моск<овскую> 4 гимназию, мне так памятную, там, м<ожет> б<ыть>, учились два брата Саниных. Крепкий, упорный. Англичанин. А отравился — оглох, стал слепнуть. Незалеченный сифилис, сидел в тюрьме, когда надо было лечиться. Сначала я как-то его не принял, оттолкнула его какая-то щегольская дурного тона повадка, а потом разговорился и понял. Влияние Леонида Андреева. А сны от сифилиса. Что было делать человеку без ушей и глаз? АР]

№ 46. Oton Juranič Жупанич

18.VII.1928

Словенский поэт.

[Кажется, написал книгу, называется «Черная ночь». АР]

^a Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: фотोगрафия С. В. Рахманинова.

№ 47. Сергей Васильевич Рахманинов

† 29.III.1943

9.X.1929

Композитор средний и очень хороший пианист, в меру добрый, если сделал человеку что-нибудь, и тот погибает, то не поможет, потому что уже раз помог (на моем языке — жестокий).

[Расчетливость в помощи у Рахманинова классическая, помогать не добродетель, а расчет. И первое: слава. Дело не в том, кому помогаешь, а во мне помогающем. Весь мир кричит: какой благотворитель: скольким помог! Но помог ли до конца кому-нибудь, не думаю. В Париже устраивал концерты с отчислением сбора в пользу русских... да ведь иначе и сборов таких не сделал.

Конечно, талантливее Набокова, но несравненно ниже Прокофьева. А запомнился он мне еще с Москвы: ученик Чайковского. АР]

№ 48. Федор Евдокимович Махин
(полковник)

15.I.1931

С<оциал>-р<еволюционер> и старообрядец; очень славный, подлинный.

[«Редактор» «Русского Архива» в Белграде, в «просвещении» служить бы ему в конторе, но как-то без всякого мнения, писать при таком редакторе вольготно. Раз Рождество вместе встречали, возвращались из церкви к Etoile пешком, а какое было освещение в Париже, но в движении какая-то пустота, дутые дела, ой, жить не хочется, если принять такую жизнь, со скуки задохнешься: подстроено, подделано, надуто, поест и захрапеть. Какая разница со скотом, вот почему, как скот, бросился бежать <-> Париж в июне 1940 г. Да «пусто место!» АР]

№ 49. Надежда Даниловна Городецкая

15.I.1931

«Писательница», незначительная, очень милая, славная, но легкая и неразборчивая.

[Люди вообще мало видят и мало слышат, да еще, как я, мелкая душа. Раскапывать жизнь до основания. Это хорошо

Толстому. Но вот такому среднему, при всех моих желаниях и опытах не физиологических, а в жизни сновидений и предсонья, какой жалкий итог. Но почему-то какой-то позыв рассказать о жизни, а рассказывать-то не<че>го, так и Городецкая тоже «писательница»; что-то ее толкнуло в богословие и она в войну в Англии, только ничего из этого не выйдет, разве одно: надо же как-то жить, одни играют в карты, другие <в> богословие, третьи политикой — так понемножку и ухнешься в яму без печали и вздыхания. Да, жутко — и это судьба человека, мошек, толкачиков — один конец, одна голая правда, вались в яму или, по-египетски, под землю. Какой ледяной холод, а не мерзнешь и все меньше и меньше этого, что болит, а потом и кости рассыпятся и один пепел и уж не разберешь, где земля, где ты. «Вечная память!». АР]

№ 50. Павел Иванович Попич

26.V.1930

Сербский профессор, археолог.

[Не знаю как ученого, а у нас был, покупал ему Порто, видно, жадный человек, мог бы помочь по изданию, но ничего не сделал: зачем? Какая для меня корысть? АР]

№ 51. Степан Григорьевич Янич

26.V.1930

Учитель сербского, необыкновенный ленивый, но добрый, очень скучный.

[Хотя в нем много турецкого, но лень — сербская. При всем желании ничего нельзя сделать. Его жена Марья Николаевна, урож<денная>, «балерина», мученица, тоньше трудно представить, помёрла <sic!>. Добрый человек. АР]

Лист 6

№ 52. Николай Авдеевич Оцуп

20.I.1931

«Поэт» средний, очень энергичный и независимый.

[С Оцупами связаны у нас какие-то события: еще в Петербурге на Литейном угол. фотография Оцупа, это память.

А здесь СП упала около трамвая (не успела войти, как тронулся) и ее поднял Оцуп-Раевский, в Берлине в первое время СП запуталась в Ундергрунде, какой-то, а это был Александр Оцуп, показал ей дорогу. И когда я поднялся из-под автомобиля, мне показалось, прошел Оцуп. Чем-то связаны. АР]

№ 53. Нина Николаевна Берберова
(за Ходасевичем, потом за
Макеевым)

18.XI.1932 Булонь

Писательница незначительная, карьеристка, локтями проталкивается, совсем не самостоятельная в суждениях.

[Хороший голос. Единственный человек, кого можно слушать. Очень ловкая в делах. И этот Ходасевич, и Макеев для устройства дел.]

№ 54. Владимир Сергеевич Варшавский

20.I.1931

«Молодой» писатель... но безвольный.

[Какой-то косноязычный, могло бы из него выйти, но что-то останавливает, д<олжно> б<ыть> лень. У него есть дядя, но ухватками «практичный», а на самом деле только в воображении: однажды таскал меня в Мейдон, устроил дневное чтение с Сашей Черным, такой был писатель, я читал при пустом зале. Дядя забыл, что нужна была какая-то реклама осведомительная, а он понадеялся на имена — да откуда кто знал, может, и пришли бы. И племянник не без странностей, помню его рассказ, как у него (по чувству) подошва отваливается, хотя ботинки крепкие. АР]^a

№ 55. Борис Юлианович Поплавский
(† 1934)

23.II.1931

Очень способный, очень путанный. Отравился случайно героином.

a Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: фотография Бориса Поплавского в черной траурной рамке.

[Поплавский для эмиграции то же, что Коневской для символов, Дм<итрий> Веневитинов для пушкинского окружения, и Петров для Карамзина, для 30-х годов Станкевич, для Жуков<ского> Андр<ей> Тургенев. Продукт здешний, парижский, из сюрреалистов, образы совсем не от русского неба, и всякие повадки здешних, он занимался и кабалистикой, соблазненный Нервалем. Талантливый, единственный из всех «молодых» здешних, теперь бы ему было лет 50. С душой, с чувством, с сердцем, с умом, с глазом и слуху довольно. АР]

№ 56. Борис Константинович Зайцев 5.XI.1931

Хороший [ладный] человек, имеющий совесть.

[Зайцев выступил на год раньше меня в 1901 г. В том же «Курьере» у Леонида Андреева. Но к Брюсову в «С<еверные> Цв<еты>» не попал, и дорога его Андреевская, к которой присоединились Бунин, Шмелев. Интересуется религиозными явлениями, написал о Преподобном Сергии. Не глубокий, живописный, но не отчетливый в слове — слышен не очень. С Верой Алексеев<ной>, урожденной Орешниковой, наше знакомство с детства и дом по соседству, весною черемуха.]

**№ 57. Кн<язь> Андрей Владимирович
Оболенский** 6.XI.1931

Простой человек. [«Простой» в старинном русском значении.] Раньше был лучше.

[Лицо Ивана Грозного, но никакого огня. Какой-то не придельный, хотя многое может в хозяйстве, по технической части пошел бы, но до инженера не достиг бы. АР]

№ 58. Борис Алекин
(фамилия немецкая забыл) († 1941) 6.XI.1931

Актер, очень талантливый, с чудесным голосом.

[Сделал надпись: «Я человек невоенный...», а вот убит (ранен) в войну 1941. Нежный, куда поёр в добровольцы, действительно, какой уж солдат! Жалко. АР]

№ 59. Владимир Васильевич Вейдле 24.IV.1932

Историк по искусству, человек с очень большим лицом в прямом смысле, кажется, довольно средний.

[Называет себя «швабом», а на самом деле из «веек». Скучный, как Сеземан, ученый, но бледность и самые ученые слова сводит на «простецкия». Ничего нельзя за ним повторить. Трудится, но впустую. АР]

**№ 60. Юрий Владимирович Мандельштам
† 1943 22.V.1932**

«Поэт» незначительный.

[Когда смеется, морщит нос и получается la vache qui rit. Двоюродный брат Осипа. Женат был на дочери Стравинских. В оккупации попал в еврейское заточение, и там помер. Он был хороший, не злой, во всяком случае. АР]

**№ 61. Давид Моисеевич Кнут
[забыт по-настоящему] V.1932**

Талантливый поэт.

[От других отличается еврейской печалью и это трогает. Из Кишинева. АР]

№ 62. Юрий Борисович Бек-Софиев 22.V.1932

Его стихи мне понравились, думаю, что он хороший.

[Женат на Ирине Кнорринг († 1942). Принадлежал к «Северным богатырям», на работах в Германии. Ничего не помню. АР]

№ 63. Анатолий Васильевич Алферов 18.XI.1932

Начинающий писатель, способный, очень хороший, но сплетник; через 3 года, опустился, пропадает в духовном смысле.

[Талантливый. Не различает, о чем пишет, но это поправимо. Да вот только ничего не вышло, как, почему, не знаю. АР]

[Его почерк, как у А<ндрея> Оболенского какой<-то> не «интеллигентный»]

№ 64. Петр Маркович Костанов

6.XI.1931

Учитель музыки и хорошо знающий музыку, очень славный, добрый и хороший человек, только постоянно надо «извлекать корни» из того, что он говорит: «мифотворец».

[Если бы он был писатель, он был бы настоящий. «сочинитель». Я люблю с ним разговаривать «фантазировать». Очень нежный человек, это не я, дар Божий. АР]

№ 65. Альфред Альфредович Сван

14.IX.1932

Музыкальный критик. (Приложены ноты)

[Одно время и он и она относились к нам внимательно и заботливо, потом вдруг почему-то бросили. Так и не узнаешь. АР]

Лист 7

**№ 66. Ариадна Владимировна
Тыркова-Вильямс**

14.X.1931

Литературная и политическая дама-писательница, средняя, добрая и умная, но поразительно легкая.

Из Пушкина:

Пылких душ неосторожность

Самолюбивую ничтожность

Иль оскорбляет иль смешит...

Что ум, любя простор, теснит.

[Розанов говорил про А<риадну> В<ладимировну>: «ну, поехала на Вергезу, баб подымать!» При Керенском был женский батальон. 17 октября 1917 г. баб разоружили и пошел по городу слух, что красноармейцы их изнасиловали. А<риадна> В<ладимировна> поехала в казармы. Недолго там пробыла, вернулась. «Ну, что, спрашивают, как пострадавшие?» — «Счастливы».

А<риадне> В<ладимировне> как-то неловко говорить, ведь она ждала «протеста». Ее исследование о Пушкине непременно прочту. Живой человек, но в разговоре, по крайней мере, последнее время, перескакивает: не может задержать мысли. Мне всегда казалось, что у нее насморк. Марфа Посадница, вот откуда у нее ее «тылкая душа». АР]

№ 67. Игорь Васильевич Северянин
(Лотарев) † 1939

1.II.1931

Поэт с большими способностями и с большой «пошлостью», есть хорошие стихи, и он их хорошо читает.

[Он взял патентованной пошлостью, он собрал из шикарных мещанских домов Петербурга, (в прозе это сделал Алферов — выражаясь парижским эмигрантским жаргоном в своей повести «Дурачье»), и великолепнейшим голосом (баритоном). Видный он пел стихи (А<ндрей> Белый «пищал») на избитый, но всегда трогательный мотив. Блок еще заметил движение, от которого млели, это как-то животом высовываясь. В Париже мы встретили полинявшего, уже не певца стихов, и по-умному, что ему не к лицу. И только память о прежнем. Заразительные (я говорю о прошлом) стихи: я понимаю, как ему хотелось подражать: что «выработал» Брюсов (бездушный, бессердечный, но с стихотворным зудом, стихи взял умом), а Сологуб (тоже не 1-ой величины) — помню строчку: «как это было интимно». И<горь> С<еверянин> спустил поэзию к жизни, к обыденному, да пошлому, но к жизни, — и в этом его заслуга и значение. АР]

Лист 8

№ 68. Александр Николаевич Бенуа

17.XI.1931

Историк искусства, художник, умный и образованный, с хорошим «вкусом» и вдруг стал писать рассказы (из воспоминаний) «безвкусные» и бездарные.

[Большой Лис, из всей «аскетической» братии единственный нормальный и есть дети. Художник никакой: рисует Версаль, рисованный другими и лучше, и памятнее. Его дело книжное —

история. Специально не занимался, но читал, участь, хотя зря при моей беспамятности. В жизни пробивался: ладил с «Речью», потом с большевиками, а здесь «Послед<ние> Новости», а в оккупацию у Жеребкова, правда, некролог о Фокине, но все-таки и с некрологом из «П<оследни>х-то Новостей» — путь тесный. Куда теперь, не удивлюсь, если услышу, что А. Н. Бенуа записался в «Союз русских патриотов». (Слова совсем ведь огадят, ну, такая судьба!) АР]

№ 69. Анна Карловна Бенуа

17.XI.1931

Жена А<лександра> Н<иколаевича>. Тихая, семейная, не суется и никогда не встревалась в разговоры показать себя. Мы бывали на собрании у Бенуа в Петербурге.

**№ 70. Иеромонах [Архимандрит] Иоанн
(Кн<язь> Дим<итрий> Алексеевич
Шаховской)**

XI.1931

Надпись: «Имейте в себе соль» (Слово Божие)

[Для меня загадка, почему он пошел в монахи. Мне представляется это решение очень трудным. Его очень огорчали, но это еще не причина. И «аскетом» был, тоже, мало ли «аскетов», вот и Мочульский стал религиозным, да только что из того и, небось, в монахи не запишется. АР]

У СП в дневнике Кн<ига> I, <раздел. — Ред.> VIII, 1926 № 6

№ 71. Владимир Давидович Аитов

15.VII.1932

Доктор. Нас лечит даром, вообще добрый человек.

[Знакомы с 1924 г. Приехал на Chardon Lagache, теперь там турки живут. Беда его в болтливости — я приноровился, и когда, бывало, разговор о болезни, стараюсь слова не вставить. Бывали случаи, проговорив с час, уезжал, не осмотрев. В последние дни был арестован, говорят, увезли в Германию. Судьба его сы-

на — Серезжи: пропал, вот и он тоже: ведь точно неизвестно, где он, а его и весь «резистанс» в болтливости, вина не виноватая, а должен расплачиваться. АР]

**№ 72. Евгений Васильевич (Иванович,
явная описка — Н<аталья> Р<езникова>)^а
Замятин † 1937**

Писатель хороший, умный и очень хитрый человек, без песни в душе.

[Помню Розанов говорил, почему его не трогает, что они читают, «надуманно» (в хорошем смысле), а не поется. Вот этого не было у Е<вгения> И<вановича>: складно, ладно, а не поется. А «хитрина» его ему изменяла: отдал в чистку штаны, такие в Париже были чистилища, в другой комнате посиди без штанов ½-а, и вынут, как от портного, новые — вычищенные: уж сидя без штанов хватился, что в штанах защиты деньги, а было уж поздно: получил штаны, ну новенькие, а про деньги забудь — счистили. В нем было много провинциализма: его монокль, когда он попадал за кулисы, вообще его «балет». А жаль, настоящий писатель. Потом, эта знаменитая цитата из Фомы Аквинского, у него и у Троицкого, но ни он, ни Троицкий Фому не силили <так! — Ред.>. Не помню, как это, но все в щегольстве: вот, мол, вам Фома, не слышали, послушайте, прямо в бровь! А читал он вроде Шмелева, представлялся. На нежных трогательных местах было очень смешно. АР]

№ 73. Николай Васильевич Макеев 18.V.1932

Любитель-художник, легкомысленный и неблагородный, муж б<ывшей> жены Осоргина. Через 3 года: теперь уже он — муж Берберовой.

[По душе он добрый человек, русское любит, из старообрядческой семьи, но его воздушность, это порок, отсюда и все, поверить нельзя. С<оциал>-р<еволюционер>. АР]

^а В скобках уточнение рукой Н. В. Резниковой.

№ 74. Николай Васильевич Зарецкий**25.IX.1927**

Автопортрет с подписью:

«Я в этой дружине всего пробыл четыре месяца, а теперь четвертый год, как не могу попасть на путь истинный». А. Грибоедов.

Из письма к Бегичеву 4 сент<ября> 1817 г.

Хороший художник, культурный и очень верный человек — редкость.

[Гусар. При эвакуации из Екатериносла<вля> что ли в 1919 г. он «бежал», захватив свой фарфор — больше ничего в руках не было. И ударило его в зад пушкой. Фарфор уцелел, кое-что разве кокнулось, а сам онегодился: оторвало, как срезало или говоря прямо: безболезненно оскопило. У него и вид стал бабий и очень чувствительное воображение туда, где осталось одно воспоминание. Любит книгу. Ему бы написать какое-нибудь исследование, вышла бы хорошая книга. Развернуться негде: какой бы полезный был сотрудник журнала, а не удалось нигде поместить, так много его затей (литературных) пропало. Вернейший человек. АР]

№ 75. Константин Викентьевич Дыдышко

† 1932

1929

Автопортрет с подписью: «Серафиме Павловне Довгелло-Ремизовой памяти Карповского переулка в Санкт-Петербурге. К. Дыдышко. Тунис 1925.

Художник, сошел с ума и умер в 1932 г.

[Знакомство с Петербурга через Вл. Н. Гордина. У него были цвета и цветы с черной земли. Что с ним случилось, не знаю. Он мне подарил картину: Христос на крыше, собственно, себя изобразил. В Берлине пошел за ausweiss'ом в главную полицию и от волнения у него «запал язык», потом восстановилось. Добродушный, нежный. Последняя надежда — Тунис. Но там он умер. Мне жалко таких, незлобивый, кроткий. АР]

№ 76. Евгений Васильевич Аничков

† 1937

Л<ист> 9 об. 9.IX.1927

Надпись:

«Называл меня А<лексей> М<ихайлович> “другом скомо-
рохов”, из-за предка моего некоего, воеводы Вологодского,
а остался ли... думаю, надо, стоять вас, СП, скомоорохов любить,
которые рыцарских доспехов не чуждаются».

Профессор, знающий, очень образованный, но очень бес-
тактный и пошлый, и циничный человек, на старости лет сде-
лал себя писателем, выпустил пошлый роман.

*[Ученик А. Н. Веселовского, одно уж это что-то и полная голо-
ва каши, одарен, чего бы мог сделать: проболтал язык на обще-
доступных лекциях. Какой вздор нес он о предметах ненужных
и, как пыль, сдунь и ничего не будет: эти его лекции об Арцы-
башеве. Как это странно — как ученый пропал. Остаюсь ему
благодарен за его указания библиографические. Он все знал —
и ничего. После него остались «мемуары», несколько книг: любо-
пытно. АР]*

№ 77. Юрий Фельзен (Николай

Бернгардович Фрейдентш<ейн>)

14.XII.1932

Серьезный, под сильным влиянием Пруста. Не умный.

*[Да просто дурак. Здесь 2 под Пруста: вот он с прожженными
глазами и осетин Георгий Иванович Газданов. Не дай Бог соблаз-
ниться, а вот «под Пруста» получилась низь слов: у Фельзена на
неизвестном языке, у Газданова по-русски. Обои <так! — Ред.>
беспамятные, так что к Прусту с его памятью никакого отно-
шения. Фельзену вообще писать не стоило, да он, кажется, чем-
то другим занят, а из Газданова вышел бы толк. Жаль, жаль.
АР]*

Л<ист> 8

№ 78. Яков Борисович Полонский

8.XII.1932

Очень любит книги, серьезный, мне понравился.

[Действительно, книжник. Но ему хочется быть «ученым», и он старается — истинный мученик, я его так понимаю, у него нет памяти на ученое. АР]

[Любовь Александровна Полонская умная]

№ 79. Евгения Юльевна Аронсберг
[Штерн]

18.XII.1932

Умная и деловая, добрая не очень, но я ее люблю за ум и за то, что она не раздражает, не мелкая.

[Хороший человек. Как было за нее тревожно в эти годы «оккупации». Внимательная. В молодости она была связана с Бородаевскими, с Маргаритой (забыл) и Вал<ерианом> Валериановичем. А через нее с «духовными» науками].

№ 80. Эсфирь Соломоновна Познер
† 1940

18.XII.1932

Очень добрая и душевная женщина, но с нею надо быть осторожным, любит «сболтнуть».

[Редчайшей доброты, надо с ней свыкнуться, не требовать чего просто в ней нет. Она совсем простая и это ее «сболтнула» совсем не со зла. АР]

№ 81. Борис Генрихович Унбегаун

18.XII.1932

Очень деловой [*и дельный — немецкая порода*], звезд не хватает, любит книги, серьезный.

[Не болтун. Можно понадеяться. Он оставит полезные ученые работы. В «оккупации» его выслали в Германию, это печально — я очень ему сочувствую. Его жена Елена Ивановна, заместительница Е. Д. Кусковой, «энергетическая». АР]

№ 82. Соломон Владимирович Познер

18.XII.1932

Журналист, добрый и душевный человек, но в суждениях очень несправедливый, пристрастный.

[Русский «интеллигент», почитатель Горького, есть от еврейства — драгоценная черта: культ книги. И большого чувства: он поймет меня без слов, жду, когда встретимся. АР]

№ 83. Александр Иосифович Аронсберг 18.XII.1932

Очень хороший, много просадивший денег на разные предприятия [театральные и фантастические], но частным лицам не даст.

[Тревожился за него в «оккупацию», но гроза прошла. Вся его беда, он никак не может напасть на свое дело, чего он только не предпринимал, даже издательство. Меня не забывает, я ему благодарен. АР]

№ 84. Вадим Викторович Руднев † 1940 8.XII.1932

Честный, но тупой человек, один из редакторов «Современных записок».

[Доктор. С<оциал>-р<эволюционер>. Москов<ский> Город<ской> Голова при Керенском. Стал религиозным здесь, в Париже. И в церковь ходил. С чего надо было начинать. Несколько раз меня напечатал в «Сов<ременных> Зап<исках>» и каждый раз с объяснениями. Всякую охоту отобьет что-нибудь предлагать. Мне кажется, он кончил самоубийством. Его жена Вера Ивановна — очень добрая, с<оциал>-р<эволюционерка> тоже. АР]

Л<ист> 6

№ 85. Раиса Ноевна Блох 14.VI.1933

Культурный человек, недавно приехала из Берлина.

[Бес ее попутал взять немецкий паспорт и вышло так, что ни туда, ни сюда; много знает книжного, но уж очень «безобразно», она напоминает обожженное весло, никогда она даже мечтать не могла выйти замуж, м<ожет> б<ыть>, от того так прилежно и училась, а ведь нашла дурака — это Горлин. АР]

№ 86. Михаил Генрихович Горлин**14.VI.1933**

Тоже приехал из Берлина, написал книгу «Гоголь и Гофман», очень милый. Она на 14 лет старше его. И у них родился ребенок Дора [† 1941].

[По росту он с гимназиста 5-икласника, да и то из недоростков, а борода, пробовал не бриться, черномор, даже страшно. Оба они тыкались, как устроиться. Им покровительствовал Mazon, «мышонка» сделал библиотекарем в Inst<itute> des Études Slaves. И бежали они в июне 1940 г. И вернулись, его арестовали, а она убежала. У нее есть брат Яков Н. Блох «Petroropolis» в Берлине. А когда-то в Петербурге книжная лавка: ему и досталась вся наша драгоценная библиотека в 1921 г. в июне. Променили на «бессрочную каторгу» — книги мои, начатые с детства, и СП тоже памятные, сколько автографов. Я его никогда не спрашивал о их судьбе, все равно, пропали. И деньги за них едва-едва получил. Petroropolis меня не издавал. Горькая память. AP]

Л<ист> 7**№ 87. Владимир Николаевич Ильин****[Балаболка]****16.IV.1933**

Проф<ессор>, очень знающий, но болтун невероятный, просто начинает говорить и сам не знает, что скажет, но без конца. Считают его помешанным на «Шестоднев» (диссертация).

[Чем объяснить это явление «болтовни», точно развинтилось что-то в мыслях и от толчка само-собой крутится-выбалтывается. Огромной памяти и чего-чего не знает, а вот при таком «пороке» главное улетучивается — пропащий (для науки) человек. AP]^a

^a Далее вклеена вырезка из неустановленного печатного издания: фотография В. Ф. Ходасевича.

Л<ист>8

**№ 88. Владислав Фелицианович
Ходасевич († 1939)**

18.III.1933

Очень умный, но очень нехороший человек, бессовестный, из-за выгоды напишет не то, что думает, очень злой. Стихи пишет редко, есть между ними хорошие — холодные. Оказался еще злее, чем я думала о нем.

[Встреча в Петербурге в 1908 г. Кажется, туда приехал Ходасевич из Москвы, рассорившись с женой (она вышла замуж за С. К. Маковского). Он ходил по Петербургу по знакомым или знакомясь, со своей простыней на случай ночлега. Про него была слава, как о самом строгом к своим стихам. Потом в Революции он жил у Горького: 68 нарывов по всему телу. Знал по истории литературы больше, чем кто из «критиков», но истории рус<ской> лит<ературы> не написал. Никаких столкновений у меня с ним не было: за спиной, конечно, он злословил. Вторая его жена Анна Ивановна Чулкова (б<ывшая> жена Александра Брюсова), третья Берберова, а хоронила какая-то безгласная. Меня удивляет: уже одними нарывами он вызывал гадливость и каким-то протухшим голосом, а вот льстились. АР]

Л<ист> 5

№ 89. Лоллий Иванович Львов

19.XII.1932

Критик и сам пишет очень незначительные [высокопарные] рассказы, очень честный, но не умный, любит поклоняться признанным знаменитостям, сует<ит>ся, с ним спорить нельзя — не стоит, честность его и бескорыстие замечательны, но понимает мало, т. е. идет по течению, не думает и не видит. Спустя 3 года: влюбился и стал писать стихи — бездарные.

[У дураков, я заметил, всегда очень повышенное самомнение. Он состоял при Рахманинове, при Лифаре, при Попове (фарфорщик, это уже падение) и уехал в Россию. Где теперь блуждает? Довольно начитанный, но без всякого проку, так балаболка. АР]

[Нина Григорьевна Львова, его жена, С<ерафиму> П<авлов-н>у очень любила, и я ей отдал историческое ожерелье, составленное из пасхальных яичек — имена современников. АР]

Л<ист> 8

№ 90. Павел Николаевич Апостол

4.1.1932

Богатый человек [*финансовый агент в царском правительстве*], больше о нем не знаю.

[Тов<арищ> Предс<едателя> Общ<ества> Друзей Рус<ской> Книги, может говорить без конца. Что это, опять, почему люди не замечают за собой, что из 1000 слов только одно, дай Бог, годится, а все прочее — слова, слова, слова. Богатое собрание книг о путешествии. Был арестован в оккупацию, говорят, что у него все конфисковано. А его жена померла в Дранси, хотя оба они десять раз крещены. АР]

№ 91. Петр Карлович Паскаль

3.VII.1933

Француз, проживший в России 16 лет, очень хорошо понимает, что такое «большевизм», это большая редкость среди французов. Сам на своей шкуре испытал. Он — хороший и его жена приятная, очень нервная (русская). Все-таки по-русски они оба не говорят, как следует, но себя считают «русскими».

[Переводчик «Жития Аввакума» и исследователь; конечно, от словесного оригинала ничего не осталось, да и невозможно, лад речи не передается современной речью. Разочаровавшийся «коммунист», а жена его набитая дура, много дураков на свете встречал, а эта всех перешибла. А так дураки могут быть приятными до какого-нибудь «дела», где и обнаружатся. Я много в жизни перетерпел от дураков, потому так и жалеюсь.]

Л<ист> 10

№ 92. Николай Константинович Рерих

26.II.1934

Художник, очень умный и очень хитрый человек, и очень честолюбивый, ищет себе учеников, хочет играть мировую роль.

Пока у него только один бескорыстный ученик [да бескорыстный ли, уж очень он втихомолку], да несколько корыстных, живет в Индии, приезжал сюда на несколько дней. Через 2 года. Теперь Рерих еще лучше себя показал, попросту честолюбивый мошенник, сейчас он заигрывает с большевиками, а год тому назад собирался [ратью] идти на большевиков, но не вышло. Жена его: Елена Ивановна.

[Фигура комическая. Считает себя явлением Сергия Преподобного. Спирит. Хитрый, но в хитрости прошибается по провинциальному. Насчет того же Сергия: запись Погодина 1830 г. в революцию пошла прахом. Вот послушайте: «С чувством благоговения вошел он во Троицкий Собор. “Тихо, уединенно величаво”. Вольнодумцы! Сюда! Какое усердие, жар, молитва! Последний грош на свечу Сергию!» Да, а в 1918 г. без всякого жара и усердия взяли Сергия и выбросили в помойку. Это русская вера — русская верность. Так вот Н<иколай> К<онстантинович> себя перехитрил, не след было изображать себя преподобным Сергием, чего доброго, легко угодить в помойку вместо свечки. Позавидовал Тагору — но своими писаниями с общими теософскими местами, труд не достиг цели. По рекламе — Лифарь! AP]

№ 93. Георгий Раевский

[Г<еоргий> Авдеевич Оцуп]

1.V.1934

Средний поэт, образованный человек [немецкая культура], но сплетник.

[У сплетников язык скользкий и глаза жмурятся. Встреча с ним — к получению денег. Все Оцупы ладные. AP]

№ 94. Софья Алексеевна Оцуп-Рейман

Жена Г<еоргия> А<вдеевича>, очень приятная, видела ее всего раз.

[Пишет иконы. — Ну, и пускай пишет! AP]

№ 95. Павел Николаевич Милюков

† 31.III.1943

19.IV.1934

Бывший министр, историк, общественный деятель, член Госуд<арственной> Думы, кадет, умный, но чужой, атеист, формалист, рационалист, думает, что знает в политике все и что предвидит все.

[Знаю его имя с ранней юности, когда выслали М<илюкова> в Рязань. Имя его проходило в моих временах. Играл на скрипке, но удивительно не музыкальный, как он фальшиво читал документы XVI—XVII в<еков>. Меня, как писателя, не выносил: все сваливал на «чертей», которых я будто бы описываю. Под конец жизни, махнул на меня рукой и в П<оследних> Н<овостях> проскальзывали «черти». АР]

№ 96. Марк Александрович Алданов(Ландау)

12.III.1935

Писатель, умный и хороший человек с совестью, хороший товарищ и писатель хороший. Очень обидчивый, это большой недостаток.

[Занимательный писатель, когда пишет историческое и скучный, когда из современной жизни. И все-таки со здешней мелкотой прозаической, вроде Рощина, Ставрова, Ладинского, и сравнивать нельзя. АР]

Л<ист> 7^a**№ 97. Николай Николаевич**Евреинов

8.IX.1935

Актер и режиссер, талантливый, очень болтливый, актер в жизни.

[О нем я много написал в своей Интермедии в книге «Сквозь огонь скорбей». АР]

^a Запись синим карандашом.

Л<ист> 7

**№ 98. Анна Александровна
Кашина-Евреинова**

8.IX.1935

Жена Евреинова [*раньше была Бутковская*] ужасная балаболка, написала роман «Je veux concevoir...» Вся — не настоящая.

[Ее роман частью иллюстрация физиологического метода в литературе: описывает онанизм. Я только одно не понимаю: пусть онанизм, но чтобы объяснялось как жизнь: почему так, а не так. А то вроде описания природы выходит для украшения <ия> страницы.

Когда они сходятся вместе и начнут язычить <так! — Ред.>, вечер пропал: кто кого переговорит.

Ярославка, из старообрядческой семьи Кашиных, в Таганке такие тетки встречались. АР]

Л<ист> 7

№ 99. Иван Сергеевич Шмелев

15–28.VII.1936

Писатель хороший, человек простой хороший, сейчас в страшном горе: потерял любимую жену (Ольга Александровна).

[Патентованный бытовик. Москва. Происхождение: дед гробовщик, отец подрядчик. Знает много слов, а когда представляет (читал или описывал) — прямой от Горбунова. Бытовые читает красочно, но на нежные и женские роли не годится, голос неподходящий. В рассуждениях слаб, мало литературной и исторической культуры. АР]

Л<ист> 7

№ 100. Albert Steffen

7.III.1934

Швейцарский поэт и писатель-антропософ.

[У него хорошие глаза и вышколен оккультной гимнастикой, только вот облезлый очень, так прядки волос на лысине, чистый,

аккуратный. Считается заместителем Рудольфа Штейнера. Конечно, за неимением. Его мистерии начинаются хорошо, но оканчиваются ерундой — в угоду антропософии, «религиозное действо», очень-очень слабо в литературном смысле. АР]

№ 101. Marie-Anne Comnène 3.X.1935

Souvenir d'une belle soirée

Мме Сремиеux, писательница очень средняя, даже меньше; но внимательная и хорошая — гречанка.

[Муж ее В. Сремиеux тоже очень хороший человек, погиб в оккупацию. Мучился, видно, выбросился из окна при обыске и разбил себе руки, и с такими руками его повезли в Дранси, потом в Веймар. А М<arie> А<nne> меня соединила с Paulhan'ом, я ей навсегда благодарен. АР]

Л<ист> 10

№ 102. Лев Адольфович Гринберг 23.III.1935

Занимается книгами, себе на уме.

[Племянник Золотницкого, а женат на Винавер. Кроме книг — золотые редкости. Богатая библиотека. «Наукой» занимается некогда. АР]

№ 103. Евгений Максимович Винавер 19.VI.1935

Профессор французской литературы в Манчестере, а где теперь не знаю.

[Видно способный, но какой толк, не знаю. АР]

**№ 104. Юрий Павлович Анненков
(Б. Темирязов) 14.IV.1935**

Художник и плохой писатель, циник.

[Мы были знакомы с его теткой Анненковой-Бернар, теософка и писательница, восторженная. А племянник без востор-

га, заговорит и сразу чувствуешь — обманет. Искусный график, а писатель никуда: какая-то мозаика чужих слов, чужих мыслей, и не замечает. АР]

Л<ист> 11

№ 105. Сергей Михайлович Лифарь

16.IV.1936

Замечательный танцовщик, вообще очень одаренный человек. И хороший, но очень неверный, легкомысленный.

[Он же и писатель. Но в его книгах автор неизвестен, пишет-ся со слов, но в словах ни точности, ни правды, это пускай, легенда. Он «пишет» по-русски и по-французски. Я ему как-то сказал: напишите, я исправлю, на это его ответ чистосердечный, он писать не может. И все жалобы, что он не отвечает на письма, напрасны: он писать не может, как и в выражениях не быстр. А танцует хорошо: летает, в этом его чары. На жизнь смотрит просто: лови момент. По рекламе только можно сравнить с Рерихом. А «момент» ловит его брат Леонид. АР]

№ 106. Леонид Михайлович Лифарь

16.IV.1936

<его брат> и правая рука, летчик. Думаю, что он вернее.

[У Лифаря хранятся мои альбомы: о Гоголе, о Революции, Сны Пушкина и много, много еще из моего «*ramage graphique*». О Леониде в моей книге «Сквозь огонь скорбей». АР]

Л<ист> 9

№ 107. Fritz Lieb, Федор Иванович

16.IV.1936 Astern

«В Россию можно только верить»

«Пасха вся жизнь»

Швейцарец. Боннский профессор теологии, интересный человек.

[У него мой альбом о Достоевском и рисунки Андрея Белого. Ладный. АР]

Л<ист> 11

№ 108. Федор Степанович Рожанковский 4.VII.1936

Очень талантливый анималист и очень приятный, широкий человек.

[*Иллюстрировал мою сказку про «Мышек», верностью не отличается, от рассеянности д<олжно> б<ыть>. Хороший человек. АР*]

Л<ист> 5

№ 109. Аркадий Вениаминович Руманов 1.X.1936

Есть доброта в нем и нежность. Когда-то был очень влиятельный, теперь никакого значения.

[*Мне всегда его бывает жалко: я вспоминаю его прошлое, «Русское слово», его славу и как перед ним ходили на цыпочках и семеняли ногами, заискивая. Все в прошлом. Ему всем обязан Рёрих <так! — Ред.>. АР*]

Л<ист> 3

№ 110. Jules Legras, Юлий Антонович
† 1938 30.VII.1935

Профессор Сорбонны. Долго жил в России, но говорит плохо. Сам — милый. Понимает о «большевизме».

[*Его называют Mr. Трикэ, где это его встречал Пушкин, но изобразил точно. Он написал тоненькую книжку «История рус<ской> литературы». Для профессора он знал мало. Любил охоту и кэкс <так! — Ред.>. АР*]

Л<ист> 2

№ 111. Вера Георгиевна Квиль (Тищенко) 24.IX.1936

Очень хорошая и умная, и понимающая много. По душе диктатор, не терпит возражений и другого мнения, несправедливая.

[Художники ее рисовали. Любительница искусства. Говорит одно и то же, вспоминая прошлое в России. Не глупая. АР]

Л<ист> 2

№ 112. Софья Евгеньевна Струве

24.IX.1936 † 1945.13.II

Б<ывшая> жена незначительного «поэта» М. А. Струве, очень измученная, думаю, что хорошая.

[Да не мудрено измучиться, 3-ое детей и не у себя живет, стало быть, без угла. Много понимает в жизни, изверилась. АР]

Л<ист> 11

№ 113. Валентин Федорович Булгаков

† 1940

13.V.1937

Толстовец, культурный, с совестью.

[Последний секретарь Л. Н. Толстого. Напоминает Вас<и-
лия> Вас<илевича> Успенского, такой был в Петербурге, с Кар-
ташовым ходил весь улыбающийся. АР]

Л<ист> 11

№ 114. Абрам Товиевич Шленский

17.VI.1937

— очень симпатичный и очень талантливый: перевел «Ев-
гения» Онегина» на еврейский язык.

[Чувствует одиночество — в самом деле, русской культуры,
а пишет по-еврейски, развиться таланту нет простора. АР]

№ 115. Юрий Павлович Иваск

21.XII.1938

Очень приятный и культурный.

[Наполовину эстонец. Занимался Озеровым. А дядя его из-
вестный библиофил в Москве. Пишет стихи, но это пройдет. АР]

Л<ист> 7

№ 116. Исидор Николаевич Квиль 24.IX.1936

Инженер, хороший человек, печальный.

[Знает много стихов Гейне. АР]^a

Л<ист> 11

№ 117. Ольга Федоровна Ковалевская
(Блок) 1943

[Существо светлое, но едва ли человеческое, у нее нет человеческого «remords». И странно, как только она появилась у нас, Лифарь больше не показывался. А она все свои силы — всю душу — на Лифаря. АР]

№ 118. Jules Supervielle 24.VI.1939

[Один из первых современных поэтов. В нем есть что-то с Блоком. Многосемейный. Раз пришел я к нему утром — он рассматривал моих «Сомнамбулов» <так! — Ред.>, чтобы перевести на испанский, — и поражен был количеством горшков самой разнообразной меры, они заключались генеральным горшком с макотру. Сам рослый, большой. Приветливый. У нас стихи читал, так сам взялся читать, без приставания. Лунатиков он устроил в Аргентине. Там и теперь он скитается. АР]

№ 119. Василий Лукич Ячиновский 13.VI.1940

[Главный «водопроводчик» (другой А. Оболенский), так его окрестила Кошатница Блаженная. Большой книжник, в книгах много помог мне. Спасибо! АР]

^a Далее следуют имена и характеристики лиц, добавленные Ремизовым (записи Серафимы Павловны заканчиваются на № 116).

**№ 120. Наталья Владимировна Кодрянская
(Генгросс) (немецкого происхождения,
отец генерал)**

[«Собачка», ученица СП, а я просматривал ее сказки — были толк от моей науки, не знаю. Очень бомбардировки боялась: «сирена» ей совсем чужая. Странное существо. Странность ее, по ее словам, стала обнаруживаться с детства. Безусловно способная, с воображением и слово живет в ней. М<>ожет б<ыть>, встретимся — 5 лет как уехали. Детей у нее нет, только муж — Ися. АР]

Л<ист> 10

№ 121. И<саак> Кодрянский 10.II.1940

[Сын швейцарского коммерсанта. Глазной доктор, только занимался электрическими лампочками. Хороший человек. Простой — простецкий. АР]

№ 122. Владимир Владимирович Бутчик 11.II.1943

[Голова восьмеркой — редчайший череп. Большой книжник. Внимательный. Составил библиографию франц<узских> переводов с русского. АР]

№ 123. Глеб Владимирович Чижов 1943

[Книжник, музыкант, мечтатель. А в делах рассеян, не точен, и опаздывает. Он и шофером сделался, чтобы мечтать: дорога — мечта. Все рукописные альбомы, рисунки я ему отдаю в его собрание, и эти автографы. АР]

Л<ист> 12

№ 124. Василий Петрович Никитин 1.I.1943

[Персидский консул. Сосед. Родом <из> Костромы. А воспитание — Варшава. Его прадед у Сперанского. Рослый в прадеда.

А говорит, как Б. В. Савинков. Да со здешними ударениями: мэрия (вместо мерия), алерта (вместо алерт). О словах толкуем, понимает-то он много, понимает, только не выражается. АР]

Л<ист> 7

№ 125. Константин Иванович Солнцев 21.VI.1940

[Сын протоиерея. Книжник. Кончил с СП Пет<ербургский> Археологический Инст<итут>. Говорит с расчиткой, рот широко разрезан. Живет одиноко с книгами и хозяйствует. Чуть было Кошатница его не женила на латышке Александре Андреевне: по безумию пристала: женись — и ей внушает. А он себе взял в услужение Марью, ее и просвещает. Я много дал из моего архива. АР]

Надпись: «К сему историческому музеуму рукописаний и яз, Костюшка Солнцев, по сим временам тесным из людишек грамотной хитрости наученных в водителя той машины самоходной обращенный, а и по теснейшим дням от Господа напоследок нас посещавшим, рекомый фонтанный подмастерье смиренно руку приложил». АР]

Л<ист> 10

№ 126. Павел Николаевич Переверзев 10.X.1940
† 1944

[Министр юстиции при Керенском. Знаю с Петербурга. Приятель и собутыльник П. Е. Щеголева. Многосемейный. Если не всех 12, то с десяток, наверное. Очень культурный. АР]

№ 127. Сергей Константинович Маковский 5.XI.1941

[Знал его по Петербургу. Очень аккуратный. А тут у меня такое чувство, очень врет. Пишет стихи. АР]

№ 128. Mirca Pretnar 5.V.1924

[Словенский поэт. Тоненький и жиденький. Уехал к себе в Словению и стал торговать красками, так и кончилась поэзия. АР]

№ 129. Robert Vivier 17.VII.1927

[Бельгийский писатель. Перевел «Крестовые сестры». И все теряет. Хороший. Мы жили у них в Брюсселе, потом сбежали. Баба-то очень болтливая и «неаккуратная». AP]

№ 130. Nicolai M. Rinoret 7.VIII.1927

[Не помню, кажется, художник. AP]

№ 131. Jean Priel 7.IX.1927

[Переводчик]

№ 132. Jean Chuzeville 7.IX.1927

[Поэт. И переводчик. «Аскет». В оккупацию редкую субботу пропустит, питались вместе и мечтали.]

№ 133. Rudolf von Scholtz 22.XI.1927

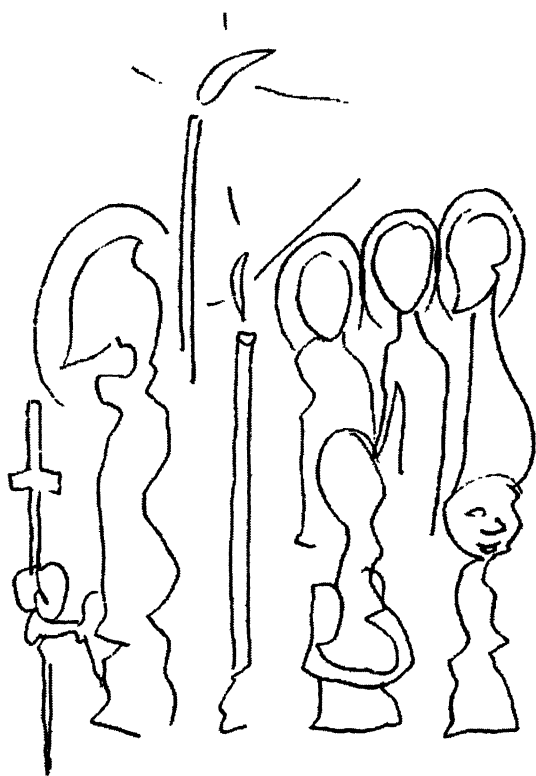
[Переводчик. Знакомы по Берлину. Хороший человек толстовского начала. AP]

№ 134. Ante Jrshcujak 19.X.1927

№ 135. Herwarth Walden 5.IV.1927

[«Поэт». Редактор-издатель «Sturm'a». Муж Бирюльки (Елены Моисеевны Каплун). Весь измазанный какой-то мазью. Противный. AP]

КНИГА V

ТАКОЙ ВНАЗ ОБЫСКА

ПЕТЕРБУРГ

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ 1916

1

1 I 1916

Я хочу с сегодняшнего дня начать записывать то, что думается, и то, что происходит. Трудно очень мне бывает, потому что душа раскололась, и не знаю, что мне сделать, чтобы покой душевный найти. Надо дело делать, надо для других делать, надо много сестер и братьев иметь, чтобы много душ с твоей душой говорило. Вот Бурлючка [*Люд<мила> Дав<ыдовна> Бурлюк-Кузнецова*] приезжает, и мне легче, она мне всю свою душу открывает, я знаю, что я ей нужна по-настоящему и мне легче, — плохо только, что я ей не могу своей души открыть. Она меня покорила своей любовью и доверием, и тем, что я у нее самая главная, а раньше ее не любила, а теперь люблю. Может быть, и всякого человека всякий человек может покорить, если долго его любить, и если он у него самый главный. Может быть, любовь всегда вызывает любовь, если она упорная и долгая, и неустанная. А почему ко мне Бурлючка так привязалась? — надо ее спросить.

Дай мне, Боже, дорогу чистую и честную, не покинь меня, научи меня в моей трудности!

[Л. Д. Бурлюк-Кузнецова, исключительно богатая натура и чистая, как сама земля. Эта «земля» и повлеклась к «небу» С. П. Сначала, я помню, она не понравилась С. П.: в Херсоне, где мы познакомились, она в «диком» состоянии роста и безгласная, а когда приехала в Петербург и поступила в Академию, тут на нее навалила вся накипь ее окружавших людей, перед ней это были мошки и козявки, но с чрезвычайным самомнением, что свойственно таким козявкам, — ведь пространство-то их в природе уж очень незначительно. Но она заразительна, эта мелочь, и на Б<урлючке> было на первых порах много налипшего от них.

Это С. П. и оттолкнуло. Но вскоре по своему природному богатству она освободилась от этой дряни, она как-то нутром поняла, и нашла себе место около С. П<авловн>-ы. А. Р.]

[Любовь другого располагает глаз и слух, и сердце. И в таком расположении у любящего открываются такие черты, которые были скрыты для безразличного и уж, конечно, для враждебного глаза. Ведь все мы богаче, чем кажемся всякому. И вот пример, как мать сумеет найти в детях то, чего редко подметит чужой, а всегда доброе и хорошее, что есть в человеке.

Помню, случай со мной. Когда я жил в Пензе (первая моя ссылка), всякий день я ходил в библиотеку по Московской улице в горку, и редкий день не встречал, он мне страшно не понравился с первого взгляда, хотя ничего не было такого в нем, — вызывающего. Он был очень обыкновенный, таких тысяча, кто он, так я и не мог дознаться, вид учителя или не знаю, на чиновника не похож, да и не мог чиновник в такой мой час в библиотеку ходить. В библиотеке он читал газеты, менял книги. Не понравился, не понравился, вот что хотите. А узнать поближе, столкнуться, не было повода. И так мы больше году встречались, а чувство мое было неизменно: вспоминая встречу, я искал и в лице его, и в костюме, и как он идет только, я не называл словами, а только дурное. Мне казалось, что он «важничает», и меня, конечно, презирает, и огромного о себе мнения. Как-то на допросе жан<дармский> полковник Роменский меня спрашивает: «А что Вы скажете о Кобецеком?» — «Я такого не знаю», — сказал я. «Ну, как не знаете, а он Вас очень хорошо знает и к Вам расположен». — «Нет, — сказал я, — не знаю». — «Любитель книг, — сказал полковник, — у нас было подозрение, что он — с<оциалист>-р<еволюционер>...» — «Тем более, — сказал я, — я с<оциалистов>- р<еволюционер>ов не знаю». И очень заинтересовался, вот, наконец, случай. «И что же этот Кобецкий», — спросил уж полковника. — «Да его выпустим, — сказал полковник, — а живет он с матерью, книжки читает, в этом все его и занятие». Сидя в тюрьме, я вспоминал этого Кобецкого и мучился, не послышалась ли полковнику в моем вопросе враждебность, которую я не мог скрыть, и удивляло меня, что вот оказался «расположенным ко мне». А когда меня выпустили, я встретил в библиотеке Кобецкого, и как-то одновременно мы поздоровались друг с другом, у него оказался хороший голос

и глаза, — а раньше я ничего этого не заметил. И потом я всегда вспоминал этот случай, но не научился расположено подходить к человеку. И, забываясь, я часто нападал на кого-нибудь, «чистил» и вдруг слышу: С. П. говорит: «Но ведь он же бедный!» или «несчастный». И я, бывало, как очнусь, и увижу: совсем другой человек, и все недостатки его ясны и почему. А. Р.]

2

6 II 1916

Как давно я не писала. Как трудно быть на свете одинокому, мне так хочется встретить родных людей. За это время я видела Нат<алью> Ив<ановну> Манасеину, Поликсену Серг<еевну> Соловьеву, была у них. Нам очень трудно теперь матерьяльно, самая трудная жизнь теперь — это жизнь литератора: гонорары уменьшились, а все втрое, вчетверо вздорожало. Вот я и прошу хоть урок мне достать, — ну, как напала на меня Нат<алья> Ив<ановна>, все славы она для меня хочет, потому что я — женщина-археолог и должна на этом пути добиваться славы, а попутно и денег. Но я сама так далека от славы, не нужно мне славы, я так хорошо вижу преходящесть всякой славы и не понимаю, как умные люди могут желать славы. Выписываю из Карамзина: «Слава подобна розе любви, имеет свое терние, свои обманы и муки. Многие ли бывали ею счастливы? Первый звук ее возбуждает гидру зависти и злословия, которые будут шипеть за вами до гробовой доски и на самую могилу вашу излиют яд свой». А потом что за странное рассуждение у Нат<альи> Ив<ановны>: да ведь есть-то и пить нам всякий день надо, тут уж берешься за первое попавшееся, лишь бы кусок хлеба добыть, не думаешь о том, что путь свой не надо бросать.

Да, не надо бросать и невозможно бросать свой путь настоящий, но ведь Нат<алья> Ив<ановна> говорит о внешнем пути, который будет в глазах людей, а не о том пути, который единственно важен, о пути перед Богом и о пути перед своею душой. Об том одном пути только и надо думать.

Когда^a у меня моего ребенка отняли^b мои родственники, т. е. мои 2 сестры, мой брат и даже моя мама, я очень тогда страдала.

^a Абзац слева отмечен синим карандашом.

^b Справа от текста помета синим карандашом, обведенным черными чернилами: I [Наташе] кн<ига>

ночи не спала, плакала, томилась. А теперь не мучаюсь этим, Бог с ними, Бог им судья. Я как-то много из-за этого факта поняла: я поняла, что любовь настоящая — это когда знаешь человека и любишь его, и еще больше можешь любить и узнавать, и для него любишь, — не только для себя, а для него. А, наверно, есть такая любовь, когда любят только для него, совсем уже ни для себя, а только для него, и эта любовь — самая высокая.

И вот я поняла окончательно то, что и раньше понимала, только не окончательно, то, что нет у меня родных: они ни меня, ни жизни моей не знают, и не поймут, и не любят меня, конечно, да и нельзя любить того, кого совсем не знаешь, — от того так легко отняли у меня ребенка и еще от того, что не думают и не умеют думать по правде ни о себе самих, ни о мире, ни о другом человеке. В сущности, это — люди страшные, и таких людей большинство, только исключение — не такие.

Значит, можно так определить: надо искать людей, которые умеют и желают думать; если человек может думать, он не будет способен зло сделать другому, если он сам не зол по преимуществу, а злых людей, исключительно злых, очень, очень мало.

Господи, помоги мне найти себе друзей, дай мне быть вместе с людьми, дай мне дело делать, помогать людям!

[Поликсена Сергеевна Соловьева, существо доброе, среднее, с на редкость безобразным мясистым ртом, такое чувство, что у нее полон рот жвачки, а выплюнуть не можешь, а наряжалась под мужское и голос у нее был грубый и чувствовалось большое самомнение: да и не мудрено — сестра Вл<адимира> Соловьева, дочь историка, тут возмечтаешь! Но она была несчастная, это слышалось в голосе ее, когда она пела, у нее было не совсем чистое контральто. Она писала стихи, ничего не вспоминаю, и рисовала. В детском журнале «Тропинка», изд<аваемом> Н. И. Манашиной и ею, были ее иллюстрации, — какие-то листья пером, а в столовой, раз мы у нее обедали, во всю стену — З. Н. Гиппиус во весь рост в белом, и на столике чаша — нечто карикатурное, не знаю, ловко ли было смотреть З<инаиде> Н<иколаевне> на такое свое изображение, а постороннему, сужу по себе, неловко. Она за свои стихи получила «Пушкинскую медаль», и это при жизни Блока, и тоже было неловко, хотя все ее поздравляли. Никогда ни о чем с ней не разговаривал, хотя в «Тропинке» она на-

печатала мою сказку о «мышках». У меня было такое чувство, что на меня она смотрит свысока, но в моем отношении к ней не было предвзятости, как к тому пензенскому любителю чтения Кобецкому. Ко мне вообще, как теперь вижу, относились, по большей части, снисходительно, от того, д<олжно> б<ыть>, я всегда молчал и прислушивался.

Нат<алья> Ив<ановна> Манасеина — жена доктора Мих<аила> Петровича. У доктора была очень длинная шея «голая», и эта шея лезла в глаза, ему бы надо носить высокий воротник, может, тогда и не так выпирало, — за эту шею можно было его возненавидеть. Так, наверно, его жена и покинула. А потом ее покинули, и она вернулась к «голой» шее: он ее внешне простил. Они делали вечера, ужин, а он, вообще грубый человек, прозрачно намекая на жену, прохаживался о верности, и вообще достоинстве человека. А та за самоваром вся съезживалась, пропасть бы хотелось ей в те минуты укора и попрека, да некуда было скрыться. Он считал себя, конечно, благородным: принял ее в дом из-за дочери. Необыкновенно женственная, сказочная из волшебных сказок, почти бессловесная, — всегда мне было ее очень жалко. Она дружила с мясным ртом П. С. Соловьевой, они и «Тропинку» эту издавали.

К С<ерафиме> П<авловн>е они не подходили: П. С. Соловьева, как раз потому, что очень уж глубоко о себе заносилась и, конечно, искала славы, а этого в С<ерафиме> П<авловн>е совсем не было, а Н<аталья> Ив<ановна> уж очень забитая и бледная, «несчастливая», и в «несчастье» не поднявшаяся, а душой сгорбившаяся.

С. П. записывала очень редко, и запись ее о Наташе через семь лет после последней записи (1909 г.) очень важна: она примирилась и хочет объяснить, почему так все вышло, а вышло от того, так она решала, что родные ее не любили ее, п<отому> ч<то> если бы любили, то непременно подумали бы о ней, а подумали бы, — и ничего бы такого не могло бы произойти. Все дело, конечно, в любви: любовь и думать заставила бы вообще ленивого на думу человека. Чувство пробуждает мысль; любовь расчищает мысль и толкает одумать любимое. Пристрастие правдивее безразличия, когда мысль только скользит.

Записи С. П. кончаются молитвой. А потом будет одна уж молитва, с которой и кончится жизнь. А. Р.]

17 XI 1916

Теперь мы наняли квартиру на В<асильевском> О<строве>, с какими страшными трудностями – ужас! Я одна сейчас, А<лексей> М<ихайлович>, мой друг единственный, на испытании в Военно-Клиническом госпитале. А я одна. Боже, неужели будет такая страшная несправедливость, что он будет взят на военную службу? Не верю этому, – не допускаю этого. Он, больной человек, и через два <месяца? – Ред.> жизни в казармах он свалится совсем. Боже, не допусти до этого!

А я заболела, припадок печени. Я поняла, что значит болеть одной, без близкого человека. О, ко мне много приходило тех, кого Фед<ор> Ив<анович> Щеколдин называет «мироносцами», но все они приходили для себя, не для меня. Так, они приходили, когда им хотелось, распоряжались тут, суегились, толклись, потом оставляли меня одну, и я лежала без грелки, часами лежала, напр<имер>, от 9 утра до 9 вечера или целые сутки. Во время болей моих они разговаривали о постороннем, я ждала взгляда для меня, слова для меня и не дождалась, а больному человеку так нужно участие, привет. Что же это такое? От чего это так? Я не понимаю, я боюсь теперь их всех, боюсь какой-то легкости ихней. И захотелось мне вспомнить о том человеке, который так сильно страдал от легкости человеческой – кн<ига> III [Казимир Людвигович Тьшка гл<ава> VII] «Оля»^а.

[*Рассказ о смерти К<азимира> Л<юдвиговича> Т<ьшки>, к<оторый> я соединил с другими рассказами о нем – кн<ига> III «Конец».*]

[*Кв<артира> на В<асильевском> О<строве> в доме Д. П. Семенова-Тяньшанского, сына знаменитого географа. Дом около гимназии Мая, где учился Философов, Дягилев, Бенуа, Нувель. Сыновья Д<митрия> П<етровича> – Леонид Семенов, погибший тогда в Ряз<анской> губ<ернии>, последователь Добролюбова, «странник», Михаил – писал тоже стихи, и Александр, потом он жил в Париже.*]

Я сидел в Воен<но>-клинич<еском> госпитале 44 дня и 44 ночи. Об этом во «Взвихр<енной> Руси», «Между тифозным

^а Выделено синим карандашом с обводкой чернилами: III и «Оля».

и сытным». Помню, как я забеспокоился, когда С. П. захворала: я ведь знал, что значит в болезнь быть одному. И еще знал, что меня никто не заменит].

[Последние строчки 17 XI см. кн<изу> IV «Конец»:

Один из них Б<улич> (Оводов), который своими руками сделал решетку и крест на могиле К<азимира> Л<юдвиговича>, и еще один Ц<верцикевич>, — они меня тоже любили. Когда умер К<азимир> Л<юдвигович>, они оба за мною ходили, как за ребенком, не отпускали меня ни на шаг и ...]

4

12 XI 1916

Так и не дописала я тогда, прервали меня. Что за странный человек Варвара Григорьевна [Мирович] — в сущности, она невозможный человек. Сколько туману напустила, и всегда, ужас! И этот тихий голос, едва говорит, будто умирает. На мою и так больную душу она очень худо подействовала: приехала, как в свой собственный дом, суету подняла, уходила все время куда-то, а когда приходила, занималась своим, не обращая на меня никакого внимания, ну, будто бы я не человек, а так что-то такое. И неожиданно уехала. Я давно знала и говорила, что с Вар<варой> Гр<игорьевной> нельзя иметь никакого дела, а теперь уж очень явно на себе это узнала. Ну, Бог с нею; если еще буду с нею встречаться, буду до последней степени осторожна.

Где те люди, с которыми жить можно! Ведь есть же они, только не встречаешь их почему-то. Вот иногда, как чужое что-то услышишь, ну вот епископ Михаил, наверное, был настоящий человек: ушел от людей куда глаза глядят, — да не знала я его лично. Я думаю, что очень хорошие люди: Леонид Семенов и Добролюбов, способные все отдать.

[Вар<вара> Гр<игорьевна> Мирович — теософско-окультурная дама, нечто неопределенное, подлинно, туман: всегда что-то говорит, а если записать, ничего не выйдет. Несчастные не они, а кто около них, а они всегда вроде учителей. А так, если молчать, Вар<вара> Гр<игорьевна> — хороший человек. Она служила в «Русской мысли», когда был редактором П. Б. Струве. Я не думаю, что она на службе была действительно, — такие

все путают и во всем опаздывают. Она переводила Джеймса «Психологию» или «Психопатологию», и еще больше свихнулась. Конечно, как все ее толка, она воображала себя ясновидящей и соединяла «страждущие» души. При ней находился в числе «страждущих» совсем мальчик, может, на 1-м курсе в университете, и сделался ее мужем, неловко было смотреть, но потом, хотя не скоро, все кончилось. Куда она девалась, не знаю. У нее была сестра-«поэтесса», та в сумасшедшем доме кончила свою жизнь. Да, эта Вар<вара> Гр<игорьевна> рисовала, имела большую «беспредметную» переписку и рассылала открытки со своими «неопределенными» рисунками.

Да Бог с ней, но когда судьба столкнет, — ведь она поселилась у нас, без меня, помочь С. П. — досада.

Епископ Михаил старообрядческий, перешел к старообрядцам, бывал на собраниях Рел<игиозного> Фил<ософского> Общ<ества>, мало говорил, больше слушал так, вид простого мужицкого монаха, и вдруг куда-то пропал, а потом в Москве в ванне повесился.

Леонида Семенова я знал в двух видах, я назвал его «оленем», такой он был гордый, однажды мы на одном вечере участвовали (у Врасских). За его гордость и какую-то шикарность мне он не понравился, а лицо — замечательное, да мундир с голубым воротником, что-то от 20-х годов. Его стихи, изд<анные> в «Содружестве», где выступили книгами С. К. Маковский, Рафалович. Он появлялся в ред<акции> «Вопросов жизни», на меня смотрел свысока. Потом он был в Ясной Поляне, Толстой его встретил очень приветливо, да я понимаю, это не какая-нибудь сиволапая из литературных тогдашних светил, аристократ, культурный, он был с Блоком на филологическом. К его рассказу Толстой написал вступление, что<-то> такое, что «учить ничему не научишь». Я с ним встретился около Николаевского вокзала, — мы тогда на Казачьем очень бедно жили, — в его лице была какая-то обветренность, и одет он был просто, и он заговорил со мной, но без презрительного свысока. «Вы по-прежнему всякими букашками занимаетесь», — он имел в виду мою «Посолонь», и посмотрел на меня с сожалением, но добрым. Потом он пошел на Урал к Добролюбову и странствовал. А убит в революцию уже теперь крестьянами в их имении Данковск<ого> уезд<а> Рязанской губ<ернии>.

Дим<итрий> Петр<ович> Семенов-Тяньшанский написал воспоминания. Незадолго до смерти в 1917 г<оду> он читал нам. Много было встреч по своему знаменитому отцу.

Александр Добролюбов 1876 г. До своего странничества выпустил две книги: «Natura naturans – natura naturata», 1896 г.; «Из книги невидимой», 1895 г. И потом «Скорпион» издал его «Сборник стихов», 1911 г. А. Р.]

ИЗ «ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ» 1917

1

1 I 1917

Сегодня Новый Год. Я желаю и молю Бога, чтобы этот – 1917 г. не был совсем похож на прошлый – 1916-й. Я молю Бога, чтобы мы с А<лексеем>М<ихайловичем> оба были здоровы, и чтобы тихо и мирно жили в нашей квартире и летом чтобы поехали на «природу».

Я молю Бога, чтобы в этом 1917-м году я помирилась со своими родными^а и с Катей, и с Лидой, и с Сережей, чтобы они узнали и поняли меня. Больше всех, я думаю, может понять меня Лида, а впрочем, не знаю, но пусть будут между нами «родственные отношения».

Я молю Бога, чтобы Н. П. Б. [Оводов] был у нас и дружил бы с нами, я молю Бога, чтобы Д<?> был как раньше когда-то со мною, только глубже и сознательнее. Я молю Бога, чтобы был мир на земле, чтобы прекратилась эта страшная война, – я думаю, что все теперь об этом молят. Это общее и всеобщее и такое важное. Дай нам, Боже, этот 1917-ый год хороший!

Что-то я завтра запишу? Сегодня будут у нас люди.

[Этот год будет непохожий, все перевернется. Начинается то, что назвал я «Взвихренная Русь». С. П. так мало записала, а могла бы о многом рассказать. У С. П. была какая-то излишняя скромность высказываться, так и в ее ученых знаниях. Такой был Ал<ександр> Ив<анович> Ермолаев, палеограф

^а Справа на полях помета синим карандашом с обводкой простыми чернилами: I кн<ига> Наташе

(1779—1828), хранитель рукописей Публ<ичной> библ<иотеки>, такой был и Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский, костромской археограф. А сколько известно: люди с горсткой сведений и со скользкой мыслью, оставили, пусть ни для кого, книги].

2

III 1917

Господа наши друзья, гости и гости, посещающие нас!!!

Напоминаю всем, кто приходит к нам, что мы оба — люди больные и «физически, и нервно», что мы с начала войны и до сих пор все время находимся на «острие» — на краю гибели от голода, ибо мы ничего не имеем, кроме заработка, а заработок наш с начала войны очень уменьшился. Наше тяжелое материальное положение окончательно расшатало наши нервы. В эти великие и необыкновенные дни мы все должны беречь друг друга. Помните, что культурных людей у нас так мало, а тьмы так много. Чтобы нам не погибнуть, чтобы иметь возможность работать, мы просим:

не говорите у нас по телефону, — это убивает нас; по телефону можно говорить в аптеке, в подъезде и т. д.

[Вообще к нам много народу ходило, а уж в Революцию — ни минуты без людей. Разговор разговором, но когда кто-нибудь начинал по телефону орать, — было просто нестерпимо. Вот С. П. и сочинила воззвание, я переписал и около телефона на виду выставил. И должен сказать: никакого впечатления: рассматривали мою «рукопись», этим все и кончалось. Просто хоть от телефона отказывайся. Потом народ поредел, как всегда бывает в тиски, всегда куда-то скрываются. А воззвание продолжало висеть. А исчезло в первую зиму, — д<олжно> б<ыть>, на подтопку. А. Р.]

3

23 VI 1917

Берестовец

Уже сегодня 23-й день, как мы живем в Берестовце. Истомились и измучились ужасно. Наташу, чем дальше, тем больше мне жаль. Да, отняли от меня ее старые девы (терпеть не могу

этого выражения, а все-таки оно очень хорошо определяет, только старые девы и могут отнять ребенка), отняли ее от меня, испортили — избаловали безмерно, сделали эгоисткой, а теперь я замечаю, что Лида уже не так отдается ей; так бедная девочка и не знает материнской ласки, будет винить потом своих теток, да не вернуть^а.

Как меня поражает то, что они здесь [*в Берестовце и соседях*] совсем не изменились, такой ужас на свете делается, так все кругом угрожает, им же угрожает, а они, как раньше, болтают о выеденном яйце, и никакого чувства у них нет, что вот что-то страшное надвигается и неизвестно, чем все это окончится. Легкость, легкость паразитическая. И совести мало. Им надо потыкать носом, тогда они поймут, а сами ничего не понимают. Гибнет Россия, чувствует это моя душа, что гибнет Россия, и нет людей, на которых бы можно глазом остановиться, чтобы легче стало.

4

24 VI 1917

Берестовец

Господи, освободи нас из плена Берестовецкого!

Все думаю о вчерашнем своем разговоре с Надей Яновой. Да, мои родственники ничего не понимают, что они сделали по отношению ко мне. Совести у них нет, иначе нельзя сказать. И думать не умеют о том, что у них перед глазами происходит. Я знаю, что надо, чтобы мои родственники проснулись от глубокого сна, очнулись бы. Потому что, если бы они очнулись, они бы прежде всего поняли, какое зло они мне сделали, какое зло они делают Наташе^б. Не знаю я, что выйдет из Наташи, но теперь она —

[*С. П. заметила в Наташе те черты, которые я осуждаю в себе, она заметила это мое «грубое», — в это наше последнее*

^а Абзац справа на полях: 1) отчеркнут вертикальной чертой синим карандашом; 2) помета синим карандашом с обводкой чернилами: I кн<ига> Наташе

^б Абзац справа на полях отчеркнут синим карандашом на полях вертикальной чертой, помета синим карандашом с обводкой чернилами: I кн<ига>

свидание. А, м<ожет> б<ыть>, это только «рост», — так я себе говорил, но С. П. не могла «рассуждать», потому что ей было очень больно.

Мы пробыли в Берестовце с 1 VI — 9 VII, а с 9 VII — 13 VII — в Чернигове. Как всегда, я жил в полном затворе. Только вечером на час я выходил с С. П. в сад. Наташу я видел только за столом, но так одну — никогда, а слов сказано — наперечет. Слова приходят не так, а в особенности у меня, и слова мои, — а в Берестовце я должен был соображаться и выходило ничего — пустое место. Какой я, Наташа не могла и представить себе.

Все эти дни я записывал только сны, и совсем немного о Наташе, просто не было случая.]

1^a

4 VI 1917

Мне показалось вчера, что Н<аташа> при посторонних стесняется за меня. Я, отвечая на вопрос, ко мне кем-то обращенный, вроде, «как вы поживаете», не сразу ответил, заинтересовавшись выражением лица Н<аташ>и, я почувствовал, что ей неловко за меня. Каким-то она меня представляет, конечно, по мере других, кого встречает, а ведь я совсем другой.

2

5 VI 1917

Жду с нетерпением. С. П. поехала в Борзну. Боюсь очень, что там ее расстроит что-нибудь, и начнется какая-нибудь канитель, и никуда не уйти нам.

3

6 VI 1917

Теперь скажу о Н<аташе>: заметил сегодня очень враждебный ее глаз на меня, и мне показалось, в эти минуты она просто ненавидит меня. Мне очень жалко С. П.: она, хоть и делает вид, что ничего не подделаешь, а я чувю, ее мучает в самой глубине ее сердца, мучает это. Да и подумать: какое бы при ее расстройстве это было утешение — живая любящая душа и самая близ-

^a Дневниковые записи 1–4 слева отчеркнуты чернильной вертикальной чертой с вставленными в нее рисунками фантастических существ.

кая. Н<аташе> — 13 лет. Я помню себя в эти годы, — начало «скитания» моей мысли, мое жадное чтение, и мой первый вызов, я многое понимал, и вся душа моя возмущалась, но я еще глух, не все различал, как только потом понял, я говорю о судьбе моей матери.

4

7 VI 1917

Буц головой трясет, язык высунул. На солнце нашла туча. И как снежинки полетели белые лепестки на зеленый двор. Высоко летают коромысла. Юзев косу точит. Кукует кукушка. Буц улегся. И как сторожевая трещотка, затрещал аист. Больше солнце не выйдет. И закат будет туманный. Вижу из окна: по двору идет С. П. и с ней Наташа. У одной пылает крепко зажатое сердце, а что у другой?

5

13 VI 1917

Вчера слышал, как Н<аташа> говорила о «политике» всякую путаницу, как дети, повторяя какие-то самые противоречивые слухи, и что-то про «амигрантов». Но это неважно, что она говорила, но как говорила, постукивая кулаком об стол. Все это напомнило мне С. П. И какое большое (не короткое) дыхание, и неотходчивая. Уж кончила, кажется, легла, нет, продолжает, и с той же необыкновенной силой и твердостью в голосе. Я бы задохнулся.

6

14 VI 1917

Наташа очень горячая, — трудно ей в будет в жизни. Я заметил, что она чего-то боится, когда начинают разговор о ее раннем детстве у нас, с нами. Ну, это пройдет, я понимаю, а пока эти разговоры разрушают ее «знатность».

7

15 VI 1917

Что такое Н<аташа>? Избалованный ребенок, и это прежде всего. Избалованный Л<идой>, для которой она — единственная на свете, в жизни ее цель и утешение. К<атя> (Е<катерина> П<авловна>) не всегда здесь, в Берестовце, и она ее

балует между прочим. А от избалованности и происходят всякие «капризы». Избалованность и развивает самоуверенность и никакого контроля за собой: все равно, все сделается и все будет, ни на кого не обращая внимания.

Она повторяет чужие слова, своих еще нет, а того круга, где ей приходится слушать. Другие же, я заметил, к ней относятся скорее нехорошо: ею тяготятся. И она это чувствует. И если смела она дома и своевольна, в гостях такого пройти не может: на нее, прежде всего, не обращают внимания. И в гостях она смиреет, или, как она сказала: «Только дома так кричу и так говорить могу».

Ее балуют, но я не заметил, чтобы ее ласкали. Всегда б ее ласкала мать, и я, само собой, так просто без слов и без всякого повода. Л<ида> ее не ласкает, — Н<аташа> для нее все, какая же еще ласка? Повторяю, только мать, перейдет это все, и из «сверх все» непроизвольно приласкает. Л<ида> все исполняет, что только хочет Н<аташа>.

«Вытри мне губы!» — говорит Н<аташа>. (Она себе и сама может вытереть, конечно, это так), и Л<ида> берет салфетку и вытирает ей губы. «Пододвинь меня», — говорит Н<аташа>. И Л<ида> пододвигает стул. Н<аташа> насыпает сахару себе в клубнику столько, что едва хватает другим. Ей ни в чем не отказывают. Но ее отучают как-то думать. Зачем ей вытирать губы, зачем двигать стул, зачем сыпать сахар, или, я раз видел, захватила горсть укропу с тарелки и себе, — точно этот укроп или сахар для нее все, да нет, в том то и дело, а так. Конечно, все это пройдет. Только нужно ли это и зачем?

8

24 VI 1917

Н<аташа>, проходя мимо окна, заглянула ко мне, и в первый раз заговорила со мной: она спросила меня, сколько времени, и кланялась, как всегда. Вот видите, о чем записываю, для меня это событие.

9

28 VI 1917

Мне захотелось написать письмо Наташе. Я думал, передам ей в руки. Но не пришлось, осталась только эта запись:

Я с тобой и двух слов не сказал, я только смотрел и здоровался, когда ты мимо моего окна проходила по двору. А слышать я слышал, как ты говорила. И очень мне понравилось, с какой горячностью ты за «интеллигенцию» заступалась. (Ты, кажется, поняла это слово верно.) И в этой горячности мне почуялась сила твоя и разумение. Я подумал: в тебе есть «дух жив», как в твоей маме, которую ты называешь «Сима». И кулаками также стучишь, когда очень уж за сердце возьмет. Вот мне и захотелось написать тебе о тебе же. А ты мне ответ, получила ли письмо. Я тебе еще напишу.

Родилась ты в лунную весеннюю ночь, когда каштаны зацветали, — как рождественские свечи, «калядные» белые цветы. Жили мы в Одессе на Молдаванке, это самая заброшенная часть города, где ютится одна беднота. Нанимали мы одну комнату, и очень тесно было. Хозяйка, когда ты родилась, была очень недовольна за беспокойство, и все ворчала. Тебя положили на мою «шубу». И я вижу красненький дымящийся комочек, и все ротиком ловишь. А я на тебя так, как на Плика: «Подожди, мол, немножко, потерпи, дай, мама отдышится и тебя накормит». А ты сморщилась вся, вот-вот закричишь, а под моими уговорами и затихнешь, только ротиком все ловишь, точно мушку поймать хочешь. Я тебя тогда и назвал «бу — бу — ней».

Мы очень бедно жили. До масленицы служил я в театре в Херсоне. А в Великий Пост в Одессу переехали. И уж жалованья мне никакого. Я тогда только-только выбивался на трудной писательской дороге. И шел своим путем. А это очень трудно. В Одессе был журналчик «Южные записки». Носил я туда и не раз, все назад возвращали за «непонятностью».

10

29 VI 1917

Наташа во сне видела «корж» — очень вкусный, по ее словам, соленый.

Вчера во время грозы, когда сделалось очень темно, небо вдруг стало водянисто-зеленым: шла градовая туча. И сказали, что «светопреставление», Наташа забеспокоилась:

«Никола я еще не любила, — сказала она, — и есть нельзя будет (она вспомнила соленый корж из своего сна). Вы все уж пожили, а мне 13 лет!»

Наташа очень способная. Я слышал, как она учится по-латыни, как живо усваивает и разбирается в грамматике. Наташа ни о ком не заботится, только о щенятах: о них беспокоится и вспоминает. Вчера вечером после чая играл с ними в «ведьму», такая игра в карты. В первый и единственный раз. И заметил, что Н<аташа> азартная и о щенятах забыла. И еще я заметил, Н<аташа> любит всякие «странности»: в саду на дорожке нашли раздавленную лягушку, она сейчас же побежала смотреть и пристально вглядывалась, и только руками не трогала, это мое, я тоже любопытный.

11

7 VII 1917

Вчера зашел разговор, что началось все «захватом». И вот Бог наказал. А я подумал: «А Бог не накажет за то, что, напр<имер>, захватили чужого ребенка».

x x
x

9-го VII мы уехали из Берестовца. И больше Наташу не видели. От нее изредка были письма: она писала вместе с Лидой. Но какая она выросла, трудно было себе представить. Тут в Париже Н. В. Резникова встретила ее подругу, — в Киеве в гимназии учились. По словам Н. Резниковой, «из простых и добрых слов» незнакомой барышни встал яркий образ, так живо, так сильно напоминающий саму С<ерафиму> П<авловну>у: она лучше всех писала в классе сочинение и с гордостью говорила, что она — дочь Ремизова. Это относится к 1925—26 г<оду>, а что дальше, — не знаю.

[С 15 VII — 30 VII мы прожили в Москве; с 2 VIII — 5 IX — в Ессентуках, и назад в Петербург].

5

23 XI 1917

Какой тяжелый год! И для России, и для нас в частности. Как все радовались «свободе» в марте месяце, и как теперь всем несвободно. И не было «свободы», и нет. Когда-то была свобода для Н<иколая> П-го и для его свиты, потом настала свобода для Керенского и его свиты и его единомышленников, а те-

перь — свобода для большевиков. Все же остальные все время во всех этих различных «положениях» — не свободные, рабы. Видно, надо человеку лучше сделаться, тогда уже и свобода будет. А много ли хороших людей? Много ли таких, которые никогда не обманывали, никогда не корыстничали? А если еще большие требования предъявить, если искать людей, которые помогут другому, свое отдадут для другого, то и совсем мало окажется настоящих людей.

Я вышла в свет с огромною верою в людей, а теперь живу с полным недоверием. Есть у меня одно, для чего я живу, и что незыблемо, потому что вечно само по себе — это вера моя во Христа, в чудо через Него, в то, что Он один нас никогда не оставит. Я верю с самого детства; для меня самые чужие и самые душевно-непонятные — неверующие. Я даже не понимаю, как они живут. Мне с моей верой не страшно.

Вот вчера я шла по Николаевскому мосту, там часовня; я остановилась около часовни, перекрестилась.^a А в это время проезжали возы с какой-то кладью, на возах дюжие ломовики сидели, и один ломовик, видя, как я крещусь, стал зло что-то кричать, — кругом грохотало, но я знаю, что это он кричал что-то угрожающее на то, что я перекрестилась. А другие молчали, но улыбались ему сочувственно. И я тогда еще и еще раз перекрестилась, а он, пока мне его было видно, все кричал.

И я подумала: пожалуй, подымут гонение на крест Христов, — ведь в наше дикое бесстыдное, бессовестное время всего можно ждать. И я подумала: тогда, когда будут гнать крест Христов, я с радостью готова буду и страдать, и умереть за свою веру; никому не отдам своего креста, я живу им и не только я, и вот даже тот, что кричал, он живет только потому, что есть Христос, и все отрицающие и гонящие только потому и живы, что есть крест Христов. Вот за крест я готова и страдать и умереть, а за партию ни за одну не хочу страдать, — во всякой «партии» — неправда.

[Это признание очень важно: С. П. вся со своей верой, а с такой верой люди родятся и проносят ее до смерти. Вера ее была несомненная, это был свет, который окружал ее, и в этом свете

^a *Справа на полях пометы: 1) синим карандашом Оля II ; 2) чернилами стр<аница> 278*

она жила и через него смотрела на мир. И через него она чувствовала близость с тем миром, она смотрела, молясь, и зрение ее проникало туда. В<от> почему в своей молитве она могла говорить, как <с> живым лицом, туда. И от того, что ее душу окружал свет веры, она чувствовала человеческую фальшь и ложь. Вера для нее была источником видения. А. Р.]

6

28 XI 1917

Сегодня день открытия Учр<едительного> Собр<ания>. Что-то будет. Уж очень гадкие лица сегодня на улице встречаются, такие злые лица. Хотят сорвать. Не боятся Бога, себя и только себя выше всего считают.

До чего мне не нравится Спиридонова! Такая, видно, не умная и честолюбивая. И прославилась она тем, что ее «мучили». А теперь сколько мучеников появилось, и они остаются никому неизвестными, потому что их много, а она тогда одна была, так и прославилась. Это не «бабушка», которая прославилась деятельной, долголетней своей жизнью, и потому что умный и большой человек, такую искать-поискать и не найдешь, а Спиридонова — таких на каждом шагу встретишь. А сколько зла наделала вся эта мелюзга, сколько неповинной крови пролила, и единственное оправдание им было бы, если бы они сами свою кровь готовы были пролить, а то ведь убегут за границу при первой же возможности. Нет им оправдания, не отвечают за то, что наделали. Это не Аргунов, который идет в Уч<редительное> Собр<ание>, как на смерть, на все готов, и все-таки идет, знает, что ему готовят эти все «спиридоновы». Честь и хвала ему, закваска старых революционеров, умевших отвечать за свою правду.

Почему я была революционеркой? Вот потому, что хотела я «мученического венца», я хотела идти по стопам тех мучеников, которых было много в России, я не хотела «торжества», я хотела «гибели», мне было стыдно, что другие страдают, а я — я хотела пострадать.

А кровь вопиет, вопиет к небу! Остановитесь, кошунствующие, остановитесь, торжествующие, проливающие братскую кровь, остановитесь, — ждет вас суд Того, Кто все видит и Кто каждую слезу, через вас пролитуую, считает, каждую тоску запи-

сует. Смотрите, уже никто не смеется, и только вы одни радуетесь, истязатели, палачи, губители всего, чем живы люди, — губители любви. Нет радости, нет и улыбки. Знайте же, отмстится вам каждая слеза, каждая тоска, вся безрадостность, все глаза несмеющиеся, все страшное молчание, отмстится вам, палачи мерзостные, вы забыли, что и над вами Бог, вы забыли, что вы — незаметные, ничтожные песчинки, люди. Все отомстится вам, — праведен Бог.

И до чего люди ничего не понимают, до всего поздно ко всему приходят — удивительно. И кто владеет людьми?! А потому что так поздно все понимают.

[В этом гневе вся пламенность души, я понимаю, как С. П. была «революционеркой», и это совсем другое, тут никаких нет «бесов»: какие же «бесы» хотят «погибнуть», чтобы не страдали люди на проклятой Богом земле. Но ее революционность совсем не жизненная, в жизни все проще, в жизни — «партии», которые во имя своей «программы» пожирают друг друга, и о Боге не может быть речи: по человеческому разумению хочет человек или люди разных толков хотят устроить жизнь на земле. И у каждого своя правда, и во имя этой правды они готовы на все, и ни о каком «братстве» нет речи.]

А из тех, кто в ту пору действовал, много ль осталось, погибла и Спиридонова, и Аргунов умер в Праге, нет и «бабушки» А. Р.]

7

Рождество

25 XII 1917

В это страшное время, когда больше всего значение имеет «штык и пуля» — насилие, а еще и болтливый язык, повторяющий выверенные чужие слова, как особенно важен праздник — Рождество Христово. «Рождество!» — это значит, совершилось великое чудо: пришел на землю Христос, а в этом вся правда, вся свобода, вся жизнь.

В детях будущее, а в это страшное время дети привыкли к крови, к насилиям, ко лжи. А детские впечатления на всю жизнь.

Хочется мне в этот день напомнить детям о том Вечном, Единственном Свете, от которого отвернулись теперь люди, от-

вернулись и перестали быть людьми «по образу и подобию», а стали людьми «человеческими». Ведь где есть хоть тень Христовой правды, там уже улыбка, там уже радость, там у <же> свет. Нет теперь радости даже и у победителей, есть хмель, опьянение, а не радость. Кто любит Христа, тот правду и добро несет с собою, тот свободен, тот смел, потому что чего же бояться, если я со Христом?

Любите, дети, Христа, ищите правду, стойте в ней крепко. Кто хоть раз в жизни сказал всею душою и всем сердцем «Христос рождается» и заплакал, потому что сказать всею душою эти два слова и не заплакать от счастья невозможно, кто хоть один раз сказал, тот уже злодеем не будет.

Поспешим же все, опомнимся, никогда ведь не поздно, и в одиннадцатый час нас примут, и даже в двенадцатый час не поздно, осеним себя крестным знамением, с ним ничего и никогда не страшно, и от сердца скажем:

Слава в вышних Богу
И на земле мир!

[И это не слова, не из «проповеди», это слова от полного сердца светлой веры. К воображаемым детям писала С. П., вспоминая свое детство: Рождество. С Христом у нее свет, и правда, и жизнь, и радость, и улыбка. И как это непохоже на исступленный лик, какой уж там «темный», а дышащий проклятием и разлукой, лик монахов, служителей Богу. Говорю под впечатлением «Сказания» инока Парфения (М., 1855), с его Христом «по образу и подобию человеческого» безрадостному, безулыбному и жестокому. А. Р.]

8

О критике

XII 1917

Когда читаешь современную критику, думается: пишет человек совсем-совсем не так, — самый способ, прием не тот. Чаще всего, не разбирая, просто ругают писателя, или приписывают то, чего у <него> нет и ему не с руки, обвиняют его исключительно для того, чтобы оттенить свою собственную высокую мысль критика.

Ведь и фарисей молился именно так: «Благодарю Тебя, Господи, что я не такой, как мытарь!»

Вот так в критике и фарисействуют, не считаясь с тем, о ком пишут, — с его живой душой, а главное, — с правдой.

Мне думается, критик еще реже, чем писатель, потому что еще труднее и ответственнее быть критиком: судьей и учителем.

В последнее время принято и даже считается благозвучным и уж, конечно, умным, «проницательным», как говорилось в старину, ругать Мережковского. И ругают его сплошь да рядом те, кто по своему духовному и ученому уровню гораздо короче его: нет, подпрыгнуть и выругаться, вот! А ведь Мережковский — один из культурнейших русских, и мало у кого, при нашей литературной бедности, можно поучиться так, как у Мережковского, ну, хотя бы читать книги. Но что поделаешь, критику нужно как-то себя показать, похвастаться своей кургузой [*«замысленной»*^а А. Р.] мыслью.

Мне хочется, чтобы с нового — с 1918 г. появилась у нас новая критика с другими приемами, надо, чтобы критик помнил о своем «смертном часе» и знал историю русской литературы, не по учебникам, а по источникам, и как все происходило с самого начала.

При таком условии критика не будет никогда «злая», она может быть только «горькая». При таком условии критика никогда не будет лживая, она может быть только ошибочная. При таком условии будет из критики чему поучиться.

Надо беречь тех, кто создает «культурные ценности», это я для наших умников, — Россия ими не богата.

[В начале революции распоясалась всякая голь и нищета. Кто и что только ни писал! К критику большие требования, а из пустого места ничего не может выйти. Писатель еще может что-то «творить» от себя без истории, но для критика должна быть «перспектива». Как-то повелось, между прочим, что библиографию давали начинающим, какая ерунда и какой смысл получался из всяких отзывов. А у нас была настоящая критика: Белинский, Дружинин, Аполлон Григорьев].

^а Незачеркнутый вариант над строкой: замызганной

О писателях

Трудно быть писателем. И мало писателей настоящих. Таланты есть, а больших писателей мало. И так всегда было. Надо иметь большую глубокую душу, чтобы увидеть в другом, хоть и совсем по-другому, но большое, и суметь изобразить.

Мне помнится один разговор свой: я хвалила Лескова за изображение им Лизы в романе «Некуда», а Иванов-Разумник, он не любит Лескова, сказал:

«Да ведь Лесков тут ни при чем, это самый оригинал был хорош, здесь живое лицо».

Я теперь отвечаю Разумнику:

«Сила Лескова в том, что он увидел Лизу, эту живую Лизу, на ней остановил глаза, а ведь сколько проходили мимо, не замечая».

И вообще я думаю, ничего не выдумаешь в изображении лица или явления, важна способность видеть. Писатель с большой и глубокой душой ищет и находит большое и важное, а писатель с мелкой душой останавливается на поверхностном и преходящем.

[В самом Лескове образ Лизы, потому он и узнал ее в жизни. Ведь каждый пишет только о своем, свое в свою меру, а все другое, не свое, никогда не будет жить, и никаким мастерством не оживить чужое. А. Р.]

х х
х

А трудно жить писателю. Он как-то вне всего: пишет, не подчиняясь ничьим вкусам и ничьей воле. И потому одинок. Матерьяльно испытывает всегда нужду, постоянного заработка никакого. А вообще заработок зависит от издателя, который сообразуется со вкусом публики. Не потрафишь — пропал: не будут печатать, ну вот и все.

Мне пришлось рассматривать отчет Борзенской земской библиотеки за 1915 г.:

Вербицкая, «Ключи счастья» — за год	10	экземпляров
Л. Н. Толстой	2	”—”
Достоевский	1	”—”

Чем больше книга читается, тем больше экземпляров надо иметь в библиотеке. А такое не только в Борзне, а по всей России: покупается, стало быть, Вербицкая, а Толстой и Достоевский, как заведено, так и остается.

Да, доля писателя не легкая. А представьте себе болезнь... много мы бедовали, вспомнить жутко.

[Много я намучился «самоокупаемостью»: всю мою литературную жизнь мне в глаза тыкали. Что было делать: мало мои книги расходились. Были всякие советчики, но разве я мог писать по-другому?]

10

Душа русской литературы

Каждая партия примеряет к себе писателя, но разве можно втиснуть душу в какую-то мерку? И тут начинается подтасовка: можно все окорнать и обезобразить. Сейчас это модно, всех перетаскивать к себе и от богатства большого писателя брать себе свою долю и его провозглашать своим. Так случилось с Толстым и Достоевским.

Вся русская литература от Пушкина и до наших дней всегда была душой за угнетаемых против угнетателей, за обездоленных против торжествующих, за гонимых против гонителей. Кто бы ни строил тюрьмы, русский писатель будет против тюремщиков; кто бы ни воздвигал виселиц, русский писатель будет против палачей, — потому что и у тюремщиков, и у палачей душа одна, как бы различны ни были их слова и вера.

Герцен просил поляков не забывать, что «у нас, кроме Муравьевых, которые вешают, есть Муравьевы, которых вешают».

Нет, русская литература за «Муравьевыми-вешателями», с какими бы лозунгами они ни выступали, никогда не пойдет. Русская литература пойдет за тем, кто несчастен, кто обижен, кто угнетен, кто страждет. Русская литература отвернется от торжествующих и довольных.

Неугасимой свечой горят слова Некрасова:

«От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви».

[Душа русской литературы, да и вообще литератур, это «боль». Гимн боли, вот что можно прочитать по-русски. Да как же по-другому: слово рождается, когда возьмет за сердце, тут тайна человеческой природы. Петь может человек от радости, но что-то написать — надо раненое сердце, — из ликованья, из торжества никогда не выйдет слова.]

ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1918 г.

1

1 I 1918

Как мне тяжело! Стало невозможно жить. Я бы уехала куда угодно, лишь бы не видеть это торжествующее... не слышать самодовольного хохота и брани. Как мы ушли — назад. Странно вспомнить, как года два тому назад, едешь, бывало, в трамвае, на улицах чисто, в комнатах светло, воды (воды!) сколько угодно: если очень мало денег, то все-таки как-то можно прожить. На сто лет, по крайней мере, ушли мы. Были когда-то телефоны, телеграф, почта, — ничего нет, одно воспоминание.

[1918—1919 г. — самая кипь революции и всепроникающая темь. Еще не приспособились, не нашли лазеек устроить жизнь по «бедовому декрету». А. Р.]

2

13/26 II 1918

Говорят, на днях будет взят Петербург немцами. Если бы это было сказано год назад, сколько вошло бы в душу ужаса и отчаяния, а теперь — я волнуюсь, конечно, очень. Но где же Россия, это ее последние дни, и нет никакой надежды, чтобы она поднялась. А если смерть, так уж скорее, предсмертные муки тяжче.

Я верю, что когда-то Россия воскреснет, не может же погибнуть Россия, когда был Достоевский, Толстой, Пушкин, да, Россия воскреснет! А теперь она умирает, мы — свидетели ее пропада, и кто-то счастливый будет свидетелем ее воскресения.

Так Бог судил. Нам — по заслугам: забыли Христа, отреклись от Него, пошли за «кимвалом бряцающим» и погубили

Россию. И нет возврата. Надо принять свою горькую судьбу, смириться и стать пленниками — немецкими ли, английскими или японскими, не знаю, но пленниками. Мне так чувствуется, что наши союзники — Англия и Франция — нас разделят вместе с немцами, и на нас между собой помирятся.

Будет великая могила: и для одних святая, для других — все равно, Россия.

[Вот как думалось тогда с отчаянием и никогда не покидавшей верой в воскресшую Россию. Та Россия, конечно, ушла в историю, но пленниками русские не стали и не станут с Толстым, Достоевским и непереводаемым на другой язык, не мировым, Пушкиным, а русским. Слова И. В. Киреевского определяют это наше, только русское чувство: «есть что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу, ибо как назвать то чувство, которым дышат мелодии русских песен, к которому чаще всего возвращается русский народ и которое можно назвать центром его сердечной жизни»

(И. В. Киреевский «Нечто о характере поэзии Пушкина». Моск<овский> Вест<ник>. 1828, № 6, 19—20) А. Р.]

3

26 II 1918

Вчера я встала с постели. Опять был припадок печени. Тяжело мне теперь жить и есть нечего, от того и болею. Давно я не видела Людмилу [Л. Д. Бурлюк-Кузнецова], а как хочется с нею повидаться: она мне друг настоящий, как родная. Как тяжело, что в это ужасное время мы живем на Вас<ильевском> Остр<ове>, вдали от всех, кто более близок нам и, в частности, мне. Вот и Людмила так ужасно далеко, и Зинаида Ник<олаевна> [Гиппиус], и Иван Алекс<андрович> [Рязановский] далеко, и Татьяна Ник<олаевна>, и Наталья Ник<олаевна> [Гиппиусы] далеко. А здесь возле нас ни одного близкого человека.

Сологуб^а, но такой чужой по духу, а она [Чеботаревская] просто «ненормальная», душевнобольная, болтливая, пустая, тщеславная. Затем Прасковья Семеновна Воробьева, она — хороший человек, добрый, писательница из «Южного Края»,

^а На левом листе тетрадного разворота внизу рисунок: человек, ука-
зывающий рукой на фантастическое животное.

ничего не понимающая, «скушняя», как говорит Настя [*наша последняя прислуга*], провинциалка до мозга костей. Потом М. М. Пришвин, но ведь Пришвин — «животное», не человек: в нем хорошие свойства животного, он — непосредственный, — но он никого не любит, только себя и много очень о себе думает, до смешного трус, плохой товарищ, а его история с женьбой, тут уж одно «животное», он не умен, только хитёр и, конечно, для своей выгоды как-то хитёр. А еще здесь живут очень хорошие люди — Безобразовы [*Марья Сергеевна и дочери ее*], но они так замучены и безденежны, и всем ужасом теперешней жизни, они, как и мы, больные.

[*Пришвин жил некоторое время на В<асильевском> О<строве>, кажется, на 4-ой л<инии>, комнату снимал и бывал у нас^а. Но потом уехал к себе в Елец. Все житейское, — все со временем изгладилось, и осталось только хорошее воспоминание о Пришвине, бородатом звере, большом писателе, душой открытым зверю, траве, реке и звездам. Прасковья Семеновна Воробьева из Екатеринослава,^б для нее Ростов — столица, писала и критику, и рассказы. Она приехала в Петербург с мужем после смерти их дочери. Неутешное горе, о котором она всегда рассказывала. Оба — пожилые. Он искал место по книжной части, он был учителем, а она, в ростовской газете первая, собиралась выступить в Петербурге. Наше знакомство: чем-то я ей понравился, хотя во всяких Ростовах меня принято было ругать. Мне было очень жалко эту Прасковью Семеновну, а похожа она была на смерть (д<олжно> б<ыть>, надо прибавить, — карачаровскую) и как говорила, так и писала, пришитыми, затасканными словами, и говорить могла бесконечно.*

Безобразова Марья Сергеевна, сестра Вл<адимира> Соловьева. А ее муж — Павел Владимирович Безобразов, историк, написал книгу о святых в Византии, человек ученый и знающий, но бросил науку и стал заниматься журналистикой, писал в газетах. Он был приват-доцент Москов<ского> университета, выступал с публичными лекциями по женскому вопросу. Я однажды его слышала: говорил он с испуганием, перешибал Джанишева горячностью, и, главное, — видом, черный, он был молодой, и гла-

^а Три слова густо заштрихованы.

^б Было: Екатеринодара

за под Вл<адимира> Соловьева. После какой-то лекции о «равноправии женщин» его выслали в Рязань (ведь только подумать, за какую ерунду), так он науку и бросил, хотя через год его вернули в Москву. Жили они очень бедно в Петербурге, Марья Сергеевна писала роман и ездила в Париж, там она ходила по лекциям, а он тут участвовал в «Слове» и по четвергам обедал у Манасиных. Заходил к нам — разговорчивый ни на какую статью, а про Византию ни слова, как вымело. А был у него приятель в Москве — Ермилов. Ермилов был известен в Москве как необыкновенный чтец Чехова. Я его однажды слышал, читал он картинно и с воодушевлением, как в первый раз. Он сам из учителей. Это было, когда я учился в училище, а потом, может, он и не читал Чехова, а вообще где-то писал в московских газетах. Кто-то сказал П. В. Безобразову, что Ермилов помер. Помню, он был у нас и очень расстроенный, все повторял: «Ермишка, Ермишка!» — и зашпешил в «Слово» писать некролог. И написал. На другой день появилось. А вечером в тот же день ему говорят — до Москвы дошла газета, — что Ермилов и не думал помирать, а умер Ермолов, никакого отношения к Ермилову. И как он услышал, что Ермилов не думал помирать: «Ермишка! Ермишка!» — пролетел он — последние слова и помер. Единственный некролог о нем — в «Утре России» написал Ермилов.

В революцию Безобразовы жили где-то на В<асильевском> О<строве>, и Марья Сергеевна приходила к нам. Обо всем она говорила одинаково с ужасом и со слезами, очень бедовала. Жалко ее было, но как было помочь ей, — мы едва-едва жили. А. Р.]

4

Письмо З. Н. Гиппиус^а

1 III 1918

Я Вам пишу письмо, чтобы легче было разговаривать. Я совсем иначе, чем Вы, отношусь к людям, и даже не могу ничего отвечать на некоторые Ваши замечания, пока не скажу Вам, как именно я отношусь.

Прежде всего, я думаю, что людей почти нет, т. е. так почти, что даже страшно. Я много людей встречала на своем веку, но

^а Справа на полях помета синим карандашом (римские цифры) и черными чернилами (арабские цифры): II 4 <, > 15 / V 14—29 / I 45, 79

таких, которых почти нельзя назвать людьми, а это еще не худшие. Я почти никому не верю.

России больше нет, незачем нам представляться, надо прямо сказать себе: России нет. А кто виноват? Русские люди виноваты, продали и пропили Россию. Чести нет, погубили Россию. Вступился Корнилов, но его предали во имя партии, как и Россию предали во имя партии: большевики только докончили то, что начал Керенский, и без всяких большевиков все равно погибла бы Россия, только дольше б тянулась ее предсмертная боль, вот и все.

Кому я верю и кого я ценю? Я верю мало кому и ценю мало кого. Я ценю культурность, и с этой стороны мне близок Вяч<еслав> Иванов, Мережковский, Философов и еще кое-кто из знакомых. И внешне, и внутренне культурные. Я бы хотела только «внутренними» духовными вопросами заниматься. Я не политик, и мне тяжело жить в такое исключительно политическое время.

Я рада, что в нашем доме живет О. Н. Нечаева, все-таки она безусловно культурная. А теперь важно жить в одном доме с культурными людьми. Ходить никуда нельзя, в «социалистическом отечестве» грабят, шубы снимают, а у нас денег ни копейки, другой шубы не сошьешь, это те^а, кому вольно грабить, могут хоть 10 шуб себе шить.

Вильямс [*Гарольд Васильевич †*] хороший, но он англичанин. Вера Николаевна Фигнер... но она говорит неправдошные вещи, не думает, боится думать до конца. Я думаю, Бердяев хороший, мне жаль, что мы с ним будто бы в ссоре. Иванов-Разумник... только в нем столько еще мальчишества.

[С. П. перечисляет тех, кто в это время бывал у нас, а это время было одно из самых труднейших, когда полезла всякая дрянь, непременная спутница революций, да, подлинно «хам», для которого ничего в мире не существует, только выгода, самодовольный, потому что нет преград и все позволено.

Вильямс скоро уехал в Англию, В. Н. Фигнер где-то приютилась и уж не вылезала из своей норы, обескровленная Шлиссельбургским сидением, Бердяевы и Вяч<еслав> Иванов — в Москве, а Ив<анов>-Разумник был накануне своего 10-и летнего скита-

^а Три слова густо заштрихованы.

ния по тюрьмам, а Мережковские и Философов уедут за границу. А. Р.]

5

И. А. Рязановский

4. III 1918

(воскресенье)

Сегодня хороший день: пришел Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский. Это один из самых лучших людей, каких я знаю, умный, очень образованный^а и твердый, уж он никогда никому подпевать не станет, всю жизнь свою дорогой идет. После моего единственного друга, Ив<ан> Ал<ександрович> мне самый близкий человек, я в нем совершенно уверена. И с самого начала революции у меня с ним ко всему одинаковое отношение. Еще в прошлом году в марте, когда почти все ликовали, мы с ним видели, что идет «Хам» и сядет на всю Россию.

[Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский. Археограф, о нем в «России в письменах», замечательный человек и большой ученый. В одном, помню, мы с Ив<аном> Ал<ександровичем> разошлись: он голодал эти годы, но не мог расстаться ни со своими книгами, что нам было понятно, ни со своими бриллиантами, что совсем непонятно, а их у него была коллекция, какие-то «археологические». Эти бриллианты он берег, чтобы передать своим племянникам. А кончилось печально: при обысках эти драгоценности как-то не попались на глаз, ну а племянники, он впоследствии отдал им бриллианты, племянники объявились вдруг «большевиками», не по убеждению, конечно, а из шкуры, и на его глазах протоптали эти голодные бриллианты. А. Р.]

Мережковские

12 III 1918^b

Не удалось мне тогда дописать (№ 4). Я видела З. Н. Гиппиус. Как мне тяжело после свидания с ней. И трудно очень определить причину. Я думаю, она не считает себя виноватой, не кается, — оттого у нее к другой душе такие подходы внешние. Я из-за них всех много когда-то страдала, ведь думала, что

^а Зачеркнуто: культурный

^б Справа на полях помета синим карандашом: кн<ига> II

они (*Мережковские*) — люди настоящие, я хотела с ними вместе идти в жизни, и так было мучительно постепенно убеждаться, что это — люди честолюбивые и недобрые, и неверные.

[Трудно себе представить более противоположное по душе, чем С. П. и Мережковские. Своим умом З<инаида> Н<иколаевна> поняла С. П.<авловн>-у, но С. П. не сразу разобралась в их «гнущейся» душе. Это люди с локтями, а о какой-нибудь доброты не может быть слова, я бы даже назвал их «хищниками». И я не знаю, кого предпочесть: «Хама» или «Хищника». Очень горькое было разочарование у С. П.<авловн>-ы, когда она разглядела Мережковских. С З<инаидой> Н<иколаевной> отношения как-то еще продолжались, я думаю, за понимание З<инаиды> Н<иколаевны>^a, однажды, встреча, не прошла мимо^b.

Кажется, я очень жестоко написал. Все ищущу сказать хорошее, а никак не могу зацепить, и только мелькает дар Божий и «культурность», т. е. знания и вошедшие в жизнь житейские и духовные в какой-то мере! Но грубость, конечно, остается, ее никаким «евангелием» не вытравить. Скажу просто, русские писатели, не дураки. А. Р.]

7

Господи, когда окончится эта анархия? Прямо немислимо жить стало. И голод. Уж совсем нечего есть: хлеба нет, крупы нет, сахару нет, мяса нет. Есть еще молоко, только и всего. Чай и молоко.

[А скоро не будет ни молока, ни чаю, но понемногу, «мешком» жизнь войдет в свой порядок. Самое ведь тяжелое время, когда не знаешь, как сообразиться, и никаких лазеек не видно, — очень тяжелое было время. А. Р.]

8

Пасха

22 IV 1918

Сегодня Пасха. У заутрени мы были в богоделенской церкви, рядом с нами дом. Мне было хорошо, я очень плакала.

^a Зачеркнуто: что

^b Зачеркнуто: А. Р.

Я всегда плачу от радости, а в эту ночь особенно. И от радости я плакала, и от какой-то обиды за весь наш народ, который мог променять Пасху на какие-то громкие слова. А сегодня я дома сижу, была в церкви, к вечерне ходила. Звонили многие по телефону. Я рада звонку Елизаветы Михайловны [*Терещенко*], З<инаиды> Н<иколаевны> [*Гиппиус*]. Я всегда в церкви христосуюсь с теми, кого люблю, и с живыми и с мертвыми, мысленно. Возле меня бывает всегда только один А<лексей> М<ихайлович>, с ним первым христосуюсь, а потом и с другими. Как бы хорошо было на Пасху быть вместе со всеми, кого любишь.

[Дальше запись из «Логики», которую С. П. изучала: о «суждениях».]

9

Погасло электричество

— с о н —

28 V 1918^a

Будто погасло электричество, и я ничего не вижу, но знаю, что в комнате кто-то очень страшный находится. Я окликнула А<лексея>М<ихайловича>. Но он не подал голоса. Впотьмах я пошла искать его. И ощупала руками лоб, разбудила.

«Тут кто-то страшный, пойдем!» — говорю.

Но он не успел ответить, как я крикнула:

«Эй, кто там, выходи!»

И тотчас вышла большая полная в белом, на Надю Янову [*Веру Стрешневу*] похожа. Молчит. Я поняла, что это та. Я изловчилась, да на нее, — к земле ее и пригнула. И на нее легла. Трясу ее. И чувствую, от моей тряски ей бы хоть что. И замечаю, Надя Янова [*Вера Стрешнева*] стоит тут же.

«Надя, — говорю, — ложитесь на меня, а то я одна не справлюсь».

«Боюсь, — отвечает она, — я задушу Вас».

А вдруг подняла голову и два пальца так — —

^a Справа на полях пометы: Оля II (синим карандашом); стр<аница> 279 (черными чернилами).

10

14/27 X 1918

В этой книжке [*не сохранилась, только моя копия*] я буду записывать то, что случается и что думается в это страшное время. Это Дьявол разгулялся и действует.

11

11/24 X 1918

Сегодня^а во сне я видела Д. и мамочку мою — обоих ушедших от нас в другие страны. Д. ласковый такой, ну совсем как живой был, а мамочку будто на носилках принесли и так страшно: я одни ноги вижу, завязанные в какие-то тряпки, — мне было очень жутко.

Сегодня я была в «Лактерине» за кефиром, видела Нечаеву с девочкой, и еще видела какую-то несчастную больную женщину, над которой барышни-продавщицы издевались — какие есть злые люди! Завтра придет Анна Митрофановна [*Аничкова — Иван Странник*]. Я очень рада этому, я в ней уверена, что она «антихристовой печати» не примет. Как хорошо сказано в книжке, что я читаю (Откровения Блаж<енной> Анджелы) — «быть бедным родными и друзьями». Это и значит, одиночество.

Больше всего все думают теперь о еде, как ее добыть? Все очень усложнено и затруднено, каждый шаг связан; если придет в Петербург человек новый, как ему трудно кусок хлеба получить, сколько «инстанций» всяких пройти в учреждениях.

Анна Васильевна [*Романова, жена Пан<телеймона> Серг<еевича> Романова*] хорошая, она вправду за нас беспокоится, о нашем голодном существовании. Есть в ней тонкость душевная и от ее беспокойства мне легче; легче, что есть люди, которым до других есть дело, — в наше жестокое время такая редкость, а помочь она ничем не может: посылок не разрешают посылать, все теперь запрещено.

Я люблю тишину вечера и мои печальные думы: я вспоминаю все день за днем, что было, в моей памяти все хранится, о Д. вспоминаю и такие хорошие воспоминания, — до какого-то

^а Слева на полях абзац отчеркнут синим карандашом и черными чернилами вертикальной чертой со словом: сон

срока, вспоминается то, от чего сердце трепещет, а потом кошмар, потом разное-разное, потом горе.

Все ждут перемены — ждут лучшего. И я верю, я верю, что Бог не оставит нас. Христос нам поможет. И когда это в мире не будет проливаться кровь? За эти 4 с ½ года море крови.

[В тот год у нас появлялась Ан<на> Митр<офановна> Аничкова, жена Евг<ения> Вас<ильевича> Аничкова, она приносила с собой необыкновенные известия из достоверных источников о «падении большевиков». Она говорила бесстрастным тоном. Мне казалось, что она загипнотизирована: она, в сущности, повторяла одно и то же и говорила всегда очень точно «сроки». Ничего, конечно, не сбывалось, и это не меняло дела. Потом она уехала к себе на «Ждани» в Новгородскую губ<ернию>.

Она писала романы под псевдонимом Иван Странник. Один напечатан в «Вест<нике> Европы», очень скучный, он также бесстрастен, как ее речь. А в смысле ремесла, все очень стройно, в Париже она была ученицей Анатоля Франса. Ев<гений> Вас<ильевич> Аничков в это время был за границей, не знаю, в Париже или на Балканах.

Анна Васильевна Романова, это ее паспорт я прописал, как живущую у нас и потом разыграл всю историю, описанную в рассказе «Сережа» — «Взвихр<енная> Русь». Ее муж Пант<елеймон> Романов, талантливый, из семинаристов, к несчастью, глухой и потому, д<олжно> б<ыть>, такой скучный. А. Р.]

12

25 XI / 8 XII 1918

Хоть бы пришел к нам сегодня Николай Ал<ександрович> [Шапошников]! Очень я тоскую теперь по вечерам и есть только три человека, в которых я совершенно верю, что они не поклонятся «Тельцу» и не примут «антихристовой печати»: Н<иколай> А<лександрович> Шапошников, Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский, Анна Митр<офановна> Аничкова, есть и еще, я знаю, но я-то их не знаю.

По Апокалипсису выходит, что не примут «антихристовой печати» 24 тысячи, и это во всем мире, а сколько же, значит, приходится на наш несчастный Петербург?

Не понимаю близорукости тех людей, которые не видят антихристового начала в происходящем.

Н. А. Шапошников очень рассудочный человек, математик [инженер-металлург], все раскладывает — анализирует, есть в нем твердость настоящая до жестокости, это хорошо, и вдруг какая-то размягченность: философ!

Как страшно, что теперешнее не любит креста, это даже не замаскированный антихрист, а откровенный. Я люблю тех, кто без креста не может и носит крест всегда, бескрестные мне чужды.

Наша революция и вышла такая ужасная и такая пошлая, потому что два идейных начала в ее основе: атеизм и декадентство, — а непосредственная причина: война, голод и русская лень.

З<инаиду> Н<иколаевну> Гиппиус я люблю, только не уверена в ней до конца, она ведь тоже декадентка, как Блок, и не хочет правды сказать до конца, не хочет назвать по имени своих собственных ошибок.

У нас сегодня есть хлеб, моя дорогая Людмилочка [Л. Д. Бурлюк-Кузнецова] мне прислала — спасибо ей.

[Блок получил громкое имя в революцию не за свою лирику, а за «12», вещь очень слабую, искусственную, от которой он впоследствии отрекался, как от какого-то похабного произведения. Ему было неловко, когда напоминали ему о 12^н. В самом деле, описание безобразий, которые называются «революцией», да еще с сентиментальным заключением о Христе. Помню, я рисовал эти «безобразия» и сделал целый альбом, но Блоку не удалось показать, да, пожалуй, так и^а лучше. А в этом 12^н и случилось «декадентство»: все вали в одну кучу, и попал Христос для поэтического контрасту. Андрей Белый тоже что-то вопиял тогда «Христос воскрес». Для верующего человека все эти произведения были, конечно, кощунством.]

С. П. любила Блока, очень ей было тяжело, и только потом изгладилось, и Блок опять стал для нее Блоком.

Н. А. Шапошников, появившийся у нас в ту пору, писал стихи, только очень специальные: хотел в словах-звуках выразить работу сложнейших машин, — специалист по металлургии.

^а Зачеркнуто: хорошо

Словарь у него был бедный, а я из своей памяти и из Даля набрал ему немало всяких звучных, он воспользовался, но когда на одном из вечеров в «Доме искусств» он попробовал читать свои стихи и кое-что произнес, то скоро^а сам законфузился и смял: для выражения напора, напр<имер>, было сказано «с пёрдом», что очень верно передавало звук, но были слова и покрепче.

Он увлекался электрификацией и впоследствии занял какое-то большое место. Между прочим, это уже в 20-м году, когда обжились, и затеяно было на Пасху кулич самим делать, он в тесто ставил градусник, — тесто не подымалось. А. Р.]

13

26 XI / 9 XII 1918

Была сегодня у Натальи Николаевны Гиппиус, она очень хорошая, я в ней уверена тоже. Ей подарили икону Успения Пресвятой Богородицы, она ее освятила в церкви. Потом видела Грекову и еще Ш., она мне очень обрадовалась, а я ее теперь не так люблю, она не чувствует настоящего отворачивания к мерзости.

Все говорят о гонении на Церковь. Среди гонения немногие останутся верными, но зато верные уж будут подлинно до конца верными. Слышала, что приехала Марг<арита> Вас<ильевна> Сабашникова и живет в Москве, хочу узнать ее адрес и напишу ей: мы с нею так хорошо понимали друг друга, неужели она могла измениться?

Вся частная торговля будет закрыта, значит, будет настоящий голод или еще больше процветет спекуляция: ведь все можно достать, только за ужасные деньги; и достают... новые богачи, разбогатевшие на «революции». Как это ужасно, богатели на «войне», а теперь богатеют на «революции». Зовут к телефону. Завтра пойду с Н. А. Шапошниковым в Тенишевское Училище на вечер памяти Достоевского.

[Грекова училась с С. П. на Бестужевских, жена доктора Грекова. При отъезде за границу мы отдали ей свои портреты, рис<унки> М. В. Сабашниковой: мой — карандашом, а С. П. — красками. Уже здесь, в Париже, я говорил Федину, чтобы пере-

^а Было: а потом

дать эти портреты куда-нибудь в музей. Что с ними стало, не знаю. М. В. Сабашникова приехала в Россию из Германии в одном «запломбированном» вагоне с Лениным. Вскоре она переехала в Петербург и в 20-м году она вместе с С. П. служила в библиотеке Наркоминдела. Она осталась такой же, как и была, антропософка, но с очень широким глазом. Она приезжала и в Париж до войны. С. П. ее любила до конца. А. Р.]

14

12 XII / 21 XI 1918

Господи, какая ужасная тоска! Кажется, конца не будет тому ужасу, в котором мы живем. Уже закрыты лавки, ничего нельзя достать. Голод. И что это значит — полтора года назад (в марте 1917-го) люди, не знавшие, что такое голод, выходили на улицу и кричали: «Хлеба!» — шли под расстрел, а теперь эти же самые люди молчат. Запугали большевики.

Сегодня какая-то дама рассказывала, ее брат, офицер-красноармеец, приехал с фронта и рассказывает, какая там дисциплина, за малейший проступок солдат расстреливают, напр<и-мер>, там автомобили на спирту ездят и нет пьяных, несколько солдат расстреляли за пьянство, вот и боятся.

Вспоминается, как когда-то «ратовали» против смертной казни, и опять ее ввели те, кто особенно ратовал. Но раз есть смертная казнь, значит, нелюди живут на свете. Или как называть таких людей?

Поперечный [*не помню имя, учился с С. П. в Археологическом Инст<итуте>*] меня очень раздражает, он весь дергается и «жрет» (слово «ест» не подходит к нему, что-то зверское в его еде). А «едою» человек очень определяется. Теперь еда на показе, не прежнее время, когда не замечали, или очень редко. Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский тоже плохо ест, но иначе, он как-то плямкает и громко, тоже и старуха Красильщик, и не от беззубья, или есть очень хочется. А вот Шапошников, он любит поесть, а ест хорошо, не замечаешь.

[Поперечный приходил к нам с какими-то археологическими вопросами, и с ним было всегда трудно: очень уж нервный. А. Р.]

13 XII / 30 XI 1918

Сегодня при мне пришли в магазин «Маркон» трое: два штатских и один военный. И объявили, что переписут весь инвентарь, на время закроют магазин.

Я там была, дожидалась, что принесут котлет, и я куплю, а то ведь есть нечего совсем, ну так и не дождалась. Хозяйку мне жаль было; правда, много она лишнего берет с несчастных голодных покупателей, а все-таки жалко. И так покорно она повела осматривать помещение. Ну, я ушла, не дожидаясь конца, надо было домой спешить. Они похожи на жандармов, те также смотрели: наверно, тут профессиональное, и люди идут подходящие, только имена меняются.

Невский, мне милый, совсем пустой теперь, магазины заколочены досками, вымерший город. Что-то будет. Разное говорят. Что-то будет.

[Должен сказать, что без С. П-ы я бы пропал в эти годы. Ни в какие «Марконы» мне доступу не было. С. П. и табак доставала. Ее не боялись. Так, кое-как, а жили. Но один я — не выжил бы. А. Р.]

ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1919 г.

1

7 I 1919
(25/XII 1918)

Рождество. А я лежу в постели. Слава Богу, мне сегодня гораздо легче, нет болей. Если Бог даст, целый день пройдет без болей, и температура не повысится, я собираюсь завтра встать. Припадок (печени) был особенный.

Как тяжело жить, Господи, как тяжело! И когда будет конец всему этому? Когда люди станут «людьми»? Теперь и не напоминают в большинстве случаев: какие это «люди»? Сколько зла сделано, не перечислить. Людей обратили в скотов, лучшие погибли, голод ужасный, а с голодом у кого-то нажива. Вот На-

стя (наша бывшая прислуга) привезла нам муки и крупы, за 9 фунтов получила от нас 100 рублей, и это по теперешней цене еще дешево считается, а ей ничего не стоило — так вот и нажимаются. А настоящий спекулянт-«мешочник» так ли еще? Есть богачи новые теперь. Все нечестные люди богаты — и это называется «коммунизм». Что за ужас.

2

10/23 I 1919

Господи^а, помоги нам, дай дожить до светлых дней, дай силу, не оставь своими милостями, спаси нас, дай увидеть мне моих родных, сохрани их, спаси, дай нам всем быть вместе!

Сегодня снилась мне Маруся Сущинская [*Зина в «Оле»*], как далеко все то, что с нею связано. Когда-то, в дни самой первой юности, она была моей подругой, мы обе ничего не знали и так всему «человеческому» верили. Что с нею теперь? Неужели она не изменилась в самом главном, неужели осталась «рационалисткой». Я думаю, в наш век, когда такое совершается в мире, могут остаться рационалистами только очень тупые умом или душой, или сердцем, или всем вместе.

Жаль мне Безобразовых и чем помочь им, и чувствую я, что они все погибнут. А Марья Сергеевна очень хорошая и чуткая, она была вчера у меня, и столько горя я в ней почувствовала, столько безысходности.

А сегодня Изаб<елла> Львовна [*Баскина, жена доктора Баскина*] такая грустная, никогда я ее такой не видела, тоже не сладко ей одной, такая нужда [*муж ее, «старец», помер*]. Только девочка утешает. Что из теперешних детей выйдет? Несчастные и озлобленные люди выйдут из них. Почему-то молочница к нам не идет, обещала прийти в понедельник, а сегодня четверг уже, не идет, и нигде не можем достать молока.

[*Изабелла Львовна Баскина, учительница музыки, С. П. упражнялась с ней. А ее муж — когда-то знаменитый «царский» гинеколог^б. Женился он, ему было лет 80, а ей и 30-и не было. От старости он едва смотрел на свет и глухой, и все-таки у них*

^а *Справа на полях помета синим карандашом с обводкой черными чернилами: Кн<ига> I*

^б *Справа на полях: Самуил Захарович Баскин*

родилось: здоровый ребенок. «Старец», так его называли, умер в начале революции. Однажды они были в гостях, и там был Распутин: Распутину она очень понравилась, и он ей на клочке написал «признание», — она долго хранила автограф. А доктор был хороший человек, когда он бывал с ней, мы делали по особому способу селедку, много он помнил, но не записывал. А. Р.]

3

8 II / 26 I 1919

Видела я два раза Любовь Ис<аковну> [Красильщик-Трапезникова]. Более противоположного себе человека я не знаю. Она очень матерьяльна, она старается быть доброй... но есть ли толк, если только стараться? Она теперь все спрашивает, сколько кто проживает: она все наверняка, без всякого «рisku». Полтора года назад уехала она из Петербурга на урок в Финляндию (к Яковлевым), чтобы наверно не голодать, и там жила, как в тюрьме, но действительно не голодала. Но ведь лучше голодать, но жить на своей воле. И мне бы стыдно было полтора года назад уехать, чтобы не голодать и оставить всех нас голодать, стыдно было бы быть сытою, когда близкие голодают. А те...

[Люб<овь> Ис<аковна> Красильщик-Трапезникова — одна из самых близких С. П-е. Все эти ее черты матерьяльные сглаживались искренним чувством к С. П-е. До 1934 г., кажется, она писала из Москвы неизменно. И С. П. до последних дней вспоминала ее с любовью. Она была замужем за Трапезниковым, молодым еще умер в Германии, среди русских считался ученым антропософом. Мне он понравился, я видел его раз. А знал я его отца: маленький тихий и кроткий старичок, он был помощ<ником> попечителя Ал<ександровского> Ком<мерческого> Училища, иногда приезжал в училище. А дом их старинный против церкви Симеона Столпника. Старика, помню, похоронили в Андрониеве монастыре. Не могу вспомнить, чем они торговали. А. Р.]

4

— сон —

9 III 1919

В комнате два окна. Причесываюсь перед зеркалом и заглянула в окно, и вижу, на небе огромный ключ, а под окном женщина с девочкой.

«Посмотрите, — говорю, — на небе ключ!»

Но когда та обернулась, чтобы взглянуть, ключ исчез, а на его месте Божия Матерь, как ключ, железная.

«Посмотрите, — говорю, — теперь Божия Матерь!»

Но не успела та обернуться, как исчезла и Божия Матерь, а на месте ее Христос, огромный посох в Его руках. И я слышу голос, будто это Он говорит:

«Станьте на колени, грядет^a конец света!»

И я вижу много людей, — и все стали на колени^b. А небо потемнело.

И я очутилась в саду, тут и река. Священник в белой шапочке, на шапочке золотая звезда, и мальчики в белом несут огромное блюдо с «причастием» — все маленькие стаканчики: сейчас он будет причащать.

Все стали на колени.

5

Федор Иванович Щеколдин^c
† 1919

15/2 III 1919

Уже больше недели прошло, как похоронили Ф. И. Щеколдина. Это был наш спутник в Устьсысольске. Много было с ним разного, и хорошего, и плохого. Он очень хороший, на редкость честный и добрый, — хороший человек, и религиозный он стал въяве в последнее время, только был на нем налет с<оциал>-д<емократа> и еще оставался. А его хозяева — Покровские мне очень не нравятся: сухари.

Хоронили в Александро-Невской Лавре. Пели хорошо. В последний раз с ним вместе слушали литургию Преждеосвященных Даров: он в гробу лежал, а мы стояли по бокам. Литургию вместе слушали в последний раз, в этом большой смысл. Потом началось отпевание. Кроме нас были еще Рузские, они молились, а все с-д-ки^d стояли, как истуканы.

Жаль мне очень Ф<едора> И<вановича>, не придет к нам, не поговорим с ним, не поворчит он. Как тяжело ложится на

^a Было: наступает

^b Было: стоят на коленях.

^c Справа на полях помета синим карандашом с обводкой черными чернилами: кн<ига> I стр<аница> 61

^d Написание слова «сдэки» — сокращенное от «социал-демократы».

душу смерть его. Собираю те вещи, что он мне подарил. Все нашла, одной нет: записная книжка из Парижа, где она? Кому понадобилась? Кто так нахально стянул ее прямо с моего стола? Я молюсь о Ф<едоре> И<вановиче> всякий день.

х

А сегодня на улицах как беспокойно, чувствуется: носится что-то в воздухе, и солнце было такое яркое, и напряжение большое.

В трудные минуты «сыны антихристовы» всегда ко лжи прибегают, так им их отец велит, и на этот раз лгут. Но вот что я думаю: Дьявол не только их учит лгать, но и сам обманывает всех и их тоже.

Почему-то Яков Петрович [Гребенищikov] не идет? Я о нем тревожусь: очень он плохо смотрит и нехорошо себя чувствует, у него нефрит. Я<ков> П<етрович> — очень хороший человек, книжник, бескорыстный.

[Ф. И. Щеколдин снимал комнату у Покровских, тоже из бывших с<оциал>-д<емократов>. У Ф<едора> И<вановича> хранилась бутылка портвейну, сколько я не просил, он не соглашался: «Когда падут большевики, выпьем!» И вот после смерти Ф<едора> И<вановича> этот самый Покровский, его хозяин, до всякого падения, не спросясь, всю бутылку выпил. Вспоминаю этот случай в назидание: никогда не надо ничего беречь на чье-то падение, а всегда говорить себе: есть — хорошо, а не будет — что делать! — и расточить добро без оглядки!

Племянник генерала Рузского был воспитанником Ф<едора> И<вановича>. Ф<едор> И<ванович> служил в банке у Рузских.

А это хорошо: Дьявол, уча своих детей лжи, сам их обманывает, — какая получается путаница и неразбериха!

Я<ков> П<етрович> Гребенищikov — библиотекарь Публ<ичной> Библиотеки, учился с Замятиным в Политехн<ическом> Инст<итуте> в Петербурге, Замятин нас и познакомил. Он жил по соседству, на 15 л<инии>. Его сестры хозяйственные — пироги делали. Рассказ «Именины» во «Взв<ихренной> Руси» о Якове Петровиче. А. Р.]

6

28/15 III 1919

Что это люди не понимают, что ими теперь правит Дьявол!

Ведь если бы люди стали соединяться друг с другом, всем бы легче стало, а наоборот, разъединяются, уезжают в разные стороны, и всем от этого хуже. Ну, лучше ли Людмиле [Л. Д. Бурлюк-Кузнецова], что она уехала в Саратовскую губ<ернию>? Конечно, хуже. Ни там тоже не сыты они, и мыла нет, чесотка у детей, и не с кем слова сказать. Здесь хоть бы вместе были с Вас<илием> Вас<ильевичем> [муж Бурлючки] и со мной. Ну как внушить людям, что хоть теперь не надо разъединяться, что хоть теперь надо друг к другу относиться участливо, что хоть теперь надо — любовь!

Боже мой, спаси нас, дай нам, сделай нас достойными увидеть конец этого дьявольского царства, дай нам быть вместе с моими родными, сохрани меня и А<лексея>М<ихайловича> и Наташу, и Лиду, и Сережу, и Катю. Приведи нам увидиться, и пожить вместе!^a

7

10 IV 1919

Прохожу возле Сената. Голос в спину:

«Барыня, нет ли у вас работы?»

Я обернулась: стоит женщина, трудно сказать кто, только простая^b.

«Какая, — говорю, — у нас работа».

«Возьмите служить хоть даром».

«Да нам не нужно».

«Вы не обижайтесь, к кому же нам и обращаться, как не к вам, а вам и самим теперь нечего».

«Да уж как — нечего!»

И стала она рассказывать, как она скоро с голоду помрет: у нее маленькая квартира, а дров нет, и керосину нет, и все продано, что было.

^a Слева на полях абзац выделен вертикальной чертой (синими чернилами). Справа на полях помета синим карандашом с обводкой черными чернилами: Кн<ига> I

^b Было: так из бывших прислуг

х х
х

«Кто говорит: “Уезжай отсюда”. — А я говорю: “Куда же я поеду, тут хоть место нагретое”. — А то говорят: “В Кронштадт уезжай”. — А я говорю: “Боже упаси, у нас страшно, а на этом острове еще страшнее”».

«Тут недавно возле Академии ученье было, один солдат и говорит: “Товарищи, не пойдемте на фронт, все это мы из-за жидов деремся!” А тут какой-то с портфелем: “Ты какого полку?” А он опять: “Товарищи, не поедем на фронт, это мы...” — “Стреляйте в него!” — скомандовал тот с портфелем. Тогда два солдата вышли, а этот побежал. Да до угла не добежал, настигли и выстрелили, — мозги у него вывалились, и целая лужа крови. Я иду и громко плачу. Милиционер подошел: “Иди, — говорит, — в свою квартиру плакать”. А я говорю: “Когда это публично делается, то можно публично и плакать”».

х х
х

В трамвае^а

«Господа, подвиньтесь!»

Солдат, оборачиваясь: «Господа под Гатчиной легли».

Баба с места: «То-то и есть: господа легли, а одни хамы остались».

«А ты тише! Держи язык, а то знаешь: долго разговаривать с тобой не будем».

Но на бабу это никакого:

«И не боюсь я тебя. Ишь какой выискался. Что ж, останови трамвай, выведи меня и расстреляй. Такую жизнь сделали, только смерти просишь».

И что-то еще ворчит. А солдат отошел.

На остановке место освободилось.

«Садитесь, пожалуйста!» — очень вежливо сказала баба.

Я села. И она, наклонившись:

«Я из той деревни, где они были. Верите ли, на Покров пришли! — и совсем шепотом, — офицер с погонами. А у нас на

^а Текст миниатюры записан на левом листе тетрадного разворота.

Покров много свадеб назначено. Батюшка спрашивает: “Скажите, пожалуйста, можно венчать?” А офицер: «Кого угодно, только не коммунистов».

[Такими записями я много пользовался для «Взвихренной Руси». Всякий раз, когда С. П. выходила, она возвращалась домой: еду принесет и рассказ. А. Р.]

8
Восьмушка
— сон —

27 IV 1919

Наши комнаты, только больше. В моей сидит Нат<алья> Вас<ильевна> Григорьева, а А<лексей>М<ихайлович> — в своей, лежит. Слышу шаги: Поггенполь в прихожей.

«Да помоги же мне!» — голос А<лексея> М<ихайловича>.

«Господи! — я испугалась, — я позову сейчас Поггенполя», — и хочу сказать: Сергей Михайлович».

А А<лексей>М<ихайлович> говорит:

«Да здесь никакой С<ергей>М<ихайлович> не поможет. Будут, так решено, расправляться со всеми, у кого нет ½ фунта революционности, а у меня только восьмушка».

9
— сон —

11 V 1919

Проснулись мы, а на улице городовые стоят: в ночь заняли Петербург, никто и не слышал. Я спешу куда-то, точно скрываюсь от кого, — от полиции? — не знаю. Сумерки. Захожу в рощицу — под Петербургом это — редкие деревья, и вижу, несут гроб, я в сторону, но и тут — другой несут. И куда я не метнусь, гроба: черный гроб, а носильщики — сестры в белых косынках.

10

20/7 VI 1919

Как ^адавно я не писала. И все тот же ужас кругом, нет, не тот же, а еще ужаснее. Что с моим братом родным, единственным?

^а Справа на полях помета синим карандашом с обводкой черными чернилами: Кн<ига> I

Вся душа изболела за него. Что Лидочка пишет, ничего понять нельзя. И снилась мне моя мама, будто поезд мчится, мчится, и моей мамочки голова в окне промчалась^а.

А сегодня снилась Катечка. Я их всех очень люблю, моих родных, и никогда так не любила их, как теперь, никогда не тоговала о них так, как теперь. И знаю я, сколько горя им принесла, и не из-за чего было. Не надо было мне из дому уезжать совсем, свои — роднее всех. Сережа — самый добрый из нас, совсем незлобивый, добрый, хороший, никому зла не сделал, его все и любили, мама больше всех его любила.

[В 1920 г. С. П. служила в Библиотеке Наркоминдела с М. В. Сабашниковой и Андреем Белым, кроме того, летом она занималась по русскому с матросами во 2-м Береговом Отряде, б<ывший> 2-ой гвардейский экипаж. Занятия происходили в Аничковом дворце. Ученики у нее были прилежные и очень хорошо к ней относились. Из всех особенно балтмор Ефим Круглов, очень старательный. О нем осталась память: его изложение «Полтавы»:

«Петр Великий, — писал он, — стоял на берегу Невы и удивлялся. Какая ширь кругом. Везде леса, и там болотисты места. Прошло сто лет, как шведы прорубили в Европу окно и сделали все то, что было нужно для природы. Когда в Петрограде все было окончено, Москва склонилась перед ним».

А. Р.]

11

Теперь^б, когда я уже знаю, что в мире правды нет, т. е. правда-то есть, да очень спрятана, когда я знаю, что человек несчастен и один, я думаю:

«Слава Богу, что умер К<азимир> Л<юдвигович> еще тогда, когда не все так было ясно. Только наше время открыло правду о человеке и правду о мире: правду о мире, — что в мире зло царит, а о человеке — —»

^а *Справа на полях синим карандашом с обводкой черными чернилами: 1) предложение отчеркнуто вертикальной чертой; 2) помета: сон*

^б *Справа на полях помета синим карандашом с обводкой черными чернилами: Кн<ига> III*

ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ
1921 г.

1

Большое дыхание памяти
— сон —

26—27 II 1921

На Троицкой ночью. Надо самовар ставить. А <лексей>М<ихайлович> стоит у дверей, на нем «ученая» шапка и пальто посветлее.

«Меня ведь арестуют!» — говорит он.

И я вижу, возле А<лексея>М<ихайловича> стоят солдаты и кругом солдаты. От ужаса я не могу раскрыть рта, язык не поворачивается. Я рукой открыла себе рот. А сказать все равно ничего не могу. Я взяла сумку и пошла к Гржебиным.

На улице совсем темно. Различаю в темноте, идет знакомая, это дочь А. Я. Денисевич. Тут еще ничего, а вышла на Фурштатскую, и боюсь, отнимут у меня сумку: в сумке продукты. А сзади двое, обогнали и остановились: он в офицерской форме, а она — в платочке, что-то стали заговаривать со мной, не понимаю, только чувствую, что не плохие, и идем вместе. Так дошли до 2-ой Рождественской, а когда повернули, оказалось, что это не Рождественская, а как на В<асильевском> О<стро-ве> устроены садики, — деревья стоят в снегу.

И вдруг все осветилось.

Я посмотрела вверх, а небо все в лучах — горит огнями — синий, фиолетовый, желтый^а.

«Посмотрите, — говорю, — какой огонь!»

И на это кто-то из спутников сказал:

«Это знамение».

Я стала вглядываться и узнаю: это елка на небе.

«Смотрите, елка!»

«А это значит, — говорит кто-то из спутников, — завтра воскресенье будет».

^а Было: Я посмотрела вверх, а небо все в лучах — синий, фиолетовый, <1 нрзб>.

И мы вошли во двор, а со двора в дом, и стали поднимать<ся> по мраморной лестнице, — вся лестница уставлена едой: тут и заливное, и всякие пирожные. Я понимаю, тут кормят детей^а.

«Как же тут пройти?» — спрашиваю.

«А вот сюда!» — показывают на дверь.

Я растворила дверь и вижу: Е. В. Селевина, но молодая, и вся в зеленом с серебром, и М. В. Сабашникова в шоколадном с золотой повязкой.

«Мы пойдем ко мне ночевать, — говорит Е<катерина> В<ладимировна>, — на Av<enue> de Versailles».

«Хорошо», — говорю.

А М<аргарита> В<асильевна>: «Я сейчас уйду, пойдемте ночевать в Наркоминдел».

«Хорошо!» — говорю. И прощаюсь с Е<катериной> В<ладимировной>, и замечаю, что ей это неприятно.

А когда вышли мы с М<аргаритой> В<асильевной>, я увидела, такой длинный двор, и в конце ворота — Спасские ворота! И она быстро-быстро вперед ушла.

«М<аргарита> В<асильевна>!» — кричу.

Но она уже вошла в ворота, не обернулась.

И не знаю я, как мне одной идти, и повернула обратно: пойду-ка, думаю, к Е<катерине> В<ладимировне> на Av<enue> de Versailles!

Иду по двору и слышу, грохочет. Обернулась, а прямо на меня лошадь: оскаленные зубы.

С ужасом я отстранилась и проснулась.

[У меня такого дыхания нет, мои сны не могут быть так подробны и начинаться так издалека, просто нет памяти; эта память не дана мне; показало будущее — сколько я записывал снов и не мог наловчиться восстанавливать виденное.

Вот мой сон того же времени, как сон С. П.:

3—4 III 1921

Мы сидим в комнате: я, С. П. и мой брат, тогда умерший, Сергей. Ночь, и в комнате не зажжено. С улицы вызывают из каждого дома и потом расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. И я услышал, чей-то голос выкликает: «209—69». А это № нашего телефона. И я выхожу, но не дверью, а через

^а Было: Я понимаю, этот дом уже

окно, и нисколько не подымаясь, ни на какой подоконник, а как через стеклянную дверь. Я обернулся и вижу, комната с улицы освещена, у стола стоит С. П. и Сергей, — я им поклонился и пошел.

Под аркой лампочка и видно: сидит солдат. Он что-то бормочет и понимаю, я должен присесть, и меня сфотографируют^а, и чувствую, что это не к добру. И вижу, что и еще солдат, этот светит в меня красным, и этот солдат — негр, и объяснить ему бесполезно, по-русски не понимает. И я проснулся. А. Р.]

2

1 III 1921

С. П. присутствовала, как дети друг с дружкой говорили по телефону.

— Смотрела курич<к>и на улицы, — робко говорила девочка.

А ей отвечал мальчик:

— Курички видел.

И так раз десять одно и то же. Разговор продолжался бы и дольше, но понадобился телефон, и трубку взяли.

3

27 III 1921

Я медленно иду по улице, меня обгоняют и до меня доходят слова:

«Послезавтра, — говорит какая-то прохожая, — ждут кризиса: у нее тиф. Конечно, по дороге захворала: 45 дней из Крыма ехала. По дороге девочку 8-и лет похоронила...»

«Конечно, — это уже другой голос, — вам из Отдела Управления дадут бумажку, но ботинок в Петрокоммуне вы не получите. Получают ботинки не только они сами, но их жены и их дети, их матери, их бабушки и даже их прабабушки. А тут служишь с утра до ночи, и все равно никогда не получишь».

И еще голос, как заключение:

«Нельзя же всех расстрелять».

^а Было: снимут

4
— сон —

IV 1921

Когда я выпускала молошницу, вдруг вижу: мальчик — одна рука длинная, до полу, а другая, как мочалка, и весь какой-то он гадкий.

«Откуда, — говорю, — вы?»

«А я всегда тут: между дверями живу в кухне».

Наше путешествие^а
1921
5 VIII — 21 IX

[Как не хотелось уезжать. Всю ночь продумал: не хотелось. Но потом у меня как оборвало, а у С. П.-ы открылось на границе: ей так не хотелось расставаться.]

5 VIII Петербург

В 4 ч<аса> дня мы пришли на Варшавский вокзал. Нас провожали: Н. В. Григорьева и Я. П. Гребеничиков, он принес землю из Таврического сада. Мы разместились в скотском вагоне. Эшелон 38—39.

6 VIII

В 3 ч<аса> ночи поезд тронулся, и в 8 ч<асов> у<тра> мы приехали на Балтийский вокзал. Путешествие знаменательное, в обыкновенное время сказать, не поверят. А в 11 ч<асов> дня выехали.

7 VIII (воскресенье)

Утром Ямбург. И весь день и всю ночь стояли.

[† Ал<ександр> Ал<ександрович> Блок]

8 VIII

В 8 ч<асов> утра обыск. Начальник тов<арищ> Плевков.

9 VIII

В 11 ч<асов> в<ечера> приехали в Нарву и остались на ночь в вагоне.

^а Первоначальный вариант заглавия густо заштрихован.

[Петербург <ург> 5 VIII, 4 ч <аса> д <ня> — Нарва 11 ч <асов> в <ечера> пятн <ица> — вторник
6 VIII 3 ч <аса> н <очи> — “ — суббота
Вот что называется путь-дорога 5 дней!]

10 VIII

В Нарве сидели за проволочной загородкой до 10 ч <асов> в <ечера> [тут и снимались у вагона]. Баня, дезинфекция и — в карантин.

Карантин 11 VIII — 22 VIII:

11 VIII (четверг)

Утром до обеда меня гоняли на вокзал выгружать багаж. Переходил по мосту через Нарву — это для меня такой ужас: что хотите, только не переходить мост; возвращаясь, держался за юбку какой-то, — не могу смотреть вниз на воду. [Наверно, это и называется «боязнь пространства»].

12 VIII

Заставили мыть пол. Мне это ничего не значит, я и натирать могу. Только бы не переходить через мост!

13 VIII

Нас перевели из № 5 в № 26. Прививали оспу. Нас трое в комнате, а посетителей набилось, — никуда не скроешься. Приходят знакомиться и поговорить. Есть ничего, а есть очень скучные. Думаем перебраться снова в № 5 в «общую».

14 VIII воскресенье

Пустой день.

15 VIII

Допрос. Узнали о смерти Блока. Оказывается, у нашей соседки (№ 26) туберкулез.

16 VIII

Снимались, но ничего не вышло. Вечером самодельный концерт.

17 VIII

Туберкулезную от нас перевели, и мы остались одни.

18 VIII (6 VIII Преображение)

«Американская комиссия».

19 VIII

Снимались у мешков во дворе. Повинность — вытрясывать, ну, это у меня не выходит.

20 VIII

Кинематограф.

21 VIII

«Винюватого ищут» — тема разговора.

22 VIII

Выпустили. Слава Богу. И опять я переходил Нарву, но уж с С. П., и, конечно, в последний раз. Вечером в 9 ч<асов> поехали в Ревель.

Ревель 23 VIII — 18 IX

23 VIII

Приехали утром. Кантор нас сунул в чью-то квартиру. Сидим с вещами и ждем: пустят нас или прогонят? В конце концов прогнали.

24 VIII

Долго мытарилась. И только вечером перебрались в пансион: ул<ица>Поска, 15. Ну, слава Богу, хоть отдохнуть.

25 VIII

В Консульстве выдали паспорт на 1 м<есяц> до 19 IX.

26 VIII

У фотографа для паспорта.

27 VIII

28 VIII (воскресенье)

Были у обедни в Соборе.

29 VIII

30 VIII

31 VIII

Приходил В<иктор> М<ихайлович> Чернов.

1 IX

Вл<адимир> Мих<айлович> Зензинов.

2–3 IX

С. П. захворала.

4 IX

Вл<адимир> Ив<анович> Лебедев.

5–9 IX

10 IX

Газеты: расстрелян Гумилев. Не хочется верить.

11 IX (воскресенье)

18 IX

Вечером из Ревеля в Ригу.

19 IX

Рига.

20 IX

Ковно.

21 IX

В полдень приехали в Берлин <J>.

1

8.VIII.1921

Квитанция № 6994/20

Выдана 8 августа 1921 г. Ямбургским таможенным надзором гр. Ремизов в том, что у него (задержаны) нескрытыми следующие предметы конфисков<аны> деньги, запрещенные к вывозу за границу Р.С.Ф.С.Р.

№№ По поряд<ку>	Наименование предметов	Колич<ество>
1	Сов<етские> кред<итные> бил<еты> на сумму девять тыс<яч> руб<лей> (9000)	
2	Эстонс<кие> кред<итные> бил<еты> на сумму одну тысячу марок (1000)	

Печать Заведующий Ямбургского
Таможенного надзора: Малявин
Старший контролер: Плевков
Присутствовал: Рыкалов

Беж<енская> Форма № 5 Пропуск № 86 При таможенном досмотре Гр<ажданина> <u>Ремизов</u> На – 1 – лицо пропущено: 20 000 р<ублей> 8 VIII 1921 г. Печать Контролер Г. Тарасов Внимание: Пропуск подлежит предъявлению на границе.	Беж<енская> Форма № 5 Пропуск № 85 При таможенном досмотре Гр<ажданки> <u>Ремизовой</u> На – 1 – лицо пропущено: 20 000 р<ублей> 8 VIII 1921 г. Печать Контролер Г. Тарасов Внимание: Пропуск подлежит предъявлению на границе.

<3 фотографии: Нарва, карантин>

ПЕТЕРБУРГ

В лазарете
1915

C'est pendant la guerre que j'ai reçu de celle qui les avait écrits les Mémoires d'une sœur de Charité, j'avais tiré de ces mémoires, qui constituaient un volume assez considérable et se rapportaient à des notations de 1915 et 1916, un court fragment: c'est celui que je livre ici sous le titre de: «A l'hôpital de campagne». Je l'avais copié dans le manuscrit à l'époque déjà lointaine où celui-ci m'avait été remis, mais il est arrivé ceci: le gros manuscrit est demeuré en Russie, tandis que le fragment avait été oublié parmi les rares manuscrits de moi que j'ai pu sauver de là-bas.

Or il se trouve justement que nous sommes au vingtième anniversaire de l'époque où ces pages ont été notées: par là ce court fragment me paraît acquérir une certaine valeur, au moins psychologique. Il me fait entendre un peu la voix de la Russie, la voix qui va retentir dans la révolution toute proche: il y résonne plus d'une remarque annonçant ce qui alors n'allait pas tarder à se produire, et qui, aussi bien, n'était nullement inattendu.

«A la guerre, Dieu est absent», s'écrie Kuz'min, de la salle № 3. Cela signifie que, durant 4 années, Dieu n'a pas paru. Il n'a pas paru davantage, naturellement, durant la guerre civile, puisque c'était aussi de la guerre. Par suite, durant tout ce temps-là, il a été inutile de parler de Dieu.

Pourtant il y a encore autre chose qu'on entend dans la salle № 3, comme dans les salles № 1 et № 2: cela c'est un son où résonne la Russie; sur ce point, elles ne diffèrent pas l'une de l'autre. Les Mémoires d'une sœur de Charité ne sont d'ailleurs par un ouvrage littéraire: ce sont simplement les notes d'une personne qui avait de la culture et une immense mémoire, et une âme bien profonde qui appelle chez un autre le désir de se confesser aussi qu'un cœur riche qui éloigne la tristesse et dispense la consolation.^a*

Je désigne les personnages par l'initiale de leur nom: T. veut dire: Tarasov; K. veut dire: Kuz'min; et aussi les autres. S'ils, disent là et là

* И я прибавил бы большую глубокую душу, располагающую другого к исповеди (раскрыть свою душу) и богатое сердце, переменяющее скорбь на утешение (сноска А. Р.).

des choses qui ne sont par conformes à la réalité, cela n'a aucune importance: ce qui importe, c'est leur conviction.

A. R.

ПЕТЕРБУРГ 1915

В лазарете

I

Пришла я в палату № 6 — из 8 человек:

1) **К.** — солдат молодой, говорит шепотом, с огромным темпераментом, и это производит какое-то жуткое впечатление, что он говорит так горячо, так крепко и твердо, и шепотом. Пуля у него сидит в груди, от того он и говорит шепотом;

2) **Т.** — солдат из запасных, крестьянин; если б война началась месяцем позже, его бы уже не взяли, он ранен в правую руку, повязка «дезо»;

3) **С.** — очень тихий солдат, тоже не молодой крестьянин, он всегда лежит молча и читает евангелие или молитвенник;

4) **А.** — малоросс, уже поправляется, совсем молодой, без ноги, ждет, что вот скоро будет мерить искусственную ногу, от этого ожидания очень волнуется;

5) **Е.** — молодой солдат, ранен не опасно, но мучительно, у него шрапнелью сделано 26 ран; когда его берем на перевязку, другие солдаты смеются, что он — будто «решето»;

6) **М.** — очень больной солдат, ему делается все хуже и хуже, он озлоблен, редко говорит, пробито бедро и грудь;

7) **Ваня** — так весь лазарет зовет совсем молодого солдата, ранен он легко, веселый и на ребенка похож, просил меня научить его читать; я его учу читать, он понимает как-то медленно и пишет, всегда пропуская половину букв. Другие солдаты ему говорят: «Зачем ты учишься, Ваня, рука твоя скоро заживет, все равно убьют тебя, на что тебе грамота?» Ваня на такие слова улыбается и говорит: «Может, и не убьют»;

8) **З.** — сибиряк, начинает ходить с трудом на костылях, всегда писем ждет и сам много пишет писем, т. е. пишу ему я, а он диктует.

X

Вот вошла я в эту палату, час свободный, перевязки кончены, обед съеден, градусники еще рано ставить.

Т.: «А мы, сестрица, тут про атаку вспоминаем».

Несколько голосов сразу:

«Когда ночью идешь в атаку — ничего, а днем нехорошо».

Я: «А когда колете штыком, не жалко бывает того, кого колете?»

Т. неохотно: «Тут уже не думаешь о жалости, это война».

К. страшно горячо: «Жалко? Ничуть мне их не жалко. Я одного немца заколол, а он пополз на четвереньках, так я его к земле штыком и прибил, как гвоздь, так он там и остался. А то другой поднимет руки кверху, а я его колю».

Т.: «Когда поднял руки кверху, ты его в плен бери, а колоть не полагается».

К.: «Все полагается». И продолжает: «Когда взяли мы Мемель, так всех кололи; входим в дом, он на кровати с женою спит, мы его стаскиваем и колем».

Я: «Зачем же спящего-то?»

К.: «А, может, он представляется, что не солдат. Пожаров сколько мы там сделали».

Я: «Что же, весь Мемель сожгли?»

К.: «Ну да, у его сожжете, когда у его все камень, но верьте, сестрица, ни одного стекла не оставили, все машины поломали, весь скот пожгли; в одном хозяйстве было 200 штук хорошего рогатого скота, мы его загнали в сарай, заперли да и зажгли, — как поднялся рык!»

Т. с упреком: «Скотина неповинна, скотину жечь не полагается».

К.: «Понимаешь ты, не полагается! — надо чтобы ему не досталось. А выгнали они нас из Мемеля, потому что генерал наш пьяный напился, слюни текут — “мэ, мэ!” (представляет, передразнивая), — ну мы там здорово напились, вино у его хорошее. А как выгнал он нас из Мемеля, тогда уж выбивай его, уже не выбьешь его».

Я: «Разные есть наши, разные и немцы; есть наши очень гадкие, есть немцы очень хорошие».

Ваня: «Конечно, сестрица, мы сидели в окопах друг против друга, так они нам сигар прислали и бутылку коньяку присла-

ли, а утром мы им кричим: “Здравствуйте”, а они нам: “Мòлен! Мòлен!”».

К., не обращая внимания, продолжает: «Когда мы были в Пруссии, нам сказал офицер, что если мы ихние деньги будем брать, так нас Кайзер, когда попадем в плен, привяжет к хвосту лошади и пустит по полю, ну я все-таки взял 2 пфенига и 5 пфенигов». (Показывает.)

С., читавший молитвенник: «А что это “Кайзер”?»

К.: «Ну, примерно у нас — царь, у немцев — кайзер, у турков — мусульман». И продолжает: «Нам говорили, когда мы были в Пруссии, чтобы мы в кирхи не стреляли, а то Бог накажет. А чего же его Бог не наказует, когда он в костелы лупит? Я так полагаю, сестрица, что на войне Бога совсем нет, нечего про Бога и вспоминать».

Т.: «Да уже скоро должна война кончиться, теперь народ пошел млявый и у нас, и у его».

К.: «Как же может война кончиться, когда он у нас столько взял?»

Вдруг **А.**: «Он взял у поляков, это нас не касается».

Я.: «Как не касается?»

Тогда **Т.**: «У поляков 37 губерний: у нас, у немцев и у австрийцев, так надо их собрать вместе да своего короля им дать».

К.: «Ну пускай, их вместе собрать и короля им дать, а все-таки чтоб под русским игом».

Начали разносить чай, разговор окончился.

II

Через несколько дней из соседней палаты солдат **Х.** просит меня написать письмо его жене. Этот солдат грамотный, но ранен в обе руки, диктует мне письмо. В этом письме, между прочим, такая фраза: «Напиши, получила ли ты серебряные деньги, что я тебе в письме послал?» Я спрашиваю: «Какие серебряные деньги?» Он говорит, в чем дело.

«Да вот, сестрица, когда мы были в Пруссии, так я в одном доме из шкапа много денег взял, бумажки и серебро. Говорили нам разное, страшали, чтобы мы не брали, ну, я все-таки брал, и не я один, почти что все брали. Вот я и посылаю жене ихние деньги, в каждом письме бумажку, а в прошлом письме серебро послал, так она ничего не пишет, получила или нет».

Он мне показал деньги — 100 марок, 200 марок и т. д. — «А это сестрица, что такое?» Он показал мне медаль, я посмотрела, это была медаль Фридриха Великого, должно быть, бронзовая.

Я ему прочитала надпись, — ему очень понравилось, как по-немецки звучит, и другим понравилось. И с тех пор часто он меня просил читать, что на этой медали написано, и довольно улыбался, слушая.

На одной стороне медали надпись, а на другой стороне изображен Фридрих Великий на коне. Я его спросила, где он взял эту медаль?

«В столе, в одном доме в Пруссии».

Как это странно! Рядом стенка к стенке лежит К., который взял только 2 пф<еннига> и 5 пф<еннигов> — на память, а тут — сколько денег и эта медаль.

III

Однажды я немного опоздала, пришла, когда уж доктор ушел.

Солдат Л. мне говорит:

«Перевяжите, сестрица, рану мою, а тут без Вас так меня намучили, открыли рану: сестра тянет “марью” в одну сторону, а госпожа доктор тянет “марью” в другую сторону, я кричу благим матом, слава Богу, настоящий доктор пришел, говорит: “Оставьте его в покое, разве можно из его так «марью» тянуть”».

(«Настоящий» доктор непременно мужчина, а «марья» — марля.)

Рана у этого солдата очень тяжелая. Я перевязала рану и, когда положили его на постель, он еще не перестал стонать, — (когда несут и кладут на постель, тяжелобольному всегда трудно) — пришел чужой солдат, из другого отделения, попросился погостить в палате № 1, тут его земляк. Оказалось, что этот чужой солдат уже совсем здоров, только мне показался очень нервным. Он не очень молодой, из запасных, комиссия была, его решили послать обратно на фронт. Он очень не хочет этого, сердится на комиссию, ругает всех, кто его осматривал, и говорит:

«Ей-Богу^а, сбегу»^б.

Солдаты говорят: «Сбежишь, хуже будет».

Чужой солдат говорит:

«Нет, я не сбегу, я сам 7 душ беглых убил: приказано было их расстрелять за то, что убежали с позиции; когда привели их расстреливать, они попросили, чтобы дали им самим себе яму вырыть. Ну, им дали. Как вырыли они яму, мы и выстрелили, — нас целый взвод, мы выстрелили, а они так один на другого и повалились, как скосили их, ну, мы их землей засыпали».

Он рассказал это с жестами и горячо, и по всей палате пронеслось: «Ох!»

Кто-то сказал: «Жалко в своих стрелять».

А чужой солдат ответил:

«Когда он убежал, то не достоин называться православным, так бы и все с удовольствием убежали, тогда и войны бы не было. Нечего жалеть», — сплюнул и ушел.

В это время лежавший молча и вообще очень молчаливый солдат (И.) стал меня пальцем к себе подзывать. Я подошла. Он сказал:

«Нагнись, сестрица, я тебе исповедаюсь!»

Я нагнулась. Он сказал шепотом:

«Я не убежал, я сам себя ранил. Страшно мне и в других стрелять, страшно чтобы в меня стреляли. Когда призвали меня, пошел я в деревню к знахарю, и дал он мне черной мази, сказал: "Когда захочешь в больницу, помажься этой мазью, от нее чернеет и гниет тело". А в Присутствии у меня мазь украли, ну пока в окопах сидели, ничего еще, а пошли в штыки, страшно, я разрезал себе ножом ногу, да туда и выстрелил, а потом землей посыпал в рану. Очень боялся, что доктор узнает, что я сам в себя выстрелил, но доктор ничего не узнал. Как стал этот солдат про расстрел говорить, так мне захотелось тебе, сестрица, рассказать, ты никому не говори».

У этого солдата сделалась гангрена, и ступню ему отняли.

Я заметила, что если они говорят очень от души, всегда говорят «ты».

^а Первоначальный вариант фразы густо заштрихован.

^б Далее несколько слов густо заштрихованы.

IV

Однажды в лазарете устроили солдаты бунт: насчет картофеля толковали, что он — гнилой. Я вошла в палату № 2, там больше всего лежат и самые задиристые. Спрашиваю, в чем дело?

А солдат Х., он лежит с самого краю, с повязанной головой, — в голову ранен, говорит:

«Да как же, сестрица. Перемышль продали, а теперь нас хотят голодом морить».

Сибиряк Ч. сказал:

«Я ранен под Аршавой; когда стояли мы там, из окопов вышли несколько человек немцев и говорят: “Подлые русские, деньги получили, а Аршаву не отдаете!” Если б я сам не слышал, так не поверил бы».

Я спрашиваю: «На каком языке они вам это говорили?»

Он говорит: «На русском, от них были высланы несколько человек».

Тогда начали в этой палате со всех сторон кричать: «Мошеники подлые!» — «Нехристи окаянные!» — «Кровь нашу сосете!» И много в таком роде.

Стали картофелем об стенку кидать, лежа на постелях, посуду поразбивали. Пришел доктор старший и заявил, что вся эта палата переводится в Николаевский госпиталь, что он подает сегодня заявление об этом.

Они притихли: Николаевского госпиталя очень боятся.

А вечером вся палата, каждый по очереди, просили меня: «Сестрица, попроси доктора, пусть не отправляет нас в Николаевский госпиталь, больше не будем скандалить. Все мы — вся палата — Перемышль брали, а теперь его продали, как нам это терпеть!»

Они были оставлены у нас в лазарете, и потом, когда читались газеты, всегда, бывало, говорят: «Продали Варшаву — продали Вильну» и т. д.

V

Солдату М. из палаты № 3, где 8 человек, становилось все хуже и хуже. В письмах он всегда диктовал: «пока что жив». И вот стало ему совсем плохо, приехал священник, подошел к его кровати, спрашивает:

«Откуда ты, голубчик?»

«Из Калужской губернии».

«Издалека же ты пришел свою землю защищать».

«Какую такую землю, что ты, батюшка, говоришь, у меня и земли-то своей всего, что под ногтями есть».

Тогда священник: «Смирись, исповедаю я тебя и причащу».

М.: «Чего мне исповедываться, на мне и так грехов нет, что я всю жизнь землю свою потом поливал, а потом меня, как собаку, подстрелили, так это грех?»

В это время сиделка и солдаты, близко к нему лежащие, стали его толкать. А он:

«Да чего вы толкаетесь, никого я не боюсь, все равно, завтра помру, дайте хоть перед смертью правду сказать».

Он умер на другой день ночью.

Когда я вошла в эту палату утром, **Т.** мне сказал:

«**М.** помер, все ему бедному было не слава Богу».

[По-русски с моим предисловием, как «записки сестры военного времени» мне удалось напечатать у А. Ф. Керенского — «Новая Россия», № 8, 15 VI 1936, Paris.

На французский перевел профессор Лезра, и эти записки «A l'hôpital de campagne» появились в «Le Monde Slave», 1935, mai (Т. II) Paris.

С. П. записывала в тетрадь после своих дежурств, и это были просто записи, как и все у нее, что писала, я хочу сказать, что не «рассказы», на что она никогда и не претендовала. Одно жаль, сохранилось так мало: часть записок была уничтожена ей самой, а часть — тетрадь — пропала.

Тут много русского из живых слов и важное для С. П.: она располагала душу — перед ней исповедывались. Вообще, хорошо к ней относились простые люди: доверяли, а ведь это первое.]

МОЛИТВА

[То, что записала С. П. о своем горе, — я хранил каждую записку — часто переплеталось молитвой, а под конец жизни пошла одна уж молитва Богородице. Она всегда была перед ее глазами и с ней она разговаривала о своих последних бедах, о болезни — помочь просила, и о нашей нужде, — только и спасало

нас и давало нам жить на земле подлинно «чудо». Кто как бы «думал» там и помогал нам через людей. Не из-за меня же мы существовали, ничего я такого не сделал светлого темному (горькому) миру, только мое сердце неволью тужило о человеческом горе, и много я мучился, что не могу помочь. И вот доживаю свою почти «слепую» жизнь (все меньше и меньше различия в чертах и красках) с острейшим^а чувством укора, что не суждено мне было сделать то, что я мог бы сделать и не надо искать кому и в чем, для^б той же С. П.-ы. Этот укор — мой спутник до смерти. И на Суд моя душа предстанет с пониженными глазами — какое оправдание? Не представляю. Скажут, каждому надо принести свое, — и С. П. для чего-то должна была принять свои горькие последние минуты, но я мог бы и эти последние замораживающие минуты, если не согреть, то умягчить своим сердцем, а я как заснул (или одервенел). И в жгучие мои минуты в этом сердце одно желание «пострадать» — «оттрудить».

Просвети одеяние души моей!

Вот слова, они подходят к моей мысли, к моему одуманию самого себя, когда я своим Я, отстраняясь от себя, гляжу на себя, на свою беспомощность и жалкость, почти без надежды *п о д н я т ь с я*. Придет ли это просветление, откроется ли передо мной свет, — глаза, и так полуослепшие, откроются ли к свету в этой жизни когда-нибудь. Боюсь, что скоро-скоро стану в тягосту людям, — меня не оставляют. Но ведь только любовь не оставит, но ведь и любовь, по себе знаю, может затмиться, одервенеть на какую-то минуту, на какой срок, — а этот срок и окажется самым важным последним испытанием. А может, это и будет моим «трудом» — моя покинутость и пропад. Может быть.

Просвети одеяние души моей!

Воздухом и светом веры была проникнута вся жизни С. П.: каждый шаг и каждый взгляд. Раздвоения, какое бывает у людей даже очень высокого духа, у нее никогда не было: она родилась с верой и в жизни своей укрепила ее.

Выписываю из дневников слова ее молитвы. Она читала и церковные, но записывала всегда свое — своими словами. А. Р.]

^а Было: таким

^б Было: на [1 нрзб]

1 I 1916 – 2 IX 1939
Петербург – Париж

1

1.X.1916
П<етер>б<ург>

Дай мне, Боже, дорогу чистую и честную, не покинь меня, научи меня в моей трудности!

2

6.II.1916
П<етер>б<ург>

Господи, помоги мне найти себе друзей, дай мне быть вместе с людьми, дай мне дело делать, помогать людям!

3

10.I.1919
П<етер>б<ург>

Господи, помоги нам, дай дожить до светлых дней, дай силу, не оставь своими милостями, спаси нас, дай увидеть мне моих родных, сохрани их, спаси, дай нам всем быть вместе!

4

28.III.1919
П<етер>б<ург>

Боже мой, спаси нас, дай нам, сделай нас достойными увидеть конец этого темного царства, дай нам быть вместе с моими родными, сохрани меня и А<лексея>М<ихайловича>, и Наташу, и Лиду, и Сережу, и Катю. Приведи нам увидеться и пожить вместе!

5

27 I 1924
Paris

Господи, сделай чудо, пошли нам денег, измучилась душа, так унижаясь и думая все о мелком, дай жить, как мы жили в Германии первый год! Хоть бы нашелся добрый человек, помог бы нам, ведь это только пока, потом мы устроимся, Господи,

дай нам денег. Вчера получилось от Наташи письмо, так меня за сердце тронули ее слова, дай мне с нею увидеться, и с сестрами моими!

6

5 I 1939

Помоги, Господи, встретить праздник, в здоровье и мире.
Помоги нам деньгами!

8^a

12 I 1939

Помоги нам, Господи!

9

13 I 1939

Помоги нам, Господи!

10

14 I 1939

Боже, помоги нам!

11

15 I 1939

Господи, помоги нам!
Без денег.

12

17 I 1939

Если бы получить деньги!
Господи, помоги нам!

13

20 I 1939

Помоги, Господи, пошли!

^a Из-за перехода текста на другой лист в нумерации пропуск цифры «7».

14

22 II 1939

Господи, спасибо, что Ты спас меня.
Помоги мне выздороветь!

15

25 II 1939

Господи, помоги нам!

16

26 II 1939

Господи, помоги нам!

17

28 II 1939

Помоги, помоги нам, Боже!

18

31 IV^a 1939

Боже, пошли нам помощь свою!

19

18 V 1939

Дай, Господи, дожждаться будущей Пасхи и опять возрадоваться, слышать:
Христос воскрес!

20

20 V 1939

Господи, помоги освободить от них xxx!

21

3 VI 1939

Господи, помоги нам,
Пошли нам помощь!

^a Ошибка, должно быть: 30. IV.

22

17 VI 1939

Помоги, Господи, съездить благополучно и хорошо!
[*M. Church*]

23

26 VI 1939

Господи, как достать денег?
Вся дума об этом. Помоги нам поехать отдохнуть. Сильная усталость и простуда еще с того воскресенья.

24

27 VI 1939

Боже мой, пошли нам помощь!

25

29 VI 1939

Господи, пошли нам помощь!

26

30 VI 1939

Помоги, Господи!

27

4 VII 1939

Помоги нам, Боже, поехать отдохнуть, помоги деньгами!
Помоги!

28

10 VII 1939

Помоги нам, Господи!

29

13 VII 1939

Пошли, Господи, денег, чтобы поехать отдохнуть!

30

15 VII 1939

О, хотя бы Бог помог достать денег.

31

21 VII 1939

Помоги нам, Господи, поехать отдохнуть!

32

23 VII 1939

Господи, помоги нам уехать!
Помоги достать денег!

33

25 VII 1939

Господи, помоги!

34

26 VII 1939

Помоги, помоги, Господи!

35

30 VII 1939

Господи, помилуй нас, помоги, выручи, дай поехать отдохнуть!

36

31 VII 1939

Помоги, Матерь Божия!

37

2 VIII 1939

Боже мой, помоги нам!

38

5 VIII 1939

Господи, помоги нам!

39

6 VIII 1939

Господи, взгляни на нас и помоги нам!

	40	
Господи, спаси и помоги!		7 VIII 1939
	41	
Просим Бога помощи и чуда!		15 VIII 1939
	42	
Господи, помоги нам деньгами!		21 VIII 1939
	43	
Господи, помоги!		2 IX 1939

Мертвые цветы

Что может быть бесцветнее засушенных цветов? Полевой пестрый, звучащий под волнами^a ветра душистый ковер только сено. И только память окрасит эту труху.

С «маминой могилки»^b — сколько тут цветцу и какое тепло!

С могилы К<азимира>: Сольвычегодск — лунный мох или что-нибудь вроде, и в нем боль, «любовь — до боли» — она струится через^c взгляд и плетет в улыбке. У такой любви один исход — смерть.

Цветы от гроба Д<иксона>. «Бедный Д<иксон>!», для которого смерть была мудрой хранительницей от гибели. Этот взгляд, полный любви и слез.

А это из «нашего сада» — родная земля, и никогда к ней не коснуться, то незаметное в жизни, что получает значение только в разлуке.

Цветы из книги Дюринга — какие это красивые цветы: «все знать!» Давно и книги нет, а от цветов — но их различит тот, кто ее читал.

^a Над словом вариант: напархивающая волна

^b Было: С «маменькиной могилки»

^c Над словом вариант: сквозь

Цветы дружбы! Если бы не около^а писем, трудно было бы разгадать откуда^б — дружба давно пропала — не выдержала испытания жизни. Но в этих цветах сколько таится веры.

Цветы со старой земли — лилов<ый> вереск от загадочных каменных построек, наша луна, ночь в заколд<ованном?> Карнаке на океане.

И разве могу все это взять и бросить? Хотел^с отнести на могилу и там положить под крест, и вдруг подумал: а что если сделать конструкцию, как делал с бумажными наклейками? — На могиле завтра размоет дождь, но с моей разноцветной наклейкой срок — моя жизнь. Пока я жив, эти картинки будут со мною^д, понятные только мне, а для постороннего глаза — чудно^е, но все-таки картинка.

[С. П. любила подводить итоги: она сделала перечень городов, где удалось побывать ей, и начала, к сожалению, только с 1931 г., записывать развлечения. Всего несколько раз отмечено «скучно», а преобладает: «хорошо», «прекрасно», «чудно». Я помню, с какой радостью она возвращалась с концертов. Только в последние годы она стала уставать, и про это есть отметка, это после ее болезни 1938 г. А последняя запись о празднике у Church'a, издателя «Mesures». И не только для нее одной стал этот праздник последним. René Daumal, Ramon Fernandes, а может, и еще для кого, пока не знаю.

За 9 лет — 135 вечеров. Я не на всех был. Для С. П-ы это нужнее,^е а денег у нас мало, а надо было как следует, в особенности, на дорогие концерты. А кроме того, меня на люди не тянет. И всегда найду, чем заняться. С. П. всегда мне потом все рассказывала, а после музыки она освещала весь дом своим чувством. А. Р.]

^а Над словом вариант: в <письмах>

^б Над словом вариант: от кого

^с Было: Я хотел

^д Было: будут висеть на стене

^е Было: нужнее книг

РАЗВЛЕЧЕНИЯ
Из дневника. Концерты, театр, лекции,
собрания, кино
1931—1932—1933—1934—1935—1936—
1937—1938—1939^a

1931—1932^b

- 1) Казино (Ляля Гржебина)
- 2) «Белая гвардия»
- 3) «Ревизор»
- 4) Чехов
- 5) Вечер Дон-Аминадо
- 6) —“— памяти Достоевского
- 7) Цыганы
- 8) Эвритмия. Антропос<офское> общ<ество>
- 9) Стравинский. Концерт
- 10) Слонимский —“—
- 11) «Нора» у Питоевых
- 12) Кино — «Братья Карамазовы»
- 13) Вечер Народного Творчества
- 14) —“— Ремизова
- 15) Концерт Фуртвенглер
Гайден, Берлиоз, Бетховен
- 16) Концерт: Чайковский
Мальчик 14 л<ет> Манухин

^a Текст дневниковых заметок СП о посещениях ею культурных мероприятий в 1931—1939 гг. размещен на трех последних листах Книжки V. Из-за ограниченного количества листов, остававшихся свободными от записей, Ремизов ради экономии места и возможности более плотно заполнить ограниченное пространство поместил текст в таблицу из нескольких столбцов. Использование этого способа структурирования данных было вызвано чисто прагматической задачей и не имело никакого семантического значения. Вследствие этого публикаторы сочли возможным отказаться от формы таблицы и разместили текст в линейной хронологической последовательности, что соответствует исходному документу — автографу СП.

^b Записи 1931—1932 гг. выделены слева и справа вертикальными чертами синим карандашом.

- 17) Эвритмия из Дорнаха
18) Вечер памяти Шевченко

— — — —
— — — —

1932—1933

- 1) Кино — «Путевка»
Chemin de la vie
2) Доклад Бердяева: «Человек и машина»
3) Вечер «Народного Творчества»
Кутырина, Мочульский,
Ефимовского <?>, Гармонист.
4) Конц<ерт> Дм. Смирнова
5) —“— Н. Метнера
Ян-Рубан без голоса
6) «Хованщина»
7) Заседание: «О безбожестве и его причинах»:
Бердяев, о. Сергей, Вышеславцев, Зеньковский, Ильин, Лагов-
ский, В. Иванов
8) Банкет «Совр<еменные>Записки»
скучища адова
9) Собр<ание> Ученых Женщин
Н. А. Добровольская
10) Лекция Г. Адамовича «О новых писателях»
11) Бал Моск<овского> Земляч<ества>
12) Лекция В. Ходасевича о Пушкине
13) Концерт Шаляпина с хором Афонского
Чудесно!
14) Лекция Б. Зайцева «Современ<ный> человек»
15) Кино — Le Signe de la croix в Paramounte
16) Вечер Ремизова^а
17) Доклад Вейдле «Искусство и религия». Мочульский, Вы-
шеславцев, Федотов, Щербатов
все незначительные
18) Собр<ание> писателей: Куприн, Зайцев, Авксентьев<?>,
Кр<?>, письмо Бердяева, Бунин

^а Слева от записи пометка синим карандашом.

19)^a Доклад Швейнфурта Общ<ество> «Икона». «Икона св. Федора Стратилата»

[Проверяли текст С. П.]

20) Тургеневский вечер. 50 л<ет> со дня смерти.

Зайцев, Ремизов^b, <1 нрзб>,

Сазонова, Берберова, кн. Волконский, Сургучев

21) Пражская группа МХТ

«Враги» Лавренева

22) «Кн<язь> Игорь» с Шаляпиным — Кончаком

— — — —

1933—1934

1) Концерт Метнера

Бетховен и свое

2) Лекц<ия> о. Сергия Булгакова

3) Лекц<ия> Федотова «История церкви»

4) Доклад Шестова о Кьеркегоре.

Бердяев, Вышеславцев, Зандер, Лазарев

5) Доклад Дикова в «Пореволюц<ионном> клубе».

Булгаков, Бердяев, Новиков, Гордин, Ширинский-Шихматов,

Новицкий

6) Веч<ер> памяти Тургенева.

Л. Львов, Крыжановская, Хмара, итальянки

7) Лек<ция> Сове «История текстов Библии»

8) Кино — «Cette vieille canaille»

9) Лек<ция> Б.И. Сове

«Критика безбожничества»

10) Кино: «Le maître de forges»

11) Концерт хора Денисова

Чудесно!

12) Кино: «Le petit roi»

13) Вечер памяти Андрея Белого у антропософов: Киселева и Тургенева

14) Летучий дневн<ой> конц<ерт> в пользу шоферов: Поземковский,

^a Слева запись отмечена знаком «х» (синим карандашом с обводкой чернилами).

^b Ремизов подчеркнуто синим карандашом.

Фортунатов, гитарист,

Балерины: André, Люся Смоленская, Аргутинская

15) Вечер Ремизова^a

16) Кино: «Les Misérables»

17) Вечер шоферов

18) —“ — Ладинского

19) Гоголевский вечер. Общ<ество> деятелей искусства

20) Вечер Бальмонта

21) Концерт Горовица

чудесно!

22) «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина. Пражская группа

23) Заседание в Сорбонне.

120 лет со дня рождения Гоголя

24) «Бесприданница» Островского Праж<ская> Г<руппа>

Очень хорошо! Крыжановская

25) «Чужой ребенок» Шкваркина — очень хорош Богданов и недурна Кедрова.

26) Фестиваль Евреинова

27) Концерт в Трокадеро

Архангельский

Скрябин

«Зозулю» пели

— — — —

1934—1935

1) Кино: «Sapho» Альфонса Додэ и показывали короля Александра Сербского [убийство] — он очень хороший снился мне потом^b

2) Вечер поэтов (опоздала):

Мандельштам, Г. Иванов, Одоевцева, Смоленский, Поплавский, Софиев, Раевский, Гиппиус

3) Денисов у м<атери>Марии

очень хорошо

4)^c Веч<ер> Ремизова у Эргаз

^a Слева от записи пометка синим карандашом.

^b Слева от записи помета черными чернилами и синим карандашом:
Сон

^c Слева от записи отметка синим карандашом.

5) Концерт Гречанинова

чудесно, дети, потом упражнения, потом 2 хорошие певицы:
Макушина и Туровец
потом хор Афонского

6) «Ревизор» у пражан с Чеховым
скучно, очень <1 нрзб>

7) Вечер Замятина

очень скучно

8) Концерт Хейфица

великолепно

Бетховен, Бах, Брамс, Сарасате

9) Концерт Рахманинова

хорошо очень

Баллада Шопена

10) Вечер Ремизова у Винавера^a

очень хорошо читал

11) Доклад Грабара в Общ<естве> «Икона» о влиянии
рус<ского> церков<ного> искусства на Западе

12) Концерт в Трокадеро

Удивительная певица Вишневская, берет «fa»

13) Концерт у Винавера

Хорошая пианистка Энери

Шопен, Дебюсси, Лядов, Глазунов, Рахманинов, Лист, опять
Шопена вальсы

14) Доклад Прокопенко в Научно-Философском Общ<естве>

Очень умно говорил Агаджанян

15) Кино: «La jeunesse boulevérsée» и Ротшильд.

— — — —

1935—1936

1) Кино: «Tovarichtch»

2) «Пореволюционный клуб».

Алексеев, Анисимов, Федотов, Фондаминский, Ширинский

3) Вечер Ремизова у Винавера^b

Читал свой рассказ «Судьба Ив<ана> Фед<оровича> Шпонь-
ки» и сказку Толстого «Много ли человеку земли нужно»

^a Слева от записи отмечено синим карандашом.

^b Слева от записи отмечено синим карандашом.

4) Концерт Карницкой<?> и Ковалева
очень хорошо

5) Концерт Горовица с оркестром
чúдно!

Моцарт — «Свадьба Фигаро», Бетховен, бемольный концерт

6) Концерт: украинские Рождественские колядки
прекрасно!

7) Кино : Картины из России и Л. Толстой

8) Концерт Макаловицкого

Моцарт, Бах, Глазунов, Albenitz <1 нрзб>, Kreisler, Sarasate, Lili Boulanger, Bach — без рояля

Хороший концерт весь, особенно было хорошо Sarasate, Boulanger, но и Моцарт (si bemol majeur), и Глазунов (concerto in la <minore?>) очень хорошо

9) Лекция о. Сергия Булгакова «Светлая печаль», наступающий великий пост

10) Концерт Рахманинова

очень хорошо

Бетховен, Скарлатти, Шопен, Скрябин, Метнер, Бородин, Рубинштейн, Рахманинов, Лист (Рапсодия)

11) Сообщение рéге'a Dumont «Аскетизм и мистика в христианстве»

12) Концерт хора Богословского Института с Денисовым очень хорошо, особенно Пасха, Господи воззвах, С нами Бог, Благообразный Иосиф, Плотию уснув, Кресту твоему, Блаженства, Ныне отпускаеши, На реках Вавилонских

13) Концерт Горовица

изумительно

Лист, Гайдн, Шуман, Дебюсси, Прокофьев, Балакирев

14) Вечер Ремизова^a

La Salle-Las Cases<?>

очень хорошо

1)) Рассказ из «Оли»

2)) «Смерть Авраама»

3)) «Слово о русской земле»

Во II отд<елении>: «Тетенька Слостёна» из Салтыкова, из Гоголя: Чичиков над шкатулкой и записями и отрывок из «Майской ночи»

^a Слева от записи отмечено синим карандашом.

15) Вечер Ладинского

Много очень знакомых было

16) Кино: «Le nuits moscovites»

хорошо

17) Кино: «Sous la terreur»

18) Заседание Общ<ества> Друзей Рус<ской> Книги

Кульман о Грамоте 1696 г. Рудольфа

и Гринберг о древних грамотах XVII—XVIII в. Андрушка Вильемка^a

19) Конц<ерт> оркестра Ch. Münch

Шуман 4 сим<фония> Ré mineur

Бетховен, концерт со скрипкой

Аргур Лурье

Concerto spiritual

20) Концерт День Русской Культуры

Денисов, Кайданов,

Лисичкина, Веселовский, Макановицкий<?> балет: Саломея (Селиванская)

21) балетный вечер в Орéга с Лифарем:

«Икар»

чудо!

«Гольый король»

«Разбойник»

везде Лифарь прекрасен

22) Веч<ер> Л. Львова с участием Хмары и певицы

очень средне, но Хмара хороший

23) Кино: О Пастере

очень хорошо

— — — —

1936—1937

1) В Общ<естве> Друзей Рус<ской> Книги доклады:

Милюкова о «Иване Федорове»

и^b мой о рукописных книгах

^a С левой и правой стороны выделено двойными вертикальными линиями и знаком «X».

^b Слева от записи отмечено синим карандашом.

2) Кино: «Une femme et hommes»

веселая — ничего

3) Кино: «Тарас Бульба»

4) Вечер Д. Кнута.

Много знакомых

5) Кино: «Сон в летнюю ночь»

хорошо. Были с Квиль.

6) Доклад Керенского. — Очень утомительно и тяжело, устала страшно.

7) Пушкинский концерт

Лисичкина, Садовень, Жукович, Ремизов<?> с Ковалевым, Лифарь

8) Заседание в память Пушкина

Мережковский (хорошо), Карташов, Маклаков, Легра, Оман, Федоров, Шмелев;

Концерт: квартет Кедрова, Энери, Кочубей, Вечера, Денисов

9) Вечер памяти Пушкина:

Поземковский (хорошо!), Крыжановская и Германова (ничего), Судейкина и Гатова — ужасно

Сцена из «Бориса Годунова»

10) Концерт Рахманинова

очень хорошо!

Лист, Бах, Бетховен, Шопен (посл<едний> ноктюрн), мазурки, gondo, Рахманинов:

Серенада <1 нрзб>

11) Духовный концерт Денисова

прекрасно!

12)^a Вечер Ремизова

Читал прекрасно, очень я измучилась.

13) Концерт Шаляпина с хором Афонского

прекрасно!

12 разбойников, Ектения, Верую, Иже Херувимы, Вниз по матушке по Волге, В 12 часов по ночам.

14) Лекция М. И. Ростовцева

Очень интересно

В Дуре сохранилась христианская церковь, построенная после 232, разрушен город 256 г. и синагоги в 248

^a Слева от записи отмечено синим карандашом.

(церквей было 20, синаг<ог> 10)

Фрески изумительные

15) Собр<ание> Общ<ества> Икона
10-летие

16) «Анна Каренина» в гастр<олях> Худ<ожественного> Театра

хорошо

17) Концерт Хора Красн<ой> Арм<ии> очень хорошо

1937–1938

1) Симфонич<еский> концерт

Дирижер Заславский

Зауэр – прекрасный пианист, старик.

(Шопен, Лист, <1 нрзб>, Чайковский, Haubert, Штраус.) Дирижер не важный.

Всю зиму болела.

Нигде не была.^a

1938–1939

1) Смешанный концерт, все неважно: и пианисты, и скрипачки, и певица, и актриса из Орега-соникуе

2) Концерт М. А. Степун

Прекрасный голос у нее. Лучше всего Бородин «Для берегов отчизны»

3) Моск<овское> Землячество

Вечер: Малинин, Яблоновский, Рощина-Инсарова с Корсак («Греза»), Ремизов, Степун

4) Доклад Паскаля в Рел<игиозно-> Фил<ософской> Академии о «Протопопе Аввакуме». Говорили: Федотов, Спасский, Алексеев, Бердяев

Видела: Mme Pascal, Н<?> Гр<?>, Федотовых, Н. А. Добр<?>

5) Концерт А. П. Добровольской с участием Л. Ф. Шаляпиной (без голоса), Роба, юного скрипача и confégencier с анекдотами.

^a Слева выделено вертикальной чертой (синим карандашом).

Обратно с Иолантой на такси, неудобно.

Видела С. Ю. Штерн и К. Ю. с мужем

6) «Недоросль» в Рус<ском> Театре, постановка Евреинова

Очень хорошо, интересно. Все играли хорошо.

7) Вечер Ремизова^а.

Очень измучилась от волнения.

Хорошо.

8) Вечер Л. Львова.

Очень хорошо

вела Цвибак приятно, Шор — виолончелист и еще певица

Вальми<?>, но Цв<ибак> лучше.

Все-таки устала от народа и духоты.

9) Вечер «Об<щества> Др<узей> Рус<ской> Книги»

О Аввакуме.

Чудесно читал А<лексей> М<ихайлович>. Потом Ячиновский

показывал старые издания Лермонтова: том с автографом Ми-

х<аила> Юрьев<ича>. Потом Шик о Жуковском.

10) Концерт 2-х хоров: Афонского и Данилова.

Чудесно пели: был и знаменный распев, и киевский, и новые.

Устала очень от тесноты, духоты и от дороги.

11) Праздник в Сергиевом подворье на воздухе, хотя холодно.

Карташов. Воспоминания о Иоанне Кронштадском.

Четвериков, Ветвеницкий<?> и друг<ие> неизвестные лица

Устала от дороги и промерзла там, в саду в одном платье

12) Праздник у Church'a в Villa d'Avrey.

Очень томительно и утомительно, возвращаться было ужасно.

Весь день отдыхаю, лежу.

18 VI 1939

— — — — —

Татьяна Ивановна Манухина дала эту книжку мне

1930

Paris

1931—32 — 18

1932—33 — 22

1933—34 — 27

^а Слева от записи отмечено синим карандашом.

КНИГА V

1934—35 — 15

1935—36 — 23

1936—37 — 17

1937—38 — 1

1938—39 — 12

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КНИГИ «С.П.Р.-Д.»

После последовавшей 13 мая 1943 г. смерти жены А. М. Ремизова — С. П. Ремизовой-Довгелло (далее: *СП*) писатель начал многолетнюю работу по увековечению ее памяти в документально-биографических и художественных произведениях и не прекращал труды вплоть до своей смерти в 1957 г. (см. подробнее: *В розовом блеске — Росток XV. С. 711—737*). Одним из проявлений этого направления его творчества было создание монументального документально-художественного текста-коллажа «С.П.Р.-Д.», название которого — аббревиатура, образованная путем сложения начальных букв имени, отчества и фамилии Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (далее: *СПР-Д*).

Основной текст *СПР-Д* — это беловой автограф с правкой, записанный в девяти в целом однотипных «бухгалтерских» книгах (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287—295*). Они имеют твердые ледериновые или бумажные обложки, на которых указано жанровое определение содержащегося в них текста: *Книга* и проставлена нумерация римскими цифрами: *I—IX* (Далее: *Книга I—IX*). Подробное описание каждой из них в настоящем томе дано в отдельных преамбулах к *Книгам I—IX*. Тексты *Книг* содержат переписанные Ремизовым материалы из личного архива *СП*, и прежде всего ее эго-документы, которые методом монтажа соединены с текстами самого писателя (обширными комментариями и пояснениями к текстам *СП*, эссе мемуарного характера, отрывками из его сочинений и т. д.), с текстами третьих лиц (писателей, общественных и политических деятелей, родственников и знакомых *СП*), а также с разного рода чисто деловыми бумагами и документами.

Историю создания *СПР-Д* достаточно трудно реконструировать. Во-первых, это связано со сложной судьбой разделенного надвое архива Ремизова эмигрантского периода его жизни (1921—1957), в состав которого вошел и архив *СП*. В данное время с определенностью можно говорить только о докумен-

тах, оставшихся в той части этого архива, которая хранилась во Франции в частном собрании семьи Резниковых, в 2013 г. поступила в Отдел фондов рукописей *ГЛМ* (Москва) и пополнила уже имевшийся там личный фонд писателя (Ф. 156). Однако, как выявил текстологический анализ *СПР-Д*, некоторые документы-источники, лежащие в основе текста-коллажа, ныне находятся в другой части архива Ремизова, в 1948 г. переданной писателем на временное хранение и обработку К. И. Солнцеву, который без его согласия увез доверенные ему материалы в США. В настоящее время этот комплекс документов находится в составе отдельного фонда («Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers») в архиве «Amherst College Center for Russian Culture» (USA).

Во-вторых, установление последовательности всех этапов работы Ремизова над *СПР-Д* затруднено недостаточным количеством датированных материалов, связанных с историей текста.

Подготовительный этап работы над *СПР-Д* (отбор источников текста) представлен находящимися в архиве Ремизова в *ГЛМ* четырьмя недатированными «школьными» тетрадами, обернутыми в «мраморную» бумагу и разными по количеству составляющих их листов. В них, как в своего рода самодельные «папки», писатель вклеивал оригиналы значительной части тематически подобранных документов, тексты которых в дальнейшем были им переписаны и включены в состав *СПР-Д*. Наряде тетрадных листов-«разделителей», между которыми были вложены документы, имеются авторские пометы чернилами, представляющие собой номинативное обозначение содержания того или иного комплекса, а также пометы синим карандашом, в основном обозначающие принадлежность материалов-источников к той или иной *Книге* или их соотнесенность с романом-эпопеей «Оля». При поступлении этих тетрадей в 2013 г. в *ГЛМ* документы, находившиеся в них и почти полностью отклеившиеся от своей основы — места сгиба тетрадных листов, были изъяты из самодельных «папок» и зарегистрированы как отдельные единицы архивного хранения. Однако в архивной описи (Ф. 156. Оп. 2) специально отмечено первоначальное местоположение этих ныне автономных документов в составе той или иной ремизовской «папки»-тетради, что позволяет рекон-

струировать ее прежнее содержимое. Судя по авторской нумерации на обложках, изначально таких «папок» было пять, однако тетрадь № 1 в комплексе переданных в ГЛМ материалов отсутствует. Далее приведем подробное описание тетрадей-«папок» под № 2–5 с перечислением ранее находившихся в них материалов:

1) «Папка» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 308. 2 л.), помеченная Ремизовым цифрой «2» синим карандашом, состоит только из тетрадной обложки, обернутой «мраморной» бумагой. На ней – белая бумажная наклейка с надписью: «С. П. Ремизова-Довгелло / † 13 мая 1943 / Paris / Кн<ига> I / Кн<ига> II / Кн<ига> III». Внутри «папки» № 2 находились следующие материалы-автографы:

Ремизова-Довгелло С. П. 1) Воспоминания о детстве и юности. 1909 (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1033); 2) «Какие враги были у русского правительства?» 1905 (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1034); 3) «Как это произошло?» Воспоминания о тюремном заключении и подруге Наташе. 1905 (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1035); 4) «Бедненький и колода». Неоконченный набросок. 1900-е (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1036); 5) «Петербург». Воспоминания о годах учебы на курсах. 1905 (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1037); «Две лиры». Неоконченный набросок. 1934 (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1038); «Ошибки». Набросок. <Декабрь 1917> (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1039); «Котенок». Набросок. Б. д. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1040); «Идти к святому». Набросок. Б. д. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1041); «Слепая любовь». Набросок. Б. д. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1042); «Вл. М. Черкасов. На память». Набросок. Б. д. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1043); «Объяснения к русскому историческому альбому 1926 года». 20 ноября 1932, 1932–1935 [1943] (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1044); «За и меж-стольные записки». 24 декабря 1921. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1045).

2) «Папка» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 309. 11 л.), помеченная цифрой «3» синим карандашом, по размеру идентична «Папке» под номером «2». На обложке из «мраморной» бумаги – белая бумажная наклейка с надписью: «С. П. Ремизова-Довгелло / † 13 мая 1943 / Paris / Кн<ига> I / Кн<ига> II / Кн<ига> V». Исходная тетрадь-«папка» (Л. 1–8) дополнена

добавочными листами (Л. 9–11). Все эти листы в свое время выполняли роль «разделителей», между которыми находились документы. Имеющиеся на части листов записи синими чернилами с дополнениями синим карандашом представляют собой краткое обозначение темы, по которой были подобраны те или иные документы:

Л. 2 «ПЕТЕРБУРГ
1907, 1909

- 1)
- 2)
- 3) Пасха *Оля*^a
- 4) Наташе
х х
х
- 5) Мои записки
- 6) «Не поддержала» (сон)
- 7) Про птичку, как руку клевала *Оля*^b

Кн<ига> I^c>

Л. 3 «ПЕТЕРБУРГ
На Шпалерной
С. П. Довгелло
1898

- 1) из дневника о книгах
- 2) письмо М. Г. Сущинской
- 3) отзыв Н. К. Михайловского [«*Оля*»^d]
- 4) при чтении Михайловского
- 5) Из Михайловского»

Л. 4 «Из дневника в тюрьме
и письма М. Г. Сущинской
Кн<ига> IIe>»

^a *Оля запись синим карандашом.*

^b *Оля запись синим карандашом.*

^c *Кн<ига> I запись синим карандашом.*

^d *«Оля» запись синим карандашом.*

^e *Кн<ига> II запись синим карандашом.*

Л. 5 «При чтении Н. К. Михайловского
Кн<ига> II^а»

Л. 6 «Книги С. П. Довгелло
1899 г.
Кн<ига> II^б»

Л. 7 «БЕЗЫМЯННЫЕ СТИХИ
Кн<ига> II^с»

Л. 8 «К. Л. Заруцкий *Оля*^d
(К. Л. Тышка 1907—1916
1875 — 1902 21. III
Ломжа Сольвычегодск

- 1) 1907 СПб.
- 2) Пасха 1907 СПб.
- 3) Сорокоуст
- 4) Ночь

5) Первая встреча

6) О нем

7) Конец

8) Сны I) Птичка как руку клевала с 6—7 I 1909
II) Мертвыми глазами
III) Частями
IV) С Наташей

9) Рукописи *Кн<ига> III^е*»

Л. 9 «ПЕТЕРБУРГ

I Канун революции
1916 г. 1—4

II Из Взвихренной Руси
1917 1—10

^a Кн<ига> II запись синим карандашом.

^b Кн<ига> II запись синим карандашом.

^c Кн<ига> II запись синим карандашом.

^d Оля запись синим карандашом.

^e Кн<ига> III запись синим карандашом.

- II
1918 1—9
- III
1916 № 2 <Книга> V^a»

Л. 10
«Из “Взвихренной Руси”
1918—1919
Петербург
и 1926 г. 20.VI <Книга> V^b»

Л. 11 «В ЛАЗАРЕТЕ
1916
Петербург»

В «папке» № 3 находились следующие материалы-автографы:
Ремизова-Довгелло С. П.: 1) Дневниковые записи. 2 марта 1907 (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1046*); 2) Из Бердяева. (Мысли). 1898—1899 (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1047*); 3) Пасха / Петербург. Рассказ. [1907, 1909] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1048*); 4) Записка. Набросок. [1907, 1909] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1049*); 5) Записи. [1909] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1050*); Описание сна о встрече с курсисткой. [1909] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1051*); Дневниковые записи (о матери). [1909] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1052*); Дневниковые записи. 22 дек. 1908, 7 янв. 1909 (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1053*); Письмо Сущинской (Чернышевой) М. Г. [1898] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1054*); При чтении Михайловского. 1898—1899 (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1055*); Из Михайловского Н. К. «Что такое прогресс?». 1898—1899 (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1056*); Мои собственные книги. [1899] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1057*); Курочкин Вас. «Твой отец нажил честным трудом...». Список стих. [1900-е гг.] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1058*); Неуст. автор. «Ах мне не нужен пламень бурной страсти...» Список стих. [1900-е гг.] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1059*); «Ночь». Набросок. [1907—1916] (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1060*); «Первая

^a <Книга> V запись синим карандашом.

^b <Книга> V запись синим карандашом.

встреча». Воспоминания. [1907—1916] (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1061); «О нем». Воспоминания о Тышке К. Л. [1907—1916] (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1062); Дневниковые записи. О родственниках и дочери Наташе, о К. Л. Тышке. 1 янв. 1916—12 марта 1918 (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1063); Запись о Тышке К. Л. [1916] (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1064); «Господа наши друзья...». Записка. Март 1917 (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1065); Дневниковые записи. 4/27 окт. 1918 — 20 июня 1926 (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1066); «В лазарете». Рассказ. [1916] (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1067).

3) «Папка» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 310. 2 л.), помеченная цифрой «4» синим карандашом, идентична «папкам» под номерами «2» и «3». На обложке из «мраморной» бумаги — белая бумажная наклейка с надписью: «С. П. Ремизова-Довгелло / † 13 мая 1943 / Paris / Кн<ига> VI / Кн<ига> IV». «Папка» содержит один тетрадный лист со списком-планом, написанным синими чернилами с дополнениями синим карандашом. Пункты VI—XI написаны справа от основного списка и стрелкой вставлены между пунктами V и XII. Пункт XIII написан справа от списка и стрелкой вставлен между пунктами XII и XIV. Пункты XIX и XX записаны справа и стрелкой добавлены к списку. «Объяснения к русскому историческому альбому» (*Книга IV*) графически отделены линией, начерченной синим карандашом, от списка *Книги VI*.

Л. 2 «<Книга> VI^a

С. П. Ремизова-Довгелло / † 13 мая 1943 / Paris

I Мои записки 1909 г. I

II Какие враги были у русского правительства 1905 г.

III Как это произошло 1—4

IV «Бедненький» и «Колода»

V Петербург

VI Сны { Три сна

VII Анна Ив<ановна> Артамонова

VIII Катя Виноградова

IX Разговор за спиной

X Отзыв Оли

^a <Книга> VI запись синим карандашом.

- XI Демонстрация
XII Две лиры 1934
XIII На распустье
XIV Ошибки 1917
XV Котенок
XVI Идти к святому
XVII Слепая любовь
XVIII На память (Черкасов)
XIX 1) Черкасов
 2) Шкатулка
 3) Недобитый соловей
XX Из «Оли»
XXI За-и-меж-стольные записки
 24.XII.1921
XXII Титлы
Кн<ига> VI^a
-

ОБЪЯСНЕНИЯ К РУССКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ АЛЬБОМУ
1926—1943
Кн<ига> IV^b»

В «папке» № 4 находились следующие материалы:

Ремизова-Довгелло С. П.: 1) Воспоминания о последних встречах с родителями, бабушкой, а также известными людьми (Блоком А. А., Савинковым Б. В., Чеховым А. П., Розановым В. В. и др.). 1934. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1068); Воспоминания о Наде Самойлович. 29 июля 1936. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1069); Воспоминания о Савинкове Б. В. 1925. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1070); Сны и размышления. 1928. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1071); Дневниковые записи 1923—1925 и записка. 1923—1925. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1072); Дневниковые записи. 1926, 1930, 1933. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1073); Дневниковые записи. 1937. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1074); Анкета Русского Культурно-Исторического

^a Кн<ига> VI запись синим карандашом.

^b Кн<ига> IV запись синим карандашом.

музея. Автограф, печ. текст. 10 мая 1937 (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1075); Записи о концертах, театрах, собраниях, лекциях и фильмах, которые Ремизовы посетили в 1931—1938 гг. 1931—1938. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1076); Перечень изделий из бисера. 9 июня 1922. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1077); «Места на земле». Перечень «заколдованных и судьбинных мест на земле». [1931]. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1078).

4) «Папка» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 311. 3 л.), помеченная цифрой «5» синим карандашом, идентична «Папкам» под номерами «2», «3», «4». На обложке из «мраморной» бумаги — белая бумажная наклейка с надписью: «С. П. Ремизова-Довгелло / † 13 мая 1943 / Paris / Кн<ига> VI/ Кн<ига> VIII». Внутри «папки»-тетради находится один лист с записью:

Л. 2 «Рецепт Пасхи

Кн<ига> VII

2.V.1938

Paris^a

С. Ремизова-Довгелло»

В «папке» № 5 были следующие материалы:

Ремизова-Довгелло С. П.: 1) Палеографическая задача. 1912. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1079); 2) Рукописные книги. Исторический очерк. Примечания к «Титлам». [1910-е гг.]. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1080); 3) Рецепт пасхи. 2 мая 1938. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1081); 4) Дневниковые записи. Молитва «Матерь Божия, возьми нас под кров свой...». 3—20 января 1943. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1082); 5) Дневниковые записи. Молитва «Матерь Божия, возьми нас под кров свой...». 21 января 1943. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1083); 6) Дневниковые записи. Молитва «Матерь Божия, возьми нас под кров свой...». Последние прижизненные записи. 21 января — 9 мая 1943. Автограф (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1084).

Анализ тетрадей № 2—5 в сопоставлении с ранее находившимися в них материалами показал, что они были не только

^a Paris запись синим карандашом.

«папками» для хранения подобранных комплексов документов с указанием их названий, но также фактически отражали контуры плана задуманного мегатекста монтажного типа. Авторские пометы синим карандашом свидетельствуют о распределении материалов по тем или иным *Книгам*.

В связи с отсутствием «папки»-тетради № 1 можно высказать предположение, что она существовала и, судя по содержанию *Книги I*, содержала прежде всего оригиналы писем *СП*, но была уничтожена при частичной первичной обработке ремизовского архива, которая была проведена еще в период его нахождения в Париже в собрании семьи Резниковых. Доказательством последнего служит тот факт, что письма *СП* поступили в *ГЛМ* в виде специально выделенной подборки документов, расположенных в хронологическом порядке, что было не свойственно специфике систематизации документов самим писателем.

Существенным источником для хронологии истории текста являются датирующие пометы Ремизова на рукописи основного текста *СПР-Д*.

Книга I. В тексте указана дата: «17 IV 1945».

Книга II. На обложке дата: «1945 IV».

Книга III. На обложке дата: «1945 IV».

Книга IV. На обложке дата: «1945 IV». В тексте дата «1945» указана неоднократно при датировке времени смерти упоминаемых лиц.

Книга VI. На обложке дата: «1945 IV».

Книга VII. В тексте — заголовок: «ВОЙНА [3. IX. 1939 — 7 V 1945] <даты в квадратных скобках вписаны позднее. — *Ред.*>»; в комментариях: «Сегодня 1 фев<раля> 1945 страда продолжается»; «(Н. В. Кодрянская) уехала из страха налетов и надо бы вернуться, а все нет (4.IV.1945)»; «4.IX.1945». Часть помет добавлена позднее времени написания основного текста *Книги VII*.

Книга VIII. На обложке дата: «1945 IV». В тексте — заголовок: «ВОЙНА 3. IX. 1939 — [7/8 V 1945] <дата в квадратных скобках вписана позднее. — *Ред.*>»; в комментариях: «17.IX <?>. 1945», «и теперь (1945)». Дата «1945» также указана как год смерти упоминаемых лиц.

Книга IX. В тексте пометы: «30 VII 1945», «а сейчас 1945», «Эти альбомы я передал теперь <...> — 10. IX. 1945», указана да-

та выхода упоминаемой книги Ремизова: «1945», «30 VII 1945», «а сейчас 1945». Часть помет добавлена позднее времени написания основного текста *Книги IX*.

На основании анализа сохранившихся датировок можно высказать предположение, что начало реального воплощения замысла создания *СПР-Д* относится ко второй половине 1944 г. Первоначально Ремизов намеревался создать текст-коллаж малого объема, который мог разместиться на страницах только одной «бухгалтерской» книги (*Книга I*). См. ее подробное описание: с. 394–396 наст. тома. Косвенным подтверждением первоначального «формата» ремизовского замысла является тематический состав *Книги I*, в которой пунктиром обозначены все этапы и стороны жизни *СП*, а также наличие в ней двух частично отличающихся содержаний. Однако после создания *Книги I* писатель решил увеличить объем произведения, что привело к расширению круга привлекаемых документов из архива *СП*, формированию «папок»-тетрадей № 2–5 и созданию *Книг II–VII*.

Свидетельством следующего этапа истории текста *СПР-Д* является условно названный *Измененный план СПР-Д*.

В «школьной» тетради (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 256. <1945>. 15 л.) черными чернилами переписаны тексты содержания *Книг I–VII*. Тексты записаны автономно друг от друга таким образом, чтобы при необходимости их можно было свободно отделить один от другого, разрезав тетрадь на отдельные листы. Недатированный текст *Плана* сопровождается уточняющими или дополняющими пометами синим карандашом. При воспроизведении текстов данной тетради в наст. изд. эти пометы выделены курсивом.

<Измененный план СПР-Д>

Л. 2–3

Кн<ига> VI

МОИ ЗАПИСКИ

I Почему я сделалась
революционеркой

1–14 (стр. 1–14)

Оля II ч<асть> (С огненной пастью)

II Какие враги были у русского
правительства

—“— (стр. 15–17)

III Как это произошло	—“—	(стр. 18—23)
IV «Беденький» и «Колода»	—“—	(стр. 24—27)
V Петербург	—“—	(стр. 28—30)
VI Сны: Собакой, Управимся, Завороженная собака	—“—	(стр. 31—32)
VII Анна Ивановна Артамонова	—“—	(стр. 33—35)
VIII Катя Виноградова	—“—	(стр. 36—37)
IX Разговор за спиной	—“—	(стр. 38)
X Отзыв Оли	—“—	(стр. 39)
XI Демонстрация	—“—	(стр. 40—44)
XII Две лиры	Оля III «Голова львова»	(стр. 45—49)
XIII На распутье	Оля II	(стр. 50—54)
XIV Ошибки	Оля I	(стр. 55—57)
XV Котенок	Оля II	(стр. 58—62)
XVI Идти к святому	Оля III	(стр. 63—65)
XVII Слепая любовь	—“—	(стр. 66—70)
XVIII Черкасов		
1) На память	—“—	(стр. 71—73)
2) Черкасов (со слов С. П.)	Оля II	(стр. 74—75)
3) Шкатулка (— «—)	—“—	(стр. 76—80)
4) Недобитый соловей (— «—)	—“—	(стр. 81—87)
XIX Из Оли	Оля II	(стр. 88)
XX Супирчик <u>Герой наших дней</u> 1.VIII.1930	Оля III	(стр. 88)
XX <так! — Ред.> Без предмета	Оля III 11.IX.1931	(стр. 89—92)
XXI Издали	Оля III 10.IV.1932	(стр. 93—94)
XXII Как улетали птицы	Оля III 22.IV.1932	(стр. 95—96)
XXIII —“— Первая память	Оля III 23.IV.1932	(стр. 97)
XXIV —“— Страшный суд	Оля III 16.VI.1932	(стр. 98)
XXV Закрыли окна	Оля III 1.V.1932 (Пасха)	(стр. 99—101)
XXVI Букет	Оля III 17.VI.1932	(стр. 102—104)
XXVII Как улетали птицы. Страшное	Оля III 21.VI.1932	(стр. 105—106)
XXVIII —“—. От непосильной работы	Оля III 21.VI.1932	(стр. 107)
XXIX Не считается. Праздные люди	Оля III 21.VI.1932	(стр. 108)
XXX Супирчик	Оля III 24.VI.1932	(стр. 109—110)

XXXI Три пламенных сердца. Бабушка	Оля III 24.VI.1932	(стр. 111)
XXXII Без указки. Яблоки	Оля III 24.VI.1932	(стр. 112)
XXXIII Наперекор	Оля III 24.VI.1932	(стр. 113—114)
XXXIV Земля и море. Не скроешь	Оля III 24.VI.1932	(стр. 115)
XXXV —“— На землю	Оля III 24.VI.1932	(стр. 116—117)
XXXVI Серебряный полумесяц	Оля III 30.VI.1932	(стр. 118—120)
XXXVII Из вечного. Пуля	Оля III 3.VII.1932	(стр. 121—123)
XXXVIII Три пламенных сердца. Монашка	Оля III 3.VII.1932	(стр. 124)
XXXIX Некуда убежать. Некому заступиться	Оля III 25.X.1932	(стр. 125—127)
L <так! — <i>Ред.</i> > Без указки	Оля III 1) 11.VII.1932 2) 12.VII.1932	(стр. 128—134)
LI Не дождалась	Оля III 16.VI.1933	(стр. 135—137)
LII Живое и мертвое	Оля III 13.III.1933	(стр. 138—140)
LIII С горбом	18.IV.1933	(стр. 141—144)
LIV [XX] За-и-меж- стольные записки	24.XII.1921 Берлин	(стр. 145)
LV [XXI] Титлы — 167 слов		(стр. 146—150)
LVI [XXII] Палеографическая задача	Пб. 1912	(стр. 151)
LVII [XXIII] Рукописные книги		(стр. 152) {
LVIII [XXIV] Толковый словарь		(стр. 153—154) { 1—107

Л. 4

Кн<ига> V

ПЕТЕРБУРГ

Канун Революции 1916

1—8

1) 1.I 2) 6.II 3) 17.XI 4) 12.XI

Из «Взвихренной Руси» 1917

9—25

1) 1.I 2) III. 3) 23.VI. 4) 24.VI. 5) 23.XI. 6) 26.XI.

(I—II мое)

7) Рождество 25.XII. 8) О критике, XII 9) О писателях

10) Душа рус<ской> литературы

Из «Взвихренной Руси» 1918	26—40
1) 1.I 2) 13/26.II 3) 26.II 4) Письмо З. Н. Гиппиус 1.III	
5) А. А. Рязановский 4.III 6) Мережковские 12.III	
7) — 8) Пасха 22.IV	
9) Погасло электричество 28.V. <i>Сон</i> 10) 14/27.X	
11) 11/24.X (<i>Сон</i>)	
12) 25.XI/ 8.XII 13) 26.XI/9.XII 14) 12.XII/21.XI	
15) 13.XII / 30.XI	
Из «Взвихренной Руси» 1919	41—50
1) 7.I/25.XII 2) 10/23.I 3) 8.II/26.I 4) <i>Сон</i> 9.III	
5) Ф. И. Щеколдин 15/2.III	
6) 28/15/ III 7) 10.IV 8) Восьмушка <i>Сон</i> 27.IV	
9) <i>Сон</i> 11.V 10) 20/7.VI	
11) —	
Из «Взвихренной Руси» 1921	51—54
1) Большое дыхание памяти 26-27.II <i>Сон</i> 2) 1.III	
3) 27.III 4) IV <i>Сон</i>	
Наше путешествие 1921	55—57
П<етер>б<ург> — Ямбург — Ревель — Berlin.	
5.VIII — 21.IX	
Петербург В лазарете 1915	58—68
Молитвы	69—71
1.I.1916— 2.IX.1939 (Петербург—Paris)	
Развлечения 1931—1939 (Из дневника) 135 вечеров	79—75
Л. 5	
<Книга> II.	
Петербург 1908—1909	1—16
Сны: 1. Лев Шестов	1—2
2. З. А. Венгерова	3
3. Ф. Сологуб	4—5
4. В. И. Иванов	6—12
5. К. Д. Бальмонт	12—13
6. Д. В. Философов	14 —
7. Мережковский [2 стихотв<орения>	
З. Н. Гиппиус]	15—16
Петербург [На Шпалерной]	
1. Книги 1896 15 VI	<i>Оля II</i> 17
2. Маруся	—“— 17

3. Н. К. Михайловский 1896 19 X		18—21
4. Отзыв Н. К. Михайловского	Оля II	21—22
Мои собственные книги 1899		23—26
Две картинки		26
Аттестаты:		27—33
1. Курсовое свидетельство (1893—1897)		27—29
2. Аттестат Арх<еологического> Инст<игута> (1909—1912)		30—31
3. Диплом Alliance Française (1927—28)		32
4. École des Langues Orientales — 30.VI.1924		33
Анкета -----	1937 10.V. Paris	33 об.
Безымянные стихи		34—36
Наша свадьба и конец 27.VI.1903—13.V.1943		37—42
Указатель имен — 169 (170)		43—44
Л. 6		
<Книга> III.		
Из «Оли» О смерти отца † 1895 21.III.		2—3
Из «Дневника»		4—8
<i>Сон</i>		8—9
ТУНГУС В ЮБКЕ	Оля II	10—13
КУМ (Лебединцев)		14—16
ЗАРУЦКИЙ 1875—1902	Оля III	16—31
1.		16
2. Пасха		
3. Сорокоуст		18
4. Ночь		
5. Первая встреча		—“—
6. О нем		20
7. Конец		23 об.
8 I. Птичка, как руку клевала	<i>Сон</i>	26
II. Мертвыми глазами	<i>Сон</i>	28
III. Частями	<i>Сон</i>	29
IV. С Наташей	<i>Сон</i>	29
V. Т<ышка> — Д<иксон>	<i>Сон</i>	29 об.
9. Рукописи		
Непоправимое 9.X.1902 (Документ)		31—36
(Сквозь огонь скорбей)		
Бисерная стена		37—31
Места на земле		40—50

Л. 7

<Книга> IV

На бессрочной каторге

Имена: 136 автографов

Оригиналы у Г.В. Чижова, 3 Rue Lacretelle Prolongée XV

Л. 8

<Книга> VII

Дневник 1937 (177)

1—27

Дневник 1938 (143)

30—44

Дневник 1939 — к<онец?> 2.IX

45—95

Л. 9

<Черновик письма Ремизова в издательство L<es>

Q<uatre>V<ent>s — Ред.>

Л. 10

<Книга> I.

Письма:

Петербург	№ 1, 2, 3		2
	1909, 1910, 1919	Письма 68	3—40
Berlin	1) 6 X 1921	1921 2	
	2) 10 X 1921		1921, 22, 23, 24, 25, 26
	3) 1 IV 1922	1922 5	27, 28, 32, 33, 37, 38, 41
	4) 11 IV 1922		38, 41
х х х	5) 15 VI 1922		-----
(у Гржебиных)	6) 19 VI 1922		13 лет
↓	7) 22 VI 1922		
Berlin	8) 15 II 1923		
Berlin	9) 7 V 1923		
Kudowa	10) 10 VII 1923	1923 7	
	11) 12 VII 1923		
	12) 13 VII 1923		
	13) 26 VII 1923		
Brunshaupten	14) 28 VII 1923		

Kerbelles	15) 18 VII 1924		
	16) 20 VII 1924	1924 5	

	17)	23 VII 1924	
	18)	24 VII 1924	
	19)	—“—	
Nantes	20)	19 II 1925	1925 10
Kerbellec	21)	20 II 1925	
	22)	20 II 1925	
Mountiers	23)	25 II 1925	
Paris	24)	15 IV 1925	
Chartreuse de Neuville	25)	1 VIII 1925	
Kerbellec	26)	21 VIII 1925	
	27)	22 VIII 1925	
	28)	23 VIII 1925	
	29)	1925	

Л. 10 об.

Vichy	30)	23 VI 1926	1926 15	1932 6	Bourbon	58)	15 VI 1932				
	31)	23 VI 1926			1933 3	Paris	— “ —	59)	15 VI 1932		
	32)	24 VI 1926					1937 1	60)	16 VI 1932		
	33)	27 VI 1926						1938 1	61)	19 VI 1932	
	34)	28 VI 1926							1941 1	62)	25 VI 1932
	35)	29 VI 1926								63)	2 VII 1932
	36)	30 VI 1926				64)	III 1933				
	37)	4 VIII 1926				65)	IV 1933				
	38)	7 VIII 1926				66)	1 V 1933				
	39)	8 VII 1926				67)	1937				
Their	40)	8 VII 1926			68)	1938					
Vichy	41)	10 VII 1926			69)	XI 1941					
—	42)	13 VII 1926									
Vichy	43)	25 VII 1926									
Paris	44)	1926									
Lyon	45)	4 IX 1927	1927 4								
Brides-les-Bains	46)	5 IX 1927		1928 9							
	47)	8 IX 1927									
	48)	13 IX 1927									
Roscoff	49)	17 VII 1928									
	50)	19 VII 1928									
	51)	20 VII 1928									
	52)	21 VII 1928									
	53)	23 VII 1928									

- 54) 25 VII 1928 }
 55) 26 VII 1928 }
 56) 26 VII 1928 }
 57) 29 VII 1928 }

Л. 11

**Надписи на фотографических
карточках**

	40—42	1939
1) Киев 2 X 1904 [5 V 1929 Paris]		<u>73</u>
2) Чернигов 1893 [—“—]		66

Из последних записей

	42—43
1) 1941	
2) 1 IV 1942	
3) 1943	
4) 9 V 1943	

**Письма С. П. неотосланные или
вернувшиеся**

	44—56
1) Легра 1934	
2) З. Н. Гиппиус 5 X 1924	
3) Алферовым 4 II 1942	
4) В. А. Спув-Введенской	
5) М. С. Д'Анкаона 29 VII 1940	
6) Л. Георг<гиевне> Попеско 20 VII 1940	
7) В. Г. Квиль 28 IV 1939	
8) И. С. Шмелеву 13 V 1937	
9) И. И. Кристин 27 III 1935	
10) Barbara Church 24 I 1941	
<i><Первоначальный пункт 10: 10) О. А. Судейкиной 4 III 1941 обведен А. Р. в круг с пометой о его переносе: в Dubia T. VIII></i>	

Л. 12

Как я видела кого в последний раз

57—75

(днев<ник> 1934)

- I) 1 Лида
 2 Бабушка
 3 Диксон 58, 76, 81, 86, 87, 88, 100, 101, 105, 109
 4 Папа III к<нига> 2—8 I к<нига> стр<аницы> 60, 79
 5 Лида Борейко
 6 Ф. И. Щеколдин V к<нига> 45

- 7 Н. П. Булич
- 8 Мама (стр<аница> 119)
- 9 Блок
- 10 Шкотт
- 11 Савинков
- 12 Чехов
- 13 Биск кн<ига> VI стр<аница> 24 стр<аница> 45
- 14 Розанов
- 15 Цверцикевич
- 16 Мой Петербург
- 17 Очень страшное

II) Надя Самойлович (из дневн<ика> 1936)

III) Б. В. Савинков (стр<аница> 63) (из дневн<ика> 1925)

IV) Из дн<евника> 1928 76—78

- 1) посылка *сон*
- 2) мальчик на петухе *сон*
- 3) мыло *сон*
- 4) снег *сон*
- 5) газеты *сон*
- 6, 7, 8, 9, 10, 11

Л. 13

V) Из прерванных дум 79—91

Из дневника 1923, 1924, 1925

1) про отца <i>сон</i>	4.II 1923	}	2
2) первые парижские дни	26.XI 1923 Paris		
3) на дверях	17—21.I 1924	}	4
4) в разговоре	19.I 1924		
5) а умереть дают	27.I 1924	}	14
6) 10 конфет или 100 рублей <i>сон</i>	8. XI 1924		
7) Берестовец (тени) <i>сон</i>	1.I. 1925	}	14
8) Рерих <i>сон</i>	2.II. 1925		
9)		}	
10) Пушкинской рукой <i>сон</i>	19.V 1925		
11) Диксон <i>сон</i>	15.VI 1925		
12) Англичанки	16.VI 1925		
13)	11.VII 1925		
14) Книги <i>сон</i>	20.VII 1925		

ПРИЛОЖЕНИЕ

15) Двойной сон		21.VII 1925	}
16) С Блоком о Диксоне	<i>сон</i>	3. VIII 1925	
17) Две старухи и кофий	<i>сон</i>	5. VIII 1925	
18)		24. VIII 1925	
19)		31. VIII 1925	
20)		2. VIII 1925	
VI Старшая сестра		7.XI 1925	12—13

Л. 14

VII В болезнь		1925—1926	94—99
		1925 20.XII — 1926 12.I	

1) На тюфяке	<i>сон</i>	12.XII 1925
2) С кувшином в грязи	<i>сон</i>	14. XII 1925
3) Пищик	<i>сон</i>	16. XII 1925
4) Прошлогодние елки	<i>сон</i>	20. XII 1925
5) В гробу	<i>сон</i>	20. XII 1925
6) Обезьянки	<i>сон</i>	21. XII 1925
7) Чулки, на извозчике	<i>сон</i>	6. I 1926
8) Козак молодой	<i>сон</i>	7. I 1926
9) В черном и в сером	<i>сон</i>	10. I 1926
10) На кладбище и внизу	<i>сон</i>	11. I 1926
11) Лекция Пастёра	<i>сон</i>	12. I 1926
12) Записная книжка	<i>сон</i>	11—12. I 1926

IX Из дневника 1930—1931—1932 стр. 100—103

1) 245	<i>сон</i>	9.III 1930
2) Диксон † 17 XII 1929		11.III 1930
3) Два пути		1.VIII 1930
4) Хорошо любить		20.VI 1930
5) Годовщина	<i>сон</i>	20.XII 1930
6) Бретань		21.VII 1931
7) «Птицы»		---
8) Память		22.VIII.1932

1933

X 1) Троцкий	<i>сон</i>	IX 1933	стр<аницы> 104—105
2)		15.IX. 1933	
3) О бедном Диксоне		11.XI 1933	

Л. 15

1926

VIII Из дневника

109—112

1) ---		20.VI 1926
2)		23.VI 1926
		Vichy
3) Т<ышка> —		
Д<иксон>	сон	16.VII 1926
		Vichy
4) Предисловие к книге Диксона		
5)		25.IX 1926
6) о. Иоанн		23.X 1926
7)		10.XI 1926

Петербург 1907—1909 стр<аницы> 113—121

1) Очень мне плохо		2.III 1907
2) Дрожит вся душа		
3) Пасха		
4) Наташе		
5) Мои записки		Кн<ига> VI
6) Не поддержал	сон	
7) Про птичку, как она руку клевала	сон	6—7. I 1909

Анализ приведенного *Измененного плана СПР-Д* выявил, что в нем последовательность записи содержания отдельных *Книг* не соответствует порядку их расположения согласно нумерации в основном тексте *СПР-Д*. Фактически это фиксация размышлений Ремизова о возможном трансформировании последовательности подачи материалов. В *Измененном плане СПР-Д* порядок следования *Книг* по возможности соотнесен с хронологией жизни *СП*. То, что в тетради текст каждой *Книги* был записан на автономных листах, давало Ремизову дальнейшую потенциальную возможность разрезать ее на отдельные листы для последующей перестановки порядка следования *Книг*. Однако в итоге их последовательность осталась той же. В *Измененном плане* отсутствуют записи содержания *Книг VIII* и *IX*. Но в *Книге I* имеется помета Ремизова, свидетельствующая о намерении сформировать *Книгу VIII*: пункт «10) О. А. Су-

дейкиной 4 III 1941» сопровождается указанием на его перенос в другую *Книгу*: «в *Dubia T. VIII*».

В тексте *Книги VIII* имеется авторский комментарий, датированный 1 февраля 1945 г. Согласно данным «Дневника мыслей», в марте Ремизов продолжал работать над материалами дневника *СП* 1938 г., вошедшими в *Книгу VIII*. В апреле основная работа над комплексом *Книг СПР-Д* была завершена, о чем свидетельствуют датирующие пометы на обложках *Книг I—VI, VIII*. Позже всех в 1945 г. была написана *Книга IX*, крайнюю дату времени ее создания можно примерно обозначить июнем 1945, хотя некоторые датирующие пометы были внесены в текст этой *Книги* позднее, в ряде случаев вместе с дополнением ее содержания.

Таким образом, на основании ограниченного количества имеющихся датировок время создания *СПР-Д* можно обозначить примерно так: со второй половины 1944 г. по июнь 1945 г. *Книги I—VII* были созданы к началу февраля 1945 г. При этом большая часть *Книг (I—VIII)* были созданы до 13 мая 1945 г. — значимой для Ремизова даты 3-й годовщины со дня смерти *СП*.

В открывающем *Книгу I* авторском вступлении, написанном при завершении работы над всем текстом *СПР-Д*, Ремизов обозначил следующий этап своих трудов над продолжением создания мегатекста — коллажа, посвященного памяти *СП*: «В особой тетради предполагаю переписать свои письма того времени, начну с Берлина — 1921-го. Тогда будет наш переклик ясен».

На рубеже 1947—1948 гг., к 5-летию со дня смерти *СП*, Ремизов реализовал свой замысел в виде выполненного в том же жанре, что и *СПР-Д*, текста под названием «На вечерней заре» — коллажа из документов (текстов его писем к *СП*), дополненных комментариями и пояснениями. Рукопись «На вечерней заре» состоит из пяти тетрадей, пронумерованных латинскими цифрами: «X—XIV»:

Книга X: Письма Ремизова А. М. Ремизовой-Довгелло С. П. Книга X (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 296. 177 л.).

Тетрадь без переплета. На л. 1 заглавие: «НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ. Переписка А. Ремизова с С. П. Ремизовой-Довгелло. I.». Справа помета Ремизова: «10 кн<ига>. 1. XII <1947> — 21. I. 1948. Paris, <значок-анаграмма Ремизова>, 222» и пере-

чень содержания — писем 1903—1906 гг. (№ 1—123); «стр<аницы> 1—146».

Книга XI: *Ремизов А. М.* Письма Ремизова А. М. Ремизовой-Довгелло С. П. Книга XI. Автограф (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 297. 203 л.*).

Тетрадь в мягком синем картонном переплете. На корешке переплета белая бумажная наклейка с надписью: «11 кн<ига>». На обложке белая бумажная наклейка с надписью и датой: «Письма А. Ремизова С. П. Ремизовой. I / 11 кн<ига> / № 124 (24/IV.1905) — 1910 (21 VII) № 194 / стр<аницы> 147—344», значок-анagramма Ремизова и дата: «1. XII. <1947> — 21. I. 1948».

Книга XII: *Ремизов А. М.* Письма Ремизова А. М. Ремизовой-Довгелло С. П. Книга XII. Автограф (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 298. 61 л.*).

Тетрадь в твердом желтом картонном переплете. На черном ледериновом корешке переплета белая бумажная наклейка: «12 кн<ига>». На обложке название и пометы: «Письма А. Ремизова — С. П. Ремизовой. III» / «12 кн<ига> / № 195 (2 III 1911 — XI 1916 / 1 I 1917 / стр<аницы> 345—395». Внизу обложки помета: «A. Remizoff 1. XII <...> — 21. I. 1948».

Книга XIII: *Ремизов А. М.* Письма Ремизова А. М. Ремизовой-Довгелло С. П. Книга XIII. Автограф (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 299. 109 л.*).

Тетрадь в твердом черном ледериновом переплете. По размеру идентична тетрадям *Книг I—IX*. На корешке белая бумажная наклейка: «13 кн<ига>». На обложке белая бумажная наклейка с названием: «А. Ремизов С. П. Ремизовой-Довгелло / Berlin / 21.IX.1921 — 5.XI.1923 / Paris / 7.XI.1923 — / 176 //» и содержанием (перечислены письма 1921—1931 гг.), значком-анagramмой Ремизова и указанием их количества «176».

Книга XIV: *Ремизов А. М.* Письма Ремизова А. М. Ремизовой-Довгелло С. П. Книга XIV. Автограф (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 299. 109 л.*).

Тетрадь в твердом темно-зеленом бумажном переплете. По размеру идентична Тетрадам *Книг I—IX*. На корешке белая бумажная наклейка с надписью: «14 кн<ига>» и значком-анagramмой Ремизова. На обложке белая бумажная наклейка с перечнем содержания (перечислены письма 1932—1939 гг.). На л. 152 дата: «1.II — 18.III. 1948».

Нумерация данных тетрадей (X—XIV), *продолжающая* нумерацию I—IX *Книг СПР-Д* указывает на то, что «На вечерней заре» задумано как дополнение и продолжение *СПР-Д*. Первой на целостность замысла Ремизова указала А. д'Амелия: «После смерти жены (13 мая 1943 г.), мучительно переживая утрату, Алексей Михайлович принялся за обработку ее заметок, дневников и литературных записей. Его работа длилась три года — с 1945 по 1948 — и составила 14 больших “бухгалтерских” тетрадей: *Книги записей С. П. Ремизовой-Довгелло*. Последние пять из них составляют книгу *На вечерней заре*» (Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Еуропа Orientalis*. 1985. № 4. Р. 149). Текст «На вечерней заре» был частично опубликован дважды; в настоящее время его полная публикация продолжается, вследствие чего в 17 и 18 томах Собрания сочинений А. М. Ремизова дается отсылка на изданные части данного произведения. См.: *На вечерней заре* 1985; *На вечерней заре* 1987; *На вечерней заре* 1990; *На вечерней заре* 2014 (1); *На вечерней заре* 2014 (2); *На вечерней заре* 2015; *На вечерней заре* 2016; *На вечерней заре* 2017; *На вечерней заре* 2018 (1); *На вечерней заре* 2018 (2); *На вечерней заре* 2018 (3); *На вечерней заре* 2019 (1); *На вечерней заре* 2019 (2); *На вечерней заре* 2019 (3); *На вечерней заре* 2020 (1); *На вечерней заре* 2020 (2); *На вечерней заре* 2020 (3); *На вечерней заре* 2021. — Расшифровку сокращений см. в настоящем издании: *Список сокращений*.

КОММЕНТАРИИ

От редакции: общие эдичионные принципы подачи текстов в настоящем томе подробно изложены в преамбуле к XI тому Собрания сочинений А. М. Ремизова, вышедшему в 2015 г. (*Зга-Росток XI*. С. 3–8). Она предваряет тома Собрания сочинений А. М. Ремизова, которое является продолжением издания, увидевшего свет в 2000–2003 гг. (*РК I–X*). Произведения Ремизова публикуются с учетом авторских особенностей орфографии и пунктуации.

XVII том представляет собой публикацию многосоставной рукописи А. М. Ремизова *СПР-Д*. Она состоит из текстов эго-документов *СП* (отрывков из дневников, записных книжек, воспоминаний, писем, записок и др.); текстов третьих лиц (писем, стихотворений, отрывков из статей, деловых документов и пр.). «Чужие» тексты сопровождаются вкрапленными в их состав, а также автономно расположенными текстами самого Ремизова: комментариями, раскрывающими инициалы упомянутых лиц, уточнениями адресов и пр.; обширными дополнениями, эссе и отрывками из его произведений. В соответствии со сложной структурой рукописи *СПР-Д* публикаторы выработали и применили в данном томе ряд дополнительных правил подачи текста.

Сохранены *авторские квадратные скобки* Ремизова. В данном случае семантика этого типа скобок в XVII томе Собрания сочинений Ремизова не совпадает с их стандартным значением в современной эдичионной практике. В квадратные скобки Ремизов, как правило, заключал свои комментарии (пояснения, дополнения), а также (оказионально) тексты отрывков из своих произведений и авторских вступлений к Книгам. Зачеркнутые слова приводятся под текстом в подстрочных примечаниях. В данном томе тексты *СП* и третьих лиц даются *прямым* шрифтом. Комментарии и воспоминания Ремизова, зачастую инкорпорированные в «чужие» тексты, печатаются *курсивом*. Сохранены авторские подчеркивания, выделения жирным шрифтом и разрядкой.

Инициалы *С. П.* не раскрываются везде, где это означает *Серафима Павловна Ремизова-Довгелло*. Инициалы *А. Р.*, сопровождающие многочисленные авторские дополнения, даются курсивом и жирным

шрифтом. Публикаторские расшифровки инициалов и сокращений, необходимые для адекватного понимания текста, даны в угловых скобках.

В ряде случаев не унифицируются авторские неточности и разночтения в написании фамилий и инициалов упоминаемых лиц, когда они имеют смысловое значение и обусловлены разновременным происхождением текстов-источников.

В оригинале рукописи *СПР-Д* тексты сопровождаются разнообразными иллюстративными материалами, бывшими в распоряжении писателя: фотографиями, художественными открытками, акварельными и карандашными рисунками авторства третьих лиц, вырезками иллюстраций из газет и журналов, оригиналами квитанций и др. Эти материалы большей частью расположены внутри Тетрадей на их листах или на вложенных в них листах-вклейках в соответствии с конкретными иллюстрируемыми ими текстами Книг. В публикации *СПР-Д* сведения о содержании и расположении данных материалов даются в подстрочных примечаниях к иллюстрируемым ими текстам. Авторские рисунки Ремизова, за исключением нескольких превращенных в изображения фантастических существ следов от клякс или густо заштрихованных строк, в рукописи *СПР-Д* отсутствуют.

Переводы отдельных текстов и отрывков выполнены: с французского языка Н. Л. Дмитриевой; с немецкого — М. Ю. Кореневой.

КНИГА I

Ремизов А. М. Дневниковые записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга I. «Paris. 1945. IV». — Автограф, печ. вырезки, фотография // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. 120 л.* Далее: *Книга I.*

Рукописные тексты-источники:

Ремизова-Довгелло С. П. Из Бердяева Н. А. (мысли). <1900>. — Автограф. Помета Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1047. 3 л.*

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1907. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1046. 1 л.*

Ремизова-Довгелло С. П. Пасха. <1907—1908>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1048. 1 л.*

Ремизова-Довгелло С. П. Записка («Мне очень тяжело жить...»). <1907, 1909>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1049. 1 л.*

Ремизова-Довгелло С. П. Записи («Хочу написать тебе о себе...»). <Петербург. 1909?>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1050. 3 л.*

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи («Будто ты и я пошли на курсы...»). <Петербург. 1909?>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1051. 1 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи («Это я тебе пишу свои записки...»). <Петербург. 1909>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1052. 1 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Записи снов. 22 дек. 1908, 7 янв. 1909. — Автограф. Пометы А. М. Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1053. 2 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Воспоминания о Савинкове Б. В. <1925>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1070. 3 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи 1923—1925 гг. Записки. — Автограф. Пометы Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1072. 14 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1926, 1930, 1933. — Автограф. Пометы Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1073. 27 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Воспоминания о последних встречах с родителями, бабушкой, а также с Блоком А. А., Савинковым Б. В., Чеховым А. П., Розановым В. В. и др. — Автограф. Пометы Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1068. 14 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Воспоминания о Наде Самойлович. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1069. 3 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Сны и размышления. Дневниковые записи. 1928. — Автограф. Пометы Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1071. 7 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Записная книжка. <1930-е>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1272. 5 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Записная книжка. <1933—1943>. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1273. 54 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1942 г. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1090. 196 л.

Ремизова-Довгелло С. П. «Из последних записей». Записки. 1942—1943. — Автограф. Пометы Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 925. 5 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. (Молитва: Матерь Божия, возьми нас под кров свой...») 21 янв. 1943. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1082. 8 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1943 г. — Автограф // *ГЛМ. Ф. 156.* Оп. 2. Ед. хр. 1083. 28 л.

Ремизова С. П. Письма А. М. Ремизову: 1909. СПб.; 1910. СПб.; VIII. 1919; 6.X.1921; 10.X.1921; 1.VI.1922; 11.IV.1922. Berlin; 15.VI.1922; 19.VI.1922; 22/23.VI.1922; 15.II.1923; 7.V.1923. Berlin; 10.VII.1923. Kuldowa; 13.VII.1923; 26 июля 1923; 28 июля 1923; 18 июля 1924; 20 июля

1924; 23.VII.1924; 24.VII.1924; 19.II.1925; 20.II.1925; 22.II.1925; 25.II.1925; 15.IV.1925; 1.VIII.1925; 21.VIII.1925; 22.VIII.1925; 23.VIII.1925; 1925; 23.VI.1926; 23.VI.1926; 24 июня 1926; 27.VI.1926; 28 июня 1926; 29 июня 1926; 30.VI.1926; 4.VI.1926; 7.VI.1926; 8.VI.1926; 8.VII.1926 <открытка>; 10.VII.1926; 13.VII.1926; 15.VII.1926; 1926; 4.IX.1927; 5 сентября 1927; 8 сентября 1927; 13 сентября 1927; 17 июля 1928; 19 июля 1928; 20 июля 1928; 21 июля 1928; 23.VII.1928; 25 июля 1928; 26 июля 1928; 26 июля 1928; 29 июля 1928; 15 июня 1932; 16 июня 1932; 19 июня 1932; 25.VI.1932; 2 июля 1932; III.1933; IV.1933; IV.1933; 1937; 18 октября 1938; XI.1941. — Автографы. Пометы и нумерация (№ 1—69) Ремизова // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 870—924.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо З. Н. Гиппиус. 5 окт. 1924 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1097. 1 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо Jules Legras. 1934. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1109. 1 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо И. И. Кристин. 27 марта 1935 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1103. 1 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо к Barbara Church. 27 января 1936 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1106. 2 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо В. А. Спув-Введенской. 16 авг. 1937 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1105. 2 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо И. С. Шмелеву. 13 мая 1937 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1107. 1 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо А. М. и А. В. Алферовым. Авг. 1941 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1096. 2 л.

Ремизова-Довгелло С. П. Письмо Л. Г. Попеско. 20 июля 1940 г. — Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1108. 2 л.

Remizov A. Manuscript for typesetting of part II [“Vzvishrennaja Rus”] with editorial corrections [Наборная рукопись II части «Взвхренной Руси» с редакторскими пометами]. 1926. — Автограф // *Amherst. Series 1. Subseries 2.* Vox 16. F. 28. 306 p.

Печатные источники:

Ремизов А. Савинков. (В цикле: «Мои сны: Литературные») // Слово (Рига). 1925. № 1. 11 ноября. С. 3.

Ремизов А. Савинков // ПН. 1932. 13 марта. № 4008. С. 2—3.

Книга I представляет собой тетрадь в клетку размером 30 × 20 см в коричневом бумажном переплете. Корешок — красный дерматин. На верхнем сгибе переплета красная бумажная наклейка с надписью рукой Ремизова: «I кн<ига>». На верхнем листе обложки: 1) слева — вертикально надпись: «REMIZOV PARIS 1945 IV»; 2) справа — изображение фантастического зооморфного существа; 3) в правом ниж-

нем углу — глаголическая буква «червь» — анаграмма Ремизова; 3) по центру — информация о содержании книги:

I

ПИСЬМА

ПЕТЕРБУРГ 1909—1910—1919 — 3 72

В ГЕРМАНИИ 1921—1923 (5 снов) — 14

ФРАНЦИЯ 7 XI 1923 — 1941 — 55

69

Надписи на фотогр<афических> карточках { 1893
1929 — 2
1904

Из последних записей 1941—1943 — 4

Письма не отосланные и вернувшиеся 1924—1940 — 10

Как я видела кого в последний раз

Из дневника 1934 — 11

—“— 1936 — 1

—“— 1925 — 1

—“— 1928 (5 снов) — 11

Из прерванных дум

Из дневника 1924, 1925, 1923 (10 снов) — 20

Старшая сестра 1925 — 1

За болезнь

Из дневника 1925—1926 (12 снов) — 12

Из дневника 1926 (1 сон) — 7

Из дневника 1930—1931—1932 (2 сна) — 8

Троцкий и Диксон (1 сон) — 2

ПЕТЕРБУРГ

Из дневника 1907—1909 — 7 169

(2 сна) 83 97 38

— очень мне плохо — дрожит вся душа

Внизу по центру верхнего листа стандартная библиотечная наклейка с надписью рукой Н. В. Резниковой: «Письма-записки Серафимы Павловны. Последние встречи. Записи о Наташе, о родных, друзьях. Савинков». На обороте верхнего листа обложки: «Довгелло: Daug-galis (велико-могучий) wielki-potent». На форзаце и обороте форзаца — содержание книги:

«Письма:

3 Петербург 1909, 1910, 1919 — 3 Стр. 1—40

Германия

1) 6.X.1921, 2) 10.X.1921, 3) 1.VI.1922, 4) 11.VI.1922, 5) 15.VI.1922, 6) 19.VI.1922, 7) 22.VI.1922, 8) 15.II. 1923

- 1921 -----1922 -----1923 -----
 10) <9 – пропущено. – *Ред.*> 10.VII.1923 11) 13.VII.1923 13) 26.VII.1923
 14) 28.VI.1923
 -----1923 -----
 15) 18.VII.1924 16) 20.VII.1924 17) 23.VII.1924 18) 24.VII.1924
 19) – <так! – *Ред.*>
 -----1924-----
 20) 19.II.1925 21) 20.II.1925 22) 22.II.1925 23) 25.II.1925 24) 15.
 IV.1925 25) – VIII.1925 26) 20.VIII.1925 27) 22.VIII.1925 28) 23.
 VIII.1925 29) – 1925
 -----1925-----
 30) 23.VI.1926 31) 23.VI.1926 32) 24.VI.1926 33) 27.VI.1926 34) 28.
 VI.1926 35) 29.VI.1926 36) 30.VI.1926 37) 4.VII.1926 38) 7.VII.1926
 39) 8.VII.1926 40) 9.VII.1926 41) 10.VII.1926 42) 18.VII.1926 43) 25.
 VII.1926 44) 1926
 -----1926-----
 45) 4.IX.1927 46) 5.IX.1927 47) 8.IX.1927 48) 13.IX.1927
 -----1927-----
 49) 17.VII.1928 50) 19.VII.1928 51) 20.VII.1928 52) 21.VII.1928
 53) 23.VII.1928 54) 25.VII.1928 55) 26.VII.1928 56) 26.VIII.1928 57) 29.
 VIII.1928
 -----1928-----
 58) 15.VI.1932 59) 1932 60) 16.VI.1932 61) 19.VI.1932 62) 25.VI.1932
 63) 2.VII.1932
 -----1932-----
 64) III.1933 65) IV.1933 66) IV.1933; 67) 1937 68) 1938 69) XI.1941
 -----1933-----1937-----1938-----1941-----
 72 69 5 снов

Надписи на фотограф<ических> карточках

- 1) 5.V.1929 1904 стр. 40–42
 2) –“– 1893

Из последних записей

- 1) 1941 2) 1.IV.1942 3) 1943 4) 9.V.1943 стр. 42–43
 Письма не отосланные или вернувшиеся стр. 44–56
 1) 1934 2) 5.X.1924 3) 4.II.1941 4) 16.VIII.1937 5) 29.VI.1940
 6) 20.VII.1940 7) 28.IV.1939 8) 13.V.1937 9) 27.III.1935
 10) 24. I.1936 [11) 4.III.1941 VIII кн<ига>]

1924–1941

Как я видела кого в последний раз стр. 57–75

I Из дневника 1934 (11)

II –“– 1936 (1)

- III —“— 1935 (1)
IV Из дневника 1928
----- (11) [4 сна] стр. 76—78
V Из дневника 1923, 1924, 1925
Из прерванных дум
1) 4.II.1923 2) 21.XI.1923 3) 17—21.I.1924 4) 10.I.1924
5) 27.I.1924 6) 8.XI.1924 стр. 79—91
-----1923 ----- 1924----- (20) [10 снов]
7) 1.I.1925 8) 2.I.1925 9)—10) 19.V.1925 11) 15.VI.1925 12) 16.VI.1925
13) 1.VII.1925 14) 20.VI.1925 15) 21.VII.1925 16) 3.VIII.1925 17) 5.VIII.1925
18) 24.VIII.1925 19) 31.VIII.1925 20) 2.IX.1925
-----1925-----
VI Из дневника 1925 (1) стр. 92—93
VII Из дневника 1925—1926
За болезнь (12) (12 снов) стр. 94—99
1) 12.XII.1925 2) 14.XII.1925 3) 16.XII.1925 4) 20.XII.1925 5) 20.
XII.1925
6) 20.XII.1925 7) 21.XII.1925
-----1925-----
8) 7.I.1926 9) 10.I.1926 10) 11.I.1926 11) 25.I.1926
-----1926-----
VIII Из дневника 1926 (7) (1 сон) стр. 109—112 <так! — *Ред.*>
1) 20.VI.1926 2) 23.VI.1926 3) 16.VII.1926 4) — 5) 25.IX.1926
6) 23.X.1926 7) 10.XI.1926
-----1926-----
IX Из дневника 1930—1931—1932 (8) [2 сна] стр. 100—103
1) 9.III.1930 2) 11.III.1930 3) 1.IV.1930 4) 20.VI.1930 5) 20.VII.1930
-----1930-----
6) 21.VII.1931 7) птицы 1931 8) 22.VIII.1932
----- 1931 ----- ----- 1932 -----
X Из дневника 1933 (2) [1 сон]
1) 1.X.1933 3) 11.XI.1933 2) 18.IX.<1933>

Петербург 1907—1909 (4) (2 сна) стр. 113—121
1) 2.III.1907 2)—3)—4)—5)—6)—7) 6—7 5 1909
На *Книге I* имеются поздние пометы Н. В. Резниковой.

С. 5. В особой тетради предполагаю переписать свои письма того времени, начну с Берлина — 1921-го. — Речь идет о замысле, в итоге воплотившемся в произведение «На вечерней заре», в котором были собраны отредактированные Ремизовым его письма к СП за все годы их совместной жизни. См. подробнее: Наст. том. С. 390—392. Письма берлинского периода опубл.: *На вечерней заре 2018 (1)*.

С. 5. *С. П. очень много переводила и составляла словарь, ничего не осталось.* — Имеется в виду работа *СП* по составлению русско-французского толкового словаря по заданию профессора Жюль Легра. См.: *Книга I*. Комментар. к с. 47—48.

Записи из дневников в этой книге посвящены Диксону — «бедный Диксон!». — Выражение «бедный Диксон!» восходит к крылатому выражению «Бедный Йорик!» — философскому восклицанию Гамлета над черепом бывшего королевского шута (В. Шекспир. «Гамлет» (действие 5, сцена 1)). О взаимоотношениях семьи Ремизовых и их друга, писателя В. В. Диксона, см.: *Книга I*. Комментар. к с. 61.

Мы жили вместе 40 лет... — А. М. Ремизов женился на С. П. Довгелло в 1903 г.

<ПИСЬМА>

Петербург

С. 6. *Стою в хвосте возле Бассейной ул. [за билетами на Шаляпина].* — Речь идет о покупке билетов на оперу «Борис Годунов», главную партию в которой исполнял Ф. И. Шаляпин. Единственный показ «Бориса Годунова» в Санкт-Петербурге в 1909 г. состоялся 27 августа в Большом зале консерватории (см.: *Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина*: в 2 т. / сост. Ю. Котляров, В. Гармаш. Л.: Музыка, 1984. Т. 1. С. 297).

...Шаляпин — «Борис Годунов»... — См. предыдущий комментарий.

А с бочкой — трагедия ~ об этом рассказываю во «Взвихренной Руси». — См.: *Взвихренная Русь-РК V*. С. 231, а также комментарий там же на с. 635—636.

<Германия>

С. 7. *...сегодня к ним звонила Кнопф ~ будет ждать от нас ответа.* — Речь идет о хозяйке берлинской квартиры, проживание в которой рассматривалось Ремизовыми в качестве одного из возможных вариантов.

...я как-то не могу решить, надо ли брать эту квартиру. — Письмо *СП* связано с поисками Ремизовыми квартиры после приезда из Ревеля в Берлин. См. также письмо А. М. Ремизова от 8 октября 1921 г. (*На вечерней заре 2018 (2)*). С. 59).

Еду обедать, оттуда к Соломону ~ для совета... — С. Г. Каплун, проживавший в Берлине на Kirchestrasse, 2, в пансионе фрау Delion, помогал Ремизовым в поисках квартиры. С 15 октября 1921 г. до 13 ноября 1922 г. Ремизовы также проживали в пансионе фрау Delion.

Поехала ~ к Wertheim'у. — Имеется в виду книжный магазин в Берлине 1920-х гг.

С. 8. *Письмо С. П. Ремизовой-Довгелло от 15 VI 1922 / 18 VI* — Письмо СП написано в период, когда она находилась на лечении (с 12 по 25 июня 1922 г.) на курорте Зеебад Альбек (Германия, балтийское побережье). «Твое письмо от 15.VI (16.VI) получил, 2 дня идет», — сообщил А. М. Ремизов в ответном письме от 18 июня 1922 г. (*На вечерней заре 2018 (3)*. С. 14).

...знаю, что у тебя есть 1000 м<арок>... — О получении 1000 марок от С. П. Постникова, заведовавшего в 1922—1923 гг. литературно-художественным отделом газеты «Голос России» (1919—1922, Берлин), Ремизов сообщил в письме жене от 12 июня 1922 г. (*На вечерней заре 2018 (2)*. С. 64).

...у Гржебина неприятности: от него отняли всего Горького (сочинения) и денег не дают. — Летом 1922 г. Госиздат передал свои полномочия в части закупки книг за границей советскому Торгпредству, в котором был организован издательский отдел. В связи с этим ранее заключенные договоры должны были пройти процедуру перезаключения. Договор З. И. Гржебина, который до этого активно издавал произведения А. М. Горького, был перезаключен с Торгпредством РСФСР 27 июня 1922 г. Однако в это же время был заключен договор между Торгпредством РСФСР в Германии и Горьким сроком действия до 1927 г., согласно которому писатель не имел права «ни сам, ни через других лиц издавать свои сочинения на русском языке как в России, так и за границей, кроме как в Госиздате и через Торгпредство». Т. е. по данному договору Гржебин был лишен возможности издавать сочинения Горького, несмотря на уже перезаключенный к этому времени договор между писателем и Гржебиным. В 1922 г. по решению Политбюро издательский отдел берлинского торгового представительства совместно с Госиздатом приступил к изданию собрания сочинений Горького. (*Горький А. М. Собр. соч. в 21 т. Berlin: Kniga, 1923—1928*).

С. 8—9. *...ничего о Розанове не написала...* — По просьбе Ремизова СП периодически записывала свои воспоминания о ярких исторических личностях, с которыми она была знакома. Ее заметки потом использовались писателем как источники его произведений.

С. 9. *...в субботу Капочкино [Гржебиной] рождение...* — 24 июня 1922 г. дочь издателя Елена Зиновьевна Гржебина (Капочка) отмечала свой день рождения (13 лет).

...Екатерина Владимировна ~ в Париже... — В письме от 16 июня 1922 г. Ремизов сообщил СП со ссылкой на письмо Н. И. Полисадова, что «Ек<атерина> Вл<адимировна> <Селевина> жива, в Париже все

там же, плоха 92 bis Avenue de Versailles (а была она в Египте)» (*На вечерней заре 2018 (2)*). С. 47).

С. 9. *...будет здесь жить Чуковский.* — По сообщению Е. В. Ивановой, приехать в Берлин Чуковского приглашал З. И. Гржебин, который в начале 1920-х гг. занимался изданием его книг. Вероятно, это стало основанием для слухов о приезде Чуковского, который на самом деле приезжать не планировал.

Был вчера Гржебин ~ на его контору посланы для тебя книги... — Эту посылку с книгами из России отправил В. Я. Шишков, взявший на себя обязанности поверенного Ремизова в финансовых и имущественных вопросах, возникавших после отъезда писателя из России. В письме жене от 14 июня 1922 г. Ремизов сообщил о письме от Шишкова, который «нашел “Рус<ских> женщ<ин>” и “Николины притчи”, посылает через контору Гржебина. Боюсь, пропадет» (*На вечерней заре 2018 (3)*). С. 67). «Русские женщины» (СПб., 1918) и «Николины притчи» (Пг., 1917) — книги А. М. Ремизова.

...церковь на Unter den Linden передана и уже там не будет службы... — Речь идет о православной домово́й церкви, расположенной в Берлине при Российском посольстве на Unter den Linden, 7. В письме от 21 июня 1922 г. Ремизов сообщил СП: «Сегодня прочитал в газете, что церковь в Unter den Linden остается, хотя туда и переезжает миссия» (См.: *На вечерней заре 2018 (3)*). С. 48). Вопреки газетному сообщению, на которое ссылается Ремизов, после заключения Рапальского договора (16 апреля 1922 г.) посольство все же было передано советскому представительству во главе с А. А. Иоффе, в результате чего православные прихожане в Берлине лишились прихода и должны были в дальнейшем пользоваться съемными помещениями.

Нарочно посылаю, может, ты вставишь. — В 1922 г. Ремизов продолжал работать над книгой «Взвихрённая Русь». СП предложила включить в состав этого произведения диалог между И. А. Рязановским и его швейцаром, который она вспомнила и привела в письме Ремизову от 22–23 июня 1922 г. Эпизод включен в главу «Палочки» (см.: *Взвихрённая Русь-РК V*). С. 49).

...хорошо ли, что Терещенко ~ упоминается? — Имя М. И. Терещенко несколько раз встречается в книге «Взвихрённая Русь».

С. 10. *Корректуру у Вишняка ~ непременно надо будет взять.* — Речь идет о корректуре произведения «Временник Алексея Ремизова 27/II — 1/VI.1917», опублик. в издании: Эпопея. 1922. № 2. Сентябрь. М.; Берлин: Геликон. [Номер был отпечатан в августе 1922 г.]. С. 61–104.

Еще про Бородаевского ~ помнишь? — Речь идет о супругах Бородаевских. Знакомство писателя с В. В. Бородаевским состоялось в 1911 г. В 1916 г. Ремизов надписал и подарил ему свои книги: 7-й том

Сочинений («Отреченные повести», 1912) и сборник «Укрепя: Слово к Русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (1916). В 1905 г. Бородаевский женился на Маргарите Андреевне Князевой, оставившей воспоминания о встречах с Ремизовым. См.: *Бородаевская М. А. О моих встречах с писателями // Бородаевский В. Посох в цвету: Собр. стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. А. Д. Бородаевского, Ю. А. Бугрова, И. П. Михайловой, В. А. Резвого; послесл. и коммент. к воспом. М. А. Бородаевской — Е. В. Глуховой. М.: Водолей, 2011. С. 290—291.*

Kudowa — курорт Бад-Кудова, располагавшийся в провинции Нижняя Силезия (Германия), где с 9 по 17 июля 1923 г. находилась на лечении С. П. Ремизова-Довгелло. Ныне город Кудова-Здруй (Польша).

«*Lassen Sie, bitte, durch!*» — «Пожалуйста, пропустите!» (нем.)

С. 11. *Мой адрес: Willa Hildegard ~ т. е. Силезия и город.* — адрес, по которому проживала С. П., находясь на курорте Бад-Кудова.

Warum keine Briefe? — Почему нет писем? (нем.)

...*Цандеровского института*... — речь идет о Цандеровском институте механотерапии в г. Эссенуки, открытом в 1897 г. В институте использовалась медицинская методика, сочетающая массаж с лечебной гимнастикой на тренажерных механизмах (механотерапией) по методу шведского физиотерапевта Густава Цандера (Gustav Zander). Ремизовы посещали Эссенуки в период с 1915 по 1918 г. для лечения в санатории М. С. Зернова.

Kurtax — курортный сбор (нем.).

С. 12. ...*в 3-х часах от Берлина есть Эльстер (Elster) курорт для похужения и от печени.* — Бад-Эльстер (Bad Elster) — один из старейших бальнеогрязевых курортов Германии, расположенный в Саксонии.

Корзиночку надо отнести на Flusburger str<asse>... — СП отвечает на вопрос Ремизова, который спрашивал в письме от 9 июля 1923 г.: «Куда надо отнести Frau Karos корзиночку из-под ягод? На Flensbourger?» (*На вечерней заре 2019 (2)*. С. 75); а также в письме от 10—11 июля 1923 г.: «О корзиночке-то напиши, куда ее отдать?» (Там же. С. 78).

Ostsee bad Brunshaupten In Meeklenburg — балтийский морской курорт Бад-Бруншауптен в регионе Мекленбург, расположенном на севере Германии.

...*пускай бы прислали Сергею Яковлевичу [Осипову] книгу*... — СП отвечает на письмо Ремизова (от 24.07.1923), в котором он писал: «Получил письмо от Сер<гея> Яковл<евича> Осипова. Через неделю, 1½-ы будет в Берлине. Спрашивает, как посылать из Петербурга: больше 2-х фунтов не разрешают. Надо сообразить, что нужнее (но»

вый начальник). Обо всем этом он хочет поговорить и “подумать” при свидании. Рукописи, конечно, можно пока и не брать. По-моему, книги, которых нету» (*На вечерней заре 2019 (2)*. С. 84). В письме речь идет о произведениях Ремизова, изданных до революции, которые он не смог взять с собой, уезжая в 1921 г. из Петрограда. Восстановить собственную библиотеку писателю помогли бухгалтер Берлинского торгпредства С. Я. Осипов и его жена. 1 августа 1923 г. Осипова перевели в Берлин, где он начал работать в представительстве Севзапвнешторга. См. письмо Ремизова Осипову от 5 октября 1921 г.: «Сергей Яковлевич, прошу о книгах. Без своих книг пропадаю. Можно было бы переиздать, а книг нет» («В России, как встретимся, будем вспоминать»: I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923); II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921) / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 230). См. также письмо Ремизова Осипову от 25 июня 1923 г.: «А книги очень бы хотелось получить хоть не сразу и именно 3 следующие: 1) “Пруд”. Изд Сириус, 1908, обложка М. Добужинского (это большая книга). 2) “Снежок” (это в 2 листика, тоненькая). 3) “Страница” (небольшая книга). (“Рассказы”, Изд. Прогресс. 1910 — тоже пускай полежат у вас, я достал друг<ой> экз<емпляр>)» (Там же. С. 258).

С. 12. ...мои альбомы палеографические. — В письме от 31 мая 1923 г. Ремизов обращался к С. Я. Осипову: «Я просил и получил известие, что вам передадут на Пуш<кинскую> несколько палеографических альбомов (образцы старинного письма) <...> Буду вам очень благодарен, если перешлете» («В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 257). Речь идет об альбомах, изданных Санкт-Петербургским археологическим институтом: 1) Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII веков / под ред. акад. А. И. Соболевского. СПб.: Тип. А. П. Лопухина (совм. с С.-Петербур. археол. ин-том), 1901; 2) Палеографические снимки с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма / под ред. П. А. Лаврова. СПб.: С.-Петербур. археол. ин-т, 1905. Вып. 1: XI—XIV вв. В Берлине учебные пособия по славянской палеографии понадобились *СП*, прошедшей курс обучения в Императорском Археологическом институте в 1910—1912 гг. и избравшей своей специальностью славянскую палеографию. Подробнее см.: *Грачева 2000*. С. 77. 2 января 1922 г. *СП* писала М. М. Шкапской о своих планах: «Я приглашена ассистентом к профессору Lane — по славянской палеографии, — представьте себе здесь в университете на славянском отд<елении> читается славянская палеография, так мне обрадовались, это и у нас мало кто знает, с Нового года буду вести семинарий 2 раза в неделю» (цит. по: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов

и Пушкинский Дом: (Статья первая): Судьба ремизовского «Музея игрушек» // *РЛ*. 1997. № 1. С. 201).

...хочу, чтобы мы с тобою пожили так, как тогда под Ревелем... — С 23 августа по 18 сентября 1921 г. Ремизовы прожили в Ревеле, куда они прибыли после своего пребывания в карантине в Нарве (с 9 по 23 августа 1921 г.), куда они, в свою очередь, попали после отъезда из Петрограда 5 августа 1921 г.

С. 13. *...у Ивана Сергеевича [Соколов-Микитов, Кислово, Смоленской губ<ернии>].* — В 1895 г. семья И. С. Соколова-Микитова переехала на родину его отца, в село Кислово Дорогобужского района Смоленской губернии (ныне Угранский район Смоленской области).

«Франция»

Kerbellec — в июле 1924 г. *СП* отдыхала на Атлантическом океане, в деревне Ле-Кльон-сюр-Мер (Le Clion-sur-Mer), расположенной в Бретани (департамент Атлантической Луары), в 4 км на восток от портового городка Порник (Pornic). Хозяйка виллы «Kerbellec» — m-me Fleury — была женой председателя деревенской общины. Здесь *СП* лечилась от заболевания печени. Ремизов сообщал Л. И. Шестову в письме от 7 декабря 1924 г.: «Серафима Павловна лежит: И никого нет. А приходят к нам только после 8^н вечером (все заняты, кто служит, у кого дела). До сих пор доктор не может определить болезнь: может это ап<п>ендицит, а может что-нибудь с почками. По ночам очень мучается. Завтра приедет доктор, и что покажет исследование». (*Переписка с Шестовым*. 1993. № 4. С. 157). Ремизовы не раз отдыхали в Бретани с 1924 по 1939 г. Эти поездки также отражены в произведении Ремизова «Учитель музыки», глава «На воздушном океане» (см.: *Учитель музыки* - *РК IX*. С. 268—276).

...я уже в настоящей деревне Бретонской, это куда настоящее, чем Breitbrun... — Отдыхая в бретонской деревне Кербелек, *СП* вспомнила о совместной поездке Ремизовых по Верхней Баварии, состоявшейся в июле 1922 г., и об их остановке на длительный отдых в деревне Брайтбрунн (Breitbrunn), расположенной на озере Аммерзее, куда их пригласила погостить переводчица произведений Ремизова на немецкий язык Фега Фриш.

С. 14. *le bol* — пиала (фр.).

...ужасная фраза у Ариадны Владимировны ~ «Иностранцы считают, что пора нам не ходить с ручкой»... — Здесь отражена реакция на письмо Ремизова от 18 июля 1924 г., в котором он писал: «У Ар<иадны> Вл<адимировны> в письме есть фраза: “иностранцы считают, что пора нам не ходить с ручкой”. Я подумал: если уж приходится “с ручкой” — ведь мы тоже! (это ужасно). Не надо заставлять и в яви

руку держать (это Шестову). Ведь я же мог бы и без ручки при каких-то других условиях — отношениях» (*На вечерней заре 2019 (3)*. С. 84–85).

С. 14. ...*надо пройти на Rue Michelet...* — По адресу rue Michelet, 9, в Париже располагался Institut d'Études Slaves, с которым сотрудничали Ремизовы.

С. 15. ...*так кусали блохи, их здесь тьма-тьмуца.* — В письме от 24 июля 1924 г. Ремизов ответил: «А блохи, д<олжно> б<ыть>, это сейчас их пора: они женятся» (*На вечерней заре 2019 (3)*. С. 97).

Думала, вот если б «Оле» столько, когда я на пол садилась. — См. главу «Черная бабушка» из книги «Оля» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 41).

Нет, это не Вандея, а Бретань... — Здесь СП отвечает на утверждение Ремизова, высказанное им в письме от 20 июля 1924 г.: «Ты живешь в Бретани, на границе с Вандеей, а море, берег в Америке» (*На вечерней заре 2019 (3)*. С. 89).

...*жалею, что ты один читал Аввакума, надо было отложить до моего приезда...* — Отражена реакция СП на письмо Ремизова от 21 июля 1924 г., в котором тот сообщал: «Была Harrison, кончили Аввакума <...> Больше Аввакума читать не буду. Перевод сделан. Другие редакции не стоит. А надо сказать, одному очень было трудно» (*На вечерней заре 2019 (3)* С. 91). В 1924 г. писательницы Дж. Э. Харрисон (Jane Ellen Harrison) и Х. Мирлиз (Helen Hope Mirrlees), по совету Д. П. Святополк-Мирского обратившиеся за консультациями к Ремизовым, выполнили перевод «Жития протопопа Аввакума» на английский язык (см. об этом в письме Шестова к М. Е. Эйтингону от 6 июля 1924 г. (*Баранова-Шестова Н. Л. Жизнь Льва Шестова*. Paris: La Presse Libre, 1983. Т. 1. С. 309)). Их перевод вышел с посвящением: «To Alexey Mikhailovich Remizov and Serafima Pavlovna Remizova-Dowgello in gratitude and affection» (The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeen Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. London, 1924. P. 5). Впоследствии Ремизов вспоминал об их совместной работе: «В 1924 году Аввакум заговорил по-английски. Перевод создавался в Париже мисс Харрисон Еленой Карловной, и ее ученицей Хоп Мирлилиз Надеждой Васильевной в сотрудничестве С. П. Ремизовой-Довгелло и Д. П. Святополка-Мирского. Мое участие было в звании “чтеца”: интонация и ритм вшепчут и самое заковыристое и непривычное — не “литературное” — живую речь, которую всегда можно представить “книжно” и перевести на живую речь другого языка» (*Ремизов А. М. Мерлог // Звезда надзвездная-Росток XIV*. С. 268–269). Печатный отклик на издание в русской эмигрантской прессе, скорее всего, появился также не без участия Ремизовых, так принадле-

жал Владимиру Диксону, входившему в Париже в их ближайшее окружение (см.: Диксон В. О любви к России // Воля России (Прага). 1926. № 10. С. 181—183). См. также: Грачева А. М. Истоки и эволюция «теории русского лада» Алексея Ремизова (1900-е — 1920-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 2019. № 3. С. 232—258.

Хочу выехать в воскресенье, но они хотят, чтобы я выехала в понедельник... — 27 и 28 июля 1924 г. соответственно.

Нант (Nantes) — город, расположенный на западе Франции, на Армориканской возвышенности, в 50 км от Атлантического океана. Речь идет о выборе маршрута, которым СП собиралась возвращаться в Париж.

Еще есть поезд с другой станции (Pornic)... — Речь идет о железнодорожной станции в округе Сен-Назер (Франция).

Monparnasse — крупный вокзал в Париже, расположенный в районе Монпарнас, в XV городском округе.

...ракушки перламутровые маленькие [les nacrés]. — Имеется в виду жемчужница обыкновенная, или европейская жемчужница (лат. *Margaritifera margaritifera*).

...про сахар надо говорить: «sucré en torseaux» — сахар кусочками (фр.). Ремизов в это время углублял свое знание французского языка, но сталкивался с определенными трудностями коммуникации. В письме от 19 июля 1924 г. он писал: «Да, пошел сегодня к Mac Orlean'у, зашел купить сахару: ведь чего проще Kilo de sucre cassé. Но чего-то так долго опять со мной разговаривали, пока я не ткнул пальцем» (*На вечерней заре 2019* (3). С. 87).

С. 15—16. *Да, про «Олю» надо написать, что она думала. ~ не хочу быть рабой с рабами, а хочу с теми, кто гибнет, страдает.* — В июле 1924 г. Ремизов продолжал работу над книгой «Оля». Сочувствие Оли Ильменеовой (прототипом которой была СП) революционному движению выражено через образность популярного в кругу народнической молодежи стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1863): «От ликующих, праздно болтающих, / Обагрющих руки в крови / Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!» Ср. также высказывание Оли: «Не хочу быть рабой с рабами, а хочу быть с теми, кого гонят за то, что хотят устроить счастье на земле, с теми, кто за это гибнет — хочу и сама пострадать!» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 177).

С. 16. *...для меня всегда самое святое было — Пасха, я никому не говорила, зная, что засмеют.* — Ср.: «А Оля думает: “Софья Перовская”. И не говорит, не хочет: это имя — это такое святое для нее! — и она не может так просто произнести для разговору; как никому никогда не скажет о самом святом своем — о Пасхе: потому что засмеют. А “Пасха” — основа ее “революции”. Еще в детстве, когда думала она о “Стра-

стях”, то много мучилась: “Вот это было и из-за меня, потому что и за всех”. И ей казалась самая лучшая дорога в жизни — пострадать за Других» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 177).

С. 16. ...«от ликующих...»... — см. коммент. к с. 15–16.

Насчет Балаховских ~ как вздумаете. — Послание СП было ответом на письмо Ремизова от 22 июля 1924 г.: «И еще тебе от Над<ежды> В<асильевны> Балаховской: стариков-то нет, просит тебя и меня в субботу 25-го. М<ожет> б<ыть>, не надо обижать, пройти мне (а ты — к Буайе поехала экстренно)» (*На вечерней заре 2019 (3)* С. 93). В следующем письме, от 24 июля 1924 г., Ремизов сообщил: «Конечно, я к Балаховским не пойду. Потом что-нибудь выдумаем написать им» (*На вечерней заре 2019 (3)*. С. 97). Упомянутый в письме Ремизова Поль Буайе (Paul Boyer) — профессор, директор парижской Школы восточных языков, почетный член Русской Академической Группы.

С. 17. ...*приеду в воскресенье вечером.* — 27 июля 1924 г.

La Bernerie (L. Inf.) — Ла-Бернери-ан-Рец — коммуна в департаменте Луара-Атлантическая на западе Франции.

...*статьи З. Н. Гиппиус ~ нет в «Последних Новостях».* — В послании, написанном в тот же день (19 февраля 1925 г.), что и письмо СП, Ремизов также коснулся этой темы: «А З<инаиды> Н<иколаевны> статьи-то нет!» (*На вечерней заре 2020 (1)*. С. 86). Статья З. Н. Гиппиус, публикации которой, по-видимому, ожидали Ремизовы, была опубликована 22 февраля 1925 г. (*Антон Крайний. Поэзия наших дней // ПН. 1925. № 1482, 22 февр.* С. 2).

Письмо СП от 20–21 февраля 1925 г. — В конце февраля 1925 г. СП вновь находится в Бретани, в деревне Кербелек, в семье Флери.

Скажи Кирееву ~ мой билет считается с 17-го февраля ~ воскресенье не считается. — В ответном письме от 21 февраля 1925 г. Ремизов писал: «Киреев очень был смущен: он думает, что при взятии билета он должен был объяснить, что ты выйдешь в четверг, и чтобы это отметили для счета срока “возвращения”» (*На вечерней заре 2020 (1)*. С. 88).

...*поищи, не осталась ли дома...* — О чем именно идет речь, неясно. В письме от 21 февраля 1925 г. Ремизов отвечал: «Деточка, получил твое письмо от 20.2. Пока поиски не увенчались успехом. Находил всякие, но не от того места. Завтрашний день — воскресенье — буду делать генеральную чистку и если есть, конечно, найду» (*На вечерней заре 2020 (1)*. С. 88); О продолжении поисков он сообщал и в письме от 22 февраля 1925 г.: «Всю спальню тщательно обыскал: есть две прядки в шкафу маленькие (да завернутые в бумагу, ну, это, видно, старые). Если бы не так темно (я светлые часы беру), осмотрел бы и кровать (это завтра). А в шкафу до ниточки всё перетряхнул» (*На вечерней заре 2020 (1)*. С. 90). См. также следующее письмо СП от 22–23 февраля 1925 г.: *Книга I*. С. 18.

С. 17–18. *Сегодня снилось мне, что ты ссоришься с Познерами ~ а я это слышу отсюда по телефону.* — Ср. письмо Ремизова от 21 июля 1925 г.: «А то, что ты по телефону слышала о Познере, отчасти ты права. Я не то чтобы рассердился, но дал ответ: На мое согласие читать у католических студентов, он заметил, что “теперь пойдет молва о Вашем черносотенстве”. Ну и что ж: ведь тут только этим и занимаются, молвами, а про меня молва молву ест» (*На вечерней заре 2020 (1)*). С. 88).

С. 18. *Je reviendrai demain, n'envoyer pas de lettres.* — Завтра вернусь, не посылайте писем (фр.).

С. 19. *Chartreuse de Neuville* — картезианский монастырь, основанный в 1325 г. В ходе Великой французской революции монастырь был упразднен, на его месте был организован санаторий и приют для художников.

Montreuil s / Mer / Victor Hugo «Misérables» / Jean Valjean — Монтрёй-сюр-Мер / Виктор Гюго «Отверженные» / Жан Вальжан (фр.). Помета указывает, что санаторий *Chartreuse de Neuville* (быв. монастырь) находился неподалеку от города Монтрёй-сюр-Мер (фр. *Montreuil, Montreuil-sur-Mer*), расположенного в регионе О-де-Франс департамента Па-де-Кале. В романе Виктора Гюго «Отверженные» мэром этого города был Жан Вальжан.

Если ты приедешь, купи синие штаны, о которых говорил, а то в костюме тут смешно. — О процессе решения этой бытовой проблемы Ремизов оповещал СП: 1) в письме от 2 августа 1925 г.: «Синие штаны» я попрошу купить Киреева, это там, где снимал я. <...> Был Киреев: он купил штаны и тебе чернил (но эти штаны, кажется, носят поверх обыкновенных)» (*На вечерней заре 2020 (1)*). С. 97); 2) в письме от 8 августа 1925 г.: «Купил Киреев синие штаны 16 frs., но их надо вымыть и лиловых чернил тебе» (*На вечерней заре 2020 (1)*). С. 101).

С. 21. *Ожина [la mûre]* — ежевика.

...pour M. Kireev et pour M. Remizov... — для г-на Киреева и для г-на Ремизова (фр.).

С. 22. *Vichy* — Минеральный курорт Виши, расположенный на берегу реки Алье, в трех с половиной часах езды от Парижа. СП выехала в Виши 22 июня 1926 г. В дневниковой записи от 20 июня 1926 г. она отметила: «Послезавтра, наверно, поеду в Виши. <...> Я очень болела этой зимой и очень устала...» (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1066. Л. 15 об.*).

...посылаю открытку с султаном [Le sultan Moulay Hafid]. — речь идет об открытке с изображением марокканского султана Юсефа бен Хассана.

«La couchette» — кушетка (фр.).

С. 23. *...больше всего напоминает Эссенцуки ~ гораздо лучше Кудовы, но гораздо хуже Карлсбада.* — С. П. Ремизова-Довгелло проходила

лечение на курорте Бад-Кудова в июле 1923 г. О пребывании в Эссен-туках см.: *Книга III*. С. 224. В Карлсбаде Ремизовы отдыхали 18–22 августа 1924 г.

С. 23. *Султана послала [№ 30]*. — См.: *Книга I*. Коммент. к с. 22.

С. 24. *Une bonne nourrice* — Добрая кормилица (фр.).

Une pensée de Vichy — Мысль о Виши (фр.).

До сих пор ничего не получила ~ беспокоюсь, справиться бы у Шестова... — См.: *Книга I*. Коммент. к с. 25.

...поговори с Шестовым ~ очень меня беспокоит, что я денег не получаю до сих пор... — Л. И. Шестов способствовал получению финансирования на курортное лечение *СП*. В письме Ремизова Шестову от 2 июля 1926 г. сообщалось: «1 июля С<ерафима> П<авловна> получила 500 frs. Посланы 29.6. Отправитель С. Dobrynine D. te A^{me} Galatee 7 Rue du Pare Boul<ogne> s<ur> / Seine...» Далее в своем письме Ремизов приводил фразу отправителя («Вторую посылку в разм<ере> 500 f<rs> вышлю между 10–15 июля») и обращался с просьбой: «Лев Исаакович, у нее кончается лечение — 13–14! Надо расплатиться (зная, что есть чем) надо, ч<то>б<ы> выслали 10-го. Тогда придут 12» (*Переписка с Шестовым*. 1994. № 2. С. 157). В письме к Шестову от 4 июля 1926 г. Ремизов вновь сетовал: «А насчет денег для С<ерафимы> П<авловны>, как же мне не беспокоиться. Сам посуди, Леон<ид> Ник<олаевич> (?) пишет мне, что деньги он послал 26-го, а в действительности (что имеется на отрезном купоне) деньги посланы 29-го, да С. Добрынин и сам ставит это число. И если Л. Н. говорит, что пошлет 9-го, то это еще ничего не значит, п<отому> ч<то> Добрынин может послать, когда ему вздумается. И выйдет так, что С<ерафиме> П<авловне> уезжать — а платить нечем» (Там же. С. 158).

...путаница может произойти с деньгами, вроде письма к Болье... — По-видимому, речь идет о каком-то эпизоде, связанном с неполучением денег *СП*. В письме Шестову от 4 июня 1926 г. Ремизов сообщал: «...оказывается, за летние месяцы (июль, авг<уст>, сент<ябрь> и октябрь) Серафиме Павловне денег не полагается. Сегодня она была и ей сказали» (*Переписка с Шестовым*. 1994. № 2. С. 154).

École des langues orientales — Школа восточных языков (фр.). См.: *Книга I*. Коммент. к с. 43.

Ведь завтра неделя, как твоя пневматичка получилась у Шестова. — Речь идет о послании, отправленном через парижскую пневматическую почту, в основе работы которой лежал принцип перемещения писем по специальным трубам при помощи сжатого воздуха.

Hôtel Lesbonne <так в оригинале, правильно: Lisbonne>, chambre 8 (моя) Monsieur Bernizoff. — Гостиница «Лиссабон», комната 8, господин Бернизов (фр.).

С. 25. ...поговори с Шестовым, — не насмешка же это была. — Ремизов неоднократно просил Шестова о финансовой поддержке, и тот неоднократно помогал своему другу на протяжении более двух десятков лет. См.: *Книга I*. Коммент. к с. 24. Ср.: 1) в письме 1922 г.: «Дорогой Лев Исаакович <...> Пишу, прошу о деньгах, поговори, подумай, как и что можно сделать» (*Переписка с Шестовым*. 1993. № 1. С. 174); 2) в майском письме 1925 г.: «Дорогой Лев Исаакович, в понедельник наступает срок платить за квартиру ничего нет и нечего заложить не набезало ли чего у Семена Владимировича [Лурье. — *Ред.*] Алексей Ремизов от Серафимы Павловны поклон. (*Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «La vie», или Жизнь «чудесным образом». Париж, 1924—1925 // *Литературный факт*. 2019. № 4 (14). С. 34). Тему финансовой помощи Ремизовым Шестов обсуждал и с другими корреспондентами. См. его письмо М. Е. Эйтингону от 6 июля 1924 г.: «Ремизова уже видел. Сидит в своей драгоценной квартире — без гроша. Пришлось ему фунты сейчас отдать. Он совершенно оборвался. Но все больше и больше завоевывает симпатии французов. По-видимому, Рюп выпустит “В поле блакитном”. С miss Harrison они переводят протопопа Аввакума. Серафима Павловна уже утверждена преподавательницей при Institut Slave (4000 фр. в год жалованья). Я думаю, что, хотя ближайшие месяцы и будет трудно, но все же, в конце концов, все устроится, насколько такой человек, как он, может устроиться». (*Баранова-Шестова Н. [Л.] Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Paris: La Presse Libre, [1983]. Т. 1. С. 309*). См. также письмо Шестова Эйтингону от 19 октября 1926 г.: «О Ремизове Вам Мирра Яковлевна рассказала. Те пять фунтов, которые Мирра Яковлевна оставила мне для него, я решил подержать до конца месяца — я дам ему перед 1-м ноября. У него перед первым числом — он за квартиру помесечно платит — всегда бывает особенно трудно. Опять, верно, скажет “чудом спасаем бываю” и спросит, что такое “спасаем” — причастие или деепричастие!..» (Там же. С. 357).

Я получила письмо от Сувчинской ~ лишили Пражской стипендии. — В июне 1926 г. М. И. Цветаева, находившаяся в это время в Париже, получила от председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии В. Ф. Булгакова извещение о прекращении выплаты ей чешским правительством пособия в том случае, если она не вернется в Чехословакию. В сентябре 1926 г. вопрос о продолжении выплат Цветаевой стипендии был решен. Это пособие, выдаваемое ряду русских эмигрантов — деятелей культуры по инициативе президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика, предоставлялось только в случае проживания получателя стипендии на территории страны-донатора.

С. 25. *Все больше удивляюсь ~ что значит нет денег...* — ср. в письме СП Шестову от 19 августа 1925 г.: «Теперь насчет богатых людей, которые *облегчить не согласятся*. Лев Исаакович, ведь это такой ужас, что нельзя и выразить. Я даже не могу понять, как это возможно: они согласятся дать, чтобы *по-ихнему жить*, а облегчить не согласятся. Просто голова не вмещает такого. Был у нас Познер, и мы ему рассказали, так как он тоже о нас беспокоится. И Познер объяснил: есть богатые люди, — сказал он, — которые хотят, чтобы бедные люди человеческий облик потеряли от бедности, и тогда богатые эти готовы дать столько, чтобы не умереть, оставаясь без человеческого облика, и чтобы им *всем* быть обязанным. Я многое здесь в Париже узнала, узнала напр<имер>, что любят в противоположность Евангелию, чтобы не только левая рука, но и нос и уши, и глаза, и не только свои, а всеобщие, знали, что делает правая рука. Ну, а такого все-таки не знала. И не могу поверить, чтоб доктор был такой, помню всегда, как он нам в Берлине *облегчал*, именно *облегчал*, и вообще весь его образ — хороший и настоящий. Не поверю, чтобы он мог так» (*Переписка с Шестовым*. 1994. № 1. С. 171).

С. 26. *Напрасно Сувчинский ~ обвиняет Шаховского ~ наверно, Соколов ~ ему денег не захотел давать из-за травли.* — По всей видимости, речь идет о поисках финансирования, которые в 1926 г. вел П. П. Сувчинский для издания журнала «Версты» (1926—1928), первый номер которого вышел в начале июля того же года. Половина организационной суммы (100 фунтов стерлингов) в феврале 1926 г. была получена от Дж. Э. Харрисон и Х. Мирлиз, считавшими себя ученицами Ремизова и совместно с ним переведших «Житие протопопа Аввакума». В это же время журнал «Благонамеренный» (Брюссель, 1925—1926), организованный Д. А. Шаховским, подвергся нападкам со стороны критики, обвинявшей его в пробольшевистских позициях (подробнее об этом см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926—1927 гг. Часть первая: «Эстетическое разложение» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 20—21). Это стало одной из причин закрытия журнала летом 1926 г. Кроме того, Шаховской совместно с Григорием Соколовым, исполнявшим обязанности директора журнала «Благонамеренный», испытывали в это время определенные финансовые трудности. Ср. в письме Шаховского к Ремизову от 24 мая 1926 г.: «...решили малость подождать с 3-м № (и со вторым следовало бы подождать, как советовал Ф. А. Степун!). Все из-за финансовых обстоятельств. Чистое мучение Соколову с книготорговцами. Человек он неопытный, да горячий!» (*Amherst. Series 1. B. 2. F. 5*; письмо цитируется по публ.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926—1927 гг. Часть первая: «Эстетическое разло-

женец». С. 25). Эти обстоятельства, по-видимому, не позволили Шаховскому принять участие в финансировании нового журнала.

Я рада, что ты получил от чехов. — Речь идет о денежном вспоможении (500 фр.), которое Ремизов получал от Комитета оказания помощи писателям, живущим в Чехословакии, начиная с 1 мая 1925 г. Проживавшему в Париже литератору приходилось время от времени посещать Чехословакию для того, чтобы продолжать получать финансовую поддержку.

«*Последние Новости*» — ежедневная газета (Париж, 1920—1940). Гл. ред.: М. Л. Гольдштейн (1920), П. Н. Милюков (1921—1940).

С. 27. ...*ездила в Thiers автомобилем...* — Тьер — город на юге Франции, супрефектура в департаменте Пюи-де-Дом.

С. 27—28. *А в Тьере фабрика ножей...* — Тьер получил известность как один из центров по производству ножей и клинков. В городе существовало несколько десятков ножевых фабрик и мастерских. Одной из наиболее известных стало предприятие Дозорма (Dozorme), основанное в 1902 г.

С. 28. *Там же есть Зингер ~ собирался ехать Диксон.* — В. В. Диксон служил ведущим инженером парижского филиала компании «Singer Manufacturing Company», располагавшегося в г. Тьер.

L'Auvergne. Thiers. Route de Lyon dans les Gorges de la Durole — Тьер. Овернь. Лионская дорога в ущельях Дюроли (фр.).

С. 29. ...*надо идти на почту за деньгами, этими 500 frs.* — См.: Книга I. Комментар. к с. 24.

...*не надо писать обо мне Розанову, а то он еще больше рассердится...* — Речь идет о лечащем враче СП.

Степун ~ пишет про Диксона в статье о «Благонамеренном», неверно о тебе там есть. — Имеется в виду отзыв о Диксоне в рецензии Ф. Степуна: Степун Ф. Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры: [Рец.] / Ред. Д. А. Шаховской. Брюссель, 1926. Кн. 2 // СЗ. 1926. Кн. 28. С. 483—486. Критик писал о В. В. Диксоне: «Право, я не могу понять, почему Вл. Диксон хвалит Святополк-Мирского за то, что он своей английской книгой усилил в Англии впечатление о России как о медведе, ходящем на задних лапах...» (с. 486). Также в рецензии была отмечена публикация ремизовского апокрифа: «В отделе прозы помещены “Страды Богородицы” Алексея Ремизова, говорить о которых вскользь не приходится (мистическая иероглифика и синтаксическая каллиграфия этого трудного художника и замысловатого искусника слова еще ждут своего специального исследователя)...» (с. 484).

С. 30. *pourboire'ы* — чаевые (фр.).

Mme Line Roubinet / Coiffeuse / 119 Av<enue> Mozart — Г-жа Лин Рубине, парикмахер, 119, авеню Моцарта (фр.).

С. 30. 4 IX 1927 / *Lyon* — *СП* написала это письмо на пути из Лиона в Виши. В письме от 3 сентября 1927 г. Ремизов сообщал Шестову: «Сегодня С<ерафиму> П<авловну> проводил в Vichy. Я ей напишу твой адрес. Может, и ты переедешь на сентябрь в Vichy» (*Переписка с Шестовым*. 1994. № 2. С. 172).

С. 31. *Brides-les-Bains* — Брид-ле-Бен (Савойя), термальный курорт во французских Альпах.

Chez Mme Hubert, Villa des Terrasses, Brides-les-Bains (Savoie). — Адрес виллы в Брид-ле-Бен, где *СП* остановилась для прохождения курортного лечения.

С. 33. ...*нельзя будет в следующий раз просить «на лечение С. П.-ы»*. — Речь идет о сложности дальнейшего обращения к Л. И. Шестову за финансовой помощью. См.: *Книга I*. Комментар. к с. 24, 25.

Roscoff (Finistère) — морской курорт в г. Роскоф на северо-западе Франции, в регионе Бретань. По всей вероятности, Л. И. Шестов и М. Е. Эйтингон оказали финансовую поддержку Ремизовым для лечения там *СП* в июле 1928 г. Ремизов спрашивал Шестова в письме от 4 июля 1928 г.: «Подходит пора подумать о лечении для Серафимы Павловны. Или в нынешнем году ничего не выйдет?» (*Переписка с Шестовым*. 1994. № 2. С. 176). 6 июля 1928 г. Ремизов написал Эйтингону в Берлин: «Дорогой Макс Ефимович. Простите за мое письмо. Может, оно не ко времени. Оба мы благодарны Вам <...> за ваше участие. Только благодаря вам Серафима Павловна могла и в прошлом и в позапрошлом году ехать лечиться. И опять наступает пора и нужно ей проехать в Виши, чтобы укрепиться на зиму — и одна у меня надежда на Вас, на Вашу помощь. Иначе невозможно осуществить никакой поездки» (*Переписка с Шестовым*. 1994. № 2. С. 176).

Le Rocher du Sphinx — Скала сфинкса (*фр.*).

«*Воля России*» (Прага; Париж, 1920—1921) — ежедневная газета; 1921—1922 гг. — еженедельник; к. 1922—1932 гг. — выходила два раза в месяц) — общественно-политическое и литературное издание. Редакция: В. М. Зензинов, В. И. Лебедев, М. Л. Слоним, В. В. Сухомлин, Е. А. Сталинский, при участии А. Ф. Керенского. Издавалась членами левого крыла партии эсеров.

Вот мошенник Огнев! — Огнев помогал Ремизовым подыскать в Париже новую квартиру. Н. В. Резникова писала об обстоятельствах, побудивших писателя и его жену к перемене жилья: «В конце 20-х годов Ремизовы стали думать о перемене квартиры: квартира на авеню Мозар стоила слишком дорого. Было очень жалко расстаться с прежней обстановкой и сложившимся бытом» (*Резникова 2013*. С. 91).

С. 34. *Ile de Batz* — Иль-де-Ба (*фр.*), остров, расположенный на северо-западе Франции, в регионе Бретань.

...скала, на которой, ~ он ее отбросил и остался невредим... — Вольное изложение сюжета из Деяний апостолов (см.: Деян. 28: 1—6).

...в Деяниях описано: «иноплеменники» значит «бретонцы»... — В Деяниях апостолов сказано, что апостола Павла встречают иноземцы, увидевшие чудо со змеями: «Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек — убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить» (Деян. 28: 4).

«*Rocher du serpent*» — «Змеиная скала» (фр.).

...часовня, где была Мария Стюарт в 1548 г <оду>... — В 1548 г. мать Марии Стюарт отправила ее в возрасте пяти лет из Англии во Францию. По преданию, корабль пришел в порт г. Роскоф (Roscoff), где принцесса приказала возвести часовню, позже разрушенную. Местные жители называли ее как часовней Марии Стюарт, так и часовней святого Мниана.

С. 35. *Rocher bizarre de Dramadaire* — причудливая скала Верблюда (фр.).

...получила твое письмо о мытарствах с Огневым. — См.: Книга I. Комментар. к с. 33.

Contrexeville — бальнеологический курорт на востоке Франции, в департаменте Вогезы.

С. 36. *La Roche de L'Oiseau* — Птичья скала (фр.).

Пригласили меня Лебедевы вчера чай пить к себе, и там в разговоре стали возмущаться «Современными Записками». Ну, я тогда все и высказала о «Воле России». — «Современные записки» (Париж, 1920—1940) и «Воля России» (Прага, Париж, 1920—1932) были одними из наиболее авторитетных периодических изданий русской эмиграции, с которыми сотрудничал Ремизов. В. И. Лебедев и М. Л. Слоним входили в состав редколлегии «Воли России». Можно предположить, что возмущение СП было связано с тем, что на страницах СЗ и «Воли России» не появлялись отклики на новые издания книг Ремизова, и прежде всего на роман «Оля» (Париж, 1927). В СЗ в 1928 г. была опубликована рецензия Мочульского: *Мочульский К.* Алексей Ремизов. Оля. Изд. Вол. Париж. 1927: [Рец.] // СЗ. 1928. Кн. 34. С. 500—501. Номер СЗ, где она была опубликована, вышел и поступил в продажу 14 февраля 1928 г.

... Слоним ~ должен написать... — имя Ремизова в публикациях М. Слонима появляется только в 1930 г. (М. Сл. <М. Слоним>. Новые зарубежные журналы // Воля России. 1930. № 10. С. 892—893).

С. 36—37. ...Бахрак ~ написал хотя бы об «Оле», или он не пойдет в «Волю России»? — среди рецензентов книги Ремизова 1927 г. «Оля» имя А. В. Бахраха не встречается.

С. 37. ...«нельзя же, чтобы вроде Сосинского ~ писал кто, детски». — В 1928 г. Б. Б. Сосинский написал две рецензии на книги Ремизова. См.: Б. С. <Сосинский Б. Б.> Алексей Ремизов. Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. YMCA Press. Paris 1928: [Рец.] // Воля России. 1928. № 10/11. С. 208—210; *Сосински Б.* Алексеј Ремизов, «Взвихренаја Русј» (Русија у вихору). Издање Таир. Париз, 1927 г.: [Рец.] / прев. Б. Ковачевић // Руски архив. 1928. № 1. С. 176—177.

...едем в Morlaix... — Морле, город на северо-западе Франции, расположенный в регионе Бретань, департамент Финистер.

...снимок с дома Анны — королевы Бретонской. — имеется в виду дом, в котором останавливалась герцогиня Анна Бретонская (1477—1514) («Дом герцогини Анны») в г. Морле, куда ездила СП.

Bourbon-Lancy — г. Бурбон-Ланси на р. Луаре во Франции.

Niévre-Pougues-les-Eaux — Пуг-Ле-О — коммуна в департаменте Ньевр, в центральной Франции.

С. 38. ...на станции в bureau... — речь идет о железнодорожной багажной конторе.

Les Vieaux Remparts (фр.) — «Старые крепостные стены» — название виллы, где СП проживала в Les Noisetiers St. Léger Bourbon-Lancy (Saône-et-Loire).

...ты мог бы приехать после получения моих денег... — Имеется в виду жалованье, которое получала СП за чтение факультативного курса по славяно-русской палеографии в Школе восточных языков (École des langues orientales). СП читала лекции с 1924 по 1939 г.

С. 39. *Берестовец* — имение родителей СП, находившееся в Борзнянском уезде Черниговской губернии.

Я помню, что бабушка сидит у стола ~ кто жил один, нравилось. — Ср.: «Робинзон — любимый рассказ: Оля постоянно просит бабушку повторять о том, “кто жил один”. Оля помнит вечер: бабушка сидит у стола, а она рядом, в руках у нее горшочек из ее игрушечной посуды, и она спросила: “Такой ли горшочек делал тот человек, что жил один?” — “Нет, — смеясь, сказала бабушка, — гораздо больше”» (В розовом блеске-Росток XV. С. 371).

Ведь бабушка умерла, когда мне было 6 лет, а это раньше все. — См.: В розовом блеске-Росток XV. С. 19—20.

...думаю, что бы написать тебе из воспоминаний, уже 2 написала. — См. дневниковые записи СП от 16 и 17 июня 1932 г.: «Я помню, мы сидели на диване в столовой, вечером, Сережа играл со стульями в лошадей, и вдруг он ударил кнутом по лампе, которая была прикреплена к стене. Вдруг послышался какой-то звук (это разбилась лампа), и огонь показался, я подумала, что это Страшный Суд, потому что огонь и этот треск, и папа всплеснул руками и сказал: “сын мой!” Потом наверно нас увели из этой комнаты — на этом обрывается воспо-

минание» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1085. Л. 26). «Я помню Максима Федоровича Коломийцева. У Сережи каждое лето был репетитор, жил у нас в Берестовце, — Сережа плохо учился. На Пасху приехала бабушка и сказала маме, что один богатый мужик Прохорский просил, нельзя ли взять на лето репетитором его сына, который переходил в 8-й класс гимназии, учится на круглые 5, просил его взять репетитором, чтобы сын научился “господским привычкам”. Я не знала, как мама решит. А когда я приехала домой после экзаменов, перешла в 5-й класс, я увидела этого гимназиста, его звали Максим Федорович, он ходил в гимназической форме, был очень робкий, очень стеснялся, особенно за обедом. Часто за обедом бывали чужие гости и тогда жалко было на него смотреть. Все над ним посмеивались, больше за глаза, я заступилась, тогда стали смеяться надо мною, уж не влюбилась ли я в него. Мне было 13 лет. Тогда я перестала заступаться, я молчала, когда посмеивались над ним, как он много ест (он действительно больше всех ел; он не привык к цыплятам), и как он вилку держал, и как он кланяется. Сережа его совсем не слушался, и ему было, я думаю, очень трудно заниматься с С<ережей>. Я видела, что он на меня смотрит, будто понимает, что я не смеюсь над ним и жалею его. На мои именины 29 июля приехало много гостей, были пирожки с мясом и с новой капустой, и на сладкое — мороженое. Гриша Александровский сказал: Сима??? Максим Федорович очень хороший, он только Вас одну не боится, говорите с ним. Это было в поле, где мы целой компанией гуляли, в это время складывали на поле снопы в копны. А Макс<им> Фед<орович> после обеда ушел домой в Прохоры. Вечером он вернулся, и принес мне огромный букет, там были ромашки, колокольчики, пионы и много различных красивых трав. Я поставила букет у себя на столе. С этого дня я стала разговаривать с М. Ф., бывало, увижу его на скамейке с книгой, понимаю, что он хочет убежать, а я кричу: “М. Ф.”. Ну, он и останется. Я не знала, о чем с ним разговаривать, и стала его спрашивать, что он учил по-латыни и по-гречески. А он мне на память говорил стихи греческие и латинские, начала я и теперь помнить. Потом он меня выучил греческой шараде — тоже помню. Раза 2, когда я с ним разговаривала, он мне давал лодочку — сам сделал из древесной коры. Потом я уехала в гимназию и о нем ничего не знала и не вспоминала. А через год, когда я перешла в 6-й класс, мы все были у бабушки на именинах в Прохорах, и бабушка сказала: а знаете, тот М. Ф., который у вас жил в прошлом году, умер от чахотки, завтра его хоронят, говорят, что заучился, оттого умер. Мне стало так жаль, я пошла на другой день потихоньку в церковь, сначала в бабушкином саду нарвала цветов: тоже пионы, колокольчики, только трав тех красивых не было, я понесла цветы и положила в гроб, лицо его сделалось с кулачок, и волосы были при-

мазаны, как мужики себе мажут в праздники. Кроме моих, не было цветов. Мне было так жалко, и я себя терзала виною перед ним, что не заступилась и молчала тогда, с тех пор я поняла нутром, что нельзя молчать, когда надо заступиться. Его мать голосила, как крестьянки, в ее словах было, что он от учебы умер, что не крестьянское дело — учиться. Когда его вынесли из церкви, я хотела идти домой, вдруг мать его подбежала ко мне, поклонилась до земли и сказала: спасибо, барышня, что принесли моему сынку цветочки. Я не могла ничего сказать и от испуга, и от стыда, что она так поклонилась, но мне стало невозможно идти домой, я проводила до кладбища, его отец стоял суровый, крепкий. Неужели правда, что от учебы он сгинул?» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1085. Л. 26 об.—30 об.). Эти воспоминания СП нашли отражение в гл. «Как улетали птицы» и «Букет» в III ч. «Оли» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 370—375, 379—381*).

С. 40. *Attendre lettre* — Жду письма (*фр.*).

«Числа» (Париж, 1930—1934) — журнал литературы, искусства и философии. Гл. ред. — Н. А. Оцуп. Изд.: И. В. де Марциарли (1930—1931), А. П. Буров (1931—1934).

Gare de Lyon — Лионский вокзал (*фр.*).

С. 41. *Дорожные приключения и наблюдения в рассказе «Слепая любовь»* — «Учитель музыки». — Ошибка памяти Ремизова: в состав книги «Учитель музыки» вошла глава под названием «Слепая» (см.: *Учитель музыки-РК IX. С. 360—376*). Рассказ «Слепая любовь» вошел в роман «В розовом блеске» (см.: *В розовом блеске-Росток XV. С. 454—460*).

Rue Poussin — улица в Париже, где находился дом, в котором жили знакомые Ремизовых — сестры Миньович («Птицы»).

С. 43. *École des langues orientales* — Школа восточных языков (*фр.*). Это образовательное учреждение было открыто в 1795 г. в Париже на rue de Lille. С 1914 г. Национальная школа восточных языков; в настоящее время Национальный институт восточных языков и культур (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO), который входит в Сообщество университетов и учреждений Сорбонна—Париж—Сите.

НАДПИСИ НА ФОТ<О>КАРТОЧКАХ

С. 44. *Это когда мы жили в Киеве в бедности, но все легко переносилось от юности. 2-ой год нашей жизни вместе.* — Ремизовы жили в Киеве с июля по октябрь 1904 г., после чего переехали в Петербург. О тяжелом материальном положении молодой семьи свидетельствует письмо Ремизова от 13 сентября 1904 г. их общему знакомому по Вологде — датскому коммерсанту и начинающему писателю О. Маде-

лунгу: «Сны упоительной боли на миг погасли; задавило их сознание, что тебя выбросили на улицу и предоставили зубами щелкать. <...> Думаю и думаю, как выбраться на <д>орогу хоть на некоторое время. С. П. поступила в гимназию учительницей за 30 р. в месяц. И пока выручает. Мечтал одно время поступить учителем чистописания за 10 р. в мес., но дело не выгорело. Вот Вам настоящие заботы. Даже неловко писать, слишком уж прозаично» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. П. Альберта Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1976. С. 31).

...это когда я была в 8-м классе... — имеется в виду время учебы СП в Черниговской женской гимназии.

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЗАПИСЕЙ

С. 45. *Вот опять моя ночь без сна. Я вспоминала, почему я тогда насчет «рыбки» не так мучилась.* — Речь идет о сувенире, подаренном А. О. Фондаминской Ремизову под впечатлением от его чтения «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833) А. С. Пушкина. Исполнение этого произведения было одним из постоянных составляющих авторских вечеров писателя 1930-х гг.

...это не «супирчик» бабушки... — *Супирчик* — уменьшительная форма от устаревшего слова «супир» (фр. *soûpir*) — названия тоненького перстня, который носили на мизинце на память. Здесь имеется в виду золотое колечко — подарок, сделанный девочке — СП («Оле») — ее бабушкой перед поступлением внучки в гимназию. Колечко исчезло, но потом обнаружилось на руке другой девочки, которая его присвоила. Эта реальная история нашла отражение в романе «В розовом блеске» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 375—379*). Ср. текст *Книги I* с текстом оригинала (записей СП 1941 г.): «Вот опять моя ночь без сна. Я вспоминала, почему я тогда насчет рыбки не так мучилась. Я тогда подумала, что А. О. не была ни близка, ни особенно верна, что ее память есть не то что дорога, но это не “супирчик” бабушки, которого я не могу и теперь забыть» (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 925. Л. 2 об.—3*).

«Кукушкина» — бытовое название одной из комнат в квартире Ремизовых в доме 7 по улице Буало. Происходит от находившихся там часов «с кукушкой».

Седормин (sedorm) — медицинский препарат, успокаивающее средство со снотворным эффектом.

...Одно время я подымался и начинал читать — около часу продолжалось чтение, из последних вещей Ап<оллон> Григорьев... — См. в книге Ремизова «Мышкина дудочка»: «И с чайником все переходим

в комнату к Серафиме Павловне. Там все-таки теплее: зажжен радиатор. Сейчас начнется вечернее чтение <...> Каждый вечер книга <...> И памятью я прохожу все наши вечера, мне болью звучат стихи Аполлона Григорьева» (*Петербургский буерак-РК Х. С. 76–77*).

С. 46. *Очень было трудно достать записную книжку. Принес кни<язь>Оболенский: красная. И С. П. начала ее.* — См.: Ремизова-Довгелло С. П. Записная книжка. <1940-е> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1272. 5 л.

...я достал другую большую: писать ей ежедневно ее молитву. — См. отрывки из записей: Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 3–20 янв. 1943 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1082. 9 л.; Дневниковые записи («Молитва: Матерь Божия, возьми нас под кров свой...») 21 янв. 1943 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1083. 8 л.

«*Матерь Божия, возьми нас под кров свой! ~ Помилуй, помилуй!*» — См.: Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1943 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1083. Л. 28.

<ПИСЬМА НЕОТОСЛАННЫЕ И ВЕРНУВШИЕСЯ>

С. 47. ПИСЬМО <К> JULES LEGRAS — Письмо СП Жюлю Легра (правильные даты жизни: 1866–1939), датированное 1934 г., по смыслу является ответом на помещенное далее письмо французского славыста от 10 декабря 1934 г. См.: Ремизова-Довгелло С. П. Письмо Jules Legras. 1934 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1109. 1 л.

С. 48. Université de Paris ~ Jules Legras — <Перевод:>

Парижский университет 10 декабря 1934

Факультет филологии

Сорбонна

Милостивая государыня,

Ваши заметки, я верну их вам в пятницу, превосходны. Продолжайте их и расположите в алфавитном порядке. Но для возможности их быстрого использования надо в конце составить указатель, объединяющий основные понятия.

Пример:

absurdité v (см.?) ерунда

абажур v (см.?)

отвлеченные понятия	v (см.?)	}	существительные прилагательные глаголы и т. д.

случай

Одним словом, каждое новое понятие, соответствующее списку слов, *близких* по смыслу, должно быть отмечено в указателе.

Лучший способ осуществить эту работу — взять русский словарь и составить перечни слов близких по смыслу, или составлять *каждый* день 1 или несколько списков, а не 7 или 8 в один прекрасный день разом, и ни одного на следующий день. Это долгая работа, зато она принесет плоды.

Итак, до пятницы, сударыня, и передаю вам обоим, сударыня, мои самые сердечные чувства

Жюль Легра (фр.).

ПИСЬМО К З. Н. ГИППИУС [МЕРЕЖКОВСКОЙ] — См. оригинал текста, включенного в *Книгу I: Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо З. Н. Гиппиус. 5 октября 1924 г. Беловой автограф с правкой // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1097. 1 л. Текст послания и подробные комментарии к нему опубл.: *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 464—466. Комментатор беловой автографа данного документа Е. Р. Обатнина считает, что письмо «очевидно, осталось неотправленным» (Там же. С. 464).

Дорогая Зинаида Николаевна, зачем Вы верите каким-то злым и гадким людям? Никакой книжки Алексея Михайловича не издавал в Москве... — Ответ на вопрос Гиппиус, заданный в письме к СП от 14 сентября 1924 г.: «Хочу вас спросить об одном, я знаю, что вы мне скажете, и пока вы не сказали — я не поверю: правда ли что Алексей Михайлович издал недавно книгу в Москве и послал им туда, для этого, *ихнего* издания специальное предисловие и написал автобиографию?» (*Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 463). Письмо Гиппиус было основано на дошедших до нее сведениях о публикации Ремизова, вышедшей в Советской России. В 1924 г. в московском издательстве «Новые вехи» писатель опубликовал отрывок из нового произведения — «Ров львиный: из ненапечатанного романа» (Литературная Россия. Сборник современной русской прозы / под ред. В. Лидина. Вып. 1. М.: Новые вехи, 1924. Т. 1. С. 36—39). Текст предваряло своеобразное предисловие — автобиография Ремизова (Там же. С. 27—35). Однако, по мнению Е. Р. Обатниной, источником данного вопроса Гиппиус было ставшее той известным сообщение в ж. «Россия» (1923. № 8. С. 31) о планах Ремизова издать в Советской России письма Розанова (См.: *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 463).

С. 49. *Это мне напоминает ссылку ~ [«Северные Афины» — «На ссылке». А. Р.]* — Отсылка к мемориальному очерку Ремизова «Северные Афины: История с географией: (Предбанная память)» (СЗ. 1927. Кн. 30. С. 233—277). В нем в завуалированной форме отражено воспоминание о конфликтах, произошедших в колонии ссыльных в Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар) в 1901 г. из-за противоречий между людьми разного социального положения (рабочими и интел-

лигентами), а также в Вологде на рубеже 1902—1903 гг. из-за борьбы между Ремизовым и Савинковым за дальнейшую судьбу *СП*. Будущий глава Боевой организации эсеровской партии видел в девушке одну из будущих террористок-бомбисток. Ср. в «Северных Афинах»: «А скучное было житье в Устьсысольске! В других городах съедутся ссыльные и сейчас же друг против друга суды начнут: все развлечение!» (*Россия в письменах-Росток XIII*. С. 702).

С. 49. *Все время по всей России идут пьесы Д. С. Мережковско-го...* — В первые пореволюционные годы запрещенная царской цензурой историческая драма Д. С. Мережковского «Павел I» (1908), а также его трагедия «Царевич Алексей» (1920) неоднократно ставились в Советской России, трактуясь как произведения антимонархической направленности. Е. Р. Обатнина указала в комментариях, что Наташа — это оставшаяся в России и переписывавшаяся с *СП* сестра З. Н. — Наталья Николаевна Гиппиус (*Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 465).

Я была сама на «Короле Лире» и слышала предисловие, а еще лучше на «Венецианском Купце». — Имеется в виду посещение *СП* спектаклей по пьесам У. Шекспира, поставленных в 1920 г. на сцене Большого Драматического театра: 1) «Король Лир» (постановка — А. В. Лавренев, художник — М. В. Добужинский, композитор — Ю. А. Шапорин, премьера — 21 октября); «Венецианский купец» (постановка и оформление — А. Н. Бенуа, композитор — Б. В. Асафьев, премьера — 27 ноября). См. письмо Ремизова Блоку от 6 октября 1920 г.: «Дайте, если можно, билет на 1-ое представление бывшего Короля Лира для Серафимы Павловны» (*Блок А. А. Переписка с А. М. Ремизовым: (1905—1920)* / вступ. ст. З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // *ЛН*. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 2. С. 126). См. также в книге «Петербургский буерак» воспоминание Ремизова о контактах с Блоком в революционном Петрограде: «Помните, вы прислали билеты на “б. короля Лира”?» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 329).

А читали ли Вы в «Воле России» новую вещь А лексея М-и хайловича... — См.: *Ремизов А. С* огненной пастью // *Воля России* (Прага). 1924. № 14/15. С. 1—26.

Приехал сюда Добронравов... — Ср. в некрологе Ремизова «“Заветы” Памяти Леонида Михайловича Добронравова 1887 — † 26.5.1926»: «Осенью 1924 г. Добронравов появляется в Париже. Я очень обрадовался — “вот, думаю, теперь и помереть не страшно, Добронравов не бросит, похоронит!”» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 367).

С. 50. *В среду открывается Духовная Академия здесь, как была в Берлине.* — В 1923 г. высланные из Советской России философы Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Ф. А. Степун и др. основали в Берлине

Религиозно-философскую Академию. После переезда Н. А. Бердяева в Париж Академия продолжила свою деятельность там до 1940 г.

...даже И. А. Бунин, раздавая из своей нобелевской премии, мне ничего не дал... — В 1933 г. И. А. Бунин был удостоен Нобелевской премии, часть ее денежного выражения он пожертвовал на персональную помощь известным русским писателям (А. В. Амфитеатрову, Б. К. Зайцеву, А. И. Куприну, И. С. Шмелеву, Н. А. Тэффи, М. И. Цветаевой, А. В. Карташеву, Л. Ф. Зурову — *сообщение С. Н. Морозова*), в число которых А. М. Ремизов не вошел, а также эмигрантским Союзом писателей и журналистов и Комитету помощи писателям и ученым во Франции для дальнейшего распределения средств среди нуждающихся литераторов (подробнее см.: *Марченко Т. Русские писатели и Нобелевская премия (1901—1955)*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. С. 493—495).

ПИСЬМО АЛФЕРОВЫМ — См. оригинал письма: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо А. М. и А. В. Алферовым. Авг. 1941 г. // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1096. 2 л.

С. 51. ...мы тоже никуда не можем уехать ~ когда приходит П<етр>М<аркович>, все-таки бывает легче. — В годы оккупации Парижа немецкими войсками Ремизовы безвыездно жили в своей квартире на улице Буало. П. М. Костанов оставался одним из постоянных посетителей Ремизовых. См. о нем в книге Ремизова «Мышкина дудочка» (*Петербургский буерак-РК X*; по указ.).

С. 52. ПИСЬМО ВАНДЕ АДАМОВНЕ СПУВ-ВВЕДЕНСКОЙ — См. оригинал письма: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо В. А. Спув-Введенской. 16 авг. 1937 г. // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1105. 2 л.

Masseuse — массажистка (*фр.*).

Retour à l'envoyer (17 VIII) Partie sans laisser d'adresse — Вернуть от правителю (17 VIII) Уехал, не оставив адреса (*фр.*).

С. 53. ПИСЬМО К D'ANCONA — См.: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо М. С. Данкона. 20 июля 1940 г. // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1108. 2 л.

Le destinataire n'a pu être atteint... — Получатель недоступен (*фр.*).

Я простужена (окон нет) [После бомбардировки 3 VI. А. Р.]... — Имеются в виду результаты немецкой бомбардировки Парижа 3 июня 1940 г., одним из последствий которой были разбитые окна в квартире Ремизовых.

Кутаюсь в шурки по-зимнему, и на окнах, картоном завешены, делаю конструкции и все думаю, и думаю. — Ср. в романе «В розовом блеске»: «Два основных стекла вставили в августе “главные водопроводчики”, как почтительно называла их одна из наших безумных — “Блаженная”, она же и “Кошатница”, а остальные стекла только в ноябре. Для загуды от ветра я сделал тридцать витражей на картоне — площадь выбитого стекла. Снаружи часовня, а в комнатах, как пошли

дожди, к вечеру ледник. Зябнуть стали загодя. И наступила зима, из зим за двадцать лет в Париже, никто такой зимы не запомнит. Наш дом без каминов, центральное отопление не действовало, жгли духовку, хоть в кухне в тепле отсидеться, но вышли ограничения и духовку запретили. И только к январю могла осуществиться установка электрической печки — радиатор» (*В розовом блеске-Посток XV. С. 522*).

С. 54. *Alliance Française (École pratique de langue française)* — Французский альянс (Практическая школа французского языка) (*фр.*), частное высшее учебное заведение в Париже, существующее с 1901 г. по настоящее время.

Diplome supérieur d'Études française moderne — Высший диплом по современным французским исследованиям (*фр.*).

inadmis; retour á expéditeur — не допускается, возврат (*фр.*).

Плякар (от *фр.* placard) — буфет.

С. 55. *Евгеньевская община сестер милосердия Красного Креста* — образована при Санкт-Петербургском комитете попечения о сестрах милосердия Красного Креста, основанном для оказания помощи престарелым и больным сестрам милосердия. При общине существовали курсы сестер милосердия. Их выпускницы участвовали в военных действиях во время Русско-японской и Первой мировой войн.

ПИСЬМО В. Г. КВИЛЬ-ТИЩЕНКО — См.: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письма В. Г. Квиль-Тищенко: 1) 28 апреля 1939 г. // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1101. 1 л.*; 2) Б. д. // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1102. 1 л.*

С. 56. *...мы говорили после Вашего ухода: «может, это последний вечер А<лексея> М<ихайловича>».* — Последний довоенный вечер чтения А. М. Ремизова состоялся 22 апреля 1939 г. в Salle du Musée Social (5, rue Las Cases).

С. 57. **ПИСЬМО И. С. ШМЕЛЕВУ** — См.: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо И. С. Шмелеву. 13 мая 1937 г. // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1107. 1 л.*

С. 58. *В этом году у Шмелева была первая Пасха после смерти О. А. Шмелевой.* — О. А. Шмелева скончалась 22 июня 1936 г.

ПИСЬМО И. КРИСТИН — См.: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо И. И. Кристин. 27 марта 1935 г. // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1103. 1 л.*

С. 59. *«Числа»* — См.: *Книга I. Коммент. к с. 40.*

«Возрождение» (Париж, 1925—1940) — газета, подзаг.: «Орган русской национальной мысли». В 1925—1935 гг. ежедневная, в 1936—1940 гг. еженедельная. Гл. ред. — П. Б. Струве (1925—1927), с 1927 г. — Ю. Ф. Семенов. Изд. — А. О. Лукасов.

Дактило (от *фр.* dactylographe) — машинистка.

Обе были в стаде Кришна-Мунди и собирались ехать в Индию «освободить» индусов. — Ошибка или словесная «игра» Ремизова,

правильно: Кришнамурти. Речь идет о принадлежности сестер Кристин к поклонникам учения индийского духовного учителя и философа Кришнамурти, проповедовавшего революцию сознания. См. в книге «Мышкина дудочка»: «Ирина Ивановна пишет роман из индусской жизни — в те допотопные годы, молодой тогда Кришна-Мурти кого только не оголовил, и о Индии говорилось по-домашнему, как о Булонском лесе. А для жизни она поступила в няньки к Головиным — дети к ней привязчивы и родители были довольны. Тамара Ивановна служила в газете “Возрождение” — первая дактило: работа доточная, все помарки разберет <...> Сестры жили трудом и трудно. <...> Ирина Ивановна не выдержала парижской прохлады и уехала на родину в Ревель — там найдет она себе место учительницы <...> А Тамара Ивановна осталась в Париже» (*Петербургский буерак-РК Х. С. 110—111*).

«*Лопата*» после 3 июня 1940 г <ода> однажды пришла и исчезла безвозвратно. — Т. И. Пантелеймонова (урожд. Кристин) вновь появилась в окружении Ремизова с конца 1940-х гг. См. в книге «Мышкина дудочка»: «С войны <...> Исчезла и Тамара Ивановна. <...> И появилась она вдруг. Это вскоре после первой бомбардировки (3 июня 1940-го). <...> Тамара Ивановна сбегала к Суханову и возвращается с огромным свертком, а развернули: и чего-чего нет <...> Обещала зайти. А ушла на долгие годы, а с Серафимой Павловной на вечность» (*Петербургский буерак-РК Х. С. 120—121*).

ПИСЬМО К Мте BARBARA CHURCH — См.: *Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо к Barbara Church. 27 января 1936 г. // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1106. 2 л.*

Chère Madame ~ S. Remizov-Dovguello. — <Перевод:>

Милостивая государыня,

Я огорчена, не сумев принять ваше любезное приглашение, но мне пришлось быть на заседании в Институте славянских языков, у меня не было возможности отказаться. Надеюсь иметь удовольствие встретить вас в другой раз и прошу принять, сударыня, вам и г. Чёрчу мое глубокое уважение, равно как и почтительный поклон от моего мужа. С. Ремизова-Довгелло (*фр.*).

КАК Я ВИДЕЛА КОГО В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Из дневника

1.

С. 60. КАК Я ВИДЕЛА КОГО В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ — Источник текста раздела: *Ремизова-Довгелло С. П.* Воспоминания о последних встречах с родителями, бабушкой, а также с Блоком А. А., Савинко-

вым Б. В., Чеховым А. П., Розановым В. В. и др. // *ГЛМ. Ф.* 156. Оп. 2. Ед. хр. 1068. 14 л.

С. 60. *Лидия Павловна Довкгелло* — «Лена», «Оля» I, II, III ч<а-сти>. — Здесь и далее после имен реальных людей — родственников и знакомых *СП* — во французских кавычках («елочках») указаны те вымышленные имена, под которыми они выведены в качестве героев в *романе-эпопее* «Оля». Это произведение Ремизова в неполном виде и под новым названием («В розовом блеске») было опубликовано в 1952 г. Здесь и далее даны отсылки к тем обозначенным латинскими цифрами частям наборной рукописи *полного текста романа-эпопеи* «Оля» (например: «Оля», I часть и т. д.), в которых действуют данные персонажи.

Я уезжаю в 17 году ~ а я здесь. — Ср.: «Я уезжаю в 17 году. Лошади у крыльца, мы пообедали раньше. Все вещи уложены. Лида вышла во двор, и я вижу в окошко, как собаки к ней бросились, облипают, скачут к самому ее лицу. Я подумала: вот Лида и ее собаки, и защемило сердце. И всегда, когда я это вспоминаю, сердце щемит. Я ее больше никогда не увижу, хотя она жива, но она в Киеве, а я здесь» (*ГЛМ. Ф.* 156. Оп. 2. Ед. хр. 1068. Л. 2—2 об.).

С. 61. *...в I-ом томе Пришвина...* — См.: *Пришвин М. М.* Собр. соч. Пб.: Знание, 1912. Т. 1: Рассказы.

Единственная роза... — Ср. в письме А. М. Ремизова Н. В. Резниковой от 30 мая 1943 г.: «Д. Г. спрашивал, как было на кладбище. Что-то было — совсем без всякой тьмы, и могила — не яма — Оболенский бросил русскую землю: из Таврического сада, а я — последнюю розу» (*Резникова 2013. С.* 32).

...присланы цветы с острова Олерона от крестницы С. П. положить на могилу... — Имеется в виду дочь О. В. Андреевой Оля (Ольга Вадимовна) Андреева, в замужестве Карлайл (р. 1930), находившаяся в годы войны вместе с родственниками на острове Олерон. Ср. в романе «В розовом блеске»: «Днем Серафима Павловна <...> собиралась написать своей любимой крестнице Олечке на остров Олерон» (*В розовом блеске-Росток XV. С.* 549). Ср. в воспоминаниях Резниковой: «Мы добрались до острова д'Олерон, где и прожили годы войны. <...> С. П. изредка посылала коротенькие письма или открытки своей “любимой крестнице” (Оля Андреева, дочь моей сестры Ольги. — *Примеч. Н. В. Резниковой*), но, в сущности, мы почти ничего не знали о Ремизовых» (*Резникова 2013. С.* 140).

ДИКСОН — О сближении В. В. Диксона и супругов Ремизовых см. воспоминания Н. В. Резниковой: «В 1924 году на авеню Мозар появился начинающий писатель Владимир Вальтерович Диксон. Он занял большое место в жизни Ремизовых тех лет. <...> Года через два Диксон уехал в Америку и там женился. После возвращения из Аме-

рики в 1929 году он заболел аппендицитом и скончался от эмболии. Ремизовы очень горевали о нем. А. М. говорил, что Диксон влюбился в С. П., но, конечно, наоборот, С. П. влюбилась в Диксона и негодовала, что он женился на американке, — “нету души!”. Через некоторое время после его смерти в Париж приехала вдова Диксона и стала требовать от Ремизовых деньги за изданные книги ее мужа. Совершенно не в курсе русских дел, она воображала, что издание должно приносить доход, тогда как Диксон раздавал и рассылал свои книги даром отдельным лицам и организациям, как это водилось в эмиграции. Ремизовы оказались в очень неприятном положении. Трагическая смерть адвоката г-жи Диксон, который вел дело, — неудачно выходя из вагона метро, он попал под колеса — положила конец этому тяжелому делу» (*Резникова 2013*. С. 126). О контактах Ремизова и его жены с Диксоном и о влиянии мэтра на творчество начинающего писателя см.: *Дубровина Е.* «Я странником пришел на краткий час...»: Поэт Владимир Диксон (1900—1929) и его окружение // *НЖ*. 2022. Март. № 307. С. 166—215; *Грачева А. М.* О Прекрасном Принце и пожилой супружеской паре: Владимир Диксон в судьбе А. М. и С. П. Ремизовых // *Поколение как сюжет: Статьи и материалы* / ред. С. А. Васильева и др.; сост. А. Ю. Сорочан. Тверь: Альфа Пресс, 2022. С. 2—261. (Время как сюжет; Вып. 11).

С. 63. *Вспоминается детство, и Лида ~ от нее янтарь...* — О судьбе этого украшения *СП* см. в воспоминаниях Резниковой: «Мой муж после демобилизации жил и работал в Париже. Он стал часто заходить на рю Буало. А. М. передавал ему для нас “заветные вещи” С. П. — иконы, старинную шаль, янтари, фиолетовую тальму бабушки, коллекцию бисерных изделий» (*Резникова 2013*. С. 147).

С. 64. *Ф<едор> И<ванович> Щеколдин † 1919 г.* — «Северные Афины» — указание на изображение Ф. И. Щеколдина как одного из героев мемуарного очерка Ремизова «Северные Афины» (см.: *Россия в письменах-Росток XIII*. С. 699—709). О Щеколдине см.: *Книга V*. Комментарий к с. 326. См. также: *Дворникова Л. Я.* Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень» (Ф. И. Щеколдин) // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы*. 1994. С. 231—243.

...меньшевик, «плекхановец»... — В 1903 г. на Втором съезде Российской социал-демократической партии (РСДРП), делегатом которого был Ф. И. Щеколдин, произошел раскол организации на две фракции: большевиков (последователей В. И. Ленина) и меньшевиков (соратников Г. В. Плеханова).

А хоронили Ф<едора> И<вановича> в Соборе Александро-Невской Лавры, торжественные похороны — как «генерала». — Щеколдин был похоронен на «Коммунистической площадке» — комплексе захоронений внутри каре архитектурного ансамбля Александро-Невской лавры

ры у главного входа в Троицкий собор, расположенного на месте бывшего партерного сада, который отделял собор от митрополичьего дома. Ремизов посвятил памяти Ф. И. Щеколдина некролог «Три могилы» (первая публ.: «Записки мечтателей». 1919. № 1. С. 72–73), в дальнейшем вошедший в состав книги «Крашенные рыла» (*Русалия-Росток XII*. С. 628–630). Щеколдин многократно упоминается на страницах книги Ремизова «Взвихренная Русь» (*Взвихренная Русь-РК V*; см. по огл.).

С. 65. *И вот на Таврической улице перед нашим домом [дом Хренова]...* — С сентября 1910 по июнь 1915 г. Ремизовы жили по адресу Таврическая ул., дом 3^в, кв. 29. Название «Дом Хренова» происходит от фамилии его архитектора и владельца — А. С. Хренова (1860–1926).

С. 66. *Блок собирался в Москву.* — А. А. Блок был в Москве с 8 по 19 мая 1920 г.

...из Москвы он вернулся [1 мая] и слег. — Ошибка памяти Ремизова. См.: *Книга I*. Коммент. к с. 90.

«Мальчики и девочки» (1929) — повесть Ивана Болдырева (наст. имя: И. А. Шкотт).

Мы жили в Булони. — Ремизовы снимали квартиру в Булони с августа 1930 до июля 1933 г. (Boulogne-sur-Seine — 3 bis, Avenue Jean-Baptiste Clément). См. воспоминания Резниковой: «В 1930 году они переехали на квартиру за чертой города — в Булони, недалеко от Булонского леса» (*Резникова 2013*. С. 137).

Мы были в Café с музыкой (Rue d'Auteuil)... — См. скрытое воспоминание о последней встрече СП и А. М. Ремизова с Савинковым в книге «Учитель музыки»: «Вечером с Тирбушоном — в кафе “Де Спорт” у Порт-Дотой. В кафе музыка — в этом кафе под музыку, мне вспомнилось. Корнетов провел свой прощальный вечер с Борисом Савинковым» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 346). *Rue d'Auteuil* — улица в XVI округе Парижа, недалеко от станции метро Порт-д’Отей (Porte d'Auteuil).

...на углу Villa Flore я споткнулась... — С весны 1924 по ноябрь 1928 г. Ремизовы жили по адресу: 120 bis, Avenue Mozart, 5 Villa Flore. См. воспоминания Резниковой: «Весной переехали на другую, более подходящую, в том же районе, на авеню Мозар. Дом находился в небольшом углублении, называвшемся “Вилла Флор”» (*Резникова 2013*. С. 107).

С. 67. *ЧЕХОВ - Мы долго не могли заснуть, все говорили о нем, называя его «баррикадный».* — Рассказ о реальной встрече СП с Чеховым лег в основу главы «Баррикадный» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 384–386).

Он уходил ~ Я поняла, что мы больше не увидимся. — Ср. в романе «В розовом блеске»: «Перед отъездом к отцу в Киев, Фрид пришел проститься. За краткий срок этого последнего свидания он понял, что дни, проведенные с Олей, были самое лучшее, что было в его жизни. / — Мне хочется что-нибудь оставить вам на память! — сказал он, прощаясь. / Но ничего такого не было, чтобы дать. И вдруг он обрадовался: в кармане совсем позабытая оказалась новенькая — две-лиры — итальянская память. / — Ну, вот, эти две-лиры — серебряная, пусть они вам напоминают обо мне. / И когда Оля пошла проводить его, на лестнице он повторил: / — Самое лучшее воспоминание всей моей жизни — вы. / И глядя на его печальные, вдруг загоревшиеся счастьем глаза, она поняла, что больше они никогда не увидятся» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 463*).

В<асильевский> О<стров>, 14 л<иния>. 1917 г. — С сентября 1916 по май 1920 г. Ремизовы жили по адресу: Васильевский остров, 14-я линия, дом 31, кв. 48.

С. 68. *Мы были у них [на Шпалерной] в разгар революции [в мае 1917 г.].* — С 1915 по 1917 г. Розановы жили по адресу: Шпалерная ул., дом 44^б, кв. 22.

...только он и Варвара Димитриевна. Подали чай и яичницу. — Ср. в книге «Кукха»: «И опять на Шпалерной. Только не в том доме <...> А ели яичницу — поминальную» (*Ахру-РК VII. С. 127—128*).

Цирк Чинизелли (совр. название: Большой Санкт-Петербургский государственный цирк) — первый каменный стационарный цирк в России. Основан в 1877 г. Назван по имени основателя и первого директора Гаэтано Чинизелли (1815—1881). Находится в Санкт-Петербурге, наб. р. Фонтанки, д. 3.

С. 69. *Нэп* — новая экономическая политика, которая была принята советским правительством в 1921 г. и разрешала временное допущение капиталистических элементов при сохранении командных высот в руках пролетарского государства. Была свернута в 1928 г.

Николаевский вокзал (в 1855—1924 гг. Николаевский, до 1930 г. Октябрьский, с 1931 г. по наст. время Московский) — пассажирский терминал железнодорожной станции Санкт-Петербург Главный. Открыт в 1847 г. Арх. — К. А. Тон. Расположен: Невский пр., д. 85.

...Знаменская площадь ~ памятник Александру III... — Знаменская площадь (с 1918 г. площадь Восстания) находится на пересечении Невского и Лиговского проспектов. На ней расположен Московский (ранее Николаевский) вокзал. В 1909 г. посередине площади был установлен памятник императору Александру III (скульптор — П. П. Трубецкой, арх. — Ф. О. Шехтель), который был демонтирован в 1937 г.

II.

С. 70. НАДЯ САМОЙЛОВИЧ — Источник см.: *Ремизова-Довгелло С. П.* Воспоминания о Наде Самойлович // *ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1069. 3 л.

III.

С. 72. БОРИС ВИКТОРОВИЧ САВИНКОВ — Источник текста: *Ремизова-Довгелло С. П.* Воспоминания о Савинкове Б. В. // *ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1070. 3 л. На обложке автографа *СП* надпись Ремизова, маркирующая место этого текста в *Книге I*: «III / Из дневника / 1925 / III Б. В. Савинков / Кн. I» (Там же. Л. 1). Об истории контактов Ремизовых с Савинковым см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Борис Савинков: история отношений в письмах и воспоминаниях // *Studia litterarum.* 2021. Т. 6, № 3. С. 346–379.

С. 73. После него еще было одно письмо ~ Больше ничего. — Письмо приведено далее в комментарии Ремизова. Оригинал послания на данный момент не выявлен.

И вот в Карлсбаде я прочитала о его переходе к большевикам; был там только «Руль»... — Имеется в виду статья-фельетон А. Яблоновского «Дело Савинкова» (Руль (Берлин). 1924. 5 сент.), в которой утверждалось оговоре Савинкова с ОГПУ. О реакции близких к Савинкову представителей русской эмиграции на его арест и процесс см.: *Демидова О. Р.* Между фарсом и трагедией: дело Савинкова в варшавской газете «За свободу!» // *Демидова О. Р.* Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. С. 59–107. В архиве Ремизовых сохранился комплекс газетных вырезок 1924–1925 гг., собранных (дата-автограф: «5 июля 1948») в одну тетрадь под заглавием «Савинков» (*Amherst.* Series 1. Subseries 3. Box. 18. F. 6).

И только после письма, которое опубликовал Д. В. Философов ~ я отреклаась от Савинкова. — Письмо Савинкова Философову от 3 сентября 1924 г. и ответ адресата опубл.: *За свободу!* (Варшава). 1924. 17 сент. С. 1. См. также: *Борис Савинков на Лубянке: Документы* / науч. ред. А. Л. Литвин. М.: РОССПЭН. 2002. С. 100–101 (Письмо Б. Савинкова Д. Философову).

После статьи Мягкова я все сразу поняла... — Речь идет о статье: *Мягков А. Г.* Нужна правда // *ПН.* 1925. 13 июня. Перепеч.: *За свободу!* (Варшава). 1925. 20 июня. С. 2. Исследователь Д. И. Зубарев отметил: «Именно с Мягковым и его женой Савинков сохранил доверительные отношения. Отправляясь в августе 1924 г. в СССР, Савинков доверил хранение своего архива именно сестре Вере. После суда и по-

каения Савинкова Мягковы остались единственными людьми из его эмигрантского окружения, кто отказался его публично осудить и поддерживать с лубяньским узником родственную переписку. Мягков — волей судьбы первый научный биограф Савинкова: в сентябре 1924 — апреле 1925 г. он проанализировал конспиративную часть савинковского архива, пытаясь опровергнуть разноречивые домыслы о мотивах и подоплеке поездки Бориса Викторовича в СССР <...> Гибель Савинкова в мае 1925 г. открыла Мягкову возможность для публикации своих выводов» (Амфитеатров и русские в Польше (1922—1932) / публ. Д. И. Зубарева // Минувшее: ист. альм. СПб.: ATHENEUM—ФЕНИКС, 1997. Т. 22. С. 392—393). См. также письмо А. Г. Мягкова А. В. Амфитеатрову от 20[—21] апреля 1925 г.: «Еще в 23 г. Б. В. однажды написал нам, что им получены необыкновенно радостные для него сведения из России, что “семя, брошенное им когда-то, — дает в России добрые всходы”. <...> Не подумайте, что я защищаю измену Савинкова или одобряю его образ действия. <...> Но не могу признать возможным и допустимым мстить ему заведомой клеветой. А Философов знает, что он налгал, когда написал, что Б. В. еще в Париже “сговорился” с большевиками» (Амфитеатров и русские в Польше (1922—1932). С. 421, 423).

С. 74. *Целую ренчки* (Całuję ręczki) — Целую руки (польск.). Характерное для Савинкова окончание дружеских писем. См., например, финал его письма А. В. Амфитеатрову от 7 февраля 1924 г.: «Целую ренчки. Падам до ног» (Амфитеатров и Савинков: переписка 1923—1924 / публ. Э. Гаретто, А. И. Добкина, Д. И. Зубарева // Минувшее: ист. альм. М.; СПб.: ATHENEUM—ФЕНИКС, 1993. Т. 13. С. 129).

...Звезды ясные сияют... — цитата из текста стихотворения М. А. Долинова «Спите, куклы...»: «Спите, куклы, баю-баю, / Звезды ясные сияют. / Смотрит в окна дуб мохнатый: / Все ли спать легли ребята?»

С. 75. *...литература его, конечно, интересовала, но это было у него второе...* — О стагнации литературной эволюции Савинкова см. подробнее: *Грачева А. М.* Ante «В. Ропшин»: ранняя проза Бориса Савинкова / вступ. ст. и публ. текстов // Текст и традиция: альм. СПб.: Росток, 2021. Вып. 9. С. 339—356.

О Савинкове мое ~ все входит в мою книгу «Третья стража», как приложение. — Перечислены публикации Ремизова: Савинков // ПН. 1932. № 4008, 13 марта. С. 2—3; Северные Афины: История с географией (Предбанная память) // СЗ. 1927. Кн. 30. С. 233—277. На определенном этапе писатель планировал включить эти тексты в задуманную им повесть «В розовом блеске», основанную на идее сохранения памяти о СП, в дальнейшем вошедшую как часть и давшую название роману «В розовом блеске». В ремизовском «Дневнике мыслей», со-

державцем записи с 13 октября 1943 по 23 марта 1945 г., имеется запись плана нового произведения. В конце плана указано: «Третья стража / La troisième heure / <...> Приложение» (ДМ-I. С. 45). «Третья стража» — речь идет о делении времени в Новом Завете, соотношенном с римским обычаем: третья стража (tertia vigilia) — утренняя, с 2 часов ночи до восхода солнца. Символика планировавшегося названия финала повести о СП связана с христианской идеей воскресения мертвых.

С. 75. *Есть еще в «Розановых письмах» ~ и в «России в письменах»...* — См. произведения Ремизова: Розановы письма (см.: Ахру-РК VII; по указ.); Россия в письменах. Т. 1 (см.: Россия в письменах-Росток XIII; по указ.).

По газетам С<авинков> кончил самоубийством 7.V. 1925... — согласно официальным данным советских источников (сообщение РОСТА), повторенным эмигрантскими периодическими изданиями, Савинков покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна расположенной на 5-м этаже комнаты внутренней тюрьмы ОГПУ. См. подр.: Уголовное дело Бориса Савинкова / сост. В. А. Злобин. М.: ТД «Белый город», 2019. С. 138—167. (Русские судебные процессы). В то же время в эмигрантских кругах ходили слухи, что его кончина была насильственной. В настоящее время определенную ясность в вопрос о характере смерти Савинкова (убийстве или самоубийстве) внесли опубликованные документальные материалы: «...ни один из современных отечественных и западных историков не может с полным основанием принять или опровергнуть официальную версию смерти Савинкова. Неофициальная же версия тем более привлекательна, что основывается, помимо прочего, на моральном авторитете таких личностей, как В. Шаламов или А. Солженицын. Они распространяли версию об убийстве Савинкова со слов чекистов, оказавшихся в советских концлагерях. <...> Публикация материалов расследования, связанного с гибелью Савинкова, показывает, что вряд ли можно сомневаться в его самоубийстве» (Литвин А., Могильнер М. Борис Савинков в исторической литературе и документах // Борис Савинков на Лубянке: Документы. С. 41—42). См. также публикацию архивных материалов по делу о смерти Савинкова (Там же. С. 169—178).

...7. V. я видел его во сне: пришел к нам в летнем белом костюме. — Ср. в эссе Ремизова «Савинков»: «Этого вы не знаете, Борис Викторович. Я вас видел 7 мая, а этот день как раз совпадает с заключительным словом трагедии, вашим последним днем жизни на земле; для каждого она имеет свой цвет, для вас она — цвет крови. Я вас видел в белом — такая есть ваша вологодская карточка, вы на ней сняты с вашим отцом, это было еще в “кануны”. И вот опять в белом. Так оно и должно быть: вы исполнили все. Силы небесные, помогавшие вам,

оставили вас — но они и не могли не оставить вас. Вы в них больше не нуждаетесь. Своею казнию вы достойно завершили свое дело — и вот вы в белом» (Ремизов А. Савинков. С. 2).

В 1913 г. мне приснился С<авинков>... — Вариант миниатюры-сна Ремизова «Савинков», впервые опубликованной в цикле «Мои сны: Литературные» (Слово (Рига). 1925. № 1, 11 ноября. С. 3).

IV.

Из дневника

С. 76. ИЗ ДНЕВНИКА — Тексты этого раздела основаны на источнике: Ремизова-Довгелло С. П. Сны и размышления. Дневниковые записи. 1928 // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1071. 7 л. На самодельной обложке надпись Ремизова — план раздела: «IV / ИЗ ДНЕВНИКА / 1928 / 1) Посылка (сон) / 2) Петух — — / 3) Мыло — — / 4) Снег — — / 5) Гнездо / Культурн<ый человек> / 7) Игрок / 8) Раздумье / 9) На том свете / 10) О несовер<шенстве?> / 11) О литературе» (Там же. Л. 1). На л. 2 надписи-пометы Ремизова: черным карандашом: «1928 Paris III»; синим карандашом: «Кн<ига> I / IV».

«Да ведь Вы женились на американке, помните?» — 10 июня 1925 г. В. В. Диксон женился на Ваните Вагнер (?–1987) — дочери разбогатевшего фермера из Канзаса, получившей музыкальное образование в консерватории. 9 января 1928 г. у них родился сын Иван (Джон). См. подробнее: Дубровина Е. «Я странником пришел на краткий час...»: Поэт Владимир Диксон (1900–1929) и его окружение / НЖ. 2022. Март. № 306. С. 234–235.

V.

[Из прерванных дум] 1923–1924–1925

С. 79. [ИЗ ПРЕРВАННЫХ ДУМ] 1923 — 1924 — 1925 — Источник текстов V раздела: Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи 1923–1925 гг. Записки. Автограф. Пометы Ремизова // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1072. 14 л. На самодельной обложке раздела надписи Ремизова: 1) чернилами: «V–VI / Из прерванных дум / 1923 — 1924 — 1925 / VI / Старшая сестра / 1925 / 1) / 2) / 3) Рерих / 4) / 5) Диксон (сон) / 6) / 7) / 8) / 9) / 10) / <внизу страницы> [VII днев<ника> 1930–1931]; 2) синим карандашом: Кн<ига> I».

Екатерина Владимировна Селевина-Романова, о ней ~ «Философская натура» 1854. — Эссе Ремизова «Философская натура. 1853–1900: Владимир Соловьев — жених» (впервые опубли.: СЗ. 1938. Кн. 66. С. 193–204) основано на письмах Соловьева его невесте — Е. В. Селевиной. Позднее включено в книгу «Мерло», одно из ранних автор-

ских названий которой — «Чапжник». См.: *Звезда надзвездная-Росток XIV*. С. 272—283.

С. 80. *И вдруг Юра...* — Сын товарищей Ремизова по ссылке, мальчик Юра Дориомедов под своим именем выведен в качестве главного героя в рассказе «Пупочек» (1913). Рассказ был включен в сборник «Вереница. Рассказы о свете человеческом», наборная рукопись которого была подготовлена к печати в Берлине в 1922 г. Публикация рассказа в составе сборника «Вереница» состоялась лишь в 2021 г.: *Полуночное солнце-Росток XVI*. С. 485—488. См. также запись сна Ремизова в ночь с 28 на 29 ноября 1951 г.: «Я прошел вглубь комнаты — по дороге Юра Дориомедов (описан в рассказе “Пупочек”) огромный и с ним он же маленький, и он со мной поздоровался с нежностью, только все такое крупное — губы его с тарелку» (*ДМ-IV*. С. 216).

Завтра, наконец, переезжаем на квартиру. ~ И, наконец, завтра на свою квартиру [59 Rue Chardon-Lagache, XVI]. — Ср. с источником: «Завтра, наконец, переезжаем на квартиру. Измучены мы оба ужасно. 5 ноября уехали из Берлина, 7-го приехали в Париж, жили первую неделю у В.В. Мальфитано, — она такая баба болтливая, не давала ни минуты покоя, потом в этом ужасном пансионе по соседству с Екатериной Васильевной, — она очень хорошая, с нею так спокойно. И, наконец, завтра на свою квартиру» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 2).

С. 81. *Я разлюбила Зин<аиду> Ник<олаевну> Гиппиус (Мережковскую)...* — См.: *Книга I*. Коммент. к с. 49. О начавшемся с середины 1910-х гг. расхождении С. П. Ремизовой и З. Н. Гиппиус см. подробнее: *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 258—273.

С. 82. *...а мы на Chardon Lagache, 59.* — По этому адресу Ремизовы жили с осени 1923 по весну 1924 г. См. воспоминания Н. В. Резниковой: «Друзья помогла найти квартиру. Ремизовы поселились на улице Шардон-Ля-гаш, в районе Отей. Они прожили осень и зиму в этой квартире. Весной переехали на другую, более подходящую, в том же районе, на авеню Мозар» (*Резникова 2013*. С. 107).

Я писал «По карнизам». — См.: *Ремизов А. М.* По карнизам. Повесть. Белград, 1929. 128 с.

С. 83. *Вчера получилось от Наташи письмо, так меня за сердце тронули ее слова...* — В 1924 г. Наташа Ремизова училась в Киеве на филологическом отделении Высшего института народного образования имени М. П. Драгоманова (бывшего Киевского университета св. Владимира). В архиве Ремизова в *ГЛМ* сохранились лишь некоторые ее письма родителям. Из посланий 1924 г. имеется письмо Наташи от 24 июля, отражающее переход отчужденных с детства взаимоотношений матери и дочери на новую, «взрослую» стадию, включающую

в себя «профессиональную» близость двух филологов: «Милая мамочка! Поздравляю тебя с днем ангела и желаю тебе всего, всего хорошего! Когда же будет литературное письмо? Напиши мне все о Гумилеве, твои мысли о нем, что вообще важно знать о творческом пути писателя: я взяла реферат: “Переход Гумилева от символизма к акмеизму”. Мне осталось три зачета и реферат — до окончания. К концу сентября я думаю кончить — целое лето пропало, сдала 12 зачетов от 10 мая, это, по моему мнению, слишком много и теперь с трудом берусь за три оставшихся. В пятницу сдаю новейший курс русской литературы преподавателю, который меня отлично знает, я не пропустила ни одной его лекции и который мне ужасно нравится, он очень интересный человек — страшный урод, худой, тощий, длинный, уши торчат, нос — я никогда не видела такого огромного, <1 нрзб.>, без бровей, только глаза у него очень большие, голубые-голубые и живые такие, и рот с подбородком очень кривые, пока он молчит, они кривятся, но когда начинает говорить, так забываешь и об его уродстве, так он непреодолимо интересным делается. Дар слова у него необыкновенный, на какую хочешь тему и замечательно хорошо. Он у нас в Киеве сильнейший представитель формального метода (школа Веселовского — Жирмунского), правда, связывает его с социологическим. Читал он у нас курс поэтики. Я ее уже сдала — брала сравнение и разбирала его со стороны формы. Это одни из самых интересных лекций. Ударить в грязь лицом перед ним стыдно. Я уже миллион книг прочла, все боюсь <1 нрзб.>. Пиши. Целую. Наташа» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 687. Л. 1—1 об.). О взаимоотношениях Наташи Ремизовой с родителями также см.: Грачева А. М. Семейное табу А. М. и С. П. Ремизовых: реалии и отражения // «Неканоническая эстетика. Тверь: [Б. и.], 2020. Вып. 7: Все запреты мира: Табу в литературе и искусстве. С. 86—95.

С. 84. *Сажелка* — искусственный водоем, небольшой пруд.

С. 85. *Осокорь* — дерево из рода тополь семейства ивовые (черный тополь). Осокори росли у дома родителей СП в с. Берестовец. Ср. название воспоминаний брата СП — Сергея — о своей семье: Довгелло С. П. «Три осокоря» / вступ. заметка, подгот. текста и коммент. В. Н. Быстрова // *РЛ*. 2019. № 4. С. 134—141.

Нарисована картина над воротами ~ Эту картину нарисовал Рёрих. — Тематика сна 1925 г. навеяна восприятием религиозно-мистических концепций Н. Рериха, отразившихся в его картинах, публицистике и литературных произведениях. В 1923—1928 гг. Рерих предпринял Центрально-Азиатскую экспедицию, в том числе посетил Лхасу (Тибет) для дипломатических переговоров с Далай-ламой XII. В период экспедиции в 1924—1925 гг. он написал серию из 19 картин под общим названием «Знамена Востока». На полотнах изображены Вели-

кие Учителя человечества — основатели религий, подвижники, философы. В парижской библиотеке Ремизова была книга о Рерихе: *The Messenger (Roerich's paintings)*. Adyar: Brachmavidyashrama, Vasanta Press, 1925. 98 p. (ныне: *ГЛМ*. КП 60086/157).

С. 87. *Были англичанки...* — См.: *Книга I*. Комментар. к с. 15.

С. 88. *Как тяжело жить ~ А самое главное здешним бешеным собакам.* — Имеется в виду письмо СП к Гиппиус от 5 октября 1924 г. Ср. с источником: «Как тяжело жить, когда нельзя высказать того, что возмущает всю душу. Если бы можно было, я бы всем все сказала. Ничуть не жалею о своем письме к З. Н. Гиппиус, — наоборот, есть удовлетворение, потому что высказала, что накопилось. Вот я бы с радостью громко высказала <1 сл. заштрих.>, что они — сплетники, что поссорили нас с <1 сл. заштрих.>, а теперь с <1 сл. заштрих.>. И еще высказала бы <Шестову — сл. заштрих.>, что он от мещанства, и что нельзя так — все путать, обо всех и никому ничего. Еще высказала бы <1 сл. нрзб.>. А самое главное здешним бешеным собакам» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 4—4 об.).

Мне было легче переносить все безобразии этой эмигрантской жизни, к<отор>ую я называю «на каторге»... — Ср. подзаголовок романа Ремизова о русской эмиграции 1930-х гг.: «Учитель музыки. Каторжная идиллия».

«*Русская мысль*» (М., 1880—1918; София, 1921; Прага, 1922; Берлин, 1922; Берлин, Прага, 1922—1924; Париж, 1927) — ежемесячный научный, литературный и политический журнал. Основан В. М. Лавровым. Гл. ред.: С. А. Юрьев (1880—1885); В. А. Гольцев (1885—1906); П. Б. Струве (1907—1917). Закрыт большевиками в 1918 г. Возобновлен в 1921 г. (гл. ред. — П. Б. Струве).

С. 89. «*Летопись*» (Пг., 1915—1917) — ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Изд. — А. Н. Тихонов. Один из основателей журнала — Максим Горький.

С. 90. *С нами едет А. А. Блок...* — Об отражении образа Блока в произведении СПР-Д подробнее см.: *Грачева А. М.* Александр Блок в неизданной книге Алексея Ремизова «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>» // *РЛ*. 2021, № 3. С. 119—127.

С. 91. *А эти старухи, будто Бог с Авраамом.* — Отсылка к истории библейского патриарха Авраама, которому Бог обещал, что произведет от него великий народ (Быт. 12: 1—3).

С. 92. *А К. — это то отвратительное, что теперь пришло в Россию...* — Имеется в виду С. Е. Киреев.

...Россия жива, «не погибла», и никаким «снегом ее не заметало»... — Ср. в книге «Взвихренная Русь»: «Еще при Керенском, когда одни стали «углублять» революцию, а другие каркать, что с революцией

“Россия погибнет”, Гусев как-то сказал Насте, что если она такое услышит, пусть всем говорит, что не погибнет Россия, “потому что есть Пушкин, Лев Толстой, Достоевский”. Насте легче всего дался Пушкин, Толстого она забывала, а над Достоевским мучилась, припоминая; но в конце концов одолела. — “Почему, Настя, не погибнет Россия?” А она станет, закатит глаза: “Пушкин, скажет, эхэ Лев Толстой, эхэ Достоевский”» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 300—301*). Также в тексте дана скрытая отсылка к тексту русского эмигрантского романа «Замело тебя снегом, Россия...» («Галлиполийский гимн») (1918). Авторы: слов — поэт Филарет Иванович Чернов (1878—1940), музыки — Константин Карлович Штакельберг (1848—1925). Романс приобрел популярность в 1920-е гг. после включения его в свой репертуар певицей Надеждой Плевицкой.

...это касалось ~ «живой жизни». — Отсылка к популярному в начале XX в. концепту русской культуры — восходящему к философской концепции Л. Н. Толстого утверждению о превалировании естественных («живых») ценностей над головными теориями. Название заимствовано из книги В. В. Вересаева «Живая жизнь» (1910).

С. 93. Сон ~ Вл<адимиру> Вас<ильевичу> Диксону — Источник текста — письмо *СП* В. В. Диксону от 11 апреля 1926 г.: «Владимир Васильевич, мне сегодня ночью сон такой снился яркий, будто и не сон: наша церковь в имени нашем, Пасха, поют Христос Воскресе, рассветает, птичка летает и чирикает, я иду с няней моей, она говорит: «На солнышко взгляни, как оно играет». Я вижу, нищий стоит в лохмотьях, я ему хочу дать кулич и яйцо красное, вглядываюсь, а это — Вы, только все лицо избородили морщины, по глазам узнала. Я проснулась в ужасе и уже не могла спать. И подумала так, я не из тех, кто за 3 недели может успокоиться, все равно у меня уже полной радости не будет в эту Пасху, все равно я буду знать и помнить то, что допускаете на 1-й День, и еще меня кошмары будут мучить, будто я Вас лишаю самого для меня важного. Поэтому я Вам пишу, чтобы сказать: если Вы хотите, то приходите и в пятницу, и в четверг, и на Ночь, когда Вы приедете и хотите, только известите. Я Вас пускаю с собою в церковь. С.» (*Ремизова-Довгелло С. П. Письмо В. В. Диксону. 11 апреля 1926 г. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1099. 2 л.*). Письмо *СП* было вложено Ремизовым в отдельную бумажную обложку с надписью: «11 апреля 1926 / Paris / С. П. Ремизова и ответ Вл. В. Диксона» (Там же. Л. 2). В составе этого ремизовского мини-конволюта находилось ответное письмо (стихотворение) Диксона: «Встал я в сумраке мерцающем, / Встал с протянутой рукой / Нищим старым и страдающим, / У ограды храмовой. / На заре порой пасхальную / Будет солнышко играть. / Снизойдут на жизнь печальную / Тишина и благодать. / Выйдут люди, выйдут весело / Будут петь: Христос Воскрес. / Для ме-

ня — тоска завесила / тайну радостных чудес. / Няня с девочкой не-здешнею / На пути моем пройдут — / Ласку сердца в утро вешнее / Ради Бога подадут» (Диксон В. В. «Встал я в сумраке мерцающем...» Стих. Автограф. 17.X.<19>26. // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1290. 1 л.). На автографе стихотворного ответа — помета Ремизова о публикации текста: «Листья. 1927. Стр. 26». Примечательно, что в процессе работы над *Книгой I* Ремизов изъял данное письмо *СП* из комплекса ее писем к Диксону, собранных им в одну тетрадь. Вместе с другими рукописями умершего поэта они находились в архиве Ремизова и оказались в той его части, которая была увезена К. И. Солнцевым в США. Ныне письма *СП* Диксону хранятся в Амхерсте отдельно от архива Ремизова, в составе выделенного личного архива поэта (The Amherst Center for Russian Culture (ACRC). Vladimir Dixon papers).

С. 93. «Христос воскрес» — пасхальное песнопение.

VI.

С. 94. ...в старом доме... — Имеется в виду господский дом в с. Берстовец, где жили предки *СП*. Этот дом сгорел задолго до революции 1917 г. См. его романтизированное описание в романе «В розовом блеске» (часть «Оля», раздел «В поле блакитном», гл. «Дом с белыми башнями»): «Богат Ильменевский дом, белыми башнями глядит он на просторные поля в широкую степь, пышно дедовское убранство — почерневшее серебро и тусклое золото, дорогой бархат и бесшумные рытые ковры, поблекшие амуры и цветы на потолке, тяжелые люстры, зеркала, старые портреты в гостиной, в диванных, в портретной — крепки стены, и земля под ними крепка — насыщенное место, а узорные бронзовые часы на камине, не уставая, вот уже века, отбивают звонко минуты» (*В розовом блеске-Росток-XV*. С. 10).

VII.

В болезнь
1925.20.XII — 1926.12.1
Paris

1-й Никейский Собор — собор Церкви, созванный римским императором Константином I в городе Никея в июне 325 г. Продолжался более двух месяцев и стал Первым Вселенским собором в истории христианства. На соборе был принят Никейский символ веры, окончательно провозглашено отделение от иудаизма, определено время празднования христианской церковью Пасхи, праздничным днем признано воскресенье, выработано двадцать канонов, осуждена арианская ересь.

С. 97. «Честнѣйшую херувимъ / И славнѣйшу безъ сравненія серафимъ...» — слова из текста церковного песнопения «Достойно есть».

Quai — набережная (фр.).

...*один огромный, как Мансветов...* — Отражение в сно-форме воспоминания о внешности С. Ф. Мансветова. См.: «Внушительный облик вязовского поповича рисует в своих воспоминаниях его одноклассник Михаил Шмукцер: “На силомере, появившемся в гимназическом зале, я, пятнадцатилетний мальчишка, вытянул 15 пудов (245,7 кг). Столько же выжал и другой ученик пятого класса Федор Мансветов из села Вязовка Вольского уезда. Он поступил в пятый класс. Великан ростом, он всегда нагибался перед учителями, выше которых был на голову”. Высокий рост и физическая сила Федора Мансветова найдут отражение в документах охранного отделения, в которых он будет проходить под кличкой “Великан”» (*Воробьев М., прот., Мансветова Е. Г.* История одного поповича: Материалы к биографии Ф. С. Мансветова) // Труды Санкт-Петербургской духовной семинарии. 2017. Вып. 11. С. 187–188).

Hôtel de Ville — ратуша (фр.).

С. 98. ...*жены Турки — Тотеша...* — И. А. Тотеш — знакомый Ремизова со времени пребывания писателя в Херсоне в 1903 г., сын херсонского винооторговца, учился в Санкт-Петербургском университете. Прототип главного героя рассказа Ремизова «Галстук» (1911). Упоминается также в книге «Взвихренная Русь» (глава «Турка»). Подробнее см.: *Оказион-РК III*. С. 657–658; *Взвихренная Русь-РК V*. С. 61–66; *Зга-Росток XI*. С. 666.

Дом Литераторов — организация взаимопомощи литераторов. Во главе стоял Комитет в составе: Н. А. Котляревский (председатель), А. А. Ахматова, А. А. Блок, Ф. Ф. Зелинский, А. Кауфман, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, Б. М. Эйхенбаум. и др. В Петрограде (адрес: ул. Некрасова, дом 11) существовал с 1 декабря 1918 по ноябрь 1922 г. См. подробнее: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918–1922) // *РЛ*. 1971. № 1. С. 125–134; *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография* / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг.; Т. 1, ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. (см. по указ.).

«*Дни*» (Берлин, 1922–1925; Париж, 1925–1928) — еженедельная газета. Ред.: А. В. Милашевский (1922–1923); М. М. Тер-Погосян (1923–1927); А. Ф. Керенский (1927–1928).

Козак — казак (укр.).

«*Козак молодой*» — цитата из донской казачьей песни «По Дону гуляет казак молодой...», созданной на основе баллады Д. П. Ознобишина «Чудная бандура» (1835).

С. 99. *Вот могила Блока.* — В 1921 г. А. А. Блок был похоронен в Петрограде (ныне Санкт-Петербург), на Смоленском православном кладбище. См. эссе Ремизова «Из огненной России»: «Это хорошо, что на Смоленском — и проще и несуетно — и никто-то вас не тронет, не позарится на вашу домовину, и Горького не надо просить, беспокоить» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 325). В 1944 г. прах Блока был перенесен на северо-восточную часть Волковского (Волкова) православного кладбища, в некрополь «Литераторские мостки».

С. 101. *...подает мне огромную книгу в кожаном переплете, как Четьи-Минеи...* — Четьи-Минеи — сборники, содержащие тексты житийного и поучительного характера, изложенные по порядку месяцев и дней каждого месяца. В середине XVI в. созданы Великие Минеи Четьи митрополита Макария. В конце XVII в. свт. Димитрий Ростовский составил Четьи-Минеи, которые в дальнейшем неоднократно переиздавались в виде четырех томов книг объема in folio.

VIII. Из дневника 1926

VIII / ИЗ ДНЕВНИКА — Источник текстов раздела: *Ремизова-Довгелло С. П.* Дневниковые записи. 1926, 1930, 1933. Автограф. Пометы Ремизова // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1073. 27 л.

...поеду в Виши. — В июне 1926 г. *СП* ездила на курорт в Виши для лечения болезни печени.

С. 102. *Сегодня здесь 1-й день. Мне приятно, что я весь день молчу. Только очень беспокоюсь о А<лексее> М<ихайловиче>.* — Ср. с источником: «Сегодня здесь 1-й день. Мне приятно, что я весь день молчу. Только очень беспокоюсь о А<лексее>» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1073. Л. 2).

С. 103. *Зачем я издаю эту книгу? ~ и обрадовать.]* — Скомпилированный Ремизовым текст двух вариантов написанного *СП* предисловия к книге В. Диксона «Листья» (Paris, 1927), которое так и не было опубликовано. Вариант первый: «Зачем я издаю эту книгу? Я хочу закрепить тот свет, который я нашел — Вера во Христа и Любовь и жалость к России. И Вера, что Христос спасет Россию. Я не одинок, я только поднимаю свой голос и, как умею, выражаю то, чем живут те, кто со мною. Я знаю, что всю жизнь можно выразить полнее и лучше, чем маленькой слабой книгой. Это попытка. / Меня не тронет осуждение, равно как и похвала, потому что ни в одном из существующих критиков и не критиков, пишущих о книгах в журналы, я не вижу искания Правды — в жизни и даже в литературе, а только критика во имя Правды может и научить, и больно отозваться, и обрадовать»

(ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1073. Л. 4–5). Вариант второй: «Зачем я издаю эту книгу? / Я хочу закрепить тот свет, который я увидел. Я не одинок, я только поднимаю голос и, как умею, выражаю то, чем живу я и чем живут те, кто со мною. В настоящее время каждое слово о настоящем — уже не напрасно. Думать, что я сказал **настоящее слово** — слишком много. Я говорю только о настоящем. Чем же мы живем и о чем, о каком настоящем думаем? / Вера во Христа, любовь к России и вера, что Христос спасет Россию. / Меня не тронет ни похвала, ни осуждение в печати. Потому что я не знаю в настоящее время никого, кто бы критиковал во имя Правды, а только та критика может и научить, и огорчить. / Мне важно мнение тех нескольких не-критиков, которым я верю» (Там же. Л. 6–7).

С. 104. *Очень я тревожусь о Наталье Васильевне [Григорьевой] и о своих альбомах [палеографических] и архиве [Берестовецком].* — Источник — дневниковая запись СП от 25 сентября 1926 г. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1073. Л. 7 об.). Вследствие введенных новыми властями ограничений по вывозу ценностей, и в частности документов, за пределы Советской России Ремизов при своем отъезде за границу 5 августа 1921 г. был вынужден оставить часть рукописей и книг в Петрограде, чтобы потом вывезти их за границу при помощи посредников. В дальнейшем писатель сумел получить оставленное в России в несколько этапов. Так, часть рукописей была сокрыта в дипломатическом багаже возвращавшегося домой бывшего председателя Эстонской контрольной комиссии А. Г. Орга и отобрана у него при пересечении границы (см. подробнее: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* 2016. Vol. 4. P. 42–75; *Обатнина Е.* Вариации памяти // *Кукха.* С. 252–253; Переписка К. А. Федина и А. М. Ремизова / вступ. ст., подгот. текста, коммент. А. М. Грачевой // *Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века.* М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2. С. 5–28). С большим трудом задержанное было возвращено Ремизову в 1922 и в 1923 гг. В 1926 г. книги — палеографические альбомы фотографий рукописей, профессионально необходимых СП, и копии части семейных документов из «Берестовецкого архива», привезенные Ремизовым из имения ее родственников в 1910-е гг. для работы над монументальным проектом — произведением «Россия в письменах», оставались в Петрограде у близкой знакомой Ремизовых периода 1918–1921 гг. Н. В. Григорьевой. По lapидарной характеристике Ремизова, она была «член “Петросовета” от пищиков (1918–1921) / беспартийная» (Угол обезьяньих вельмож // *ИРЛИ.* Ф. 256. Оп. 1. Ед хр. 54. Л. 14). В дальнейшем копии материалов «Берестовецкого архива» были возвращены Ремизову через посредников и использованы в романе «В розовом блеске» (часть

«Черная немочь. Из Берестовецкого архива Довгелло»). Предваряя публикацию этих документов, Ремизов писал: «Я ничего не знаю о судьбе Берестовецкого Архива: погиб он с книгами в революцию от пожара или растащили? То, что случайно было в наших руках, хранится в Москве в Румянцевском музее, переплетено в книгу, но это не королевские и царские грамоты, те из Берестовца не выходили, а всякие копии: конечно, для археолога нет вещей незначительных, но все-таки, документы второстепенные. Кое-что удалось списать еще в мирное время и вот довести до Парижа. Из большого собрания писем всего одиннадцать, да и то одно без начала, и несколько листков из дневника П. И. Довгелло, отца С. П-ны» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 589—590). См.: Документы из семейного архива Ремизовой-Довгелло С. П. Писарская копия. На л. 2 запись А. М. Ремизова. <1746—1819>; «23 июня 1948» // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1298. 48 л.; Листки из дневника Довгелло П. И., отца Ремизовой-Довгелло С. П. Автограф. «21 августа 1881», <1880-е> // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1299. 4 л. Друзья писателя неоднократно предпринимали попытки переправить Ремизовым палеографические альбомы. См. письмо Ремизову его друга, С. Я. Осипова, работавшего в советском торговом представительстве в Берлине, от 15 февраля 1924 г.: «Много раздумывал, как бы теперь можно выручить из Петрограда Ваши книги и палеографические материалы для Серафимы Павловны, но ничего не мог придумать хорошего. На службе у меня знакомых мало. Из них никто в ближайшее время в Петроград не едет. Остается возможность — выслать по почте, но не знаю, решитесь ли Вы на этот риск» (*Amherst*. Вох. 3. Ф. 3. № 33). См. также его открытку Ремизову 1924 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, об археологических альбомах я Вам написал из Ревеля, на обратном пути, сообщил, что в последний момент выяснилось, что без разрешения вести их рискованно» (*Amherst*. Вох. 3. Ф. 13. № 36). В 1925 г. книги (палеографические альбомы) были переданы поэтессе М. М. Шкапской (см. письмо Осипова 1925 г. // *Amherst*. Вох. 3. Ф. 15. № 39), однако та так и не смогла отправить их за границу. В итоге в Париже *СП* пришлось разыскивать и заново покупать издания, необходимые ей для преподавания в Сорбонне курса славяно-русской палеографии.

С. 104. о. Иоанн. — Перед содержащим данный текст листом *Книги I* вклеен отдельный двойной лист из тетради. На первой странице листа Ремизовым переписано стихотворение Д. Шаховского «Стансы чистилища дружбы»:

«Костры и лес. И тленно мы идем.
Разлуку близкую и нежит и тревожит
Разлуку совершённую, быть может —
Холодный шум, не смешанный с огнем.

Разлуку слов. Немноговодных рек,
И берегов почти нерассказанных...
Мы отошли от жизни слишком рано,
Не полюбившие ее навек.

Как и твоя любовь, любовь моя
Идет меж нами брэнною границей,
И реют полуогненные птицы
В лесу холодном полубытия.
Кн. Д. А. Шаховской»

На второй странице вклеенного тетрадного листа находится фотография Д. А. Шаховского с его автографом: «Генуя 1920». На обложке фотографии дарственная надпись: «Дорогой Серафиме Павловне — портрет моей молодости. Шаховской. Брюссель — июнь 1926».

Была в Подворье у всенощной. — Имеется в виду Сергиевское подворье (фр. Paroisse Saint Serge) — православный приход и культурный центр в Париже (93, rue de Crimée), ныне находящийся в ведении Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе Русской православной церкви. На втором этаже здания подворья находится храм в память св. прп. Сергия Радонежского (освящен в 1925 г.).

С. 105. *Цветаева повесилась в Москве в 1941 г. в августе...* — 31 августа 1941 г. М. И. Цветаева покончила жизнь самоубийством (повесилась) в Елабуге, в доме, куда вместе с сыном была определена на постой.

...Богатырев — исследователь подкарпатских сказок, д<олжно> б<ыть>, в Праге, а может, в России. — П. Г. Богатырев в 1922—1939 гг. работал референтом и переводчиком в советском полпредстве в Чехословакии, а также преподавал в Братиславском университете. В 1940 г. после расчленения Чехословакии вернулся в СССР. Ремизов пользовался материалами и советами фольклориста при работе над сказочным циклом, см.: *Ремизов А. Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П. Г. Богатырева (ПН. 1924. № 1418, 7 дек. С. 2; там же. 1924. № 1433, 25 дек. С. 2; Полуночное солнце-Росток XVI. С. 574—579 (коммент. В. Н. Быстрова))*.

IX.

Из дневника 1930—1931—1932

С. 106. *...жил он с «американкой»...* — См.: *Книга I. Коммент.* к с. 61.

С. 107. *...езде, где он говорит о «родной» душе, это всегда ко мне [Стихи].* — Сборник стихов и прозы В. Диксона «Листья» (Париж, 1927) имел посвящение СП.

Х.
Из дневника
1933

С. 110. ...теперь я вдруг вспомнила Варю Пугач («Оля» III «С горбом»). — Не установлено, прототипом какой героини главы «С горбом» («В розовом блеске») является Варя Пугач.

Как я рада, что мы живем не в Булони. ~ такая даль от всего... — См. воспоминания Резниковой: «Ремизовы недолго прожили в Булони — в 1935 году они перебрались на свою последнюю квартиру на улице Буало» (Резникова 2013. С. 138).

С. 112. ...привезла ему письмо от какого-то его товарища по технологическому... — Имеется в виду выпускник Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology), который закончил Диксон.

А потом через некоторое время он поехал на неделю в St. Tropez, и туда она явилась. Там-то и произошло. — См. изложение развития отношений между Владимиром Диксоном и Ванитой Вагнер в статье Е. Дубровиной, работавшей с материалами личного архива В. Диксона (The Amherst Center for Russian Culture (ACRC). Vladimir Dixon papers): «Ванита обладала музыкальными способностями и до переезда семьи в Нью-Йорк училась в местной консерватории. В Париж она приехала с семьей для продолжения музыкального образования. Встреча с молодым, талантливым и многообещающим юношей полностью изменила жизнь обоих. Миловидная, хорошо образованная, сведущая как в музыке, так и в литературе, Ванита сразу же завладела чувствами Владимира <...> Он почти каждый день пишет Ваните, и из письма в письмо он признается ей в своих чувствах: “Единственно, о чем я могу тебе честно писать, это то, что я страстно люблю тебя... У тебя уже накопилась огромная коллекция моих писем. Если все мои письма к тебе положить рядом — то они достигнут Освего от Сен-Тропе. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ”... (Письмо от 12 марта 1925 года). <...> “И странно об этом говорить — но я самый несчастный человек на земле, и все же я никогда в жизни не был так счастлив. И ты всему причиной. Но ради Бога, давай поженимся как можно быстрее!” — пишет Владимир своей невесте 12 марта 1925 года из города Реймс <...> Вопреки желаниям родителей — как Ваниты, так и Владимира, — 10 июня 1925 года молодая пара заключила брак» (Дубровина Е. «Я странником пришел на краткий час...»: Поэт Владимир Диксон (1900–1929). Письма, стихи / НЖ. 2022. Март. № 306. С. 234–235).

С. 113. *Ganz ausgeschlossen* — полностью исключено (нем.).

С. 114. «*Реприз*» (фр. reprise) — возобновление, возврат.

ПЕТЕРБУРГ 1907–1909

С. 116. *Ходила по городу, была у Бердяевых, очень мне плохо.* — Источник: Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1907. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1046. 1 л.

Мне и уезжать жалко... — Речь идет о поездке СП к родным в имение, расположенное рядом с селом Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губернии, с целью навестить оставленную там дочь Наташу.

Когда С. П. говорила докторам, что ее болезнь, как у ее деда... — В романе «В розовом блеске», в разделе, содержащем тексты писем родных СП и названном «Черная немочь. Из Берестовецкого архива Довгелло», Ремизов писал: «в Петербург Аф. Ив. Довгелло о болезни Ивана Михайловича, деда С. П-ы, 1843. Письмо Анны Ефимовны Довгелло (Ковалевской), бабушки С. П-ны, с описанием “скорби душевной” Ивана Михайловича. Ее письмо С. П. часто читала докторам, говоря, что у нее та же болезнь — “которую выпользовать не можно”. <...> И письмо старшей тетки С. П-ны Марьи Ивановны Довгелло (потом замужем за Федором Степановичем Отрадой) о “папенькиной болезни” и как его “потаскали насильно из Берестовца в Борзну, 15 верст. Иван Михайлович вскоре, — в мае 1843 г. в припадке «черной меланхолии» зарезался» (В розовом блеске-Росток XV. С. 590). *Черная немочь* — старинное русское название эпилепсии. У СП этой болезни не было.

О ее деде бабушка пишет сыну... — В тексте цитируются письма: А. Е. Довгелло — сыну Афанасию (апрель 1842 г.); М. И. Довгелло — брату (апрель 1842 г.) (В розовом блеске-Росток XV. С. 594–595).

С. 117. *Запись С. П. очень важная, как и следующая, для ее состояния «За зеленой оградой».* — Отсылка к понятию, раскрытому в романе «В розовом блеске», в разделе «За зеленой оградой». Ремизов осмысляет жизнь «Оли» (СП) как результат нарушения ею своего мистического предначертания. Она не должна была иметь судьбу земной женщины (замужество и рождение ребенка), а была призвана быть одной из девственных богинь, тех, которые в трагедии Гёте «Фауст» символически названы Матерями и которые живут в своем особом мире, отделенном от людского особой границей — «зеленой оградой». Осознание «Олей» (СП) того, что она нарушила запрет — вышла за пределы своего сакрального пространства в реальный мир, — согласно трактовке Ремизова, способствовало возникновению у нее нестихающей тоски по утраченному: «Оля — последняя из матерей великомогучих Задор. И “силы природы” <...> заботливые лесавки — они в своем зеленом кругу, судьбой открытым для Оли, слышат ее го-

лос — этот голос им внятен — и вышли в заповедную рощу строить зеленую колыбель. <...> Оля, переступив за заповеданное ей, превратилась в Серафиму Павловну» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 502, 510). См. также ремизовское толкование семантики антагонизма двух миров: «Моя жизнь шла кувырком, но я свой за зеленой оградой, а она только через меня сюда, и вся жизнь ее была пронизана горечью жить у чужих. И когда со слезами просила она отпустить ее — вся душа ее изнывала, так из неволи рвется человек, а она из-за зеленой ограды, я давно все понимал, да не вернешь! И куда отпустить — на погибель?» (Там же. С. 511). Е. Р. Обатнина отметила, что текстуально источник словосочетания «зеленая ограда» (отмечено в ее коммент. к «В розовом блеске») восходит к тексту популярного романа (муз. А. Балабанова, слова С. Я. Надсона) «В тени задумчивого сада...»: «В тени задумчивого сада, / Где по обрыву, над рекой, / Ползет зеленая ограда, / Кустов акации густой <...> / В прозрачных сумерках мелькает / Твой образ стройный и живой. <...> / Прощай, — до нового свиданья / И новых песен на заре!» (Там же. С. 754).

С. 117. *Бердяевы жили в Петербурге в Басковом пер<еулке>, где была раньше редакция «Нового Пути» (1904 г.) и начала «Вопросов жизни» (1905 г.), а раньше при «Новом Пути» Г. И. Чулков жил (†)... — «Новый путь»* (СПб., 1903—1904) — общественно-политический, литературный журнал. Гл. ред. и изд. — П. П. Перцов; с № 6 он же и Д. В. Философов; с № 7 — ред., с № 12 изд. — Д. В. Философов. Адрес редакции с июля 1904 г.: Саперный переулоч, 10. «Вопросы жизни» (СПб., 1905) — ежемесячный литературно-общественный журнал. Ред.-изд. — Н. О. Лосский, с № 6 — Д. Е. Жуковский. Адрес редакции: Саперный переулоч, дом 10. В 1905—1907 гг. Бердяев жил по адресу: Саперный переулоч, дом 10. Г. И. Чулков был секретарем редакции ж. «Новый путь», затем — секретарем редакции и фактически заведующим литературным отделом ж. «Вопросы жизни». В 1905 г. он жил по адресу: Саперный переулоч, дом 10, кв. 55. См. воспоминания Чулкова: «Как человека я знаю А. М. Ремизова довольно хорошо. Нам довелось с ним жить в одной квартире в 1905 году, когда я принимал близкое участие в журнале “Вопросы жизни”, а он был в этом журнале секретарем. Я прекрасно помню его комнату, столь жарко натопленную, что не всякий мог вынести такую ремизовскую температуру. На стенах висели кусочки парчи и старых шелковых тканей, пропитанные пряными и душистыми духами. На полочках торчали всевозможные кустарные игрушки» (*Чулков Г. И. Годы странствий*. М.: Эллис Лак, 1999. С. 184). См. также воспоминания Ремизова: «В 1905-м году министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский разрешил нам въезд в Петербург. В Петербурге начинался толстый журнал “Вопросы жизни” <...> “По протекции” Льва Исааковича Шестова и самого

Николая Александровича [Бердяева. — *Ред.*] <...> я получил место заведующего конторой. При редакции нам две комнаты: в угловой Серафима Павловна с Наташей, а тут я ючусь, и тут обедаем, и чай пьем, и Наташу купаем» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 502—503). См. также подробнее: Максимов Д. «Новый Путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 129—254; *Корецкая И. В.* «Новый Путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890—1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 179—233; *Лавров А. В.* К истории журнала «Новый Путь»: официальные документы // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 351—362. (Научное приложение; Вып. 139).

С. 117—118. «Трансцендентальное сознание, психологическое сознание. — Развитие человека — цель и результат социальной жизни». — Выписки из книги Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901). См. источник текста: *Ремизова-Довгелло С. П.* Из Бердяева Н. А. (мысли). <1900>. Автограф. Помета Ремизова // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1047. 3 л.*

С. 118. *Эти выписки относятся к Усть-Сысольску или к Сольвычегодску, со мной «За зеленой оградой» С. П. таким «самообразованием» больше не занималась.* — В 1900 г. *СП* была выслана на три года в Вологодскую губернию (Усть-Сысольск — Сольвычегодск — Вологда). В 1902 г. в Вологде *СП* и Ремизов стали жить вместе, с чем писатель и связывает ее переход «за зеленую ограду».

Кеннан — это описание сыльных в Сибири... — См.: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка: В 2-х ч. СПб., 1906. В книге Кеннана критиковалось царское правительство и прославлялись борцы с самодержавием.

Мне очень тяжело жить потому... — Источник: Ремизова-Довгелло С. П. Записка. <1907, 1909>. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1049. 1 л.*

С. 119. 3. Пасха — Источник текста: *Ремизова-Довгелло С. П.* Пасха. <1907—1908>. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1048. 1 л.*

Впервые поминается «Оля», даже «Ольга Александровна», когда еще не затевалась никакая «Олина книга». — Ремизов отметил первую фиксацию в автобиографической заметке «Пасха» использования имени «Оля», которое сама для себя придумала *СП*.

С. 119—120. *Хочу написать тебе о себе — во всех видела людей, желающих мне добра.* — Ср. с источником текста — записью *СП*: «Хочу написать тебе о себе, чтобы тебе было легче жить от моих уроков, потому что жизнь — жуткая и страшная. Хочу написать тебе о тех, кто любил меня, и о тех, кто не любил меня, но вставал на дороге и делал

жизнь еще жутче. Теперь так мало я верю людям и только Богу верю, а когда-то, когда вступила в жизнь, когда приехала в этот город, ставший навеки моим отцом и моей матерью, когда приехала в Петербург — я всем верила, я во всех подозревала хороших людей, желающих мне добра» (*Ремизова-Довгелло С. П.* Записи. <Санкт-Петербург. 1909>. Автограф // *ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1050. Л. 1).

С. 120. ...когда девочку отвезла к своим родственникам. — В начале 1906 г. вследствие тяжелого материального положения Ремизовы были вынуждены оставить свою дочь Наташу у родных *СП* в имении Берестовец. В дальнейшем родственники так и не отдали девочку родителям (об истории расставания с дочерью см.: *В розовом блеске-Росток XV.* С. 501—506. См. также: *Бунич-Ремизов (1).* С. 267—277). Источник текста: *Ремизова-Довгелло С. П.* Записи. <1909>. Автограф // *ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1050. Л. 2—3.

В Археологический институт поступила, чтобы поменьше дела было. — После возвращения с семьей в Петербург *СП* думала о получении нового дополнительного образования. См. ее письмо В. И. Иванову (март 1909 г.): «Вот уже пять лет, с тех пор как я вышла замуж, я тоскую о проявлении себя. <...> Мне стыдно поступать на историко-филологический факультет, имея диплом об окончании этого факультета <...> Что же мне делать? Мне остается одно: поступить на естественный факультет и хоть на этом факультете действительно заниматься наукой» (Переписка Алексея Ремизова и Вяч. Иванова / подгот. текстов писем Ремизова, вступ. ст. и коммент. А. М. Грачевой; подгот. текстов писем Иванова О. А. Кузнецовой // Вяч. Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 80—81). В 1910 г. *СП* поступила учиться в Императорский Санкт-Петербургский археологический институт по специальности «русская палеография» и окончила его в 1912 г., получив диплом и звание действительного члена Императорского Археологического института. См. подробнее: *Грачева 2000.* С. 73—78.

С. 121. *Вот из дневника 1919 г. ~ мама больше всех его любила.* — Точная выписка отрывка из утраченного Дневника *СП* (запись от 20/7 июня 1919 г.), выборочно переписанного Ремизовым в 1926 г. в качестве подготовительного материала для романа «Взвихренная Русь» (*Ремизов А. М.* Manuscript for typesetting of part II with editorial corrections [Наборная рукопись II части с редакторскими пометами]. 1926 // *Amherst.* Series 1. Box 16. F. 28). Мать *СП* — А. Н. Довгелло — скончалась в 1917 г. Ее брат — С. П. Довгелло — умер в 1919 г. от сыпного тифа.

«Как я видела кого в последний раз, кого уже никогда не увижу»... — Отсылка Ремизова к тексту: *Ремизова-Довгелло С. П.* Воспоминания о последних встречах с родителями, бабушкой, а также с Блоком А. А.,

Савинковым Б. В., Чеховым А. П., Розановым В. В. и др. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1068. 14 л.

...это то, что я называю «за зеленой оградой»... — См.: Книга I. Комментар. к с. 117.

С. 122. ...рисовала в Париже 1911 г. Маргарита Васильевна Сабашникова, хранится в Петербурге. — Ныне местонахождение оставленного в Петрограде портрета СП работы М. В. Сабашниковой неизвестно.

Это я тебе пишу свои записки... — Источник текста: Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи (о матери). <Петербург. 1909>. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1052. 1 л.

С. 123. *Будто я и ты пошли на Бестужевские Курсы, которые я кончила три года тому назад. ~ она упала и об стулья ударилась.* — Ср. с источником текста — записью СП: «Будто я и ты пошли на курсы, которые я кончила три года тому назад. ~ она упала и об стулья треснулась» (Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. <Санкт-Петербург. 1909> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1051. 1 л.). См. также в романе «В розовом блеске»: «Серафима Павловна <...> тайком она уехала в Петербург и поступила на Бестужевские Высшие Женские Курсы? И начинается самая счастливая ее жизнь: наука и “революция”. Конец — окончание Курсов, одиннадцать месяцев одиночной тюрьмы, и ссылка на три года в Вологодской губернии» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 585—586*). *Бестужевские курсы* — Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (ВЖК; 1878—1918). Первый директор — историк, академик К. Н. Бестужев-Рюмин. Курс обучения — 4 года, преподавание — по университетской программе. С 1885 г. адрес: 10-я линия Васильевского острова, д. 31—35.

С. 124. *Русский Музей Императора Александра III (1895—1917), с 1917 г. по настоящее время — Государственный Русский музей — крупнейшее в мире собрание русского искусства. Основан в Санкт-Петербурге в 1895 г. императором Николаем II. Адрес: Инженерная ул., дом 4.*

...среди них К<азимир> Л<юдвигович> ~ на голове жемчужное украшение. — Главный образ сно-формы — скончавшийся в 1902 г. знакомый СП — К. Л. Тышка. По народным славянским поверьям, видеть во сне венчик на лбу покойного — к смерти, жемчуг — к слезам и огорчению.

КНИГА II

Ремизов А. М. Дневниковые записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга II. Санкт-Петербург,

Берлин, Париж, 1908—1937; 1945, апрель. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 288, 55 + 1 л. Далее: *Книга II*.

Рукописные тексты-источники:

1) Альбом «Мои сны исторические» — собрание беловых автографов и черновых вариантов литературных редакций снов от лица рассказчика с реалиями, относящимися к биографии писателя периода с 1910-х по 1925 г. — *Amherst. Series 1. Subseries 2. Box 11. F. 12*;

2) «Мои сны» — тетрадь с печатными вырезками публикаций снов в газете «Звено» (Париж) и «Слово» (Рига) за 1925 г. — *Amherst. Series 1. Subseries 2. Box 17. F. 4*;

3) Ремизов А. М. «В розовом блеске». «Приложение. Из дневника». Париж. 1940-е. Машинопись с авторской правкой и вставками // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 14—25 (записи снов С. П. Ремизовой-Довгелло с комментариями Ремизова);

4) Ремизова-Довгелло С. П. Мои записки. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1033. Лл. 13 об.—15 (записи снов);

5) Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1053;

6) Ремизова-Довгелло С. П. Мои собственные книги. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1057;

7) Ремизова-Довгелло С. П. Письмо Сущинской (Чернышевой) Марии Гавриловне. СПб., [1898]. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1034;

8) Ремизова-Довгелло С. П. Воспоминания о детстве и юности. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1033;

9) Записи С. П. Ремизовой-Довгелло, переписанные и прокомментированные Ремизовым // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 292.

Книга II представляет собой тетрадь с разноцветными листами в твердом переплете размером 30 × 20 см. Переплет: картон, оклеенный «мраморной» бумагой черно-красного цвета. На верхней крышке переплета, в левом верхнем углу, расположен квадратик красной бумажной наклейки с надписью: II кн<ига>. Здесь же выскоблены острым предметом надписи (авторская атрибуция и содержание тетради):

В верхнем правом углу — С<ерафима>П<авловна> — А<лексей>Р<емизов> / II.

Слева, в форме вертикального столбца надпись — А / REMIZOV / Paris / 1945 / IV.

В нижнем правом углу — авторский значок Ремизова (глаголическая буква «ч»).

По центру —

ПЕТЕРБУРГ. СНЫ. 1908

Шпалерная 1896

Книги	1899
Аттестаты	
Безымянные стихи	
Анкета 1937	
Наша свадьба	1903
И конец	1943
Имена 170	
[глаголический значок]	

На титульном листе тетради Ремизов составил постраничную роспись содержания рукописи:

ПЕТЕРБУРГ. 1908—1909.	стр. 1—16
СНЫ: 1) Лев Шестов	
2) З. А. Венгерова	
3) Ф. К. Сологуб	
4) Вяч. И. Иванов	
5) К. Д. Бальмонт	
6) Д. В. Философов	
7) Мережковские	
[2 стихотворения З. Н. Гиппиус]	

ПЕТЕРБУРГ [на Шпалерной]

1. Книги 1898 15 VI	<i>Оля II</i>	стр. 17
2. Марусе	—“—	— 17
3. Н. К. Михайловский		— 18—21
4. Отзыв Михайловского	<i>Оля II^a</i>	— 21—22
МОИ СОБСТВЕННЫЕ КНИГИ 1899		стр. 23—26
Две картинки		— 26
АТТЕСТАТЫ		
1. Свидетельство В<ысших>Ж<енских> Курсов 1893—1897		— 27—29
2. Аттестат СПб. Археологич<еского> Инст<итута> 1909—1912		30—31
3. Диплом Alliance Française. Paris 1927—28		32
4. École des Langues Orientales. 30 VI 1924		33
АНКЕТА 10 V 1937 Paris		33 об.
БЕЗЫМЯННЫЕ СТИХИ		34—36
НАША СВАДЬБА И КОНЕЦ 27 VI 1903—13 V 1943		37—42
ИМЕНА — 170		43—44

^a Все надписи справа выполнены синим карандашом с обводкой черными чернилами.

В *Книге II* Ремизов от руки копировал фрагменты дневниковых записей и биографических документов *СП* за 1905–1937 г., сопровождая их комментарием, в котором объяснял контекст происхождения и реалии времени их создания. Для обозначения «собственного голоса» писатель использовал квадратные скобки.

Работа над *Книгой II* была нацелена на создание документальной биографии *СП*, в противовес художественному жизнеописанию, начатому в повестях «В поле блакитном» (1922) и «Оля» (1927). Особое значение для этого процесса имела связь с последней повестью, посвященной юности героини Оли Ильменевой. Внутренний мир и обстоятельства жизни этой студентки Высших Бестужевских курсов были прописаны Ремизовым на основании воспоминаний *СП* о юности и ее дневниковых записей. На страницах *Книги II* эту связь писатель обозначал пометой *Оля II* — по первоначальному названию задуманной им эпопеи о жизни *СП*, которая в силу издательских ограничений объема лишь частично вошла в окончательный текст романа «В розовом блеске» (1952). Подробнее историю создания и издания романа «В розовом блеске» см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 722–734.

ПЕТЕРБУРГ 1908–1909

Сны

Первый раздел *Книги II* содержит семь записей *СП* с фиксациями ее сновидений. Привычка записывать сны сложилась у Ремизовых с первых лет их совместной жизни. Инициатива принадлежала начинающему писателю, который придавал поэтике бессознательного особое значение в развитии собственных способностей воспринимать явное и скрытое в жизни. В одном из писем 1903 г. он настоятельно просил свою невесту: «Вчера долго не мог заснуть, все думал о сюжетах. Записывайте свои сны, “страшного”, страшного побольше. Наша повседневная жизнь с тысячью крохотных жалящих впечатлений затирает главное. Нужно высвободиться из-под налетающей пыли: и! тогда такие песни услышим. Тогда и жизнь сама явится в ином лице» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. № 345. Л. 8).

Все записи личных сновидений *СП*, в которых фигурировали известные современники из круга петербургской литературно-художественной элиты, публиковались Ремизовым в измененной редакции, написанной от лица рассказчика, отождествленного с писателем (далее: *ремизовская редакция*). В частности, включенный в *Книгу II* сон о Льеве Шестове впервые появился в печати в 1913 г., со скрытым под инициалом *Ш.* именем философа. В 1925 г. литературная обработка

записей сновидений *СП* с участием современников была напечатана на страницах эмигрантских газет. На этот раз Ремизов раскрыл полные имена героев ирреального мира *СП*, как обычно сохранив в тайне имя самой сновидицы. Позиция рассматривать сновидение в качестве одного из модусов человеческого бытия вызывала неоднозначную реакцию в редакциях периодической печати и у литературных критиков. В литературном цеху эмиграции подобную философию были готовы принять лишь с одним существенным условием: исключить упоминание реальных имен. О том, что современники далеко не всегда благодушно реагировали на его «бессознательное» творчество, писатель знал не понаслышке. Один из мемуаристов относил его литературный эксперимент с бессознательным творчеством к своего рода литературной девиации, считая, что у Ремизова «выработалась неприятная, на границе с шантажом, практика: видеть разных важных персон — во сне!». Автор этих воспоминаний утверждал, что В. Ф. Ходасевич «даже раз был вынужден написать Ремизову: “Отныне я вам запрещаю видеть меня во сне!” — и это, кажется, помогло» (*Яновский В. С. Поля елисейские: книга памяти / под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 244*). Упомянутое письмо Ходасевича, несомненно, могло бы украсить эпистолярный архив Ремизова, однако до сих пор остается не выявленным среди материалов писателя. Не лишено рационального зерна мнение другой современницы, назвавшей в связи с эмигрантским «апокрифом» о письме Ходасевича один из основных мотивов ремизовского употребления подлинных имен. Вспоминая о факте публикаций «снов» в печати, она указала на целеполагание творческой стратегии писателя: «Так, кто-то из “известных”, сказав ему строго: “И помните, чтобы я не появлялся в смешном виде в ваших снах!” — никогда в них действительно не появлялся, чем, впрочем, и не вошел для потомства в ремизовский эпос» (*Шаховская З. В поисках Набокова: Отражения. М.: Книга, 1991. С. 128*). Подробнее об истории публикации цикла «Мои Сны» см. в статье: *Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // РЛ. 2021. № 1. С. 161–168*.

Комментарии Ремизова, составленные в процессе создания *Книги II*, переносят содержание снов *СП*, записанных ею в 1908–1909 гг., в более широкий временной контекст, охватывающий также годы эмиграции, когда контакты Ремизовых с героями сновидений получили продолжение в новых жизненных обстоятельствах. Писатель, бережно сохраняя иррациональную рецепцию своей жены, дополнил ее сновидения личными воспоминаниями, наблюдениями, неизвестными штрихами к портретам современников, предоставив богатый материал для понимания эстетической аксиологии творческих людей своего литературного поколения.

Первая научная публикация фрагмента *Книги II* — записи четырех снов *СП* с пояснениями Ремизова (1. Лев Шестов; 4. Вячеслав Ив. Иванов; 6. Д. В. Философов; 7. Мережковские) — была осуществлена проф. Аврил Пайман, которая перевела тексты снов и пояснительный текст Ремизова на английский язык, а в своих подробных комментариях раскрыла литературный статус упомянутых современников и основные биографические сюжеты их пересечений с супругами Ремизовыми. См: *Pyman A. Petersburg Dreams // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus: Slavica, [1987]. P. 51–59. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).*

1
Лев Шестов
1866–1938

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла «С очей на очи» (*Ремизов А.* Подорожие: Рассказы. СПб.: Сирин, 1913. С. 253–254), под названием «Без шапки». Главный герой здесь обозначен как «философ Ш.».

Прижизненные публикации: *ремизовская редакция*, в составе авторского цикла из восьми миниатюр: *Ремизов А.* Мои сны (Звено. 1925. № 143, 26 окт. С. 3; под цифрой 5, под названием «Лев Шестов»). См. также: *Ремизов А.* Сторона небывалая: Легенды, сказки, сны, фантастика, исторические были-небыли: сб. / сост. И. А. Попов, Н. Н. Попова; вступ. ст., коммент., словарь — И. А. Попова. М.: Русский путь, 2004. С. 99.

В *Книге II* на обороте л. 2, предшествующего тексту сна «Лев Шестов», вклеена вырезка из парижского сатирического журнала «Ухват» (1926. № 1, 31 марта. С. 8) с рисунком *СП* в обрисовке Ремизова «Лев Шестов», который является фрагментом графического триптиха, объединившего портреты Вяч. Иванова, Д. С. Мережковского и Л. И. Шестова. Триптих сопровождал заметку Ремизова под названием «Три юбиляра (1866–1926)» и был подписан авторским знаком писателя — глаголической литерой «Ч». На печатном экземпляре эта подпись располагалась под изображением Л. Шестова. Однако при составлении *Книги II* Ремизов на вырезке из журнала «Ухват» чернилами подписал в соответствии с именем Серафима глаголическую «С», тем самым восстановив совместное с женой авторство.

Знакомство Ремизова с философом *Львом Исааковичем Шестовым*, ставшим писателю близким другом, состоялось ранней осенью 1904 г. в Киеве. Глубокое взаимопонимание между ними возникло после публикации творческого отклика начинающего писателя на книгу Шестова «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышле-

ния)» (1905), которая выявила общность их мировоззренческих взглядов, сходных в поиске неочевидных смыслов бытия и преодолении власти логики над сознанием (подробнее см.: *Сёке К.* Судьба без судьбы: Проблемы поэтики Алексея Ремизова. Budapest: EFO, 2006. С. 61–75). Шестов был одним из немногих, кто приветствовал ремизовский литературный эксперимент в области абсурдизма. Не случайно в составе Сочинений писатель опубликовал цикл снов «Бедовая доля» с посвящением философу (*Шиповник* 3. С. 167–212). История их взаимоотношений запечатлелась в многолетнем эпистолярном диалоге. См.: Переписка с Шестовым; А. М. Ремизов и Л. И. Шестов: Из переписки писателя и философа: (1933–1938) / publ., comment. et notes de K. Ruzhinskaite // *Revue des Études Slaves*. 2013. Т. 84, fasc. 1/2. P. 87–300. См. также: *Данилевский А. А.* А. М. Ремизов и Лев Шестов: (Статья первая) // *Ученые записки Тартуского университета*. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 139–156.

С. 127. ...*Н. П. Булич [Оводов] ~ не сердился на меня... — Булич Николай Павлович* — студент, член партии социалистов-революционеров, проходивший по одному делу с *СП*; на протяжении многих лет сохранял к ней безответную сильную душевную привязанность. В повести «Оля» (1927) и романе «В розовом блеске» (1952), построенных на биографических сюжетах революционной и ссыльной жизни Довгелло, Булич выведен под фамилией Оводов. См.: *В розовом блеске-Росток XV*, по имен. указ.

С. 128. ...его страсть «разлагать»... — Речь идет о философских сочинениях Л. Шестова, построенных на интерпретации сочинений мыслителей. В центре герменевтического по инструментарию экзистенциально-персоналистического творческого метода Шестова — исследование внутреннего мира личности и ее столкновений с законами необходимости. Подробнее см., в частности: *Бонецкая Н. К.* Странник и его цель (герменевтика Л. Шестова) // *Вопросы философии*. 2015. № 7. С. 95–110; *Ермишин О. Т.* Метод Льва Шестова // *Дерзновения и покорности Льва Шестова: Сб. науч. ст. к 150-летию со дня рождения философа*. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 56–72.

Особенно напугал я ее в Херсоне... — Подразумевается начало супружеской жизни Ремизовых, после окончания вологодской ссылки переехавших в Херсон для работы в репертуарном отделе антрепризы Вс. Э. Мейерхольда «Товарищество новой драмы». Подробнее об этом периоде см.: *Письма к Щеголеву (2002)*. С. 153–205.

...написал в альбом С. П. 26 XI 1921, Berlin: «Первые слова после многолетней разлуки...» — Речь идет о первой встрече Ремизовых с Л. И. Шестовым в Берлине, состоявшейся во время приезда философа из Парижа, где он с семьей обосновался с октября 1921 г., для

чтения двух лекций о Достоевском (23 ноября и 30 ноября 1921 г.). См. о лекциях: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Paris: La Press Libre, [1983]. Т. 1. С. 27. Берлинский период жизни Ремизовых в эмиграции начался 21 сентября 1921 г. В последний раз с Ремизовыми Шестов виделся в Москве не позднее лета 1917 г.

С. 128 *...жить — значит умереть, а умереть значит жить.* — В альбоме *СП* сохранился автограф Л. И. Шестова:

«Берлин. 26 ноябрь <так!> 1926 года.

Первые слова после многолетней разлуки: “Кто знает? Может быть жить — значит умереть, а умереть значит жить” / Эврипид. / Л. Шестов» (*ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. № 1293. Л. 4, в верхней части листа). Это же высказывание древнегреческого мыслителя Шестов поставил эпиграфом к своей лекции о Достоевском, произнесенной в Берлине 23 и 30 ноября 1921 г. по случаю 100-летней годовщины со дня рождения писателя. Впоследствии лекция была переработана в статью «Преодоление самоочевидностей: К столетию рождения Ф. М. Достоевского» (*СЗ.* 1922. Кн. 10. С. 128—146).

...«хлопотать за всех сразу — верное средство не выхлопотать ни за кого»... — Цитата из редакционной статьи «Двести франков» (*ПН.* 1926. № 1769, 25 января. С. 1), в которой прослеживалась общественная реакция русской диаспоры на предложение депутата г. Пате повысить квартирную плату русских эмигрантов с 68 франков до 200. Здесь же рассматривались возможности освободить от поборов отдельные общественные группы. Эта же сентенция Шестова воспроизведена Ремизовым в альбоме *СП* с указанием на выходные данные газеты и пояснением красными чернилами: «От слов Льва Шестова» (*ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. № 1293. Л. 4, в нижней части листа).

С. 129. *Шестов с бутылкой «порто» (портвейну)...* — Тема рисунка восходит к эпизоду литературной жизни, произошедшему осенью 1905 г., когда приехавший в Петербург Л. И. Шестов впервые был приглашен к В. В. Розанову. Устроивший эту встречу Ремизов не удержался от небольшого розыгрыша, внесшего коррекции в кристально чистую репутацию Шестова, в реальности лишенного каких-либо дурных наклонностей. Ср.: «А было так: приехал Шестов, повел я его к Розанову, и Бердяев, конечно (ходили стаями!). А накануне пришепнул я Розанову, что обязательно надо вина: “потому что Шестов без вина не может”. Вино было. Бутылка красного стояла перед Шестовым. И мы с Бердяевым все выпили. А у В. В. осталось: без вина Шестов не может! И вот в разговорах с гостями, вспоминая, все сокрушается. — Ум беспросветный, все понимает и — /— И помимо всего вредно для умственных способностей! — сочувствуют гости» (цит. по: *Кухха.* С. 24—25). В игровой эстетике Обезьяньей Великой и Воль-

ной палаты Шестову был дарован титул и звание старейшего князя и «винодара» (см.: *Обатнина 2001*. С. 365). Обезьяний чин обязывал Шестова время от времени оправдывать свое назначение. Такой случай представился в связи с шестидесятилетием философа в марте 1926 г. Изготовленная Ремизовым 19 марта юбилейная грамота завершалась распиской: «Скрепил и деньги King's Port orporto espensial gouge бутылку получил бывший канцелярист обезвелволпала / cancellarius Алексей Ремизов» (Текст грамоты см.: *Переписка с Шестовым*. 1994. № 2. С. 147—148). Очевидно, что рисунок был создан в связи с получением за изготовление юбилейной обезьяньей грамоты так называемого «хабара» (взятки) в виде бутылки портвейна. См. также воспроизведение этого артефакта в публикации воспоминаний: *Резникова Н. В.* Алексей Ремизов в Париже (1923—1957) // *Вестник русского христианского движения*. 1977. № 121 (2). С. 238—266).

Человек рисует глазом, это заметил Новалис... — Ср.: «По сравнению с музыкантом живописец пользуется бесконечно более сложным языком знаков — художник рисует, собственно говоря, глазами, его искусство — это искусство смотреть правильно и красиво. Смотреть — вполне активная и созидательная деятельность. Его картина — только шифр — выражение — инструмент воспроизведения» (*Новалис*. Фрагменты / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 161).

Обыкновенно я обрисовывал рисунки С. П.-ы. и только в этом мое. — Рисунки *СП*, отредактированные Ремизовым, обычно подписывались двумя глаголическими литерами, соответствующими в кириллическом алфавите буквам «Ч» и «С». О семантике ремизовской глаголической подписи см.: Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / публ. В. Ф. Маркова // *Wiener slawistischer Almanach*. 1982. Bd. 10. S. 429; *Обатнина 2001*. С. 117; *Обатнина 2008*. С. 129—130.

2

3. А. Венгерова

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла из шести миниатюр: *Ремизов А.* Мои сны: Литературные (Слово. 1925. № 1, 11 нояб. С. 3), под цифрой 5, под названием «3. А. Венгерова». См. также: *Ремизов А.* Сторона небывалая. С. 104.

Переписанный Ремизовым сон восходит к автографу из тетради *СП* с ее дневниковыми записями (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1053. Л. 1). Знакомство супругов Ремизовых с 3. А. Венгеровой состоялось в Петербурге в 1905 г.; в конце 1921 г. она выехала из России в Берлин. Близкая подруга Н. М. Минского (в 1925 г. оформлен официальный брак), Венгерова разделяла политические взгляды поэта, уже в Берлине высказывавшегося о необходимости поиска диалога с Советской

Россией. Ср. письмо *СП* от 10 декабря 1921 г., в котором подтверждается существование утраченного шуточного рисунка Ремизова, подразумевающего просоветские настроения Венгеровой: «Венгерова мне очень не нравится, и вот она мне кажется зловредной, она какая-то, как Ал<ексей> М<ихайлович> ее нарисовал с красной звездой в турнюре сзади, противная» (цит. по: *Переписка З. Н. Гиттис с Ремизовыми*. С. 380).

С. 129. «*Вестник Европы*» — название литературного и общественно-политического журнала (СПб., 1885—1918).

...*есть рассказы Э. Т. А. Гоффмана...* — Речь идет об издании: *Гофман Э. Т. А. Мадемуазель де Скюдери; Кавалер Глюк; Дон Жуан*: [Рассказы] / пер. и вступ. ст. Зин. Венгеровой. Берлин: Аргонавты, 1923.

...*подружился с М. Г. Сущинским [Рашевский]*. — *Михаил Гаврилович Сущинский* — в конце 1890-х гг. петербургский знакомый *СП*, связанный с подпольной деятельностью партии социалистов-революционеров, студент-медик; под именем Сергея Рашевского выведен в повести Ремизова «Оля» (1927). См.: *В розовом блеске-Росток XV* (по имен. указ.).

А. П. Зонов — Аркадий Павлович Зонов — актер, театральный режиссер, один из близких товарищей Ремизова, дружба с которым началась в 1897 г. в Пензе благодаря общему знакомству с Вс. Э. Мейерхольдом. Подробнее о нем и его взаимоотношениях с писателем см.: *Дворникова Л. Я. Алексей Ремизов и Аркадий Зонов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы 2003*. С. 327—366. В 1908 г. Зонов — ведущий режиссер репертуарных спектаклей театра В. Ф. Комиссаржевской. Подробнее о биографических сюжетах из жизни Ремизовых в 1908 г., участником которых стал Зонов, см.: *На вечерней заре 2014 (2)*. С. 151—184.

Христина — дочь Зонова и Дины Исааковны Коломийцевой. Родители ее называли домашним именем Леля (полное имя: Лидия-Христина). Упоминания о ней см.: *Дворникова Л. Я. Алексей Ремизов и Аркадий Зонов*. С. 353.

Дина — Дина Исааковна Коломийцева; с 1905 г. жена А. П. Зонова; в 1908 г. уже болела чахоткой; умерла в 1911 г. (см.: Там же. С. 351—353).

«*Как бы вы не заразились!*» ~ «*Нафталин все обезвреживает*». — Ср. литературную редакцию сна: «Иду к З. А. Венгеровой зубы лечить. А у нее сидит Вяч. Шишков. Поздоровался я с Шишковым, и наши руки так плотно сжались, едва З. А. разняла их, и то клещами, что зубы рвут.

— Как бы вы не заразились, — сказала она, — клещи отравлены нафталином» (впервые: *Ремизов А. Мои сны: Литературные // Слово*.

1925. № 1, 11 нояб. С. 34; см. также: Ремизов А. Сторона небывалая. С. 104).

Л. Н. Толстой говорил, что сны ~ как припечатывают. — Отсылка к письму последнего секретаря Льва Николаевича Толстого — В. Ф. Булгакова, который, отвечая Ремизову на вопрос об отношении классика к сновидениям, в частности, вспоминал: «Л. Н. находил, что часто во сне удивительно верно отражаются характеры людей, которые нам снятся. Приводил он, бывало, по этому поводу и примеры снов, которые ему снились» (*Amherst. Series 2. Box 3. F. 15*; письмо от 19 февраля 1925 г.). Цитаты из письма Булгакова с высказываниями Толстого о сновидениях Ремизов использовал для легитимации собственного литературного жанра «снов» при публикации цикла мини-атюр, посвященных современникам, которые появились в печати в 1925 г.: «Мои сны»; «Мои сны. Литературные» (*Звено. № 143, 26 окт. С. 3*; Слово. № 1, 11 нояб. С. 3). Подробнее см.: *Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов в борьбе за сон: материалы к творческой биографии // РЛ. 2021. № 1. С. 161—168.*

С. 130. Последний приезд Дузе в Петербург окончился скандалом... — Ср. версию этого же эпизода 1908 г., случившегося во время последних гастролей в России прославленной актрисы Элеоноры Дузе, в воспоминаниях театроведа С. Г. Кара-Мурзы: «...в Москве среди группы артистов возникла мысль поднести Дузе венок и адрес. Но против этого намеренья возникли возражения, смысл которых сводился к тому, что венки и адреса подносятся всем и всяким. Дузе же, как великую артистку, это только профанирует. Ничего не нужно, только молчание, такое, когда захватывает дух. То самое случилось с учениками театрального училища, желавшими поднести Дузе цветы. Начальство не позволило этого сделать. “Молчать, щенки, — сказал директор Федотов. — Кто вы и кто она? Вы не смеете и судить о ней, мальчишки!”» (цит. по: *Пагани М.-П. Русский венок для Элеоноры Дузе / пер. и науч. ред. М. Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 2019. С. 67—68.*)

...вроде Иванова-Разумника, революционер, с «Заветами», а Мережковские ~ «декаденты»... — Литературный критик, историк общественной мысли *Иванов-Разумник*, неонародник по своим убеждениям, был активным участником и идейным руководителем нескольких литературных изданий, среди которых отдельную страницу в истории литературы 1910-х гг. по праву занимал ежемесячный литературный и общественно-политический журнал «Заветы» (изд. С. А. Иванчин-Писарев; 1912—1914), образованный представителями партии левых эсеров. Иванов-Разумник осуществлял в этом журнале руководство литературным отделом, стремясь к объединению разных литературных направлений — реалистов, символистов и «новых реалистов».

См. также очерк Ремизова, в котором писатель вспоминал круг литературных товарищей, собравшихся вокруг журнала: «Заветы»: Памяти Леонида Михайловича Добронравова. 1887 — † 26.5.1926 (впервые: Версты. 1927. № 2. С. 122—128; *Петербургский буерак-РК X*. С. 362—369). Иванов-Разумник выступал последовательным оппонентом эстетики отдельных представителей старших символистов (декадентов) и, в частности, творчества Д. С. Мережковского, которому он посвятил две статьи, объединенные под общим заголовком «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)» в книге критических очерков «Творчество и критика» (СПб.: Прометей, 1912. С. 110—179). Однако в целом критик рассматривал декадентство как «новаторское» литературное течение. Подробнее об этом см. во вступ. ст. А. В. Лаврова к публикации: <Блок А. А.>. Переписка с Р. В. Иванovým-Разумником // *ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 367—370.

С. 130. ...*Оводов подружился и с Рашевским ~ оба любят Олю, соперники, с лютой ненавистью друг к другу.* — Герои и коллизии романа Ремизова «В розовом блеске» (1952), первые две части которой («С огненной пастью» и «Голова львова») написаны по дневникам и устным рассказам *СП* о революционной юности. Жена писателя в этих главах, являвшихся продолжением повести «Оля» (1927), выведена под именем Оля Ильменева. См. историю текстов и комментарии к биографическим сюжетам жизни Ремизовой-Довгелло в комментариях к тому: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 683—753.

3

Ф. К. Сологуб 1863—1927

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла из шести миниатюр: *Ремизов А.* Мои сны: Литературные (Слово. 1925. № 1, 11 нояб. С. 2), под цифрой 2, под названием «Сологуб».

В *Книге II* на обороте л. 5, предшествующего тексту сна «Ф. К. Сологуб», расположена вырезка из парижского журнала «Иллюстрированная Россия» (1927. № 50 (135), 10 декабря. С. 10): портрет работы Ю. П. Анненкова (1921) под заголовком: «Кончина Ф. К. Сологуба» и подписью, в которой приводится неточная дата смерти (правильно: 5 декабря): «6 декабря в Петербурге скончался изв. русский писатель Федор Сологуб (Ф. К. Тетерников)». Впервые портрет был репродуцирован в книге: *Анненков Ю.* Портреты / предисл. Е. Замятина, М. Кузмина и М. Бабенчикова. [Пб.]: Петрополис, 1922. С. 104.

Представитель старшего поколения символистов *Федор Сологуб* в петербургской литературной среде пользовался заслуженным авторитетом, во многом определяя направление эстетических исканий со-

временников. Квартира писателя, служившего учителем-инспектором в Андреевском городском училище (Васильевский остров, 7-я линия, д. 38), по общему признанию представителей «нового» искусства, была центром литературной жизни столицы 1900–1910-х гг. Ремизов и его жена, обосновавшиеся в Петербурге с 1905 г., стали постоянными посетителями воскресных журфиксов у Сологуба, а также гостями ежегодных домашних новогодних маскарадов. Взаимоотношения двух известных писателей были отмечены несколькими яркими сюжетами, среди которых памятными для обоих стали не только курьезные, такие как история с маскарадным костюмом Ремизова или его приобщение к театральной постановке одной из мистерий Сологуба (см.: *Обатнина 2001*. С. 60–77; *Обатнина Е. А. М. Ремизов в постановке пьесы Федора Сологуба «Ночные пляски» // Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб.: Наука, 2009. С. 207–218*), но и более значительные, подтверждающие общность их мировоззренческих позиций. К последним относится публичное выступление Сологуба с чтением поэмы Ремизова «Слово о гибели Русской земли» в 1918 г., а также статья супруги поэта Ан. Чеботаревской в защиту Ремизова (*Ан. Чеб-ская. Стрельба по своим // Новый вечерний час. 1918. № 3, 4 января. С. 2*). О личных и литературных связях двух литераторов см.: *Грачева А. М. К истории отношений Алексея Ремизова и Федора Сологуба: (Введение к теме) // Блоковский сборник. Тарту, 2000. [Вып.] 15: Русский символизм в контексте рубежа XIX–XX вв. С. 171–181*.

С. 131. *Настасья Николаевна Чеботаревская (жена Сологуба)...* — Писательница соединила свою жизнь с Федором Сологубом осенью 1908 г. (официальный брак был заключен 14 сентября 1914 г.).

...псевдоним взял себе графа Соллогуба, автора замечательной повести «Тарантас»... — Псевдоним Федор Сологуб был придуман в редакции петербургского журнала «Северный вестник» Н. М. Минским и А. Л. Волынским — непосредственно руководителями этого издания, ставшего «литературной школой» для начинающего поэта и прозаика Ф. К. Тетерникова. Подробнее о корреляциях псевдонима с двумя однофамильцами русской словесности — графом Владимиром Александровичем Соллогубом (1813–1882) и графом Федором Львовичем Соллогубом (1848–1899) — поэтом, драматургом, художником-иллюстратором — см.: *Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 111–112*.

С. 131–132. *...весь его дешевый «сатанизм» с «Литургией мне» на невзыскательного читателя ~ покорила своей дешевой — «Мелким бесом».* — Речь идет о демонологических мотивах романа «Мелкий бес»,

впервые опубликованного в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 6—11; первое книжное издание — 1907), и мистерии «Литургия мне» (М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1907). Отчасти поздний комментарий Ремизова содержит мотив соперничества, поскольку он и Сологуб одновременно выступили на страницах одного и того же журнала как дебютанты большой прозаической формы. Оба писателя представили типологически близкие версии символистской эстетики, в частности перекликающиеся демонологическими образами «недотыкомки» («Мелкий бес») и «пьямки» («Пруд»). В отличие от Ремизова роман Сологуба сразу снискал читательское признание и многократно переиздавался. «Пруд» был оценен по достоинству лишь узким кругом критиков и читателей. Последнее обстоятельство послужило мотивом для автобиографической версии собственной литературной судьбы и образа непризнанного писателя. Ср.: «Когда и с чего пошло имя — стали меня знать? Началось все с “Пруда”, 1905 г. Печатался без окончания в “Вопросах жизни” (редактор Н. Бердяев). Полная редакция в книге. Изд. Сириус. 1908 (С. К. Маковский). Известность сомнительная. Приговор “декадент” говорилось с раздражением <...> я и я пошел по задворкам на затычку» (*Петербургский буерак-РК* Х. С. 178). Между тем дневник Ремизова за 1905 г. подтверждает, что в молодые годы Ремизов относился к творчеству своего «соперника» с интересом, в шутку даже имитируя образ мыслей главного героя романа Сологуба — Передонова, ставшего в галерее литературных образов символизма олицетворением маниакально-извращенного сознания. Ср.: «Вечером ездили к Ф. К. Сологубу на В. О. в училище, где он инспектором. <...> Я писал в альбомы передоновщину: брежу “Мелким бесом”» (цит. по: *Кукха*. С. 21). Тема духовной затхлости и социальной дикости провинциальной жизни, представленная в романе «Мелкий бес», отчасти сказалась в первой черновой редакции повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910), сохранившейся в архиве Иванова-Разумника. Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 8—9. Кардинально различные эстетические задачи ставили писатели, обращаясь к жанру мистерии, воплощенной в пьесах «Литургия мне» и «Бесовское действо над неким мужем» (1908). О мистерии на русской почве в начале XX в. см.: *Полонский В.* Борис Эйхенбаум и Поль Клодель: к вопросу о рецепции символистской мистерии в России // *РЛ*. 2015. № 3. С. 227—234.

С. 132. *Сологуб кончил Педагогический институт (Учительскую семинарию)...* — подразумевается Санкт-Петербургский учительский институт — учебное заведение среднего профессионального образования, в котором будущий писатель получил в 1882 г. диплом учителя

народных училищ; располагался на 13-й линии Васильевского острова.

...был учителем в Городском училище, потом инспектором... — Назначение в 3-е Рождественское городское мужское начальное училище Ф. К. Тетерников получил в 1893 г. Место учителя-инспектора Андреевского городского мужского четырехклассного училища было получено в 1899 г., уже в статусе писателя, публиковавшегося под псевдонимом Федор Сологуб. Послужной список педагогической карьеры писателя см.: Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников (главы 1, 3, 6).

...Василий Иванович Коренев воплощал всех его учеников и поклонников... — Аберрация памяти: речь идет о *Василии Ивановиче Корехине* (1872 — не ранее 1919), учителе Федора Сологуба, пользовавшегося литературным покровительством писателя и оставившего скромное поэтическое наследие (под псевд. В. Корин) в двух выпусках авторского сборника «Зарницы. Стихи и песни» (СПб., 1898; 1901). Подробнее о нем: *Филочева В. В.* Ф. Сологуб и начинающий поэт В. И. Корехин (*РЛ*. 2022. № 2. С. 45–55). Причисление Корехина в адепты Сологуба отчасти опирается на посвящение «Ф. К. Т—у (С.....у)» и стихотворение «Тебе, суровый мой учитель...», которыми открывалась вторая книга «Зарницы. Стихи и песни» (СПб., 1901). Неверно запомнившаяся Ремизову фамилия впервые зафиксирована в его дневниковой записи от 2 октября 1905 г. с перечислением гостей Сологуба: «Ивановы, Сюннерберг, Чулков, Кондратьев, Зоргенфрей и, конечно, Василий Иванович (Коренев)» (цит. по: *Кукха*. С. 21). Одна из встреч Ремизова с Корехиным произошла 14 декабря 1905 г. в кругу участников литературных симпозионов на «Башне» Вяч. Иванова. Описывая этот вечер, Л. Д. Зиновьева-Аннибал в личном письме оставила нелестную характеристику Корехина как «плохого поэта» (*Богомолов Н. А.* 2009. С. 144).

...потом уж обринулся для портрета Сомову... — Речь идет о портрете, созданном в 1910 г. для Собрания сочинений писателя (изд. «Шиповник»). Техника: серая б., уголь, сангина, мел, акварель; 33,5 × 20. Местонахождение: Литературный музей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, получен в 1935 г. от О. Н. Чернозитовой (урожд. Чеботаревской).

В революцию Сологуб часто заходил к нам... — Записи о встречах с Сологубом в квартире Ремизовых на Васильевском острове (в частности, 4 марта, 11 июня 1917, 25 декабря 1918 — вместе с А. Н. Чеботаревской), см.: *Ремизов А. М.* Дневник 1917–1921 гг. (*Взвихренная Русь-РК V*. С. 428, 434, 488). О сближении Ремизовых с Сологубом и Чеботаревской в пореволюционные годы свидетельствуют также два автографа, сохранившиеся на страницах альбома *СП*. Первый из

них — стихотворение, написанное рукой Сологуба «Сияя радостью живою...», датировано 13 (26) апреля 1919 г. Его содержание подчеркивает общность настроений, отражающих надежду на падение большевистского режима (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1292. Л. 27). См. также: *Сологуб Федор*. Полное собр. соч. и поэм в 3-х т. СПб., 2020. Т. 3.: Стихотворения и поэмы 1914—1927 / изд. подгот. М. М. Павлова. С. 130. (Литературные памятники). Второй автограф принадлежит Ан. Н. Чеботаревской и носит характер экспромта, адресованного владелице альбома в тот же день:

«Дорогой близкой Серафиме Павловне
26 апреля 1919

Годину скорби и ненастья
Мы с Вами вместе провели
И, если улыбнется счастье,
Ужели — будем мы вдальи?!

Анс. <sic> Чеботаревская»
(ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1292. Л. 28).

Отзвук воспоминаний о частых встречах в 1917—1919 гг. находим и в письме СП, которая написала Сологубу 23 августа 1922 г. из Берлина, после того как переводчица Ф. Фриш сообщила ей петербургский адрес писателя, к этому времени перебравшегося с Васильевского острова на Петроградскую сторону и жившего в глубокой скорби после трагической гибели своей супруги: «Дорогой Федор Кузьмич, узнала от Фриш Ваш адрес. А давно думала о Вас и хотелось сказать Вам, как горько и тяжело мне, что не увижу больше здесь Настасьи Николаевны. Осталась у меня память от нее — написала она мне в альбом в 19-м году, когда мы рядом жили, и вы к нам по вечерам приходили. А как мы ждали Вас с Настасьей Николаевной сюда в прошлом году! На Вашу книжку смотрю в витрине, особенно хочется стихов Ваших, но нет их здесь, многие повторяю те, что знаю на память, теперь их еще больше люблю. Напишите, Федор Кузьмич, напишите о себе и об Настасье Николаевне, и где она похоронена? Кланяйтесь ей от меня, когда будете у нее на могиле. Напишите, какой теперь наш Петербург. Алексей Мих<айлович> шлет Вам низкий поклон и любовь и сочувствие. Может быть, Вы приедете сюда, Федор Кузьмич? <...> До свиданья, Федор Кузьмич, всего Вам хорошего. Очень буду ждать вести от Вас. Ваша С. Ремизова-Довгелло <...>» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 928).

С. 132. ...как в «беспутные» ~ кануны. — Речь идет о 1910-х гг., времени предреволюционного кризиса.

...предсмертные его стихи: «Подожди еще немного» любила читать С. П. в последние дни своей жизни. — Неточная цитата из стихотворе-

ния Ф. Сологуба «Подыши еще немного...», написанного поэтом в июле 1927 г. (Сологуб умер 5 декабря). Стихотворение получило широкое распространение в списках, и таким образом, в письмах из Ленинграда за границу, дошло до эмигрантов. См. также о чтении наизусть этого стихотворения в фрагментах воспоминаний, посвященных Ремизов-Довгелло: *Резникова 2013*. С. 46–47.

4

Вячеслав Ив. Иванов
1866—

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла из шести миниатюр: *Ремизов А. Мои сны: Литературные* (Слово. 1925. № 1, 11 нояб. С. 2), под цифрой 1, под названием «Вячеслав Иванов». См. также: *Ремизов А. Сторона небывалая*. С. 102.

В *Книге II*, на обороте л. 7, предшествующего тексту сна «Вячеслав Иванов», вклеена вырезка из парижского сатирического журнала «Ухват» с рисунком *СП* в обрисовке Ремизова, являющимся фрагментом графического триптиха, объединившего портреты Вяч. Иванова, Д. С. Мережковского и Л. И. Шестова. Подробнее о публикации рисунка см.: *Книга II*. Коммент. к с. 454. При составлении *Книги II* на вырезке из журнала «Ухват» Ремизов подписал чернилами название рисунка («Вячеслав Иванов»), а также восстановил двойное авторство, поставив под рисунком две глаголические буквы — «Ч» (Алексей Ремизов) и «С» (Серафима Ремизова-Довгелло).

Вячеслав Иванович Иванов, являясь ключевой фигурой в истории русского символизма, оказал значительное влияние на оформление индивидуальной эстетической программы Ремизова. История их отношений и общих творческих сопряжений отражена во вступ. ст. к публ.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / вступ. ст., примеч. и подгот. писем А. Ремизова А. М. Грачевой; подгот. писем Вяч. Иванова О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 72–118; о сходных мотивах автобиографического мифа супругов Ремизовых и символично-образной концепции души в поэзии Вяч. Иванова см.: *Обатнина Е.* Земная судьба небожителей в жизни и творчестве Алексея Ремизова // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2018. № 6. S. 16–25. *СП* также питала глубокое уважение к научным знаниям, жизненному опыту и эстетическим идеям Иванова. Эпизод из биографии жены Ремизова, связанный с отношением к Иванову как духовному наставнику, см.: *Грачева 2000*. С. 73–75. Личное знакомство Ремизова с Вяч. Ивановым состоялось 25 мая 1904 г. в редакции журнала «Весы» (Москва). С первых встреч авторитет Иванова стал для начинающего писателя едва ли не главенству-

ющим ориентиром в понимании формотворчества. Об этом свидетельствуют короткие заметки, сохранившиеся в письмах невесте Серафиме Довгелло. Ср.: «...разговору много. Больше о музыке. У меня же с Вячеславом Ивановым: он в восторге от моей мечты о “театре”» (*На вечерней заре 1987*. С. 241).

С. 132. *Видела много знакомых и маму.* — Упоминается мать СП — А. Н. Довгелло.

С. 133. *Вяч. Ив. Иванов замечательный человек: он все знает.* — См. воспоминания Ремизова, в которых писатель, сравнивая Иванова с другими современниками, претендующими на литературное лидерство, отмечал его превосходство в понимании основных тенденций современности в культуре и литературе: «Когда-нибудь историки литературы выяснят огромное значение этого ученейшего человека!»; «Брюсов повторял, что писатель должен быть на уровне с достижениями науки, философии, литературы и искусства. Его ученик, Гумилев, как Горький, учительствовал — обоим недоставало “высшего образования”. Зато с Вячеславом Ивановым стоило раз поговорить, чтобы с первых слов, и без Брюсова, понять, что требуется от писателя» (*Петербургский буерак-РК X*. С. 364, 246).

Его стихи высоким стилем, не архаические слова, а церковно-славянские ~ звучат смешно. — Речь идет о церковнославянизмах в поэзии Иванова, восходивших к «высокому слогу» реформаторов поэтического языка М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского и корифея русского классицизма М. М. Хераскова. По оценкам литературных критиков, Иванов являлся продолжателем традиции (см.: *Ашешов Н. Тредиаковский наших дней // Образование. 1903. № 12. 3-я паг. С. 119*). Преимущественная связь поэзии Иванова с поэтическим наследием Тредиаковского была, например, отмечена в пародической рецепции стихотворений из книги Иванова «Эрос» (1907): «Доколь в пиитах жив Иванов Вячеслав, — / Взбодрясь, волхвует Тредьяковский...» (впервые: *Измайлов А. Истомных сред моих яд чарый проливав... // Свободные мысли. 1907. № 2, 28 мая*; см. также: *Измайлов А. Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа / подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. Хворостьяновой. СПб., 2002. С. 52–53*). Ср. о церковнославянизмах в творчестве Вяч. Иванова: «Это славянофильство почти в этимологическом значении термина: любовь ко всему, что в русском языке является славянским, к исконно славянскому корнесловию и церковно-славянскому словесному убранству. <...> До предела, до отказа насыщенная славянизмами лексика поэзии, да и прозы Вячеслава Иванова не литературный фокус, но адекватное выражение мировоззренческого принципа» (*Аверинцев С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Лик и личины России. Эсте-*

тика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. С. 16). Подробно по теме см. в статье: *Poljakov F.* Kirchenslavisch als universelle Kultursprache in der mythopoetischen Konzeption Vjačeslav Ivanovs // Die Welt der Slaven. 1997. [Vol.] 42. S. 252–271.

...в русском переводе Иоанна Златоуста... — Речь идет о переводе с греческого на церковно-славянский толкования Иоанна Златоуста, касающегося отдельных положений Послания апостола Павла к новообращенным христианам города Эфеса. Здесь идет речь о фрагменте, в котором говорится о единстве христианской церкви: «Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф. 4: 4–7). См.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб: Изд. С.-Петербургской Духовной Академии, 1905. Т. 11, кн. 1. С. 95–106.

Вяч. Иванов «обратился» в католичество... — 17 марта 1926 г. Иванов подал прошение в ватиканскую Конгрегацию восточных церквей о приобщении к евхаристическому обряду католической церкви. Форма заявления, не предполагавшая отречения от православия, содержала обоснование, опирающееся на фрагмент из книги Владимира Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» (1889). Подробнее о значении соловьевской формулы см.: *Шшишкин А. Б.* «Россия» и «Вселенская Церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вяч. Иванов — Петербург — Мировая культура: Материалы Междунар. науч. конф. 9–11 сентября. 2002 г. Томск; Москва, 2003. С. 159–178. В письме своему французскому корреспонденту Шарлю Дю Босу Иванов обстоятельно мотивировал свой поступок желанием в личном опыте осуществить заветы апостола Павла о неделимой Церкви: «Произнось (4/17 марта 1926 г., в день праздника св. Вячеслава в России) Символ Веры, за которым следовала формула присоединения, у алтаря моего святого (дорогого сердцу славян), в трансепте базилики св. Петра, в то время как на соседней могиле Апостола для меня уже готовилась обедня на церковнославянском языке и причастие под двумя видами согласно восточному обряду, — я впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, обладателем священного клада, который был моим со дня моего крещения, но обладание которым до тех пор, в течение уже многих лет, омрачалось наличием чувства какой-то неудовлетворенности, становящейся всё мучительней и мучительней от сознания, что я лишен другой половины живого того клада святости и благодати, что я дышу, наподобие чахоточных, одним только легким. Я испытывал великую радость покоя и свободы действий, неведомую ранее той поры, счастье общения с бесчисленными святыми, от помощи и молитвы которых я долго противовольно

отказывался, сознание, что выполнил свой личный долг, и в своем лице долг моего народа, уверенность, что поступил согласно его воле, которую я тогда ясно увидел созревшей для Единения, что остался верен его последнему завету: требованию забыть его и принести в жертву вселенскому делу Соборности» (*Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введением и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental. Chrétien, 1979. Т. 3. С. 429). См. о совершенном 17 марта обряде в капелле св. Вячеслава базилики св. Петра и на гробнице апостола Павла: *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / подгот. и коммент. Дж. Мальмстада. М.: РИК «Культура»; Феникс, 1992. С. 195–198.

С. 133–134. ...*О. Д. Каменева* ~ *разговаривала с Вяч. Ивановым и оказывается, он «марксист»...* — После октябрьского переворота Иванов сотрудничал с московскими культурно-просветительскими органами советской власти. В частности, с 15 октября 1918 г. он занимал должность председателя Бюро Историко-теоретической секции Театрального отдела (ТЕО Наркомпроса) под руководством О. Д. Каменевой. Начиная с весны 1917 г. Иванов в ряде своих творческих проектов стремился к осуществлению концепции нового театра, который мыслился как коллективное действо широких трудовых масс. О соотношении ивановской идеи и советской реальности см.: *Аверинцев С. С.* «Скворещниц вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. С. 161–167. О частных случаях воплощения идеи соборного искусства см.: *Обатнин Г. В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // *РЛ*. 1997. № 2. С. 224–230; *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы / сост. и ред. А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 1999. № 40: Булгаринский номер. С. 305–331; *Глухова Е. В.* Вячеслав Иванов в проектах Наркомпроса: клуб «Красный Петух» 1918–1919 гг. // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. [Вып.] 3. С. 357–377.

С. 134. *ТЕО* — Театральный отдел Народного комиссариата просвещения (ТЕО Наркомпроса), в котором с 1 мая 1918 г. по 9 ноября 1919 г. Ремизов состоял членом Историко-теоретической и Репертуарной секций, непременным членом Бюро ТЕО, а также заведующим русским театром Репертуарной секции.

Е. В. Аничков ~ *ездил в Рим и видел Вяч. Иванова «припадающим» католиком.* — Иванов уехал в Рим 28 августа 1924 г. Е. В. Аничков — один из постоянных участников ивановских «симпозионов» 1905–1906 гг., — установившая с Ивановым прерванный годами революции и эмиграции дружеский контакт, писал ему в 1924 г.: «Ужасно рад теперь. Ведь идейно Ты мне самый близкий, да и я, вероятно, особенно, если так ко мне относишься, мне “неизменному»» (цит. по: Вяч. Ива-

нов: Pro et contra: Антология: в 2 т. / сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина. СПб.: РХГА, 2016. Т. 2. С. 633). Именно от Аничкова Ремизов узнал об эмиграции Иванова. Ср. письмо Аничкова: «Знаете ли Вы, что Вячеслав Иванов в Риме. Он очень заброшен. Напишите ему» (*Ath-herst*. Series 1. Subseries 1. Box 4. F. 2; письмо 1925 г. содержит римский адрес Иванова на via delle Quattro Fontane, 172). В начале мая 1925 г. Иванов возобновил переписку с Л. И. Шестовым и в первом письме из Рима просил кланяться от него «общим друзьям — Бердяеву, Зайцеву, Ремизову» (*Иванов Вяч.* Переписка с Л. И. Шестовым / вступ. статья Ж. Пирон; подгот. текста и коммент. Ж. Пирон и А. Шишкина // *Символ*. 2008. № 53—54. С. 429). В 1926 г. Иванов занял преподавательскую должность в Колледжио Борромео при Павийском университете (подробнее см. главу «Павия»: *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. С. 164—194), а в 1936 г. он был приглашен на место профессора в Папский Восточный институт — «университет, занимающийся христианством в восточных странах» — и семинарию Ватикана «Руссикум» — учреждение, имеющее целью подготавливать священников-католиков славянского обряда, а также объединить верующих русских католиков (Там же. С. 248—249). См. также: *Бёрд Р.* Вячеслав Иванов за рубежом // *Русское зарубежье: история и современность*. 2011. Вып. 1. С. 179—206.

«...до утра мы с ним проговорили о манихейцах... — Ремизов, очевидно, передает содержание бесед с Вяч. Ивановым, состоявшихся во время первого приезда Аничкова в Рим осенью 1926 г. и имевших прямое отношение к его исследовательской работе над книгой «Иоахим Флорский и дух куртуазной эпохи» о мыслителе Средневековья, впоследствии изданной на французском языке: *Anitchkof E. Joachim de Flore et les Milieux Courtois*. Collezione di studi meridionali XIII. Rome, 1931. В своей монографии Аничков писал об одной из основных теологических проблем Средневековья — соотношении тела и духа. В экзегетике этого времени значительное место занимала концепция последователей манихейства. Ср.: «Пришло время понять истинную ценность того колоссального значения, которое манихейские идеи имели для всей средневековой цивилизации. Несовершенство и слабость тела для манихеев были феноменами весьма четко мотивированными: тело, и вся плотская природа, суть либо творение Князя Тьмы, совершенно независимое от Бога, либо достояние неблагодарного сына Божьего, восставшего и низринутого с небес, в которых он мечтал воцариться. <...> Данное утверждение поистине было аксиомой и одновременно неоправданной точкой их морали <...> Иоахим Флорский <...> был непримиримым противником манихейства, но в том, что касается осуждения плотского начала, между манихеями и калабрийским мыслителем нет никакого различия» (цит. по тексту

заключительной главы книги Аничкова: *Аничков Е. В.* Иоахим Флорский и Скот Эриугена / пер. с фр. М. Ефимовой; лит. и науч. ред. А. Л. Рычкова // *Соловьевские исследования*. 2018. Вып. 4 (60). С. 129). Ремизов, пересказывая Аничкова, в своей характеристике Иванова стремился обозначить важные топосы его мировоззрения. О встречах с Аничковым сохранились упоминания в письмах Иванова детям. Ср. письмо от 21 сентября: «В субботу вечером была у меня академия — Аничков и Каффи с разговорами на специальнейшие темы средневековья (о василианском монашестве в Калабрии, о византийском влиянии на Иоахима де Фьоре и романы о Грале и т. д.» (см.: *Иванов Вяч.* Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925—1941) / вступ. ст. Ф. Лесур; подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко; коммент. С. Кульюс и А. Шишкина // *Символ*. 2008. № 53—54. С. 481). См. также о приездах Аничкова летом 1927 и 1928 г. во вступ. ст. к публ.: *Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова* / публ. и коммент. А. Шишкина // *Europa Orientalis*. 1989. [Vol.] VIII. P. 482.

С. 134. *Фистула* — верхний головной регистр певческого голоса; то же, что фальцет.

...как определил Картыков, автор сборника «Бабьих сказок»... — Речь идет об этнографе *Михаиле Николаевиче Картыкове*, выпустившем в 1910 г. собрание записей песенного фольклора под псевдонимом М. Багрин: *Скоморошья и бабьи песни*. Изданы М. Багриным в Петербурге в 1910. СПб.: Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1910. См. о его творческой деятельности в воспоминаниях библиофила: *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника // *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. Мартынов П. Н. Полвека в мире книг / сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. П. Толстяков. М.: Книга, 1990. С. 120—123. Ср. также очерк Ремизова «Послушный самокей (Михаил Алексеевич Кузмин. 1871—1936)»: «Мы жили в Казачьем переулке — Бурков дом. Мимоходом зашел учитель, не похожий на учителей Сологуба, М. Н. Картыков, он только что выпустил тоненькую книжку: М. Багрин “Скоморошья и бабьи сказки”. Он торопился на собрание в “Аполлон”, где будут все: Ф. Ф. Зелинский, И. Ф. Анненский, Вяч. Иванов, С. К. Маковский, Блок, Гумилев, Сологуб, Кузмин, а из Москвы Брюсов и Андрей Белый. “Знаете, — сказал Картыков, — все они высшей культуры, а мы с вами средней”» (*Россия в письменах-Росток XIII*. С. 390).

Сын нашего петербургского «Демона» Тартаков... — Очевидно, речь идет об одном из двух старших сыновей знаменитого оперного баритона Иоахима Викторовича Тартакова. В 1890-х гг. успех певцу принесла партия Демона в одноименной опере на музыку А. Г. Рубинштейна, ставшая, по признанию критики, едва ли не самой значительной его ролью. Ценители отмечали исключительное сочетание во-

кального мастерства с высоким драматизмом сценического образа. Подробнее о манере исполнения см. в воспоминаниях младшего сына певца — Георгия Иоакимовича Тартакова (1901—1977), единственного из детей, пошедшего по стопам отца: *Тартаков Г.* Книга о И. В. Тартакове. Л.: Музыка, 1987. С. 21—27. См. краткий биографический очерк Ю. Котлярова о Тартакове-младшем (Там же. С. 3—4). Биографические сведения о старших детях певца не выявлены.

...жил в Усикирке в санатории Волковой ~ а я лежал с грелкой — язва желудка... — Подразумевается железнодорожная станция Усикиркко (ныне пос. Поляны), ставшая в 10-х гг. XX в. известной достопримечательностью Выборгского железнодорожного направления благодаря санаторию М. М. Волковой, расположенному неподалеку, в деревне Тур-Кия. Книга врача-гигиениста (см.: *Волкова М. М.* Как избавиться от полноты и ожирения по способу, испытанному автором на себе и на своих больных. СПб.: В. Н. Жуков, 1909) создала рекламу ее лечебно-профилактическому заведению. Вместе с тем Волкова занималась и болезнями желудочно-кишечного тракта. Обострение язвы желудка, случившееся весной 1910 г., заставило Ремизова пройти в санатории оздоровительный курс с 1 по 30 июня. Здесь писатель приступил к работе над повестью «Крестовые сестры» (1910). С. П. Ремизова-Довгелло, страдавшая болезнью печени и склонностью к излишней полноте, лечилась по системе Волковой в 1912 г.

...представлял самых маленьких птичек чижиков, ремеза не мог... — Упоминание птицы ремеза носит автобиографический характер, связанный с автомифологией, возводящей происхождение фамилии Ремизов к названию птицы ремез. Подробнее см.: *Безродный М. В.* Об одной подписи А. Ремизова // *РЛ*. 1990. № 1. С. 224—228.

С. 135. *...первый писатель в «Биржовке»...* — Речь идет о политико-экономической и литературной газете «Биржевые ведомости» (1880—1917, СПб.; изд. и ред. С. М. Проппер). Еще в начале литературного пути О. И. Дымова, в 1901 г., его рассказ «Силуэты» был премирован на литературном конкурсе газеты, в которой он проработал последующие 16 лет, опубликовав свыше тысячи статей и рассказов и занимая должность помощника А. А. Измайлова, возглавлявшего отдел литературной и театральной критики. Подробнее о Дымове см. словарную статью В. И. Масловского и А. В. Чанцева (Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 1992. Т. 2: Г—К. С. 201—203); *Хазан В.* Миры и маски Осипа Дымова: (Материалы к биографии писателя) // Осип Дымов. «Вспомнилось, захотелось рассказать...»: (Из мемуарного и эпистолярного наследия): в 2 т. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011. Т. 1: То, что я помню / пер. с идиша М. Лемстера; общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. С. 5—118.

С. 135. ...*Дымов писателей представлял.* — В литературных салонах прозаик, драматург, журналист Осип Дымов славился своими артистическими способностями к пародированию представителей театральной и литературно-художественной элиты. О его таланте «пересмешника» см.: *Хазан В.* Миры и маски Осипа Дымова: (Материалы к биографии писателя). С. 34—36. Очевидно, что Дымову удавался и жанр графической карикатуры. О такого рода рисунках упоминала Л. Д. Зиновьева-Аннибал в письме к М. М. Замятниной, описывая собрание литераторов на «Башне» Вяч. Иванова 28 сентября 1905 г.: «Дымов набросал наши карикатуры. Вячеслава старым носатым с острыми сверлящими глазами... Меня ужасной волчицей с оскаленной огромной челюстью и большими белками, в которых остро торчит маленький зрачок. Похоже, но кошмарно...» (*Богомолов Н. А.* 2009. С. 132).

...*он был самый настоящий отпрыск Гейне...* — Не случайно Ремизов ассоциировал природу пародийных этюдов Дымова с художественным мышлением Гейне — любимого поэта Вяч. Иванова. Полагаясь на определения Шиллера, Иванов считал главным свойством дарования Гейне его «наивность» и способность принимать на себя свойства объекта художественного описания. Ср.: «наивный <...> поэт как бы теряет всякое субъективное содержание, любясь на объект, ища передать его жизнь, а не свою, в него перевоплощаясь; здесь, следовательно, субъект отождествляется с объектом, не ощущает своей разделенности с ним, и в этом отождествлении от себя отрекается, чтобы наполниться одним объектом или как бы растворить в нем свое сознание (статья «Гете на рубеже двух столетий» (1912); впервые: *История западной литературы (1800—1910)* / под ред. Ф. Д. Батюшкова. [М., 1912]. [Т. 1, кн. 1]. С. 113—156; цит. по: *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental. Chrétien, 1987. Т. 4. С. 136).

Сенковский очень метко определил, как Гейне пишет стихи... — Ср. пассаж О. И. Сенковского, известного в литературе под псевдонимом Барон Брамбеус, в его рецензии на сборник стихотворений А. Фета: «Гейне писал стихи точно так, как пишет господин Фет — что это школа — род сербской поэзии — сокол летит в Палестине, а царство падет на Косовом поле — на стекле мороз чертит узоры, а девушка умна и Фет любит созерцать утомления» (Библиотека для чтения. 1850. Т. 101, № 3. Отд. VI. С. 10). Подразумевалось стихотворение Фета «На двойном стекле узоры / Начертил мороз...».

...*редактор когда-то самого задорного из журналов «Северного Вестника»...* — С приходом А. Л. Вольнского в 1892 г. в редакцию «Северного вестника» (СПб., 1885—1898) народнический по идеологической платформе журнал превратился в один из основных печатных органов старших символистов.

...всегда на одну тему с Мережковским... — Общность литературных интересов осознавалась Д. С. Мережковским, который в личном письме 1891 г., отзываясь о статье Волынского, посвященной Л. Толстому, отметил: «Ваша живая и сильная статья о Толстом показала мне еще больше, что мы идем *по одной дороге*» (цит. по: Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому / публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкиревой // Минувшее: ист. альм. М.; СПб., 1993. [Вып.] 12. С. 275). Собственная книга Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» публиковалась на страницах журнала «Мир искусства» в 1900—1902 гг. Волынский, как и Мережковский, также посвятил мировоззрению Достоевского серию критических статей, которые составили его авторский сборник 1906 г. Однако самым явным совпадением творческих устремлений стали их труды, посвященные Леонардо да Винчи. Материалы для романа Мережковского и монографического исследования Волынского были собраны в их совместном путешествии по Италии весной 1896 г. Роман Мережковского предполагался к печати в «Северном вестнике», однако на судьбу этой публикации повлияли личные мотивы, связанные с чувством отверженной любви, которое Волынский переживал по отношению к супруге Мережковского З. Н. Гиппиус (подробнее об истории отношений см.: Там же. С. 274—341). Волынский поспешил издать свою богато иллюстрированную монографию, посвященную итальянскому гению, в 1899 г. См.: *Волынский А. Л. Леонардо-да-Винчи*. [СПб.]: Изд. А. Ф. Маркса, 1899. Роман Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» увидел свет на страницах журнала «Мир Божий» годом позже и в 1901 г. был выпущен отдельным изданием.

...а в наше время утопим в балете... — Первые статьи Волынского о русской школе классического танца появились в конце 1900-х гг. В частности, в 1908 г. отдельным изданием вышло интервью с Волынским, посвященное феномену Айседоры Дункан (авт. интервью — Н. Г. Молоствов). При советской власти деятельность, направленная на поддержание традиции русского классического танца, нашла отражение в публикациях, собранных в специальном разделе газеты «Жизнь искусства» (см.: *Волынский А. Л. Проблемы русского балета*. Пг.: Жизнь искусства, 1923). В июне 1920 г. была организована «Школа Балтфлота или Школа русского балета А. Волынского». Значительным итогом в обосновании теории балета стала его «Книга ликований. Азбука классического танца» (Л.: Хореографический техникум, 1925).

...предшественник А. Я. Левинсона... — Балетовед Андрей Яковлевич Левинсон начиная с 1910-х гг. утверждал принцип научного описания танца на основе общезначимых критериев. В его работах были выявлены основные элементы теории выразительности танца.

См.: *Левинсон А. Я.* Старый и новый балет. Пг.: Свободное искусство, 1918.

С. 135. ...«*Се медь звучит, оле, не ты ли Кюхельбекер!*» — Очевидно, одна из пародий на Иванова, опирающихся на критику А. А. Измайлова и его последовательную позицию отрицательного отношения к поэтическим архаизмам. Именно Измайлов дополнил парадигму литературных коннотаций творчества Иванова с классицистами (Ломоносовым, Тредиаковским и Державиным) именем В. К. Кюхельбекера, которое вызывало устойчивые ассоциации с пушкинским эпитетом «кюхельбекерно», увековеченным в эпиграмме «За ужином объелся я...» (1819). Ср.: «Порой намеренное желание говорить каким-то необычным, заржавленным языком у Иванова переходит прямо в какое-то косноязычие, вызывающее в памяти даже не Тредиаковского, а злополучного пииту Кюхельбекера, ославленного Пушкиным» (*Измайлов А. А.* Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М.: Изд-во Т-ва И. Д. Сытина, 1913. С. 44). Имя Кюхельбекера сопутствовало Иванову и в стихотворных пародиях Измайлова. Ср.: «Когда б предтеча мой мог Кюхельбекер жить, — Измлев, о мне бы он взыгрался!...» (*Измайлов А. А.* Кривое зеркало: пародии и шаржи. [СПб., 1908]. С. 12). См. также: *Александров А. С.* Вячеслав Иванов в критической оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / отв. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 417—429.

В альбом С. П. Вяч. Иванов написал стихи... — Листок с автографом стихотворения, впервые опубликованного под названием «Нищ и светел» (*Иванов Вяч.* Эрос. СПб.: Оры, 1907), по всей вероятности, был написан на Таврической, 25, и впоследствии вклеен в альбом *СП*, заполненный в 1913—1926 гг. Обстоятельства поэтического подношения находим в пояснении, оставленном Ивановым к тексту своего стихотворения: «Переписано для дорогого друга, Серафимы Павловны Ремизовой, на память о вечере поэтов 26/27 сент. 1906» (*ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1292. Л. 6). Приглашение на «вечер поэтов», составленное в шутовском тоне от имени Вяч. Иванова и С. Городецкого днем 26 сентября, см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова. С. 89. Стихотворение, скопированное Ремизовым из альбома, имеет небольшие разночтения с печатной редакцией. См. также: *Поляков Ф. Б.* Автограф стихотворения Вяч. Иванова «Нищ и светел» в «Галерее русских писателей» Александра Элиасберга // Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы междунар. науч. конф. 9—11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 301—306.

С. 136. *Вяч. Иванова рисовал К. А. Сомов, 96 сеансов...* — Сомов относился к художникам, требующим от своих моделей многократных сеансов. Наблюдения, характеризующие технику Сомова-порт-

ретиста с профессиональной точки зрения, оставила А. П. Остроумова-Лебедева, позировавшая художнику в течение 73 сеансов (см.: *Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки*. М.: Центрполиграф, 2003. Т. 1–2. С. 228). Хронику создания портрета Иванова, работа над которым была начата в первых числах марта и завершена 24 апреля (по ст. ст.) 1906 г. по заказу издателя и редактора журнала «Золотое руно» Н. П. Рябушинского, см.: *Богомолов Н. А. 2009*. С. 174–177; *Шишкин А.* Сомов и Башня Вяч. Иванова: портрет – терцины – фронтиспис // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Междунар. Ивановской конф. «Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism» (The Hebrew University of Jerusalem, May 5–7, 2019) / отв. ред. Н. Сегал-Рудник, ред.-сост. Д. Сегал, О. Левитан, А. Шишкин, М. Вахтель. М.: Водолей, 2021. С. 377–411. Публикация портрета состоялась в третьем номере «Золотого руна» за 1907 г.

Потом Вяч. Иванов эту маску с себя снял... — Ремизов отчасти воспроизводит интерпретацию портретной техники Сомова, выдвинутую М. А. Волошиным непосредственно в связи с публикацией портретов Иванова и других символистов в «Золотом руно»: «Мысленно пропускаю я перед собой ряд образов: лики современных поэтов: Бальмонт, Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Александр Блок — длинное ожерелье японских масок, каждая из которых остается в глазах четкостью своей гримасы» (цит. по: *Волошин М.* Лики творчества / изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров Л.: Наука, 1988. С. 484. (Лит. памятники)). Ср. также более развернутое понимание концепта «маска» в применении к портретному искусству Сомова и, в частности, к его версии образа Иванова в статье Волошина «Современные портретисты» (1911): «Сомов глубоко и верно чувствует петербургские маски. Но за маской на его портретах глядят острые глаза живого человека. Маску он не принимает за живое лицо, но настоящие лица живут для него под масками. Его убедительность и красота — в этом противоположении внешнего и внутреннего лика...» (Там же. С. 282). Подробнее о символично-эстетических подтекстах в портретах Иванова см.: *Шишкин А.* «Лицо» — «маска» в культуре Серебряного века: Вяч. Иванов, К. Сомов, Н. Ульянов и другие // *Studi Slavistici*. 2018. [Vol.] XV, 1. S. 131–151.

...обратился в немецкого профессора... — Подразумевается типологический образ, однако благодаря созданному самим Ивановым культу Теодора Моммзена в его символистском литературном окружении сложился стереотип восприятия высокой образованности поэта в соотношении с именем известного немецкого ученого, способствовавший возникновению известных портретных корреляций. Ср. очерк Ремизова 1926 г., в котором упоминается отметивший 60-летний юбилей Иванов: «А Вячеслав Иванович Иванов в Риме отшельником: по-

ди, пришел сосед П. П. Муратов, поставили самовар, попили чайку с итальянскими баранками, спели орфические гимны, ушел Муратов “комедию” писать, а юбиляр засел за “римские древности” — познания всесветные! Достойный ученик великого учителя Момзена <так! — *Ред.*>» (*Петербургский буерак РК-Х*. С. 312). Несмотря на спорадическое общение 1895—1896 гг., когда семидесятилетний ученый согласился быть рецензентом диссертационного сочинения русского студента Берлинского университета, — Иванов считал Моммзена своим учителем и оставался в течение всей жизни убежденным почитателем его гениальной личности, реализовавшей разностороннее направления деятельности как историка, юриста, филолога и поэта. Научный труд молодого Иванова был написан на латинском языке и был посвящен исследованию системы государственных доходов и налогов в Римской республике. См. также о Моммзене и немецких учителях Иванова: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского Университета // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 1994. Vol. 35, № 1—2, Janvier—juin. P. 353—376. Ремизовское наблюдение об «обращении» Иванова «в немецкого профессора» корреспондирует с впечатлениями современников. Ср. воспоминания: «...когда он позднее обрелся, то стал — смесью Тютчева с Момзеном <так! — *Ред.*>...» (*Белый Андрей*. Начало века: Берлинская редакция (1923) / изд. подгот. А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. С. 625. (Лит. памятники)), — а также юбилейную статью, опубликованную к семидесятилетию Иванова в журнале «Современные записки» (1936. Кн. 62): «Склоненный бледным, впоследствии бритым лицом, напоминающим лицо его учителя Моммзена, над лекторской кафедрой, он в длинном черном сюртуке являл собой законченный облик немецкого ученого середины прошлого века» (цит. по: *Стенун Ф.* Вячеслав Иванов // Вяч. Иванов: Pro et contra: Антология. С. 588).

С. 136. ...*Jean Chuzeville, встречавший Вяч. Иванова в Москве...* — Подразумеваемая период 1904—1907 гг., Ремизов, очевидно, полагался на свои впечатления, относившиеся к июлю 1904 г., когда, находясь в Москве, он практически одновременно познакомился с поэтом Вяч. Ивановым и с безвестным молодым французом. Эта встреча произошла в книжном магазине. На склоне лет Ремизов вспоминал: «...я не утерпел и зашел на Кузнецкий к Тастевену. Но не французские новинки показал мне Тастевен, а только что приехавшего из Парижа: это был по возрасту мой сверстник, тонкий, как вылитый, с глазами астронома и филолога — звезды и слова: Жан Шюзевиль. Он был весь в Верлене, а в руках Малармэ <так! — *Ред.*>» (*Петербургский буерак-РК Х*. С. 163). Знакомство Иванова с Шюзевилем, по всей вероятности, относится к периоду между 1913 и 1916 гг., когда поэт после петербург-

ского периода своей жизни вновь обосновался в Москве. В эти годы Шюзевилю уже был принят в кругу московских и петербургских литераторов как переводчик русской поэзии и литературный критик.

...полтора месяца прожил в Риме на одной улице с Вяч. Ивановым... — Шюзевилю посетил Иванова 18 декабря 1938 г. Очевидно, напоминанием о давнем знакомстве стал преподнесенный в этот день «запоздалый» подарок — подготовленная Шюзевилем в конце 1913 г. «Антология русских поэтов», которая, в частности, содержала переводы на французский стихов Иванова (см.: *Chuzeville J. Anthologie des poètes russes* / [предисл. на фр. яз. В. Брюсова]. Paris: G. Crès & Cie, 1914). Сообщено А. Б. Шишкиным.

...в образе «овчего пастыря»... — Сравнение предполагает, по крайней мере, два уровня коннотаций: 1) с внешностью Вяч. Иванова 1900-х гг., вызывающей у современников ассоциацию с утвердившимся в западноевропейской живописи каноном изображения Иисуса Христа — «доброего пастыря», который отразился также в портрете К. А. Сомова, созданном в 1906 г. Ср.: «...когда <Иванов> носил бороду, то... чуть-чуть... — простите за выражение — “христосился” <...> все это схватил Сомов» (*Белый Андрей*. Начало века: Берлинская редакция (1923). С. 625); 2) с ролью Иванова как наставника и идеолога символистов. Ср.: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10: 11).

...это ото всех скрыто и если бы как-то содрать с себя кожу и рассечь себя, вышел бы этот человек — я. — Ремизов затрагивает философскую тему внутреннего «Я», расходящегося с внешними признаками реального образа. Часть этой проблемы была стратегия построения литературной личности. Подробнее см.: *Синяевский А.* Литературная маска Алексея Ремизова // *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer* / ed. by G. Slobin. Columbus: Slavica, [1987]. P. 25–40. (UCLA Slavic Studies; Vol. 16). См. также: *Обатнина Е.* Портрет писателя: взгляд извне и самоотождествление героя: (Алексей Ремизов в художественной галерее 1906–1910 гг.) // «Учителя, ученики, коллеги...»: Сб. ст. к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М.: РГГУ, 2021. С. 339–361.

Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал, ученица Виардо... — Занятия пением Зиновьева-Аннибал начала в возрасте 28–29 лет. Настроенная довольно амбициозно, она брала уроки вокала у прославленной обладательницы меццо-сопрано Полины Виардо и даже хотела стать ее биографом. Ср. письмо Зиновьевой-Аннибал от 16 июня 1895 г., адресованное будущему супругу Вяч. Иванову: «Я до Января или Февраля остаюсь в Париже, где учусь у Mme Viardot, которая взялась сделать из меня артистку, и знающие люди говорят, что одно то, что она согласилась, дает гарантию моему голосу» (*Иванов Вяч., Зиновье-*

ва-Аннибал Л. Переписка, 1894–1903: в 2 т. / подгот. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. статьи М. Вахтеля и Н. А. Богомолова; коммент. Н. А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д. О. Солодкой. М., 2009. Т. 1. С. 249). Однако судьба оперной примы не состоялась, и единственной отрадой для начинающей певицы оставалось исполнение на дружеских вечерах. Ср. трагическую версию внезапно завершившейся карьеры, которую спустя несколько десятилетий зафиксировал по памяти поэт и музыкант М. Кузмин: «Училась петь она у Виардо и, вероятно, благодаря деньгам добилась дебюта в миланском “La Scala”, но в день спектакля паралич поразил ее голосовые связки. С <тех> пор у нее остались только единичные великолепные ноты замечательной по тембру и оригинальности голоса среди полного хрипа» (*Кузмин М.* Дневник 1934 года / под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 68).

С. 136. ...автор единственного рассказа «Тридцать три уroda»... – Литературное наследие Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, действительно, невелико, но подразумеваемая здесь повесть «Тридцать три уroda» (1906) была не единственным ее произведением, хотя едва ли не самым скандальным по содержанию, в котором философское осмысление соотношения искусства и жизни облекалось в контуры лесбийской любви. В повести также нашла отражение концепция философии Эроса, сформировавшаяся в браке писательницы с Вяч. Ивановым. Подробнее см.: *Михайлова М. М.* Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза» или «яркий образ возможного счастья»? // Философские эманации любви / сост. и отв. ред. Ю. В. Силюк. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 62–98). Толкование повести см.: Вяч. Иванов. Предисловие к посмертному изданию «Тридцати трех уродов» (ок. 1918–1920) / публ. Г. В. Обатнина // *De Visu*. 1993. № 9. С. 25–29. Символично-образный строй повести отразил также историю взаимоотношений Ивановых с К. А. Сомовым. Подробнее см.: *Шишкин А.* Сомов и Башня Вяч. Иванова: портрет – терцины – фронтиспис. С. 377–411.

...так и простудилась и померла 17 X 1907. – Зиновьева-Аннибал скоропостижно скончалась от скарлатины. См. дневниковые записи и воспоминания В. К. Шварсалон о последних днях и смерти ее матери (*Богомолов Н. А.* 2009. С. 249–274).

...Анна Рудольфовна Минцлова... – Упоминание имени *Анны Рудольфовны Минцловой* в контексте сна *СП* связано с ролью этой колоритной представительницы международного оккультно-теософского движения начала XX в. в жизни Вяч. Иванова. Ее влияние особенно усилилось после кончины Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, когда Минцлова способствовала развитию визионерского опыта поэта (см.: *Обат-*

нин Г. Иванов-мистик: Окультизм в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 57–64). Подробнее о Минцловой см.: Carlson M. Ivanov – Belyj – Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov / a cura di F. Malcovati. Firenze: Nuova Italia, 1988. Vol. 1. S. 63–79; Богомолов Н. А. Аппа-Rudolph // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 23–110. Предположительной датой знакомства Ремизовых с Минцловой можно считать 18 декабря 1906 г., когда М. А. Волошин устроил званый обед для петербургских знакомых. См. упоминание об этом приеме одного из гостей (*Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 288*). Минцлова обладала незаурядной интуицией в распознавании психоэмоциональных особенностей людей творческого круга. В частности, она стала духовной наставницей молодой жены Волошина – М. В. Сабашниковой (см. подробнее: *Азадовский К. М. «Я чувствую в Вас вечность...»: Из писем А. Р. Минцловой к Маргарите Сабашниковой // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 10–12*), а также проявляла пристальное внимание к младосимволистам. По свидетельству А. Белого, ее деятельность в России была продиктована намерением создать узкий круг посвященных – «людей, образующих Грааль, чашу» (*Белый Андрей. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 592*). Особый интерес возник у Минцловой к личности *СП*, сочетавшей в себе глубокую религиозность и вместе с тем наивную, в духе народного суеверия, восприимчивость к явлениям «чуждого»; природную совестливость и ригоризм характера, с определившейся потребностью в приложении своим духовным силам. Необычайная активность Минцловой в желании вовлечь жену писателя в реализацию ее духовной программы зафиксировалась в некоторых письмах Ремизова к *СП*. В частности, писатель сообщал о московской встрече в конце марта 1907 г.: «В Политехническом Музее на лекции Брюсова встретил Анну Рудольфовну. Обещал на сегодня к ней. Она добрый человек и тебя любит, она сразу поняла твое место там, духовную высоту» (цит. по: *На вечерней заре 2014 (1). С. 166*). Контакты Минцловой с женой писателя продолжались и в 1909 г., о чем свидетельствует другое его письмо с упоминанием об очередном визите в их дом в отсутствие *СП*: «<Минцлова> говорила <...> о занятиях на осень, и о своих осенних надеждах»; «...она до тех пор не уедет из Петербурга, пока не повидает тебя: ей надо тебя видеть непременно» (*На вечерней заре 2016. С. 172*).

С. 136. ...*сестра С. Р. Минцлова...* — Литературная карьера брата А. Р. Минцловой — *Сергея Рудольфовича Минцлова* — началась в 1897 г. книгой стихов, опубликованных в Одессе. Впоследствии он стал известен как автор исторических романов для юношества. В 1910 г. изданием было начато его Собрание сочинений (вышел только первый том). В эмиграции он продолжал линию исторической беллетристики, иногда усиливая ее мистическими элементами. Скандальную известность Минцлову принесла публикация в 1925 г. «этюда» под названием «Тайна» (*ПН*. 1925. № 4 (1470), 8 февр. С. 2—3). Подробнее о последовавшем за публикацией литературно-церковном инциденте см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «La vie», или Жизнь «чудесным образом». Париж, 1924—1925 // *Литературный факт*. 2019. № 4 (14). С. 13—14.

...*о снах с ней разговаривал...* — Содержание этих разговоров не сохранилось, однако в письмах Ремизова жене был зафиксирован его сон с участием Минцловой, до известной степени отражавший характер взаимоотношений. Ср.: «Я на Петербургской стороне, ищу квартиру Александра Мих<айловича> Коноплянцева. <...> и вошел в какой-то дом. И мне говорят, что ты сидишь в отдельной комнате и что тебя никому нельзя видеть, потому что ты в “наитии” [трансе]. Но я не послушал и вошел в комнату. И вижу: ты сидишь, все лицо у тебя горит, ты смотришь на меня, но не видишь. Я наклонился и целую тебя в лоб. И тут появилась Анна Рудол<ьфовна> Минцлова и скоро, сливая слова, говорит: “Сейчас С. П. будет говорить”. И меня охватил страх, и я проснулся» (*На вечерней заре* 2015. С. 169, а также с. 204).

...*друг исчезла, говорили, что кончила самоубийством...* — Минцлова пропала без вести при невыясненных обстоятельствах осенью 1910 г. См. попытки современников раскрыть эту тайну: *Бердяев Н. А.* Самопознание. М.: Книга, 1991. С. 191; *Белый Андрей*. Собр. соч.: Проект проф. В. М. Пискунова (1925—2005). Между двух революций. Воспоминания / подгот. текста, послесл. и коммент. А. В. Лаврова. М.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 280.

С. 136—137. *Какое-то отношение она имела к антропософии — к Рудольфу Штейнеру.* — А. Р. Минцлова, как убежденная последовательница Р. Штейнера, приняла на себя миссию распространения основ антропософского учения в кругах русской творческой интеллигенции. Подробнее см.: *Глухова Е. В.* Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // *Русская антропологическая школа*: Труды. М.: [РГГУ], 2007. Вып. 4, ч. 2. С. 215—270. О встречах Ремизовых с антропософами в годы эмиграции см.: Письма М. В. Сабашниковой А. М. Ремизову 1927—1930 годов: неизвестные эпизоды истории отношений /

вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // *РЛ*. 2022. № 4. С. 246–261.

С. 137. *О ней есть у Андрея Белого и у Г. И. Чулкова в «Воспоминаниях».* — Воспоминания Андрея Белого «Между двух революций» были подготовлены к печати автором, но вышли в свет после его смерти в «Издательстве писателей в Ленинграде» (1934). По сравнению с этим одним из немногочисленных и верифицированных источников о личности и деятельности А. Р. Минцловой мемуары Г. И. Чулкова «Годы странствий» (М.: Федерация, 1930) содержат лишь краткие упоминания о ней. В частности, в комментариях к письму А. А. Блока с упоминанием об этой одиозной личности 1900-х гг. мемуарист обрисовал ее круг общения и деятельность: «Анна Рудольфовна Минцлова, особа весьма известная в теософских кругах. Блок и я встречались с ней в доме Вяч. Иванова, с которым у А. Р. Минцловой была одно время серьезная духовная связь. Впоследствии она вышла из теософского общества, не считая путь его правильным» (С. 390).

Она была ~ «мироносицей» Вяч. Иванова... — Александра Николаевна Чеботаревская входила в круг близких друзей Вяч. Иванова. Историю отношений см. в публ.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 г. С. 238–295. Возможно, Ремизов освежил свои воспоминания о петербургском литературном быте, воспользовавшись мемуарами Вл. Пяста «Встречи» (М.: Федерация, 1929), автор которых едва ли не первым из мемуаристов восстановил ироническое именование женского окружения Вяч. Иванова. «Мироносицей» среди посетителей знаменитой «Башни» — петербургской квартиры Вяч. Иванова на Таврической улице — изначально в шутку называли Марию Михайловну Замятнину (1865–1919) — преданного друга семьи Ивановых. Однако по мере расширения дружеского круга Вяч. Иванова этот евангельский собирательный образ распространился на некоторых других женщин, принимавших участие в делах семьи поэта, особенно после смерти его супруги Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Ср.: «...бессменный хранитель всей семьи, безвременно состарившаяся в бескорыстных хозяйственных заботах по дому поэта ученая женщина, покойная Мария Михайловна Замятнина. Но уже с первых шагов Вячеслава в Питере кадр “жен-мироносиц” вырос около этого изумительного творчески, хотя и беспомощного жизненно, человека» (цит. по: *Пяст. Вл. Встречи* / сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 47). Ср. также заметки Кузмина, касающиеся образа Замятниной: «Она не только вела хозяйство, следила за детьми, правила корректуры, готовила рукописи, <...> чуть ли не готовилась к лекциям, которые должен был читать Вяч. Ив. И самопожертвова-

ние, и требовательность, и смирение, и обидчивость, и благодарность за малейшее внимание — все соединялось в образ для других смешной мироносицы» (*Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 106*).

С. 137. *Сын священника от Семена Столпника.* — Речь идет о знакомом Ремизову в юности *Павле Владимировиче Беневоленском* (годы жизни не установлены) — одним из сыновей священника *Владимира Павловича Беневоленского*, служившего с 1881 по 1917 г. в церкви св. Симеона Столпника за Яузой.

...ходил он в голубой распашонке и представлял «отрока» при Вяч. Иванове... — Еще будучи студентом историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета М. Л. Гофман вошел в круг литературной элиты. В 1907 г. он выполнял обязанности секретаря в издательстве Вяч. Иванова «Оры». См.: *Гофман М. Л. Петербургские воспоминания // Новый журнал. 1955. № 43. С. 120—133.* Ср. также сохраненные в памяти впечатления В. В. Перемиловского, который 7 августа 1927 г. писал Ремизову в связи с публикацией критического отзыва Гофмана на роман «Взвихренная Русь»: «...на днях в “П<оследних> новостях” прочел рецензию Мод<еста> Гофмана на Вашу книгу <...> так и вспомнился “когда-то’шний” скромный юноша, зазывавший к себе писателей, выпрашивавший у них посвящение себе, на цыпочках, в сюртуке, перед профессором ходивший... Сейчас-то на цыпочках, поди, больше ни перед кем не ходит. Но, вообще, стал лучше (судя по работам по Пушкину)» (*Amherst. Series 1. Box 4. F. 12*).

5

К. Д. Бальмонт 1867—1942

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла из восьми миниатур: *Ремизов А. Мои сны* (Звено. 1925. № 143, 26 окт. С. 3; под цифрой 2, под названием «Бальмонт»). См. также: *Ремизов А. Страница небывалая. С. 98.*

В *Книге II*, на обороте л. 13, предшествующего тексту сна «К. Д. Бальмонт», вклеена вырезка из печатного источника с фотопортретом Бальмонта. Аналогичная фотография размещалась на программе авторского выступления поэта в Париже 24 марта 1924 г. в Théâtre Raymond Duncan (*Amherst. Series 2, Serafima Remizova-Dovgello Papers. Box 20. F. 6*).

В петербургских архивных фондах сохранились документы, подтверждающие не только особую роль творческой личности поэта *Константина Дмитриевича Бальмонта* в формировании литературно-эстетических вкусов как Ремизова, так и *СП*, но и эпизоды, связанные

с их личными встречами с поэтом и его семьей. Одно из первых свидетельств относится к 1894 г., когда петербургская типография М. Стасюлевича выпустила в свет поэтический сборник К. Бальмонта «Под северным небом: Элегии, стансы, сонеты». В автобиографии, составленной в 1912 г., Ремизов отмечал эту книгу в ряду литературных событий, оказавших влияние на формирование персональной модели литературного творчества. Ср.: «В 1894 году вышел сборник “Русские символисты” и стихи К. Д. Бальмонта “Под северным небом”. Тут я узнал имена Бальмонта и Брюсова, эти первые имена современной русской поэзии, и полюбил их без рассуждения» (*РНБ. Ф. 634, № 1*; цит. по: *Плачущая канава-РК IV. С. 458*). В книге, посвященной жизни *СП*, Ремизов, рассказывая о вологодской ссылке, вспоминал круг чтения ссыльных революционеров: «Обыкновенно после обеда Щеголев читал вслух Чехова. И стихи декадентов — 1902 год — Бальмонт, Брюсов, а из старых Фет» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 499*). Бальмонт с 1906 г. жил в Париже, обосновался в квартале Пасси (Rue de la Tour, 60). В 1911 г. Ремизовы были уже знакомы с ним лично. Ср. письмо, адресованное А. А. Блоку из Парижа, в котором писатель упоминает о встречах с Бальмонтом: «В Россию он не вернется, застрял он тут и сил уж нет выкарабкаться. А сколько еще молодости в нем и порывистости и нежности» (*Блок А. А. Переписка с А. М. Ремизовым: (1905—1920) // ЛН. Т. 92, кн. 2. С. 94*). В архиве, оставленном писателем в Петрограде перед отъездом в эмиграцию, сохранилось три письма поэта к Ремизову за 1911 и 1912 гг. (*РНБ. Ф. 634. № 54*), а также письма за 1913 г. вместе с вырезками из печатных источников с портретами поэта и его дочери Нины (*Ремизов А. М. Тетрадь «Адреса и поездки за 1913—1919» // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6*; описание альбома см.: *Обатнина Е. Р. Кладовая творчества А. М. Ремизова: Аннотир. каталог артефактов писателя в собр. Рукописного отдела Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 318*). В другом альбоме («Мой альбом. 1919—1921. Цветник») сохранился рисунок Нины Бальмонт в обрисовке Ремизова (*РНБ. Ф. 634. № 17. Л. 3*). Среди эпистолярных документов эмигрантского периода жизни (*Amherst, «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»*) выявлены пять писем Бальмонта, относящиеся к 1924, 1925, 1934 и 1935 гг., а также программы его творческих вечеров, организованных в Париже, на которые супруги получали персональные приглашения.

С. 138. *Он был так прекрасен, полон такого света....* — Образ поэта во сне *СП* коррелирует с названием его сборника «Будем как солнце: Книга символов» (М.: Скорпион, 1903).

С. 138. *Мне памятливы его глаза и руки...* — Ср. впечатления от внешнего образа поэта, переданные другим его современником: «Бальмонт со своим благородным черепом, который от напряжения вздыбился узлистыми шишками, с глубоким шрамом — каиновой печатью, отметившим его гневный лоб, с резким лицом, которое все — устремленье и страсть, на котором его зеленые глаза кажутся темными, как дырки, среди темных бровей и ресниц, с его нервной и жестокой челюстью Иоанна Грозного, заостренной в тонкую рыжую бородку» (цит. по: *Волошин М.* Александр Блок. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. Изд. «Скорпион», 1907 // *Волошин М.* Лики творчества. С. 484).

Он начал говорить стихи, но таких стихов у Бальмонта нет... — СП была искренней поклонницей поэзии Бальмонта и знала его стихи наизусть. Ср. фрагмент из воспоминаний Ремизова, относящийся к 1907 г., с упоминанием чтения на память стихотворения «Играющей в игры любовные» (1901) из книги стихов «Будем как солнце. Книга символов» (1903) (*Кукха*. С. 67).

«И неужели правда, — подумала я, — такое совершенство и красота, и такая распутная жизнь?» Я припомнила рассказы о Бальмонте. — Ср. воспоминания супруги поэта Е. А. Андреевой-Бальмонт, сохранявшей подлинное благоговение перед его талантом и личностными качествами, несмотря на многочисленные увлечения мужа, его вторую семью, а также тяжелые формы алкогольной зависимости: «...в Бальмонте жило два человека. Один — настоящий, благородный, возвышенный, с детской нежной душой, доверчивый и правдивый, и другой — когда он выпьет вина, полная его противоположность: грубый, способный на все самое безобразное» (*Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания о Бальмонте / под ред. А. Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 377).

С. 138—139. *Единственная сохранившаяся память о Бальмонте «Фейные сказки» ~ с надписью Наташе Ремизовой...* — Адресат инскрипта Бальмонта — дочь Ремизовых *Наталья Алексеевна Ремизова*. Автограф Бальмонта среди архивных материалов Ремизовых не выявлен, хотя он находился в парижском архиве писателя. Надпись на книге была переписана Ремизовым и включена в СПР-Д. См.: *Книга IX*. С. 473. Характерно, что текст книги «Фейные сказки. Детские песенки» открывался стихотворным посвящением дочери поэта Нине (1900—1989) — «Солнечной Нинике, с светлыми глазками...». Таким образом, вся книга являлась символическим выражением отцовского «культа» дочери, что отвечало и ремизовскому отношению к маленькой Наташе.

С. 139. *Лежу со сломанной ногой...* — Экспромт К. Бальмонта. Об обстоятельствах полученной травмы см. в воспоминаниях супруги поэта: *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания о Бальмонте. С. 370.

Д. В. Философов
1873–1940

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла из шести миниатюр: *Ремизов А. Мои сны* (Звено. 1925. № 143, 26 окт. С. 3; под цифрой 4, под названием «Философов»). См. также: *Ремизов А. Сторона небывалая*. С. 98–99.

В *Книге II*, на обороте л. 16, предшествующего тексту сна «Д. В. Философов», вклеена вырезка из неустановленного печатного источника: «В. Л. Бурцев среди членов редакции газ. “За Свободу”». Фотография имеет отношение к эмигрантскому периоду жизни *Дмитрия Владимировича Философова*, входившего после 1923 г. в редакционную коллегия политическую, литературную и общественной газеты «За свободу!» (Варшава, 1921–1932). В 1926–1931 гг. газета «За свободу!» сотрудничала с парижским журналом «Борьба за Россию», одним из постоянных авторов которой был политик, публицист *Владимир Львович Бурцев*.

Герой сна *СП* – Д. В. Философов – относится к узкому кругу столичных литераторов, в 1901 г. вступивших в переписку с безвестным политическим ссыльным Алексеем Ремизовым. С этого времени берет отсчет история их отношений, в которых Философов выступал и как литературный критик, и как старший заботливый друг супружеской пары. Его доброжелательное расположение и интерес к творчеству начинающего писателя позволили Ремизову включить его имя в контекст первых литературных снов. Впервые Философов стал субъектом ремизовского онейрического жанра в 1911 г.: в миниатюре под названием «Железный царь» упоминался «старый приятель литератор Ф.» (*Шиповник* 3. С. 185; см. также: *Ахру-РК VII*. С. 444–445). Философов, стиль суждений которого о литературных тенденциях обычно характеризовался академичностью, не признающей модных новаций, был одним из критиков, распознавших в циклах ремизовских снов, первый из которых появился в печати в 1908 г. (*Ремизов А. Под кровом ночи: Сны // Золотое руно*. 1908. № 5. С. 31–37), манифестацию идеи символизма. В статье «Сны (Ремизов)» (1910) критик писал: «Ремизов очень просто, а потому и глубоко выражает скорбь современной души по “реальной реальности”, как выразился бы Вячеслав Иванов» (цит. по: *Философов Д. В.* Старое и новое. М.: [Т-во И. Д. Сытина], 1912. С. 25–28). Историю отношений литературного критика с писателем, связанную с петербургским локусом, см.: *Переписка с Философовым*. В эмиграции эпистолярное общение супругов Ремизовых с Философовым, обосновавшимся в Варшаве, имело спорадический, но преимущественно дружественный характер. См. так-

же о литературных взглядах корреспондентов: *Обатнина Е.* Дмитрий Солунский и Алексей человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д. В. Философова и А. М. Ремизова) // *Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова / под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис, М. Ю. Эдельштейна.* М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 460–480.

С. 139. *Пришла я к Мережковским. В передней стоят: З. Н. Гиппиус, Философов, Татьяна Николаевна Гиппиус...* — Сон содержит рефлексии на жизнь духовной общины, созданной идеологами «троебратства» — Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философовым — для реализации идеи «Новой Церкви» в 1901 г. См. подробнее в статьях *М. М. Павловой:* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус) // *РЛ.* 2017. № 3. С. 222–241 (Статья 1); № 4. С. 166–194 (Статья 2). В 1905–1908 гг. *СП* находилась в орбите духовных исканий Мережковских. Особенности, доверительные отношения у нее сложились с З. Н. Гиппиус. Супруга Ремизова была принята в так называемое «младшее гнездо» общины вместе с сестрами З. Н. Гиппиус — упомянутыми во сне Татьяной и Натальей Гиппиус. Однако глубокая религиозность *СП*, ее опыт подпольной политической деятельности, закончившейся ссылкой на Русский Север и осознанным отказом от участия в революционной партийной жизни (1896–1903), создали в ее сознании определенные тупики противоречий, не позволившие ей стать «слепой» последовательницей Мережковских. Подробнее см.: *Перетиска З. Н. Гиппиус с Ремизовыми.*

Бестужевские Курсы — См.: *Книга I.* Коммент. к с. 123. *СП* училась на историко-филологическом отделении с 1893 по 1897 г. Сохранилось свидетельство о завершении ею четырехлетнего цикла обучения (см. копию: *Книга II.* С. 158).

Что же такое был Философов? — Ср. отзыв современника, входившего в круг общения Мережковских: «Дмитрий Владимирович был прежде всего и более всего “эстет”, безукоризненно-корректный и сдержанно-изящный в своей внешности и своем поведении...» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 210).

С. 140. *...жить с Мережковскими...* — Исследование идеи «троебратства», осуществленной в союзе супругов Мережковских и Д. В. Философова, см.: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России / пер. с англ. Е. Островская. М.: Новое

литературное обозрение, 2008. С. 202–218; *Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Философовым*.

...уехал от матери с Баскова пер. ... — Имеется в виду квартира в доме № 21 в Басковом переулке, где проживала с 1904 по 1909 г. мать Д. В. Философова — *Анна Павловна Философова*. См. о ней: *Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и ее время // Сборник памяти Анны Павловны Философовой*. Пг.: Т-во Р. Голике и Е. А. Вильборг, 1915. Т. 1. С. 466–467.

...в доме Мурузи... — В Петербурге супруги Мережковские проживали по адресу Литейный проспект, 24 (на углу с Пантелеймоновской улицей) с осени 1889 по лето 1912 г. Дом, построенный в мавританском стиле по проекту архитектора А. К. Серебрякова при участии П. И. Шестова, сразу стал архитектурной достопримечательностью столицы и получил распространенное название по имени первого владельца — А. Д. Мурузи. Фактически Философов поселился с Мережковскими в доме на Литейном после возвращения из Франции, где они втроем провели два года — с 1906 по 1908 г.

И терпел до Варшавы, т. е. до 1920 г. ... — Слом в отношениях Мережковских и Философова произошел в августе 1920 г. на почве расхождений в тактике антибольшевистской деятельности с Б. В. Савиновым, который присоединился к ним в Варшаве (см. подробнее: *Книга II*. Коммент. к с. 489). О польском периоде эмиграции Мережковских см.: *Гиппиус-Мережковская З. Н.* Собр. соч. Т. 16 (доп.): Он и мы. Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа / предисл., подгот. текста и коммент. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2019. С. 249–254, 334–338. Обстоятельства разрыва Философова с Мережковскими описаны также в письмах и комментариях: *Переписка З. Н. Гиппиус с Д. С. Философовым*. С. 626–627; *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 357–358.

...Мережковские со Злобиным уехали в Париж... — *Владимир Ананьевич Злобин* был приобщен к жизни триумвирата по инициативе З. Н. Гиппиус в 1918 г.; в декабре 1919 г. вчетвером (Мережковские, Философов и Злобин) бежали из России в Польшу. В 1920 г., после отъезда из Варшавы, Злобин выполнял при супругах не только обязанности их литературного секретаря и «домоуправляющего», но и сохранял позиции полноправного участника всех литературно-общественных начинаний Мережковских, проводника их религиозно-эстетических идей и литературных взглядов на страницах печати. После смерти супругов Злобин остался единственным наследником их зарубежного литературного архива, исполнив миссию биографа и мемуариста. Подробнее о нем см. в публикации писем З. Н. Гиппиус к В. А. Злобину 1920–1937 гг.: *Intellect and Ideas*. P. 181–331, а также во вступительной статье к публикации: *Переписка З. Н. Гиппиус*

с В. А. Злобиным, 1916—1919 / публ. М. М. Павловой // *ЛН*. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 106: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус, кн. 2. С. 493—507. По отношению к Ремизову Злобин сыграл неблагоприятную роль как автор идеологизированной критики, в оскорбительных дефинициях охарактеризовавший творчество писателя в 1926 г. (*Злобин Вл.* «Версты» // *Новый Дом*. 1926. № 1. С. 35—36; подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926—1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // *Литературный факт*. 2019. № 17. С. 37—40).

С. 140. ...*был библиотекарем в Публичной библиотеке...* — Д. В. Философов служил заведующим Юридическим отделением Императорской Публичной библиотеки в должности младшего библиотекаря с 1900 до начала 1905 г. После участия в митингах протеста, осуждающих расстрел мирной демонстрации рабочих, и нескольких выступлений в печати в защиту служащих Публичной библиотеки по настоянию Дирекции ему пришлось уволиться. В октябре 1918 г. Философов вновь поступил на службу в библиотеку, где в течение года получил повышение с должности младшего библиотекаря до должности библиотекаря, работая в отделах «Россика», полиграфии и рукописей (см.: *Грин Ц. И.* Философов Дмитрий Владимирович // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биогр. словарь*. СПб.: Изд-во РНБ, 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795—1917. С. 541—545). Именно при посредничестве Философова в 1919 г. значительная часть ремизовской дореволюционной корреспонденции и рукописных творческих документов были переданы писателем в фонды Отдела рукописей (см.: *Переписка с Философовым*. С. 415—418). После отъезда Ремизовых в эмиграцию материалы писателя, объявленного «белоземigrантом», не подверглись уничтожению благодаря предусмотрительным действиям Философова, который перед побегом в Польшу в декабре 1919 г. спрятал архив Ремизова в недрах хранилищ Отдела рукописей. Аналогичным образом сохранился и архив З. Н. Гиппиус. Этот «клад» сотрудники библиотеки обнаружили только в 1933 г. Подробнее см.: *Переписка с Философовым*. С. 371—372, 414—418).

...*потом Савинков. Какое разочарование и сколько огорчений!* — Короткое упоминание отсылает к долгой истории взаимоотношений. Д. В. Философов и Мережковские лично познакомились с *Борисом Викторовичем Савинковым* зимой 1907/08 г. в Париже. Однако первые о революционере, скрывавшемся от преследования полиции, руководителе Боевой организации партии социалистов-революционеров они узнали от С. П. Ремизовой-Довгелло, которая рассказала Мережковским о встречах с ним в 1902 г., когда она и ее будущий муж

отбывали политическую ссылку в Вологодской губернии. Инициатор Боевой организации партии эсеров старался распространить на молодую женщину партийное влияние, видя в ней человека, преданного революционным идеалам. Подробнее о взаимоотношениях Довгелло и Ремизова с Савинковым см.: *Письма к Щеголеву (2002)*. С. 124—126. Для Ремизова и Серафимы Довгелло, еще в ссылке принявших решение отойти от революционной борьбы, Савинков был воплощением слепой приверженности идее насильственной революции. Встреча с Савинковым придала религиозно-философским исканиям Мережковских новую валентность: в результате общения с ним возникла концепция так называемого «революционного христовства». Ср. письмо Философова Савинкову от 22 мая 1908 г., в котором выражалось мнение триумвирата: «Вы и не представляете себе, как знакомство с Вами <...> нам было нужно и важно. Что ни говори, но в нас сидят неисправимые эстеты, и эстетика наша жестоко страдала при столкновении с революционерами. Для нас Вы (помимо прочего) спасли эстетику революции, показали две ее прекрасные стороны (волю и чувство) и за это Вам великое спасибо» (*Переписка с Савинковым*. С. 102). Пути Мережковских и Савинкова вновь пересеклись в Варшаве в январе 1920 г. Их старый знакомый прибыл в Варшаву после подавления организованных им антибольшевистских восстаний в Ярославле, Рыбинске и Муроме и разгрома армии Колчака. Вскоре совместно с Мережковскими был разработан подробный план действий (при поддержке маршала Ю. Пилсудского) по формированию 3-й Русской армии, а также «Русского политического комитета» (РПК) из бывших военнопленных. При этом Савинков занял позицию «главнокомандующего», возложив на Философова полномочия своего заместителя. После того как осенью 1920 г. Пилсудский принял решение о заключении мирного договора с Советской Россией, РПК был вынужден прекратить деятельность на территории Польши. Об обстоятельствах этого времени Ремизовы узнали из письма З. Н. Гиппиус: «Дима <Д. В. Философов>, — писала она из Парижа 28 сентября 1921 г. — это наша рана; он остался с Сав<инковым> в Варшаве и вполне ему предался. Мы сами же вызвали С<авинко>ва в Варшаву, как чуть не единственного, при общем безумии и оподленинии эмигрантов, кто понимает правду и хочет действительно бороться с б<ольшеве>ками, а не разговаривать и не заниматься дрызгами несуществующих старых партий. И Польша была великолепным местом для дела. Но она, *победив* б<ольшеве>ков, осатанела от жадности и глупости, стала — заключать мир! И мы ясно увидели, что работа там уже бесплодна. Но Сав<инков> — (вы знаете его упрямство, его неумение различать людей и его неспособность к совместной рабо-

те) — уже зарвался. Решил оставаться там quand même <все же (фр.)>. Нам приходилось или уезжать, или, как Дима, “инкрустироваться” в Сав<инкова>. Мы с Дм<итрием> Серг<еевичем> на последнее не способны, а потому и уехали из Варшавы, где даже и невыносимо стало жить морально, — при “советских” посланниках. Мы уехали без явной ссоры, но, конечно, в глубоких расхождениях. Варшавское “дело” теперь для нас непонятно, да и неспособны мы на него в его данном аспекте, — “боевой организации” какой-то, с вождем, который требует в себя слепой веры» (*Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 357–358). После ликвидации РПК 7 октября 1921 г. и высылки из Польши большинства его членов Философов был вынужден на время скрыться вместе с Савинковым в Праге (ноябрь 1921), а затем ненадолго поселился в Белграде. Однако уже в марте 1922 г. он вновь вернулся в Варшаву. Подробнее о «варшавском» периоде жизни Философова и влиянии на него Савинкова см.: *Пахмусс Т. А.* Борис Савинков в жизни Зинаиды Гиппиус // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1997. М.: Наука, 1998. С. 102–113; *Демидова О.* «Варшавский гамбит» в эмигрантской судьбе Мережковских и Философова // Космополис. 2006. № 1. С. 91–107; *Переписка с Савинковым*. С. 80–84. Ударом для Философова, сохранявшего товарищеские отношения с Савинковым и после безуспешных попыток организации антибольшевистского наступления, стали известия о событиях, последовавших за его арестом сотрудниками ОГПУ 16 августа 1924 г. и процессом в Военной коллегии Верховного суда СССР (27–28 августа), в ходе которого Савинков подтвердил собственное раскаяние в антибольшевистской деятельности. Первоначально было вынесено решение о высшей мере наказания, однако ввиду признания подсудимым советской власти приговор изменили на 10 лет лишения свободы. Подробнее см.: *Борис Савинков на Лубянке: Документы*. М., 2001. Реакция Философова выразилась в публикации ответного личного письма, обращенного к недавнему товарищу по антибольшевистской борьбе (За свободу! 1924. № 249, 17 сентября. С. 1). Об обстоятельствах получения письма см.: *Дюррант Дж. С.* Варшавские годы Д. В. Философова // Наше наследие. 2002. № 63–64. С. 71. Ознакомившись с опубликованными в прессе показаниями Савинкова на судебном процессе, в которых он отказывался от собственных убеждений, в своем публичном обращении Философов подводил черту многолетнему сотрудничеству. Констатируя полный крах собственных иллюзий в отношении Савинкова, он, в частности писал: «Я не буду доказывать, как это делают уже многие, что Вы были всегда “подлецом”, и что от Вас всегда можно было ожидать “всего” <...> потому что с большевиками Вы боролись честно. <...> Для меня Вы — мертвый лев. А с той живой со-

бакой, которая находится теперь в России, я не могу и не хочу иметь ничего общего» (*Философов Д.* Ответ Б. В. Савинкову // *За свободу!* 1924. № 249 (1304), 17 сентября. С. 1). Подробнее о публикации в газете «За свободу!» см: *Колоницкий Б. Д.* В. Философов и его дневник // *Звезда.* 1992. № 1. С. 191; *Демидова О. Р.* Политическое как эстетическое: дело Савинкова в варшавской газете «За свободу!» // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре.* 2013. № 1 (87) (январь—февраль). С. 175—191. Под впечатлением от гибели Савинкова 7 мая 1925 г. Ремизов практически сразу начал писать первые наброски к своим воспоминаниям о человеке, личность которого он и *СП* воспринимали амбивалентно, отдавая должное его сильному характеру и литературному таланту и, наконец, судьбе, сведшей их в Вологде. Очерк впервые появился в печати в 1932 г.: *Ремизов А.* Савинков // *ПН.* 1932. № 4008, 13 марта. С. 2—3. Однако в рукописи романа «Иверень» этот же текст получил дополнительное название «Савинков — le tueur de lions — <убивающий львов (фр.)>». Ремизов, вслед за Философовым, использует образ льва, но задает новый ракурс восприятия личности Савинкова и его гибели. Согласно его интерпретации, Савинков — бесстрашный вождь, завоеватель, по собственной воле ставший жертвой «львицы»-России. Ремизовский портрет Савинкова корреспондирует с дневниковыми записями *СП*, созданными после его гибели на Лубянке (*ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1070). Подробнее о личности Савинкова в восприятии Ремизова см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Борис Савинков: история отношений в письмах и воспоминаниях // *Studia Litterarum.* 2021. Т. 6, № 3. С. 346—379. Толкование образа политика см. также в комментариях: *Иверень-РК VIII.* С. 683. См. также: *Книга I.* Комментар. к с. 432.

В «*России в письменах*», т. II (не издано) о Философове: «*письма его деда и отца*». — В 1919 г. Ремизов, увлеченный сбором материалов для своей книги «*Россия в письменах*», занимался деловыми бумагами и перепиской рода Философовых (см.: *Переписка с Философовым.* С. 415—418). При жизни писателя была издана только первая часть книги: *Ремизов А.* Россия в письменах. Берлин: Геликон, 1922. Т. 1). Историю этого творческого замысла см.: *Грачева А. М.* «Я, последний книгописец...»: Россия сквозь грани писем Алексея Ремизова // *Россия в письменах-Росток XIII.* С. 716—738. Публикацию второго тома, включающую мемуарный очерк Ремизова «Философов» и письма из родового архива семьи Философовых, см.: Там же. С. 429—676. О материалах Философовых в обработке Ремизова для второго тома см. также в статье: *Д'Амелия А.* Книга без конца: «Россия в письменах» // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы 2003.* С. 125—140.

Мережковские
Д. С. Мережковский 1865–1941
З. Н. Гиппиус 1867–

Впервые: *ремизовская редакция* в составе авторского цикла из шести миниатюр: Ремизов А. Мои сны // Звено. 1925. № 143, 26 окт. С. 3 — под цифрой 7, под названием «Мережковские».

В *Книге II*, на обороте л. 16, предваряющем текст сна «Мережковские», вклеена вырезка из журнала «Ухват» с рисунком С. П. Ремизовой-Довгелло в обрисовке Ремизова с подписью «Мережковский» и двумя глаголическими литерами, обозначающими двойное авторство супругов Ремизовых. Подробнее о происхождении рисунка и его публикации см.: *Книга II*. С. 454.

С. 140. *З. Н. Гиппиус 1867* — Ошибка в годе рождения, правильно: 1869; История отношений Ремизовых с *Зинаидой Николаевной Гиппиус* в дореволюционной России и в эмиграции после 1919 г. наиболее полно представлена в статьях и публикациях: *Lamp I. Zinaida Hiprius an S. P. Remizova-Dovgello* // Wiener slavistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 164–194; *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*.

«...кружки какие существуют? ~ там читают Мережковских». — Рефлексия на уклад церкви «Нового Завета», тексты молитв и литургического чинопоследования для которой были написаны представителями «ядра» этого духовного объединения — супругами Мережковскими, Д. В. Filosoфовым, Т. Н. Гиппиус и А. В. Карташевым (см. в публикации тетради З. Н. Гиппиус «Молитвенник»: *Intellect and Ideas*. P. 713–770). Подробнее о «церкви» Мережковских см.: *Книга II*. С. 486.

С. 141. *С. П. хранила память о З. Н. Гиппиус: письма, книги с надписями и два стихотворения...* — Публикацию упомянутого корпуса писем см.: *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. Книги Гиппиус с дарственными надписями в архиве Ремизовых не обнаружены, однако сохранилась авторизованная машинопись опубликованных в 1923 г. воспоминаний о Блоке («Мой лунный друг») с правкой и окончанием, написанным от руки (*Amherst. Series 3. Box 27. F. 6*). Историю этого архивного документа см.: *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 263–264. Место хранения альбома с двумя стихотворениями: *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1292. Первая публикация автографа стихотворения «То бурная, властно-мятежная..», написанного 1 января 1906 г., состоялась в 1955 г. в журнале «Возрождение» (№ 43. С. 28) по копии, предоставленной Ремизовым. См. также: Из альбома С. П. Ремизовой-Довгелло / публ. S. Aronian // *Russian Literature Triquarterly*. 1986.

Vol. 19, part 2. P. 309 (публикация содержит неточности воспроизведения оригинала и датировки); см. также: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения / вступ. ст., сост. и коммент. А. В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. С. 299. (Новая библиотека поэта). Стихотворение «Тебе», датированное январем 1913 г., впервые появилось в печати также благодаря Ремизову в журнале «Возрождение» (1955. № 43. С. 28). См. также: Из альбома С. П. Ремизовой-Довгелло. С. 310. В альбоме *СП* также хранится автограф стихотворения Гиппиус, публиковавшегося под заголовком «Знайте!» («Она не погибнет — знайте!»), с датировкой «Март, 1918» (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1292. Л. 5*). См. также: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. С. 225–236.

С. 142. «Людей надо судить не по тому, что они есть, а по тому, чем они хотят быть». — Недатированный автограф сохранился в альбоме *СП* (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1292. Л. 8*). Опубл.: Из альбома С. П. Ремизовой-Довгелло. P. 305.

Еще есть письмо Мережковского С. П.-е... — Подразумевается письмо от 11 мая 1907 г. Мотивом для личного обращения писателя послужило письмо *СП*, адресованное его супруге З. Н. Гиппиус, в котором отправительница высказалась об этической позиции Д. С. Мережковского, обвинив его в «эгоизме». Публикацию письма см.: *Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми*. С. 323–324.

...Зинаида Николаевна поняла ее больше, чем кто-либо. — Ср. письмо Ремизова к *СП* от 20–21 апреля, в котором он объяснял природу ее религиозности: «Не замечая и не любя тебя, не замечают самое высшее, что только есть в мире — “непорочность”, она светится из твоих глаз, твои детские глаза с их неколебимой правдой, перед которыми мучительно лгать. Люди высшего духа не пройдут мимо. И я говорю в мир — глазам “человека” — я хочу быть с вами, а не с этой сворью — слепой, копошащейся в мелочах, с ее короткой меркой по своей ничтожной мере. И знаешь, кто мне подсказал? — Мережковские: Гиппиус своим богатым нутром поняла, а “истукан” за ней повторил. Ты, мой бесценный ангел, хранитель мой!» (*На вечерней заре 1990*. С. 446).

9. XII. Вчера умер Д. С. Мережковский. ~ 10. XII. ~ Сегодня похоронили... — Ошибка в дате смерти: внезапная кончина наступила утром 7 декабря 1941 г. Печальное известие Ремизовы получили в короткой записке Б. К. Зайцева 9 декабря, в которой сообщалось о заупокойных службах, в частности о панихиде, намеченной в этот же день на 3 часа дня на квартире Мережковских (*Amherst. Vox. 8. F. 2*). Отпевание состоялось 10 декабря в церкви св. Александра Невского на rue Daru, погребение — на кладбище Sainte-Geneviève-des-Bois под Парижем. Описание последних дней Мережковского оставил В. А. Злобин в книге «Тяжелая душа» (1-е изд.: Вашингтон: Изд-во Русского книжного

дела В. Камкина, 1970); см. также: *Злобин В. А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / сост. и примеч. Т. Ф. Прокопова; вступ. ст. Т. А. Горьковой. С. 407–409.

Петербург
На Шпалерной [предварилка]
(С. П. Довгелло)

Раздел содержит фрагменты дневника и конспекты *СП*, относящиеся ко времени ее пребывания в одиночной камере № 23 (4-й этаж) в петербургской тюрьме предварительного заключения на Шпалерной ул., 25. Ср.: «Я сидела 11 месяцев в Предварилке на Шпалерной [12 III 1896 – II 1897], и после была в ссылке 3 года [VI 1900 – VI 1903] в Вологодской губ. (Устьсысольск – Сольвычегодск – Вологда)» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 292. Л. 15; переписано рукой Ремизова с уточнениями в квадратных скобках; оригинал: *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1033). По тексту раздела также имеются отсылки к страницам повести «Оля» по изданию: *Ремизов А.* Оля. Париж: Вол, 1927, с указанием названия глав и номеров страниц.

На л. 20 *Книги II* вклеена фотография с акварельного рисунка, с надписью: «Подарок Александра Глебовича Успенского. Снимок с его рисунка Шпалерной». С автором акварели *СП*, очевидно, познакомилась в 1898 г., когда в ожидании приговора вернулась из Петербурга на родину, в Черниговскую губернию. В это время здесь же находился под полицейским надзором по политическому делу сын известного писателя Г. И. Успенского – архитектор и революционер А. Г. Успенский. В дальнейшем, уже в ссылке, *СП* дружески общалась с его родной сестрой – Верой Глебовной, которая вместе с мужем, политическим ссыльным Б. В. Савинковым, жила в Вологде.

1

Книги

С. 143. *Куда пропали мои книги? ~ о, как я их ненавижу!* – Фрагмент записи включен Ремизовым в контекст повести «Оля» (1927), а также в роман «В розовом блеске» (1952). См.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 253, 360. В частности, здесь подразумеваются издания, перечисленные в списке «Мои собственные книги», составленном *СП* (*Книга II*. С. 152–157).

П. Я. – Речь идет о сборнике стихотворений (СПб., 1887), который вышел из печати под криптонимом «П. Я.», скрывавшим имя революционера-народовольца П. Ф. Якубовича-Мельшина. Руководитель петербургской организации «Народной воли» был арестован в 1884 г.

и приговорен к смертной казни через повешение, однако после суда приговор был заменен восемнадцатью годами каторги. Об этом периоде жизни революционер оставил воспоминания «В мире отверженных. Записки бывшего каторжанина». См. также список *СП* «Мои собственные книги» (*Книга II*. С. 156).

Николай-он — псевдоним русского экономиста, публициста-народника Николая Францевича Даниельсона, разработавшего оригинальную концепцию некапиталистического пути развития России. См. также список *СП* «Мои собственные книги» (*Книга II*. С. 156).

...*Елена [Берсенева] [в «Оле» — Нина]*... — О семье Берсеневых см. в повести «Оля» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 50).

2

Марусе

Об адресате записи — М. Г. Сущинской, ставшей прототипом образа героини повести «Оля» Зины Рашевской, см. в комментариях В. Н. Быстрова (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 680). Оригинал письма сохранился в парижском архиве Ремизовых (*Ремизова-Довгелло С. П.* Письмо Сущинской (Чернышевой) Марии Гавриловне. СПб. [1898]. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. № 1034). Отдельные записи об этой подруге по Бестужевским курсам сохранились в дневниковой тетради с воспоминаниями *СП* о детстве и юности, написанными в 1909 г. (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1033).

3

Н. К. Михайловский
1842–1904

Знакомство *СП* с известным литературным критиком, главным редактором петербургского журнала «Русское богатство», лидером позднего русского народничества, состоялось в годы ее обучения на *ВЖК* через сыновей Михайловского — Марка (1877–1904) и Николая (1874–1923). В то время дом известного критика и публициста был открыт для интеллигенции разных слоев. Сложилась даже традиция отмечать 6 декабря, в день Николы зимнего, именины Михайловского. Ср. впечатления одного из современников: «Шестого декабря, в день его именин, дверь его квартиры на Кабинетской улице, где он жил со своими двумя сыновьями, Николаем и Марком, не закрывалась весь день из-за многочисленных посетителей. Вся интеллигенция Петербурга считала своим долгом прийти в этот день приветствовать своего уважаемого вожака» (цит. по: Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников / [сост., авт. предисл. и примеч.

И. М. Юдина]. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 67). В частности, в архиве публициста сохранился поздравительный адрес от слушательниц ВЖК 1893—1894 гг. с подписью «С. П. Довгело» (вариант написания фамилии, принятый в ее семье) в числе дарительниц (ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 221. Л. 2 об.). В значительной степени под влиянием Михайловского формировались идейные убеждения многих представителей молодежи, воспринимавших его публицистику как руководство к действию в преобразовании социальных условий российской жизни. Однако, по утверждению Ремизова, «прочтение» *СП* сочинений ее кумира, несмотря на усердие молодой студентки-революционерки в освоении демократической идеологии, социологии и политэкономии, опиралось прежде всего на глубокое моральное чувство. Краткое изложение истории знакомства *СП* с Михайловским находим в черновых вариантах к роману «В розовом блеске», где *СП* названа по имени главной героини повести «Оля»: «Два сына Н. К. Михайловского студенты. Они познакомили Олю с отцом, и Оля бывала у него на вечерах, куда сходилась “весь цвет” тогдашней литературы... <...> Михайловский выделил ее изо всех ее юных подруг “революционерок”. Он оценил в ней и ее прямоту, и горячность, пытливость и крепь. Глядя на Олю, он как-то сказал, что такие... кончают монастырем. И он был прав» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 25; Ед. хр. 66. Л. 18—19). В архиве Михайловского сохранилось письмо ссыльной революционерки Довгелло, которое является объективным подтверждением роли и значения личности Михайловского для студенчества рубежа веков, а также непосредственной фиксацией искренних чувств молодой *СП* и «концентрата» ее личности:

1901 года 22го февраля

Глубокоуважаемый дорогой, бесконечно дорогой
Николай Константинович!

Посылаю Вам своей собственной работы портфель: плохо он вышел, я даже колебалась, послать ли его, но потом решила послать, потому что с ним, мне кажется, я Вам посылаю то чувство, с которым я его делала и вышивала Вам. Много раз и раньше я Вам хотела написать, но как-то неловко было отнимать у Вас время своими письмами. Да, ведь я Вам не сказала еще, где теперь живу: наше дело окончилось 10 месяцев тому назад; мой приговор — 3 года Вологодской губернии; назначили меня в г. Устьсысольск, где я теперь и пребываю. Живется здесь не весело не потому, что это медвежий угол (жизнь в медвеьем углу ведь предвиделась). А потому, что публичка ссыльная для меня совершенно неожиданно оказалась не выдерживающей самой снисходительной критики. Право, из всех находящихся здесь 13-ти душ

только 3 таких, какими я всех ожидала здесь встретить, т. е. таких, смотря на которых не удивляешься, что они сюда попали. А из остальных есть декаденты, есть 2^е таких, которые со страшным озлоблением говорят, что и студентам простительно заниматься глупостями, а взрослым людям нужно стараться как можно лучше устроиться!! С этими последними я, конечно, прервала всякие сношения, но факт их перерождения (я-то думаю, что в глубине души они всегда были скверные, — переродиться ведь нельзя) повлиял на меня ужасно, так нервы были расстроены, что я не могла написать Вам письма — поздравить с днем рождения Вас, как хотела, все из рук валилось, ни за что не могла взяться. Я и раньше знала, что такие люди, как 2 мною вышеописанные, есть и что, может быть, и мне с ними придется когда-нибудь встретиться, но теперь я ясно вижу, что знать — одно, а столкнуться лицом к лицу, увидеть собственными глазами, да еще в такой обстановке, как моя теперешняя, где нет никаких впечатлений, совсем другое дело. Потом, я никогда не ожидала, что подобные люди с такою злобой нападают на все свое прежнее. Ну, не стоило и вспоминать о них. Остальная публика (кроме тех хороших 3 душ) не дурная сама по себе была бы, если бы каждый из них был больше похож на человека, чем на какую-то кашу, но именно своей безграничной расплывчатостью они ужасно напоминают кашу. Интересно, что они не прекращают знакомства с теми 2^{мя} господами и даже немножко сетуют на нас 4^х, что мы не подаем руки этим господам. «Конечно, эти 2^е — люди низкого уровня, но надо на вещи смотреть объективно, при том же они все-таки — наши товарищи», — рассуждают они. Простите, дорогой Николай Константинович, что я наполнила свое письмо Устьсысольской жизнью, но мне так захотелось хоть раз высказаться именно Вам, что не могла удержаться, я ведь никому не пишу всего об <sic!> здешней публике, потому что переписываюсь или с родными, которым это не интересно, или с людьми еще менее опытными, чем я была до ссылки, и мне какое-то чувство мешает написать этим людям, с какими нехорошими людьми мне здесь пришлось встретиться.

Передо мною всегда 2 Ваших карточки: одна большая висит, а другая стоит на письменном столе; я часто смотрю на эти карточки, вспоминаю Вас и мечтаю о том дне, когда буду иметь возможность увидеть Вас. Ваши сочинения я постоянно читаю и нахожу в них ответ на волнующие меня вопросы — Вы для меня навсегда останетесь самым дорогим учителем.

Почта сейчас отходит, надо кончать.

Всего Вам самого, самого лучшего.

Серафима Довгелло

(ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 81).

Раздел, посвященный Н. К. Михайловскому, содержит конспекты его публицистических статей, составленные *СП*, согласно датировке первого конспекта (19 X 1896), во время ее заключения в тюрьме на Шпалерной.

С. 144. *Н. К. Михайловский, «Суздальцы и суздальская критика».* — Для реферата статьи, написанной в 1870 г., использовалось изд.: *Михайловский Н. К. Соч.:* в 6 т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 4. Стб. 69—137.

Course de philosophie positive. — Речь идет о шеститомном философском сочинении Огюста Конта «Курс позитивной философии», написанном в период с 1830 по 1842 г.

«*La Place de l'homme dans la nature*» 1891. — Книга Томаса Генри Хаксли «Место человека в природе», впервые опубликованная в 1863 г., в которой представлено научное обоснование эволюционной связи человека и обезьяны. Речь идет об издании: Paris: Libraire J.-V. Baillière et fils, 1891.

С. 145. *Он родился в 1798 году — умер 1853 г.* — Правильная дата смерти Конта — 1857 г.

...*Конт в 1826 г. сошел с ума ~ до конца жизни был ненормален.* — Источником биографических сведений для реферата, написанного *СП*, послужила словарная статья Вл. Соловьева «Конт Огюст» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895. Т. 16 (полутом 31). С. 121—136).

«*Жертва старой русской истории*». — Для реферата статьи, написанной в 1868 г., *СП* использовала изд.: *Михайловский Н. К. Соч.:* в 6 т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 4. Стб. 1—30.

...*рассказывает о Кельсиеве...* — В статье «Жертва старой русской истории» Михайловский анализировал книги В. И. Кельсиева: *Пережитое и передуманное: Воспоминания Василия Кельсиева.* СПб.: Печатня В. Головина, 1868; *Галичина и Молдавия: Путевые письма Василия Кельсиева.* СПб.: Печатня В. Головина, 1868. Личность Кельсиева в истории революционного движения примечательна тем, что эмигрант с 1859 г., соратник А. И. Герцена и Н. П. Огарева по журналу «Колокол», вернувшись в Россию в 1867 г., сделал заявление о полном отказе от своего революционного прошлого, а затем, уже находясь под арестом в Кишиневской тюрьме, написал покаянную «Исповедь» (см.: *ЛН.* М.: Изд-во АН СССР, 1941. [Кн.] 41/42: А. И. Герцен. С. 253—470).

С. 146. «*Идеализм, идолопоклонство и реализм*». — Для реферата статьи, написанной в 1873 г., *СП* обратилась к изд.: *Михайловский Н. К. Соч.:* в 6 т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 4. Стб. 31—68.

«*Что такое прогресс?*» — Для реферата статьи, написанной в 1869 г., СП проштудировала изд.: Михайловский Н. К. Соч.: в 6 т. СПб: Русское богатство, 1896. Т. 1. Стб. 1—332.

4

Отзыв Михайловского

С. 151. ...разговаривала с Михайловским ~ не будет революционеркой до конца. — Биографический сюжет Ремизов использовал в повести «Оля» (1927). См.: В розовом блеске-Росток XV. С. 261, 688—689.

С. 152. ...книга Н. Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1895 г.... — Поводом для написания книги Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», выпущенной первым изданием под псевдонимом Н. Бельтов в Петербурге (1895), послужили печатные выступления Н. К. Михайловского в журнале «Русское богатство», направленные против русских марксистов.

...глубокая вера в «правду истину» и «правду-справедливость». — Подразумеваются философские концепты, которые выражают онтологический подход к понятию «правда» (правда-истина) и антропологический (правда-справедливость). Н. К. Михайловскому принадлежит обоснование разделения характеристик этих концептов в статье 1877 г. «Письма о правде и неправде» (Михайловский Н. К. Соч.: в 6 т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 4. Стб. 381—462).

Мои собственные книги

(С. П. Довгелло)

1899 г.

Список книг восходит к автографу: Ремизова-Довгелло С. П. Мои собственные книги // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1057.

...и первое, что купила, были «Мертвые души». — Подразумевается издание: Гоголь Н. В. Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1920. Эта книга сохранилась в парижском архиве Ремизовых и служила рабочим материалом для подготовки книги «Огонь вещей», главы которой посвящены интерпретации произведений Гоголя.

С. 153. Ив. Мих. Гревс, Лекции по средней истории. — По-видимому, речь идет об одном из изданий: Гревс И. М. История средних веков: Лекции, читанные на Санкт-Петербургских высших женских курсах в 1892—1893 гг. / сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: Лит. Руднева, 1892—1893; Он же. История средних веков: Лекции, читанные

на Санкт-Петербургских высших женских курсах в 1895—1896 гг. / сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: Лит. Богданова, 1896.

С. 153. *А. И. Введенский, Лекции по истории новой философии.* — Подразумевается издание ВЖК: *Введенский А. И. Лекции по истории новой философии* проф. А. И. Введенского. 1898—1899 гг. СПб., [б. г.].

Бокль, История цивилизации в Англии, 3 тома (La civilisation en Angleterre. 1857). — Речь идет о переиздании сочинения Бокля («Histoire de la Civilisation en Angleterre») на французском языке в переводе А. Baillot. Два тома в трех книгах на языке оригинала впервые были опубликованы в 1857—1861 гг. (London: J. W. Parker and son).

...знаменитое пятикнижие: Бюхнер — Фохт — Малешот — Фейербах — Миль. — Ироническое определение совокупности трудов представителей так называемого вульгарного материализма, по аналогии с обобщающим названием пяти книг Ветхого Завета — «пятикнижием Моисея».

Унковский, Освобождение крестьян. — Речь идет о книге Г. А. Джаншиева «А. М. Унковский и освобождение крестьян» (М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1894), посвященной деятельности правозащитника по проведению крестьянской реформы.

С. 154. *Дюринг, Ценность жизни.* — Книга немецкого философа Евгения Дюринга впервые появилась на русском языке в переводе Ю. М. Антоновского на страницах журнала «Русское богатство» (1892. № 4—12).

Святловский, Фабричный рабочий. — Издание диссертационного сочинения: *Святловский В. В. Фабричный рабочий: Санитарное исследование здоровья русского фабричного рабочего: Санитарное положение фабричного рабочего в Привислянском крае и в Малороссии: (Материалы для мед. географии и статистики России): дис. на степ. д-ра мед. В. В. Святловского.* Варшава: Тип. Варш. ин-та глухонемых, 1889.

Геффдинг, Психология. — Вероятно, научный труд датского философа *Гаральда Геффдинга (Harald Høffding)* «Очерки психологии, основанной на опыте» («Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung», 1887), многократно переведенной на русский язык.

Чернышевский, Эстетика и поэзия. — Речь идет о сборнике статей Н. Г. Чернышевского, опубликованных в журнале «Современник» в 1854—1865 гг.; впервые книга была издана на средства М. Н. Чернышевского в 1893 г.

Летурно, Эволюция собственности. — Книга французского ученого-антрополога Шарля Летурно («L'évolution de la Propriété») впервые на русском языке появилась в издательстве журнала «Русское богатство» в 1889 г.

L'évolution de la morale... — сводное перечисление названий трудов Ш. Летурно.

Крестьянское наследственное право. Статья Тютрюмова. — Подразумевается изд.: Тютрюмов И. М. Крестьянское наследственное право: Очерк народно-обычного права // Слово. 1881. Кн. 1. С. 42—75.

Фейе, Происхождение мира... — Исследование французского астронома Эрве Фая «Sur l'origine du monde» (1884).

Эмиль Генекен, Опыт построения научной критики... — Книга французского критика («La critique scientifique», 1888), исследовавшего, в частности, произведения Льва Толстого, являлась апробацией авторского «эстопсихологического» метода, обращенного на явления художественной литературы; впервые на русском языке была выпущена издательством журнала «Русское богатство» в 1892 г.

С. 155. *Томас Ралея, Элементарная политика.* — Первое издание на русском языке выпущено в издательстве журнала «Русское богатство» в 1888 г.

Николай-он. Чем объяснить рост наших государственных доходов. — Подразумевается публикация статьи в издававшемся в Петербурге научно-литературном и политическом журнале «Новое слово»: Николай-он <Даниельсон Н. Ф.> Чем объяснить рост наших государственных доходов (1896. № 5. Февраль. С. 56—85).

Кривенко, На распутье. — Впервые: Кривенко С. Н. На распутье: (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1895.

С. 156. *Н. Ч. Очерк аграрного движения 1879 и 1880 гг. в Ирландии.* — Подразумеваются две статьи Н. В. Чайковского, опубликованные в петербургском журнале «Слово» под псевд.: Н. Ч. Очерк аграрного движения 1879 и 1880 годов в Ирландии (1881. № 2. С. 1—24; № 3. С. 29—51).

М. Зернов, Анатомия человека. — Очевидно, речь идет об основном научном труде известного ученого-анатома Д. Н. Зернова «Руководство описательной анатомии человека» (М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890—1892, ч. I—III).

Золя, Как умирают. — Подразумевается новелла «Comment on meurt» (1882), которая в русском переводе называлась «Как умирают люди» (М., 1896) и «Как умирают» (М., 1910).

Жизнь Гарибальди. — Речь идет о книге «Жизнь и приключения Джузеппе Гарибальди» (М.: Тип. М. И. Смирновой, 1861).

«Нухим» Яблоновского. — Один из ранних рассказов А. А. Яблоновского, опубликованный в журнале «Русское богатство» (1895. № 8. С. 74—87).

Шевченко, Кобзарь. — Речь идет о раритетном издании, представляющем собрание стихотворений Тараса Шевченко, произведения

которого были запрещены в России с 1869 по 1883 г. В связи с цензурными преследованиями особую ценность получило издание Д. Е. Кожанчикова: *Шевченко Т.* Кобзарь. Типом четвертым. Коштом Д. Кожанчикова. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1867, — считавшееся наиболее полным и точным по орфографии изданием текстов стихотворений на украинском языке, дополненных также поэмами «Невольник», «Москвалева криниця», «Неофити», «Петрусь», «Княгиня», «Черниця Марьяна» и драматическими произведениями. Возможно, именно эту библиографическую редкость Ремизов пытался приобрести в подарок для СП летом 1922 г. Упоминание об этом встречается в письме писателя, адресованном жене 21 июня (см.: *На вечерней заре 2018 (3)*. С. 20). Именно это издание также упоминается писателем в посвященном СП романе «В розовом блеске» (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 440).

С. 156. *Иеринг, Борьба за право.* — Книга Рудольфа фон Иеринга «Der Kampf um's Recht» (1872); первый перевод на русский язык П. П. Волкова (М.: Изд. К. П. Солдатенкова; Тип. Грачева и К., 1874).

Лесевич, Что такое научная философия. — Этюд философа-позитивиста В. В. Лесевича «Что такое научная философия?» (СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891).

Войнич, Овод. — В 1887–1889 гг. Э. Л. Войнич жила в России, была знакома с революционерами-народниками; стала переводчиком русской литературы и нескольких стихотворений Т. Г. Шевченко на английский язык; ее роман «Овод» (1897) был издан на русском языке в 1898 г.

П. Я. (Якубович-Мельшин), Стихотворения. — См.: *Книга II*. Коммент. к с. 156.

Лассаль, Франц фон Зикинген. — Историческая трагедия Ф. Лассалья «Франц фон-Зикинген» (пер. А. и С. Криль и предисл. Т. Богданович). СПб.: Земля, [1907].

С. 157. *Карышев, История политической экономии.* — Вероятно, изд.: Лекции по политической экономии, читанные Н. А. Карышевым в С.-Петербургском лесном ин-те в 1882–83 и 1884–85 гг. (СПб., 1882; 1884).

Дайси, Основы государственного права в Англии. — Первое изд. книги проф. Оксфордского университета А. В. Дайси с подзаголовком «Введение в изучение английской конституции», в пер. с англ. О. В. Полторацкой (СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1891).

Брусиловский, Стичечные фабрики. — В соответствии с ярко выраженной направленностью читательских интересов молодой СП на литературу революционно-демократического круга здесь подразумевается Исаак Казимирович (Киселевич) Брусиловский — публицист, сотрудничавший в конце 1890-х гг. с журналом «Русское богатство»,

который писал статьи по философской, научной и политико-экономической проблематике, в частности был одним из авторов сборника «Вехи» (М., 1910).

Мантегацци, Будущее человечества. — «Социальная фантазия» Паоло Мантегацци «Будущее человечество (3000-й год)» (СПб.: Ф. Павленков, 1898).

Барр, Неустойчивая толпа. — Роман Р. Барра «The mutable man» (1896), повествующий об истории любви на фоне профсоюзного забастовочного движения в Лондоне, впервые в переводе с английского был отпечатан в петербургской типографии Меркушева в 1898 г.

Larousse du XX siècle — Энциклопедический словарь в шести томах, изданный в 1928 г. знаменитым издательством Ларусс (фр. Les Éditions Larousse).

ДВЕ КАРТИНКИ

Это с 1895 г. до нынешнего 45-го хранил. — В Книге II, на обороте л. 26, приклеена фотография с картины итальянского художника Гвидо Рени (1575—1642) — портрет Беатриче Ченчи. Судьба изображенной на полотне молодой римлянки Беатрис Ченчи (1577—1599) была трагичной и послужила предметом вдохновения для многих художников, писателей и композиторов. Отец Беатрис, римский дворянин, прославившийся своей жестокостью, заточил ее в замке. Репродукция, присланная СП в камеру предварительного заключения на Шпалерной, где она оказалась в марте 1896 г., содержала аллюзию к основному мотиву насильственного удержания молодой девушки в тюремных застенках. Ремизов, подчеркивая эту связь, даже смещает время пребывания СП в тюрьме на год раньше, тем самым усиливая романтическую аналогию событий, разделенных дистанцией ровно в 300 лет: 1595—1895. Вторая открытка с лесным пейзажем, возможно, репродуцирует офорт И. И. Шишкина.

АТТЕСТАТЫ

...об окончании курса сестер милосердия воен<ного> времени в Евгениевской Общине в Петербурге. — Община св. Евгении — благотворительное общество Российской империи, созданное Комитетом попечения о сестрах милосердия Красного Креста в 1893 г. Община, получившая название в честь св. Евгении — небесной покровительницы принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845—1925), попечительницы общины, — была известна своей патронажной, а также издательской деятельностью. Община просуществовала до 1918 г. СП поступила на курсы сестер милосердия общины в 1914 г.

Свидетельство С.-Петербургских Высших Курсов
29 V 1897

Оригинал документа не выявлен. О ВЖК см. также: *Книга I*. Коммент. к с. 123.

С. 158. *И. Холодный* — ошибка памяти: подразумевается Иван Ильич Холодняк, который с 1889 до конца своей жизни († 1913) преподавал в образовательной программе ВЖК новые языки и классическую филологию.

С. 159. *Дом литераторов* — литературно-общественная организация (1918—1922), располагавшаяся в Петрограде на Бассейной ул. (ныне Некрасова), 11. Задачи Дома литераторов охватывали широкий спектр творческой и бытовой жизни творческой интеллигенции — от материальной поддержки до организации вечеров, лекций по философии и истории. Ремизов входил в состав комитета Дома литераторов наряду с другими известными петербургскими писателями и поэтами. Подробнее о обстоятельствах учреждения и культурно-просветительской деятельности этой институции см.: *Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов: (Воспоминания А. В. Амфитеатрова) / публ. А. Е. Виноградова // Встречи с прошлым. М.: Русская книга, 1996. Вып. 8. С. 141—164.*

...*Милюков играл на скрипке...* — Об увлечении музыкой, начавшемся в детские годы, см.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. Ср. фрагмент жизнеописания политика в годы эмиграции: «В углу его кабинета стояло старенькое пианино, и на нем — футляр со скрипкой. Павел Николаевич играл на ней почти каждый день, в редкие свободные часы, а раз в неделю в его квартире собирались друзья из музыкального мира (по большей части музыканты-профессионалы) и с участием хозяина устраивались домашние концерты камерной музыки» (*Думова Н. Г.* Предисловие // Там же. С. 11).

С. П. занималась по-русски у Ильи Александровича Шляпкина. — На Бестужевских курсах И. А. Шляпкин начал читать лекции по истории русской литературы в 1890 г., в последний год обучения *СП*. Более интенсивный характер их общение приобрело в 1909—1912 гг., когда *СП* стала сначала вольнослушательницей (1909 г.), а затем и студенткой Императорского Санкт-Петербургского археологического института (см. копию аттестата: *Книга II*. С. 160), в котором Шляпкин читал курс славяно-русской палеографии. Вместе с *СП* программу обучения Археологического института изучил и Ремизов, лично познакомившийся со Шляпкиным и другими известными учеными-медиевистами. Подробнее см.: *Грачева 2000*. С. 70—91.

...Он жил в Белоострове ~ Однажды я ~ был у него. — Согласно исследовательской работе А. М. Грачевой, Ремизов перенес свойства характера Шляпкина на литературный образ Александра Александровича Корнетова — героя его рассказа «Глаголица» (1911), описание жилища которого в травестийной манере было спроецировано на особенности устройства белоостровского дома ученого. Историю взаимоотношений А. М. Ремизова и Шляпкина, а также фрагмент дневника курсистки Е. П. Казанович, которая вместе с писателем была приглашена на день рождения профессора в Белоостров 9 мая 1912 г., см.: *Грачева 2000*. С. 84—91.

...его смущали «Страсти Господни», ему почудилось кощунство. — Речь идет о художественной трактовке ключевого события Нового Завета, которое Ремизов изобразил, опираясь на апокрифическую версию, в написанной им легенде под названием «Страсти Господни». Текст этого произведения в первой редакции, под названием «О страстях Господних: Тридневен во гробе» (*Ремизов А.* Лимонарь сиречь луг духовный. СПб.: Оры, 1907. С. 91—106), а также во второй редакции, под названием «Страсти Господни» (*Шиповник 7*. С. 127—135), вызвал категоричные мнения Шляпкина и Вяч. Иванова. Подробнее см.: *Грачева 2000*. С. 82—84. См. также во вступ. статье к публ.: *На вечерней заре 2019 (1)*. С. 97—98.

...помер он в Революцию... — Ровно за год до кончины И. А. Шляпкина, 23 апреля 1917 г., ученики и коллеги устроили в Археологическом институте торжественное празднование 35-летия его научной деятельности. Ремизовы внесли свою лепту в организацию этого торжества, подготовив особенный Поздравительный адрес, стилизованный под древнерусскую грамоту XIII—XIV вв. (*ИРЛИ*. Р. I. Оп. 51. № 440). Поздравительный текст завершался многочисленными подписями, свой автограф оставила и *СП*, которая также собственноручно сшила для адреса тканый футляр. Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Кладовые творчества А. М. Ремизова: (Аннотированный каталог артефактов писателя в собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 302—370. Воспроизведение оригинала и статью: *Востриков А. В.* Подписи на поздравительном адресе И. А. Шляпкину (чествование в Имп. Археологическом институте 1917 г.) — см. на сайте «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX—XXI в.»: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/pages/documents.html>.

...дом Семенова-Тяньшанского. — Речь идет о последней квартире Ремизовых в Петербурге, на 14-й линии Васильевского острова (д. 31/33, кв. 48, 6-й этаж).

Аттестат Им<ператорского>
Археологического Института
14 V 1912

Оригинал документа не обнаружен.

Императорский Санкт-Петербургский археологический институт (1877–1922) был учрежден для лиц с высшим образованием с целью подготовки археологов, палеографов и архивистов. В 1909 г. *СП* начала посещать лекции профессоров (А. Н. Веселовского, И. А. Шляпкина, С. Ф. Платонова и др.) как вольнослушательница, а в 1910 г. стала студенткой, специализируясь по курсу палеографии. В соответствии с Положением института, принятым в 1899 г., успешно окончившие двухлетний курс действительные слушатели получали диплом действительного члена института. Ср. письмо Ремизова специалисту по русской старине, историку-архивисту И. А. Рязановскому от 10 (23) июня 1912 г.: «Во-первых строках Вам поклон и благодарность от Серафимы Павловны за книги археологические. Археологический институт она кончила, действительного члена получила, а книги Ваши в порядке лежат у меня, в одну грудку сложены» (*РНБ*. Ф. 634. № 31. Л. 27).

С. 161. *Тмутараканский камень* — артефакт древнерусской истории, по времени происхождения (XI в.) связанный с событиями, описанными в «Слове о полку Игореве». Надпись на камне и происхождение находки, обнаруженной в 1792 г. на Таманском полуострове, вызвали длительные научные споры. Подробнее см.: *Рождественская Т. В.* Тмутараканский камень // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника — Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 122–123.

Диплом¹
Alliance Française École pratique de langue Française
Diplôme Supérieur d'Études Française Modernes
29 II 1928

Оригинал документа не обнаружен.

Диплом выдан старейшим частным высшим учебным заведением Парижа — «L'Alliance française Paris Île-de-France», учрежденным для обучения французскому языку как иностранному в 1884 г. Перевод с фр.:

Совет директоров Французского альянса подтверждает, что г-жа Серафина <так! — *Ред.*> Ремизова, родившаяся 4 июля 1878 года

¹ *Справа на полях помета: 1927–1928.*

в Чернигове, Россия, гражданка России, успешно прошла в конце курсов первой сессии 1927—1928 годов тесты, письменные и устные, необходимые для получения высшего диплома по современному французскому языку.

Париж, 29 февраля 1928 года

Директор Школы французского языка Роберт Дюпуан

Президент жюри 2

Совет директоров Французского альянса:

Генеральный секретарь Поль Лабре

Вице-президент Гастон Дешан

С. 162. ...перевела «Зайку» из *Посолони...* — Речь идет о новелле в первой редакции книги «Посолонь» (СПб.: Изд. журнала «Золотое Руно», 1907), опубликованной под названием «Котофей Котофеевич». Во второй, дополненной редакции, в составе шестого тома Сочинений Ремизова (*Шиповник 6*), эта же новелла получила название «Зайка». Перевод *СП* в архивных и печатных источниках не выявлен.

С. 163. *École des langues orientales* — См.: *Книга I*. Коммент. к с. 43. В 1924 г. *СП* как дипломированный палеограф впервые в истории Школы восточных языков открыла факультативный курс (*Cours libre*) по славяно-русской палеографии и читала лекции до 1939 г.

Madame et chère amie, Le vous rappelle officiellement ~ Paul Boyer — <Перевод:>

Эколь Насиональ (Высшая школа)

30 VI 1924

живых восточных языков

Администратор госпоже Ремизовой

Сударыня и дорогой друг,

Напоминаю вам официально, что по условиям принятого комиссией по занятиям для русских слушателей решения вы должны получить (улица Мишле, 9, Институт славянских языков) 1000 франков перед каникулами и 1000 франков после каникул.

Примите, сударыня и дорогой друг, заверение в моей искренней преданности

Поль Буайе (*фр.*).

Знакомство Ремизовых с Полем Буайе восходит к истории литературных связей в Петербурге 1910-х гг. Славист стоял у истоков Школы восточных языков. В 1891 г. он открыл в институте кафедру русского языка, а с 1908 по 1936 г. занимал должность директора этого образовательного учреждения. См. также о контактах с ним после переезда супругов из Берлина в Париж осенью 1923 г.: *Обатина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «La vie», или Жизнь «чудесным образом». Париж, 1924—1925 // Литературный факт.

2019. № 4 (14). С. 28–29. Ср. также фрагмент черновой редакции романа «В розовом блеске»: «В 1924 г. принятая Буайе и Мазоном (Membre de l'Institut, professeur au Collège de France) в школу восточных языков (École Nationale des langues orientales vivantes, 2 Rue de Lille, VII) С. П. открыла курс (Cours libre) славяно-русской палеографии: с 1924 г. лекции проходили при курсе Буайе. А с 1937 — при курсе Паскаля» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 63. Л. 49).

С. 163. *Лекции на русском историко-филологическом факультете в Париже...* — Текст объявления, размещенного в парижской газете «Последние новости», в разделе объявлений регулярно информирующей о лекциях Ремизовой-Довгелло и других преподавателей Школы.

Анкета Русского Культурно-Исторического Музея

Оригинал документа — ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1075.

Русский культурно-исторический музей был основан в Праге при Русском Свободном университете по инициативе писателя и литературоведа, последнего личного секретаря Л. Н. Толстого, Валентина Федоровича Булгакова, с конца 1933 г. возглавившего работы по формированию фондов. По первоначальной идее музей должен был собрать материалы русской эмиграции («Русский заграничный музей»), однако в процессе формирования общей концепции задачи музея распространились на культуру России. Подробнее см.: *Щеблыгина И. В.* Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944): Из собрания ГАРФ // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 2006. № 6. С. 41–79.

С. 164. *Общество Университетских женщин в Париже* — Речь идет о «Русской секции Международной федерации женщин с университетским образованием», которая в конце 1920-х гг. была образована в Париже женой известного политика, выпускницей московских Высших женских курсов А. С. Милюковой. См. о благотворительной деятельности этой институции, просуществовавшей до 1940 г.: *Родионова Н. А.* Творившая благо: А. С. Милюкова в семье и обществе // Россия и современный мир. 2013. № 2. С. 233. В Париже к секции примкнули выпускницы петербургских ВЖК, в том числе и СП.

«Общество друзей русской книги» — Общество, учрежденное в Париже 22 июня 1924 г., ставило своей задачей изучение, охрану и распространение сведений о русской книге; основной деятельностью этой институции стало создание библиографии русской книги в эмиграции. СП была активной участницей заседаний общества. Об одном

из ее докладов, прочитанных 23 октября 1936 г. на собрании, посвященном 400-летию со дня рождения первопечатника Ивана Федорова, писал А. П. Ладинский, сделавший обзор этого знаменательного события в жизни парижской эмиграции. В частности, он кратко раскрыл содержание доклада, в котором рассказывалось «о древней рукописной книге, о технике рукописного дела и различных способах писания книг». Собрание носило исторический характер: впервые парижским библиофилам стало известно о существовании третьего экземпляра «Часовника» Ивана Федорова, приобретенного в 1925 г. в Риге С. П. Дягилевым и после его смерти перешедшего в коллекцию С. М. Лифаря (см.: *Л-ский А. [Ладинский А. П.]*. В обществе друзей русской книги // Последние новости. 1936. № 5613, 25 окт.). См. также о докладе *СП* в заметке «О русской книге» (*Газета для всех*. 1936. № 44, 15 нояб. С. 14). Супруги Ремизовы состояли в списках членов Общества в 1933—1937 гг. (см.: *Временник Общества друзей русской книги*. 1938. IV. С. 291).

Общество «Икона» — Общество основано в Париже в июне 1927 г. по инициативе общественного деятеля и совладельца крупного коммерческого и банковского дела В. П. Рябушинского. Члены-основатели: художники Д. С. Стеллецкий и И. Я. Билибин, писатели П. П. Муратов, Б. К. Зайцев, общественные деятели С. К. Маковский, кн. С. А. Щербатов, дипломат кн. Г. Н. Трубецкой. Целеполагание общества было напрямую связано с задачей возрождения традиции древнерусской иконописи. В русле этого направления, в частности, был составлен лицевой свод древних иконописных образов. В 1933 г. при Обществе открылась иконописная артель, художники которой на протяжении десятилетий создавали так называемую «парижскую школу» иконописцев. В артели также работали архитекторы, резчики, золотошвейки; Общество спонсировало строительство и оформление православных храмов.

Chargée de cours libre de paléographie russe... — Преподаватель русской палеографии и древнеславянского языка (*фр.*).

Connaissance des langues russe... — Знание языков русского, французского, немецкого, польского и сербского (*фр.*).

БЕЗЫМЯННЫЕ СТИХИ При жизни Чехова

Соотнесение пространственно-временного континуума главы с именем А. П. Чехова косвенно отсылает к рассказу Ремизова «Баррикадный» (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 384—386), который был написан по воспоминаниям *СП* о том, как ей в одиннадцатилетнем возрасте привелось случайно познакомиться с известным писате-

лем. Сохранилась запись об этом эпизоде из детской биографии (*Ремизова-Довгелло С. П.* Дневниковые записи. Автограф // *ГЛМ. Ф.* 156. Оп. 2. Ед. хр. 1053. Л. 8 об.—10).

С. 165. *...всякие «талаталаты» ~ — так называл свои стихи Болотов.* — Неточное воспроизведение слова из лексикона XVIII столетия «тананакать», встречающегося в мемуарах А. Т. Болотова. Ср., в частности: «...препровождал я время свое в распевании и тананакании любовных песенок, выученных и затверженных мною в Петербурге...» (цит. по: Записки Андрея Тимофеевича Болотова (1738—1795). 3-е изд. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1. С. 203. (Приложение к «Русской старине» 1870 г.).

Я воспользовался черниговскими безымянными стихами для рассказа «Без предмета» — III ч. «Оли». — См.: *В розовом блеске-Росток XV.* С. 423—436. Образцы подобного стихотворчества собраны в детском блокноте *СП* с ремизовской атрибуцией: «Гимназический альбом Серафимы Павловны Довгелло. Черниговская гимназия» (*ИРЛИ. Ф.* 256; поступление 2022). По всей вероятности, таких альбомов было несколько, так как источник использованных Ремизовым стихотворных строк девичьего альбома ни в упомянутом рассказе «Без предмета», ни в настоящей главе не обнаружен.

...столичные новинки, где-нибудь в Петербурге давно уже забытые ~ как «Трильби»... — Популярная в 1900-х гг. пьеса Григория Ге (1867—1942) из жизни парижской богемы по одноименному роману английского писателя и художника Джорджа Дюморье. Впервые пьеса была поставлена в петербургском Литературно-художественном кружке в 1897 г. и вскоре вошла в репертуар многих провинциальных театров.

...не Велес, не Дажбог — измышления Христолюбца... — Упоминание центральных персонажей славянского языческого пантеона, почитаемых в период раннего христианства, здесь связано с косвенной отсылкой к памятнику древнерусской литературы, в упрощенной редакции известном под названием «Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере» (предположительно XI в.). Безвестный автор этого сочинения, скрывшийся под «псевдонимом» Христолюбец, актуализировал проблему борьбы с двоеверием и языческими обрядами. Подробнее см. в статье Т. В. Буланиной (Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. Вып. 1: (XI — первая половина XIV в.). С. 428—429). См. также: *Сухомлинов М. И.* О псевдонимах в древней русской словесности // Исследования по древнерусской литературе. СПб., 1908. С. 441—443. (Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук; Т. 35, № 1).

Гр. Александровский ~ о чем поминается у ~ Котляревского в книге о Гоголе... — Речь идет о литературоведческом исследовании Н. А. Котляревского «Николай Васильевич Гоголь. 1829—1842: Очерк по истории русской повести и драмы» (СПб., 1908), который в примечаниях на с. 310 привел библиографическое описание статьи: *Александровский Г.* Этюды по психологии художественного творчества: «Ревизор» Гоголя // Ежегодник Коллегии Павла Галагана. 1897—1898. Киев, 1898. Исследование Александровского тогда же было издано в Киеве отдельной книгой. В гимназическом альбоме *СП*, заполненном приблизительно в 1892—1893 гг. (7—8 класс), среди записей стихов «на память», оставленных ее подругами и друзьями черниговского круга, сохранился автограф с виршами из репертуара мещанского стихотворного творчества, подписанный инициалами «Г. А»: «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок...». Здесь же позднейшая запись Ремизова: «У Н. А. Котляревского в книге о Гоголе поминается исследование Г. Александровского: Ревизор Гоголя и Квитки-Основьяненко. В “Оле” (ч. I) Саша Краснопольский. Григорий Александровский двоюродный брат С. П. Учитель Киевской гимназии (*ИРЛИ*. Ф. 256; поступление 2022, л. 17).

...были стихи «либеральные» ~ Иероним Иеронимович Ясинский (Максим Белинский), жил он под Черниговым... — Творческую биографию Ясинского, публиковавшего до 1887 г. свою прозу и критику под псевдонимом Максим Белинский, см. в его воспоминаниях и вступ. ст. к изд.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний / сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд, вступ. ст. Л. Л. Пильд, подгот. текста Т. В. Мисникевич, коммент. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. Под псевдонимом Максим Белинский в библиографии Ясинского также зафиксированы публикации переводов в киевской газете «Заря»: Стихотворения в прозе Шарля Бодлера в переводе Максима Белинского // *Заря*. 1885. № 147, 5 июля. С. 1; № 149, 7 июля. С. 1; № 178, 14 авг. С. 1; № 194, 5 сент. С. 1; № 205, 19 сент. С. 1. Ранняя поэзия Ясинского представлена сборником «Забытые мотивы», изданным под псевдонимом И. И. Я. (Чернигов: Губ. тип., 1875). В 1919 г. литератор издал также в Петербурге сборник своих стихов 1870—1919 гг.

Твой отец нажил честным трудом... — Стихотворение В. С. Курочкина (1831—1875) — «Ни в мать, ни в отца» (1853) — закономерный выбор молодой *СП*, для которой была важна биография автора стихов — поэта-демократа <18>60-х гг., члена тайного союза «Земля и воля», основателя левого по политическим настроениям сатирического журнала «Искра». Фрагмент стихотворения включен Ремизовым в контекст повести «Оля» (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 155).

НАША СВАДЬБА И КОНЕЦ
27 VI<I> 1903 — † 13 V 1943
Херсон Paris

С. 167. *В мае 1903 кончился срок моей ссылке в Вологде, срок С. П. раньше...* — Срок гласного полицейского надзора за Ремизовым, отбывавшим ссылку в Вологде, завершился 31 мая 1903 г. *СП*, уехав из Вологды в начале мая 1903 г., вернулась в родительское имение в Берестовце Черниговской губ. Знакомство будущих супругов произошло в августе 1900 г. в Усть-Сысольске. Сближение и совместная жизнь начались после двух испытаний судьбы: попытки суицида *СП*, совершенной 27 октября 1902 г. (см. об этом: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 500—501; *Соболев А. Л. 2013*. С. 206—208), и совместного с Ремизовым объявления товарищам по ссылке об отходе от революционной деятельности (подробнее в комментариях Ремизова к своей переписке с женой: *На вечерней заре 1985*. С. 155—156).

...поступил в Театр Мейерхольда... — Во время первой ссылки в Пензу Ремизов познакомился со студентом Музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе, уроженцем Пензы, Вс. Э. Мейерхольдом. Молодые люди подружились на почве общего интереса к символистскому западноевропейскому театру. Незадолго до завершения ссылки Ремизов получил от Мейерхольда приглашение на должность заведующего репертуаром в организованной им в Херсоне театральной группе, получившей название «Товарищество новой драмы». Подробную хронику сотрудничества писателя и режиссера в сезоне 1903/04 гг. см.: *Мейерхольд. Наследие 2*. С. 38—44; *Письма к Щеголеву (2002)*. С. 153—205).

...один год он держал театр с Кошеверовым. — Актеры МХТ Мейерхольд и А. С. Кошеверов в 1902 г. решили организовать собственное театральное дело. Для этой цели они арендовали театр в Херсоне; сотрудничество продлилось год. После расставания Мейерхольд в херсонском театре создал собственную антрепризу «Товарищество новой драмы». Подробнее о Кошеверове см.: *Волков Н. Мейерхольд: в 2 т. М., Л.: Academia, 1929*. Т. 1: 1874—1908. С. 151—196.

...как его советчик и как настройщик актеров. — Впервые в печати Ремизов употребил слово «настройщик» применительно к своей деятельности в антрепризе Мейерхольда в очерке «Театр» (1918). Ср.: «В странствиях моих по белому свету служил я в херсонской “Новой Дrame” у Вс. Эм. Мейерхольда в роде настройщика, только не струнные инструменты настраивать, а человекoв. Много я читал тогда пьес, и мне читали» (цит. по: *Русалия-Росток XII*. С. 562).

...немного в сторонке с костюмером Семеном Иванычем Козаковым и парикмахером. — Несомненно, подчеркнутое умаление Ремизовым

своего участия в деятельности театра. Такая же позиция проявилась в анонимной заметке, посвященной репертуару и труппе «Товарищества новой драмы» в сезоне 1903 г., которую, вероятнее всего, начинающий писатель лично составил для публикации в газете «Юг» (1903. 5 сентября). Список руководителей, актеров и сотрудников здесь завершался перечислением технических служащих: «...Аккерман Е. К. (кассир), Аккерман Э. Б. (электромеханик), Казаков <так!> С. И., Нестеров К. А., Немчинов В. Е. (парикмахер), Ремизов А. М.» (цит. по: Мейерхольд. *Наследие* 2. С. 35–36).

С. 167. *В Херсон приехала С. П., и мы сыграли свадьбу ~ а шафером был повар из отеля, где я жил...* — Фраза является косвенным подтверждением ошибки, возникшей в поздних записях Ремизова, касающихся датировки дня венчания. Оригинал свидетельства о венчании хранился в парижском архиве Ремизова, папка № 58 (ныне: ГЛМ. Ф. 156). Во всех упоминаниях об этом важном биографическом событии, вошедших в записи Ремизова, он опирался на собственную копию с документа, в которой была допущена ошибка датировки. Уточнение подлинной даты отслеживается по письмам Ремизова к невесте, из которых явствует, что, покинув Вологду 31 мая, тайно посетив братьев и мать в Москве, он прибыл в Херсон 19 июня и поселился в гостинице «Лондонская». Здесь ему предстояло устроиться на службу в труппу Мейерхольда и подготовить бытовые условия для совместной жизни с *СП*. Ситуация осложнилась непредвиденным срывом всех планов: *СП* задерживалась с возвращением из родительского дома в Берестовце. Основным мотивом ее поездки на родину перед приездом в Херсон было желание получить родительское благословение на венчание. Не имея известий от *СП*, 28 июня (так!) Ремизов в очередном письме (предыдущее было написано 26 июня) сообщал о своих настроениях: «...решил послать Вам телеграмму. Вчера ничего не писал. Схватила тревога» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 335). В ожидании встречи уже 7 июля были арендованы две комнаты в квартире фотографа Гескеса на Ганнибаловской ул. (заселение планировалось через месяц) и обдумывалась дата бракосочетания. Об этом жених писал, еще путаясь в обращениях на «Вы» и на «ты», 12 июля, после получения долгожданного письма из Берестовца: «Слава Богу, получил сегодня письмо. И писал хорошо, без гложущей тревоги. Детка, детка! Завтра уж 13<-е>. Когда-то приедешь. <...> Если детка, что-нибудь вас задерживает неотложное, имейте в виду только числа: 6 августа начинается, кажется, пост, 7-го переезжаю на квартиру, так надо и до того и до другого. <...> Венч<ание> произойдет в 11 ч<асов> ночи, ловко? Что-то Жуковского напомним» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 335). Спустя 25 лет (27 июля 1928 г.) Ремизов, смешивая старый и новый календарный стиль, в записке, адресованной *СП*, отмечал две знаме-

нательные даты: «Смотрю календарь: 11-го VIII в субботу твои именины и наша “серебряная” память (1903—1928)» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 300). Таким образом, венчание состоялось 27 июля 1903 г. (по ст. ст.), накануне дня памяти чтимой в православии мученицы-девы Серафимы Римской — 29 июля (11 августа по н. ст.). В парижской квартире Ремизовых хранились реликвии, связанные с памятным днем: «Икона Божьей Матери — материнское благословенье матери С. П. Икона Покрова, которой Ремизовы были благословлены после венчания» (Резникова 2013. С. 108).

С. 168. ...не было ни Оли, ни Наташи (Андреевой и Резниковой). — Речь идет о близких друзьях Ремизовых — сестрах-близнецах Черновых, Ольге (была замужем за поэтом В. Л. Андреевым) и Наталье (жена поэта Д. Г. Резникова).

С. 169. *Docteur V. Aitov ~ Je soussigné, certifie que Madame Remisoff ~ elle doit être hospitalisée d'urgence.* — <Перевод:>

Доктор Аитов

27 улица Виталь, XVI <округ>

Париж, 10 мая 1943

Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что у госпожи Ремизовой, 57 лет от роду, проживающей в доме 7 на улице Буало, страдающей чрезмерным ожирением, давнего гипертоника, в настоящее время — помимо заметного ослабления интеллектуальных способностей [? А. Р.] — тяжелый отек легкого, вероятно, сердечного происхождения. Поскольку дома она не может получать необходимое лечение, она срочно должна быть госпитализирована (фр.).

Administration générale de l'Assistance publique à Paris ~ Monsieur, J'ai le très grand regret de vous informer ~ Le Directeur. — <Перевод:>

Главная администрация общественной благотворительности в Париже

Больница Амбруаз Фаре-Буало

12, улица Буало XVI <округ>

Париж. 13 мая 1943

Сударь,

С глубоким сожалением сообщая вам, что, несмотря на оказанную ей помощь, госпожа Ремизова Серафина <так!> скончалась в 20 ч. 15 <мин.> 13 мая 1943.

Я был бы вам признателен, если бы вы срочно сообщили о ваших намерениях касательно погребения. Необходимо забрать тело в срок 48 часов после кончины.

Было бы желательно, чтобы вы пришли в канцелярию с документом о гражданском состоянии, чтобы составить официальное свидетельство о смерти (семейной книжкой, например, или свидетельством о рождении или браке).

Соблаговолите также принести, если возможно, белье для погребения.

Если вы хотите опознать тело, вы можете это сделать с 14 до 16 часов.

Настоятельно прошу вас ознакомиться с указаниями на обратной стороне этого письма, которые могут вам быть очень полезны.

Примите, сударь, мое искреннее и подлинное сочувствие.

Директор (фр.)

C. 170. *Paris, le 1 juin 1943 ~ En réponse à la demande ~ mes sentiments distingués.* — <Перевод:>

Париж, 1 июня 1943

Сударь,

В ответ на вашу просьбу, которую мне передала одна из ваших подруг, имею честь сообщить вам, что г-жа Ремизова умерла от кровоизлияния в мозг. Она впала в кому в начале ночи [12—13 V] и не произнесла ни слова. Казалось, она не страдала.

Она была очень сильной и сделала себе разрез под грудью. Для дезинфекции маленькой раны ее смазали ртутуроформом.

Примите, сударь, заверения в моем наивысшем уважении (фр.).

Pompes funèbres centrales et regionals ~ Taxe 1,50% — <Перевод:>

Торжественные похороны в столице и в провинции

Андре Бержоан

70 улица Ваню

(угол улицы Оливье)

Париж VII

Париж 16 мая 1943

Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что получил от г. Чижова сумму четыре тысячи триста франков на похороны госпожи Ремизовой, урожденной Серафины <так!> Довгелло, скончавшейся на улице Буало № 12.

Которые должны были состояться в воскресенье 16 мая: в 9 часов тело доставлено в Русскую церковь (улица Дарю), погребальное шествие в 14 часов.

Включая:

Муниципальный налог, 8 носильщиков для доставки тела в Русскую кафедральную церковь, автофургон, награждение за труды 44 <?> полицейским при отправлении с улицы Буало в церковь и на кладбище.

Траурная карета 7-го класса с навесом с бахромой из хлопчатобумажного галуна, 2 гербовых щита для кареты, 4 носильщика для службы.

Гроб из крепкого дуба, непромокаемая отделка, металлические обрuchi, внутренняя обшивка из целлюлозной ваты, погребальное покрывало, специальная подушка, гравированная пластина, санитарная

микстура, доставка гроба, дополнение для превышающего норму размера.

Присутствие служащего при отъезде утром и на службе после полудня, дополнительные хлопоты, вознаграждение персонала.

Все расходы ниже.

Налог 1,50 % (фр.)

С. 171. *Préfecture de la Seine / Cimetière Parisien de Bagneux ~ 4 ligne / № 23* — <Перевод:>

Префектура Сены

Парижское кладбище в Баньё

Место погребения

Имя Ремизова

Дата погребения 16 мая 1943

70 участок

4 линия

№ 23 (фр.)

...у *Знамения на Rue Michel-Ange*... — Церковь Знамения Божией Матери в Париже находилась по адресу: 65, rue Michel-Ange, с 1954 г. перенесена на bd. Exelmans, 87.

«*Парижский вестник*» — газета, выходившая в Париже с 14 июня 1942 по 12 августа 1944 г., с подзаголовками на французском и немецком языках («*Le courrier de Paris*»; «*Pariser Beobachter*»), издатель — Управление делами русской эмиграции во Франции (Г. С. Жеребков); редколлегия (в лице гл. редакторов — П. Н. Богдановича, О. В. Пузино, Н. В. Пятницкого) занимала прогерманскую позицию.

С. 172. *Entreprise Générale de Sépultures ~ Monsieur Remizoff, J'ai l'honneur de vous aviser ~ la somme de 2.450 frs.* — <Перевод:>

Главное погребальное предприятие

Г. Алье Наследник

Монруж 27 Октября 1943

Господин Ремизов,

Имею честь уведомить вас, что работы, выполнение которых вы мне доверили, завершены. В надежде, что вы будете удовлетворены, и в ожидании вашего визита спешу, сударь, выразить вам мое уважение.

9 ноября 1943

Расписка в получении дополнения к общему счету на сумму 2.450 франков (фр.).

По всей вероятности, речь идет об установке надгробного креста на могиле *СП*. Ср. письмо Ремизова: «...крест на могиле поставлен с моей надписью, буквы с камня X в. и врезан медный крест московский» (А. Л. Бем в письмах и документах / публ., подгот. текста и примеч. Л. Ливака // А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья. М.: Русский путь, 2008. С. 383).

**КТО БЫЛ НА ПОХОРОНАХ
ИЛИ ПИСЬМО ПРИСЛАЛ КТО:
Или на улице встреча**

Последний раздел содержит поименный список коллег *СП*, знакомых и друзей, почтивших ее память личным присутствием на похоронах и в письменных соболезнованиях, адресованных писателю. Сведения об упомянутых лицах см. в *Аннотированном именном указателе* к настоящему тому.

С. 174. *NRF* — французский литературный журнал «La Nouvelle Revue française», основан в 1908 г.; издатель — Гастон Галлимар (Gaston Gallimard). В числе инициаторов издания выступили театральный актер и режиссер Жак Копо (Jacques Coreau) и писатели Андре Жид (*André Gide*) и Жан Шлюмберже (Jean Schlumberger). С начала выпуска по 1968 г. журналом руководили выдающиеся французские литераторы, практически каждый из которых: Жак Ривьер (Jacques Rivière), Жан Полан (Jean Paulhan), Пьер Дриё Ла Рошель (Pierre Drieu la Rochelle), Марсель Арлан (Marcel Arland) — имел свою историю отношений с Ремизовым. Подробнее см.: *Резникова 2013*. С. 176—189.

КНИГА III

Ремизов А. М. Дневниковые и прочие записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга III. Париж. 1895—1931; апрель 1945. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 289. 51 + I л. Далее: *Книга III*.

Рукописные тексты-источники:

1) *Ремизова-Довгелло С. П.* <Дневниковые записи. Запись сна>. 22 дек. 1908 г., 7 янв. 1909 г. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1053. 3 л.;

2) *Ремизова-Довгелло С. П.* «Первая встреча». <Набросок воспоминаний о встрече с К. Л. Тышкой>. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1061. 2 л.;

3) *Ремизова-Довгелло С. П.* «О нем» <Набросок воспоминаний о К. Л. Тышке>. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1062. 3 л.;

4) *Ремизова-Довгелло С. П.* <Дневниковые записи о К. Л. Тышке>. 17 нояб. 1916 г. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1063. 3 л.;

5) *Ремизова-Довгелло С. П.* «Бисерная стена» <Описание изделий из бисера>. 9 июня 1922 г. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1077. 28 л.;

6) *Ремизова-Довгелло С. П.* «Места на земле». [1931]. Автограф // *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1078. 16 л.;

7) Листки из дневника П. И. Довгелло. Автограф. «21 августа 1881», <1880-е> // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1299. 4 л.*

Книга III представляет собой тетрадь размером 30 × 20 см. Переплет: картон, оклеенный «мраморной» бумагой черно-красного цвета. Корешок: черная ткань. На обложке острым предметом вырезано: **А. REMIZOV PARIS 1945 IV** (сбоку слева сверху вниз); **С. П. Ремизова** - **Довгелло III** (вверху справа); **ОТЕЦ 21 III 1895 / ТУНГУС / КУМ / ЗАРУЦКИЙ 1875—1902 / НЕПОПРАВИМОЕ / БИСЕР 74 / МЕСТА НА ЗЕМЛЕ 184** (в центре, заключено в рамку). На обратной стороне задней обложки: **III / † 13 V 1943**. Записи сделаны Ремизовым в апреле 1945 г. черными и синими чернилами, некоторые пометы — карандашом.

Тексты тетради предваряет роспись ее содержания с указанием разделов и страниц (л. 2 по архивной нумерации):

Оля О смерти отца † 21 III 1895 I ст. 60, 79	стр. 2—3
Из дневника отца	— 4—8
Сон	— 8—9
Тунгус в юбке Оля II	— 10—13
Кум (Лебединцев Всеволод Сергеевич)	— 14—16
Заруцкий 1875—1902 Оля III	— 16—30
1) —	
2) Пасха	— 16
3) Сорокоуст	— 16
4) Ночь	— 18
5) Первая встреча	— 18
6) О нем	— 20
7) Конец	— 23 об.
8) Сны	
I Птичка как руку клевала	26
II Мертвыми глазами	28
III Частями	29
IV С Наташей	29
V Т — Д	29 об.
9) Рукописи	30
Непоправимое 9 X 1902 (Документ рукой Б. В. Савинкова)	31—36
A travers le feu des douleurs¹	
Бисерная стена — 73	37—39
Места на земле — 184	40—50 ²

¹ Сквозь огонь скорбей (*фр.*).

² Данная роспись содержания с небольшими разночтениями воспроизведена также отдельно (см.: *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 256. Л. 6.*)

Часть глав и подглав, текст которых составлен Ремизовым по записям *СП*, непосредственно связана с его повестью «Оля». Разделы «Бисерная стена» и топографический «Места на земле» воспроизведены (с исправлениями и дополнениями) также по записям *СП*; с повестью «Оля» они связаны лишь опосредованно.

С. 179. ...*(об этом рассказано в главе «Наташа» в «Сквозь огонь скорбей»)*. — Вероятно, имеется в виду следующий фрагмент главы «Наташа» из раздела «За зеленой оградой»: «Я зажег свет. И при свете она рассказала мне, как только что видела своего отца, он взял ее на руки, как детей берут осторожно и заботливо, и обнес кругом. / “папочка, не уходи!” — повторяла она. / И было в этих словах столько покинутого и такая горечь, не слезы, непроницаемая тоска застлала свет» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 506*).

И судьба ее — в ее конце что-то похожее. — Возможно, имеется в виду сопоставление последних дней жизни *СП* и ее отца в главке «Задора-Довгелло» раздела «Сквозь огонь скорбей» (см.: Там же. С. 578—579).

Затем «Тунгус в юбке»... — Подразумевается *Серафима Клитчоглу*, участница революционного движения. С 1893 г. была слушательницей Высших женских курсов в Петербурге. Занималась революционной агитацией, распространяла нелегальную литературу, в 1903 г. участвовала в подготовке покушения на В. К. Плеве. В феврале 1905 г. она была отправлена под гласный надзор полиции в Архангельскую губ., оттуда бежала за границу. Впоследствии вышла замуж и отошла от революционной деятельности. См. о ней: Там же. С. 702—703; *Николаевский Б.* История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991. С. 69—76.

О Лебединцеве — куме — связано с Наташе<й>. — В. В. Лебединцев — знакомый Ремизовых, крестивший в 1904 г. в Одессе их дочь Наташу. У Ремизова он неверно назван Всеволодом Сергеевичем. Биографию террориста В. В. Лебединцева он знал приблизительно. Лебединцев родился в Одессе. Отец — член гражданского департамента Одесской судебной палаты. В 1899 г., после окончания Ришельевской гимназии, Лебединцев поступил в Новороссийский университет, сначала на юридический, а потом на физико-математический ф-т, где увлеченно занимался астрономией. В 1904 г. он был отчислен из университета и арестован за участие в беспорядках, на шесть месяцев заключен в тюрьму. В августе того же года выпущен под надзор полиции. В 1907 г. Лебединцев стал членом Летучего боевого отряда Северной области партии эсеров. Принимал участие в подготовке покушений на великого князя Николая Николаевича и министра юстиции И. Г. Щегловитова, взрыва Государственного совета во время

заседания. 7 февраля 1908 г. был арестован в Петербурге и вместе с другими членами отряда предан военному суду. На заседании военно-окружного суда 14 февраля 1908 г. Лебединцев был приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 17 февраля 1908 г. Ср. о нем в письме Н. В. Резниковой к В. Б. и А. В. Сосинским от 12 дек. 1968 г. в связи с ее работой над книгой мемуаров «Огненная память»: «“Кум” — крестный отец Наташи. Они его не знали, а привела его знакомая революционерка. Он был похож на итальянца и очень понравился Алексею Михайловичу. Это был знаменитый революционер В. Лебединцев, послуживший Леониду Андрееву прототипом для одного из семи повешенных. Накануне казни он попросил своего родственника передать А<лексею> М<ихайлович>у особенный привет. А<лексей> М<ихайлович> запомнил его на всю жизнь. Но Наташа так и не знала, кто был ее крестным. Это всё записано у А<лексея> М<ихайловича>, но мне хотелось знать подробнее» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 826). «Жизнь В<севолода> В<ладимировича> была постоянной борьбой света и мрака, прекрасных порывов и разочарований. В основе своего мироощущения В<севолод> В<ладимирович> был пессимистом, но пессимизм бывает двоякий: либо он ведет к полной апатии, либо он взрывается страстным нетерпением и недовольством могучего духа, стремящегося вырваться из оков. Пессимизму В<севолода> В<ладимировича> была присуща именно эта бунтарская активность, гордость и титанический размах. Пессимизм толкал его к борьбе с темными силами жизни» (*Зильберштейн С. Я.* В. В. Лебединцев // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). С. 156). См. о В. В. Лебединцеве: *Зильберштейн С. Я.* Указ. соч. С. 146—165; *Семенова М. (М. С. Юделевская).* В. В. Лебединцев // Былое. 1909. № 11—12. С. 3—17; *Осоргин М. А.* Неизвестный по прозвищу Вернер // На чужой стороне. 1924. № 4. С. 191—203; *Ариас-Вихиль М. А.* Итальянские масоны и русское революционное движение: история Всеволода Лебединцева (о прототипе героя «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева) // Литературный факт. 2021. № 22. С. 136—143.

С. 179. *Заруцкий, так переделано имя в «Оле», — Каз<имир> Люд<вигович> Тышка... — К. Л. Тышка* — товарищ СП по ссылке в Сольвычегодске, который был влюблен в нее. Покончил жизнь самоубийством в 1902 г. (в романе «В розовом блеске» стал прототипом Заруцкого). Ремизов писал о нем: «В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка (похоронен в Сольвычегодске); о нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то небольшое, что осталось, — “рассказы” — издать отдельной книгой с портретом: какое прекрасное лицо!» (*Иверень-РК VIII*. С. 482). Ср. о К. Л. Тышке в письме СП к П. Е. Щеголеву (февраль 1903): «В общих чертах о Тышке могу сказать, что это был человек бесконечно во всем сомневающийся,

сильно страдающий, до метания ищущий себе дороги, при том совсем, совсем себя не жалеющий. <...> Еще прибавлю, что бывают люди простые и сложные, так он был сложный...» (*Письма к Щеголеву (1998)*. С. 166). См. также: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 497–498, 762; *Письма к Щеголеву (2002)*. С. 158, 172.

ИЗ «ОЛИ» О СМЕРТИ ОТЦА

С. 180. *Оля была на 2-м курсе, когда умер отец [21 III].* — СП училась на Бестужевских курсах в Петербурге с 1893 по 1897 г. Ее отец умер 21 марта 1895 г.

Потом уж в Ватагине [Берестовце] она узнала подробности о последних минутах. — Подразумевается имение семьи Довгелло в селе Берестовец Борзненского уезда Черниговской губ. (в повести «Оля» — Ватагино). См. об этом: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 666–667. См. также: *Книга I*. С. 62–63, 79–80.

Ал<ександр> Пав<лович> [Павел Иванович] опять «сошел с ума». — Имеется в виду отец СП — П. И. Довгелло.

...процесс против него со стороны его сестры... — Имеется в виду младшая сестра П. И. Довгелло — Н. И. Василенко (урожд. Довгелло).

...имение принадлежит матери... — Имеется в виду А. Е. Довгелло.

Когда помер Павел Петрович [Ив. Ив. Довгелло]... — У Ремизова неточность. Речь идет об Иване Михайловиче Довгелло (Довгелло; 1803–1846), муже А. Е. Довгелло, отце П. И. Довгелло (в повести «Оля» — Павел Петрович Ильменев). Иван Иванович Довгелло (1830–?) — брат П. И. Довгелло, дядя СП.

С. 181. *Три недели он так мучился. ~ затих и заснул и больше не проснулся.* — П. И. Довгелло лечился ранее в Черниговском психиатрическом отделении. Ср. о смерти отца в воспоминаниях брата СП — Сергея Павловича Довгелло: «<В> 1894 г<оду> отец мой вновь заболел психическим расстройством в буйной форме; дома проболел месяца 2–3 и умер» (С. П. Довгелло. Три осокоря // *РЛ*. 2019. № 4. С. 138; публ. В. Н. Быстрова).

...Ватагинский батюшка о. Евдоким [о. Евтихий]... — Имеется в виду Евтихий Бардонос. В романе «В розовом блеске» он упоминается неоднократно (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 31–32, 388, 585).

...хоронили всегда на цвинтаре... — Цвинтар — огороженный возле церкви участок земли, прицерковное кладбище (*укр.*).

Наталья Ивановна [Александра Никитишна]... — Имеется в виду Александра Никитична Довгелло (урожд. Самойлович).

ИЗ ДНЕВНИКА

В романе «В розовом блеске» включено в раздел «Сквозь огонь скорбей», в главу «Задора», под названием «Из дневника Павла Ивановича Довгелло» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 579—582*).

С. 182. *Заметил, кто молился ~ за царя.* — Вероятно, имеется в виду Александр III, который унаследовал престол после гибели отца 1 марта 1881 г. До 1917 г. при богослужении существовал Царский молитвенный чин: ср., в частности: «Утверди, Боже, Благочестивейшего, Самодержавнейшего Великого Государя нашего Императора (Его же имя, Господи, Ты веси)...»

Когда пели «Святейший Синод», явился вопрос, почему он «святейший»? — Святейший Синод — высший орган церковно-государственного управления Русской церковью с 1721 по 1917 гг. Обер-прокурор Синода со времени Петра I назначался императором. Ср. в прошении на Великую ектенью («усердном» молении): «О Святейшем Правительствующем Синоде <...> Господу помолимся».

Дал совет Софье Николаевне... — Видимо, одна из знакомых П. И. Довгелло.

Пришел Лизогуб... — Сосед семьи П. И. Довгелло.

«Не оживет еще не умрет». — Ср. в Первом послании к Коринфянам апостола Павла: «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор. 15: 36). Ср. также в Евангелии: «...если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24).

Глушановский — неизвестное лицо.

«Неделя» — еженедельная газета (СПб., 1866—1903). Изд. — Г. Е. Генкель (с 1867 г.) Ред. — П. Ф. Конради (1867); Е. И. Конради (1868—1871), Е. И. Рагозин (с 1872). Одним из редакторов газеты был Н. С. Курочкин. В 70-е гг. орган либерального народничества. См. также коммент. Ремизова: *Книга III. С. 183*.

С. 183. *Коммисионеру, мною произведенному в этот чин из факторов в прошлом году...* — *Коммисионер* — посредник в сделках, совершающий операции по купле и продаже, а также другие сделки, получая за это комиссионные проценты; *фактор* — мелкий посредник в торговых операциях.

Саввич — неизвестное лицо.

С. 184. *Ты знаешь и греческого мудреца Сократа, который счастья семейного, как и ты, не имел...* — Возможно, П. И. Довгелло подразумевал, что, согласно преданиям, жена Сократа, Ксантиппа, отличалась вздорным, неуживчивым характером.

...но умер с надеждой и уверенностью на лучшую жизнь. — Ср. слова Сократа перед смертью в диалоге Платона «Федон»: «...человек, ис-

кренно посвящающий жизнь свою философии, встретит смерть, как мне кажется, мужественно и с надеждою — по кончине, за гробом, получить величайшие блага. <...> Многие, разлученные смертью с людьми, которых они любили, — с женою, с детьми, охотно согласились бы сойти в преисподнюю, — в той надежде, что там увидятся и будут вместе с милыми существами: как же скорбеть и невесело отходить умирающему, когда он действительно любит разумение и сильно проникнут тою надеждою, что оно нигде не приобретаета столь совершенно, как в преисподней» (Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. духовного ж. «Странник», 1863. Ч. 2. С. 69, 74).

Платона, который признавал эту жизнь приготовлением к будущей лучшей жизни, где наказывается зло и награждается добро... — Ср. в том же диалоге «Федон»: «Итак, не смешно ли было бы, <...> если бы человек, свою жизнь приготовляя стать сколько можно ближе к смерти, начал скорбеть, когда смерть пришла бы к нему? <...> ...есть и души умерших, и добрым из них хорошо, а злым худо» (Там же. С. 74, 81).

«Если бы были существа ~ что есть боги и что всё это величие их дело...» — Чуть измененная цитата из несохранившегося трактата Аристотеля «О философии» в передаче Цицерона (см.: Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 54).

...просил Отца Своего за своих врагов. — Подразумеваются слова Христа перед казнию: «Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23: 34).

Апостол Иаков ~ что творят». — Согласно церковному преданию, апостол Иаков Праведный, сводный брат Христа по приемному отцу, произнес эти слова перед смертью возле Иерусалимского храма (ок. 63 г.).

Иван Гус ~ просил о той женщине, которая подложила дровец под его костер. — Чешский религиозный реформатор профессор Пражского университета священник Ян Гус 6 июля 1415 г. был осужден как еретик на созванном папой Иоанном XXIII Констанцском Вселенском соборе и сожжен. По одной из легенд, когда одна старушка из добрых побуждений подложила в костер вязанку хвороста, он воскликнул: «О святая простота!» (лат.: «O sancta simplicitas!»).

...враг рода человеческого. — То есть дьявол, сатана.

...«будем есть, пить и веселиться!»... — Эта библейская цитата почерпнута из книги Екклесиаста: «И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться...» (Еккл. 8: 15). Ср. восклицания хора гостей в опере Чайковского «Пиковая дама»: «Будем пить и веселиться! // Будем жизнью играть».

Ср. в первоисточнике — стихотворении Пушкина «Добрый совет»: «Давайте пить и веселиться, // Давайте жизнь играть...»

С. 184. ...и + S. — Значение этих знаков выяснить не удалось.

«Горе миру от соблазнов, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит...» — Усеченная цитата из Евангелия; ср.: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18: 7).

Но Боже Милостивый буди нам, грешным! — То есть: «Боже! Будь милостив к нам, грешным!» Восходит к так называемой «молитве мытаря». Ср. в Евангелии, в притче о фарисее и мытаре (сборщик податей): «Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18: 13).

С. 185. *Вы — соль земли, священники...* — Восходит к Евангелию от Матфея; ср. в Нагорной проповеди Иисуса, обращенной к ученикам: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» (Мф. 5: 13).

...а на самых смóтрите, как на своих рабов... — Имеются в виду прихожане церкви.

...припомните Спасителя слова: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». — Ср. в Евангелии от Матфея слова Иисуса ученикам о фарисеях: «...оставьте их, они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15: 14).

Оля помнит, как уезжала она в Петербург после Рождества (1895). — Зимой 1895 г. СП, учившаяся второй год на Бестужевских курсах, приезжала на каникулы в Берестовец.

...да из этих листков дневника. — Подразумеваются выдержки из дневника П. И. Довгелло (см. Книга III. С. 182—185).

ТУНГУС В ЮБКЕ

Сын меча

С. 186. *Тунгус в юбке* — Имеется в виду *Серафима Клитчоглу*. См. о ней: Книга III. Коммент. к с. 179.

...Оля послала телеграмму Зине [Марусе Сущинской]... — Имеется в виду М. Г. Сущинская. См. о ней: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 680.

...сказал Федор Иваныч... — Имеется в виду Ф. И. Котельников, близкий знакомый СП в Петербурге. Этот эпизод в повести «Оля» фигурирует в главке «Прощанье» (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 361).

...еще Орлова удивлялась ей... — Имеется в виду З. П. Максимова, сокурсница СП. См. этот эпизод в повести «Оля» (Там же. С. 165).

...жандармский полковник Шмаков... — В повести «Оля» фигурирует также полковник под фамилией Струнский. Возможно, это одно и то же лицо. Сведений о нем найти не удалось.

Родом она из Сибири, возможно, что какая-то тунгусская по-месь. — *Тунгусы* — старое название эвенков, коренных жителей Восточной Сибири, населявших территории от Енисея до Охотского моря.

Была группа: Оля в центре, а на полу эта Оля Мечных. — Вероятно, подразумевается какая-то фотография.

...она влюблена в Оводова... — Имеется в виду *Булич Николай Павлович*, студент, близкий знакомый СП (в повести «Оля» — прототип Оводова). См. о нем: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 448—452, 494—497, 697, 749—750; *Книга I*. С. 65).

С. 187. *Меня клевета не трогает. ~ я верю только Богу.* — В повести «Оля» эти размышления героини содержатся в главке «Прощанье» (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 254—255).

С. 188. *...она очень испугалась своего брата ~ сын меча, да еще и Михаил.* — Имеется в виду *Михаил Клитчоглу* (Сын Меча), брат *Серафимы Клитчоглу* (Оли Уваровой). Здесь может подразумеваться также архангел Михаил, вождь небесного воинства; одним из распространенных атрибутов его в иконографии является обнаженный или пламенный меч.

...на собрании Рел<игиозно>-Фил<ософского> Общества... — Имеется в виду Религиозно-философское общество (РФО) в С.-Петербурге (1907—1917). Активными членами его были Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, С. Л. Франк, С. П. Кабуков, П. Б. Струве и др. Заседания проходили в здании Русского географического общества (пер. Гривцова, 10). См. о РФО: *Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах, 1907—1917: в 3 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009.*

Лето 1904 г. мы жили в Киеве на Зверинце около Киево-Печерской Лавры. — *Зверинец* — историческая местность на территории Печерского района в Киеве. В том же районе находится Киево-Печерская лавра. В Киеве Ремизовы жили с июля по октябрь 1904 г.

Уже была Наташа. — Имеется в виду дочь Ремизова и СП. Родилась 18 апреля 1904 г. в Одессе. См. о ней: *Резникова 2013*. С. 66—88; *В розовом блеске-Росток XV*. С. 501—507, 607—609, 825—828.

...дачном доме Хорошиловых... — Ср. в рабочей Тетради IV и V: «Летом 1904 года мы перебрались из Одессы в Киев и жили на Зверинце, около Печерской Лавры. Там и появилась Марья Григорьевна Хорошилова» (*Лицо писателя*. С. 345—346).

С. 188. *Хозяйка возраста чуть помоложе моей матери...* — Вероятно, судя по помете Ремизова на л. 14, подразумевается М. Г. Хорошлова.

С. 189. *Писарев постеснялся б...* — Современники отмечали резкость и безапелляционность суждений и оценок Д. И. Писарева.

...что-то от лесковской замечательно описанной в «Некуда»... — Имеется в виду нигилистка Лиза Бахарева, героиня романа Н. С. Лескова «Некуда» (1864).

...всё «Пятикнижие» с Бюхнером, Фохтом, Мошешотом, ну не в подлинниках, а в переводе и изложении... — Ср. в главке «Западня» в романе «В розовом блеске»: «...а держусь по Писареву Пятикнижия: Бюхнер, Фохт, Мошешот, Фейербах, Милль» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 541*). Д. И. Писарев написал статью о книге Л. Бюхнера: «“Физиологические картины”. По Бюхнеру» (1862). О книге К. Фохта Д. И. Писарев написал рецензию: «“Процесс жизни”. Физиологические письма Карла Фохта» (1861). Писареву принадлежит рецензия на книгу Я. Мошешотта: «“Физиологические эскизы” Мошешотта» (1861). Эти три работы вошли в 6-ю часть сочинений Писарева «Статьи по естествознанию».

...замужем за Кондоуровым. — *Кондоуров* — неизвестное лицо.

...ни один печерский монах... — Имеются в виду монахи Киево-Печерской лавры.

...давший обет нестяжания... — Монашеский «обет нестяжания» предполагает отказ от всех материальных благ, от собственности, «воздержание от всего, что не нужно человеку» (св. Антоний).

А зиму мы жили на Безаковской, д. 20, кв. 17... — Безаковская ул. (с 1919 г. ул. Коминтерна, ныне ул. Симона Петлюры) находится недалеко от киевского железнодорожного вокзала.

...там и случился пожар. — Об этом пожаре Ремизов вспоминал в романе «В розовом блеске»: «И никогда не расставались с Наташей. А в Киевский пожар я вынес ее на руках через огонь — безумные и дети огня не боятся» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 502*; см. также коммент. на с. 764–765).

...от Михаила из Шлиссельбургской крепости. — Имеется в виду *Михаил Клитчоглу*, брат Серафимы Клитчоглу. См.: *Книга III*. Коммент. к с. 188. Древняя русская крепость в Шлиссельбурге (Орешек) находится на Ореховом острове в истоке реки Невы, в 40 км от Петербурга. С начала XVIII в. использовалась в качестве политической тюрьмы. С 1907 г. центральная каторжная тюрьма (каторжный централ).

«Прощай. Любил тебя одну. ~ Прощай». — См. текст этой записки рукой Ремизова с пометами: «1904 год. лето [Михаил Клычогло, Шлиссельбургская крепость]» (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1269. Л. 7*).

КУМ

С. 190. ...Всеволод Сергеевич Лебединцев. — См. о В. В. Лебединцеве: *Книга III*. Коммент. к с. 179.

Откуда у него это итальянское и в лице, и как хорошо он говорил по-итальянски. — Бабушка Лебединцева, Юлия Перозиио, была итальянкой.

...*Лиля Сапожникова...* — См. *Книга III*. Коммент. к с. 221.

...*безо всяких фертелей...* — *Фёртель* — неожиданная выходка, проделка.

Это было в 1000-у седьмом или восьмом... — То есть в 1907 или 1908 г.

...*«огарки» («клуб самоубийц»)*... — *Огарок* — остаток недогоревшей свечи; в другом контексте — слабый, безнравственный человек, подросток-хулиган. Во втором значении восходит к повести Скитальца (псевд. С. Г. Петрова; 1869—1941) *«Огарки»* (1906). По словам Блока, «это термин, обозначающий горьковских “бывших людей”» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 49).

Хлысты — секта духовных христиан (христововеров) в России, возникшая в середине XVII в. Называли себя «людьми Божиими». См.: *Добротворский И.* Люди Божии: Русская секта так называемых духовных христиан. Казань: Унив. тип., 1869; *Розанов В. В.* Апокалипсическая секта: (Хлысты и скопцы). СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1914; *Высоцкий Н. Г.* Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей божиих». М.: Синод. тип., 1917; *Эткинд Александр.* *Хлыст*.

Один из коноводов Рябов... — Михаил Рябов был лидером общины «Нового Израиля» в Санкт-Петербурге и посещал собрания Религиозно-философского общества (*Эткинд Александр.* *Хлыст*. С. 323; см. также с. 423—424). Пришвин вспоминал о нем: «...великан Рябов, кося сажень в плечах, красавец с горящими глазами. <...> Настоящий Стенька Разин, только вот мешает эта какая-то его особенная религия» (*Пришвин М. М.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 589).

...*с лицом Чуркина...* — Судя по всему, имеется в виду *И. А. Чуриков* («братец Иоанн Чуриков»), зажиточный крестьянин-торговец из Самарской губ. В 1890-е гг. оставил торговлю, раздал имущество беднякам, стал странником, проповедовал Евангелие. Община «трезвенников» Чурикова пользовалась в Петербурге и в России большой известностью. «Самарский крестьянин Иван Чуриков прибыл в Петербург в 1894 году и стал проповедовать воздержание от пьянства. Он собирал алкоголиков на большие собрания вместе с их семьями и там говорил всем и каждому нечто такое, что оказывало терапевтический эффект» (*Эткинд Александр.* *Хлыст*. С. 183). См. также: *Бого-*

любов Д. И. «Братец Иоанн Чуриков» как религиозный проповедник среди петербургского простонародия // Приходской священник. 1911. № 16. С. 6—10; Апостол трезвости: Иоанн Алексеевич Чуриков / авт.-сост. М. П. Комков, В. В. Плотникова. СПб.: Алетейя, 2014.

С. 190. ...*Пришвин приводил к нам одного из убежденнейших...* — В начале XX в. М. М. Пришвин серьезно увлекался старообрядчеством, сектантством, тесно общался с хлыстами, много путешествовал по раскольничьим центрам России (в частности, в Поволжье). Возможно, Ремизов имел здесь в виду Павла Михайловича Легкобытова (1863—1937), одного из основателей хлыстовской общины «Начало века» («чемреки»). «В дневниках Пришвина он фигурирует под собственным именем, то под кличкой “Книжник”. Пришвин застает его в октябре 1908 в кабинете Мережковского <...> Легкобытов бросил должность и семью, чтобы скитаться по степям, лесам и Невскому проспекту в поисках истинного бога» (*Эткнд Александр. Хлыст. С. 422—423*).

В Лесном жила Богородица... — Подразумевается *Лесной (Лесное)*, исторический район Петербурга, располагающийся севернее парка Лесотехнической академии; в то время популярная дачная местность. Речь идет о Дарье Васильевне Смирновой, стоявшей во главе общины «Охтинская Богородица». Ср.: «Сразу после знакомства с Вячеславом Ивановым на собрании Религиозно-философского общества Пришвин организовал “ученую экспедицию” к хлыстовской богородице, которая в Петербурге была “знаменита”. Ее называли обычно “Охтенской богородицей”, в то время она жила, однако, не на Охте, а в Лесном» (*Эткнд Александр. Хлыст. С. 425*). Об этой «экспедиции» и Д. В. Смирновой Пришвин написал в очерке «Астраль» (*Пришвин М. М. Возле процесса «Охтинской богородицы» // Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. С. 582—592*). О встрече Блока с «богородицей» вспоминал А. Д. Скалдин: «О хлыстах Александр Александрович говорил много. Он (с другими) ездил к хлыстам за Московскую заставу. <...> Александра Александровича влекла тамошняя “богородица”. Она была замечательная женщина, готовая перевоплотиться в поэтический образ, — так был силен ее лиризм» (Письма Александра Блока / с вступ. статьями и примеч. С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова, А. Д. Скалдина и В. Н. Княжнина. Л.: Колос, 1925. С. 181).

С. 191. ...*собрание это было хлыстовское, а читал что-то А. А. Мейер.* — О каком именно собрании идет речь, установить не удалось. Известно об одном из них. 30 ноября 1908 г. Блок сообщал матери о встрече с Ремизовым 29 ноября: «...мы с А<лексеем> М<ихайловичем> пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это — не последний раз» (Письма Александра Блока к родным:

в 2 т. М.; Л.: Academia, 1927. Т. 1. С. 236). М. М. Пришвин упоминает о вечере у П. М. Легкобытова 14 ноября 1908 г.: «Вечер у Павла Михайловича. <...> Чтение Сологуба у хлыстов. <...> Я вижу Блока...» (Блок в дневнике Пришвина и найденное письмо Блока Пришвину / публ. В. В. Круглеевской и Л. А. Рязановой // *ЛН*. Т. 92, кн. 4. С. 329). Ср. также суждение М. М. Пришвина в его дневниковой записи от 9 января 1909 г.: «Блок и Мейер, по мнению хлыстов, обладают “пророческим” даром» (Там же).

...он оказался брат его жены. — Сведениями о женитьбе Лебединцева мы не располагаем.

Свидание состоялось в Шлиссельбургской крепости... — Лебединцев был заключен в одиночную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.

...в Одессе на беднейшей Молдаванке... — Молдаванка — исторический район (ранее — предместье) Одессы; охватывает пространство между улицами Старопортофранковской, Мечникова, Генерала Цветаева, Кутузакия, Мельницкой и Балковской.

Потом я слышал, что Лебединцев был один из «Семи повешенных» ~ но так и не пришлось спросить... — В «Рассказе о семи повешенных» (1908) Л. Андреева В. В. Лебединцев послужил прототипом революционера-террориста Вернера. Л. Андреев внимательно следил за судебным процессом над группой террористов Легучего боевого отряда Лебединцева по материалам прессы. Ср.: «За месяц, прошедший со дня казни, писатель, по-видимому, хорошо изучил материалы процесса, многочисленные материалы газет, получил сведения, которые не попали в печать» (*Андреев Л. Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2013. Т. 6. С. 604; коммент. Л. И. Шишкиной; см. там же. С. 605—609). Андреев был знаком с Лебединцевым еще с 1905 г., когда не раз приезжал в Пулковскую обсерваторию, работая над драмой «К звездам». Позднее Лебединцев давал уроки итальянского языка его второй жене (Там же. С. 608; *Зильберштейн С. Я.* В. В. Лебединцев. С. 164). См. об этом также: *Вильчинский В. П.* Правда истории, художественный отбор и произвольный домысел: («Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева) // *РЛ*. 1970. № 1. С. 157—162; *Шишкина Л. И.* О реальной основе «Рассказа о семи повешенных» Л. Н. Андреева // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1971. № 355, вып. 76. С. 201—206.

К. Л. Заруцкий

С. 192. *К. Л. Заруцкий — Тышка Казимир Людвигович.* См. Книга III, коммент. к с. 179.

Łotża — Ломжа — город в Подляском воеводстве Польши, в котором родился К. Л. Тышка.

С. 192. *Сольвычегодск, Вологодской губ.* — Город расположен на берегу реки Вычегды. Ныне входит в состав Котласского района Архангельской обл. С начала XIX в. — место политической ссылки; так, в 1900-е гг. в нем проживали около 450 ссыльных.

Пасха — Ср. одноименную главу в повести «В поле блакитном» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 28—34, 671).

Сорокоуст — в Русской православной церкви молитвенное поминовение (о здравии и за упокой) в течение сорока дней.

С. 193. *Это как в старом Нюрнберге.* — *Нюрнберг* — немецкий город в Баварии; основан в середине XI в.

...Черкасов попал в сумасшедший дом... — Имеется в виду П. О. Повелко-Поволоцкий (в повести «Оля» — прототип В. М. Черкасова). См. о нем: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 678, 703—704.

...и разве она его не любила? — Подразумевается ушедший из жизни К. Л. Тышка (в романе «В розовом блеске» — К. Л. Заруцкий).

С. 194. *...с Сашей [Расской?]*... — Неустановленное лицо.

М — неустановленное лицо.

С. 195. *...ехать до Котласа...* — Город расположен в 20 км от Сольвычегодска, на месте впадения реки Вычегды в Малую Северную Двину.

...и по Белому морю... — Море в северной части европейской России, относится к морям Северного Ледовитого океана. В Белое море впадают реки Северная Двина, Онега и др.

С. 196. *...я пытаюсь рассказать в «Узлах и закрутах»...* — «*Les yeux tondus*»... — Речь идет о мемуарном произведении Ремизова «Подстриженными глазами» (1951), перевод на фр. яз.: «*Les yeux tondus*». Перевод был осуществлен Н. В. Резниковой (изд. Gallimard).

...начинается с моего изуродования, когда меня какая-то сила столкнула и я ткнулся носом в железо, начало моего сознания... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «Было мне 2 года, играл я однажды в игру какую-то мудреную: одинокую и молчаливую, взобрался я на комод да с комода и кувырнулся на пол да прямо на железку. С переломанным носом и разорванной верхней губой сидел я, закатившись, посиневший, на полу... <...> И вот боль, которая закатила меня, которая меня измазала всего, липкая такая кровь, словно бы открыли мне глаза на мир, чтобы видеть, и открыли мне уши к миру, чтобы слышать. С этих пор я отчетливо помню себя, с этих пор я стал вглядываться и вслушиваться, складывая в памяти слова, дела и деяния» (*Плачущая канава-РК IV*. С. 456—457). Ср. также в рабочей Тетради IV и V: «Мой первый день, с которого идет моя память — мне было 2 года. Сверзился с комода лицом в железную печку — и сквозь кровь увидел мир. Мое чувство: кто-то заманил меня влезть на комод и чья-то рука столкнула меня. Этот кто-то, назову “демон”, я его чувствовал, будет распо-

ряжаться моей жизнью. <...> Случай с падением с комода внешне переделал меня — перебитый нос выделил меня из всех детей, стал я ни на кого не похож» (*Лицо писателя*. С. 332, 333).

...одно время мой старший брат Николай... — Имеется в виду Н. М. Ремизов.

...редкая гостья матери немка Ганешина... — О ней Ремизов писал в романе «Учитель музыки», в главе «Письмо Достоевскому»: «За все время моего детства я вспоминаю единственного человека, который ко мне отнесся не как все. К матери приезжала ее знакомая, бывшая гувернантка. В ее приезд весь дом для меня освещался. Почему-то из всех детей она выбрала меня и всегда со мной занималась, расспрашивала о книгах, которые я читал без разбору. <...> С этой Бертой Адольфовной, как мне казалось, доверявшей мне, связано у меня предположение и до сих пор оно живо, как о чем-то стекляннно-блестящем, точно эта бесцветная немка, всегда одетая скромно, была увешана стекляшками и гарусом, и всё на ней стекляннно звенело до ее слов с неверным произношением и нерусскими оборотами. И после ее посещения я ходил, как поднятый...» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 262).

...потом учительница, нигилистического толка, сестра священника Н. Н. Строганова... — Вероятно, имеется в виду Николай Николаевич Строганов, выпускник Московской духовной академии, священник Московской епархии, протоиерей, законоучитель.

...с музыкой не пошло, с рисованием не вышло... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «Зимой по воскресеньям я ходил рисовать в Строгановское училище, летом к учителю музыки Александру Александровичу Скворцову, учился на трубе играть. / Хотел я всё произойти, все искусства одолеть, всю мудрость постичь, и ничего не вышло. Рисовать я не научился, — так рогульку еще могу какую, чертей с рогами, елку, а уж коня... чтобы всадник на коне ехал, нет, и трубою тоже не владею...» (*Плачужная канава-РК IV*. С. 455). Ср. также: «Неприкаянность: / 1) Хотел учиться рисовать — выгнали из Строгановского училища. / 2) Хотел сделаться музыкантом — дирижер любительского оркестра Эйхенвальд прогнал после скандала за “неприличный” инструмент» (*Лицо писателя*. С. 262).

...перевели из гимназии в коммерческое... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «...учился я в Московской 4-ой гимназии, потом в Александровском коммерческом училище, которое и окончил в 1895 году» (*Плачужная канава-РК IV*. С. 455).

...университет... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «...потом слушал я лекции в Московском университете...» (Там же).

...Петровская Академия (Сельскохозяйствен<ный> Институт)... — Петровская земледельческая и лесная академия (до 1889 г.), затем — Московский сельскохозяйственный институт (с 1894 по 1917 г.).

С. 192. *Сольвычегодск, Вологодской губ.* — Город расположен на берегу реки Вычегды. Ныне входит в состав Котласского района Архангельской обл. С начала XIX в. — место политической ссылки; так, в 1900-е гг. в нем проживали около 450 ссыльных.

Пасха — Ср. одноименную главу в повести «В поле блакитном» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 28—34, 671).

Сорокоуст — в Русской православной церкви молитвенное поминовение (о здравии и за упокой) в течение сорока дней.

С. 193. *Это как в старом Нюрнберге.* — *Нюрнберг* — немецкий город в Баварии; основан в середине XI в.

...Черкасов попал в сумасшедший дом... — Имеется в виду П. О. Повелко-Поволоцкий (в повести «Оля» — прототип В. М. Черкасова). См. о нем: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 678, 703—704.

...и разве она его не любила? — Подразумевается ушедший из жизни К. Л. Тышка (в романе «В розовом блеске» — К. Л. Заруцкий).

С. 194. *...с Сашей [Расской?]*... — Неустановленное лицо.

М — неустановленное лицо.

С. 195. *...ехать до Котласа...* — Город расположен в 20 км от Сольвычегодска, на месте впадения реки Вычегды в Малую Северную Двину.

...и по Белому морю... — Море в северной части европейской России, относится к морям Северного Ледовитого океана. В Белое море впадают реки Северная Двина, Онега и др.

С. 196. *...я пытаюсь рассказать в «Узлах и закрутах»...* — «*Les yeux tondu*»... — Речь идет о мемуарном произведении Ремизова «Подстриженными глазами» (1951), перевод на фр. яз.: «*Les yeux tondu*». Перевод был осуществлен Н. В. Резниковой (изд. Gallimard).

...начинается с моего изуродования, когда меня какая-то сила столкнула и я ткнулся носом в железо, начало моего сознания... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «Было мне 2 года, играл я однажды в игру какую-то мудреную: одинокую и молчаливую, взобрался я на комод да с комода и кувырнулся на пол да прямо на железку. С переломанным носом и разорванной верхней губой сидел я, закатившись, посиневший, на полу... <...> И вот боль, которая закатила меня, которая меня измазала всего, липкая такая кровь, словно бы открыли мне глаза на мир, чтобы видеть, и открыли мне уши к миру, чтобы слышать. С этих пор я отчетливо помню себя, с этих пор я стал вглядываться и вслушиваться, складывая в памяти слова, дела и деяния» (*Плачущая канава-РК IV*. С. 456—457). Ср. также в рабочей Тетради IV и V: «Мой первый день, с которого идет моя память — мне было 2 года. Сверзился с комода лицом в железную печку — и сквозь кровь увидел мир. Мое чувство: кто-то заманил меня влезть на комод и чья-то рука столкнула меня. Этот кто-то, назову “демон”, я его чувствовал, будет распо-

ряжаться моей жизнью. <...> Случай с падением с комода внешне переделал меня — перебитый нос выделил меня из всех детей, стал я ни на кого не похож» (*Лицо писателя*. С. 332, 333).

...одно время мой старший брат Николай... — Имеется в виду Н. М. Ремизов.

...редкая гостья матери немка Ганешина... — О ней Ремизов писал в романе «Учитель музыки», в главе «Письмо Достоевскому»: «За все время моего детства я вспоминаю единственного человека, который ко мне отнесся не как все. К матери приезжала ее знакомая, бывшая гувернантка. В ее приезд весь дом для меня освещался. Почему-то из всех детей она выбрала меня и всегда со мной занималась, расспрашивала о книгах, которые я читал без разбору. <...> С этой Бертой Адольфовной, как мне казалось, доверявшей мне, связано у меня представление и до сих пор оно живо, как о чем-то стекляннно-блестящем, точно эта бесцветная немка, всегда одетая скромно, была увешана стекляшками и гарусом, и всё на ней стекляннно звенело до ее слов с неверным произношением и нерусскими оборотами. И после ее посещения я ходил, как поднятый...» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 262).

...потом учительница, нигилистического толка, сестра священника Н. Н. Строганова... — Вероятно, имеется в виду Николай Николаевич Строганов, выпускник Московской духовной академии, священник Московской епархии, протоиерей, законоучитель.

...с музыкой не пошло, с рисованием не вышло... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «Зимую по воскресеньям я ходил рисовать в Строгановское училище, летом к учителю музыки Александру Александровичу Скворцову, учился на трубе играть. / Хотел я всё произойти, все искусства одолеть, всю мудрость постичь, и ничего не вышло. Рисовать я не научился, — так рогульку еще могу какую, чертей с рогами, елку, а уж коня... чтобы всадник на коне ехал, нет, и трубою тоже не владею...» (*Плачужная канава-РК IV*. С. 455). Ср. также: «Неприкаянность: / 1) Хотел учиться рисовать — выгнали из Строгановского училища. / 2) Хотел сделаться музыкантом — дирижер любительского оркестра Эйхенвальд прогнал после скандала за “неприличный” инструмент» (*Лицо писателя*. С. 262).

...перевели из гимназии в коммерческое... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «...учился я в Московской 4-ой гимназии, потом в Александровском коммерческом училище, которое и окончил в 1895 году» (*Плачужная канава-РК IV*. С. 455).

...университет... — Ср. в автобиографии 1912 г.: «...потом слушал я лекции в Московском университете...» (Там же).

...Петровская Академия (Сельскохозяйствен<ный> Институт)... — Петровская земледельческая и лесная академия (до 1889 г.), затем — Московский сельскохозяйственный институт (с 1894 по 1917 г.).

С. 196. ...мое путешествие за границу ~ и мне приписывали какие-то неосторожные записи, будто бы я делал — об этом рассказываю в «Рву львином»... — Ср. в письме Ремизова 1897 г. товарищам по марксистскому подпольному кружку в Пензе: «В июле-августе прошлого года объездил Австрию, Швейцарию и Германию. В Вене познакомился с нелегальной литературой, увлекся ею. Когда поступил в Московский университет, сразу стал участвовать в студенческом движении, отсидел за это шесть месяцев в тюрьме и оказался здесь, в Пензе» (цит. по: *Морозов В. Ф.* Первые марксистские кружки в Пензе // Очерки истории Пензенского края: С древнейших времен до конца XIX в. Пенза, 1973. С. 300). «Ров львиный» — первоначальное название романа «Плачужная канава», написанного в 1914—1917 гг. Об истории с сундуком с двойным дном, в котором была спрятана нелегальная литература и который Ремизов перевез через границу, а также о недоразумении с заграничными русскими революционерами см.: *Плачужная канава-РК IV*. С. 405—408.

С. 196—197. Об этом в моем «письме Достоевскому»... — Имеется в виду одноименная глава в романе Ремизова «Учитель музыки». Ср.: «...я вскоре заметил, что на мне лежит печать “недоверия”. Точно за то мое счастье, которое вдруг изменило, перестали мне верить. <...> Недоверие ко мне меня мучило. <...> “Что же это такое, думал я, отчего мне никто не верит? Что мне сделать, чтобы я был как все. Ведь нельзя же ходить среди людей с такой Каиновой печатью!”» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 262, 263).

С. 197. ...подруга, курсистка, Валя... — Возможно, подразумевается Валя Антонова, сокурсница СП (в «Оле» — прототип Лиды Алексеевой).

...когда меня арестовали в Москве на демонстрации ~ «не надо, это провокатор!» — Ср. подробнее об этом эпизоде в позднейшем свидетельстве Ремизова: «Со мной всегда путаница и недоразумения. Идти на демонстрацию я подлинно не гадал и не думал, а собирался вечер провести за работой, и кроме того я был против студенческих демонстраций, считая их “буржуазным явлением”. А уговорил приятель. Только взглянуть. На демонстрацию я попал в разгон, и перед стеной конных жандармов и казаков погорячился, первым был арестован и отправлен с городовым в Тверскую часть, как “Агитатор”. В части вечером, когда пригнали других арестованных на демонстрации и я вышел к ним к столу пить чай, меня приняли за провокатора» (*Кодрянская 1959*. С. 79). См. также: *Грачева А. М.* Революционер А. М. Ремизов: миф и реальность // Лица: биогр. альм. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. Вып. 3. С. 423—425.

...калачи от Филиппова... — В Москве и С.-Петербурге была обширная сеть знаменитых пекарен и булочных, принадлежавших семье И. М. Филиппова.

...в тюрьму в Каменщики. — Ср. в автобиографии 1912 г.: «В ноябре 1896 года за полугодовую ходынку попал и я, грешным делом, в Каменщики — в губернский тюремный замок — в Таганскую новую тюрьму» (*Плачущая канава-РК IV*. С. 455—456).

...униженное и оскорбленное Достоевского... — Подразумевается, в частности, роман Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861).

...обойденное Лескова... — Имеется в виду роман Н. С. Лескова «Обойденные» (1865).

...и я хотел бы написать тоже свое вопиющее, и в этом было мое первое и важное... — Ср. в автобиографии: «И только в тюрьме — в Московском губернском тюремном замке затеял я и собственные свои писания. Мне захотелось описать чувства, человеком испытываемые в тюрьме, застенную нашу неволю...» (*Плачущая канава-РК IV*. С. 458).

С. 199. *Ксения Ивановна* — неустановленное лицо.

Ходил я сегодня к Евгению Петровичу... — Неустановленное лицо.

С. 200. ...ночь называл «своей подругой». [*Рассказ «Моя подруга» напечатан в «Воле России», Прага, 19*]... — Этюд К. Л. Тышки «Моя подруга» был посмертно впервые опубликован при посредстве Ремизова в газете «Юг» (Херсон) (1903. № 1583, 14 сент. С. 2). Затем он был напечатан в пражском журнале «Воля России» (1922. № 2 (30), 1 окт. С. 4—6) с пояснением Ремизова: «Автор настоящего очерка — К. Л. Тышка, погибший в ссылке в Сольвычегодске — был одним из начинающих писателей “Северных Афин”, как называли когда-то ссылную Вологду» (С. 4). Знаменателен финал этюда: «...я глубоко, глубоко благодарю тебя, о подруга моя, / подруга всех скорбных душой и одиноких, / ночь!» (С. 6).

Когда умер брат Янины Ивановны Петрусевиц... — Я. И. Петрусевиц (до замужества Иодко-Наркевич) — жена юриста, социал-демократа Казимира Адамовича Петрусевица (1872—1949); они отбывали ссылку под гласным надзором полиции в Сольвычегодске. В 1897 г. Я. И. Петрусевиц была зачинщицей «ветровской» демонстрации в Киеве (после трагической гибели в петербургской тюрьме М. Ф. Ветровой). Как известно, *СП* принимала активное участие в «ветровских» волнениях в Петербурге (см. об этом: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 186—193; 693—694).

...судила его жестокая Судина. — Здесь, вероятно, в значении: судьба, то, что суждено, предназначено.

С. 202. *Ей будет сниться Д<иксон>...* — В. В. Диксон, человек глубоко религиозный, был одаренным поэтом и прозаиком. С ним в эмиграции Ремизовых связывали дружеские отношения. Подробнее о Диксоне см.: *Книга I*, С. 61—62, 76—77, 86, 102, 106, 107, также коммент. к с. 61, 76, 93.

С. 202. ...Д<иксон> по отцу англичанин, а по матери польское... — Отец Диксона, американский инженер Уолтер Фрэнк Диксон, приехал в Россию в 1895 г. работать на паровозном заводе в Сороме. В 1898 г. женился на Людмиле Ивановне Биджевской, имевшей по отцу польские корни.

Птичка как руку клевала — Этот сон под заглавием «Про птичку, как руку клевала» с небольшими разночтениями записан также в *Книге I* (см. *Книга I*. С. 123—124).

С. 203. ...и А<лексей> М<ихайлович>... — А. М. Ремизов.

...дочь Мейерхольда Таня... — Имеется в виду Татьяна Мейерхольд, вторая дочь В. Э. Мейерхольда от первого брака, родившаяся в 1902 г.

...и Надя Янова... — Имеется в виду Надежда Даниловна Янова, подруга СП по Берестовцу. См. о ней: *Книга I*. С. 63—64.

...Гусев [ссылный из «Северных Афин»]... — Вероятно, имеется в виду ветеринар Николай Иванович Гусев, с которым Ремизов познакомился в Сольвычегодске (см.: *Россия в письменах-Росток XIII*. С. 683). Под «Северными Афинами» подразумевается Вологда.

...Эглита [латвийский писатель, знакомый А<лексея> М<ихайловича> еще по Пензе, 1898—1900]. — Виктор Эглит (Викторс Эглитис) окончил Витебскую духовную семинарию. В 1899 г. поступил в Пензенский художественный институт. Тогда он и познакомился с Ремизовым. После исключения из института «за вольнодумство» переехал в Петербург, учился в мастерской графического искусства Тенишевой. Иногда встречался с Ремизовым и в последующие годы. См.: *Спроге Л., Вавере В. А. Ремизов в Латвии: русский писатель в жизни и творчестве Викторса Эглитиса // Алексей Ремизов: Исследования и материалы 2003*. С. 149—162.

...Музей Александра III-го... — См. *Книга I*, коммент. к с. 124.

С. 204. «Святая» любовь К<азимира> Л<юдвиговича> была не похожа ни на любовь «опекающую» Оводова ~ ни на самоотвержен<ную> Шидловск<ого>... — Ср. о любви К. Л. Тышки (Заруцкого) в романе «В розовом блеске»: «Заруцкий, немного старше Оли, единственный из всех ссылных, который был ей всех ближе, и полюбивший ее не то что беззаветно и безоглядно, как Шидловский, и не ревниво-кровно, как Оводов, а сужено, т. е. как будто родился с этою любовью, — и вот за какую-то измену этой суженой любви он должен был и не мог не погибнуть» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 484).

...ни на кроткую студента Караулова. — Имеется в виду персонаж повести «Оля», домашний учитель брата Оли Ильменевой Миши (см.: Там же. С. 81—97).

...а вид у нее Губачевой, такая была курсистка на старшем курсе. — Губачева — курсистка-бестужевка.

С. 205. ...«*Валерию Яковлевичу Ремизову*». *Вот бы удивился Брюсов*. — Подразумевается В. Я. Брюсов.

...*моя первая учительница Марья Евтихиевна Лукашева*... — Ср. о ней в романе «В розовом блеске»: «На пятом году началось ученье. Учительница, старшая дочь Берестовецкого батюшки отца Евтихия Бардоноса Марья Евтихиевна Лукашева» (*В розовом блеске-Росток* XV. С. 585).

С. 206. *Т — Д* — Расшифровывается как «Т<ышка> — Д<иксон>». См. также текст этого сна: *Книга I*. С. 102.

Д<иксон>, оказывается, женился на Милюковой... — Реальная женитьба Диксона очень огорчала Ремизовых, поскольку они считали его избранницу недостойной его. См.: *Книга I*. Коммент. к с. 76, 112.

С. 206. *Из рассказов его кое-что удалось напечатать*: — По словам исследователя, «после самоубийства Тышки тетрадь с его произведениями осталась у Серафимы. Сохранение памяти о погибшем стало одной из констант духовной жизни не только ее, но и ее мужа. Издание сочинений Тышки отдельной книгой — одна из важных тем ремизовских писем Щеголеву <...> Этот замысел не осуществился, но Ремизов литературно отредактировал и напечатал почти все стихотворения Тышки в газете «Юг»...» (*Письма к Щеголеву (2002)*). С. 158). См. также: Там же. С. 162, 172.

С. 207. 2) *За решеткой I) № 5 и II) Старик*, «*Дни*»... — Рассказ «Старик» впервые был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1578, 7 сент. С. 2).

5) *Моя подруга*, «*Воля России*». — Рассказ «Моя подруга» впервые был опубликован в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1583, 14 сент. С. 2). В настоящее время тетрадь с произведениями Тышки хранится в Архиве Ремизова в ГЛМ.

Рассказы, собранные в отдельную книгу ~ Подал к И. Ионову, а слово замолвила С. Н. Равич. — Судьба книги неизвестна. И. И. Ионов возглавлял в то время издательство Петросовета (впоследствии Государственное издательство). Активно выступал за закрытие издательства Горького «Всемирная литература». С. Н. Равич — в тот период деятель Петросовета; знакома Ремизова по вологодской ссылке.

1) *Идеал*... — Рассказ был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1576, 5 сент. С. 2).

1) *Мновенье*... — Рассказ был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1598, 4 окт. С. 2).

7) *Червяк*... — Рассказ был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1589, 21 сент. С. 3).

9) *Шахматы*... — Рассказ был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1594, 28 сент. С. 5).

С. 207. 13) *Lasciate speranza...* — Рассказ был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1595, 30 сент. С. 2).

14) *Притча про сторожевые посты...* — Рассказ был опубликован Ремизовым в газ. «Юг» (Херсон) (1903. № 1584, 16 сент. С. 3).

...у А. В. Тырковой... — А. В. Тыркова-Вильямс активно сотрудничала во многих газетах и журналах («Нива», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др.). В 1902—1903 гг. она, будучи членом редакции ярославской газеты «Северный край», способствовала публикации ряда произведений Ремизова («Плач девушки перед замужеством», «Над колыбелькою» («Наташе»), «Кутья Войсы», «Беспокойные тучи, куда вы?...»).

...познакомились со священником Григорием Петровым... — Ремизов познакомился с Г. С. Петровым в доме В. В. Розанова 16 октября 1905 г.

«НЕПОПРАВИМОЕ»

1902 г.

9 X Вологда

С. 209. *Прошение министру вн<утренних> дел* — Это прошение было составлено от имени матери СП А. Н. Довгелло в связи с попыткой ее дочери отравиться в сентябре 1902 г. и резким ухудшением ее здоровья.

Рукою Б. В. Савинкова. — С Б. В. Савинковым СП и Ремизов познакомились в вологодской ссылке в 1902 г. О его взаимоотношениях с Ремизовыми см.: *Письма к Щеголеву (1998)*. С. 124—126, 130, 172; *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Борис Савинков: история отношений в письмах и воспоминаниях // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 346—379. См. также: *Книга I*. Коммент. к с. 72—76; *Книга II*. Коммент. к с. 140.

С. 209—210. ...бывшим Вологодским Губернатором д<ействительным> с<татским> с<ветником> *Князевым...* — Л. М. Князев занимал должность губернатора Вологодской губ. в 1901—1902 гг.

С. 210. ...исправляющим должность Вологодского Губернатора гр<а-фом> *Муравьевым...* — Н. Л. Муравьев исполнял обязанности вологодского вице-губернатора в 1901—1902 гг. Ср. о нем в книге «Иверень»: «А шумел он... суровым распоряжением о высылке Серафимы Павловны Довгелло из Вологды в Сольвычегодск. / Конец сентября, пароходы прекратились и единственный путь в Сольвычегодск на лошадях — дороги невылазные и бывалому, еще подумай. От Вологды до Сольвычегодска — 500 верст. Но Муравьев требовал, грозя этапным порядком. / С. П. Довгелло губернаторскому распоряжению не подчинилась. Да и как же было ехать в такое время, значит на верную ги-

бель. А кроме того, при свидании обращение графа было очень резко и грубо. Тут и произошел трагический случай: С. П. Довгелло отравилась» (*Иверень-РК VIII*. С. 457). *СП* пыталась отравиться 28 сентября 1902 г. 24 октября она получила разрешение уехать из Вологды в Борзну, 5 декабря ей было разрешено отбывать на родине остаток ссылки, но еще 2 декабря *СП* вернулась в Вологду.

С. 211. ...*пристав Суровцев...* — в 1902 г. помощник вологодского уездного исправника. Именно он в октябре 1902 г. написал рапорт Н. Л. Муравьеву в связи с разрешением на выезд *СП* из Вологды к себе на родину: «...состоящая под гласным надзором Полиции дворянка Серафима Павловна Довгелло 17 октября выбыла из Вологды в разрешенную ей временную отлучку в Борзенский уезд Черниговской губернии, с выданным ей проходным свидетельством и маршрутом...» (Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 2. Ед. хр. 801. Л. 1).

С. 213. ...«остененный». — От глагола «остенить» — обнести стеною, заградить от света.

Я не знаю, какая судьба гр<афа> Муравьева... — Граф Н. Л. Муравьев после Вологды занимал посты таврического (1902—1907), рязанского (1907—1908) вице-губернатора, в октябре 1908 г. был назначен полтавским губернатором, в феврале 1913 г. — московским. В 1916 г. стал сенатором. После революции 1917 г. эмигрировал в Бельгию. Умер в 1940 г. в Брюсселе.

...8 сентября появилось мое первое «Плач девушки перед замужеством»... — Стихотворение в прозе под заглавием «Плач девушки перед замужеством» с подзаголовком «С зырянского» и под псевдонимом Николай Молдаванов было опубликовано в московской газете «Курьер» (1902. № 248, 8 сент. С. 3).

...мне хотелось повидать и Леонида Андреева... — Л. Н. Андреев заведовал литературным отделом газеты «Курьер». О встрече Ремизова с Андреевым и их взаимоотношениях см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Леонид Андреев: (Введение к теме) // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы 1994*. С. 41—52. См. также главу «Леонид Андреев (1871—1919)» в книге Ремизова «Иверень» (*Иверень-РК VIII*. С. 463—468).

...и Брюсова... — В. Я. Брюсов был одним из первых московских писателей, с которым 1 ноября 1902 г. познакомился Ремизов. В этот день Брюсов записал в дневнике: «Еще какой-то из Вологды Ремизов. <...> Этот Ремизов немного растерянный, маньяк, если не сыщик...» (*Брюсов В.* Дневники. 1891—1910 / пригот. к печати И. М. Брюсова; примеч. Н. С. Ашукина. [М.]: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 122). Историю их взаимоотношений см.: *Лавров А. В.* Брюсов и Ремизов // *Лавров А. В.* Русские символисты: этюды и разыскания. М.:

Прогресс-Плеяда, 2007. С. 109—124. См. также главу «Валерий Брюсов (1873—1924)» в книге Ремизова «Иверень» (*Иверень-РК VIII*. С. 468—474).

С. 213. ...меня вызвали в Охр<анное> Отд<еление>... — См. об этом эпизоде: Там же. С. 463.

...и в конце ноября она вернулась в Вологду... — СП вернулась из Борзны в Вологду в начале декабря 1902 г.

С. 214. ...обращенного в соляной столб... — Образ восходит к библейской Книге Бытия: в соляной столп превратилась жена Лота при бегстве из Содома, когда не послушала запрета и оглянулась назад (Быт. 19: 17—26).

БИСЕРНАЯ СТЕНА

С. 215. *Бисерная стена* — Изделия из бисера были переданы супругам Ремизовым из Петрограда за границу в 1920-е гг. А. М. Грачева отметила: «Собрание изделий из бисера сохранила родственница С. Я. Осипова, которая в 1920-е годы сумела, благодаря связям в советских дипломатических кругах, через Прибалтику переправить его в Париж» (*Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // *РЛ*. 1997. № 1. С. 189—190). Здесь имеется в виду стена с разноцветными бисерными предметами в парижской комнате СП в квартире на улице Буало, куда Ремизовы переехали в октябре 1933 г. Ремизов, в частности, свидетельствовал: «Комнату С<ерафимы> П<авловны> пришлось переклеить и тогда только на голубое развесить бисер» (*Грачева 2010*. С. 330). Ср. в воспоминаниях Н. В. Резникова: «На стене, над столиком слева и справа был развешен “бисер” — знаменитая коллекция бисерных изделий, рукоделие бабушек, тетушек и крепостных девушек — шитье иглой или работа крючком. Главная часть происходила из родного дома С. П. / Бисерные кошельки — с павлином, с усадьбой, с узорами, с масонскими эмблемами; <...> Чубук и круглая коробка для табака, кольца для салфеток, чехлы для трубок, коробочки» (*Резникова 2013*. С. 108). Об этой коллекции Н. В. Резникова сделала примеч.: «Ныне хранится у Ольги Вадимовны Андреевой-Карлайл, крестницы С. П.» (Там же). Ср. также в воспоминаниях А. Д. Резникова: «А главное, над постелью, <...> развешена коллекция русского бисера — кошельки, бусы, серьги... Старинная вышивка XVIII и XIX веков, созданная крепостными девушками, которые традиционно по вечерам, под светом лампадок, вышивали, затягивая песню. Это сокровище. Заветное наследие семьи Довгелло, предков Серафимы Павловны, предназначается Олечке, когда она будет большой» (Там же. С. 223). Текст «Бисерной стены», который послужил основой раздела

в *Книге III*, записан рукой *СП* в самодельной малоформатной тетради; нумерация бисерных изделий в ней не совпадает с нумерацией Ремизова (см.: *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1077*). С этими изделиями связан также фрагмент в записной книжке *СП*: «1) В бисерной шкатулке 26 вещей (бисер) / 2) В шкатулке Ник<олая> Пав<ловича> 21 с кусочками / 3) В Московской кованной 12. / 4) Картонки № 1–32» (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1273. Л. 7 об.*). Возможно, здесь подразумевается, что шкатулка была подарена Николаем Павловичем Буличем. См. «бисерную стену» на фотографии «С. П. Ремизова-Довгелло в интерьере своей комнаты» (1930), воспроизведенной на вкладке издания: *В розовом блеске-Росток XV* (между с. 320 и 321).

...(*синель, китайка*) — *Синель* — род бархатных или махровых шнурков, употребляемых для вышивания, бахромы; *китайка* — старинная плотная шелковая ткань, ввозившаяся из Китая, потом — хлопчатобумажная.

3) *на воску китайцы с попугаем, в рамке <...> 11) Китайцы на канве и бисером по шерсти.* — Ср. в описании стены Н. В. Резниковой: «...“китайцы” в двух видах: вдавленные в воск и вышитые по канве» (*Резникова 2013. С. 108*).

4) *Могилла «Вера. Надежда. Любовь»* — Возможно, имеется в виду изображение гробницы мучениц Веры, Надежды, Любви и их матери Софии в монастыре городка Эшо под Страсбургом (Франция).

5) *Всадники (амазоны) — Амазоны* — фантастические воинственные персонажи с темными свирепыми лицами; изображались на русских лубочных картинках. Существует предположение, что к амазонам древние славяне относили народы заморских стран. Ср. в рассказе Ремизова «Чертик» описание жилища старухи Аграфены: «Стены в картинках; картинки шелками да бисером шиты: тут и цветочки, и лютые звери, <...> амазоны на конях и так амазоны...» (*Зга-Росток XI. С. 95*).

8) *Собака в рамке за стеклом* — Ср. в описании Н. В. Резниковой: «...в деревянной рамке — бегущая собачка...» (*Резникова 2013. С. 108*).

9) *Павлин от кошелька, любимое* — Ср. в описании Н. В. Резниковой: «Бисерные кошельки — с павлином...» (Там же).

10) *Букет в рамке (Крыловский, тетушкино).* — Возможно, подразумевается тетка *СП* по отцу М. И. Отрада (урожд. Довгелло).

Воспроизвед<ено> у А. В. Средина, Старинные вышивки... — Имеются в виду снимки старинной вышивки. В частности, воспроизведены работы из собрания *СП*: «Вышивка бисером», «Шкатулка, шитая бисером» (Золотое руно. 1906. № 3. С. 26, 28–29).

11) *Китайцы на канве и бисером по шерсти. У Дудоревой, стр. 41* — Имеется в виду издание: *Дудорева В. А. Бисер в старинном рукоделии. М.: Светлана, 1923. Ремизов подразумевал работу: Китайцы. Бисер-*

вышивка, собр. Пожарского. Книга В. А. Дудоровой из библиотеки Ремизова хранилась в парижском частном *Собрании Резниковых*. Ср. в «Мышкиной дудочке» о чтении этой книги в эмиграции: «...“История бисера”. Вся стена в комнате Серафимы Павловны в бисерных картинках, стена будет живым наглядным примером» (*Петербургский буюрак-РК Х. С. 77*).

Троице-Сергиевская Лавра. — Ремизов подразумевал работу: Троицкая лавра. Бисер-вышивка, собр. Пожарского.

15) *Кусочек Вал. Ал. Шалауровой* — Имеется в виду В. А. Шалаурова, знакомая Ремизовых по Сольвычегодску.

16) *Пенал (Н. Андреева)* — Возможно, имеется в виду Николай Ефремович Андреев, знакомый Ремизовых.

18) *С подушки вышивки (Н. В. Григорьева)* — Имеется в виду Наталья Васильевна Григорьева, знакомая Ремизовых.

С. 216. Для *параманда (аналава)* — *Параманд (параман)* — небольшой платок с изображением восьмиконечного православного креста, часть монашеского облачения. *Аналав* — длинный параманд в форме передника с наплечниками.

28) *Подстаканники (6-ть)* — Ср. в списке СП: «27) Подстаканник с зеленым 28) Подстаканник <с> красным 29) Подстаканник с розами 30) Подстаканник поменьше 31) Подстаканник очень <1 нрзб> 32) Подстаканник маленький» (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1077. Л. 4 об.-5*).

39) *Кошелек (5-ть)* — Один из бисерных кошельков, подаренный художником С. А. Залшупиным, упомянут в письме Ремизова к СП от 3 сентября 1927 г. (см.: Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 60, 78).

От В. В. Берсеновой — Неустановленное лицо.

С. 217. (*К. Богуславская*) — К. Л. Богуславская жила в эмиграции с 1919 г. Ремизов 23–24 октября 1943 г. записал: «Б<огуславская> рисует с меня портрет» (*ДМ-1. С. 49*).

57 Для *pinpez* — Пенсне (*фр. pince-nez*) — очки без заушных дужек.

63 *Коробка для табаку (С.)* — Ср. в описании Н. В. Резниковой: «круглая коробка для табака...» (*Резникова 2013. С. 108*).

64 *Нерукотворный Спас* — особый способ изображения Христа (буквально — сделанный не руками), представляющий его лик на убрусе (плате), отпечаток. Большое распространение на Руси получили иконы Спаса Нерукотворного. См.: Спас Нерукотворный в русской иконе / авт.-сост. Л. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2008.

66 <*Богородица*> *Рафаэля*... — Рафаэль создал целую галерею картин, изображающих Мадонну с младенцем Христом. Какое полотно художника послужило основой вышивки, установить не удалось.

73 *Бисерное яйцо XV* — Имеется в виду пасхальное яйцо в честь праздника Воскресения Христова. Ср. в воспоминаниях А. Д. Резникова о пасхальных фарфоровых яичках в доме Ремизовых: «Они разноцветные: белые, синие, красные, зеленые, с тончайшим рисунком <...> На каждом из них пасхальные буквы “Х. В.”» (*Резникова 2013. С. 223*).

МЕСТА НА ЗЕМЛЕ

Любознательная *СП* с юности любила путешествовать. С Ремизовым, а иногда, но редко, и без него, она побывала во многих местах в России и за рубежом. Впечатления от этих поездок глубоко западали в ее редкостную память. Н. Резникова, в частности, отмечала, касаясь их жизни до эмиграции: «Ремизовы ездили за границу и прежде: они были во Франции, Италии; война 1914 года застала их в Германии на пути в Россию. Их обоих привлекала культура Запада: памятники искусства, архитектура, история религий и строй жизни различных стран. И А. М., и С. П. — оба очень русские по своей природе и воспитанию и неотделимо связанные с Россией и творчески, и кровно — с большим и страстным, редким среди русских, интересом относились ко всем проявлениям духа Запада. Желая проникнуть вглубь, они внимательно изучали историю и литературу, верования и легенды стран, в которых им пришлось побывать» (Там же. С. 92).

С. 218. *Есть места заколдованные...* — Ср. в повести «Учитель музыки»: «На земле есть “заколдованные места” — пропадные и благодатные...» (*Учитель музыки-РК IX. С. 153*).

Она затеяла записать, где была в жизни ~ списываю с ее записи. — Ремизов писал в романе «В розовом блеске» в главе «Пропад» о *СП*: «Когда-то затеяла подсчитать города, где побывала: в ее записной книжке выписано — 175; трудно поверить, что это было когда-то» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 544*). Этот список хранится в собрании *ГЛМ* (Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1078).

...ее мечтой была Святая Земля... — Подразумевается территория нынешнего Израиля, Иерусалим с его окрестностями, где расположены главные христианские святыни; в Евангелии называется «землей Израилевой», а также «землей обетованной».

Чернигов — В черниговской гимназии училась *СП*. В повести «Оля» — Покидош. В *Адреса 1905–1912* отмечено, что Ремизовы, в частности, побывали в этом городе 21 июня 1907 г., 10 августа 1908 г. (Л. 10, 11).

...и на Ильинскую горку подымались — там I-ая русская церковь... — Имеется в виду черниговский православный храм XI–XII вв. в ан-

самбле Троицко-Ильинского монастыря на склоне Болдиных гор. См. также в разделе «Доля» повести «Оля» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 102–103*).

С. 219. ...и в Казенный сад заглянули... — Городской (Казенный) сад расположен на территории Деснянского района Чернигова; заложен в 1883–1886 гг. Одно из главных мест отдыха горожан.

...к мощам прикладывались Феофея Углицкого... — После смерти святитель Феодосий Углицкий был погребен в Черниговском Борисоглебском соборе, за правым клиросом, в особом склепе. В 1896 г. был причтен к лику святых. Память его отмечается 5 (18) февраля и 9 (22) сентября (обретение и перенесение мощей).

...[его, как мумию, в Революцию в Петербург перевезли]... — В 1921 г. мощи святого поместили в этнографическом музее Чернигова. Затем их перевезли сначала в Москву, а потом в Ленинград; несколько месяцев святыня находилась в раке в Николо-Богоявленском Морском соборе, где с тех пор хранится частица мощей. В 1946 г. мощи святого были возвращены в Чернигов.

Берестовец. — Село в Борзнянском уезде Черниговской губ. на реке Смолянка. В нем находилось родовое поместье семьи Довгелло, в котором прошли детские и отроческие годы *СП*. В повести «Оля» — Ватагино. В Берестовце осталась жить дочь Ремизовых Наташа, которую они время от времени навещали (см., в частности, сведения о точных датах их поездок: с 22 по 28 декабря 1905 г., с 17 июня по 16 июля 1906 г., с 22 декабря 1906 г. по 1 января 1907 г., с 22 декабря по 31 декабря 1907 г.; с 28 июля по 2 августа 1908 г., с 14 по 16 августа 1909 г., с 15 по 27 июня 1912 г., с 12 по 24 апреля 1916 г. (*Адреса 1905–1912. Л. 3–16; Адреса 1913–1916. Л. 4*).

Прохоры́. — Село в Борзнянском уезде Черниговской губ. Там находилось имение, в котором жила М. М. Самойлович, бабушка С. П. В повести «Оля» — Меженинка.

Любимая бабушка М<ария> Мих<айловна> Самойлович. — В повести «Оля» прототип Татьяны Алексеевны.

...двоюродные братья С. П<авловн>ы. — Имеются в виду Андрей Иванович Самойлович (1875–?) и <имя неизв.> Иванович Самойлович (?–?), сыновья И. Н. Самойловича, двоюродные братья *СП*.

Борзна. — Уездный город на востоке Черниговской губ., на берегах реки Борзенки. Основан в XVI в.

Я был и в этом Мазепском пристанище... — В нач. XVIII в. Борзна была во владениях гетмана Мазепы. Ср.: «В Борзенском уезде земля гетмана Самойловича досталась Мазепе...» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 583*).

Сестры Богатко... — Имеются в виду Елена и Вера Богатко, дочери Иосифа Николаевича Богатко и Евфросиньи Ивановны Товстолес.

Младшая сестра, Вера Иосифовна Богатко, — близкая подруга сестры СП Лидии Довгелло.

Оленовка. — Село на территории Борзнянского уезда, на берегу реки Борзна, в 9 км от города Борзна.

Комаровка. — Имеется в виду село на территории Борзнянского уезда Черниговской губ., на берегу реки Смолянки.

С. 220. ...*Алексей Павл<ович> Ягодковский.* — А. П. Ягодковский родился в Комаровке. Сын священника П. Н. Ягодковского. Окончил Санкт-Петербургский университет.

Стрельники. — Возможно, имеется в виду село на территории Бахмацкого уезда Черниговской губ., на реке Борзенке или на территории Прилукского уезда.

Холмы. [*Пут Черкасов, это земля роковая. Повелко-Поволоцкий*] — Холмы — село в Сосницком уезде Черниговской губ. (ныне Корюковский р-н). О П. О. Повелко-Поволоцком, прототипе Черкасова, закончившем с собой, см.: *Книга III*. Комментар. к с. 193.

Хутор Булича — Оводова. — О Н. П. Буличе, прототипе Оводова, см.: *Книга I*. Комментар. к с. 127.

Низковка. — Село и железнодорожная станция в Сосницком уезде Черниговской губ.

Осняки. — Имеется в виду село и железнодорожная станция в Репкинском уезде Черниговской губ.

Сибережа. — Имеется в виду Сибереж, село в Репкинском уезде Черниговской губ., в 1,5 км от станции Осняки.

Плиски. — Село и железнодорожная станция на территории Борзнянского уезда Черниговской губ. Через нее Ремизов и СП ездили в Берестовец (см., в частности: *Адреса 1905—1912*. Л. 3).

...*как Круты...* — *Круты* — железнодорожная станция в Борзнянском уезде Черниговской губ., недалеко от одноименного села. О ней Ремизов писал на форзаце своей книги «Зга. Волшебные рассказы» (Прага: Пламя, 1925), сравнивая пирамидальные тополя на родине С. П. и на одной из парижских улиц: «Я стою на противоположной стороне <улицы Доктора Бланша. — Ред.> и смотрю на этот тополь, на шевелящиеся листья и прислушиваюсь к шуму их <...> И я глядя и слушая вспоминаю Круты — поминаю твою землю. Как странно, здесь в Париже уголок той России, и мне кажется, что этот тополь упирается в то небо, как тот — там в Крутах. И я с каким-то особенным чувством чувствую твою землю <...> м<ожет> б<ыть> эту единственную связь, которая еще жива у меня — связь “земляная” (См.: *Книга IX*. С. 436; см. также: *Волшебный мир Алексея Ремизова*. С. 24).

Там имение Самойловичей — Товстолес. — *Самойловичи* — дворянский род. Иван Самойлович был гетманом Украины (1672—1687).

К роду Самойловичей принадлежала мать *СП* — А. Н. Довгелло. *Товстоlessы* — нетитулованный малороссийский дворянский род. Происходит от Петра Товстоlessа. Иван Иванович Товстоless был черниговским помещиком, уездным предводителем дворянства. Г. Н. Товстоless (1887—1957) — до переворота 1917 г. председатель Борзнянской уездной земской управы; с 1925 г. жил в Париже.

С. 221. *Остер.* — *Остёр* — Старинный город Остёрского уезда Черниговской губ. на левом берегу Десны при впадении в нее реки Остёр, в 70 км от Чернигова. Основан Владимиром Мономахом.

Нежин. — Уездный город в Черниговской губ. на берегах реки Остёр.

Киев. — В Киеве Ремизовы жили после Одессы с 21 июня по октябрь 1904 г. Позднее, в частности, посетили его в августе 1908 г. (см.: *Адреса 1905—1912.* Л. 11), в апреле 1916 г. (см.: *Адреса 1913—1916.* Л. 4).

Потом Безаковская. Пожар. — С сентября 1904 г. Ремизовы жили в Киеве по адресу: Безаковская ул., д. 20, кв. 17. См. также: *Книга III.* Комментар. к с. 189.

О. Сергей Булгаков. — С 1901 г. в Киеве С. Н. Булгаков был профессором политэкономии Киевского политехнического института и приват-доцентом Киевского ун-та. 3 (16) октября 1904 г. Ремизов сообщал П. Е. Щеголеву: «Познакомился с Булгаковым и Шестовым, но ничего не разговаривал...» (*Письма к Щеголеву (2002).* С. 203).

Н. А. Бердяев. — Н. А. Бердяев — уроженец Киева, в детстве жил недалеко от Киево-Печерской Лавры; учился сначала в Киевском кадетском корпусе, а потом в Киевском университете (до ссылки в Вологду). После ссылки некоторое время (в сентябре 1904 г.) проживал в Киеве на Пушкинской ул.

Решение нашей судьбы — переезд в Петербург. — Ср. в романе «В розовом блеске»: «В 1905-м году министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский разрешил нам въезд в Петербург» (*В розовом блеске-Росток XV.* С. 502).

Вопиющая бедность. — Ремизов всегда вспоминал жизнь с женой в Одессе и в Киеве как период тягостной обездоленности и лишений. Ср. в романе «В розовом блеске»: «Мы всегда были богаты бедностью. Как мы прожили в Одессе и в Киеве — только молодость, да говорят еще, что я родился счастливый» (Там же). Ср. также: «Жили мы на Молдаванке в крайней бедности. <...> Не было со стороны никакой помощи. Не было и заработка. К рождению Наташи мы жили под угрозой хозяйки, у которой снимали полторы комнаты, выгона с полицией: иди, куда знаешь» (*На вечерней заре 1987.* С. 238).

Канев. — Город в Богуславском уезде Киевской губ.

Злодиевка. — В *Адреса 1905—1912* Ремизов отметил за 1908 г.: «12—16 VIII. Злодиевка (Триполье на р. Стугне)» (Л. 11). Имеется в виду село на реке Стугне, в двух верстах от села Триполье Киевского уезда Киевской губ.

А устроил Е. Г. Лундберг. — Е. Г. Лундберг познакомился с Ремизовым в 1905 г. О его взаимоотношениях с Ремизовым см.: Е. Г. Лундберг. I. Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову / вступ. ст., публ. и примеч. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 314—367.

Там же жил доктор Тарасов... — Имеется в виду профессор медицины Киевского ун-та К. П. Тарасов.

...женатый на Кульженко (ее брат издавал «Искусство»)... — Под братом, возможно, подразумевается В. С. Кульженко, владелец фотолитографии, издававший в Киеве журнал «Искусство и печатное дело» (с 1911 г. — «Искусство. Живопись. Графика. Художественная печать»).

...и у них 12 дочерей, одна потом стала актрисой в М. Х. Т. — В семье Тарасовых было пятеро детей: три дочери и два сына. В данном контексте речь идет об актрисе Московского Художественного театра А. К. Тарасовой.

Я ее видел здесь уж в Париже, играла Анну Каренину. — А. К. Тарасова играла роль Анны Карениной в одноименном спектакле (премьера в МХТ состоялась в апреле 1937 г.) и фильме (1953). Спектакль был показан на гастролях МХТ в Париже в 1937 г.

После Злодиевки мы попали в Цюрих... — Ремизовы были в Цюрихе в июне 1913 г. (см.: *Адреса 1913—1916*. Л. 1).

...когда Маделунг сказал... — Оге Маделунг с 1897 г. жил в Вологде, где и познакомился с Ремизовым. Покинул Россию в 1906 г. В письмах к нему Ремизов называл его Аггей Андреевич. См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / сост., подг. текста, предисл. и примеч. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

Одесса. — В Одессе Ремизовы жили с конца февраля до конца мая 1904 г. на Раскидайловской ул., д. 5.

Рождение Наташи. — Дочь Ремизовых Наташа родилась в Одессе 18 апреля 1904 г. В дневнике 28 июня 1917 г. Ремизов записал, как бы обращаясь к дочери Наташе: «Родилась ты в лунную весеннюю ночь, когда началось цветение каштанов. Жили мы в Одессе на Молдаванке, это самая заброшенная часть города, где ютятся одна беднота. Занимали мы одну комнату, и очень тесно было. Хозяйка, когда ты родилась, была недовольна за беспокойство и всё ворчала. <...> Мы очень бедно жили» (*Взвихренная Русь*-РК V. С. 461).

С. 221. *Приезжал Вл. М. Саблин...* — Медик по образованию, Саблин с 1896 г. работал в Вене (Австрия), а потом в Москве в качестве журналиста. В 1901 г. основал «Книгоиздательство В. М. Саблина»; в 1905—1907 гг. издавал газету «Жизнь». 2 (15) апр. 1904 г. Ремизов сообщал П. Е. Щеголеву: «Был проездом Саблин» (*Письма к Щеголеву* (2002). С. 195).

Из Одессы переехали в Киев. — См.: *Книга III*. Комментар. к с. 221.

Какая-то барышня Сапожникова, она и привела Вл. Лебединцева, крестил Наташу. — Ср. в воспоминаниях Ремизова о рождении дочери: «Акушерка имела какое-то отношение к с.-р. Она рассказала о С. П. и вскоре, как появилась Наташа, к нам пришла Лиля Сапожникова. Ее послала Анна Марковна Сухомлина (мать Вас<илия> Вас<ильевича>). А крестным Наташи был Вс. В. Лебединцев» (*На вечерней заре 1987*. С. 239). О В. В. Лебединцеве см.: *Книга III*. Комментар. к с. 179.

Херсон. — В Херсон Ремизов прибыл в середине июня 1903 г. Поселился в гостинице «Лондонская». После приезда СП Ремизовы жили с середины июля 1903 г. по 19 февр. 1904 г. сначала на Ганибаловской ул. (дом Бенович, кв. Гескеса; с августа 1903 г.), потом на Витовской ул. (дом Бунцельман, кв. Бурлюк). См.: *Кашуба А. В.* Херсонскими следами Алексея Ремизова // Научный поиск. Шуйская сессия аспирантов, педагогов, молодых ученых «Университет — новой школе»: сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. конф. Шуя, 2014. № 2. 6. С. 19—21. Пребывание в Херсоне было связано с работой Ремизова в «Товариществе новой драмы» Вс. Мейерхольда.

Наша свадьба. — Ремизовы венчались 27 июня 1903 г. в кладбищенской церкви Всех святых Херсона. Обряд совершали священник Петр Гусенов и дьякон Николай Залиша. Ср.: «...образом нас благословил священник — храню Покров, а шафером был повар из отеля, где я жил, дожидаясь С. П.». Там же воспроизведено свидетельство о браке (*Книга II*. С. 167).

Днепр-Чайка, писательница... — Днепр-Чайка родилась в селе Карловка Херсонской губ. (ныне — Зеленый Яр). В середине августа 1903 г. Ремизов сообщал П. Е. Щеголеву из Херсона: «Живет у нас Днепр-Чайка (m<adam>e Василевская), стихи про “хмары” <облака (укр.)>, да про “хвили” <волны (укр.)> пишет, скоро пойду к ней» (*Письма к Щеголеву* (2002). С. 169).

С. 222. *Потом И. А. Тотеш, знакомый С. П. по Петербургу, «Турка»...* — Имеется в виду Илья Аронович Тотеш. Он послужил прототипом героя с прозвищем Турка в рассказе Ремизова «Галстук» (1911). См. комментарий Е. Р. Обатниной (*Оказион-РК III*. С. 657—658). Ремизов писал о нем в книге «Встречи. Петербургский буерак»: «После Вологды я поступил в театр к Мейерхольду, и жили мы в Херсоне. Тотеш —

херсонский, первый суконный магазин, отец его, если не голова, то во всяком случае один из столпов города, имя известное. В провинции театр приманка. Так мы познакомились с Тотешем, и он часто бывал у нас» (Paris: LEV, 1981. С. 199). См. также о Тотеше: *Письма к Щеголеву* (2002). С. 178–179.

...шафер на свадьбе Савинкова и Веры Глебовны Успенской. — Б. В. Савинков и В. Г. Успенская поженились в 1899 г. О присутствии на их свадьбе И. А. Тотеша сведений найти не удалось.

Театр Мейерхольда. — Имеется в виду сотрудничество Ремизова в «Товариществе новой драмы», созданном В. Э. Мейерхольдом. Подробнее об этом см.: *Письма к Щеголеву* (2002). С. 155–157, 159–160; А. М. Ремизов и «Товарищество новой драмы»: Из переписки А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым, О. Маделунгом, Вяч. И. Ивановым, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Г. И. Чулковым, А. П. Зоновым, М. А. Михайловым, 1903–1906 / подгот. фрагментов писем Н. Панфиловой и Е. Обатниной; сост. и коммент. Н. Панфиловой и О. Фельдмана // Театр. 1994. № 2. С. 104–117.

Зонов... — А. П. Зонов был одним из близких друзей Ремизова. Ср. в книге «Кукха»: «Давнишнее знакомство и верная дружба связывала нас с Зоновым. Я познакомился с ним, когда он и Мейерхольд учились в Филармонии <в Пензе. — Ред. >. <...> И в Вологду приезжали ко мне и Мейерхольд, и Зонов. А когда кончилась ссылка, я поехал в Херсон и поступил в театр к Мейерхольду. Там же был и Зонов» (Кукха. С. 42–43). О взаимоотношениях Ремизова и А. П. Зонова см.: *Книга II*, коммент. к с. 129).

...Нелидов... — Артист А. П. Нелидов начинал свою актерскую деятельность в «Товариществе новой драмы» в сезоне 1903/04 гг.

...Певцов. — Актер И. Н. Певцов в 1902–1905 гг. работал в труппе «Товарищества новой драмы» В. Э. Мейерхольда. В частности, он с успехом сыграл роли Казимира в спектакле по пьесе С. Пшибышевского «Снег», которую перевели с польского С. П. и А. М. Ремизовы, Чебутыкина в «Трех сестрах» Чехова.

Поездка в Николаев с театром. — Ремизовы по дороге в Одессу останавливались в Николаеве 20–21 февраля 1904 г. 25 февраля Ремизов сообщил О. Маделунгу: «...в двух городах побывали, в Николаеве и Елизаветграде...» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 21).

Знакомство с Бурлюками, снимали у них комнату. — Речь идет о детях семьи Бурлюк: Давиде, Людмиле, Владимире, Николае. В 1904 г. Ремизовы жили в Херсоне на Витовской ул. (дом Бунцельман), в квартире их матери, Людмилы Иосифовны Бурлюк (до замужества Михневич). Ремизов позднее вспоминал: «С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и <с>

Людмилой Д<авидовной> Бурлюк-Кузнецовой у С. П. многолетняя дружба» (*Кукха*. С. 77).

С. 222. *Потом у фотографа Гескеса*. — 5 июля 1903 г. Ремизов поселился в квартире Гескеса (угол Ган<н>ибаловской ул. и Торгового пер., дом А. Я. Беневича).

Редакция газеты «Юг» Гошкевича. — Ежедневная газета «Юг» издавалась в Херсоне с марта 1898 г. Издатель-редактор — В. И. Гошкевич. Ср. в письме Ремизова к П. Е. Щеголеву от 16 (29) авг. 1903 г. из Херсона: «Познакомился с газетой “Юг”, у нас издается. Намучился и натерпелся; всё, что ни скажу — “декадентство и декадентство”. <...> Русских выражений не понимают» (*Письма к Щеголеву (2002)*). С. 167). В этой газете Ремизов опубликовал, в частности, такие стихотворения в прозе, как «Чайка» (1903. 12 авг., № 1558. С. 3), «Лепесток» (1903. 14 авг., № 1560. С. 3 и др.).

...*Мих. Литский*... — Сведений о нем найти не удалось.

...*что-то вроде Дон-Аминады*. — Подразумевается поэт-сатирик А. П. Шполянский, печатавшийся под псевдонимом Дон-Аминадо.

Чернянка. — Село в Каховском уезде Херсонской губ., в 100 км от Херсона. В нем находилось имение Мордвиновых. Адмирал Н. С. Мордвинов приобрел его в 1791 г. Последним владельцем его являлся правнук Н. С. Мордвинова граф А. А. Мордвинов. В его имении в разное время гостили С. П., Ремизов, В. Маяковский, В. Хлебников, А. Крученых, Б. Лифшиц и мн. др.

Д. Ф. Бурлюк был управляющим имением Мордвиновых. — Д. Ф. Бурлюк был управляющим и агрономом в поместье Мордвиновых Чернянка с 1907 по 1914 г.

Потом Бурлочка Люд<мила> Дав<идовна> (Кузнецова)... — Л. Д. Бурлюк в 1907 г. вышла замуж за скульптора В. В. Кузнецова, одного из друзей Ремизова.

Царицыно. Кусково. Под Москвою... мне памятные с детства. — *Царицыно* — дворцово-парковый ансамбль на юге Москвы; заложен в 1776 г. Ранее носило название Черная Грязь. Дачная местность. В Царицыне жил брат Ремизова Сергей Ремизов. Писатель останавливался у него в начале июня 1903 г. на пути в Херсон. В июне 1904 г. Ремизов ездил в Царицыно вместе с Вяч. Ивановым. *Кусково* — бывшее имение графов Шереметевых, расположенное на востоке Москвы, в районе Вешняки. Усадьба включает в себя дворец и регулярный парк с павильонами.

Харьков. — Возможно, Ремизовы останавливались в Харькове по пути в Люботин.

Люботин. У Бердяевых. Имение матери Лид<ии> Ю<дифовны> Трушиной. — *Люботин* — город в Валковском уезде Харьковской губ. *Л. Ю. Трушева* была женой Н. А. Бердяева. Ее мать — Ирина Васи-

льевна Трушева, стала владелицей дачи Бабаки в окрестностях Люботина, после смерти мужа, Юдифа Степановича Трушева, юриста, почетного гражданина Харькова. О Л. Ю. Бердяевой (Трушевой) см.: *Бердяева Л. Ю.* Профессия: жена философа / сост., предисл., коммент. Е. В. Бронниковой. М.: Молодая гвардия, 2002. Ср. в письме Н. А. Бердяева к А. Белому, которого он приглашал в гости в мае 1910 г.: «Собобщаю, как ехать к нам: *ст<анция> Люботин* расположена по *Южной дороге*, один час езды от Харькова и три часа от Полтавы. Наша усадьба в 20 минутах от станции» (Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому / предисл., публ. и примеч. А. Г. Бойчука // *De visu*. 1993. № 2. С. 16; курсив Н. А. Бердяева). Ремизовы гостили у Бердяевых с 24 июля по 12 августа 1907 г. (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 10).

Со скандалом. Просто нас попросили уехать. — Напротив этой записи рукой Н. В. Резниковой сделана помета карандашом: «История с письмами / (Н. Р<езникова>». Об этом эпизоде она свидетельствовала в своей книге: «Когда-то после ссылки, когда А<лексей> М<ихайлович> и Н<иколай> А<лександрович> были оба женаты, между ними произошел разрыв на личной почве. Ремизовы гостили у Бердяевых. С. П. в письме плохо отозвалась о них и дала отправить письмо на почту самой Лидии Юдифовне. Та вскрыла послание и, прочитав, попросила Бердяева прогнать Ремизовых. Тот выполнил пожелание супруги, но, вспоминал потом А<лексей> М<ихайлович>, как ужасно неудобно было Бердяеву выставлять гостей. За это чувство Ремизов простил ему подобный финал их посещения» (*Резникова 2013*. С. 130).

Кислово. — Деревня в Дорогобужском уезде Смоленской губ.

У Ив<ана> Сер<геевича> Соколова-Микитова летом 1920 г. — Дата ошибочна. В Кислове Ремизовы гостили у И. С. Соколова-Микитова с 15 июля по 21 августа 1918 г. В письме от 4 июня 1918 г. И. С. Соколов-Микитов приглашал их к себе в лесную деревню: «Алексей Михайлович, если бы вам ко мне. Хочу и боюсь. В экипаже нынче нельзя ездить, Серафима Павловна не вынесет телегу: 50 верст! Подумайте» (*Соколов-Микитов И. С.* Собр. соч.: в 4 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 4. С. 276). 5 июля 1918 г. он повторил приглашение: «Самое трудное дорога, как доехать. На станцию можно выслать рессорную бричку <...> Самое страшное по железной дороге, — ездим теперь в теплушках битком набитых. <...> Помещение вам найдется: две комнаты, большая и маленькая. <...> Если решитесь, присылайте телеграмму в одном слове: “Решились”, или письмо, и я постараюсь приехать. Адрес для телеграммы: Бабыново — Угра почтой Кислово» (Там же. С. 276, 277). Время пребывания в гостях у И. С. Соколова-Микитова опосредованно отразилось в разделе «Писмовник» книги «Россия в письменах», где речь идет об истории его семьи (*Россия в письменах-Росток XIII*. С. 103—106, 790, 791). Этой поездке посвя-

щен рассказ Ремизова «Лесовое», вошедший в книгу «Взвихренная Русь» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 202—204*). Ср. также в дневнике Ремизова: «15/2. VII — 21/8. VIII. Кислов<о> — 40 дн<ей> и 40 н<очей> / 14/1. VII. 1918 г. Воскресенье. / Выехали из Петербурга в Кислово-Микитово к Ив<ану> Сергеевичу Соколову. Поднялись в 5 ч. утра. 1/2 8-го на трамвай сели, в 9 1/2 ч<асов> выехали. Место заняли, слава Богу, хорошее. И весь день ехали благополучно. 15/2. VII. Понедельник. / В 2 1/4 ч<аса> д<ня> приехали в Вязьму. В 3 2/4 в 4 кл<ассе> — в Семлево. <...> 50 верст проехали и были на месте без 1/4 1-го ночи...» (Там же. С. 494).

С. 222. *Помню, как мы набросились на еду...* — Ср. в том же письме И. С. Соколова-Микитова от 5 июля: «Окна в сад, на пчел. Ход отдельный в сад. <...> Насчет еды. Всего здесь вдосталь, а молока всего больше» (*Соколов-Микитов И. С. Собр. соч. Т. 4. С. 276*).

С. 223. *Вятка.* — Старинный русский город, основанный в XII в. в Вятском крае, на реке Вятке. Первое название — Хлынов. Ныне — Киров. Ремизовы были в этом городе 19 июня 1908 г. по пути в с. Караул (см.: *Адреса 1905—1912. Л. 11*).

Караул. — Прежнее название — Верхокосинское. Село в Глазовском уезде Вятской губ., в котором жил *Н. И. Костров*. Ремизовы гостили у него с 20 июня по 9 июля 1908 г. В *Адреса 1905—1912* упоминается дом священника *Н. И. Кострова* (Л. 11).

Удяди А. П. Зонова о. Николая Кострова. Атя племянник. — С пребыванием Ремизова с женой в имении *А. П. Зонова* непосредственно связана творческая история его рассказа «Царевна Мыра» (1908), в котором главным персонажем является гимназист Атя. У его дяди, как и у Зонова, имя Аркадий. Вятское село, где Атя проводит лето, называется Ключи.

Хороводы и песни вотячек, белое с серебром, а голоса, как тоненькие <?> птички. — Ср. в рассказе: «...а по полям не унылые версты — вотячки в белых, затканых шелками, нарядах, сверкая серебром уборов, протянутся белые им навстречу. / И вотские песни дикие, <...> а звонкие — не так звонка болотная тростинка, а светлые — не так светла говорливая жалейка, в лад ручьями поплывут за ними» (*Зга-Росток XI. С. 185; разрядка Ремизова*).

Константиноград. — Уездный город Полтавской губ. на реке Берестовой, в 100 км от Харькова (до 1784 г. — Белевская крепость). Ныне — Красноград.

Ольховый Рог. — Село на реке Берестовой в Константиноградском уезде Полтавской губ. До 1919 г. в нем находилось имение *С. Д. Марковой*.

У Веры Степановны Гриневиц. — *В. С. Гриневиц* (урожд. Романовская) — дочь коменданта Судакской крепости Степана Григорьевича

Романовского; была близко знакома с семьей Бердяевых, с сестрами Герцук. Эмигрировала в 1921 г. В 1908 г. в Петербурге она издала библиографическую книгу «Избранные книги для детей от 2 до 5 лет». К составлению этого каталога в 1906 г. ею был привлечен Ремизов. Ср. в письме В. В. Розанова к Ремизову: «Я думал, что Вы виделись с Гриневич: бывши у нас, она сказала, что у нее есть работа по составлению образцового и руководственного каталога, с объяснениями и наставлениями, по детскому чтению. И что помощь ей в этом составлении может оплачиваться ежемесячным жалованием. Так как это <...> дело привлекательное и полезное, то я уверен, Вы его возьмете» (*Кукха*. С. 53). Ремизовы гостили в Ольховом Роге с 9 июля по 14 августа 1909 г. Подробнее о В. С. Гриневич см.: *Обатнин Г. К реконструкции обстоятельств одного доклада об арийцах и семитах // Политика литературы — поэтика власти: сб. ст. / под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 112–126.*

Старый мальчик Миша Диксон... — Сведений о нем найти не удалось.

Бобровка. — Село в Ржевском уезде Тверской губ.

У *Анны Алексеевны Рачинской*. Писали «Пятую язву» и *Андрей Белый* «Серебряного голубя». *Верховские*. *Григ<орий> Алексеевич Рачинский*. *Жили дважды*. — А. А. Рачинская была владелицей имения в Бобровке. О лете 1912 г. Ремизов, в частности, писал: «В самое пекло жил я в Бобровке в усадьбе у А<нны> А<лексеевны> Рачинской (Бобровка в 15-и верстах от знаменитого Татова, где потрудился свой век С<ергей> А<лександрович> Рачинский). <...> Всё лето писал, всё повесть мою писал, Пятую язву...» (цит. по: *Грачева 2000*. С. 103). Ср. также мемуарную запись Ремизова в <Тетради XII> 2 дек. 1956 г.: «Анна Алексеевна Рачинская, сестра московского филолога, говоруна Григория Алексеевича. Два лета по месяцу жили в ее ржевском имении... <...> Там я написал “Пятую язву”, а Андрей Белый, тоже гостивший у Рачинских — “Серебряного голубя”» (*Лицо писателя*. С. 384). Ремизов жил в Бобровке с 9 по 31 июля 1912 г., во второй раз он отдыхал здесь с 21 по 26 июня 1915 г. (см.: *Адреса 1905–1912*. Л. 16; *Адреса 1913–1916*. Л. 3). «Серебряный голубь» — роман А. Белого, опубликованный в 1909 г. А. Белый прожил у Рачинских более месяца в начале 1909 г. *Верховские* — Имеются в виду братья В. Н. и Ю. Н. Верховские. *Г. А. Рачинский* — брат А. А. Рачинской.

За мой рассказ «Чайничек». *Да, однажды меня лошадь понесла. ~ Напугался.* — Ср. запись об этом происшествии, случившемся в окрестностях Бобровки 26 июля 1912 г., в письме Ремизова к СП: «Смотрением Божиим был сегодня спасен от напрасной гибели. Много передумал в короткий срок и, странно, о сочинении моем <«Пятая яз»

ва». — *Ред.*> и не вспомнил. <...> А случилось так, один я сидел в бричке, ездока настоящего поджидал... <...> Две версты мчали меня кони. Все-таки удержал у деревни Линеи. Так уж, стало быть, надо было, а руки совсем замлели. <...> Спать я все-таки не могу. Очень уж взлетело, должно быть, за неположенное» (*На вечерней заре 2019* (1). С. 101). См. также в письме Ремизова Блоку от 26—27 июля 1912 г. (*ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 109). Рассказ «Чайничек» был написан Ремизовым в 1915 г.

С. 223. Меженинка. — Деревня в Бельском уезде Смоленской губ.

Софья Николаевна Рачинская. — Владелица имения в Меженинке; основала в ней школу для крестьянских детей.

Ржев. — Город в Тверской губ. Ремизов приехал в Ржев 23 июля 1912 г. В письме к Блоку от 26—27 июля 1912 г. он сообщал: «Был во Ржеве, купил Серафиме Павловне (29-ого именинница) Патерик Киевский петровское издание, редчайший экземпляр...» (*ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 110).

Внучка о. Матвея. — Делясь впечатлениями о своей поездке в Ржев, Ремизов, в частности, писал: «Был я во Ржеве городе, у Воскресения в церкви был, где правил когда-то службу ржевский протопоп о. Матвей. Крепкой великой веры был о. Матвей, и до сих пор живет память о нем: смертью голодной уморил себя» (цит. по: *Грачева 2000*. С. 103). Протоиерей ржевского Успенского собора о. Матфей (Матвей Александрович Константиновский) родился в селе Константиново Тверской губ. Последние двадцать лет жизни провел в г. Ржеве. В 1847 г. к нему впервые обратился Гоголь с просьбой прочесть его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» и высказать свое мнение о ней. Личное знакомство произошло в 1849 г. Со временем о. Матфей стал духовным наставником Гоголя. См. об этом: *Леонтьев-Щеглов И. Л.* Гоголь и о. Матвей Константиновский // Щеглов И. Л. Подвижник слова: Новые материалы о Н. В. Гоголе. СПб.: Мир, 1909. С. 78—97; *Введенский А. П.* Духовник Н. В. Гоголя о. Матвей Константиновский: (К переоценке его характеристики). Одесса: [б. и.], 1913; *Воропаев В. А.* Духовник Гоголя. М.: Странник, 2021. Сведений о внучке о. Матфея найти не удалось.

Всё цело: на горке дом и церковь. — Имеются в виду, вероятно, дом о. Матфея и Успенский собор в Ржеве.

Ржевские пряники и полупряники. — Знаменитые ржевские пряники выпекались исключительно на меду. Ср. о них свидетельство Ремизова: «Заходил я к Денисихе — “Пряничная торговля Денисова-Колпашникова”, пряник купил ржевский в 6 фунтов с половиною, белый пряник в узорах с миндалем, а дух — фисташкой» (цит. по: *Грачева 2000*. С. 103). См. также: *ДМ-III*. С. 626 (коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян).

Псков. С. П. ездила одна от Арх<еологического> Инст<иту-та>. — В 1910 г. СП поступила в С.-Петербургский археологический институт, после окончания которого в 1912 г. получила диплом специалиста по русской палеографии. См.: *Книга II*. С. 160–161 и коммент. к с. 159, 160. См. также: *Грачева 2000*. С. 75–78.

Минск. — Возможно, в 1915 г. СП была в Минске по пути в Варшаву, где она работала в лазарете.

Нижний Новгород. — В Нижнем Новгороде Ремизовы побывали 26 июня 1909 г. во время путешествия по Волге на пароходе «Великий князь Владимир» с семьей Иванова-Разумника, которое состоялось в тот год с 23 июня по 7 июля.

Рыбинск. — В Рыбинске Ремизовы остановились в процессе указанного выше путешествия 24 июня (см.: *Адреса 1905–1912*. С. 12).

Кострома. — В этот город во время поездки по Волге Ремизовы прибыли 25 июня 1909 г., остановились в доме И. А. Рязановского (Царевская ул., д. 16). Ср. о поездке Ремизова в Кострому летом 1912 г.: «Был я и в Костроме-матушке, видел в Ипатьевском монастыре Псалтырь Годуновскую с миниатюрами работы изумительной русских мастеров наших <...> фонарь трогал — этот тот фонарь самый, с которым люди “всего мира” шли царя Михаила в Москву на престол звать. Под Успеньев день стоял я у всеошной в соборе перед Федоровской (евангелист Лука писал), ночи над прблогом сидел <...> Беседовал со знаменитым Ионой Митричем, ревнителем костромской старины...» (цит. по: *Грачева 2000*. С. 103). О связи Ремизова с Костромой см.: *Бочков В. Н.* «Скажи: которая Татьяна?» М.: Современник, 1990. С. 290–298.

С. П. мне показывала дом ее матери. — В Костроме жили бабушка и дед СП, Мария Михайловна и Никита Павлович Самойловичи; после смерти мужа бабушка с детьми переехала в свое имение Прохоры. А. Н. Довгелло (урожд. Самойлович) до переезда матери жила с родителями в Костроме.

С. 223–224. *А потом я жил один у Ив<ана> Ал<ександровича> Рязановск<ого>...* — Ремизов гостил у И. А. Рязановского с 10 по 20 августа 1912 г. (см.: *Адреса 1905–1912*. Л. 16). В книге «Подстриженными глазами» он вспоминал: «Мне посчастливилось неделю провести на его костромской родине <...> За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а, прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. <...> За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге в “себе самой”, и понял, что такое книжник в царстве своих книг» (*Иверень-РК VIII*. С. 133). Об И. А. Рязановском см.: *Сизинцева Л.* Надвязанное: Иван Рязановский — костромское «эхо» серебряного века // Вестник Костромского гос. ун-та

им. Н. А. Некрасова. Сер. «Гуманитарные науки»: Энтелехия. Т. 14. 2008. № 18. С. 142–153. См. также: *Доценко С. Н.* Загадка одного предисловия А. М. Ремизова // Блоковский сборник. Тарту, 1993. [Вып.] 12. С. 147–157.

С. 224. ...*Г. Лукомский...* — Искусствовед Г. К. Лукомский, изучавший старинную архитектуру русских городов, подготовил, в частности, раздел «Описание памятников художественной старины» книги «Кострома» (1913); в создании ее большую помощь оказал Рязановский.

...*Чехонин...* — С. В. Чехонин не раз гостил в доме Рязановского. Ср. в книге «Подстриженными глазами» о влиянии Рязановского, «изустному слову которого обязаны в своем чисто “русском”, что останется навсегда, и Чехонин, и Кустодиев, а через Кустодиева Замятин...» (*Иверень-РК VIII*. С. 131–132).

...*Кустодиев.* — У Б. Кустодиева, одного из друзей Рязановского, была усадьба в костромской деревне Маурино. В 1914 г. художник нарисовал карандашный портрет Рязановского.

Казань. — Ремизовы побывали в Казани во время путешествия по Волге, 27 июня (см.: *Адреса 1905–1912*. С. 12).

У Моисеенко. — Вероятно, имеется в виду Н. Н. Моисеенко. Ср. в письме Ремизова к И. А. Рязановскому от 3 сент. 1909 г.: «В Казани у одного знакомого в библиотеке нашел сборник рукописный. Сборник заключает в себе слова Иоанна Златоустого, слово Андрея Юродивого, Никодимово Евангелие, Поучение Афанасия Александрийского и, наконец, то, что меня наиболее заинтересовало — “Слово о некоем властелине зле”...» (*РНБ*. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1). Ср. в примеч. Ремизова к «отреченным повестям» «Властелин», «Притча Златоустова», «Злоубийца»: «Эти повествования написаны по кодексу XVII века и представляют собою пересказ. Рукописный сборник принадлежит автору, — дар казанского книгочя Н. Н. Моисеенки» (*Шиповник 7*. С. 200).

В то лето, как произошел «Плагиат» и я захворал. — 16 июня 1909 г. в газ. «Биржевые ведомости» было опубликовано обширное письмо в редакцию за подписью Мих. Мирова «Писатель или списыватель?» (№ 11160. С. 5–6), в котором содержалось обвинение Ремизова в плагиате. Ремизов выступил с открытым письмом в газ. «Русские ведомости» с обоснованием принципов своей работы над фольклорными материалами (1909. № 205, 6 сент. С. 5). В связи с переживаниями по этому поводу у писателя открылась язва желудка. Подробнее об этом см.: *Кукха*. С. 89–92; *Петербургский буерак-РК X*. С. 189–192; Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // *РЛ*. 1995. № 3. С. 159–160, 168–170, 204–209; *Данилова И. Ф.* Писатель или списыватель? (К ис-

тории одного литературного скандала) // История и повествование: сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 279—316.

Только в Пензе С. П. не была, и у Аничкова — Ждани, и в Дерпте, куда я ездил с Блоком и Кузминым — литературный вечер. — Пенза, Ждани и Дерпт записаны отдельно на л. 16 записной книжки СП как места, в которых она не была. В родовом имении Е. В. Аничкова Ждани, в Новгородской губ. близ города Боровичи, Ремизов гостил с 10 по 24 июля 1910 г. (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 14). В это время СП была у родных и дочери Наташи в Берестовце. В эстонский город Юрьев (ранее Дерпт, ныне Тарту) Ремизов приезжал для участия в музыкально-литературном вечере в театре «Ванемуйне» 14 февраля 1908 г. Кроме него участвовали Г. И. Чулков, Вяч. Иванов, С. М. Городецкий и др. Блок в это время был в Ревеле. См.: *Шор Т.* Как веселились бедные русские студенты: (М. Кузмин в Тарту) // Радуга. 1996. № 4. С. 129—132.

Ярославль. — В этом городе Ремизов был по пути в вологодскую ссылку в июне 1900 г. Там он установил контакты с редакцией газ. «Северный край». См.: *Иванов Н. Н., Макеева С. Г.* Иван Каляев и Алексей Ремизов: ярославские встречи // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 114—118. Также Ремизовы побывали в Ярославле 25 июня 1909 г., во время своего путешествия по Волге.

Астрахань. — Ремизовы посетили этот город 4—5 июля 1909 г. (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 12).

Ессентуки. Санатория д<окто>ра Мих<аила> Степ<ановича> Зёрнова. ~ Два лета, в последний раз в 1917 г. — По инициативе М. С. Зёрнова в курортных Ессентуках было создано вспомогательное общество «Санатория» для малообеспеченных. Ремизовы приехали в Ессентуки 9 августа 1915 г. и пробыли там до 9 сентября (см.: *Адреса 1913—1916*. Л. 3). Писатель вспоминал в главке «В сиянье голубом»: «А какой рай Божий открыл нам московский доктор Михаил Степанович Зёрнов (1857—1938). Впервые мы попали на Кавказ. Нам, с нашей верхотуры — наша комната в новом здании санатории на 3-м этаже — прямо в окно: Бештау, Бык, Верблюды и, никогда не прояснится, день и ночь в беспокойных туманах Машук. / Мы приехали в Ессентуки в ясное августовское утро; помню особенный свет, тепло, сторожевые, распростертые по горизонту горы, я смотрел и, глядя, видел — вспоминая, как после долгой разлуки. И вот мое первое чувство: рай Божий. Среди этой райской благодати начинается наша жизнь, а срок ее — санаторный: 6 недель. И пройду незаметно — одна за другой с открытыми глазами» (*Петербургский буерак-РК Х.* С. 155). Ремизовы побывали в санатории также в 1916 (с 12 августа по 10 сентября; см.: *Адреса 1913—1916*. Л. 4) и в 1917 гг. О пребывании

там в августе 1917 г. см. записи в дневнике писателя (*Взвихренная Русь-РК V. С. 469—473*). О поездках на Северный Кавказ и их отражении в творчестве Ремизова см.: *Розанов Ю. В. Курортный текст А. М. Ремизова // Вестник Вологодского гос. ун-та. 2016. № 1. С. 46—49.*

С. 224. Встреча с В. Г. Короленко. — Встреча писателей произошла в Эссентуках, где Владимир Галактионович также лечился в санатории. Ремизов вспоминал о нем в том же очерке: «...В. Г. Короленко <...> сам из всех эссентукских санаторий выбрал Зёрнова, и жил с нами, занимал комнату в старом здании, и обедал с нами <...> Был у нас в гостях Короленко. Ту же чистоту, бережность и тихость (только это совсем не смиренность) и, может быть, после Аксакова единственные в русской литературе, я почувствовал и в его словах — разговоре» (*Петербургский буерак-РК X. С. 157, 159*).

Кисловодск. — Ремизовы побывали в Кисловодске во время лечения в санатории Эссентуков (см.: *Книга III. Комментар. к с. 224*).

Пятигорск. «Кремнистой путь блестит». Столько памяти о Лермонтове. — Ср. в указанном выше очерке: «Эссентуки — ближайшее соседство: Пятигорск. В Пятигорске неизменна волнующая память: Лермонтов. В этой живой памяти и колдовство и чары: я ощущаю его глаза, его слух, его голос, как свое. / В лунные ночи, а эти осенние ночи и тихи и тревожны, земля, натрудившаяся, отдыхает, каменеют ее черные тяжелые горбы: Бештау, Бык, Верблюды, и, дымясь мерцающим туманом, уносится Машук — —

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

И я чувствую его, моего звездного обреченного спутника, — в блестящий кремнистый путь...» (*Петербургский буерак-РК X. С. 155*).

Марлинский... — А. А. Бестужев-Марлинский после восстания декабристов был сослан в Якутск, а затем в 1829 г. переведен служить солдатом на Кавказ. Погиб в схватке с горцами на мысе Адлер. Некоторые его повести («Аммалат-бек», «Мулла-Нур» и др.) навеяны кавказскими реалиями.

...«*Казачи*» Толстого. — Повесть Л. Н. Толстого «Казачи» (1862) посвящена описанию жизни юнкера Оленина в станице кавказских казаков.

Вологда. Наша 2-ая встреча. А у С. П. ночь отчаяния. — Ремизов сблизился с СП в январе 1902 г. в Вологде, где она жила на Желвунцовской ул. О «ночи отчаяния» он написал в романе «В розовом блеске», в главке «Непоправимое» (*В розовом блеске-Росток XV. С. 496—501*). Ср. также запись в *Адреса 1905—1912* за 1908 г.: «5/VI. Вологда» (Л. 11).

Устьсысольск. I-ая встреча. — Первую встречу с *СП* в Усть-Сысольске в августе 1900 г. Ремизов запечатлел в романе «В розовом блеске», в главке «С первого глаза» (Там же. С. 492—496).

Сольвычегодск. Могила К. Л. Тышки. Потом мы были вдвоем... — О К. Л. Тышке см.: *Книга III*. Коммент. к с. 179. Ремизовы были в Сольвычегодске с 8 по 18 июня 1908 г.

Шалауровы. — Имеются в виду сестры Валентина Александровна и Раиса Александровна Шалауровы; первая была учительницей, а вторая — фельдшерницей. Ремизов был знаком в Сольвычегодске с учительницей В. А. Шалауровой.

Котлас. — В Котласе, входившем в состав Великоустюжского уезда Вологодской губ., Ремизов и *СП* были по дороге в ссылку в Сольвычегодск.

Коряжма. Монастырь. ~ «Суд Божий», мой рассказ. — В рассказе «Суд Божий» (1908) упоминается Коряжемский Николаевский монастырь, построенный преподобным Логгином Коряжемским. Он находится в 15 верстах от Сольвычегодска, на берегу реки Коряжемки, притока Вычегды. См.: *Зга-Росток XI*. С. 145, 659 (публ. и коммент. В. Н. Быстрова).

Великий Устюг. — Уездный город в Вологодской губ., на левом берегу реки Сухоны, при слиянии ее с рекой Юг.

Прокопий Праведный... — Имеется в виду блаженный (юродивый во Христе) Прокопий Устюжский, живший в XIII — нач. XIV в. Придя в Великий Устюг, жил на паперти храма Успения Божией Матери. В 1290 г. отвратил бедствие от градовых туч (по другим сведениям — предсказал падение метеорита недалеко от города). После смерти был причислен к лику православных святых. День памяти — 8 июля. Ремизов посвятил ему миниатюру «Милый братец» (1914) (впервые опубл. под загл. «Прокопий Праведный»). См.: *Лимонарь-РК VI*. С. 120—122, 705—706.

...Соломония. — Бесноватая дочь устюжского священника Димитрия. В Великом Устюге произошло ее исцеление. О Соломонии Ремизов написал одноименную повесть (см.: Там же. С. 341—359).

Чашниково. Под Вологдой. Психиатрическая больница. Ездил к А. А. Богданову (Малиновск<ому>). — В психиатрической лечебнице в селе Кувшиново, недалеко от Вологды, в 1901—1902 гг. работал, находясь в ссылке, А. А. Богданов, врач-психиатр по образованию. *Чашниково* — деревня в окрестностях Кувшинова. Ср. в воспоминаниях Ремизова: «...Я получил свидетельство из Кувшинова, вологодская больница для душевнобольных, и по этому свидетельству, подписанному старшим врачом Малиновским, полицейстер оставил меня в Вологде еще на месяц. / С особенной благодарностью я вспомнил Александра Александровича Малиновского (Богданов — его псевдо-

ним). <...> А. Богданова я знаю еще с университета. Высланный в Вологду, он занимал, как доктор, большое место заведующего в Кувшинове. В те годы, 1901—1903, он считался “заместителем” Ленина в России» (*Иверень-РК VIII*. С. 436). Участие в этом деле принимал также доктор О. А. Аптекман (см. об этом: Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 73; коммент. Е. Р. Обатниной).

С. 225. Кадников. Там жил знаменитый Ва<си>лий <?> Лукич, открывший во мне «бессмыслие». — Кадников — уездный город в 40 км от Вологды. Ср. в мемуарном очерке «Северные Афины»: «Павел Лукич: “У Ремизова всё есть: и язык, и форма, не достает только... (запнулся) Петр Ильич: (вспохват) «Смысла»”. Павел Лукич: “Совершенно верно — конечно, смысла”» (*Россия в письменах-Росток XIII*. С. 685).

Архангельск. — Город на северо-западе России. Расположен в устье Северной Двины, в 30 км от Белого моря.

Петербург. 1905 — 1921 5 VIII — Указаны даты жизни Ремизовых в Петербурге: с февраля 1905 г. по август 1921 г.

Царское Село. У Иванова-Разумника на Колпинской и у Гумилева Н. С. — С Ивановым-Разумником Ремизов лично познакомился весной 1908 г. В Царском Селе тот жил по адресу: Колпинская ул., д. 20. С Н. С. Гумилевым Ремизов познакомился в ноябре 1908 г. Семья Гумилевых проживала в то время по адресу: Конюшенная ул., д. Белозеровой (ныне — д. 29). Ремизов посетил Гумилева в Царском Селе вместе с А. Н. Толстым и В. И. Кривичем 26 декабря 1908 г.

Гатчина. На даче у В. В. Розанова. — Дача Розанова в Гатчине находилась по адресу: Александровская ул., д. 23. Ср. приглашение погостить в одном из писем Розанова 1906 г.: «Приезжайте: чудный сад! Можете ночевать вдвоем. Гамак. Отличное масло и молоко. Ягоды. Приятное общество. Симпатичнейшие дети» (*Кукха*. С. 174).

Павловск. Музыка. — Имеются в виду концерты в Музыкальном вокзале Павловска, пригорода Петербурга. Концертное здание с рестораном было открыто в 1838 г. (арх. А. И. Штакеншнейдер). После пожара 1844 г. вокзал был перестроен и расширен. В нем выступали симфонические оркестры, знаменитые певцы (Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, И. В. Ершов и мн. др.).

Петергоф. — Небольшой городок на южном берегу Финского залива, в 30 км от Санкт-Петербурга. Возник в XVIII в. на основе финских деревень после строительства императорской загородной резиденции; в начале XX в. пригород, популярное дачное место, ныне в составе Петродворцового района СПб.

Ораниенбаум. У Матюшиных. Елена Генриховна. — Ораниенбаум — городок в 40 км к западу от Санкт-Петербурга. Основан в 1710 г. как поселение около загородной резиденции светлейшего князя А. Д. Меншикова. В 1780 г. получил статус города. Имеются в виду

супруги *М. В. Матюшин* и *Е. Г. Матюшина* (Гуро). С ними Ремизов познакомился весной 1911 г., обсуждал проект издания поэтического сборника. Известно, что с 30 июля по 3 августа 1911 г. Ремизов находился в Ораниенбауме (*Адреса 1905—1912*. Л. 15).

Мартышкино, где жил К. А. Сомов. — Мартышкино — старинный дачный поселок в окрестностях Петербурга, недалеко от Ораниенбаума. В Мартышкине у семьи К. А. Сомова была дача. Она не раз отображена в его живописных работах.

Карташовская платформа. Сиверская. у Мережковских. — Ремизов познакомился с Мережковскими в начале февраля 1905 г. Летом 1905 г. Мережковские снимали дачу в имении Маркевичей в деревне Кобрино, недалеко от станции Карташевская (в пяти верстах от дачного поселка Сиверский, в 60 км от Петербурга). В Сиверском Мережковские отдыхали также летом 1914 г.

Ермоловская. — Станция Приморской железной дороги недалеко от Сестрорецка. Ныне не существует.

Териоки. — Город на берегу Финского залива, в 50 км от Петербурга (с 1948 г. Зеленогорск). В Териоках Ремизов гостил, в частности, у Иванова-Разумника в июле (с 7 по 14) и 10 августа 1911 г. (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 15).

Куоккала. У Чуковского. — Куоккала — дачный поселок на берегу Финского залива (после 1948 г. Репино). К. И. Чуковский поселился в Куоккале в 1906 г. Ремизов не раз бывал у него в гостях. Так, в декабре 1908 г. Чуковский писал Ремизову: «Приезжайте к нам — Вы и Серафима Павловна и кто еще захочет приехать с Вами. На лыжах побегаем, пообедаем и, главное, поговорим с Вами о Ваших книгах. <...> Живем мы от станции два шага. Дача Анненкова» (*РЛ*. 2007. № 3. С. 147; публ. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой). Ремизовы, в частности, побывали в Куоккале в июне 1909 г. (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 12).

Уси-Кирка. В санатории Волковой. «Крестовые сестры». — Ремизовы были с 1 по 30 июня 1910 г. в частном санатории М. М. Волковой в деревне Тур-Киля (станция Усукиркко; ныне Каннельярви). Здесь писатель приступил к работе над первоначальной редакцией повести «Крестовые сестры». В этом же санатории в апреле 1912 г. *СП* проходила курс лечения, а с 15 по 22 июля 1915 г. там лечился Ремизов. См.: *На вечерней заре 2019 (1)*. С. 108; *Адреса 1905—1912*. Л. 14; *Адреса 1913—1916*. Л. 3.

Выборг. — Город на берегу Выборгского залива Балтийского моря.

Иматра. Вспомнить страшно: меня забросали снегом, это в экскурсию мы попали, а там игру затеяли, я и попал в середку. — Ср. в романе Ремизова «Учитель музыки»: «Корнетов вспомнил единственную свою поездку с экскурсией зимой из Петербурга на Иматру: компания веселая — студенты, курсистки, и для развлечения затеяли в снеж-

ки — другим с рук сошло, а Корнетова так закидали — воспаление легких...» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 156). Ремизовы посетили Иматру 5—6 декабря 1910 г. (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 14).

С. 225. Гельсингфорс. — Главный город княжества Финляндского (ныне столица Финляндии Хельсинки).

Або (швед. Åbo), финское название — Турку (Turku) — шведское название города — первой столицы Финляндии. Расположен на юго-западе страны.

о. Вандрок. У Иванова-Разумника. «Крестовые сестры». — Остров Вандрок (Wandrock) находится в составе Аландских островов в Ботническом заливе между Финляндией и Швецией. Ремизовы отдыхали на этом острове с 30 июля по 20 августа 1910 г. с Ивановым-Разумником и его женой (см.: *Адреса 1905—1912*. Л. 14). В тот период писатель продолжил работу над «Крестовыми сестрами». Ср. газетную заметку в газете: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть “Крестовые сестры”» (*Утро России*. 1910. № 242, 5 сент. С. 4).

Хапаранда. — Населенный пункт на севере Швеции, граничащий с Финляндией. Ремизовы посетили его проездом 28 июля 1914 г., возвращаясь в начале войны из Германии в Россию (см.: *Адреса 1913—1916*. Л. 2).

Варшава. С. П. ездила с лазаретом <в> 1915 г. — СП после обучения на курсах сестер милосердия в Общине св. Евгении работала в лазарете под Варшавой в 1915 г.

Вильно. — Столица и крупнейший город Литвы (ныне Вильнюс).

Рига. По пути в Зесвеген к Эглиту. — Рига — столица Латвии. Зесвеген (ныне Цесвайне) — город на реке Сула в Мадонском уезде Лифляндской губернии. О В. Эглитисе см.: *Книга III*. Коммент. к с. 203. Ремизовы навестили его в Латвии в июне — июле 1907 г. Осталась об этом пребывании запись Ремизова: «26. VI—21. VII — Зесвеген (Лифляндия) на мельнице. Рига и Майоренгоф» (*Адреса 1905—1912*. Л. 10). Подробнее см.: *Спроге Л. В.* А. М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергс, В. Эглитис, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллин: Авенариус, 1996. Т. 2. С. 158—167.

Майоренгоф. У Ф. К. Сологуба. — Майоренгоф — курортный поселок на Рижском взморье. О встрече там Ремизова с Ф. Сологубом све-

дений найти не удалось. Ср. *Адреса 1905—1912* за 1907 год: «21 / VII. Рига и Майоренгоф» (Л. 10).

Зесвеген. Рассказ о птичке. — Имеется в виду рассказ Ремизова «Птичка» (1913), в котором отразились впечатления писателя о поездке с *СП* к родственникам В. Эглитиса в прибалтийский Зесвеген (Цесвайне Мадонского уезда) (см.: *Оказион-РК III*. С. 115—121, 616; публ. и коммент. Е. Р. Обатниной). В *Адреса 1905—1912* отмечено за 1907 год: «26 / VI—21 VII. Зесвеген (Лифляндия) на мельнице» (Л. 10).

Ревель. 1921, август-сентябрь. — *Ревель* (с 1919 г. Таллин) — столица Эстонии. В этом городе покинувшие Россию Ремизовы находились с 23 августа по 19 сентября 1921 г. См.: *Книга V*. С. 337—338. Ср. в письме *СП* Ремизову от 26 июля 1923 г.: «Как я хочу, чтобы мы с тобою пожили так, как тогда под Ревелем [23 VIII — 18 IX 1921]» (*Книга I*. С. 12). Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. 1921—1922 гг. // *Литературный факт*. 2018. № 7. С. 17—23; *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2016. № 4. S. 42—74.

Нарва. Карантин 1921 г. — 6 августа 1921 г. Ремизовы в товарном вагоне отправились из Петрограда в сторону Нарвы. Об одиннадцатидневном нарвском карантине писатель позднее вспоминал в дневнике: «Это как после пожара в глазах огонь — такое я увидел в карантине в Нарве, куда мы попали из России в августе 1921 г. Особенно мне памятны танцы: молчаливо-кружащиеся пары. Мне казалось, что прожитые годы в Революцию забили рты на клей: какое жуткое молчание с невыбивающимися словами из-под. <...> Остановившийся огонь в глазах и разочарование: карантин на две недели — каторга! Те же самые порядки, от которых, думалось, наконец-то, избавился. Тячайшее воспоминание» (*Взвихренная Русь-РК V*. С. 640; коммент. А. М. Грачевой). Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. С. 15—18. См. также: *Книга V*. С. 336—337.

Тойла (эст. Toila). — Эстонский курортный поселок на южном берегу Финского залива.

Вергежа. У А. В. Тырковой. — Имеется в виду родовое имение Тырковых в Новгородской губ., на берегу реки Волхов, недалеко от станции Волхов Николаевской железной дороги. Ремизов гостил там с 11 по 15 февраля 1914 г. (см.: *Адреса 1913—1916*. Л. 2). Об А. В. Тырковой-Вильямс см.: *Книга III*. Коммент. к с. 207.

Званка. — Вероятно, имеется в виду усадьба Г. Р. Державина на берегу Волхова в Чудовском уезде Новгородской губернии.

С. 226. Берлин. 1921—1923. — В Берлине Ремизовы жили с 21 сентября 1921 г. по 5 ноября 1923 г.

С. 226. Потсдам. — У Ремизова ошибочное написание. *Потсдам* — город на востоке Германии, столица федеральной земли Бранденбург, в 20 км от Берлина. В Потсдаме Ремизовы были 21 сентября 1922 г.

Герлилинг. — Может быть, имеется в виду Герлинген, город в Германии, в земле Баден-Вюртенберг.

Мюнхен. — Город в Германии, столица федеральной земли Бавария. В Мюнхене Ремизовы гостили с 31 июля по 2 августа 1922 г. у переводчика А. С. Элиасберга и его жены — художницы З. Н. Васильевой-Элиасберг

А у меня еще память, как я в первый раз за границу ездил ~ Натерпелся муки мученской. — В июне — августе 1896 г. Ремизов совершил поездку в Австрию, Швейцарию и Германию. Ср. в письме Ремизова к Г. И. Чулкову от 15/28 ноября 1911 г.: «В 1896 летом ездил за границу (Вена, Швейцария, Мюнхен)» (Лица: биограф. альм. Вып. 3. С. 421; публ. А. М. Грачевой). См. об этом путешествии Ремизова: *Книга III*. Коммент. к с. 196.

Брайтбруно. — Имеется в виду *Брайтбрунн* (нем. Breitbrunn), община в Германии, в земле Бавария. В этом местечке Ремизовы отдыхали с 14 по 31 июля 1922 г. Они приехали туда по приглашению переводчицы Феги Фриш. 5 июня 1922 г. она убеждала Ремизовых: «...я бы предложила следующую комбинацию. Серафиме Павловне необходимо полечиться, Вы же в санаторию не хотите. Вам, может, хорошо поправиться на свежем воздухе, на молоке и яйцах и т. п. Поэтому я бы наняла для Серафимы Павловны в санатории комнату, а Вам предлагаю приехать к нам в Breitbrunn, это очень скромная деревушка на берегу большого прелестного озера. 1½ часа от Мюнхена: дешево, тихо и хорошо. <...> Потом мы бы вместе по окончании лечения Сер<афимы> Павловны поехали бы еще и в горы. <...> Мы за Вами очень будем ухаживать, потолстеете, отдохнете, а главное, сумеете работать» (цит. по: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова. С. 36). Подробно об условиях проживания Ремизов написал С. П. 21 июня 1922 г. (см.: *Литературный факт.* 2018. № 8. С. 19). Ср. в повести Ремизова «По карнизам» (1929): «Жили мы в Брайтбруне на Аммерзее по соседству с монастырем...» (*Зга-Росток XI*. С. 482).

Шёндорф. — Имеется в виду Шорндорф (нем. Schorndorf), город в Германии, в федеральной земле Баден-Вюртенберг.

Обераммергау. — Деревня в Верхней Баварии в Германии (округ Гармиш-Партенкирхен). Известна существующей с XVII в. традицией проведения в ней на открытом воздухе каждые десять лет силами местных жителей уникального спектакля-мистерии «Страсти Христовы». Ремизовы были в Обераммергау с 26 по 28 июля 1922 г.

Унтерраммергау. — Населенный пункт в Верхней Баварии (округ Гармиш-Партенкирхен). Здесь Ремизовы были 22—23 июля 1922 г.

На представлении Страстей. ~ «По карнизам». — Ср. в указанной повести: «Поехали мы в Обераммергау на “Страсти” (die Passionsspiele), а комнат свободных нет и остановились в Унтерраммергау в избе, где ночлежников пускают» (*Зга-Росток XI*. С. 488, 760). См. также: *Книга III*. Комментар. к с. 226.

Kloster Ettal. — Бенедиктинский монастырь в селе Этталь недалеко от Обераммергау; основан в 1330 г. Ср. о нем в повести «По карнизам»: «Русская пасха. А церковь католическая: алтарь открытый. Я догадался: это монастырь — Этталь, где монахи говорят на всех языках, это в Германии около Обераммергау» (Там же. С. 516).

Нюрнберг. — Ремизовы побывали в Нюрнберге в конце июня 1913 г. (см.: *Адреса 1913—1916*. Л. 1).

Дрезден. — Город в Восточной Германии, столица федеральной земли Саксония.

Кудова. — Имеется в виду бальнеологический курорт Бад-Кудова (Bad Kudova) на юго-западе Польши, на границе с Чехией. *СП* лечилась здесь с 9 по 17 июля 1923 г. См. ее письма оттуда к Ремизову от 10, 12, 13 июля (*Книга I*. С. 10—12). См. также письма Ремизова к *СП* от 9—16 июля (*На вечерней заре 2019 (1)*. С. 39—49).

Альбендорф. У *Гржебиных.* — Возможно, имеется в виду *Альтендорф* (нем. Altendorf) — либо коммуна в федеральной земле Нижняя Австрия, либо одноименная коммуна в федеральной земле Бавария (Германия).

Брунстгауптен. — Немецкий курорт в местечке Остсебад (нем. Ostseebad) на берегу Балтийского моря. См. письмо *СП* к Ремизову оттуда в Берлин от 26 июля 1923 г. (*Книга I*. С. 12). Сохранилась также открытка от нее, посланная 28 июля 1923 г. (см.: *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 880; *Книга I*. С. 13).

Саров. У *Гржебиных.* — Имеется в виду курортный городок Бад-Сааров (нем. Bad-Saarow) в федеральной земле Бранденбург, где жила семья Гржебиных и с 19 по 22 мая 1922 г. отдыхала *СП*.

Альбек. — Зеерад-Альбек (нем. Ahlbeck Seebad) — курортный город в Германии на острове Узедом в Балтийском море, где с 12 по 25 июня 1922 г. лечилась *СП*.

Херингсдорф. — *Херингсдорф* (нем. Heringsdorf) — бальнеогрязевой курорт на побережье Балтийского моря, на берегу острова Узедом в Германии.

Свинемюнде. — До 1945 г. название курортного городка (нем. Swinemünde) на берегу острова Узедом в Прусской провинции Померания.

С. 226. Алленштейн. — Имеется в виду Алленштайн (ныне Ольштын в Польше) — город в Восточной Пруссии. Возвращаясь в Россию после путешествия по Европе, Ремизовы были здесь в самом начале Первой мировой войны, в июле 1914 г.

Штетт<т>ин (нем. Stettin) — город в федеральной земле Баден-Вюртемберг (ныне Щецин в Польше). Ремизовы останавливались тут 21—22 июля 1914 г. (*ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 922; см. также: Адреса 1913—1916. Л. 2.*).

Стокгольм. — Столица Швеции, в которой Ремизовы находились 24—25 июля 1914 г. (см.: *Адреса 1913—1916. Л. 2.*).

о. Рюген. — Крупнейший остров Германии в Балтийском море (провинция Померания). На этот остров Ремизовы высадились утром 23 июля 1914 г. вместе с другими беженцами после выдворения их из Германии на пароходе из Штеттина. О злоключениях в Штеттине и на о. Рюген см. рассказ Ремизова «Полонное терпение» (1914) (*Оказион-РК III. С. 249—270.*).

Карлсбад. — Прежнее название (нем. Karlsbad) курорта Карловы Вары в Чехии, на западе Богемии. На этом курорте Ремизовы отдыхали и проходили курсы лечения с 1 по 24 июля 1913 г., с 7 июня по 5 июля 1914 г. (см.: *Адреса 1913—1916. Л. 2.*), с 12 августа по 18 сентября 1924 г. См. главку «Карлсбад. К еленьему скоку» в повести «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX. С. 229—233.*).

Эгер. — Имеется в виду немецкое название (Eger) города Хеб (Cheb) в Чехии, на границе с Германией; в нем Ремизов был 11—12 сентября 1924 г., чтобы получить германскую визу.

Прага. — Столица Чехии, в которой Ремизовы находились 25 июля 1913 г., а также в августе 1924 г., перед приездом на курорт Карлсбад. См. главку «Прага. Самоцветное» (*Учитель музыки-РК IX. С. 226—229.*).

Подибрады — Подебрады — курортный город в Чехии на берегу реки Эльбы, в 50 км от Праги.

Вена. — Столицу Австрии Ремизовы посетили во время заграничного путешествия с 26 июля по 1 августа 1913 г. (см.: *Адреса 1913—1916. Л. 1.*).

Рим. — В столице Италии Ремизовы жили во время путешествия по Италии с 12 по 22 мая 1914 г. (см.: Там же. Л. 2). Ср. в очерке «Божий человек» (1915): «Бог благословил побывать последней мирной весной во славном городе Рима» (*Оказион-РК III. С. 353; см. о пребывании в Риме: Там же. С. 353—357.*).

Венеция. — Ремизовы находились в Венеции с 6 по 8 мая 1914 г. (см.: *Адреса 1913—1916. Л. 2.*).

Флоренция. — Ремизовы были во Флоренции с 8 по 12 мая 1914 г. (см.: Там же).

Милан. — В этом городе Ремизовы пребывали с 22 по 25 мая 1914 г. (см.: Там же).

С. 227. Женева. — Город на юго-западе Швейцарии. Ремизовы находились в нем с 25 по 27 мая 1914 г. (см.: Там же).

Лозанна. — Город на юго-западе Швейцарии.

Коппэ — э. У Л. Шестова. / *Фунэ.* — *Коппе* (фр. Соррет) — местечко в Швейцарии, на берегу Женевского озера. С 22 июня по 4 июля 1911 г. Ремизовы были в Женеве и в Коппе (см.: *Адреса 1905—1912.* Л. 15). В Коппе встречались с Л. И. Шестовым. 29 июня он писал Ремизову: «Напиши заблаговременно, когда приедешь. Я постараюсь тебя в Соррет устроить — а не в Женеве. Здесь теперь очень хорошо, только трудно комнату найти. Ну, да авось найду» (*Переписка с Шестовым.* 1992. № 4. С. 99). В Коппе возник, в сотрудничестве с композитором Г. Л. Ловцким, замысел балета (пантомимы) по мотивам русалии «Гори-Цвет». В пансионе в Фунэ (фр. Founex) Ремизовы отдыхали с 30 мая по 18 июня 1913 г., затем с 27 мая по 5 июня 1914 г. (см.: *Адреса 1913—1916.* Л. 2). Ср., в частности, о путешествии по Швейцарии в 1913 г.: «Болезнь мешала, лечиться надо было, с докторами совещаться. А все-таки хорошо удалось прожить недели 3 вблизи Коппэ в Швейцарии, <...> в 20 минутах от того места, в уютном глухом поселке Фунэ» (Биржевые ведомости. 1913. № 13710, 21 авг. (веч. вып.). С. 3). Часто виделись с Л. И. Шестовым. Ремизов написал некролог «Памяти Льва Шестова» (*Звезда надзвездная-Росток XIV.* С. 266—267). О взаимоотношениях Ремизова с Л. И. Шестовым см.: *Переписка с Шестовым*).

Шильонский замок. — Старинный замок в Швейцарии на берегу Женевского озера (фр. Château de Chillon). Он нашел отражение в поэме Байрона «Шильонский узник» (1816), переведенной В. А. Жуковским (1822).

Шамони. — Город и коммуна в Альпах, на востоке Франции, в департаменте Верхняя Савойя, у подножия горы Монблан; горнолыжный туристический центр.

Цюрих. — Ремизовы побывали в Цюрихе с 19 по 28 июня 1913 г., жили в отеле «Merkur» (см.: *Адреса 1913—1916.* Л. 1).

Брюссель. — В столице Бельгии Ремизов побывал в конце марта 1926 г. по приглашению бельгийской Академической группы для выступления на литературном вечере вместе с Н. А. Тэффи. Газета «Иллюстрированная Россия» сообщила: «Н. А. Тэффи и А. М. Ремизов в Брюсселе. Прием в академической группе. Прием в редакции “Благонамеренного”. Речи. Тосты. Вернувшись в Париж Н. А. Тэффи вне себя от восторга. Ремизов же напуган всей этой помпой до последних пределов и уверяет, что больше — никуда, нет уж!» (1926. № 15 (48)).

Апрель. С. 6). «*Благонамеренный*» — журнал русской литературной культуры, издававшийся в Брюсселе в 1926 г.

С. 227. *Париж. 7 XI 1923 † 13 V 1943 Vagneyx. Дивизион 70.* — Указаны даты: приезда Ремизовых в Париж из Берлина 7 ноября 1923 г. и смерти СП 13 мая 1943 г. Сначала она была похоронена на кладбище Банье в пригороде Парижа. Сохранился бланк на французском языке, в котором указано место захоронения: 70-е Division (отделение, участок — фр.), 4-е Ligne (линия, ряд — фр.), № 23 (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1274).

Шантильон. — Вероятно, имеется в виду Шатийон (фр. Châtillon) — пригород Парижа.

Версаль. — Дворцово-парковый ансамбль в пригороде Парижа. Под Версалем находился загородный дом ученицы Ремизова Н. В. Кодрянской, куда она периодически приезжала из США после войны.

Кларм. — Город во Франции (фр. Clamart), в 10 км от Парижа. Н. Резникова вспоминала: «Иногда С. П. приезжала к нам в Кларм. Я помню, как в 1928 году мы с ней гуляли в клармском лесу...» (Резникова 2013. С. 74). Там же в собственном доме жил в эмиграции Н. А. Бердяев.

Медон. — Мёдон (фр. Meudon) — юго-западный пригород Парижа на берегу реки Сены, находится между Парижем и Версалем. Здесь жил близкий друг Ремизовых В. А. Мамченко. В записной книжке СП содержится адрес Аркадия Альфредовича и Тамары Викторовны Борман: «1 Av<enu> Maréchal Joffre. Meudon (S. et O.)» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1272. Л. 46 об.)

Венсен. — Пригород Парижа (фр. Vincennes).

Куси-ле-Шато. — Коммуна на севере Франции (фр. Coucy-le-Château), знаменитая своим замком XIII в. Упоминается в повести Ремизова «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 89).

Суассон (фр. Soissons) — городок на севере Франции, в 100 км от Парижа. Упомянут в том же произведении Ремизова (Там же).

Шартр (фр. Chartres) — город на севере Франции, на реке Эр, в 96 км от Парижа. Ремизов написал очерк «Память о Шартре» (1950; рукопись хранится: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6). Ср. в повести «Иверень»: «...смутно помню в Шартре мои встречи с друидами — они не позволили мне записывать их слова...» (*Иверень-РК VIII*. С. 325). См. письмо Ремизова к СП из Парижа в Шартр от 2—3 окт. 1926 г. (*На вечерней заре 2020 (3)*. С. 57—58).

Монтрёйль. У Черновых. — Имеется в виду Монтрёй (фр. Montreuil) — восточный пригород Парижа. Ремизовы посетили Черновых в мае 1911 г. Вероятно, перед этим О. Е. Чернова-Колбасина возвратила Ремизову рукопись повести «Часы», которая хранилась у нее с 1905 г. Об этой встрече она вспоминала: «Открыл дверь Алексей

Михайлович, я сразу узнала его: небольшого роста, сутулый, в очках. Других таких глаз нет, темные и светящиеся, умные-умные, пронизательные, такие ласковые и немножко лукавые. <...> Он обрадовался возвращенной рукописи» (*Резникова 2013*. С. 53). О. Е. Чернова-Колбасина оставила воспоминания о Ремизове (см.: *Грачева 2010*. С. 487–495).

Пари-пляж. — Возможно, имеется в виду популярное место отдыха французов на море Le Touquet-Paris-Plage — Парижский Пляж, в 200 км от Парижа.

Барбизон. У *Янич*. — Имеется в виду городок (*фр.* Barbizon) к северу от Парижа, у леса Фонтенбло; излюбленное место французских художников-пейзажистов (так называемых «барбизонцев»). *Янич* — возможно, подразумевается Мария Николаевна *Янич* (Суслова), знакомая Ремизовых. Она упоминается в *Книге I* (см.: *Книга I*. С. 63).

Машерен. — Возможно, подразумевается коммуна Сен-Николя-де-Машерен (*фр.* Saint-Nicolas-de-Macherin) на северо-востоке Франции.

Виши (*фр.* Vichy) — курортный городок в центральной Франции, на берегу реки Алье, известный термальными источниками. На этом курорте не раз лечилась *СП*. В связи с этим Н. Резникова в мемуарах отметила роль Л. И. Шестова: «Лев Исаакович заботливо относился к Ремизовым в их трудной материальной жизни, старался помочь им и ежегодно доставал средства для поездки *СП* на необходимый ей курс лечения в Виши: она страдала болезнью печени» (*Резникова 2013*. С. 129). В 1926 г., перед отъездом в Виши, *СП* записала в дневнике 20 июня: «Послезавтра, наверно, поеду в Виши. Мне от этого жутко. Как я там буду одна, у меня безумная тоска всё это время на душе, и почти никто мне не нравится. <...> Я очень болела этой зимой и очень устала, так бы легла на траву и пролежала бы весь день» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1066. Л. 16). 23 июня 1926 г. *СП* сообщала мужу из Виши: «Приехала я и в 6 ч<асов> утра заснула до 9 ч<асов>, а потом пошла по городу. Ну, что же, больше всего напоминает Эссенуки, только гор нет, гораздо лучше Кудовы, но гораздо хуже Карлсбада» (*Книга I*. С. 23). См. письма и открытки *СП*, адресованные Ремизову из Виши от 23, 24, 27, 28, 29, 30 июня, 4, 7, 8, 10, 13, 15 июля 1926 г. (Там же. С. 23–30; см. также: *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 897–902). См. также письма Ремизова к *СП* из Парижа в Виши от 1–16 июля 1926 г. // *На вечерней заре 2020* (3). С. 41–57, 62–76).

Тьер (*фр.* Thiers) — город в центре Франции на реке Дюроль, в департаменте Пюи-де-Дом. Упоминается в письмах Ремизова к *СП* от 8 и 9 июля 1926 г. (Там же. С. 50).

Шатель-Гуйон (*фр.* Châtel-Guyon) — курортный городок в центральной части Франции, недалеко от Тьера. Там в летние месяцы на-

чиная с 1924 г. жил Л. Шестов. Упоминается в тех же письмах Ремизова.

С. 227. Кербеллек. У Fleury. — Кербелек (фр. Kербеллек) — вилла в деревне Ле-Кльон-сюр-Мер (Le Clion-sur-Mer) в Бретани на северо-западе Франции (департамент Атлантическая Луара), где летом с 1924 по 1939 г. не раз отдыхали Ремизовы. С этим местом связаны повествования «Куаффер», глава повести «Учитель музыки» (см.: *Учитель музыки-РК IX*. С. 332—340) и «Бику», заключительная глава повести «По карнизам» (см.: *Зга-Росток XI*. С. 565—573, 782—784). Ср. в главе этой повести «О мышке»: «Случилось, поехала С. П. к Морю-Океану за морскими камушками и раковинами к одной доброй бретонской волшебнице Флэри (Fleury)» (Там же. С. 480). *Флэри* — семья, предоставлявшая жильё Ремизовым в Кербелеке. 18 июля 1924 г. *СП* писала Ремизову, приехав туда впервые: «...вот я уже в настоящей деревне Бретонской, это куда настоящее, чем Breitbrun, один дом всего и есть, где мы живем. <...> Сразу узнали друг друга. [*M-me Fleury*]. <...> Семья: она [*Mme Jeanne Huguenet-Fleury*], похожа на Шкапскую [*Марья Михайловна*], только мужественнее, свою манеру смеяться в бок, я думаю, у нее взяла Шкапская; муж ее [*Pierre Fleury*] очень красивый, седоватый, очень хорошо говорит по-французски, многому вчера меня научил; 2 племянницы [*Mme Denise, M-elle Suzanne*], одна огромная [† 1943], другая маленького роста; мальчик 3-х лет [*Maurice* <Бику>], очень миленький, Морис, сын племянницы [*Denise*]» (*Книга I*. С. 13). См. письма С. П. к Ремизову из Кербелека от 18, 20, 23, 24 июля 1924 г., 20, 22 февр., 21, 22, 23 авг. 1925 г. (*Книга I*. С. 13—18, 20—22). См. также отдельные записи, сделанные там С. П. 24, 31 авг., 2 сент. 1925 г., 21 авг. 1931 г. (*Книга I*. С. 91—93, 108). Так, 21 июля 1931 г. записала в дневнике: «Опять мы в Бретани... <...> Сколько воспоминаний! И *Висоу* [*Mauric*] вырос, 10 лет. А когда я в первый раз приехала, ему было 3 года. И теперь он хороший и нежный мальчик. Здесь тишина, отдыхаешь после Парижа и после всех тяжестей квартирных и матерьяльных» (*Книга I*. С. 108). См. также о Бику: *Звезда надзвездная-Росток XIV*. С. 237. Ср. в воспоминаниях Н. В. Резниковой: «Накануне войны Ремизовым удалось еще раз поехать в Бретань (Rognic), на океан, который А. М. так любил: “Для меня своим уголком на чужой земле стал океан, и я его чувствую как свое <...>”. Ремизовы подружились с Fleury — семьей мэра деревни, в которой они жили. Спутником А. М. был мальчик Бику. Ремизов рассказывает об этом в главе “На воздушном океане” (“Учитель музыки”)» (*Резникова 2013*. С. 139).

Беркери — французский город в Нормандии, в округе Шербур.

Порник (фр. Rognic) — коммуна с железнодорожной станцией и курорт в Бретани, на северо-западе Франции, департамент Атлантическая Луара.

Нуар-Мутье. — Нуармутье (фр. Noirmoutier) — остров у атлантического побережья Франции, недалеко от устья реки Луары.

Карнак (фр. Carnac) — в то время деревня, сейчас городок на южном побережье Бретани (департамент Морбиан), на северо-западе Франции. Там Ремизовы отдыхали в 1924 и 1926 гг. (см.: *В розовом блеске-Росток XV*. С. 738—739).

Сен-Жан де Мон. У Познеров. — Приморский курорт (фр. Saint-Jean-de-Monts) на побережье Атлантического океана. С семьей Познеров Ремизовы общались в эмиграции. Они неоднократно упомянуты в ремизовском «Дневнике мыслей» (ДМ-I. С. 89, 113, 134, 285; ДМ-II. С. 261, 269, 404, 431). См., в частности, письма В. С. Познера к Ремизову 1921 г.: «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. М.: Аграф, 2004. С. 16—18 (публ. Е. Лемминга).

Ларошель. — Ла-Рошель — портовый город (фр. La-Rochelle) на побережье Бискайского залива.

Фурас. *Очень гарно* <?>. — Фурас (фр. Fouras) — городок на юго-западе Франции, в 34 км от Ла-Рошеля. Помета Ремизова, возможно, подразумевает в переводе с украинского: очень красиво. Ср. в «Мерлоге» в главке «9. О Фурасе»: «Фурас (Fouras) во Франции на берегу Атлантического океана между Вандеей и Жирондой. А знаменит тем, что это последний берег Франции, откуда на фрегате “La Saale” в 1815 году отплыл Наполеон в ссылку на остров св. Елены. В сезон народу наезжает, не протолкнешься <...> Съезжаются одни французы, иностранцев нет. <...> Я, “китаец”, попал по неведению и, прожив три дня, вижу, пора восвояться» (*Звезда надзвездная-Росток XIV*. С. 237).

Сент-Анн д’орей (фр. Sainte-Anne-d’Auray) — коммуна во французской Бретани. См. об этом месте паломничества в честь св. Анны в повести «Учитель музыки» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 146—153).

Кэмпер (фр. Quimper) — город в Бретани на северо-западе Франции.

Пуан де Раз. — Имеется в виду один из мысов на берегу Атлантического океана (фр. Pointe du Raz), в департаменте Финистер во Франции.

Локренон. — Вероятно, имеется ввиду коммуна Локронан (фр. Locronan) во Франции, на юго-западе Бретани, в департаменте Финистер.

Дуарнен<e>з. — Имеется в виду Дуарненé (фр. Douarnenez) — город в регионе Бретань на северо-западе Франции, в департаменте Финистер.

Росков. С Лебедевymi. — Имеется в виду коммуна (фр. Roscoff) на северо-западе Франции, в регионе Бретань, в департаменте Финистер, на побережье Ла-Манша. СП приехала туда, вероятно, 16 июля 1928 г. и поселилась в отеле «Англетер». См. ее письма и открытки Ре-

мизову от 17, 19, 20, 21, 23, 25, 26—28, 29 июля 1928 г. (*Книга I*. С. 33—37; *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 906—914). *Лебедевы* — семья В. И. и М. Н. Лебедевых. Оба состояли в партии эсеров. В. И. Лебедев в 1917 г. был помощником А. Ф. Керенского, с 1919 г. политэмигрант; писатель, являлся членом редколлегии журнала «Воля России», в котором печатался Ремизов. *СП* так отозвалась о них в письме Ремизову от 25 июля 1928 г.: «Лебедевы очень хорошо друг к другу относятся, тем мне нравятся. С ними у меня есть о чем говорить...» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 911. Л. 2 об.). См. также письмо Ремизова из Роскова к доктору В. Д. Аитову от 12 сент. 1929 г., в котором он пишет о заболевшей там *СП* (Там же. Ед. хр. 1336. Л. 37).

С. 228. Морле (*фр.* Morlaix) — старинный портовый город во Франции, в регионе Бретань, в департаменте Финистер. Ср. в письме *СП* к Ремизову от 26 июля 1928 г.: «Сегодня мы вместе <с Лебедевыми> едем в Morlaix» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 913. Л. 2).

Ильдеба. — Имеется в виду городок Иль-де-Ба (*фр.* Île de Batz) в регионе Бретань, в департаменте Финистер.

St. Paul. — Вероятно, подразумевается Сен-Поль-де-Ванс (*фр.* Saint-Paul de Vence) — коммуна на юго-востоке Франции, в регионе Прованс, в 20 км от Ниццы.

Контрексевиль (*фр.* Contrexéville) — коммуна, бальнеологический курорт на северо-востоке Франции, в департаменте Вогезы. Ср. в письме *СП* к Ремизову от 25 июля 1928 г.: «...Маргарита Ник<олаевна> <Лебедева> советует и тебе и мне ехать в Contrexéville, там хорошо и для печени и для сердца и дешевле, чем в Виши, она даст доктора, к которому обратиться, и 2 пансиона, куда надо написать заранее. После 15-го августа всё там дешевлеет. Я бы так думала, что числа 15-го и выехать нам, там надо быть 3 недели, ехать от Парижа 6 часов. Как ты думаешь?» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 911. Л. 1 об.). См. также: *Книга I*. С. 35.

Виттель. — Имеется в виду бальнеологический город-курорт Виттель (*фр.* Vittel) на северо-востоке Франции, в департаменте Вогезы, известный своими минеральными источниками.

Нанси (*фр.* Nancy) — город на северо-востоке Франции, в регионе Лотарингия.

Варанжевиль (*фр.* Varangéville) — коммуна во французском регионе Лотарингия, где построена церковь во имя св. Николая Чудотворца. Селение упоминается в рассказе-легенде Ремизова «О Василии» (1927) из сборника «Три серпа» (1929), посвященного этому святому (см.: *Россия в письменах-Росток XIII*. С. 217). Ср. в книге Ремизова «Образ Николая Чудотворца»: «Легенда, возникшая на Западе в XII в., место действия в Лотарингии в Варанжевиле, а перешедшая в Россию, русскими приурочена к Никее: случай, когда возвращался Никола

с собора» (Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры. Paris: YMCA-Press, 1931. С. 645). Также Варанжевиль возникает в сюжете легенды «Меч веры» (1929) из того же сборника (*Россия в письменах-Росток XIII*. С. 304).

Bride<s>-les Bains. — Имеется в виду курортный городок в департаменте Савойя на юго-востоке Франции. С. П. находилась там в сентябре 1927 г., жила в доме мадам Hubert (villa des Terrasses). 5 сент. она сообщала мужу: «А здесь чудно, горы и солнце, и замечательный воздух...» (*Книга I*. С. 31). См. ее письма оттуда к Ремизову от 5, 8, 13 сентября этого же года (Там же. С. 31—33; *ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 905). 14 сентября Ремизов приехал к СП и прожил до 25 сентября (см. об этом: *Книга I*. С. 33).

Карантек (фр. Carantec) — коммуна на северо-западе Франции, в регионе Бретань.

Bourbon Lancy. — Бурбон-Ланси — старинный курортный городок с термальными источниками на реке Луаре в регионе Бургундия на востоке Франции. СП находилась там на лечении в июне — начале июля 1932 г. См. ее письмо и открытку с одним из видов этого городка Ремизову от 15 июня (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 915, 916), письма от 16, 19, 25 июня, 2 июля (Там же. Ед. хр. 917, 919, 920; *Книга I*. С. 38—41). В Бурбон-Ланси 16, 17, 21, 24, 29, 30 июня, 3 июля 1932 г. СП записала фрагменты воспоминаний, получившие затем названия «Страшный суд», «Букет», «Страшное», «Праздные люди», «Супирчик», «Яблоки», «Наперекор», «Земля и море», «На землю», «Полумесяц», «Пуля», «Монашка» (см.: *Книга VI*. Комментарий на с. 510).

Голицыно — городок в 40 км от Москвы.

Монфор. — Возможно, имеется в виду средневековый городок Монфор л'Амори (фр. Monfort l'Amaury) в 45 км от Парижа.

St. Marguërite. — Вероятно, подразумевается остров св. Маргариты (фр. Île Sainte-Marguërite) в регионе Приморские Альпы, недалеко от города Канны.

Страсбург (фр. Strasbourg) — старинный город и коммуна на северо-востоке Франции, столица региона Эльзас. См. о нем в повести «Учитель музыки»: «...Куковников в Страсбурге не бывал, но по путешественникам всё знает, знает и то, что когда-то, в старину, при соборе жила ясновидящая из Литвы — “лаума” — пророчествовала по-русски, теперь на этом месте входные билеты продают: в полдень астрономические часы с движущимися фигурами посмотреть и искусственного петуха послушать» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 288—289).

У. Н. М. Кузьмина. — Имеется в виду Николай Кузьмин, автор пьесы «Человека надо», на которую Ремизов написал рецензию (см.: *Русалия-Росток XII*. С. 578—581). Он упомянут в дневнике писателя

20 октября 1920 г.: «В Д<ом> Уч<еных>. / Приходил Н. М. Кузьмин» (Взвехренняя Русь-РК V. С. 517).

С. 228. Colombes — Коломб, город и коммуна в 10 км от Парижа.

Erra. — Возможно, подразумевается Эрре (Hérré), французский городок в округе Мон-де-Марсан.

<Le> *Plessi<s>-Robinson* — Ле-Плесси-Робинсон — город и коммуна в регионе Иль-де-Франс, в 10 км от Парижа.

Gif sur Yvette — Жиф-сюр-Иветт, город и коммуна в департаменте Эсон на реке Иветт.

Bellevue — Бельвю, пригород Парижа. В частности, здесь с 1926 г. снимала квартиру семья С. Я. Эфрона, мужа М. И. Цветаевой.

Кладьковка — село в Куликовском уезде Черниговской губ., на берегу Десны.

Frangu. (H<aute-> S<avoie>). — Франжи — коммуна в регионе Верхняя Савойя во Франции.

Tour (фр. Tours) — город во Франции, на реке Луаре.

Blois (фр. Blois) — город во Франции, на берегу Луары.

Chenonceaux. — Вероятно, имеется в виду деревня и старинный замок (фр. Château de Chenonceaux) в долине Луары.

Mantes. — Возможно, имеется в виду пригород Парижа Мант-ла-Вилль (фр. Mantes-la-Ville).

Magny. — Вероятно, имеется в виду коммуна Маньи-Кур (фр. Magny Cours) в центральной Франции.

Arthies — Артис, коммуна в 50 км от Парижа.

Ville d'Avray (S et O) — Виль-д'Авре, коммуна в западном предместье Парижа. Там находилось имение Г. Чёрча.

Прощальный вечер у Henry Church<h>'a (Mesures) / Для многих это был «прощальный»: Домель, Фернандес. — С Генри Чёрчем и его женой Барбарой Ремизовы общались в эмиграции. О Г. Чёрче и о прощальном вечере Ремизов написал в эссе «Гиппопотамы. Памяти Henry Church», вспоминая о «французском Святилище Слова», каковым он считал литературный журнал «Mesures», издававшийся в Париже в 1935—1940 гг.: «Ville d'Avray — Henry et Barbara Church. / Первый мой глаз: Henry Church — то ли тут фамилия меня настроила: пастор — пастор в стекле. Их дом на пригорке, стенное окно в сад, птички перепархивают. И тишина, все молчком. <...> Прощальный вечер “Mesures” в канун войны — 18 июня 1939. / К Church'у в это воскресенье наперлось гостей, по приблизительному подсчету Марс'а Bergard'a, а глаз у него зоркий, ни мало ни много, что не вся тысяча, не считая случайных и “заодно”. И тут уж никакая молчанка, музыка пошла — начали с трех, а кончили с петухами — и музыка, и фейерверк с финальными гиппопотами, изобретение и гордость самого хозяина» (Петербургский буерак-РК X. С. 144—145). Французский поэт Ре-

не Домаль, умерший в 1944 г., также упомянут в этом эссе (С. 147). О супругах Чёрч ср. в письме Ремизова к Н. Кодрянской от 12 августа 1947 г.: «Henry был молчаливый, изведавший всю премудрость, а Vagaba — живая, писала стихи по-немецки» (Кодрянская 1977. С. 71). См. также: Резникова 2013. С. 183—185. Французский писатель и журналист Рамон Фернандес ушел из жизни в 1944 г. (см. об этом в ДМ-I. С. 111).

КНИГА IV НА БЕССРОЧНОЙ КАТОРГЕ

Ремизов А. М. Объяснения С. П. Ремизовой-Довгелло к «Русскому историческому альбому», переписанные А. М. Ремизовым в одну общую тетрадь. Книга IV. Париж. 1926—1943; 1946. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 290. 68 + I л. Далее: *Книга IV*.

Рукописные тексты-источники:

1) *Ремизова-Довгелло С. П.* «Объяснения к русскому историческому альбому 1926 года». 20 ноября 1932, 1932—1935. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1044. 32 л.

СП начала вести альбомы с автографами и рисунками гостей еще до отъезда из России. В собрании ГЛМ имеются три таких альбома (Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1291—1293). В эмиграции традиция была продолжена. Составленный в 1926 г. «Русский исторический альбом» в дальнейшем был подарен Ремизовым Г. В. Чижову. В 1986 г. после смерти Чижова его архив был распродан. В настоящее время местонахождение вышеуказанного документа неизвестно. В 1932—1935 гг. *СП* создала особый текст под названием «Объяснения к русскому историческому альбому 1926 года», в котором она давала краткие характеристики лицам, которые оставляли свои подписи в альбоме 1926 г. Работая над *СПР-Д*, Ремизов переписал текст «Объяснений...», дополнив характеристики *СП* своими.

Книга IV представляет собой тетрадь в клетку размером 30 × 20 см. Переплет: картон, оклеенный «мраморной» бумагой черно-красного цвета. Корешок: черная ткань. На обложке острым предметом выскоблены надписи: 1) по центру в форме вертикального столбца: «С. П. Р.-Д. / IV / НА БЕССРОЧНОЙ КАТОРГЕ / <горизонтальная разделительная черта> / 1926—1943 / PARIS / ИМЕНА / 135»; 2) по левому краю вертикальная надпись: REMIZOV PARIS 1945 IV; 3) в правом нижнем углу глаголическая буква «червь» — анаграмма Ремизова; 4) в правом верхнем углу красная бумажная наклейка с надписью рукой Ремизова: «IV кн<ига>»; 5) к нижнему краю обложки приклеена

стандартная библиотечная наклейка с надписью рукой Н. В. Резниковой: «Эмиграция. Характеристики известных и знакомых представителей эмиграции». Кроме поздней архивной нумерации *Книга IV* имеет авторскую нумерацию карандашом.

Между листами форзаца *Книги IV* вклеены два листа, на которых черными чернилами в виде вертикальных столбцов Ремизовым перечислены упоминаемые в «Объяснении...» лица в алфавитном порядке с указанием авторских номеров страниц:

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ

1926—1943

Подписи собраны С. П. Ремизовой-Довгелло

135. [Объяснения 1932 г. с добавлением в 1935] IV

1. Аитов Вл<адимир> Дав<ыдович>	стр. 39
2. Алданов Марк Алекс<андрович> [<i>Ландау</i>]	стр. 48
3. Алекин Борис † 1942 ¹	стр. 35
4. Алферов Ан<атолий> Вас<ильевич>	стр. 36
5. Аничков Евг<ений> Вас<ильевич> † 1937	стр. 41
6. Анненков Юр<ий> Пав<лович> [<i>Б. Темиразев</i>]	стр. 50
7. Апостол Пав<ел> Ник<олаевич>	стр. 46
8. Аронсберг Ал<ександр> Иосиф<ович>	стр. 43
9. Аронсберг Ев<гения> Юл<ьевна> [<i>Штерн</i>]	стр. 42
10. Архангельский А<лександр> А<ндреевич> † 1941	стр. 13
11. Балтрушайтис Ю<ргис> К<азимирович> † 1944	стр. 13
12. Балтрушайтис Ю<ргис> Ю<ргисович>	стр. 6
13. Бек-Софиев Юр<ий> Бор<исович>	стр. 35
14. Бенуа Ал<ександр> Ник<олаевич>	стр. 38
15. Бенуа Анна Карл<овна>	стр. 38
16. Берберова Нина Ник<олаевна>	стр. 33
17. Бердяев Ник<олай> Ал<ександрович>	стр. 28
18. Блох Раиса Ноев<на> [<i>Горлина</i>]	стр. 44
19. Булгаков Вал<ентин> Фед<орович> † 1940	стр. 52
20. Бутчик Вл<адимир> Вл<адимирович>	стр. 53
21. Вальден Н<erwarth> Walden	стр. 55
22. Варшавский Вл<адимир> Серг<еевич>	стр. 33
23. Вейдле Вл<адимир> Вас<ильевич>	стр. 35

¹ Здесь и далее символ «крест» с указанием года фиксирует дату смерти. У Ремизова эта дата часто указана неверно, в связи с тем что во время войны и в первые послевоенные годы сведения о судьбе современников были малодоступны и носили характер слухов.

24. Вивье [*R. Vivier*] стр. 55
 25. Винавер Евг<ений> Макс<имович> стр. 50
 26. Воротников Ан<тоний> Пав<лович> † 1930 стр. 19
 27. Вышеславцев Бор<ис> Пет<рович> стр. 15
28. Гиппиус Зин<аида> Ник<олаевна> [*Мережковская*] стр. 23
 29. Голенищев-Кутузов Ил<ья> Ник<олаевич> стр. 28
 30. Горлин Мих<аил> Генр<ихович> стр. 44
 31. Городецкая Над<ежда> Данил<овна> стр. 31
 32. Гринберг Лев Адол<ьфович> стр. 50
33. Диксон Вл<адимир> Вас<ильевич> † 1929 стр. 20
 34. Добужинский Мст<ислав> Валер<ианович> стр. 22
 35. Дыдышко Конст<антин> Викент<ьевич> † 1932 стр. 40
 36. Евреинов Ник<олай> Ник<олаевич> стр. 48
37. Зайцев Бор<ис> Конст<антинович> стр. 34
 38. Замятин Ев<гений> Ив<анович> † 1937 стр. 39
 39. Зарецкий Ник<олай> Вас<ильевич> стр. 40
 40. Зензинов Вл<адимир> Мих<айлович> стр. 21
41. Жупанич (Oton Juranić) стр. 30
42. Иваск Юр<ий> Павл<ович> стр. 52
 43. Ильин Вл<адимир> Ник<олаевич> стр. 44
44. Кашина Анна Алек<сандровна> [*Евреинова*] стр. 49
 45. Квиль Вера Георг<иевна> [*Тищенко*] стр. 52
 46. Квиль Исидор Ник<олаевич> стр. 52
 47. Керенский Ал<ександр> Фед<орович> стр. 23
 48. Кнут Дав<ид> Моис<еевич> стр. 35
 49. Ковалевская Ольга Фед<оровна> [*Блок*] стр. 53
 50. Кодрянский Ис<аак> Моис<еевич> стр. 53
 51. Кодрянская Нат<алья> Вл<адимировна> стр. 53
 52. Комнен [*Marie-Anne Comnène-Cremieux*] стр. 50
 53. Костанов Петр Марк<ович> стр. 36
 54. Крачковский Дм<итрий> Ник<олаевич> стр. 15
 55. Кульман Нат<алья> Ив<ановна> [*Лихарева-Бокий*] стр. 29
 56. Кульман Ник<олай> Карл<ович> † 1940 стр. 28
 57. Куприн Ал<ександр> Ив<анович> † 1939 стр. 17
58. Лебедев Вл<адимир> Ив<анович> стр. 11
 59. Легра [*Jules Legras*] † 14.V.1939 [1866] стр. 52
 60. Либ [*Fritz Lieb*] стр. 51

61. Лифарь Серг<ей> Мих<айлович>	стр. 50
62. Лифарь Леон<ид> Мих<айлович>	стр. 51
63. Лозинская Анна Ив<ановна>	стр. 12
64. Лозинский Григорий Леонид<ович> † 1941	стр. 12
65. Львов Лоллий Ив<анович>	стр. 45
66. Маковский Серг<ей> Конст<антинович>	стр. 54
67. Макеев Ник<олай> Вас<ильевич>	стр. 40
68. Мандельштам Юр<ий> Вл<адимирович>	стр. 35
69. Манухин Ив<ан> Ив<анович>	стр. 25
70. Манухина Тат<ьяна> Ив<ановна> [<i>Таманина</i>]	стр. 25
71. Махин Фед<ор> Евд<окимович>	стр. 21
72. Мережковский Дм<итрий> С<ергеевич> † 1941	стр. 17
73. Милюков Пав<ел> Ник<олаевич> † 1942	стр. 48
74. Мочульский Конст<антин> Вас<ильевич>	стр. 11
75. Мошанский Ольгерд Витовтович	стр. 27
76. Мукалов Ник<олай> Конст<антинович>	стр. 21
77. Набокова Нат<алья> Ал<ександровна> [<i>кн. Шаховская</i>]	стр. 27
78. Набоков Ник<олай> Дм<итриевич>	стр. 27
79. Никитин Вас<илий> Петр<ович>	стр. 54
80. Оболенский кн. Андрей Влад<имирович>	стр. 34
81. Осоргин Мих<аил> Анд<реевич> [<i>Ильин</i>] † 1942	стр. 9
82. Осоргина Рахиль Григорьевна	стр. 30
83. Оцуп Николай Авдеевич	стр. 33
84. Оцуп-Рейман Софья Алексеевна	стр. 48
85. Паскаль [<i>Pierre Pascal</i>] Лже<-Паскаль> ¹	стр. 46
86. Пекельный	стр. 27
87. Переверзев Пав<ел> Ник<олаевич> † 1944	стр. 54
88. Познер Соломон Вл<адимирович>	стр. 43
89. Познер Эсфирь Сол<омоновна> † 1941	стр. 42
90. Полонский Як<ов> Бор<исович>	стр. 42
91. Попич Пав<ел> Ив<анович>	стр. 32
92. Поплавский Бор<ис> Юл<ианович> † 1934	стр. 34
93. Постников Серг<ей> Порф<ирьевич>	стр. 20
94. Претнар [<i>Mirco Pretner</i>]	стр. 55
95. Прокофьев Серг<ей> Серг<еевич> † 1942	стр. 28
96. Пуни Ив<ан> Альбер<тович>	стр. 26
97. Пуни-Богуславская Кс<ения> Леонид<овна>	стр. 27

¹ См. кн. 7. Л. 12.

98. Раевский Георгий [*Оцун*] стр. 48
 99. Рахманинов Сер<гей> Вас<ильевич> † 1942 стр. 30
 100. А. Ремизов стр. 8
 101. Рерих Н<иколай> Конст<антинович> стр. 47
 102. Рожанковский Фед<ор> Степ<анович> стр. 51
 103. Ринорэ (N. Rinoret) стр. 55
 104. Руднев Вад<им> Вик<торович> † 1940 стр. 43
 105. Руманов Арк<адий> Вениам<инович> стр. 51
106. Сван [*Alfred Swan*] стр. 36
 107. Сватиков Серг<ей> Григ<орьевич> † 1939 стр. 14
 108. кн. Святополк-Мирский Дм<итрий> П<етрович> † 1939 стр. 4
 109. Сеземан Вас<илий> Эм<ильевич> стр. 10
 110. Слоним Марк Львов<ич> стр. 11
 111. Солнцев Конст<антин> Ив<анович> стр. 54
 112. Сомов Конст<антин> Ал<ександрович> † 1939 стр. 16
 113. Степун Фед<ор> Август<ович> стр. 7
 114. Стефен [*Albert Steffen*] стр. 49
 115. Струве София Евг<еньевна> † 1945.13.II. стр. 52
 116. Игорь Северянин Иг<орь> Вас<ильевич> † 1939 стр. 37
 117. Сувчинский П<етр> П<етрович> стр. 3
 118. Сюпервьель [*Jules Supervielle*] стр. 53
119. Anta Zrsteajak стр. 55
 120. Тыркова-Вильямс Ар<иадна> Вл<адимировна> стр. 36
121. Унбегаун Борис Оттокар Генрихович стр. 43
122. Фельзен Юрий [*Николай Берн<гардович> Фрейденштейн*] стр. 77
123. Ходасевич Влад<ислав> Фелицианович † 1939 стр. 45
124. Чижов Глеб Вл<адимирович> (Холмский) стр. 54
125. Шаховской Иеромонах Иоанн (Дм<итрий> Алеекс<еевич>) стр. 38
 126. Шестов Лев Исаак<ович> Шварцман стр. 10
 127. Шклявер Георгий Гавр<илович> стр. 19
 128. Шкотт Ив<ан> Андρ<еевич> [*Болдырев*] † 1932 стр. 30
 129. Шленский Абрам Товиевич стр. 52
 130. Шмелев Ив<ан> Серг<еевич> стр. 49
 131. Шольтц Rudolf Scholtz стр. 55

132. Шюзеви́ль Jean Chuzeville	стр. 55
133. Янич Степ<ан> Григ<орьевич>	стр. 32
134. I.Priel	стр. 55
135. Ячиновский Вас<илий> Лукич	стр. 53

Автограф Серафимы Павловны

Записка, приколотая на двери мне: СП написала на моем рисунке [*мой бездумный набросок le dessin inconscient*¹, когда водила рука, а глаза были далеко].

Через 20 лет, проводя СП «в путь вся земли»² после 13.V.1943 г. я разрисовал.

Ушла, боюсь, поздно будет.

С. 229. На бессрочной каторге — См. характеристику этого вида наказания, которое предусматривалось уголовными кодексами, действовавшими в России в конце XIX — начале XX в.: «Каторжный приговор являлся самым суровым наказанием, связанным с лишением свободы. В перечне наказаний, предусмотренных законодательством за тяжкие преступления, он следовал сразу после смертной казни. Режим каторжных мест заключения был на порядок тяжелее всех остальных мест заточения и изоляции преступников. <...> Самой тяжелой мерой наказания <...> считалась бессрочная каторга» (Михеев А. П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX — начале XX века // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1: История. С. 151). Метафорическое значение названия *Книги IV* раскрывается в главе «На каторге» «каторжной идиллии» Ремизова «Учитель музыки»: «Я как-то понял, что все мы здесь на каторге, и притом на **бессрочной каторге**. Для меня вдруг осветились многие из наших поступков, только и объяснимые нашим бессрочно-каторжным состоянием. / Все друг друга ненавидят: везде одни враги. Если не открыто, то втихомолку каждый норовит нагадить другому. Постоянно шепчутся, озираясь. Какой-то всеобщий страх, что кто-то другой помешает и вырвет из рук. И это не от жадности, а от разъедающей нищеты. И никакой чести — это чувство за все эти годы выжжено и следа не осталось. И слова “заступиться” как не существует. Есть лицемерие, — но оно никого не обманывает: давно уж никто никому не верит. Но за то подхалимство и лесть

¹ *Le dessin inconscient* — бессознательный (у Ремизова «бездумный») рисунок (*фр.*).

² Т. е. похоронив. Выражение взято из Библии: «Приблизились время умереть Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря: вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен» (3 Царств. 2: 1–2).

действуют во всей своей силе и открывают верный, испытанный путь: может быть, это единственный способ достигнуть цели. / Те из каторжников, кто сумел захватить власть, мудруют над попавшими в зависимость каторжниками, и издеваются. Такая уж подлая натура. Или не в природе, а от развращающей привычки иметь дело с тупицами и всегда во всем согласной бездарностью. Но и то сказать: некуда деваться и поневоле согласишься. / Я принадлежу к каторжникам, всегда от кого-нибудь зависящим, я постоянно испытываю свое терпение, и надолго ли еще моей выдержки, не знаю, а знаю, что мое чувство не может — и должно как-то выразиться, и выразится безобразно и грубо, отчего первый сам же я и буду терзаться. Я никогда не был рабом, но если даже за эти годы я стал им, все равно, приходит срок, и рабы возмущаются. Друг про друга говорят одни гадости. Сочинить что-нибудь позорящее, оклеветать — первое удовольствие. И это стало второй природой — нашей каторжной природой. Сюда же относится и постоянный обман. Что говорить: русские избегают иметь дело с русскими. / Но не может быть, чтобы только одна дрянь заполняла русский Париж! Нет, это каторга сделала свое дело: за двенадцать-пятнадцать лет Эмиграции — вот ее работа! Но ведь человек в основе своей не изменяется — в этом убеждают все потрясения, которым мы были свидетели, — и каким человек родился, таким и умрет, несмотря ни на что, а обстоятельства его жизни лишь помогают развиваться его свойствам; и если я говорю «дрянь» и ссылаюсь на каторгу, то само собой, и без каторги этой дряни были корни» (*Учитель музыки-РК IX. С. 84*).

С. 231. «*W<ielmoż>ny Pan ~ będąciem rozmawiać*». — «Вельможный пан Зорембский»] / «Вельможный Леонард Кавашкевич, любезно прошу вернуть бутылку, которую вы забрали из моего ящика [стола], а если не отдадите, то будем разговаривать по-иному» (*польск.*).

...*Барсуков, Жизнь и тр<уды> Погодина*... — Ремизов ссылается на издание: «Жизнь и труды М. П. Погодина»: [с прил. подробного указателя ко всем 22 кн.]: Кн. 1—22 / [соч.] Николая Барсукова; изд. А. Д. и П. Д. Погодиных. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888—1910. Кн. 3. 1890.

С. 232. *Иван Самойлович Гетман* — Ремизов воспроизвел начертание подписи по изображению на фотографии.

С. 233. *Один из основателей «Евразийства» [с кн<язем> Н. Трубецким † и П. Савицким]*. — Евразийство как общественно-политическое движение возникло в среде русской эмиграции в 1921 г., после выхода сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София). Основными идеологами этого движения выступили культуролог и философ П. Н. Савицкий, лингвист и историк Н. С. Трубецкой, религиозный мыслитель Г. В. Фло-

ровский и П. П. Сувчинский. Евразийцы выдвигали историософскую и культурологическую концепцию России-Евразии как самобытной цивилизации, соединившей в себе элементы Востока и Запада.

С. 233. ...*что-то от П. Е. Щеголева...* — Имеется в виду Павел Елисеевич Щеголев. Знакомство Ремизова и Щеголева состоялось в 1900 г. в вологодской ссылке. В Вологде Ремизова приняли хорошо, однако Алексей Михайлович постоянно сомневался в Щеголеве. См. его запись от 6 июня 1904 г.: «Одно у меня желание: достать у П. Е. Щеголева I часть [“Пруд”] и сохранить у себя. А то у него пропадет...» (*На вечерней заре* 1987. С. 251). См. также запись от 19 июня 1904 г.: «Да, вспомнил, Маделунг говорит, что “там” [Б. В. Савинков] убеждены, что я умышленно допустил рождение ребенка, чтобы окончательно тебе отрезать путь к возвращению в лоно старых интересов и “жизни” [т. е. к революционной деятельности]. Вот почему, должно быть, П. Е. Щеголев не ответил на письмо и вообще замолчал. Одна у меня забота: выручить I часть “Пруда”. Восстановить по черновику почти что невозможно. Пришлось бы писать некоторые главы заново. Досадую, что не осталось точной копии. [Тут я ошибаюсь: П. Е. Щеголев ничего против меня...» (*На вечерней заре* 1987. С. 264–265).

...*называли его товарища по «той слабости» Лурье...* — Речь идет о композиторе, музыкальном критике Артуре Лурье (1891–1966).

Av. Mozart (Villa Flore) — С ноября 1923 по март 1928 г. Ремизовы жили по адресу: Villa Flore, avenue Mozart, 120.

...*Часар, Н. Г. Львова...* — Имеются в виду Лидия Александровна Часар (Чесар) и Нина Григорьевна Львова-Шипулина.

Он был душою «Версты» и меня никогда не гнал. — П. П. Сувчинский являлся одним из редакторов близкого к евразийству эмигрантского журнала «Вёрсты» (1926–1928), в котором публиковался Ремизов.

Догматик (от греч. Δογματικός) — в православном богослужении песнопение в похвалу Богородицы.

С. 234. ...*дважды заходила его сестра от двоюр<одной> сестры Кс. Корн. Вишневской...* — По-видимому, имеется в виду дочь политика Корнилия Евтихиевича Сувчинского (1856–1917).

...*из снобизма сделался большевиком, поехал в Россию.* — В 1932 г. Д. П. Святополк-Мирский при содействии М. Горького вернулся в Советский Союз, где в 1937 г. был арестован по «подозрению в шпионаже». Скончался в лагере под Магаданом в июне 1939 г.

...*«Contemporary Russian Literature» ~ «A History of Russian Literature» (до 1881 г.).* — Речь идет о написанных на английском языке книгах Д. П. Святополк-Мирского: «Современная русская литература: 1881–1925» (Contemporary Russian Literature: 1881–1925. London; New York, 1926) и «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» (A History of Russian Literature

from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). London; New York, 1927). В седьмой главе первой книги рассматривается творчество Ремизова.

...*Lecturer in Russian Literature at King's College, London.* (На его место потом Глеб Струве.) — Святополк-Мирский занимал должность преподавателя в Школе славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета (The School of Slavonic Studies of King's College, London University) с 1922 по 1931 г. По словам Дж. Смита, «получив место преподавателя в Школе, Святополк-Мирский стал первым и единственным штатным академическим специалистом по русской литературе в Великобритании» (Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890—1939. Oxford; New York, 2000. P. 94). В 1932 г. на этой должности Святополк-Мирского сменил литературовед Г. П. Струве, работавший в Лондонском университете до 1947 г.

...он к нам приходил несколько раз, когда жили в М<алом> Казачьем пер<еулке>... — В 1908—1910 гг. Ремизовы жили в Петербурге по адресу Малый Казачий переулок, дом 9, кв. 34.

С. 235. В NRF 1.IX.1931 он поместил свое «отречение от предрасудков» ~ об этом мечтал и André Gide. — В сентябре 1931 г. Святополк-Мирский опубликовал в журнале «La Nouvelle Revue Française» (сокр. NRF) статью «L'histoire d'une émancipation» («История одного освобождения»), в которой декларировал разрыв со своим дореволюционным и «белогвардейским» прошлым и эмигрантской средой. Говоря о том, что в те годы «это было модно», Ремизов указывает на увлечение социалистическими настроениями Андре Жида, опубликовавшего после длительного путешествия по Экваториальной Африке книги «Путешествие в Конго» (1927) и «Возвращение из Чада» (1928), в которых выражалось возмущение порядками, царящими во французских колониях.

...всю свою эмансипацию он строил на Покровском... — Ремизов имеет в виду советского историка-марксиста Михаила Николаевича Покровского (1868—1932). Несмотря на успешную карьеру при советской власти в 1920-е гг., в 1936 г., уже после смерти историка, в его адрес были выдвинуты политические обвинения в «вульгарном социологизме», «антимарксизме», «антипатриотизме» и «очернительстве истории России».

Pottmery — дорогая марка французского шампанского.

«Я не умею себе дать отчета... — Ремизов цитирует слова героя романа Ф. М. Достоевского «Игрок» Алексея Ивановича — образованного молодого человека, подверженного страсти к азартным играм (Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 616).

...его английская книга полнее истории Лютера. — Имеется в виду книга немецкого слависта Артура Лютера «История русской литера-

туры» (Лейпциг, 1924). Знакомство Ремизова и Лютера, вероятно, состоялось еще до 1917 г. «Лютер в 1919 году перевел на немецкий язык его «Легенды и рассказы»; и продолжал поддерживать с ним отношения и в эмиграции. 23 мая 1924 года он [Лютер. — *Ред.*] посылает Ремизову в подарок том «Истории русской литературы». В благодарности писатель в июне 1924 года приобретает Лютера к легендарному Обезьяньему Ордену (Обезвелволпалу) — возводит его «в Кавалеры Обезьяньего знака 1 степени с дупляным крылышком». <...> «...Буду прилагать все старания, чтобы оказаться достойным великой чести быть в числе кавалеров Обезьяньего знака!» — писал в своем благодарственном ответе новоиспеченный участник ремизовской игры» (*Харер К.* Тройные почести: А. Ф. Лютер и его «Воспоминания» / пер. М. Кореновой // Звезда. 2004. № 9. С. 160).

С. 235. *Когда-то судьба меня столкнула с его отцом...* — Отец Д. П. Святополка-Мирского Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, являвшийся заметным государственным деятелем в царской России, с 1895 по 1897 г. служил губернатором в Пензе, куда в 1897 г. был послан Ремизов «за подстрекательство к беспорядкам».

С. 235—236. *...Оловянишниковы славились на Москве...* — Оловянишниковы — древний купеческий род ярославского происхождения, известный с XVII в. Были знамениты как крупнейшие производители колоколов в Российской империи.

С. 236. *...слышал, он написал книгу о восточном искусстве, о Кавказе...* — Ремизов имеет в виду книгу «Études sur l'art médiéval en Géorgie et en Arménie» (Paris: E. Leroux, 1929) Ю. Ю. Балтрушайтиса-младшего (1903—1988), являвшегося по основному роду деятельности искусствоведом.

...читает лекции в Дрезденском университете. — С 1926 по 1937 г. Ф. А. Степун занимал должность профессора социологии в Дрезденском техническом университете (*нем.* Technische Universität Dresden, *сокр.* TUD).

Степун был выслан из России... — Операция советских властей по высылке из страны известных деятелей науки и культуры была проведена по инициативе В. И. Ленина в 1922—1923 гг. в рамках борьбы с антибольшевистской пропагандой. Пароходные рейсы из Петрограда были не единственными: высылки осуществляли также на пароходах из Одессы и Севастополя, а также поездами из Москвы в Германию и Латвию. Степун оказался среди пассажиров парохода «Пруссия» («Preussen»), отплывшего из Петрограда 16 ноября 1922 г. и прибывшего в немецкий город Штеттин (в наст. время польский город Щецин) через два дня. По его воспоминаниям, всем «высылаемым разрешалось взять: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, по две штуки всякого белья, две дневные рубашки, две ночные, две пары каль-

сон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены; даже и нательные кресты надо было снимать с шеи. Кроме вещей разрешалось, впрочем, взять небольшое количество валюты, если не ошибаюсь, по 20 долларов на человека; но откуда её взять, когда за хранение её полагалась тюрьма, а в отдельных случаях даже и смертная казнь» (*Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся: [мемуары]. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1—2. С. 621—622).

...*Изгоевым* (†). — Александр Самойлович Изгоев — литературный псевдоним А. С. Ланде.

Московский философ, философию разводили и на Собачьей площадке, где жил Бердяев... — Речь идет о Московском религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева (МРФО), существовавшем в Москве примерно с 1905—1906 по июнь 1918 г. Первым председателем МРФО был избран литератор и философ Г. А. Рачинский (1859—1939). Собрания общества происходили по разным адресам. *Собачья площадка* — неофициальное название исторического места, московской площади, существовавшей в XVIII—XX вв. на месте пересечения Кречетниковского, Дурновского, Борисоглебского, Собачьего, Малого и Большого Николопесковских переулков и улицы Большой Молчановки. Уничтожена в 1962—1968 гг. при прокладке проспекта Калинина (ныне Новый Арбат). В 1910—1917 гг. дом в Кречетниковском переулке, принадлежавший А. К. Герцыг и ее мужу, общественному деятелю, издателю ж. «Новый путь» и «Вопросы жизни» Д. Е. Жуковскому, был местом, где находился знаменитый литературно-философский салон. В 1914—1915 гг. в этом доме останавливался Н. А. Бердяев, когда приезжал в Москву из имения Бабаки под Харьковом. См.: *Кара-Мурза А. А.* Бердяевская Москва: (Опыт философского краеведения) // *Философские науки.* 2014. № 4. С. 70.

С. 237. ...*тут совсем уж комарин выходит.* — То есть уменьшаюсь, *букв.:* становлюсь комаром (*просторечн.*).

В детстве я хотел выйти из церкви ~ и стать <на> издрогшей перпти с нищими... — Ср. воспоминание Ремизова: «Я почувствовал обездоленность <...> Также как в церкви перед нищими, так в фабричных спальнях и каморках мне всегда было совестно и мне хотелось поменяться: стать в ряд с нищими и подыматься с гудком на работу» (*Кодрянская 1959.* С. 73).

С. 238. *Воспитание он получил в «Рус<ских> Вedom<остях>».* — С 1908 по 1916 г. М. А. Осоргин являлся иностранным корреспондентом в Италии общественно-политической газеты «Русские ведомости».

...*каждую неделю — статья в «П<оследних> Н<овостях>».* — М. Осоргин активно публиковался в эмигрантской газете «Последние новости», выходившей в Париже с 1920 по 1940 г.

С. 238. *Пример из письма Никитину о камне «алатырь», — и до чего это его оборот: «вот вы филологи ищете, а между тем в Тамбовской губ<ернии> есть река Алатырь».* — Речь, вероятно, идет об одном из писем Осоргина другу Ремизова востоковеду В. П. Никитину. Река Алатырь берет исток у поселка Стекланный, где находилось место схождения территорий трех губерний: Нижегородской, Пензенской и Тамбовской. Точная этимология названия Алатырь не установлена. По одной из версий, это слово происходит от древнего названия русского священного камня «Ала́тырь-ка́мень» (ла́тырь, бел-горюч ка́мень, синий камень, алабор, алабырь). Само слово «Алатырь-камень», по легенде, происходит от слова «алтарь» (лат. Altarium — жертвенник). Другая версия: слово имеет финно-угорские корни, идет от названия реки Улатър, что в переводе с чувашского означает звезду Сириус.

Вспоминаю, как он меня обвинял в «литературном засилии»... — Воспоминание о негативном отношении М. Осоргина к утверждаемой Ремизовым «теории русского лада», проявившемся в его критических статьях 1930-х гг. См., например, статью М. Осоргина «Литературные размышления. 80. О переводах» (ПН. 1939. № 664, 26 июня. С. 2).

...афонский старец Арсений. — Имеется в виду афонский старец Арсений (1775—1846), известный строгой жизнью подвижника и пользовавшийся большим авторитетом на Афоне.

С. 239. *...в Революцию С. Н. Булгаков сделал его приват-доцентом несуществующего Симферопольского Университета.* — Здесь говорится о кратковременной службе Л. И. Шестова в 1919 г. в открытом в Симферополе 14 октября 1918 г. Таврическом университете (через два года был переименован в Крымский университет им. М. В. Фрунзе; ныне Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе).

...был такой несчастный писатель Яновский... — Ремизов имеет в виду молодого писателя В. С. Яновского (1906—1989), описавшего свой опыт общения с Ремизовым и Шестовым в книге мемуаров «Поля Елисейские» (Нью-Йорк, 1983). Помимо неприятия литературного стиля Яновского, негативное отношение писателя к этому собрату по перу было связано с тем, что тот после Ремизова редактировал книгу Н. В. Кодрянской «Сказки» и возвращал оригинальные ремизовские варианты ее текстов к стандартам литературной нормы. См. подробнее: Алексей Ремизов. К сказкам Натальи Кодрянской / вступ. заметка, публ. и коммент. А. М. Грачевой // Текст и традиция: альм. СПб.: Росток, 2020. Вып. 8. С. 445—449.

...Л. Н. Толстой его называл «портной из Киева»... — Ремизов, по-видимому, неточно цитирует высказывание Л. Н. Толстого о Л. И. Шестове. По воспоминаниям М. Горького, в начале 1900-х гг. Толстой, открыв книгу Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше»

(1901), «засмеялся и сказал: “Вот какой смелый парикмахер, так прямо и пишет, что я обманул себя, значит, — и других обманул”. И далее: “Нельзя, говорит, жить, глядя на страшные призраки, — он-то откуда знает, лъзя или нельзя? Ведь если бы он знал, видел бы призраки, — пустяков не писал бы, а занялся бы серьезным, чем всю жизнь занимался Будда”; Шестов, заключил далее Толстой, “неверующий”» (*Горький М. Лев Толстой // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1951. Т. 14. С. 281–282*).

Ковно — название города Каунаса в период нахождения Литвы в составе Российской империи.

В Петербурге у А. В. Тырковой бывали собрания — «реценсионы»... — В 1912–1918 гг. квартира А. В. Тырковой в Санкт-Петербурге стала одним из самых популярных столичных салонов: здесь бывали многие писатели и поэты, политические и общественные деятели.

...товарищи по Тенишевскому... — Имеется в виду известное санкт-петербургское Тенишевское училище, выпускниками которого были в том числе О. Э. Мандельштам, В. В. Набоков, Б. М. Арцыбашев и мн. др.

С. 240. *Читает лекции агитаторские...* — В. И. Лебедев с 1919 г. проживал за пределами России, в эмиграции вел активную культурно-просветительскую деятельность.

Племянник критика Айхенвальда... — М. Л. Слоним по матери приходился племянником литературному критику Юлию Исаевичу Айхенвальду.

Кончил университет во Флоренции... — В 1912–1914 гг. М. Л. Слоним учился на факультете литературы и искусства Флорентийского университета. В 1914 г. возвратился в Россию и поступил на 4-й курс философского факультета Петербургского университета.

Прив<ат> доц<ент> Петерб<ургского> Универ<ситета>. Читает лекции в Сорбонне по истории рус<ской> литературы... — До революции 1917 г. К. В. Мочульский преподавал в Петроградском и Новороссийском университетах. После эмиграции в 1919 г. сначала преподавал в Софийском университете, затем, с 1922 по 1941 г., — в Сорбонне.

Ученик испаниста Петрова... — Имеется в виду Д. К. Петров.

...романо-германское отделение... — К. В. Мочульский в 1914 г. окончил романо-германское отделение Санкт-Петербургского университета.

...Версилов, псевдоним. — Псевдоним Мочульского заимствован из произведения Ф. М. Достоевского: Версилов — один из персонажей романа «Подросток» (1875).

Его книга о Гоголе, о Вл. Соловьеве и о Достоевском. — Ремизов перечисляет основные труды Мочульского: «Духовный путь Гоголя»

(1934), «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (1936), «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947).

С. 240. *Его отец ~ написал о Голубиной Книге и еще книга о Библейском в апокрифах...* — Отец К. В. Мочульского — культуролог, историк литературы Василий Николаевич Мочульский (1856—1920) — в 1889 г. защитил в Харькове магистерскую диссертацию «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге», а в 1893 г. — докторскую «Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности».

С. 241. *...мать Г. Л. Лозинского...* — Имеется в виду жена юриста Леонида Яковлевича Лозинского, мать Григория Леонидовича Лозинского (1889—1942) — филолога-романиста, переводчика, брата переводчика М. Л. Лозинского. В эмиграции с 1921 г.

Она и еще раз приходила, но уже одна — в 1943 г. к С<ерафиме> П<авловне>... — Речь идет о «прощальном» визите к СП, скончавшейся 13 мая того же года.

Ученый — старофранцузский читал тут в Сорбонне. — В 1921—1940-е гг. Г. Л. Лозинский читал курс «Введение в изучение древнефранцузского языка» в существовавшем в это время при Сорбонне Русском институте.

В Петербурге у него брат Михаил... — Брат Г. Л. Лозинского, поэт и переводчик Михаил Леонидович Лозинский, остался в СССР. С 1914 по 1938 г. работал в Публичной библиотеке в Петрограде (Ленинграде).

С. 242. *Оказался под стать «Летучей мыши» Балиева.* — Речь идет о московском театре пародий «Летучая мышь» под руководством режиссера и актера Никиты Федоровича Балиева. До 1917 г. А. А. Архангельский являлся заведующим музыкальной частью этого театра.

Он пермяк. — А. А. Архангельский родился 20 февраля 1881 г. в Перми. Его отец был почетным гражданином этого города.

...в 1902 г. вышел мой перевод у В. М. Саблина Родэ: «Гауптман и Ницше»... — Первая книга Ремизова — выполненный им вместе с В. Э. Мейерхольдом перевод с немецкого труда немецкого философа Альберта Родэ «Гауптман и Ницше. К объяснению “Потонувшего колокола”» — вышла в начале 1902 г. в серии «Библиотека классиков современной мысли», которую с 1901 г. издавал переводчик и книгоиздатель В. М. Саблин.

Зачем, Творец, для жизни бренной... — Стихотворение Ю. Балтрушайтиса позднее вошло в его сборник «Лилия и серп», впервые вышедший в Париже в 1948 г., уже после смерти автора.

С. 243. *Cours libres* — бесплатные курсы (фр.).

...в Гоститале Воен<но>-Медиц<инской> Акад<емии> в 1916 г. ... — В 1916 г. с 24 октября по 6 декабря Ремизов находился на обследова-

нии и лечении в военном госпитале по причине объявленного 23 октября призыва на военную службу ратников II разряда (мужчин в возрасте 38—41 года). 28 декабря Ремизов был признан негодным к военной службе и получил Билет, удостоверяющий его освобождение от исполнения воинского долга.

...его жена давно уехала от него и живет в Чикаго, Полина Васильевна. — П. В. Сватикова после революции 1917 г. сначала поселилась в Париже, училась в Сорбонне; сотрудничала с историком С. П. Мельгуновым. С 1928 г. жила в Чикаго. Участвовала в деятельности Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке (РООВА) в Нью-Йорке и Чикаго, с 1937 г. также являлась редактором журнала РООВА «Русский вестник». Составитель сборника стихотворений русских поэтов «Жемчужины русской поэзии» (1964).

...какой-то сексуальный оттенок... — Намек на название основного философского труда Б. П. Вышеславцева «Этика преображенного Эроса. Проблемы закона и благодати» (Париж, 1934).

...потянуло к «Новой Европе». — Ремизов использует выражение «Новая Европа» как риторический термин, намекая на то, что во время Второй мировой войны Вышеславцев переехал в Германию, где сотрудничал с нацистскими пропагандистскими органами и публиковался в антикоммунистических сборниках. После войны, спасаясь от французского суда, Вышеславцев был вынужден перебраться в Швейцарию.

С. 244. *...роман Т. И. Манухиной (Таманиной)...* — Имеется в виду роман Т. И. Манухиной «Отечество» (1933), опубликованный под псевдонимом «Т. Таманин». В произведении повествовалось о судьбах русской интеллигенции в сложный послереволюционный период. По словам Г. П. Струве, «этот длинный аллегорический роман <...> обнаруживавший сильную зависимость от Достоевского (тема революции дана в нем в духовном плане) и страдавший большими художественными недостатками, был интересен, как отмечала критика, как результат подлинного духовного опыта» (Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд, испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 187).

...издавала YMCA этот роман... — YMCA-Press, или ИМКА-Пресс (полное название: YMCA Press publishing house), — издательство русской книги под эгидой международной христианской ассоциации молодежи YMCA (сокр. от Young Men's Christian Association — Ассоциация молодых христиан (англ.)).

С. 245. *Мартышкино* — дачный поселок, возникший на территории между Сергеевкой и Ораниенбаумом при Петре I; в настоящее время часть города Ломоносова. В XIX в. в этом месте снимали дачи многие известные художники.

С. 245. *...учился в гимназии Мая...* — Петербургская школа Карла Мая — Санкт-Петербургское среднее учебное заведение, основанное педагогом К. И. Маем в 1856 г. С 1910 г. располагалось по адресу Васильевский остров, 14-я линия, дом 39. Многие выпускники школы достигли больших успехов в различных отраслях науки и культуры.

Как и Мочульский, «аскет». — Ремизов иносказательно указывает на нетрадиционную сексуальную ориентацию К. А. Сомова.

Последним состоял при нем — после Лукьянова — Бор<ис> Михайлович Снежковский... — После смерти своего близкого друга и натурщика М. Лукьянова Сомов сблизился с Борисом Михайловичем Снежковским, ставшим моделью для его нескольких поздних работ.

...премия дана Бунину. — См.: *Книга I*. Комментар. к с. 50.

И памятник ему поставили на могиле нескладный. — Памятник, установленный на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа на пожертвования французских издателей, представляет собой белый обелиск, повторяющий контуры византийского православного храма и увенчанный маковкой с «восьмиконечным» православным крестом. В нише имеется изображение Пресвятой Троицы в обрамлении слов из прошения молитвы Господней: «Да придет Царствие Твое».

С. 246. *...создать новую церковь (от Иоанна).* — Ремизов имеет в виду созданную Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус «Церковь Третьего Завета». Идеи для создания нового варианта христианской религии были заимствованы ими у итальянского богослова XII в. аббата Иоахима Флорского. Третий Завет должен был стать религией Святого Духа, своеобразным синтезом «правды о земле» (язычества) и «правды о небе» (христианства). См. также: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материалах «Дневников» Т. Н. Гиппиус) // *РЛ*. 2017. № 3. С. 222—242 (Статья 1); № 4. С. 166—194 (Статья 2).

Я был на похоронах — через силу: после моих бессонных ночей в 8 ч<асов> утра на Рю Дарю. — См.: *Книга II*. Комментар. к с. 142.

...по тем временам только Зиновьеву доступно. — Подразумевается революционер и соратник В. И. Ленина Григорий Евсеевич Зиновьев. После октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде 1918—1919 гг. Зиновьев занимал ряд высоких постов: председателя Совнаркома Петроградской трудовой коммуны, председателя Совнаркома Союза коммун Северной области и председателя Комитета революционной обороны Петрограда, а также члена Реввоенсовета 7-й армии.

...свой рассказ о Богородице. — Речь идет о рассказе А. И. Куприна «Сад Пречистой Девы» (1915).

«*Поединок*» (1905) — повесть А. И. Куприна.

Аничка-Аробожин-Адрианов чесали языком кто во что... — Ремизов перечисляет популярных литературных критиков начала XX в. (Е. В. Аничков, К. И. Арабажин, С. А. Адрианов), положительно отзывавшихся о творчестве А. И. Куприна.

С. 247. *Таким и повезли его в Россию умирать, нет, умереть.* — в 1937 г. А. И. Куприн, будучи безнадежно больным, приехал в СССР с целью быть похороненным на родной земле.

...очень верный человек [Рериху]. — Юрист и профессор Парижского университета Георгий Гаврилович Шклявер был верным последователем идей Н. К. Рериха. Писал статьи и брошюры, выступал с лекциями о Рерихе. В 1928 г. он разработал текст договора — так называемого Пакта Рериха. Г. Г. Шклявер является прототипом персонажа по прозвищу «Пакт», изображенного в не опубликованном при жизни Ремизова рассказе «Гороскоп». См.: *Ремизов А. М. «Фигли-мигли». «Гороскоп» / публ. А. С. Урюпиной // РЛ. 2022. № 3. С. 201–215.*

...Иванов-Разумник (10 лет провел в тюрьмах и кое-что рассказал, напечатано в довольно-таки неопрятной русской газете)... — В феврале 1933 г. Иванов-Разумник был арестован и сослан в Сибирь как «антисоветский элемент». В марте 1936 г. он был освобожден из ссылки, но уже в 1937 г. арестован снова по обвинению в контрреволюционной агитации. В июне 1939 г. Иванов-Разумник был освобожден. В 1941 г. он оказался на территории СССР (г. Пушкин, бывш. Царское Село), временно оккупированной немцами, и был вместе с женой вывезен в Восточную Пруссию, в лагерь для остарбайтеров в Кёнице. С августа 1943 г. жил в Литве. В 1945 г. Иванов-Разумник оказался в английской зоне оккупации Германии, планировал перебраться в США, но в июне 1946 г. скончался от инсульта. В 1942–1943 гг. в берлинской русскоязычной газете «Новое слово», придерживавшейся пронацистской ориентации, публиковались его статьи, в дальнейшем составившие книгу «Писательские судьбы» (первое отд. изд.: *Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы.* Нью-Йорк: Литературный фонд, 1951). См. подробнее: *Белоус В. Г. Испытание духовным максимализмом // Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки.* М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 5–22.

Написал не ученое, а вроде рассказа об Анне Ярославне. — В 1901 г. А. П. Воротников написал пьесу «Анна Ярославна, королева Франции» (1901), которая была вновь опубликована в 1930 г. в Париже.

Тот же «аскет», бабовидный... — См.: *Книга IV.* Комментар. к с. 245.

С. 248. *Архангельский семинарист...* — Историк и литературовед С. П. Постников был родом из Архангельска. В 1903 г. он закончил Архангельскую духовную семинарию.

...в детстве пел альтом — исполатчик. — Исполатчик — здесь: церковный термин (от греч. «Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα» [Ис полла эти, деспот-

та] — «На многая лета, владыко» (слова многолетия епископу)). Так называли малолетних певчих Синодального хора, исполнявших трио песнопения на архиерейских богослужениях.

С. 248. *Секретарь «Заветов».* — С. П. Постников — основатель, член редакции и секретарь ж. «Заветы» (1912—1914).

Потом с Черновым «Дело народа»... — В 1917—1918 гг. С. П. Постников был секретарем и членом редакции эсеровской газеты «Дело народа», сотрудником которой также являлся В. М. Чернов (1873—1952).

...секретарь был хороший при Иванове-Разумнике... — Имеется в виду время работы С. П. Постникова в ж. «Заветы».

...наш душеприказчик: его подпись под нашим духовным завещанием, обращенном к Наташе. — После 1945 г. Ремизов составил несколько завещаний, по-разному отражавших его последнюю волю. В последнем опубликованном тексте его «Духовной» (завещания), датированном 1957 г., Н. В. Резникова назначалась одной из душеприказчиц (вместе с Д. Г. Резниковым, А. С. и Тилетт Лурье, Н. В. и И. В. Кодрянскими) и наследницей его личной библиотеки. Местонахождение оригинала завещания не установлено. Текст опубл. в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (1962. № 18157, 25 ноября. С. 8). Републикован: *Петербургский буерак-РК X*. С. 417. В газетной публикации подписи свидетелей не указаны.

...женился на «американке»... — См.: *Книга I*. Коммент. к с. 61, 76.

О нем в «Северных Афинах». — См. главу «Северные Афины» книги Ремизова «Иверень» (*Иверень-РК VIII*. С. 474—511).

С. 249. *...его Сибирские рассказы, где с такой любовью о собаке.* — По-видимому, Ремизов ссылается на книги В. М. Зензинова о Якутии: «Русское Устье Якутской области Верхоянского округа» (М., 1913) и «Очерки торговли на севере Якутской области» (М., 1916).

...о его преданности к Ам<алии> Ос<иповне> Фондаминской. — В. М. Зензинов еще в 1901 г. избрал А. О. Фондаминскую, жену своего партийного товарища — общественного и политического деятеля И. И. Фондаминского, — своей Прекрасной Дамой и провел часть жизни рядом с семьей Фондаминских в традиционном для начала XX в. треугольнике «дружбы-любви» (подробнее см.: *Зензинов В.* Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 83—99).

...все его детство прошло в Новгороде под сенью Св. Софии Премудрости Божией... — Подробнее о детстве М. В. Добужинского см. его воспоминания: *Добужинский М. В.* Воспоминания. М.: Наука, 1987.

Художник в кругу А. Н. Бенуа, «Мир искусства»... — В начале творческого пути в 1902—1905 гг. М. В. Добужинский находился в творческое объединение «Мир искусства» и как художник находился под стилевым влиянием А. Н. Бенуа.

С. 250. ...памятно «Бесовское действо» ~ впервые выступал как декоратор. — Речь идет о процессе подготовки постановки пьесы Ремизова «Бесовское действо» (1908) в петербургском театре В. Ф. Коммиссаржевской. См. подробнее: Добужинский М. В. Ремизовское «Бесовское действо» // Добужинский М. В. Воспоминания. С. 229–232; Ремизов А. М. Бесовское действо (У В. Ф. Коммиссаржевской) // Петербургский буерак-РК Х. С. 251–256.

...делал обложки для моих книг: «Пруд», «Чертов лог», «Лимонарь» и «Морщинку» сказку иллюстрировал. — В. М. Добужинский проиллюстрировал целый ряд книг Ремизова, в том числе «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры, 1907), «Морщинка» (СПб.: Шиповник, 1907), «Часы» (СПб.: EOS, 1908), «Пруд» (СПб.: Сириус, 1908). См. свидетельство художника: «Первая мной иллюстрированная книжка для детей была “Морщинка” Ремизова. <...> В 1907 г. издавался его “Пруд”, и этот крайне мрачный его роман в духе Достоевского на меня сильно подействовал, и я с охотой сделал обложку (пожалуй, одну из самых удачных того времени), а потом “Пруд” толкнул меня написать и маслом картину на тему этого романа» (Добужинский М. В. Воспоминания. С. 277).

Знаю от него, что он написал «мемуары». — «Воспоминания» М. В. Добужинского впервые были опубликованы в СССР, в 1887 г., в серии «Литературные памятники» (Добужинский М. В. Воспоминания). Сразу же после смерти Ремизова его друзья намеревались собрать книгу воспоминаний о писателе, куда хотели включить и мемуарные записи художника. О крахе этих планов свидетельствует письмо О. Е. Колбасиной-Черновой дочери — Н. В. Резниковой — от 29 сентября 1957 г.: «В такой постройке книги нет места — высказываниям других людей. Она <Кодрянская. — Ред.> сначала думала привлечь Маковского, Добужинского, Степуна. Два первых наотрез отказались — у них свои книги, и о Ремизове тоже будет» (Цит. по: Грачева А. М. «Очень любила и знала очень давно...»: Алексей Ремизов в судьбе и творчестве Натальи Резниковой // Резникова 2013. С. 9).

...по его статье о Рисунках Пушкина. — Впервые М. В. Добужинский выступил с чтением своей статьи «Рисунки Пушкина» 4 декабря 1936 г. в Пушкинском кружке в Лондоне у А. В. Тырковой-Вильямс, затем, доработав текст, — в фойе зала Плейель в Париже на Пушкинской выставке 14 апреля 1937 г. (ныне эти материалы М. В. Добужинского хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета).

...был главою временного правительства... — А. Ф. Керенский занимал пост министра-председателя Временного правительства с июля по ноябрь 1917 г.

...повторяемое потом Сватиковыми. — Ремизов имеет в виду историков, подобных историку и общественному деятелю С. Г. Сватикову,

активно участвовавшему в февральской фазе второй русской революции, но после октябрьского переворота 1917 г. примкнувшему к Белому движению и эмигрировавшему за рубеж.

С. 250. ...*Минин с «жертвою жен»*... — В 1612 г. в Нижнем Новгороде Козьма Минин призвал горожан встать на защиту Родины от иноземцев: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом — кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. М.: Мысль, 1989. Кн. 4, т. 7—8. С. 641*).

«таксировать» — зд. от слова «такса», т. е. назначать, определять цену.

Незадолго до катастрофы 14 июля 1940... — 14 июля 1940 г. произошло присоединение Прибалтики к СССР; Эстония, Латвия и Литва были признаны советскими республиками.

С. 251. *Я ее когда-то очень любила, потом с нею ссорилась.* — См.: *Книга I. Комментар. к с. 48, 81.*

...*Зинаида* > *Николаевна* > думала, что «Оля» попадет в ее руки, она напишет. — Ремизов полагал, что З. Н. Гиппиус также рассчитывала написать произведение на основе биографии и воспоминаний СП, подобное его повести «Оля» (Париж: Вол, 1927).

С. 252. *Иван* > *Иванович* > помешался на «освещении». — Ремизов имеет в виду, что И. И. Манухин разрабатывал и применял метод лечения рентгеновскими лучами.

В Революцию в Петербурге он был первый доктор... — В 1917 г. И. И. Манухин работал врачом при Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима, оказывавшим помощь монархистам, заключенным в связи со следствием в Петропавловскую крепость, а после октябрьского переворота — попавшим туда же членам Временного правительства. Он также был активным деятелем Политического Красного Креста. Подробнее см.: *Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина / сост. и подгот. текста А. В. Говядинова; предисл. Т. И. Ульяновской. М.: Русский путь, 2015.*

...*лечил и Горького...* — Манухин лечил М. Горького от туберкулеза в 1913 г. в Италии. В 1920 г. его бывший пациент способствовал получению Манухиным выездной визы для отъезда с семьей из Советской России.

...*раньше был у Терещенко главным.* — Имеется в виду семья крупного предпринимателя и банкира М. И. Терещенко, принадлежавшая в старинному дворянскому зажиточному роду.

...в 45 лет написала бездарный роман (псевдоним Таманин). — О романе Т. И. Манухиной «Отечество» см: Книга IV. Комментар. к с. 244.

...во «Всемирной литературе»... — Издательство «Всемирная литература» (1919—1924) было организовано в Петрограде при Наркомпросе по инициативе М. Горького. Заведующий издательством — А. Н. Тихонов.

С. 253. *Вьшеславец* — см.: Книга IV. Комментар. к с. 243.

...из школы Пикассо... — И. А. Пуни получил начальное художественное образование дома, брал уроки у И. Е. Репина. Однако, совершив в 1910—1911 гг. поездку в Париж, открыл для себя творчество авангардистов, в том числе П. Пикассо.

Его дед Пуни, автор музыки, «Конька-горбунка». — В 1864 г. дед И. А. Пуни — итальянский композитор Цезарь Пуни (1802—1870) — в сотруничестве с Сен-Леоном создал первый балет на русскую национальную тему «Конек-Горбунок», либретто по сказке П. П. Ершова.

С. 254. ...он тоже — «аскет»... — см.: Книга IV, коммент. к с. 245.

Одну музыку его слышал: «Оду» Ломоносова. — Балет-оратория «Ода» (1928) была первой значительной музыкальной работой Н. Д. Набокова. Ремизов был на премьере и отозвался рецензией. См.: Ремизов А. М. Ода // *Петербургский буерак-РК X*. С. 270—271.

Кончил в Белграде, там он и преподавал русский. — И. Н. Голенищев-Кутузов в 1925 г. окончил Белградский университет по специальности «романская филология и югославская литература». В 1934 г. был избран приват-доцентом Белградского университета.

И попал в войну, какая судьба, не знаю. — Судьба И. Н. Голенищева-Кутузова в настоящее время хорошо известна. Во время Второй мировой войны он участвовал в антифашистском движении «Народный фронт», был узником концлагеря (1941—1944). В августе 1946 г. получил советское гражданство, в 1955 г. переехал в СССР. Работал в МГУ (1956—1958), был членом редколлегии серии «Литературные памятники».

...поехал в Россию, вернулся в Париж и опять поехал... — В 1918 г. С. С. Прокофьев выехал за границу с выданным А. В. Луначарским командировочным удостоверением и получил там нансеновский паспорт. В 1927 г. получил новый советский паспорт. Нансеновский паспорт Прокофьев сохранял до 1938 г. Во второй половине 1920-х и начале 1930-х гг. он активно гастролировал как пианист и дирижер, в том числе в 1927, 1929 и 1932 гг. посетил с выступлениями СССР. Прокофьев окончательно вернулся в СССР в 1936 г., хотя выезжал за границу в сезонах 1936/37 и 1937/38 гг.

С. 255. ...начинившись всякими пересудами за эти годы, он прислал мне письмо после смерти СП... — Имеется в виду, что у Ремизова в эмиграции сложилась репутация человека, поддерживавшего просовет-

ские связи. После смерти *СП* 15 мая 1943 г. Бердяев прислал Ремизову письмо с соболезнованиями из Кламара: «Дорогой Алексей Михайлович! Нас очень взволновала смерть Серафимы Павловны и вызвала воспоминание о далеком прошлом. В последние годы мы не встречались, а в последнее время, по-видимому, разошлись во взглядах и оценках, но это неважно перед таинством смерти. Вы не пишете, когда будут похороны. Мне <трудны> поездки в Париж, но я попытался бы приехать. Все больше и больше людей нашего поколения уходят. Мы надеемся как-нибудь Вас увидеть у себя. Душевный привет от Лид<ии> Юд<ифовны>. Душевно с Вами. Ник<олай> Бердяев» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 479).

С. 255. *О нем в «Северных Афинах».* — См.: *Иверень-РК VIII*. С. 494—495.

«Профессор» ~ учебный ~ Не то Педагогический, не то Раевский. — Ремизов характеризует профессиональные качества Н. К. Кульмана, иронически вспомнив высшие учебные заведения Санкт-Петербурга, предназначенные для обучения женщин. В 1903 г. на базе коммерческих педагогических курсов Воспитательного дома был учрежден высший *Женский педагогический институт* (с 1912 г. — Императорский) — первое в России государственное высшее учебное заведение, в котором готовили учительниц для гимназий. Ныне: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. Петербургские *Высшие историко-литературные и юридические женские курсы Н. П. Раева* — курсы высшего образования для женщин (1905—1917).

...от финляндской «вейки»... — Вейка (от финск. *veikko* — друг, товарищ). В дореволюционном Петербурге вейками называли финнов-извозчиков, приезжавших на Масленице в столицу для катания петербуржцев на запряжках лошадей, украшенных бубенцами и лентами.

...хотя сонного в нем, ни Вейдле, ни Сеземана не чувствовалось. — Ремизов сравнивает Кульмана с литературоведом В. В. Вейдле и философом В. Э. Сеземаном.

...давал уроки Олегу Константиновичу, который писал что-то детское о Пушкине. — Речь идет о князе Олеге Константиновиче Романове (1892—1914), сыне великого князя Константина Константиновича (известного как поэт К. Р.). Олег Константинович восхищался А. С. Пушкиным, подготовил к печати издание его автографов из коллекции Александровского лицея, профессором которого был Н. К. Кульман.

Тут был при Сорбонне и возглавлял русских заблудных «профессоров». — Н. К. Кульман являлся деканом Русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны (с 1922).

...с нею на курсах училась... — Наталья Ивановна Кульман, как и СП, была выпускницей историко-филологического отделения Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов.

На «Бесср<очной> каторге»... — см.: Книга IV. Коммент. к с. 229.

...ее брат Глеб, правая рука Дзержинского... — Брат Н. И. Кульман, Глеб Иванович Бокий, известен как революционер, деятель советских органов государственной безопасности, один из первых сотрудников организованной Ф. Э. Дзержинским ВЧК, председатель Петроградской ЧК в период начала «красного террора».

С. 256. Ученица Гревса... — Известный историк и медиовед И. М. Гревс с 1892 г. преподавал на Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах.

Когда Осоргин ее покинул, «выбрав» фитюльку (Бакунину)... — Ремизов неточно пересказывает события из жизни Осоргиных. Рахиль Григорьевна (Гиршевна) Гинцберг — вторая жена М. А. Осоргина, дочь литератора Ушера Исаевича Гинцберга (публиковавшегося под псевдонимом Ахад-ха-Ам). Брак Осоргина и Гинцберг распался в 1923 г., после эмиграции из России. М. А. Осоргин женился на Т. А. Бакуниной только в 1926 г. Рахиль Григорьевна повторно вышла замуж за художника и журналиста Н. В. Макеева (1887–1975). «Фитюлька» — ремизовское прозвище Т. А. Бакуниной.

...отравился вероналом. — Веронал, или барбитал (barbitalum), применяется в медицинской практике в качестве снотворного средства. И. А. Шкотт (Иван Болдырев) покончил с собой в 1933 г. Ремизов посвятил своему литературному ученику некролог «Над могилой Болдырева-Шкотта» (*Учитель музыки-РК IX*. С. 265–267).

Автор «Мальчики и девочки». — см.: Книга I. Коммент. к с. 66.

Описывает Моск<овскую> 4 гимназию, мне так памятную, там ~ учились два брата Саниных. — В 1884–1886 гг. Ремизов вместе с братом Виктором учился в 4-й Московской гимназии, но в 1887 г. они поступили в подготовительный класс Александровского коммерческого училища. Не ясно, о каких «братьях Саниных» идет речь. В «Списке выпускников Московской 4-й мужской гимназии с 1850 по 1899 год» указаны: «Самгин Владимир, 28 выпуск 1877 года» и «Самгин Николай, (с с<еребряной> м<едалью>), 27 выпуск 1876 года» (см.: Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899) / сост. директор гимназии Д. А. Соколов. М.: Тип. Рус. Т-ва печ. и изд. дела, 1899).

Кажется, написал книгу, называется «Черная ночь». — Среди книг словенского поэта О. Жупанчича (у Ремизова ошибочно: Жупанич) нет издания с указанным названием. Возможно, Ремизов имеет в виду его драматическое произведение под названием «Ночь верных душ» («Noč za verne duše», 1904).

С. 257. Конечно, талантливее Набокова, но несравненно ниже Прокофьева. ~ ученик Чайковского. — См. выше характеристики Н. Д. Набокова и С. С. Прокофьева. С. В. Рахманинов был представлен П. И. Чайковскому в 1886 г. в возрасте тринадцати лет, будучи учеником Н. С. Зверева в Московской консерватории.

«Редактор» «Русского Архива» в Белграде... — Федор Евдокимович Махин был основателем и редактором сербско-русского журнала «Русский архив» (1928—1937), посвященного политике, культуре и экономике России. В этом издании неоднократно публиковались произведения Ремизова.

Etoile — Площадь Звезды (фр. Place de l'Étoile) в западной части VIII округа Парижа. В 1970 г. была переименована в площадь Шарля де Голля (фр. Place Charles-de-Gaulle).

С. 258. ...что-то ее толкнуло в богословие и она в войну в Англии... — В эмиграции писательница Надежда Даниловна Городецкая стала глубоко верующей православной христианкой, ее духовным отцом был известный богослов, архимандрит Лев Жилле. Во второй половине 1930-х гг. она обосновалась в Великобритании, получила богословское образование в Бирмингеме. В 1945—1956 гг. читала курс лекций по истории русской религиозной мысли на богословском факультете Оксфорда. В 1956—1968 гг. руководила кафедрой славистики Ливерпульского университета. См. подробнее: Любомудров А. М. Надежда Городецкая: Очерк жизни и творчества // Городецкая Н. Д. Остров одиночества: Роман, рассказы, очерки, письма. СПб.: Росток, 2013. С. 5—36.

«Вечная память!» — Песнопение, используемое в православном богослужении для торжественного поминовения усопших.

Порто — Речь идет о португальском портвейне.

С Оцупами связаны у нас какие-то события... — Ремизов имеет в виду всё большое семейство Оцупов, принадлежавшее к древнему еврейскому роду.

...еще в Петербурге ~ фотография Оцупа... — Двоюродный брат Н. А. Оцупа Александр Адольфович Оцуп (1878—1920) был известным фотографом. Его фотомастерская располагалась на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы (в наст. время улица Некрасова).

С. 259. ...ее поднял Оцуп-Раевский... — Имеется в виду брат Н. А. Оцупа — поэт Георгий Авдеевич Оцуп (1897—1963), публиковавшийся под псевдонимом Г. Раевский.

Ундергрунде (искаж. от нем. der Untergrundbahn) — метро.

Александр Оцуп — Брат Н. А. Оцупа — поэт Александр Авдеевич Оцуп (псевдоним Сергей Горный; 1882—1948).

И когда я поднялся из-под автомобиля... — Речь идет о реальном дорожном инциденте. См. запись Ремизова от 1 июля 1926 г. в руко-

писи «На вечерней заре»: «“ACCIDENT” [Днем на остановке № 12 на Rue d’Auteuil наскочил на меня автомобиль и я упал на спину]» (Запись обведена зеленым карандашом; ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 299. Л. 75). Это происшествие нашло отражение в творчестве Ремизова. См. его описание в повести «По карнизам»: «Очень просто: подходил на остановке в трамвай сесть, а какой-то шалый автомобиль налетел сзади, сбил с ног — и повалился я на спину, и уж под самым носом стальная перекладина между колес, говорю: “конец!” — но тут точно шум крыльев, и крик. Автомобиль остановился. Я выпростал ноги, поднялся, как пухлячок, и медленно пошел домой: где-то, чувствую, по хвосту ударило и правую руку больно, она, как хвост» (*Зга-Росток XI*. С. 554). См. также миниатюру «Под автомобилем» в книге «Мартын Задека» (*Ахру-РК VII*. С. 382).

...за Ходасевичем, потом за Макеевым... — Н. Н. Берберова была замужем за В. Ф. Ходасевичем (1922—1932), затем за журналистом Н. В. Макеевым (1936—1947); о нем см. также комментарий о Р. Г. Гинцберг-Осоргиной: *Книга IV. Комментар.* к с. 256.

У него есть дядя... — По отцу В. С. Варшавский принадлежал к потомственному купеческому роду Варшавских, среди которых было много крупных финансистов и предпринимателей.

Мейдон — Имеется в виду Медон (*фр.* Meudon) — коммуна в юго-западном пригороде Парижа.

Отравился случайно героином. — 9 октября 1935 г. Поплавский скончался в Париже вместе со своим случайным знакомым С. Ярхо от отравления наркотическим веществом. По одной из версий, это было самоубийство, по другой — приятель Поплавского решил покончить с собой и захотел «прихватить» кого-нибудь на тот свет.

С. 260. ...то же, что Коневской для символистов, Дм<итрий> Веневитинов для пушкинского окружения, и Петров для Карамзина, для 30-х годов Станкевич, для Жуков<ского> Андр<ей> Тургенев. — Ремизов имеет в виду то, что Поплавский для молодых эмигрантских поэтов выступал как их идейный вдохновитель, т. е. был тем, кем были поэты И. И. Коневской (1877—1901), Д. В. Веневитинов (1805—1827), А. И. Тургенев (1781—1803), литераторы А. А. Петров (1764?—1793), Н. В. Станкевич (1813—1840) для молодых литераторов своего поколения. Ср. высказывание Ю. М. Лотмана: «Бывают яркие таланты, обещающие много, но мало или почти ничего не успевающие создать. Тепло и свет их таланта передаются потомству не прямо, а через творчество тех, кто зажег от них свой огонь. Таков был Андрей Тургенев, таковы были Станкевич и отчасти Веневитинов. Таков был и Александр Андреевич Петров» (*Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина*. М.: Книга, 1987. С. 41).

С. 260. ...он занимался и кабалистикой... — Имеется в виду увлечение Каббалой, религиозно-мистическим течением в иудаизме.

...соблазненный Нервалем. — Жерар де Нерваль отобразил свои подсознательные галлюцинации в повести «Аврелия» (1855). Также возможно, что Ремизов намекает на обстоятельства смерти французского писателя, который в 1855 г. в приступе депрессии покончил с собой (повесился на фонарном столбе в парижском переулке).

Зайцев выступил на год раньше меня в 1901 г. В том же «Курьере» у Леонида Андреева. — Б. К. Зайцев дебютировал рассказом «В дороге» в июле 1901 г. в газете «Курьер», в которой Л. Н. Андреев был заведующим литературным отделом. Год спустя, в сентябре 1902 г., в той же газете под псевдонимом Н. Молдаванов вышла первая публикация Ремизова «Плач девушки перед замужеством».

Но к Брюсову в «Северные Цветы» не попал... — Имеется в виду литературный альманах символистов «Северные цветы», издаваемый В. Я. Брюсовым в начале 1900-х гг. Иногда на страницы издания попадали и произведения явно случайных для символизма авторов.

...и дорога его Андреевская, к которой присоединились Бунин, Шмелев. — Ремизов указывает, что Б. К. Зайцев, так же как и Л. Н. Андреев, И. А. Бунин и И. С. Шмелев, являлся представителем неореалистического литературного направления.

Интересуется религиозными явлениями, написал о Преподобном Сергии. — Отсылка к книге Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» (Париж: YMCA-press, 1925).

С Верой Алексеев^{ной}, урожденной Орешниковой, наше знакомство с детства... — См. в книге Ремизова «Подстриженными глазами»: «Вся Москва играла теплым золотом. Нарядные сады, цветы в палисадниках <...> За Хлудовыми Орешниковы, за Орешниковыми Медведевы» (*Иверень-РК VIII*. С. 176—177).

«Простой» в старинном русском значении. — То есть «порожний, пустой, ничем не занятый, сам по себе» (*Толковый словарь В. И. Даля III*).

...фамилия немецкая забыл... — Борис Алекин родился в семье русско-немецкого происхождения, его настоящая фамилия — Пуль (Puhl).

...а вот убит (ранен) в войну 1941. — 22 июня 1941 г. Борис Алекин был призван в немецкую регулярную армию, где его определили на службу в качестве переводчика на Восточном фронте. Погиб в том же году.

С. 261. Называет себя «швабом», а на самом деле из «веек». — Ремизов указывает на финно-угорские корни В. В. Вейдле (см.: *Книга IV*. Коммент. к с. 255), хотя тот, по-видимому, причислял себя к немцам. *Швабы* — немцы, говорящие на особом швабском диалекте.

La vache qui rit — досл. «смеющаяся корова» (фр.). Здесь отсылка к изображению головы смеющейся коровы на этикетке плавленого сыра «La vache qui rit» («Веселая буренка»), выпускаемого во Франции с 1921 г.

Из Кишинева. — Д. М. Кнут родился в уездном городке Оргеев, расположенном в 41 версте от Кишинева. Детские годы писатель провел в Кишиневе и впоследствии подробно описал их в цикле «Кишиневские рассказы».

Женат на Ирине Кнорринг († 1942). — Юрий Борисович Софиев и поэтесса Ирина Николаевна Кнорринг обвенчались 20 января 1928 г. Ремизов неверно указал год смерти И. Н. Кнорринг: поэтесса скончалась от диабета 23 января 1943 г.

Принадлежал к «Северным богатырям»... — Возможно, речь идет об участии Ю. Б. Софиева в движении Сопротивления. См. запись Ремизова в ночь с 17 на 18 августа 1944 г., в которой упомянуты участники Сопротивления В. Андреев и Б. Сосинский: «Видел О. Е. Чернову и всех “Сосинских” и очень ярко Вадима. “Северные богатыри”» (ДМ-1. С. 117).

...на работах в Германии. — В 1943 г. Ю. Б. Софиев был угнан на работы в Германию.

С. 262. *...как у А<ндрея> Оболенского...* — См. характеристику А. В. Оболенского (№ 57): Книга IV. С. 260.

Петр Маркович Костанов — См.: Книга I. Коммент. к с. 51.

Альфред Альфредович Сван — См. в Аннотир. имен. указ.

Одно время и он и она... — Речь идет о жене А. А. Свана. В 1915 г. А. А. Сван женился на Екатерине Резвой (впоследствии Сван).

Пылких душ неосторожность... — Строки из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Гл. VIII, Строфа IX).

...на Вергежу... — Вергежа — родовое имя Тырковых на реке Волхов в Новгородской губернии, где прошло детство А. В. Тырковой-Вильямс. Отсюда ее псевдоним — Вергежский.

При Керенском был женский батальон. — Летом 1917 г. по инициативе военного министра А. Ф. Керенского с целью поднять патриотический настрой в армейских кругах был сформирован первый женский батальон под командованием М. Л. Бочкаревой.

С. 263. *Ее исследование о Пушкине непременно прочту.* — Имеется в виду двухтомник А. В. Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина» (Париж: YMCA-press, 1929—1948).

Марфа Посадница... — Ремизов сравнивает А. В. Тыркову-Вильямс с легендарной новгородской боярыней Марфой Посадницей (Марфой Борецкой), борющейся за сохранение независимости Новгорода от самодержавной Московской Руси в XV в.

С. 263. ...в своей повести «Дурачье»... — Речь идет о повести прозаика Анатолия Алферова (1902?—1954?) «Дурачье», опубликованной в журнале «Числа» в 1933 году (№ 7/8).

...«как это было интимно». — По-видимому, Ремизов иронически искаженно воспроизводит строку из стихотворения И. Северянина «Это было у моря» (1910): «Было всё очень просто, было всё очень мило...».

...вдруг стал писать рассказы (из воспоминаний)... — В 1934 г. А. Н. Бенуа начал работать над своими воспоминаниями. Эти мемуары под названием «Жизнь художника. Воспоминания» впервые были опубликованы отдельным изданием в 1955 г. (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова).

...из всей «аскетической» братии... — То есть среди лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. О значении слова «аскет» см.: Книга IV. Коммент. к с. 245.

С. 264. ...ладил с «Речью», потом с большевиками ~ записался в «Союз русских патриотов». — Ремизов намекает на склонность А. Н. Бенуа к оппортунизму. Бенуа сначала сотрудничал с газетой «Речь», являвшейся органом Конституционно-демократической партии (1906—1918); затем при большевистской власти, после октябрьского переворота 1917 г. и до 1926 г., — работал в Эрмитаже и занимался оформлением спектаклей петроградского Большого драматического театра; в эмиграции, с 1926 г. и до войны, печатался в кадетской эмигрантской газете «Последние новости»; наконец, в годы немецкой оккупации Франции публиковался в газете «Парижский вестник», возглавляемой членом нацистской партии Ю. С. Жеребковым. Ремизов допускает, что после окончания войны Бенуа снова мог «переметнуться», вступив в просоветскую эмигрантскую организацию «Союз русских патриотов» (впоследствии «Союз советских патриотов»), которая существовала во Франции с 1943 по 1948 г.

«Имейте в себе соль» (Слово Божие). — Цитата из Евангелия от Марка: «Соль — добрая вещь; но ежели соль не солона будет, чем вы ее поправите? Имейте в себе соль, и мир имейте между собою» (Мк. 9: 50).

...«аскетом» был, тоже... — О значении слова «аскет» у Ремизова см.: Книга IV. Коммент. к с. 245.

Chardon Lagache — Шардон-Ля-гаш (фр. Rue Chardon-Lagache) — улица, названная в честь врача Пьера Шардона, в XVI округе Парижа. Ремизовы жили в квартире на этой улице с осени 1923 г. до весны 1924 г.

В последние дни был арестован, говорят, увезли в Германию. — Во время оккупации Франции фашистами В. Д. Аитов был депортирован в лагерь Бухенвальд, затем содержался в лагере Лангенштейн, далее долгое время в Освенциме. Был освобожден в 1945 г.

С. 265. «Резистанс» (фр. Résistance) — Сопротивление, здесь имеется в виду сопротивление нацистскому режиму.

А читал он вроде Шмелева... — См. характеристику И. С. Шмелева: Книга IV. С. 275.

...муж б<ывшей> жены Осоргина ~ муж Берберовой. — Н. В. Макеев женился на Н. Н. Берберовой в 1936 г. См. выше комментарии к характеристикам Р. Г. Гинцберг-Осоргиной и Н. Н. Берберовой: Книга IV. Коммент. к с. 256, 259.

С. 266. «Я в этой дружине....» — Цитата из письма А. С. Грибоедова С. Н. Бегичеву от 4 сентября 1817 г.: «Брат твой — Иркутский полковник; поздравь его от меня, как увидишь. Неужто он явится в полк? Сделай одолжение, отговори его от этого. У него, кажется, перед глазами мой пример. Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год, как не могу попасть на путь истинный» (Грибоедов А. С. Соч. М.: Худож. лит., 1988. С. 62).

Гусар. — Н. В. Зарецкий окончил Тверское кавалерийское училище.

При эвакуации из Екатериносла<вля> что ли в 1919 г. он «бежал»... — По-видимому, речь идет об участии поручика Н. В. Зарецкого в Екатеринославском («Зимнем») походе (27 ноября 1918 — 2 января 1919), когда добровольческие части направлялись из Екатеринослава (совр. Днепрпетровск / укр. Днепр) в Крым с целью соединения с Добровольческой армией генерала Деникина. 26 января 1919 г. Екатеринослав был занят частями Красной армии.

...памяти Карповского переулка в Санкт-Петербурге. — Переулок в Петроградском районе в Санкт-Петербурге.

Ausweis — удостоверение личности (нем.).

Последняя надежда — Тунис. Но там он умер. — Ремизов ошибочно считал, что К. В. Дыдышко поселился в Тунисе. С 1929 г. до своей смерти в 1932 г. художник жил в Дании. См.: Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): биограф. словарь. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 196–198.

С. 267. *...на старости лет сделал себя писателем, выпустил пошлый роман.* — Единственный опубликованный при жизни автора роман Е. В. Аничкова «Язычница» (Париж, 1932) был написан по жанровым канонам бульварной беллетристики, пользующейся популярностью у массового читателя-эмигранта. В нем повествовалось о любовных томлениях и духовных поисках «язычницы» — московской барышни Саны, которые разворачивались на фоне событий из жизни московской и петербургской художественной интеллигенции и дворянства в период Первой мировой войны. В составе архивных материалов Е. В. Аничкова также сохранился целый ряд других беллетристических произведений, среди них: драматическая трилогия («Белокурая Сусанна» (1916), «Слуцкий уезд Минской губернии», «Мариша ак-

терка или Графы Тайницы» (1918)), рассказы, материалы неоконченного романа об Акире Премудром и пр. (материалы хранятся в *ИРЛИ РАН* и в Национальной библиотеке в Белграде).

С. 267. *Ученик А. Н. Веселовского...* — В 1886—1892 гг. Е. В. Аничков учился и окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Он был одним из самых талантливых учеников А. Н. Веселовского, влияние которого во многом определило методологию и область научных исследований Аничкова. См.: *Тименчик Р. Д.* Аничков Евгений Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: биограф. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А—Г. С. 77—78. Публикации статей Аничкова, в дальнейшем включенных в состав его монографии «Язычество и Древняя Русь» (СПб., 1914), повлияли на трактовку фольклорных тем в творчестве Ремизова.

...проболтал язык на общедоступных лекциях. — Публичные лекции Е. В. Аничкова пользовались большим успехом. См. воспоминания В. А. Пяста: «...Часто выступая и в публичных лекциях, и вне университетских стен, Е. В. Аничков знал секрет успеха у слушателей. По своему желанию он добивался аплодисментов любого вида, введя ряд подразделений в классификацию их с акустической стороны. Кроме “раскатистых”, “бурных”, “ровных” и т. п. общеизвестных видов — Е. В. Аничков умел добывать аплодисменты “бархатные”, “кошачьи”, “с хвостом”, и еще уже не помню как названные им видоизменения, — каждый сорт которых он мог вызвать к жизни по желанию, подержав с кем-нибудь предварительно относительно этого пари» (*Пяст В. А.* Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 114). См. также свидетельство Н. П. Анциферова: «Из Петербурга приехал профессор Евгений Аничков. Наш кружок в полном составе пошел слушать его лекцию о новой литературе. Аничков читал напыщенно, уснащал свою речь эффектами. Но это не оттолкнуло меня» (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. С. 127).

...эти его лекции об Арцыбашеве. — Речь идет об одном из аспектов деятельности Аничкова как востребованного лектора, откликнувшегося в своих выступлениях в том числе и на литературные новинки. После публикации в 1907 г. романа М. П. Арцыбашева «Санин», получившего невероятную популярность, главным образом в кругах учащейся молодежи, многие лекторы, и среди них Е. В. Аничков, стали включать рассмотрение творчества этого писателя в тематику своих выступлений.

После него остались «мемуары», несколько книг... — Основные работы Аничкова посвящены славянскому фольклору и отражению мифологических элементов в литературных произведениях. Среди них: «Литературные образы и мнения» (1904), «Весенняя обрядовая песня

на Западе и у славян» (СПб., 1903–1905. Ч. 1–2); «Предтечи и современники на Западе и у нас» (1910), «Язычество и Древняя Русь» (СПб., 1914); «Новая русская поэзия» (1923), «Христианство и Древняя Русь» (Прага, 1924); «Западные культуры и славянство» (Прага, 1926). В личном фонде Е. В. Аничкова (Сербская Академия наук и искусств (Белград). Ф. 8259) сохранились рукописи его мемуаров (см.: *Тименчик Р. Д.* Аничков Евгений Васильевич. С. 78).

...под сильным влиянием Пруста. — У литературных критиков русской эмиграции Ю. Фельзен имел прозвище «русский прустинец» из-за его следования стилистическим новациям французского писателя. См., например, характерный отзыв Г. Адамовича: «Одно имя неизменно упоминалось в каждом разговоре о Фельзене, то имя, без которого сейчас вообще не обходится ни одна беседа о наших молодых беллетристах и которое, надо сознаться, в огромном большинстве случаев “приемлется всеу”, не то от снобизма, не то по легкомыслию: имя Марселя Пруста. Пожалуй, из всех новейших русских беллетристов Фельзен — единственный, у которого следы увлечения Прустом действительно заметны. Он выбрал его своим учителем не по капризу литературной моды, а по душевному, неодолимому притяжению. Не подражая, а участь у Пруста, он остался самостоятелен. Самая характерная черта Фельзена — его “психологизм”, склонность к “копанию в своих переживаниях” <...> В отличие от Пруста, он мира внешнего как будто вовсе не видит. Не замечает» (*Адамович Г.* «Обман» Ю. Фельзена — «Болтовня» Л. Овалова — «История русской литературы» П. Когана // Адамович Г. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2002. Кн. 1. С. 392–393).

С. 268. *В молодости она была связана с Бородаевскими, с Маргаритой ~ А через нее с «духовными» науками.* — Имеется в виду поэт Серебряного века Валериан Валерианович Бородаевский (1876–1923) и его жена Маргарита Андреевна Бородаевская (урожд. Князева). Бородаевский постоянно находился в религиозно-философских поисках, его мировоззрение сформировалось под влиянием В. С. Соловьева и К. Н. Леонтьева (см. его статью 1903 г. «О трагизме в христианстве», в которой он попытался ответить на вопросы, в чем искать дух христианства и в чем его истинная сущность, а также осветить вопрос о трагизме в христианстве). Встречался с основателем антропософского учения Рудольфом Штайнером. М. А. Бородаевская полностью разделяла взгляды супруга. О контактах Бородаевского с Ремизовым см.: *Книга I.* Комментар. к с. 10.

В «оккупации» его выслали в Германию... — В 1943–1945 гг. Б. Г. Унбегаун находился в концлагере Бухенвальд.

Его жена Елена Ивановна, заместительница Е. Д. Кусковой... — Е. И. Унбегаун принимала участие в работе Республиканско-демокра-

тического объединения (1934–1936), идейным вдохновителем и лидером которого являлась общественно-политическая деятельница Екатерина Дмитриевна Кускова.

С. 269. ...*один из редакторов «Современных записок».* — «Современные записки» (Париж. 1920–1940) — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Редкол.: Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский, В. В. Руднев.

Москов<ский> Город<ской> Голова при Керенском. — В. В. Руднев занимал пост городского головы Москвы с 11 июля по октябрь 1917 г.

Несколько раз меня напечатал в «Современных Записках»... — Подробнее о сотрудничестве Ремизова с «Современными записками» см.: *Данилевский А. А., Доценко С. Н.* «Ведь и вправду: мое литературное бытие — курам на смех»: А. М. Ремизов // *Современные записки* (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. С. 434–523.

Мне кажется, он кончил самоубийством. — В. В. Руднев скончался от рака в 1940 г.

...недавно приехала из Берлина. — Р. Н. Блох и ее супруг М. Г. Горлин эмигрировали из Германии во Францию в 1933 г.

С. 270. ...*написал книгу «Гоголь и Гофман»...* — См. издание: *Gorlin M. N. V. Gogol und E. Th. A. Hoffmann.* Leipzig: Otto Harrassowitz. Kommissionsverlag, 1933.

Им покровительствовал Мазон... — С 1933 г. М. Г. Горлин работал ассистентом французского слависта Андре Мазона и был библиотекарем в *Institute des Etudes slaves*.

...«мышонка» сделал библиотекарем... — Мышонок — ремизовское прозвище М. Г. Горлина. См. также предыдущий коммент.

И бегали они в июне 1940 г. И вернулись, его арестовали, а она убежала. — М. Г. Горлин был арестован как еврей 14 мая 1941 г. и отправлен в Германию, где погиб в концлагере в апреле 1944 г. Р. Н. Блох была схвачена при попытке перехода швейцарской границы в 1943 г., в том же году скончалась в лагере Освенцим.

У нее есть брат Яков Н. Блох «Petropolis» в Берлине. — Издательство «Петрополис» было основано в Петрограде в 1918 г.; с 1920 по 1939 г. располагалось в Берлине. Его главой являлся Я. Н. Блох.

А когда-то в Петербурге книжная лавка: ему и досталась вся наша драгоценная библиотека в 1921 г. в июне. — Петроградское издательство «Петрополис», в числе основателей которого был и Я. Н. Блох, функционировало в начале большевистской власти больше как книжный склад. Речь идет о продаже Ремизовым части своей личной библиотеки перед отъездом из Советской России в августе 1921 г.

Променяли на «бессрочную каторгу»... — См.: *Книга IV.* Коммент. к с. 229.

Считают его помешанным на «Шестодневе»... — Шестоднев, или Гексамерон (от греч. ἑξάμερον), — распространенные в христианских письменных традициях произведения религиозно-философского характера, представляющие собой толкование первых глав книги Бытия и объяснявшие основы мироздания с точки зрения Библии и христианского учения. В 1930 г. у В. Н. Ильина вышла книга «Шесть дней творения», в которой утверждалось, что наука (прежде всего филология и естествознание) необходима для дешифрования библейского повествования о сотворении мира. Философ считал возможным определять Шестоднев как «миф», понимая при этом миф как «отражение глубинного видения сущности мировых процессов».

С. 271. *...приехал Ходасевич из Москвы, рассорившись с женой...* — В 1907 г. В. Ф. Ходасевич развелся с первой супругой Мариной Эрастовной Рындиной (1887—1983; во втором браке с 1911 г., Маковская).

Потом в Революции он жил у Горького: 68 нарывов по всему телу. — В марте 1920 г. Ходасевич заболел острой формой фурункулеза. В ноябре того же года он получил с помощью М. Горького паёк и две комнаты в писательском общежитии Дома искусств (ДИСК) в Петрограде.

Вторая его жена Анна Ивановна Чулкова... — Имеется в виду младшая сестра Г. И. Чулкова Анна Ивановна Чулкова — вторая жена В. Ф. Ходасевича (1917—1922).

...а хоронила какая-то безгласная. — Речь идет об Ольге Борисовне Марголиной (1890—1942), дочери ювелира, на которой В. Ф. Ходасевич женился в 1933 г.

...стал писать стихи — бездарные. — Л. И. Львов — автор сборника стихов «Венок» (Париж, 1938) и поэмы «Отъезд в Венесуэлу» (Париж, 1939).

Он состоял при Рахманинове, при Лифаре, при Попове ~ и уехал в Россию. — Ремизов утверждает, что Л. И. Львов был связан с С. В. Рахманиновым, С. М. Лифарем и неким Поповым — вероятно, потомком известного купца А. Г. Попова, владевшего в XIX в. успешным фарфоровым заводом в деревне Горбуново, — а затем уехал в Россию. В действительности же в годы Второй мировой войны Л. И. Львов сотрудничал в пронацистских изданиях, служил переводчиком в Русской освободительной армии генерала А. А. Власова. После войны некоторое время он находился в лагере в американской зоне на территории Германии. С 1945 г. жил в Мюнхене, работал на радио «Свобода».

С. 272. *...финансовый агент в царском правительстве.* — С конца 1890-х гг. П. Н. Апостол состоял на службе в представительстве Российской торговой палаты, затем — в российском посольстве во Франции.

С. 272. *«Товарищ» Председателя Общества Друзей Русской Книги»...* — П. Н. Апостол являлся председателем Общества друзей русской книги в Париже. См.: *Книга II*. Комментар. к с. 164.

Был арестован в оккупацию, говорят, что у него все конфисковано. — П. Н. Апостол погиб в лагере Освенцим. Его библиотека была вывезена в Германию оккупационными властями.

Дранси — нацистский концентрационный лагерь и транзитный пункт для отправки в лагерь смерти, существовавший в 1941—1944 гг. во Франции.

...его жена приятная, очень нервная (русская). — П. К. Паскаль с 1921 г. был женат на Женни Русаковой (Иоселевич), дочери эмигранта еврейского происхождения из Ростова, сестре композитора Поля Марселя.

Переводчик «Жития Аввакума» и исследователь... — П. К. Паскаль защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о протопопе Аввакуме «*Avvakum et les débuts du Raskol*» («Аввакум и начало раскола», 1939). О взаимоотношениях Ремизова и П. Паскаля см.: *<Грачева А. М.>* Комментарий к эссе А. М. Ремизова «По следам протопопы Аввакума» // *Звезда надзвездная-Росток XIV*. С. 683—703.

Разочаровавшийся «коммунист»... — П. К. Паскаль в 1918 г. при отзыве военной миссии отказался вернуться на родину и оставался жить в СССР до 1933 г., вступив в коммунистическую партию. Увидев репрессии новой власти, он пересмотрел своё отношение к большевизму и возвратился во Францию.

С. 273. *Пока у него только один бескорыстный ученик...* — Вероятно, *СП* намекала на Г. Г. Шклявера (см.: *Книга IV*. С. 247). Подробнее о взаимоотношениях Рериха и Ремизова см.: *Рерих Н. К.* Письмо А. М. Ремизову / публ. С. С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 196—199.

...заигрывает с большевиками... — В 1926 г. Н. К. Рерих посетил Москву, где встречался и беседовал с наркомом Г. В. Чичериным и А. В. Луначарским.

Жена его: Елена Ивановна. — Имеется в виду Елена Ивановна Рерих (урожд. Шапошникова; 1879—1955) — философ, писательница, общественный деятель. В браке с Н. К. Рерихом с 1899 г.

Фигура комическая. Считает себя явлением Сергия Преподобного. Спирит. — Ироническая оценка Ремизова, отражающая его отношение к мистическим теориям Н. К. Рериха, в частности, к «Учению живой этики», а также воспоминание о серии его картин «Знамена Востока» (1924—1925), на которых были изображены Великие Учителя человечества, ставшие основателями или духовными водителями мировых религий. В серию входит картина «Сергий-Строитель» (1925), на которой изображен Сергей Радонежский. Сам Рерих (а в дальней-

шем и его последователи) причислял себя к мистической когорте Великих Учителей. С 1900 г. Рерих участвовал в спиритических сеансах.

«С чувством благоговения вошел он во Троицкий Собор... — Цитата из очерка М. П. Погодина «Троицкая дорога» (1859).

Да, а в 1918 г. без всякого жара и усердия взяли Сергия и выбросили в помойку. — Неточность и недостаточная информированность Ремизова. 11 апреля 1919 г. по приказу советских властей с целью антирелигиозной пропаганды в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры в присутствии председателя и членов исполкома Сергиева Посада, двух докторов, представителей Народного комиссариата юстиции, губернского исполкома, рабочих, а также представителей приходов, волостных сходов, подведомственных лавре скитов, братии самой лавры и наместника архимандрита Кронида было произведено длившееся 2 часа вскрытие раки, в которой хранились мощи основателя обители св. прп. Сергия. Вся процедура открытия раки и освидетельствования находившихся в ней человеческих останков протоколировалась, фотографировалась и снималась на киноленту. Мощи были оставлены открытыми под стеклянной крышкой для обозрения. В 1920 г., после принятия Декрета о судьбе Троице-Сергиевой лавры и ее закрытия, мощи св. прп. Сергия были выставлены на обозрение как один из экспонатов открытого на территории лавры атеистического музея, а также неоднократно вывозились на временные выставки. В 1945 г. рака с мощами была вновь перенесена в Троицкий собор. В 1946 г. Троице-Сергиева лавра была заново открыта как монастырь, и рака с мощами св. прп. Сергия была передана Русской православной церкви.

По рекламе — Лифарь! — Ремизов иронически сравнивает всевозможные усилия Рериха по привлечению внимания общественности к своим художественным и религиозно-мистическим проектам с рекламными уловками по созданию и поддержанию имиджа знаменитого артиста балета С. М. Лифаря.

Встреча с ним — к получению денег. — См. выше комментарии к характеристике Н. А. Оцупа: *Книга IV*. С. 258—259.

Софья Алексеевна Оцуп-Рейман — Г. А. Раевский первым браком был женат на художнице и журналистке Софии Александровне Оцуп-Раевской (1907—?).

Пишет иконы. — С. А. Оцуп-Рейман являлась членом общества «Икона» в Париже. В 1950-е гг. она по поручению общества участвовала в росписи царских врат Успенской церкви на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

С. 274. Бывший министр, историк, общественный деятель, член Госуд<арственной> Думы... — П. Н. Милюков являлся членом III и IV Государственных дум (1907—1917), затем в 1917 г. — министром иностранных дел Временного правительства.

С. 274. ...когда выслали М<млюкова> в Рязань. — В 1895 г. приват-доцент Московского университета П. Н. Милюков за высказанные на выездной лекции антиправительственные высказывания был отстранен от преподавания и сослан в Рязань на 2 года (1895—1897). Этот факт широко обсуждался прогрессивной общественностью того времени.

...как он фальшиво читал документы XVI—XVII в<еков>. — Ремизов, вероятно, имеет в виду деятельность П. Н. Милюкова как историка, в том числе его выступления в качестве лектора.

Меня, как писателя, не выносил ~ в П<оследних> Н<овостях> про-скальзовали «черти». — С 1921 по 1940 г. П. Н. Милюков был главным редактором газеты «Последние новости», в которой многократно печатались произведения Ремизова, несмотря на разницу эстетических позиций писателя-модерниста и ученого. В юбилейной статье к 80-летию историка Ремизов вспоминал: «До Парижа я не встречался с Милюковым. <...> Но только здесь на “каторге” мы встретились. И что же оказывается: главный “гонитель и мучитель” моей “чертовщины” — называют Милюкова. “Непонятно”, как это принято говорить про мое, и что я сам объясняю главным образом складом моей речи, которую все русские люди, “окруженные иностранцами”, или забыли или никогда и не знали — Милюков такого не скажет: он по всем ладам ходит и во всех русских веках, к слову глух. “Но, — говорят, — ни чертей, ни снов, этого Павел Николаевич не любит!” А кто-то от себя уж прибавил: “И чтобы без всяких рисунков (зайцев и прочих неподобных зверей)”. А ведь у меня редкий рассказ без сна, ну, и всякие дриады <...> Было такое утро <...> по нашей улице навстречу мне Павел Николаевич. <...> И в голосе его, и как смотрел он, было столько добродушия, так не может говорить и так не смотрит, кто гонит» (*Петербургский буерак-РК X. С. 374*).

...вроде Рощина, Ставрова, Ладинского... — Ремизов перечисляет известных в эмиграции литераторов второго ряда Н. Я. Рощина, П. С. Ставрова, А. П. Ладинского.

О нем я много написал в своей *Интермедии* в книге «Сквозь огонь скорбей». — Н. Н. Евреинов, живший в том же, что и Ремизов, доме номер 7 по улице Буало, особенно сблизился со своим соседом в годы немецкой оккупации Парижа. Это нашло отражение в основанной на документальной основе повести-хронике Ремизова «Сквозь огонь скорбей», в дальнейшем включенной писателем в роман «В розовом блеске». См.: *В розовом блеске-Росток XV* (по указ.). Ремизов включил некролог Н. Н. Евреинову «Потихоньку, скоморохи, играйте!» в состав своей книги «Петербургский буерак». См.: *Петербургский буерак-РК VIII. С. 359—362*.

С. 275. *Жена Евреинова* ~ написала роман «*Je veux concevoir...*». — Имеется в виду актриса, писательница, переводчица Анна Александровна Кашина-Евреинова, автор романа «*Je veux concevoir...*» («Хочу зачать...» (фр.); опубл.: Paris: Les éditions de France, 1930). До встречи Евреинова с Кашиной его близким другом и соратницей была актриса и режиссер Наталья Ильинична Бутковская (1878—1948).

Ярославка... — А. А. Евреинова-Кашина родилась в Ярославле.

...потерял любимую жену (Ольга Александровна). — О. А. Шмелева скончалась в 1936 г.

Происхождение: дед гробовщик, отец подрядчик. — И. С. Шмелев происходил из крестьянского и купеческого сословий. См. также воспоминания П. Ковалевского о И. С. Шмелеве: «Родился он 21 сентября 1873 года в Москве, в крестьянской семье, занимавшейся уже в течение трех поколений торговлей деревянной посудой. “Мы из торговых крестьян, — говорил он мне, — коренные москвичи старой веры”. <...> Отец Ивана Сергеевича разбогател, расширил свою торговлю, стал подрядчиком по постройкам; владел под конец жизни баржами на Москве-реке, садками и банями. Он же традиционно в течение десятилетий строил будки на Вербном базаре» (Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: Сб. / под ред. Вл. А. Маевского. München: Dr. Peter Belej, 1956. С. 18).

...а когда представляет ~ прямой от Горбунова. — Сравнение с Иваном Федоровичем Горбуновым (1831—1895) — писателем и актером, мастерски читавшим свои собственные произведения из жизни русского простонародья.

С. 276. *Считается заместителем Рудольфа Штейнера.* — В 1925 г. основатель Антропософского общества философ Рудольф Штейнер назначил Альберта Штеффена своим преемником на посту председателя общества. В парижской библиотеке Ремизова имелись книги А. Штеффена с дарственными надписями писателю.

Souvenir d'une belle soirée — воспоминание о прекрасном вечере (фр.).

Mme Cremieux — урожд. Marie-Anne Compène; ее супругом был французский писатель Бенжамен Кремье (Benjamin Crémieux; 1888—1944).

Дранси — См.: Книга IV. Коммент. к с. 272.

...потом в Веймар. — рядом с немецким городом Веймар (нем. Weimar) располагался концентрационный лагерь Бухенвальд.

...соединила с Paulhan'ом... — С Жаном Поляном связаны литературные контакты Ремизова с ж. «La Nouvelle Revue Française» и публикация на французском языке его книги «Подстриженными глазами»: A. Remizoff. Les yeux tondus / Trad. N. Reznikoff. Préface de M. Arland. Paris: N.R.F. Gallimard, [1958].

С. 276. *Племянник Золотницкого, а женат на Винавер.* — Л. А. Гринберг был женат на Софье Максимовне Гринберг-Винавер (см. Аннотир. имен. указ.). В эмиграции жил во Франции; торговал антикварным искусством и книгами; являлся совладельцем и администратором киевской антикварной фирмы Золотницких, которой в 1920—1930-е гг. принадлежала популярная у собирателей икон и русского прикладного искусства парижская галерея «A la Vieille Russie» (в русском варианте — «У матушки-России»; буквальный перевод — «В старой России»).

Профессор французской литературы в Манчестере... — С 1933 г. Е. М. Винавер являлся профессором Манчестерского университета и заведовал кафедрой французского языка и литературы.

Б. Темирязев — литературный псевдоним Ю. П. Анненкова.

...с его теткой Анненковой-Бернар... — См. в Аннотир. имен. указ.: *Анненкова-Бернар Н. П.*

С. 277. *Но в его книгах автор неизвестен, пишется со слов...* — Ремизов отметил, что книги, на которых стоит фамилия Лифаря, написаны на основании его устных рассказов литературными «неграми». См.: «Манифест хореографии» (1935), «Серж Дягилев, его жизнь, его работа, его легенда: интимная биография» (1940) и др.

По рекламе только можно сравнить с Рерихом. — Зеркальное отражение сходной оценки способностей к самопиару Н. К. Рериха. См.: *Книга IV. С. 273.*

А «момент» ловит его брат Леонид. — Отмечена роль Л. М. Лифаря как коммерческого и рекламного агента брата.

«Ramage graphique» — «графическое узорчье» (фр.).

О Леониде в моей книге «Сквозь огонь скорбей». — См.: *В розовом блеске-Росток XV* (по указ.).

«В Россию можно только верить». — Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866).

С. 278. *Иллюстрировал мою сказку про «Мышек»...* — Вероятно, речь идет о сказке Ремизова «Кошки и мышки» из книги «Посолонь» (1907), впервые опубл.: Золотое руно. 1906. № 4. С. 125—126. Не удалось выяснить, для какого издания предназначались иллюстрации Ф. Рожанковского.

...я вспоминаю его прошлое, «Русское слово», его славу и как перед ним ходили на цыпочках... — С 1907 по 1918 г. Руманов являлся заведующим петербургского отдела московской газеты «Русское слово». См. о нем в книге Ремизова «Петербургский буерак»: «Посылали меня к Руманову на Морскую — А. В. Руманов, заведующий петербургским отделением “Русского слова”, принимал с 8 утра в постели. Напуганный неудачами, я сидел на кончике стула, тиская мои рукописи. Руманов говорил по телефону. Перед Румановым в те годы заискива-

ли и лебезили, таких посетителей, как я, бывали сотни <...> Принял он меня очень ласково» (*Петербургский буерак*-РК X. С. 206, 217).

Профессор Сорбонны. — Жюль (Юлий Антонович) Легра преподавал в Сорбонне с 1929 г. См. также: *Книга I*. С. 47—48.

Его называют Mr. Трикэ, где это его встречал Пушкин... — Ср.: «С семьей Панфила Харликова / Приехал и мосье Трике, / Остряк, недавно из Тамбова, / В очках и в рыжем парике. / Как истинный француз, в кармане / Трике привез куплет Татьяне / На голос, знаемый детьми: / Reveillez vous, belle endormie» (*Пушкин А. С.* «Евгений Онегин», Гл. V, строфа XXVII).

«История рус<ской> литературы». — Имеется в виду книга: *Le-gras J. La Littérature en Russie*. Paris: Armand Colin, 1929.

С. 279. *...жена незначительного «поэта» М. А. Струве...* — Подразумевается поэт и критик племянник П. Б. Струве Михаил Александрович Струве (1890—1949).

Напоминает Вас<илия> Вас<ильевича> Успенского ~ с Карташовым ходил весь улыбающийся. — В 1901 г. доцент Петербургской духовной академии В. В. Успенский был одним из учредителей Религиозно-философских собраний (впоследствии Петербургское религиозно-философское общество) вместе с А. В. Карташевым, В. В. Розановым, Э. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским, Д. В. Filosoфовым и активно участвовал в их работе. В 1903—1904 гг. он сотрудничал в ж. «Новый путь», в 1905 г. — в ж. «Вопросы жизни».

...перевел «Евг<ения> Онегина» на еврейский язык. — Авраам Шлёнский перевел «Евгения Онегина» на иврит в 1937 г.

Наполовину эстонец. — Отец Ю. П. Иваска Павел Иваск был эстонцем по национальности (фамилия Иваск имеет эстонское происхождение), а мать Евгения Александровна (урожд. Фролова) была внучкой русского художника Семена Живаго.

Занимался Озеровым. — Имеется в виду драматург и поэт В. А. Озеров (1769—1816). Его творчество входило в круг литературоведческих интересов Иваска. См., например: *Иваск Ю.* Заметки читателя (об Озерове, Грибоедове, Батюшкове) // *Опыты* (Нью-Йорк). 1955. № 4. С. 87—109.

А дядя его известный библиофил в Москве. — Дядя И. П. Иваска Удо Георгиевич Иваск (1878—1922) — художник, коллекционер-библиофил, член Русского библиографического и Русского библиологического обществ. С 1897 по 1922 г. он жил в Москве, где в 1905 г. основал Общество любителей экслибрисов. В 1917 г. И. Иваск был одним из создателей Российского библиографического института и Книжной палаты. В 1922 г. он переехал в Эстонию, где и умер.

С. 280. *Remords* — здесь: сочувствие (*фр.*).

С. 280. *А она все свои силы — всю душу — на Лифаря.* — Фанатичная увлеченность О. Ф. Ковалевской С. Лифарем запечатлена Ремизовым на страницах повести «Мышкина дудочка». См.: Ремизов А. М. Мышкина дудочка // *Петербургский буерак-РК X* (по указ.).

Jules Supervielle — См. Аннотир. имен. указ.: *Сюпервьель Ж.*

...он рассматривал моих «Сомнамбулов»... — речь идет о рассказе Ремизова «Лунатики» (опубл.: Русские записки (Париж). 1939. № 19. Июль. С. 3—12). Позднее текст вошел в книгу Ремизова «Подстриженными глазами» (Париж: YMCA Press, 1951).

Макотра — широкий глиняный конусообразный горшок с шероховатой внутренней поверхностью для перетирания маковых, конопляных или льняных семян.

Лунатиков он устроил в Аргентине. — Имеется в виду публикация Ремизова: *Los sonámbulos* // *Sur*. 1939. № 63, 1 dic. P. 24—33. (Лунатики. Пер. на исп. Без указания переводчика).

Там и теперь он скитается. — Ж. Сюпервьель в 1939—1946 гг. жил в Монтевидео (Уругвай).

Главный «водопроводчик» (другой А. Оболенский), так его окрестила Кошатница Блаженная. — В годы немецкой оккупации Парижа В. Л. Ячиновский и А. В. Оболенский неоднократно оказывали Ремизовым практическую помощь по мелкому квартирному ремонту (чинили водопровод, вставляли выбитые взрывной волной оконные стекла и т. п.). См. их характеристику в романе «В розовом блеске»: «Два основных стекла вставили в августе “главные водопроводчики”, как почтительно называла их одна из наших безумных — “Блаженная”, она же и “Кошатница»» (*В розовом блеске-Росток XV*. С. 522). См. также Аннотир. имен. указ.: *Оболенский А. В., Полякова А. Н.*

С. 281. *...(немецкого происхождения, отец генерал).* — Н. В. Кодрянская родилась в семье генерала из остзейского рода Гернгросс.

«Собачка» — прозвище Кодрянской, данное ей СП.

...а я просматривал ее сказки ~ 5 лет как уехали. — Кодрянские вернулись в Париж в 1945 г. Кодрянская продолжила литературную учебу у Ремизова. В 1950 г. в Париже вышла ее первая книга «Сказки» с иллюстрациями Натальи Гончаровой и предисловием Ремизова. Писатель активно участвовал в редактировании и доработке текста сборника. См. подробнее: *Грачева А. М.* Последняя литературная ученица Алексея Ремизова: (Н. Кодрянская на страницах «Дневника мыслей») // *Зрелость как сюжет: Статьи и материалы.* Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2019. С. 87—96.

...только муж — Ися. — См. Аннотир. имен. указ.: *Кодрянский И. В.*

Владимир Владимирович Бутчик — В. В. Бутчик работал в русском книжном магазине в Париже, где и состоялось его знакомство с Ремизовым, которому он помогал литературой и библиографическими

справками. См. подробнее: *Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / Publ. Sinany-Mac Leod H. // Revue des études slaves. 1981. Т. 33, fasc. 2. P. 293–312.*

Составил библиографию франц<узских> переводов с русского. — После Второй мировой войны В. В. Бутчик работал библиографом в *Institute des Études slaves*. См: его работу «Библиография переводов русских книг на французский» (1951).

Он и шофером сделался, чтобы мечтать... — В эмиграции Г. В. Чижов работал шофером такси, был председателем Общества взаимопомощи русских шоферов (1935), сотрудничал с журналом русских таксистов «За рулем».

Персидский консул. Сосед. Родом <из> Костромы. А воспитание — Варшава. — В. П. Никитин родился в Польше (г. Сосновец). В 1904 г. окончил 6-ю Варшавскую гимназию, затем учился в Москве и Санкт-Петербурге, окончил Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. С 1909 по 1918 г. находился на дипломатической службе в Персии (Иране). С 1943 г. сосед Ремизова по дому № 7 на парижской улице Буало.

Его прадед у Сперанского. — См. Аннотир. имен. указ.: *Сперанский М. М.*

С. 282. *Алерт (фр. alerte)* — воздушная тревога.

Сын протоиерея. Книжник. Кончил с СП Пет<ербургский> Археологический Инст<итут>. — К. И. Солнцев был сыном настоятеля собора. Окончил духовную семинарию, затем Историко-архивный институт в Санкт-Петербурге.

Чуть было Кошатица его не женила... — *Кошатица* — ремизовское прозвище А. Н. Поляковой (см.: *Книга IV*, коммент. к с. 280).

Я много дал из моего архива. — В 1947 г. К. И. Солнцев забрал архив Ремизова 1920–1930-х гг., переданный ему писателем для организации единого архивохранилища русской эмиграции, и без разрешения увез архив в США. После смерти Солнцева архив был приобретен американским коллекционером и меценатом Томасом Уитни; в настоящее время находится в Центре русской культуры при Амхерст-колледже (Массачусетс, США).

Министр юстиции при Керенском. — П. Н. Переверзев был министром юстиции Временного правительства в 1917 г.

...собутельник П. Е. Щеголева. — О П. Е. Щеголеве см.: *Книга IV*, коммент. к с. 233.

Mirca Pretnar. — Словенский поэт Мирко Претнар познакомился с Ремизовым в апреле 1927 г. У него было с собой письмо от Г. Г. Шклявера, рекомендовавшего гостя как «большого друга России», очень интересующегося произведениями писателя.

С. 283. *Robert Vivier* / Бельгийский писатель. Перевел «Крестовые сестры». — См. перевод Р. Вивье: *Alexei Rémičov. Soeurs en croix: Roman* / Trad. et introd. par R. Vivier. Paris: Les éd. Rieder, 1929.

«Аскет» — о значении слова у Ремизова см.: *Книга IV*, коммент. к с. 245.

Herwarth Walden. — См. Аннотир. имен. указ.: *Вальден Г.*

Редактор-издатель «Sturm'a». — «Der Sturm» — немецкий литературный журнал, издававшийся в 1910—1932 гг.

КНИГА V

Ремизов А. М. Дневниковые записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга V. Париж. 1915—1939; апрель 1945 г. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 291. 81 + III л.* Далее: *Книга V*.

Рукописные тексты-источники:

1) *Ремизова-Довгелло С. П.* Дневниковые записи. 1 янв. 1916 — 12 марта 1918 г. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1063. 29 л.*;

2) *Ремизова-Довгелло С. П.* «Господа наши друзья...» Записка. Март 1917. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1065. 1 л.*;

3) *Ремизова-Довгелло С. П.* Дневниковые записи. 4/27 окт. 1918 — 20 июня 1926 г. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1066. 15 л.*;

4) *Ремизов А. М.* «Откуда пошла» «Взвихренная Русь». Дневник. Пг. 1917—1921 гг. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 236. 126 л.*;

5) *Ремизова-Довгелло С. П.* «В лазарете». [1915]. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1067. 9 л.*;

6) *Ремизов А. М.* Manuscript for typesetting of part II with editorial corrections [Наборная рукопись II части с редакторскими пометами]. 1926 // *Amherst. Vox 16. F. 28. 306 p.*;

7) *Ремизов А. М.* «В лазарете». Б. д. Автограф // *Amherst. Vox 11. F. 22. 11 p.*;

8) *Ремизов А. М.* «В лазарете». Б. д. Наборная рукопись // *Amherst. Vox 11. F. 22. 26 p.*;

9) *Ремизова-Довгелло С. П.* Записи о концертах, театрах, собраниях, лекциях и фильмах. 1931—1938. Автограф // *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1076. 41 л.*

Книга V представляет собой тетрадь в клетку размером 30 × 20 см. Переплет: картон, оклеенный «мраморной» бумагой черно-красного цвета. Корешок: черная ткань. На обложке острым предметом выскоблены надписи: 1) по центру в форме вертикального столбца: «С.П.Р.-Д. /

V / Петербург 1918 / ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ / 1917–1921 / НАШЕ ПУТЕШЕСТВИЕ / 1921 / <горизонтальная разделительная черта> / В ЛАЗАРЕТЕ / 1915 / МЕРТВЫЕ ЦВЕТЫ / РАЗВЛЕЧЕНИЯ / 135 / 1931–1939»; 2) вертикально по левому краю: «A REMIZOV PARIS 1945 IV»; 3) в правом нижнем углу глаголическая буква «червь» – анаграмма Ремизова. В правом верхнем углу красная бумажная наклейка с надписью рукой Ремизова: «V кн<ига>». К нижнему краю обложки приклеена стандартная библиотечная наклейка с надписью рукой Н. В. Резниковой: «О Наташе (1917 г.)». Кроме поздней архивной нумерации *Книга V* имеет авторскую нумерацию черными чернилами.

На титульном листе форзаца *Книги V* черными чернилами в виде вертикального столбца записано ее содержание с указанием авторских номеров страниц:

Петербург¹

Канун революции

1) 1I 2) 6 II 3) 17 XI 4) 12 XI стр. 1–8

Из Взвихренной Руси: 1917

стр. 9–25

1) 1 I 2) III 3) 2–3 VI 4) 29 VI (1–11 мая) 5) 23 XI
6) 26 XI 7) Рождество 25 XII 8) О критике 9) О писателях 10) Душа рус<ской> литературы

Из Взвихренной Руси: 1918

стр. 26–40

1) 1 I 2) 13/26 II 3) 26 II 4) Письмо З. Н. Гиппиус 1 III
5) И. А. Рязановск<ий> 4 III 6) Мережковский 12 III
7) – 8) Пасха 12 IV 9) Сон²<:> Погасло электричество 28 V
10) 14/27 X 11) 11/12 X Сон 12) 21 XI/8 XII 13) 26 XI /
9 XII 14) 12 XII / 21 XI 15) 13 XII / 30 IX

Из Взвихренной Руси: 1919

стр. 41–50

1) 7 I / 15 XII 2) 10 I / 23 I 3) 8 II / 26 I 4) Сон 9 III
5) † Ф. И. Щеколдин 15/2 III 6) 28/15 III 7) 10 IV
8) Восьмушка Сон 27 IV 9) Сон 11 V 10) 20/7 VI

Из Взвихренной Руси: 1921

стр. 51–54

1) Большое дыхание памяти Сон 26/27 II 2) III 3) 27 XI
4) Сон IV

Наше путешествие 1921

стр. 55–57

5 VIII – 21 IX П<етер>б<ург> – Ямбург – Ревель –
Берлин

¹ В верхнем правом углу синим карандашом: V

² Здесь и далее в перечне содержания слово Сон написано синим карандашом с последующей обводкой черными чернилами.

Петербург

В лазарете 1915

Молитва (П<етер>б<ург> – Paris 1 I 1916 – 2 IX 1939) стр. 58–69

Мертвые цветы стр. 69–71

Париж<ские> развлечения 1931–1939 (Из дневника) – стр. 72

135 вечеров стр. 73–75

ПЕТЕРБУРГ Канун революции 1916

С. 287. *Я хочу с сегодняшнего дня начать записывать то, что думается, и то, что происходит. ~ чтобы много душ с твоей душой говорило.* – Здесь и далее в разделах части «Петербург» («Канун революции / 1916 <г.>», «Из Взвихренной Руси 1917 <г.>», «Из Взвихренной Руси 1918 г.») в основном точно цитируется текст дневниковых записей СП с 1 января 1916 по 12 марта 1918 г. Ср.: «Я хочу с сегодняшнего дня начать записывать то, что думается, и то, что происходит. Трудно очень мне бывает, потому что душа раскололась, и не знаю, что мне сделать, чтобы покой душевный найти. Надо дело делать, надо для других делать, надо много сестер и братьев иметь, чтобы много душ с твоей душой говорило» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1063. л. 1).

...в Херсоне, где мы познакомились... – В Херсоне с ноября 1903 до начала марта 1904 г. Ремизовы снимали жилье у матери Д., Вл. и Л. Бурлюков (адрес: Херсон, Витовская ул., дом Бунцельмана, кв. Бурлюк). См. свидетельство Ремизова: «С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и с Людмилой Д. Бурлюк-Кузнецовой у С. П. многолетняя дружба» (Ремизов А. М. Кукха // *Ахру-РК VII*. С. 89). О Л. Д. Бурлюк-Кузнецовой см. также: *На вечерней заре 2014 (1)*. С. 149–150.

...поступила в Академию... – в 1904–1907 г. Л. Д. Кузнецова-Бурлюк училась в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств.

С. 288. *Когда я жил в Пензе...* – Ремизов был выслан на 2 года в Пензу под гласный надзор полиции за активное участие в студенческих беспорядках в Москве в память событий на Ходынском поле и находился там с 20 декабря 1896 г. В мае 1900 г. за политическую пропаганду среди пензенских рабочих он был выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию сроком на 3 года. См. подробнее: *Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица: биогр. альм. Вып. 3*. С. 419–447.

С. 289. *... я – женщина-археолог...* – В 1910–1912 гг. СП прошла полный курс обучения в Императорском Санкт-Петербургском археоло-

логическом институте и была удостоена звания действительного члена Императорского Археологического института. См. также: *Книга II*. Коммент. к с. 152.

«*Слава подобна розе любви...*» — Неточная цитата из книги Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» (*Карамзин Н. М. Избранные сочинения в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 1: Письма русского путешественника. Повести. С. 554*).

Когда у меня моего ребенка отняли... — В 1906 г. Ремизовы были вынуждены вследствие материальных затруднений оставить дочь в имении ее родственников (с. Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губернии). В дальнейшем Наташа так и осталась там жить, поскольку родные СП связывали возвращение ребенка родителями с ухудшением здоровья привязавшейся к ней бабушки. См. подробнее: *Бунич-Ремизов (1)*. С. 267—277; *Грачева А. М. Семейное табу А. М. и С. П. Ремизовых: реалии и отражения. С. 86—95*.

С. 290. *Поликсена Сергеевна Соловьева, существо доброе, среднее, с на редкость безобразным мясистым ртом...* — Ср. ее характеристику в книге «Петербургский буерак»: «В черном мужском скромно, но не по-женски твердо, в сапогах — <...> Поликсена Сергеевна Соловьева (Allegro): читает медленно с горьким жаром вразлад с мясистыми щеками жабы» (*Петербургский буерак-РК X. С. 262*).

«*Тропинка*» (СПб., 1905—1912) — детский журнал. Ред.: Н. И. Манасеина, П. С. Соловьева.

Она за свои стихи получила «Пушкинскую медаль»... — В 1908 г. П. С. Соловьевой была присуждена золотая Пушкинская медаль Отделения русского языка и словесности Академии наук. А. М. Ремизов был одним из претендентов на получение в 1909 г. учрежденной Академией наук премии имени А. С. Пушкина за сборники «Посолонь» и «Лимонарь», но не был удостоен награды. Подача документов на премию и рецензирование представленных произведений происходили в 1908 г. С этим связана ошибка памяти Ремизова, которая проявилась в неоднократном соединении им воедино событий 1908 и 1909 гг. В частности, она была закреплена в тексте книги «Петербургский буерак»: ««Посолонь» и «Лимонарь» обратили на себя внимание академика Алексея Александровича Шахматова. По его совету я послал книги в Академию наук на «соискание» академической награды. Ближайшие к Шахматову были убеждены в успехе. Но президент Академии Наук в. к. Константин Константинович <...> мое ходатайство отклонил, поставя свою резолюцию на «Посолонь» и «Лимонарь» — «не по-русски де написано». <...> Пушкинскую серебряную медаль присудили Поликсене Сергеевне Соловьевой (Allegro) за книгу стихов» (*Петербургский буерак-РК X. С. 178—179*). См. подробнее: *Грачева А. М.*

Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук // *РЛ*. 2014. № 3. С. 185–196.

С. 290–291. ...*хотя в «Тропинке» она напечатала мою сказку о «мышках».* — В журнале «Тропинка» были напечатаны следующие произведения Ремизова: «Сказка о Медведе, трех сестрах и Зайчике Иваныче» (1906. № 8. С. 393–408); «Богомолье» (1906. № 10. С. 469–470); «Сказка о пальцах» (1909. № 1. С. 18–19); «Мужик-медведь» (1909. № 7. С. 282–283); «Пасха» (1910. № 8. С. 307–313). Сказка «Морщинка» (другое название: «Мышка-Морщинка») впервые была издана в 1907 г. в серии «Детская библиотека издательства “Шиповник”».

С. 291. *С. П. записывала очень редко, и запись ее о Наташе через семь лет после последней записи (1909 г.) очень важна...* — Отсылка к дневниковой записи СП от 11 апреля 1909 г.: «Знаешь, как ужасно жалеть? О трех вещах я страшно жалею. Первая вещь — это когда девочку отвезла к своим родственникам. Я помню, мы уже решили ее отвезти перед Пасхой, завтра поедem; я целую ночь не спала и все плакала, плакала, будто чувствовала, что потом будет. И не повезли. А потом через неделю, уже после Пасхи, повезли. Теперь, когда я думаю и решаю, можно ли отвозить девочек, если бедность такая, как у нас была, думаю, можно, только к родственникам по духу, к людям, понимающим хоть что-нибудь. А мои родственники для меня дальше и чужее <?> всех встречных. Так при встрече с первым попавшимся человеком, есть надежда, что может и не чужой будет, а они воображают, что меня знают, а сами про меня никакого понятия не имеют. Я знаю, что мое самое страшное несчастье — мои родственники. И им-то пришлось отвезти мою девочку. Мне бы было легче, если бы она тогда умерла, чем то, что теперь получилось. Это мое самое страшное несчастье. А второе мое несчастье, что я на медицинские курсы не поступила, все думала: вот девочку привезу, нельзя будет столько времени уделять занятиям — так и не поступила. В археологический институт поступила, что-то бы поменьше дела было. Еще и еще одна вещь, о которой я страшно жалею, но не напишу ее, могла бы сказать ее на ухо тому мудрому и любящему человеку, и не лично ко мне относящемуся, которого нет, т. е. которого я не встречала никогда и о котором только мечтаю, что встречу» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1050. Л. 1–3).

С. 292. ...*мы наняли квартиру на Васильевском Острове...* — С сентября 1916 по май 1920 г. Ремизовы жили по адресу Васильевский остров, 14-я линия, дом 31, кв. 48, в доме Д. П. Семенова-Тян-Шанского.

...*Алексей Михайлович* ~ *на испытании в Военно-Клиническом госпитале.* — С 24 октября по 6 декабря 1916 г. Ремизов прохо-

дил обследование в военном госпитале в связи с объявленным 23 октября призывом ратников II разряда (от 38 до 41 года). См. также: Книга IV. Комментар. к с. 243.

...кн<ига> III (Казимир Людвигович Тышка гл<ава> VII) «Оля». — Отсылка к главе 7 («Конец») Книги III (см.: Книга III. С. 245).

Гимназия Мая — См.: Книга IV. Комментар. к с. 000.

...Леонид Семенов, погибший тогда в Ряз<анской> губ<ернии>... — В последние годы жизни поэт Л. Д. Семенов (наст. фам. Семенов-Тянь-Шанский) занимался крестьянским трудом на хуторе (Дашковский уезд Рязанской губернии), где и был убит бандитами 14 декабря 1917 г. См. декабрьскую запись в Дневнике А. М. Ремизова: «Убили Леонида Семенов<а> 14 декабря» (Взвихренная Русь-РК V. С. 488).

С. 292—293. Об этом во «Взвихр<енной> Руси», «Между тифозным и сыпным». — См. в главе «Между сыпным и тифозным» в книге «Взвихренная Русь»: «В туманное, любимое утро ввергнут был в госпиталь и сорок четыре дня и сорок четыре ночи живой, только негодный, провел среди умирающих и мертвецов» (Взвихренная Русь-РК V. С. 21).

С. 293. ...и еще один Ц<верцкевич>... — В книге Ремизова «Иверень» в списке ссыльных указан: «В Сольвычегодске <...> Александр Вячеславович Цверчакевич» (Иверень-РК VIII. С. 483).

С. 293—294. Вар<вара> Гр<игорьевна> Мирович ~ Куда она девалась, не знаю. — В. Г. Мирович с 1921 г. жила в Сергиевом Посаде и преподавала в педагогическом техникуме. См.: Малахиева-Минович В. О преходящем и вечном: Дневниковые записи (1930—1934) / подгот. текста, вступление и примеч. Н. Громовой // Новый мир. 2011. № 6. С. 130—149.

С. 293. «Русская мысль» — См.: Книга I. Комментар. к с. 436.

С. 294. ...Джеймса «Психологию» или «Психопатологию»... — Имеется в виду труд американского философа и психолога Уильяма Джеймса «Основы психологии» (1890; в русском переводе: «Психология»).

Религиозно-Философское Общество (СПб., 1907—1917) — См.: Книга III. Комментар. к с. 188.

Леонида Семенова я знал в двух видах... — Речь идет о духовном перевооружении Л. Д. Семенова-Тянь-Шанского, превратившегося из студента-«белоподкладочника» и эстета в последователя идей «опрощения» и сектантского движения «добролюбовцев». См.: Баевский В. С. 1) Леонид Семенов — жизнестроитель и поэт // Вопросы литературы. 1994. № 5. С. 171—208; 2) Семёнов, Семёнов-Тянь-Шанский Леонид Дмитриевич // Русские писатели, 1800—1917: биограф. словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5: П—С. С. 553—555.

С. 294. ...однажды мы на одном вечере участвовали (у Врасских). — Возможно, ошибка памяти Ремизова, надо: Паренсовых. В мемуарной книге «Петербургский буерак» зафиксировано воспоминание о встрече с Л. Д. Семеновым на вечере у Паренсовых: «Вечер у Паренсовых — мое первое петербургское выступление. В гостиной <...> было заставлено и очень тесно <...> И как обрадовался — в моих затолоченных глазах вдруг заголубело: А. А. Блок, Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский и Н. Н. Ге — они были в студенческих мундирах, весенние» (*Петербургский буерак-РК* X. С. 261). См. также воспоминание об этом вечере В. А. Пяста: «На вечере в начале апреля 1905 года в квартире генерала Паренсова <...> А. М. Ремизов принимал участие чтением отрывков своего «Пруда» <...> Третьим из поэтов Леонид Семенов <...> пронзал, поворачивал все изнутри своими выстраданными, горячими, горячо произносимыми строфами» (*Пяст Вл. Встречи / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 39–40*).

Его стихи, изданные в «Содружестве»... — В издательстве «Содружество» вышла книга: *Семенов Л. Собрание стихотворений. СПб., 1905. 105 с.*

«Вопросы жизни» — См.: *Книга I. Коммент. к с. 117.*

Николаевский вокзал — См.: *Книга I. Коммент. к с. 69.*

...мы тогда на Казачьем очень бедно жили... — С сентября 1907 по сентябрь 1910 г. Ремизовы жили по адресу Малый Казачий переулочек, дом 9, кв. 34. О материальных трудностях писателя тех лет см. подробнее: *Грачева А. М. Алексей Ремизов и Литературный Фонд // Пространство безграничной словесности: Сб. ст. к 70-летию Всеволода Евгеньевича Багно. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 100–104.*

«Посолонь» — книга сказок А. М. Ремизова. Первое отд. изд.: *Ремизов А. Посолонь. М.: Золотое руно, 1907.*

С. 295. Дим<итрий> Петр<ович> Семенов-Тяньшанский написал воспоминания. Незадолго до смерти в 1917 г<оду> он читал нам. — См. дневниковую запись Ремизова от 29 октября 1917 г.: «Умер сегодня в 2 ч<аса> ночи наш хозяин Дим. Пет. Семенов-Тянь-Шанский. Накануне он читал свой временник у нас. И собирался прийти оканчивать сегодня в 8 ч<асов> веч<ера> <...> Сон: Хозяин, только что умерший, пришел будто к нам и хочет оплести нас шерстью» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 485–486*).

*Александр Добролюбов 1876 г. До своего странничества выпустил две книги: «Natura naturans — natura naturata», 1896 г.; «Из книги невидимой», 1895 г. И потом «Скорпион» издал его «Сборник стихов», 1911 г. — Перечислены книги А. Добролюбова: 1) *Natura naturans. Natura naturata. СПб., 1895*; 2) *Из книги невидимой. М., 1905*; 3) *Собрание стихов. М., 1900.**

ИЗ «ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ» 1917

Сегодня Новый Год. — Здесь и далее цитируется текст-источник: Ремизова-Довгелло С. П. Дневниковые записи. 1 янв. 1916 — 12 марта 1918 г. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1063. 29 л.

С. 296. *Господа наши друзья, гости и гости ~ не говорите у нас по телефону ~ в подъезде и т. д.* — Цитируется текст источника: Ремизова-Довгелло С. П. «Господа наши друзья...» Записка. Март 1917. Автограф // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1065. 1 л.

Берестовец — См.: Книга I. Комментар. к с. 120.

С. 298. *Как всегда, я жил в полном затворе.* — Ср. запись о пребывании в Берестовце в дневнике Ремизова: «Я встаю в 9 — $\frac{1}{2}$ 10-го. Курю, записываю сны и прибираюсь. В 11—12-ь выпиваю стакан чаю с хлебом. После чаю прохожу минут на 10-ь в сад. И опять в комнату. И сижу, занимаюсь до 3-х. В 3-и обед. После обеда ложусь с книгой. И лежу до чаю — до 5-и. Выпиваю стакан чаю. И возвращаюсь в комнату к себе и опять лежу с $\frac{1}{2}$ часа с книгой. Потом пересаживаюсь к окну и занимаюсь до $\frac{1}{2}$ 8. От $\frac{1}{2}$ 8 до 8-и (не всякий день) гуляю по дорожке в саду. И домой. Зажигаю лампу и до 9-и занимаюсь. В 9-ь яичница и стакан чаю. После чаю читаю газеты или рисую или пишу — до 12-и. Очень долго не могу заснуть. <...> Гулять — я не могу гулять так» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 524—525*).

С. 298—302. *Мне показалось вчера ~ Вчера зашел разговор, что началось все «захватом».* — Близко к тексту цитируются дневниковые записи Ремизова с 4 по 7 июня 1917 г. (см.: *Взвихренная Русь-РК V. С. 523—532*).

С. 301. *Жили мы в Одессе на Молдаванке...* — С 25 февраля по 21 мая 1904 г. Ремизовы жили по адресу Одесса, Раскидайловская ул., дом 5, кв. 10. Там 18 апреля 1904 г. родилась Наталья Ремизова.

Плик — кличка животного.

Мы очень бедно жили. ~ И уж жалованья мне никакого. — С сентября 1903 г. по конец февраля 1904 г. Ремизов служил заведующим литературной частью в антрепризе Вс. Э. Мейерхольда «Товарищество Новой Драмы» и вместе с группой переезжал из города в город (Херсон, Николаев, Одесса). 23 февраля Ремизов прекратил работать в антрепризе.

«Южные записки» (Одесса, 1902—1905) — еженедельный общественный и литературный журнал. Изд.-ред.: И. Ф. Сабанеев, А. Н. Новиков и др.

С. 302. *И больше Наташу не видели. От нее изредка были письма: она писала вместе с Лидой.* — Н. А. Ремизова переписывалась с родителями, а после кончины СП — с отцом, до своей смерти в 1943 г. О ее

письмах см. подробнее: *Грачева А. М.* Семейное табу А. М. и С. П. Ремизовых: реалии и отражения. С. 86—95.

С. 302. *Тут в Париже Н. В. Резникова встретила ее подругу...* — Ср. текст воспоминаний Н. В. Резниковой, которая при работе над ними постоянно обращалась к текстам I—IX Книг Ремизова: «Неясный образ Наташи Ремизовой принял для меня конкретную жизненную форму в 1926 году. У знакомых я встретила молодую девушку, недавно приехавшую из России. Услышав, что я близка с Ремизовыми, она стала мне рассказывать: “Я хорошо знала их дочь в Киеве. В гимназии мы сидели рядом на парте — Наташа Ремизова. Она лучше всех в классе писала сочинения и с гордостью говорила, что она дочь писателя Ремизова... Она крупная, яркая, с большим темпераментом. У нее светлые серые глаза...”» (*Резникова 2013*. С. 72).

Как все радовались «свободе» в марте месяце... — имеются в виду события конца февраля (по новому стилю — начала марта) 1917 г., когда после революционных событий в Петрограде 2 (15) марта император Николай Второй отрекся от престола в пользу брата — великого князя Михаила Александровича, который, в свою очередь, отрекся от престола 3 (16) марта, и по согласованию с председателем Государственной Думы М. В. Родзянко вопрос о государственном устройстве России был предоставлен на рассмотрение будущему Учредительному собранию. 3 (16) марта было сформировано Временное правительство первого состава, которое изложило свою программу в декларации.

С. 302—303. *Когда-то была свобода для Николая II-го и для его свиты, потом настала свобода для Керенского и его свиты и его единомышленников, а теперь — свобода для большевиков.* — Кратко перечислены относящиеся к 1917 г. фазы второй русской революции. После июльского правительственного кризиса пост главы второго состава Временного правительства занял А. Ф. Керенский. 25 октября (7 ноября) Временное правительство было свергнуто в результате организованного большевиками военного переворота.

С. 303. *...я шла по Николаевскому мосту, там часовня...* — Николаевский мост (с 1855 по 1918 г. — Николаевский, с 1918 по 2007 г. — мост Лейтенанта Шмидта, с 2007 по настоящее время — Благовещенский), разводной мост через Неву, соединяющий Васильевский и 2-й Адмиралтейский острова. Построен в 1843—1850 гг. по проекту арх. С. В. Кербедза. В 1936—1939 гг. перестроен арх. Г. П. Передерием. В 2005—2007 гг. проведена реконструкция, вернувшая исторический облик моста. На северном, «толстом» быке моста, близ въезда со стороны Васильевского острова, находилась часовня св. Николая Мирликийского (1854, арх. А. И. Штакеншнейдер). В 1930-е гг. она была разобрана.

С. 304. *Сегодня день открытия Учр<едительного> Собр<ания>.* — Всероссийское учредительное собрание открылось 5 (18) января 1918 г. в Петрограде, в Таврическом дворце. В ночь на 7 (20) января ВЦИК принял решение о его роспуске. 18 (31) января III Всероссийский съезд Советов одобрил декрет о роспуске Учредительного собрания и принял решение об устранении из законодательства указаний на его временный характер.

Это не «бабушка», которая прославилась деятельной, долголетней своей жизнью... — Речь идет о деятельнице русского революционного движения, одной из лидеров и основательниц партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковской, которую называли «бабушкой русской революции». Именно она приезжала в 1902 г. в Вологду для пропаганды радикальных методов борьбы с правительством и уговаривала СП не отходить от активного участия в революционной борьбе и вступить в новую террористическую организацию (Боевую организацию) эсеровской партии. См. приведенную Резниковой запись Ремизова: «С. П. была любимая “внучка” Бабушки Брешковской» (Резникова 2013. С. 45).

...что хотела я «мученического венца»... — Отражение представлений, свойственных части русских революционеров — народников и продолжателей их традиций, эсеров, о религиозном толковании их деятельности во благо народа как продолжения дела раннехристианских мучеников. В тексте также представлены скрытые аллюзии на строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1863), ставшие своего рода революционным «лозунгом»: «От ликующих, праздну болтающих, / Обагряющих руки в крови / Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!» См. также: Книга I. Комментар. к с. 15–16.

С. 305. *...я понимаю, как С. П. была «революционеркой» ~ тут никаких нет «бесов»...* — Отсылка к негативной трактовке революционеров и их деяний в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871–1872).

В это страшное время, когда больше всего значение имеет «штык и пуля»... — отсылка к известному афоризму А. В. Суворова: «Пуля — дура, штык — молодец» — из его руководства по боевой подготовке войск «Наука побеждать» (1806).

С. 306. *...и в одиннадцатый час нас примут, и даже в двенадцатый час не поздно...* — отсылка к тексту евангельской притчи о работниках в винограднике: «И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию» (Мф. 20: 9).

«Сказание» инока Парфения (М., 1855). — Имеется в виду книга: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в 4-х ч. / [соч.] постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения. М.: Тип. А. Семена, 1855.

С. 307. ...*считается благозвучным и уж, конечно, умным, «проницательным», как говорилось в старину...* — отсылка к ироническому образу «проницательного читателя» из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

С. 308. ...*я хвалила Лескова за изображение им Лизы в романе «Некуда»...* — Лиза Бахарева — ищущая своей жизненной дороги и нравственной правды героиня романа Н. С. Лескова «Некуда» (1864).

...*отчет Борзенской земской библиотеки...* — Ср. в статье К. Чуковского «Вербицкая. (Посвящается учащейся молодежи)» (1910): «Судя по отчетам публичных библиотек, — в Двинске, в Пскове, в Смоленске, в Одессе, в Кишиневе, в Полтаве, в Николаеве больше всего читали не Толстого, не Чехова, а именно ее, г-жу А. Вербицкую. <...> Действительно, раскрываю наудачу первый попавшийся библиотечный отчет и вижу, что там, где Чехова “требовали” 288 раз, а Короленку 169, — там г-жа Вербицкая представлена цифрой: 1512» (Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. 2-е изд. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 7: Литературная критика, 1908—1915. С. 101).

«*Ключи счастья*» (1909—1913) — роман-бестселлер А. А. Вербицкой.

С. 309. ...*«у нас, кроме Муравьевых, которые вешают, есть Муравьевы, которых вешают».* — Неточная цитата из статьи А. И. Герцена «Россия и Польша. Ответ автору статьи о русской типографии в Лондоне. (Письмо первое)» (1859).

«*От луюющих, праздно болтающих...*» — цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862). См. также: *Книга I*. Комментар. к с. 15—16; *Книга V*. Комментар. к с. 623.

ИЗ ВЗВИХЕННОЙ РУСИ 1918 г.

С. 310. *Еще не приспособились, не нашли лазеек устроить жизнь по «бедовому декрету».* — Ср. название подглавки романа-коллажа Ремизова «Взвихренная Русь»: «По “бедовому” декрету».

Я верю, что когда-то Россия воскреснет... — Ср. в романе-коллаже «Взвихренная Русь»: «Еще при Керенском, когда одни стали “углублять” революцию, а другие каркать, что с революцией “Россия погибнет”, Гусев как-то сказал Насте, что, если она такое услышит, пусть всем говорит, что не погибнет Россия, “потому что есть Пушкин, Лев Толстой, Достоевский”. <...> — “Почему, Настя, не погибнет Россия?” А она станет, закаты глаза: “Пушкин, кажет, эщэ Лев Толстой, эщэ — Достоевский”» (Взвихренная Русь-РК V. С. 300—301).

...*пошли за «кимвалом бряцающим»...* — Кимвал бряцающий (крылатое выражение) — пустозвон. Восходит к библейской цитате: «Если

я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13: 1).

С. 311. ...она [Чеботаревская] просто «ненормальная», душевно-больная... — 23 сентября 1921 г. в состоянии душевного расстройства А. Н. Чеботаревская покончила с собой, бросившись в Неву с Тучкова моста.

«Южный край» (Харьков, 1880—1919) — общественная, литературная и политическая газета. Изд.-ред.: А. А. Юзефович, А. Н. Стоянов, И. А. Воронежский; с 1910 г. — А. Н. Краснов.

С. 312. ...д<олжно> б<ыть>, надо прибавить, — карачаровскую... — возможно, здесь имеется в виду прилагательное от татарского слова «карачар» — темноволосяй, смуглый.

С. 313. После какой-то лекции о «равноправии женщин» его выслали в Рязань... — В 1895 г. П. В. Безобразов был вынужден подать в отставку с должности приват-доцента кафедры всеобщей истории Московского университета после публичной лекции «О женщине в истории».

«Слово» (Санкт-Петербург, 1903—1909) — ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. В 1905—1906 гг. — центральный печатный орган «Союза 17 октября». Изд.: И. В. Скворцов и Н. П. Дучинский (1903), Н. Н. Перцов (1904—1906), М. М. Федоров (1906). Ред.: И. В. Скворцов и Н. П. Дучинский (1903), П. В. Быков (1903—1906), Н. Н. Перцов (1903, 1906), М. М. Федоров (1906—1909), И. Лазаревский (1908), С. А. Адрианов (1909).

Ермилов был известен в Москве как необыкновенный теец Чехова. — О В. Е. Ермилове см. в воспоминаниях С. Г. Кара-Мурзы: «Стоит остановиться на несколько минут на фигуре Владимира Евграфовича Ермилова. Это тоже был очень популярный москвич. Кто не знал этого милейшего, вечно суетящегося, беспокойно оживленного московского литератора. Он постоянно что-нибудь устраивал, организовывал, хлопотал и бескорыстно рекламировал безразлично что: новый журнал, любительский спектакль, литературный вечер, вкусные домашние обеды, дешевые меблированные комнаты. У него было несколько прозвищ: “Ермишка” — пренебрежительно звали его газетные репортеры. <...> Успех в качестве рассказчика вскружил голову Владимиру Евграфовичу, он пожелал испробовать свои силы на сцене и добился закрытого дебюта в Малом театре. <...> Он наполнил сильным криком всю сцену, но из этого ничего путного не вышло. Дебютант жестоко провалился» (Соболев А. Л. Из мемуаров С. Г. Кара-Мурзы. [2] // Литературный факт. 2017. № 5. С. 40—41).

«Утро России» (Москва, 1907, 1909—1918) — ежедневная газета. Изд.: И. Ф. Родионов (факт. изд.: П. П. Рябушинский). С 1912 г. — орган Партии прогрессистов.

С. 313. *Письмо З. Н. Гиппиус 1 III 1918* — Ср. с текстом этого письма, переписанным *СП* в ее Дневник (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1066. Л. 25 об.—27): «1918 г<од> 1 Марта / Я Вам пишу письмо, чтобы легче было разговаривать. Я совсем иначе, чем Вы, отношусь к людям, и даже не могу ничего отвечать на некоторые Ваши замечания, пока не скажу Вам, как именно я отношусь. Прежде всего, я думаю, что людей почти нет, т. е. так почти, что даже страшно. Я много людей встречала на своем веку, но таких, которых почти нельзя назвать людьми, и это еще не худшие. Я почти никому не верю: вот теперь ужас делается, я встретилась с французами, мне было стыдно смотреть на них, разговаривать с ними. России больше нет, незачем нам представляться, надо ясно сказать себе, что нет больше России. А кто же виноват в этом? Русские люди виноваты, продали и пропили Россию. Чести нет у русских людей, социалисты погубили Россию, интернационализм ихний погубил Россию. А кто вступился? Корнилов вступился, но его предали во имя партии, как и Россию предали во имя партии, большевики только докончили то, что начал Керенский, без большевиков с Керенским все равно погибла бы Россия, только дольше болела бы, судороги дольше были бы у нее, вот и все. Кому я верю и кого я ценю? Я верю мало кому и ценю мало кого, я ценю культурность, и с этой точки зрения ценю Вячеслава Иванова, и Лурье, и Мережковского, и Философова, и еще кое-кого, они безусловно культурные люди. И внешне, и внутренне <так! — *Ред.*> культурные люди. Я бы хотела только внутренними вопросами заниматься. Я не политик, и мне тяжело жить в такое исключительно политическое время. Я рада, что в нашем доме живет Нечаева, все-таки она безусловно культурная. А теперь важно жить в одном доме с культурными людьми, ходить куда нельзя, в “социалистическом отечестве” грабят, шубы снимают, а у нас денег ни гроша, другой шубы не сошьешь теперь. Это награбившие “товарищи” могут хоть по 10 шуб себе шить. Вильямс — хороший, но он англичанин. Вера Фигнер — хорошая, но она говорит вещи неправдошные, не думает, боится думать до конца. Пяст [*поздняя приписка Ремизова: оказался мерзавцем*], должно быть, хороший, хотя и сумасшедший. Я думаю, Бердяев хороший, мне жаль, что мы с ним будто в ссоре. Разумник Иванов — лгун и мальчишка, я раньше считала его хорошим, мало ли в скольких пришлось разочароваться? [*поздняя приписка Ремизова: Разумник-Иванов все-таки оказался хорошим — с совестью*]». Письмо было не окончено и осталось неотправленным, о чем свидетельствует включенная в *Книгу V* дневниковая запись *СП* от 12 марта 1918 г.: «Не удалось мне тогда дописать. Я видела З. Н. Гиппиус, как мне тяжело после свидания с нею» (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1066. Л. 28). Оригинал письма утрачен. Точная копия неотправленного письма *СП* находится также в составе сделанных Реми-

зовым копий тетрадей дневниковых записей *СП* времени второй русской революции, выполненных им для последующей работы над романом-коллажем «Взвихренная Русь». Ныне этот текст хранится в *Amherst*, в многосоставной единице хранения (ее архивное название: «Manuscript for typesetting of part II with editorial corrections»), в комплексе материалов, связанных с книгой «Взвихренная Русь»: *Amherst. Box 16. F. 28*. См. сделанное А. В. Лавровым описание хранящихся в *Amherst* материалов, связанных с подготовкой книги «Взвихренная Русь» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 561–572*). Далее текст утраченной части дневника *СП* цитируется по указанному архивному источнику (*Amherst. Box 16. F. 28*). В письме *СП* идет речь о ее расхождении с Мережковскими в связи с пережитым глубоким разочарованием в проповедуемых ими идеях строительства «Новой церкви», адептом которых она была в середине 1900-х гг. После мартовской личной встречи и серьезного объяснения *СП* с Гиппиус, вероятно, было ее еще одно несохранившееся послание к тому же адресату. Его отголоски слышны в ответном пространном письме Гиппиус от 5 мая 1918 г.: «Милая Серафима Павловна, я Вам сразу отвечу, а то после трудно. На что же тут “обижаться”, да я и вообще не обидчивая, мне важно, что правда, а где ошибка, и что я понимаю, а что — нет. Конечно, правда, что мы не такие люди, как надо для воплощения нашей идеи, и когда мы думали о себе, то и ни минуточки себя лучше не воображали. Быть может, мы слишком редко и недлительно занимались вопросом о себе, и надо бы больше. Но у нас всегда так было — что мы надеялись *через* это стать получше, а не *сначала* стать (куда уж). Оттуда черпать силы и для самоизменения. И никогда — это уж вы мне можете верить! — никогда в жизни не было у нас мысли, не могло даже по существу идеи быть, что *Н<овая> Цер<ковь> начнется с нашей ячeyки!* Это была бы не только дерзкая и кощунственная мысль, а просто глупая» (*Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми. С. 351*). После изложения взглядов на свое и Д. С. Мережковского участие в деле строительства «Новой церкви» Гиппиус резко отозвалась о чертах характера самой *СП*: «А “плохое друг другу говорить” — очень даже нужно бывает, не непременно “плохое”, а вообще всю правду. Проверять свои мысли о другом — его собственными о себе мыслями. Вот, например, Ваше “барство”: если оно внешнее, то это только хорошее и нужное, но если есть и какое-то внутреннее барство, то это другое дело. Я думаю, что в плоскости религиозной не должно быть внутреннего барства. <...> У вас, если есть, то именно барство внутреннее: ах, ну и не надо мне тебя, я и одна, сама, проживу. Ты, мол, все время должен чувствовать и ценить меня, а если ты, дурак, воображаешь, что я тебе не нужна — оставайся без меня, тебе же хуже. А ты мне не надобен. Это не дурно в обыкновенных человеческих отношениях, а когда все вокруг

одного общего дела, которое каждому — “свое”, то тут уж на “я” нечего смотреть. <...> Если что неясно написала — скажите» (Там же. С. 354—355).

С. 314. *Вильямс ~ хороший, но он англичанин.* — Гарольд Вильямс был корреспондентом английских газет «The Times», «Daily Chronicle» и находился в Петрограде до 18 марта 1918 г., когда он вместе с женой (А. В. Тырковой-Вильямс) покинул Россию. В 1917—1918 гг. Вильямс тесно общался с Ремизовыми (см.: *Взвихренная Русь-РК V* (по указ.)).

Вера Николаевна Фигнер... но она ~ боится думать до конца. — Ср. запись в Дневнике Ремизова от 29 апреля 1917 г.: «Был <у> В. Н. Фиг<нер>. <...> Стара очень она, трудно ей» (*Взвихренная Русь-РК V*. С. 435).

...Бердяев хороший, мне жаль, что мы с ним будто бы в ссоре. — Об истории расхождения Ремизовых и Бердяевых см.: *Книга III*. Коммент. к с. 222.

Иванов-Разумник... только в нем столько еще мальчишества. — Смягченное в пересказе Ремизова выражение из оригинала — сохраненного в дневнике письма *СП* («Разумник Иванов — лгун и мальчишка»). Подобная оценка — отражение реакции *СП* на статью Иванова-Разумника «Две России» (1917). В ней критик, оценивая ремизовское «Слово о гибели Русской Земли», утверждал: «Огненный вихрь революции ненавистен Ремизову <...> Какие же мировые ценности “Святой Руси” считает этот враждебный вихрь? <...> Смело и откровенно отвечает на это Ремизов: самодержавие, православие и народность <...> именно *здесь* его ценности» (Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 208—209). Косвенное отражение болезненного восприятия *СП* статьи Иванова-Разумника см. в письме З. Н. Гиппиус к Ремизову от 1 января 1918 г.: «То, что сделал с вами Иванов-Разумник, — последнее похабство. <...> Сама по себе его статья столь кощунственно грязна, что ее трудно держать в руках. Когда я видела С<ерафиму> П<авловну>, я еще фактически ничего не знала, хотя внутренне все это не лишено логики. Смердяковы только верны себе. Не забывайте, что лакеи — хуже своих господ» (*ИРЛИ*. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 53. Л. 1—1 об.).

...когда полезла всякая дрянь, непрременная спутница революций, да, подлинно «хам»... — отсылка к программной статье Д. С. Мережковского «Грядущий хам» (1906): «Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам. У этого Хама в России — три лица. Первое, настоящее — перед нами, лицо самодержавия. <...> Второе лицо прошлое — рядом с нами, лицо православия, воздающего Кесарю Божье <...> Третье лицо будущее — под нами, лицо хамства, идущего снизу, — хулиганства, босячества, черной сотни <...> Эти три духовного мещанства начала соединились против трех

начал духовного благородства: против земли, народа — живой плоти, против церкви — живой души, против интеллигенции — живого духа России» (*Мережковский Д. С.* Грядущий хам. СПб.: М. В. Пирожков, 1906. С. 37).

С. 314—315. ...*Ив<анов>-Разумник был накануне своего 10-и летнего скитания по тюрьмам...* — С 1919 по 1941 г. Иванов-Разумник многократно арестовывался и неоднократно ссылался как «идейный вдохновитель народничества». В 1942 г. был вывезен с женой в Восточную Пруссию. После окончания войны в 1945 г. оказался в союзной оккупационной зоне. В 1946 г. скончался от последствий инсульта в Мюнхене. См. подробнее: *Белоус В. Г.* Испытание духовным максимализмом // Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / вступ. ст., сост. В. Г. Белоуса; коммент. В. Г. Белоуса, А. В. Лаврова, Я. В. Леонтьева, Ж. Шерона. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 5—22. Воспоминания «Тюрьмы и ссылки» в первый раз опубликованы отд. изд. посмертно: *Иванов-Разумник Р. В.* Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. В 1942—1946 гг. Иванов-Разумник переписывался с Ремизовыми, а после смерти *СП* — с Ремизовым (см. тексты их писем: Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов / публ., вступ. ст, подгот. текста и коммент. Ольги Раевской-Хьюз. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2001. С. 73—117).

С. 315. *После моего единственного друга...* — имеется в виду А. М. Ремизов.

Ив<ан> Ал<ександрович> Рязановский. Археограф ~ не мог растаться ~ со своими бриллиантами... — В данном случае «бриллианты» — метафорическое обозначение особо ценных экспонатов, входивших в коллекцию И. А. Рязановского. Очевидно, речь идет об отказе ученого следовать неоднократно имевшей место в годы революции «традиции», когда владельцы разного рода собраний были вынуждены распродавать составлявшие их предметы порой за бесценок из-за нехватки средств к существованию. Как известно, в это время по той же причине сам Ремизов расстался с частью своей библиотеки и с несколькими произведениями изобразительного искусства, подаренных ему художниками объединения «Мир искусства». Писатель пользовался материалами собранной Рязановским коллекции рукописей, старопечатных книг и материальных предметов русской старины при создании повестей «Неумный бубен» (1910) и «Пятая язва» (1912), цикла миниатюр «Бисер малый» (1912), книги «Россия в письменах» (1922, главы «Календарь», «Святцы», «Печати»). Относительно судьбы коллекции Рязановского в настоящее время известно только то, что часть материальных предметов, входивших в состав этого собрания, была передана самим коллекционером в костромской Романов-

ский музей (ныне: Костромской музей-заповедник). После его смерти вдова отдала сохранившиеся у нее редкие книги и автографы в ГЛМ. См. также в книге «Россия в письменах» данную Ремизовым шуточную характеристику ученого, основанную на названиях костромских и петербургских улиц, где тот проживал: «Иван Александрович Рязановский — костромских деберей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (*Россия в письменах-Росток XIII*. С. 110).

С. 315. *Я видела З. Н. Гиппиус. Как мне тяжело после свидания с ней. ~ Я думаю, она не считает себя виноватой, не кается...* — Косвенное отображение выражения СП своей неудовлетворенности религиозными опытами Мережковских, а также ее личного охлаждения к З. Н. Гиппиус как к близкому человеку (см. также: *Книга V*. Комментар. к с. 313).

С. 316. *И я не знаю, кого предпочесть: «Хама» или «Хищника». Очень горькое было разочарование у С. П.<авловн>-ы, когда она разглядела Мережковских.* — Отсылки: 1) к образу «Великого Хама» из одноименной статьи Мережковского (*Книга V*. Комментар. к с. 314); 2) к образам «хищников» — религиозных ханжей (Мурзавецкой, Глафиры) из комедии А. Н. Островского «Волки и овцы» (1875). В оценке Ремизова также отражены мотивы введенного им в *Книгу V* письма СП к Гиппиус от 1 марта 1918 г. (См.: *Книга V*. Комментар. к с. 313).

...«мешком» жизнь войдет в свой порядок. — С мая 1917 г., после введения Временным правительством хлебной монополии, на железных дорогах появились «мешочники» — люди, занимавшиеся скупкой, перевозом вручную и продажей товаров, главным образом хлеба и других продуктов. В 1918 г. советская власть объявила борьбу с «мешочниками», объявленными спекулянтами, вплоть до их расстрела на месте.

У заутрени были в богоделенской церкви... — Имеется в виду церковь св. Викентия Паулинского (1885—1887, 1899, арх. П. Ю. Сюзор). Располагалась по адресу 13-я линия В. О., дом 52, в комплексе зданий Французского благотворительного общества, в который входили приют и богадельня с расположенной на втором этаже домовою церковью. Церковь была закрыта в 1918 г.

С. 317. [*Дальше запись из «Логики», которую С. П. изучала: о «суждениях».*] — Сокращенное указание Ремизова на вложенный в тетрадь с текстом Дневника СП лист с выпиской цитат из неустановленного учебника по логике (см.: ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1063. Л. 28 об.). При работе с дневником жены в процессе подготовки *Книга V* Ремизов обвел карандашным текстом СП чернилами.

С. 318. *В этой книжке [не сохранилась, только моя копия]...* — Речь идет о сделанной Ремизовым в 1926 г. копии дневниковых записей

СП, находившихся в тетради, впоследствии утраченной. См.: *Книга V*. Коммент. к с. 313.

Сегодня во сне я видела Д. и мамочку мою... — Ср. в копии дневниковой тетради *СП*: «Сегодня во сне я видела А. Д. и мамочку мою. Обоих ушедших от нас в другие страны. А. Д. ласковый такой, меня ласкал, ну совсем живой был, а мамочку будто на носилках принесли и так страшно, я одни ноги вижу, завязанные в какие-то тряпки, — мне было очень жутко» (*Amherst*. Вох 16. F. 28).

«*Лактерин*» — название магазина. Происходит от латинского названия молока (*lact*). Ср. в книге «*Взвихренная Русь*»: «О ту пору открывались временно, конечно, или неисповедимым образом — частная торговля по декрету истреблялась! — всякие “Кулинары”, “Лактобациллины”, и во всех этих “кулинарах” шла съестная торговля, этой торговлей и кормились, и кормили главным образом <...> бывших богатых. <...> Но обыкновенные-то люди <...> попали в тягчайшее положение» (*Взвихренная Русь-РК V*. С. 329).

...она «*антихристовой печати*» не примет. — Антихристова печать в христианской эсхатологии рассматривается как знак, налагаемый в ознаменование принятия власти антихриста. «И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их...» (Откр. 13, 16).

Откровения Блаж<енной> Анджелы) — Имеется в виду сборник мистических видений итальянской монахини-францисканки XIV в. Анджелы да Фолиньо: *Откровения блаженной Анджелы* / пер. и вступ. ст. проф. Л. П. Карсавина. М.: Г. А. Леман, 1918.

С. 319. «*Вестник Европы*» (СПб., 1866—1918) — литературно-политический журнал либеральной ориентации. Ред.-изд. — М. М. Стасюлевич (1866—1908); М. М. Ковалевский (1909—1916); К. К. Арсеньев (1916—1918).

Ев<гений> Вас<ильевич> Аничков в это время был за границей, не знаю, в Париже или на Балканах. — В 1917 г. Е. В. Аничков был откомандирован с русским отрядом во Францию, служил во французской армии. С 1918 г. жил в Югославии.

...историю, описанную в рассказе «*Сережа*» — «*Взвихр<енная> Русь*». — В сатирическом рассказе идет речь о фиктивной прописке в квартиру беременной женщины и о получении потом продовольственных карточек на ее несуществующего младенца. См.: *Взвихренная Русь-РК V*. С. 296—310.

С. 320. *Как страшно, что теперешнее не любит креста...* — Ср. в копии дневниковой тетради *СП*: «Как страшно, что современность господствующая не любит креста, это даже не замаскированный антихрист. Я люблю тех, кто без креста не может и носит крест всегда,

другие, безкрестные, мне чужды. Пяст — сумасшедший, но в нем есть любовь к настоящему. Блок — кощунник-декадент, наша революция и вышла такая ужасная и такая пошлая, потому что 2 начала ее родили: атеизм и декадентство — это идейные начала, а непосредственная причина — голод, война и русская лень. З. Н. Гиппиус я люблю, только не уверена в ней до конца, она ведь тоже декадентка и не хочет правды сказать до конца, не хочет назвать по имени своих собственных ошибок» (*Amherst. Vox 16. F. 28*).

С. 320. *Блок получил громкое имя в революцию не за свою лирику, а за «12»...* — Об эволюции отношения Ремизова к поэме Блока «Двенадцать» см.: *Грачева А. М.* Александр Блок в неизданной книге Алексея Ремизова «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>» // *РЛ. 2021. № 3. С. 119–127.*

Андрей Белый тоже что-то вопиал тогда «Христос воскрес». — имеется в виду поэма Андрея Белого «Христос воскрес» (1918).

С. 321. «Дом искусств» (Пг., 1919–1923) — советская организация работников искусств. Адрес: наб. Мойки, д. 59. См. подробнее: *Тимина С. И.* Культурный Петербург: ДИСК. 1920-е гг. СПб.: Logos, 2001.

Была сегодня у Натальи Николаевны Гиппиус... — Ср. в копии дневниковой тетради *СП*: «Была сегодня у Н. Н. Гиппиус, она очень хорошая и не примет антихристовой печати, я в ней уверена тоже. Ей подарили икону Пр<е>Св<ятой> Богородицы, она ее освятила в церкви, зовет меня к себе. Потом видела Грекову и еще m-ме Штильман, которая мне очень обрадовалась, я ее теперь не очень люблю, она не чувствует настоящего отвращения к мерзости» (*Amherst. Vox 16. F. 28*).

Слышала, что приехала Марг<арита> Вас<ильевна> Сабашникова и живет в Москве... — М. В. Сабашникова вернулась в Москву вскоре после Февраля 1917 г. О времени прибытия в Россию см. ее письмо М. А. Волошину от 30 июня 1917 г.: «я приехала сюда во вторник [*примеч. коммент.: 27 июня. — Ред.*], а в Петербурге жила 4 дня у Лили. <...> После революции совершенно не находила себе места за границей и попала случайно в партию жен и детей эмигрантов, кот<орые> ехали прямо через Германию (о чем не распространяйся, ибо тут это считают позором)» (*Максимилиан Волошин. Собр. соч. в 12 т. М.: Элис Лак, 2015. Т. 11, кн. 2: Переписка с Маргаритой Сабашниковой, 1906–1924 / подгот. текста Р. П. Хрулевой; коммент. К. М. Азадовского. С. 675*). В Москве Сабашникова работала в отделе живописи Пролеткульта, в ТЕО Наркомпроса РСФСР. В 1922 г. уехала в Германию. См. ее характеристику *СП*: «Рядом с этой красивой женщиной из знатного литовского рода, “к дочерям которого сватались польские короли” — как она между прочим замечала, — рядом с этой женщиной Ремизов выглядел невзрачным. Он произносил ее имя всегда с величайшим почтением. Серафима Павловна была высокого роста, позже она чрез-

мерно растолстела. Ее круглое, открытое лицо, обрамленное белокурыми локонами, цвело; голос был низким и громким. Она всем без обиняков говорила правду. Я очень любила ее за честность и открытость. Она знала, что такое добро и зло» (*Волошина-Сабашникова М. В. Зеленая змея. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 151*).

Бестужевские курсы — См.: *Книга I. Комментарий к с. 123.*

С. 321—322. *Уже здесь в Париже, я говорил Федину, чтобы передать эти портреты куда-нибудь в музей.* — К. А. Федин встречался с Ремизовым во время своего посещения Парижа в ноябре 1933 г. Подробнее см.: Переписка К. А. Фебина и А. М. Ремизова / вступ ст., подгот. текста, коммент. А. М. Грачевой // Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2. С. 5—28.

С. 322. *М. В. Сабашникова приехала в Россию из Германии в одном «запломбированном» вагоне с Лениным.* — «Пломбированный вагон» — установившееся в историографии название трех поездов из Швейцарии через Германию, в которых русские подданные, в основном политэмигранты, возвратились в Россию в 1917 г. Сведения, что Сабашникова прибыла в одном вагоне и в одном поезде с В. И. Лениным, — легенда. Ленин ехал первым из трех поездов, который прибыл в Петроград, на Финляндский вокзал, 3 (16) апреля. См. воспоминания Сабашниковой: «Приятельница из Дорнаха написала мне, что скоро должен отправиться экс-территориальный поезд из Цюриха через Германию и Швецию в Петербург для всех, кто против войны. Два таких поезда с эмигрантами уже в пути. <...> Я не знала, что с первым таким поездом отправились в Россию Ленин и другие коммунистические лидеры. С нашим поездом ехали отставшие с семьями, как правило, грязные, нервные и заносчивые люди» (*Волошина-Сабашникова М. В. Зеленая змея. С. 258—259*).

ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1919 г.

С. 324. *Сегодня снилась мне Маруся Сущинская...* — Ср. в копии дневника СП: «Сегодня снилась мне Маруся Сущинская, как далеко все то, что с нею связано. Когда-то, в дни самой первой юности, она была моей подругой, когда мы обе ничего не знали и так всему человеческому верили. Что с нею теперь? Неужели она не изменилась в самом главном, неужели осталась позитивисткой? Я думаю, в наш век только очень тупые люди могут остаться позитивистами, тупые или умом, или душой, или сердцем, или всем вместе» (*Amherst. Vox 16. F. 28*).

С. 325. *Московское Александровское Коммерческое училище* — среднее специальное учебное заведение для пригтовления к торговой деятельности юношей из купеческих, мещанских, ремесленных и кре-

стьянских семей. Открыто в 1883 г. Основателем был дядя Ремизова, который закончил это училище, — банкир и коммерсант, известный благотворитель Н. А. Найденов. Он стал первым председателем попечительского совета училища. Товарищем председателя был избран А. К. Трапезников, образ которого у Ремизова ошибочно соединился с памятью о разорившемся московском купце — отце Т. Г. Трапезникова.

С. 325. *А дом их старинный против церкви Симеона Столпника.* — Доходный дом Трапезниковых располагается по адресу: Москва, Николоямская ул., 13, строение 1. Храм св. Симеона Столпника за Яузой (XVIII в.) расположен: Николоямская ул, 10.

Старика, помню, похоронили в Андрониеве монастыре. — Имеется в виду мужской Андроников монастырь (Спасо-Андроников, Андроников Нерукотворного Спаса), основан в Москве в XIV в. Закрыт в 1918 г. С 1985 г. на территории размещен Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

С. 326. *...похоронили Ф. И. Щеголдина. Это был наш спутник в Усть-сыольске.* — Ф. И. Щеголдин был видным революционером, социал-демократом и одним из ближайших друзей Ремизова со времени их пребывания в усть-сыольской ссылке в 1900 г. В последние годы жизни он отошел от революционных идей. Его образ отражен в ряде произведений Ремизова: рассказе «Оплешнички», книгах «Крашенные рыла», «Взвихренная Русь», «Иверень» и др. См. подробнее: *Дворникова Л. Я. Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы 1994. С. 231—242.*

Хоронили в Александро-Невской Лавре. — Ф. И. Щеголдин скончался в 1919 г. от тифа и был похоронен на так называемой «Коммунистической площадке» (др. название: «Казачье кладбище») — на территории кладбища, расположенного внутри архитектурного ансамбля Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. Ремизов посвятил другу некролог «Три могилы» (*Русалия-Росток XII. С. 628—630*).

Литургия Преждеосвященных Даров — вечерня, во время которой христиане причащаются Святых Даров, освященных прежде, на предыдущей полной Литургии по чину святителей Василия Великого или Иоанна Златоуста.

С-д-ки — сокр. социал-демократы.

С. 327. *...учился ~ в Политехн<ическом> Инст<итуте>...* — имеется в виду Императорский Санкт-Петербургский политехнический институт (ныне: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) — высшее техническое учебное заведение Российской империи. Основан в 1899 г.

Рассказ «Именины» во «Взв<ихренной> Руси» о Якове Петровице. — См.: *Взвихренная Русь-РК V. С. 259—263.*

С. 328. *Прохожу возле Сената. Голос в спину: «Барыня, нет ли у вас работы?»* — Ср. в книге «Взвихренная Русь»: «Недалеко от дома — / — Нет ли у вас работы? / Я обернулся: сзади шла, должно быть, из прислуг» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 234*).

С. 329. *«Тут недавно возле Академии...»* — Имеется в виду Румянцевская площадь, расположенная в Санкт-Петербурге между Университетской набережной, 1-й и 2-й линиями Васильевского острова, рядом со зданием Санкт-Петербургской академии художеств. Ср. запись в Дневнике Ремизова (*Взвихренная Русь-РК V. С. 502*). См. также в книге «Взвихренная Русь» (Там же. С. 284).

Солдат, оборачиваясь: «Господа под Гатчиной легли». — Речь идет о происходившей осенью 1919 г. и закончившейся полной неудачей боевой операции Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича, который пытался захватить Петроград. 17 октября во время наступления его войсками была взята Гатчина. В ходе контр наступления красных и начавшейся паники в ночь на 3 ноября город был оставлен белыми войсками без боя.

С. 329—330. *А у нас на Покров много свадеб назначено.* — Покров — непереходящий великий православный праздник Покрова Пресвятой Богородицы — 1 (14) октября. По традиции — время свадеб.

С. 330. *Наши комнаты, только больше...* — Ср. текст сна в копии дневниковой тетради *СП*: «Наши комнаты, только больше. В моей сидит Н. В. Григорьева. Я выхожу, а у себя лежит А. М. И слышу шаги: Поггенполь в столовой. / — Да помоги же мне! / — Господи, так я позову сейчас Поггенполя, ведь он здесь и хочу сказать: “Сергей Михайлович”. / А А. М. говорит: / — Да здесь никакой Поггенполь не поможет. Будут — решено расправиться со всеми, у кого нет 1/2 фунта революционности, а у меня только восьмушка» (*Amherst. Vox 16. F. 28*). Ср. также запись в Дневнике Ремизова (*Взвихренная Русь-РК V. С. 502*) и в книге «Взвихренная Русь» (Там же. С. 247).

Проснулись мы, а на улице городские стоят... — Ср. запись в дневнике Ремизова от 11 мая: «Видел я, проснулись мы, а на улице городские стоят: в ночь заняли Петербург, никто и не слышал ~ а носильщики — сестры в белых косынках» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 503*).

Что с моим братом родным, единственным? — В 1919 г. С. П. Довгелло скончался от сыпного тифа.

С. 331. *И снилась мне моя мама, будто поезд мчится, мчится, и моей мамочки голова в окне промчалась.* — А. Н. Довгелло скончалась в августе 1917 г.

Аничков дворец — один из императорских дворцов в Санкт-Петербурге, на набережной реки Фонтанки. Адрес: Невский пр., 39. Начало строительства: 1743 г. Арх.: М. Земцов, Б. Растрелли. Перестроен в 1776—1778 гг. Арх. И. Е. Старов.

С. 331. ...балтмор Ефим Круглов ~ его изложение «Полтавы»... — Ср. в копии дневника СП: «1920. Лето / 2ой Береговой Отряд (бывший) 2 гвард<ейский> экипаж / Стих Пушкина: Из Полтавы / Изложение моего ученика Ефима Круглова / Петр Великий стоял на берегу Невы и удивлялся. Какая ширь кругом. Везде леса и там болотистые места. Прошло сто лет, как шведы прорубили в Европу окно и сделали все то, что было нужно для природы. Когда в Петрограде все было окончено, Москва склонилась над ним» (*Amherst. Vox 16. F. 28*).

ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1921 г.

С. 332. *На Троицкой ночью. Надо самовар ставить...* — Ср. в копии дневника СП: «На Троицкой ночью. Надо самовар ставить. А<лексей>М<ихайлович> стоит у дверей в шапке “ученой” шапка и в пальто посветлее и говорит: / — Меня ведь арестуют! / И я смотрю, а возле А<лексея>М<ихайловича> стоят солдаты и сидят кругом солдаты. От ужаса не могу раскрыть рта, язык не поворачивается. Рукой открыла рот. А ничего не могу. Взяла сумку и пошла к Гржебиным. / Темно на улице. В темноте идет, вижу, знакомая, это дочь А. Я. Денисевиц. Тут еще ничего, а на Фурштатской, боюсь, отнимут у меня продукты, которые лежат в сумке. Поравнялись мужчина и женщина. Мужчина в офицерском! Что-то стали заговаривать. Вижу, не плохие, хорошие люди. Идем вместе. Подходим к 2-ой Рождественской, а это не Рождественская, а как на В<асильевском> О<строве> устроены садики. И когда проходили через бульварчик — деревья стоят в снегу. / Вдруг стало сразу светло. / Я посмотрела на небо и сказала своим спутникам: / — Посмотрите! Посмотрите! / Разноцветные лучи — синий, фиолетовый и желтый, как от огня. / Смотрим все и удивляемся. / — Знамение! — говорят. / Вглядываемся: / елка на небе! / И кто-то из спутников говорит: / — Это — елка, это значит, завтра воскресенье будет. / И входят во двор, и я с ними. / Мы идем в дом по мраморной лестнице, где кормят детей, и вся лестница уставлена едой: пирожные, холодное заливное» (*Amherst. Vox 16. F. 28*). См. также запись этого сна СП в дневнике Ремизова (*Взвихренная Русь-РК V. С. 518–519*). С мая 1920 до 7 августа 1921 г. Ремизовы жили в Первом отеле Петровета (Троицкая ул., д. 4, кв. 1).

Фурштатская улица — улица в центре Санкт-Петербурга, проходит от Литейного проспекта до Потемкинской улицы.

С. 333. *Мы сидим в комнате: я, С. П. и мой брат, тогда умерший, Сергей.* — Ср. запись в дневнике Ремизова: «Сидим в моей комнате: я, С. П. и Сергей. Ночь. / С улицы вызывают из каждого дома и расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. Чей-то голос на-

зывает: / — Год — 69. / И я выхожу через окно, но ничего <?> не поднимаю, а как в стеклянную дверь. / Оборачиваюсь: вижу у стола С. П. и Сергей. / Клянюсь и иду. / Под аркой сидит солдат, чуть освещенный лампочкой. Он что-то говорит. / Я понимаю, я должен присесть, чтобы меня сняли. И чувствую, что это не к добру — меня расстреляют. / И ясно вижу, что <1 нрзб> солдат <2 нрзб>, что солдат негр и объяснять ему что-л<ибо> бесполезно. / Тут проснулся» (*Взвихренная Русь-РК V. С. 520*).

С. 334. *Смотрела курич<к>и на улицы...* — ср. текст дневника Ремизова от 1 марта 1921 г. (*Взвихренная Русь-РК V. С. 520*).

«Послезавтра, — говорит какая-то прохожая, — ждут кризиса: у нее тиф». ~ «Нельзя же всех расстрелять». — Ср. текст дневника Ремизова от 27 марта 1921 г. (*Взвихренная Русь-РК V. С. 520*).

Петрокоммуна — Петроградское единое потребительское общество — кооперативно-хозяйственная организация трудящихся Петрограда и окрестностей, объединившая все продовольственные и хозяйственные организации города. Создана в 1919 г. В конце 1920 г. реорганизована в Петрогубкоммуну, существовавшую до 1 июля 1921 г.

Наше путешествие

1921

5 VIII — 21 IX

С. 335. *Наше путешествие* — Путевые заметки вложены в текст рукописи Дневника Ремизова 1917—1921 гг. (см.: *ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 236. 128 л.*). Также см.: *Взвихренная Русь-РК V. С. 521—522*.

Варшавский вокзал — железнодорожный вокзал для обслуживания пассажиров на начальной станции Петербургско-Варшавской железной дороги (с 1907 г. — Северо-Западных железных дорог). Здание построено в 1852—1853 гг., арх. — К. А. Скаржинский. С 2001 г. движение поездов прекращено. С 2006 г. в здании вокзала торгово-развлекательный центр.

Нас провожали: Н. В. Григорьева и Я. П. Гребенчиков, он принес землю из Таврического сада. — См. в письме СП к В. Н. и Р. В. Ивановым от 18 мая 1942 г.: «Приезжайте к нам, мы вам покажем коробочку с русской землей, Яков Петрович Гребенчиков принес перед отъездом, теперь он уже покойный, письмо от него было получено из Сибири» (Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942—1946 годов. С. 85).

Балтийский вокзал — один из вокзалов Санкт-Петербурга. Адрес: наб. Обводного канала, 120. Здание вокзала (арх. А. И. Кракау) было построено в 1855—1858 гг. для частной железной дороги из Петербур-

га в Петергоф. До 1872 г. вокзал назывался Петергофским. В 1860—1870 гг. дорога была соединена с Балтийской железной дорогой, по которой можно было доехать в том числе до Нарвы и Ревеля (ныне Таллин).

С. 336. *Утром до обеда меня гоняли на вокзал выгружать багаж. Переходил по мосту через Нарву — это для меня такой ужас...* — См. в книге Ремизова «Подстриженными глазами»: «Боюсь переходить улицы, боюсь мостов <...> когда в Нарве нас погнали из карантина на вокзал разгружать багаж — Нарвский мост мне и теперь снится! — я стал на четвереньки» (*Иверень-РК VIII*. С. 9).

Узнали о смерти Блока. — А. А. Блок скончался 7 августа 1921 г.

С. 337. «Американская комиссия». — Имеется в виду «Американская администрация помощи» (American Relief Administration, сокр. ARA) — формально негосударственная организация в США (1919 — конец 1930-х гг.), оказывавшая помощь продовольствием и медикаментами пострадавшим странам Европы, в том числе России.

С. 338. *...расстрелян Гумилев.* — Н. С. Гумилев был расстрелян в ночь с 24 на 25 августа 1921 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации.

ПЕТЕРБУРГ В лазарете 1915

С. 340—341. *C'est pendant la guerre que j'ai reçu de celle qui les avait écrits les Mémoires d'une sœur de Charité ~ ce qui importe, c'est leur conviction.* — <Перевод:> Я получил Воспоминания сестры милосердия от той, кто их написала во время войны, из этих мемуаров, которые составляли довольно большой том и содержали записи 1915 и 1916 годов, я извлек один короткий фрагмент: тот, который я представляю здесь под заглавием «В полевом госпитале». Я его переписал в то далекое время, когда мне его передали, но случилось следующее: объемная рукопись осталась в России, тогда как фрагмент затерялся среди тех моих редких рукописей, которые я смог оттуда вывезти.

И вот как раз наступила двадцатая годовщина того времени, когда эти страницы были написаны: таким образом этот короткий фрагмент, как мне кажется, получает определенную значимость, по крайней мере психологическую. Он некоторым образом доносит до меня голос России, голос, который прозвучит в приближавшейся революции: он здесь не раз предсказывает то, что скоро должно было случиться и что не было совершенной неожиданностью.

«На войне Бог отсутствует», восклицает Кузьмин из палаты № 3. Это значит, что в течение 4 лет Бог не появился. Он и потом не по-

явился, конечно, во время гражданской войны, потому что это тоже была война. Следовательно, все это время было бесполезно говорить о Боге.

Однако есть еще другая вещь, которая слышна в палате № 3, как и в палате № 1 и № 2: звук, в котором слышится Россия, в этом они друг от друга не отличаются. Воспоминания сестры милосердия, впрочем, не являются литературным сочинением: это просто записки человека образованного, с прекрасной памятью и глубокой душой, пробуждающей у другого желание исповедоваться, а также с богатым сердцем, которое прогоняет грусть и дарит утешение.

Я обозначаю персонажи начальными буквами их имен: Т значит Тарасов, К значит Кузьмин, и также другие. Если там и там они говорят вещи несообразные с реальностью, это не имеет значения: важно то, что это их убеждения (*фр.*).

С. 341. *1915 / В лазарете* — текст представляет собой переписанные Ремизовым записки, которые делала СП во время своей работы сестрой милосердия в военном госпитале (см. оригинал записей: *Ремизова-Довгелло С. П.* «В лазарете». Б. д. Автограф // *ГЛМ. Ф.* 156. Оп. 2. Ед. хр. 1067. 9 л.).

С. 342. *Мемель* — город, в настоящее время входит в состав Литвы под названием Клайпеда. До 1923 г., а также в 1939—1945 гг., принадлежал Германии.

С. 343. *Мòлен! Мòлен!* — диалект. нем., берл. Mollen! Mollen! — Кружки пива! Кружки пива!

Млявый — хилый, слабый.

С. 346. *Николаевский военный госпиталь* (современное название: 442-й окружной военный клинический госпиталь Министерства обороны Российской Федерации имени З. П. Соловьева) — учрежден в 1835 г. императором Николаем I для медицинского обеспечения Санкт-Петербургского гарнизона. В 1869 г. переименован в Петербургский Николаевский военный госпиталь. Расположен по адресу: Суворовский пр., д. 63а.

С. 347. *По-русски ~ мне удалось напечатать у А. Ф. Керенского ...* — См.: *Ремизов А.* В лазарете // Новая Россия (Париж). 1936. № 8, 15 июня. С. 5—10.

На французский перевел профессор Легра... — *Remizov A.* A l'hospital de campagne // *Le Monde Slave.* 1935. № 5. Mai. P. 229—238.

МОЛИТВА

С. 348. *Просвети одеяние души моей!* — цитата из песнопения Страстной седмицы «Чертог Твой вижду, Спасе мой...».

1 | 1916 – 2 | IX 1939
 Петербург – Париж

С. 350. *Вчера получилось от Наташи письмо, так меня за сердце тронули ее слова, дай мне с нею увидиться, и с сестрами моими!* — См.: Книга I. Комментар. к с. 83.

Мертвые цветы

С. 355. *...ночь в заколд<ованном?> Карнаке на океане.* — Карнак — город на северо-западе Франции, в регионе Бретань. Рядом с ним находятся так называемые «карнакские камни» — комплекс мегалитических сооружений (дольменов, курганов, менгиров). В бретонских легендах их происхождение связывали с именем волшебника Мерлина, превратившего в камни римских воинов. В 1930-е гг. Ремизовы несколько раз отдыхали в Бретани.

С. П. любила подводить итоги: она сделала перечень городов, где удалось побывать ей... — См.: Ремизова-Довгелло С. П. «Места на земле». Перечень “заколдованных и судьбинных” мест на земле». Автограф. <Париж. 1931> // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1078. 16 л.

А последняя запись о празднике у Church’a, издателя «Mesures». — «Mesures» (Paris, 1935–1940) — ежеквартальный журнал. Изд. — Генри Чёрч (Henry Ward Church). О приеме у Генри и Барбары Чёрч на их вилле Ville d’Avray в 1939 г. см. воспоминания Ремизова в книге «Мышкина дудочка»: «Прощальный вечер “Mezuges” в канун войны — 18 июня 1939. К Church’у в это воскресенье наперлось гостей, по приблизительному подсчету Marc’a Bernard’a, глаз у него зоркий, ни мало, ни много, что не вся тысяча, не считая случайных и “заодно”. И тут уж никакая молчанка, музыка и фейерверк с финальными гиппопотами, изобретение и гордость самого хозяина. <...> хозяин спокойно проходил среди танцующих или выжидающих кормежки и усиленно упрашивал остаться посмотреть — не Miller’a, его тогда впервые напечатали по-французски в американском номере “Mezuges”, не Юссе’a, тоже печатавшегося в “Mezuges”, а именно гиппопотамов. <...> Гиппопотамы выдрались из искусственной бездонной пропасти <...> мордами шипят <...> Оглушенные драконами, не отрываясь, мы любовались на гиппопотамов. Я посочувствовал хозяину и поблагодарил: я тоже люблю все чудное и чудовищное. А потом расплачиваемся. Тащиться ночью пехтурой из Ville d’Avray, не нашу улицу Rue Voileau перейти» (*Петербургский буерак*-ПК X. С. 146–147).

РАЗВЛЕЧЕНИЯ¹Из дневника. Концерты, театр, лекции, собрания, кино
1931—1932—1933—1934—1935—1936—1937—1938—1939

С. 356. *Развлечения. Из дневника. Концерты, театр, лекции, собрания, кино. 1931 ~ 1939* — Содержание этого раздела основано на тексте автографа: *Ремизова-Довгелло С. П.* <Записи о концертах, театрах, собраниях, лекциях и фильмах, которые Ремизовы посетили в 1931—1939 гг.>. 1931—1939 // *ГЛМ.* Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 1076. 41 л. Данный автограф представляет собой записную книжку с разошедшимися скрепами и распадающимися листами. Вероятно, подобное состояние документа имело место уже на момент работы с ним Ремизова. Также надо учитывать тот факт, что *СП* зачастую делала заметки о посещенных ею мероприятиях не на следующий день, а впоследствии, с колеблющимся временным интервалом, и делала записи для себя, используя сокращения или оставляя запись неоконченной. Все это способствовало тому, что Ремизов иногда неточно восстанавливал хронологическую последовательность записей на отдельных листах, не всегда прочитывал сделанные *СП* сокращения. Часть записей характеризуется такой неопределенностью описания, что не представляется возможным восстановить, к какому реальному событию они относятся. При комментировании записей раздела в основном были использованы данные эмигрантской периодической печати, приведенные в издании: *Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920—1940.* Франция / под ред. Л. А. Мнухина. М.; Paris: YMCA-Press, 1995. Т. 2: 1930—1934; 1996. Т. 3: 1935—1940; 1997. Т. 4: Указатели.

Казино (Ляля Гржебина). — Точное название указанного увеселительного заведения и время выступления балерины установить не удалось.

«Белая гвардия». — В Théâtre Eden 5 и 7 октября 1931 г. в рамках гастролей Пражской группы МХТ под руководством П. А. Павлова состоялась премьера спектакля по пьесе М. А. Булгакова «Белая гвардия» в постановке Веры Греч.

«Ревизор» — В Théâtre Eden артисты Пражской группы МХТ 3, 4, 6 октября 1931 г. играли пьесу Н. В. Гоголя «Ревизор» в постановке П. А. Павлова. Спектакль также состоялся 29 октября 1931 г. на закрытии гастролей Пражской группы МХТ.

Чехов — 3 апреля 1931 г. состоялся единственный юмористический вечер Михаила Чехова. Чтение инсценировок рассказов А. П. Чехова было представлено в гриме и костюмах М. Чеховым, Н. Аслановым, А. Бондаревым и др.

¹ Над названием РАЗВЛЕЧЕНИЯ поставлена цифра XI

С. 356. *Вечер Дон-Аминадо.* — 1 ноября 1931 г. в Salle Gaveau состоялся ежегодный юмористический концерт Дон-Аминадо. В числе выступавших был Ремизов.

<Вечер> памяти Достоевского. — 19 декабря 1931 г. Союз деятелей русского искусства во Франции организовал вечер памяти Ф. М. Достоевского. Ремизов выступил со вступительным словом.

Цыганы. — 10 марта 1931 г. в Париже впервые состоялся большой весенний концерт цыганской песни и пляски с участием Ю. Морфесси и оркестра А. Скрябина.

Эвритмия. Антропос<офское> общ<ество>. — 29 апреля 1931 г. в Антропософском кружке состоялся доклад на тему: «Эвритмическое искусство».

Стравинский. Концерт. — 17 декабря 1931 г. в Salle Pleyel прошел концерт Парижского симфонического общества. Фестиваль И. Стравинского. Исп.: «Жар-Птица», «Apollon Musagete», «Ragtime». Дирижер — И. Стравинский.

Слонимский. <Концерт>. — 11 июня 1931 г. в Salle Gaveau состоялся концерт оркестра Старама под управлением Н. Л. Слонимского.

«Нора» у Питовых. — В декабре 1930 г. в театре Питовых играли спектакль «Кукольный дом» («Нора») Ибсена. Режиссер: Г. Питов. В главной роли: Людмила Питова.

Кино — «Братья Карамазовы». — Французский художественный фильм-драма («Les frères Karamazoff»), 1931, реж. Федор Оцеп.

Вечер Народного Творчества. — 17 декабря 1931 г. Объединение русских студентов провело музыкально-литературный вечер, посвященный народному творчеству. Участвовали: Ю. Кутырина, А. Котомкин, М. Кошлаков, А. Сунгуров и др.

<Вечер> Ремизова. — Вечер состоялся 31 марта 1931 г. в Hôtel Lutetia. В программе: чтение новой повести, рассказа «Три желания», византийской легенды, посвященной памяти Шлюмберже и Ф. И. Успенского, сказки Л. Н. Толстого «Три старца» и отрывков из произведений Н. В. Гоголя.

С. 357. *Эвритмия из Дорнаха.* — 3 июня 1931 г. в Антропософском кружке доклад «Аполлон и Дионис в современном миропонимании». После доклада — эвритмическое исполнение стихов аполлинического и дионисова типа.

Вечер памяти Шевченко — 14 марта 1931 г. Комитет украинских общественных организаций в Париже провел собрание памяти Т. Г. Шевченко в 70-ю годовщину со дня смерти. 15 марта 1931 г. Украинская Громада провела торжественное собрание памяти Т. Г. Шевченко.

Кино — «Путевка» / Chemin de la vie (фр.). — советский художественный фильм-драма «Путевка в жизнь», 1931, реж. Николай Экк.

Доклад Бердяева: «Человек и машина». — 23 октября 1932 г. в Религиозно-философской академии состоялась лекция Н. А. Бердяева «Человек и машина: проблема социологии и метафизика техники».

Вечер «Народного Творчества». — 13 февраля 1932 г. в помещении Hôtel Majestic состоялся вечер народного творчества. Профессор Н. К. Кульман выступил с вступительным словом о русской народной поэзии. В литературно-концертной программе участвовали: Н. В. Плевицкая, Л. Р. Нестеровская со своей студией, С. Брут, гармонист-виртуоз В. И. Игнатова, Ю. Кутырина и др.

Конц<ерт> Дм. Смирнова — 30 октября 1932 г. в Salle Gaveau состоялся единственный концерт тенора Дмитрия Смирнова с участием Лидии Смирновой-Мальцевой и Фаусто Маньяни.

<Концерт> Н. Метнера / Ян-Рубан без голоса. — 9 ноября 1932 г. состоялся концерт композитора Н. К. Метнера с участием певицы А. М. Ян-Рубан.

«Хованщина». — 19 ноября 1932 г. в помещении Théâtre Trocadéro спектакль Русской оперы (под управлением К. Д. Агренева-Славянского): опера М. Мусоргского «Хованщина».

Заседание: «О безбожестве и его причинах»... — 27 ноября 1932 г. в Религиозно-философской академии состоялось публичное заседание на тему: «Причины мирового безбожного движения». Выступили Н. Н. Алексеев, Н. А. Бердяев, о. С. Булгаков, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, В. Н. Ильин, И. А. Лаговский, Г. П. Федотов.

Банкет «Современные Записки». — 30 ноября 1932 г. в помещении Salle St-Didier состоялся банкет журнала «Современные записки». На нем выступили Б. П. Вышеславцев, В. Е. Жаботинский, Б. К. Зайцев, А. Ф. Керенский, Н. К. Кульман, В. А. Маклаков, П. Н. Милоков, Д. С. Мережковский, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевич.

Собр<ание> Ученых Женщин... — 29 ноября 1933 г. в помещении Club Américain des Femmes на заседании Русской секции Международной федерации университетских женщин состоялся доклад Н. А. Добровольской-Завадской «Впечатления от поездки в Испанию».

Бал Моск<овского> Земляч<ества>. — 24 января 1932 г. в Hôtel Lutetia состоялся концерт-бал Московского землячества в честь Татьянина дня и в пользу бедствующих москвичей и русской учащейся молодежи. См. также запись от 24 января 1932 г. в дневнике А. Ладинского: «Татьянский <так!> бал. Т. А. была на балу впервые в парижской жизни и осталась очень довольна. Тэффи на балу сказала мне, что мое стихотворение «Ночью» так понравилось ей, что прочла три раза» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов // Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов. Моя жизнь в Германии. Парижские воспоминания / ИМЛИ РАН; отв. ред. М. Л. Спивак; сост., вступ. ст. О. А. Коростелева; подгот. текста О. В. Коростелева, В. А. Резвого,*

А. И. Серкова; коммент. О. В. Коростелева, А. И. Серкова. М.: Дмитрий Сечин, 2021. С. 32. (Б-ка ЛН; Вып. 7). Далее: *Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов* с указанием страницы.

С. 357. *Лекция В. Ходасевича о Пушкине.* — 4 марта 1933 г. в помещении Salle de Musée Social состоялся вечер В. Ф. Ходасевича, на котором он прочел отрывок из своей книги «Пушкин» и несколько стихотворений поэта.

Концерт Шаляпина с хором Афонского. — 5 марта 1933 г. в Salle Pleyel состоялся концерт Ф. И. Шаляпина с участием митрополичьего хора под управлением Н. П. Афонского, пианиста И. Базилевского и органиста Л. де Сен-Мартена. В программе были исполнены: «Сугубая ектенья» Гречанинова, «Верую» Архангельского, песни «Вниз по матушке по Волге», «Двенадцать разбойников» и др.

Лекция Б. Зайцева «Современ<ный> человек». — 25 марта 1933 г. в Salle de Musée Social состоялась лекция Б. К. Зайцева «Человек в современности».

Кино — Le Signe de la croix в Paramounte. — выпущенный компанией «Paramount Pictures» американский художественный фильм-эпопея «Крестное знамение» (фр. «Le Signe de la croix»), 1932, реж. Сесиль Де Милле.

Вечер Ремизова — По информации в газетах («Последние новости» и др.), вечер А. М. Ремизова состоялся 7 апреля 1932 г. По данным рукописных записей Ремизова — информации о его вечерах, — 8 апреля (*Amherst*. Вох 12. F. 1). На вечере Ремизов прочел рассказ «Кран гиппопотама», сказку «Суженая любовь», монолог из трагедии «Иуда принц Искаротский», отрывки из «Страшной мести» и «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Доклад Вейдле «Искусство и религия». *Мочульский, Вышеславец, Федотов, Щербатов.* — 24—26 сентября 1932 г. в Париже состоялся Съезд православной культуры. С докладами выступили о. С. Булгаков, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов, В. В. Вейдле и др.

Собр<ание> писателей: Куприн, Зайцев, Авксентьев... — 16 мая 1933 г. в Кружке русско-еврейской интеллигенции состоялось собеседование на тему: «События в Германии, гонения на евреев». Выступили Н. Д. Авксентьев, Н. А. Бердяев, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн, А. М. Ремизов.

С. 358. *Доклад Швейнфурта Общ<ество> «Икона».* «Икона св. Федора Стратилата»... — 17 мая 1933 г. состоялось заседание общества «Икона». Профессор Бреславского университета Ф. Д. Швейнфурт выступил с докладом «Русская икона св. Федора Стратилата, находящаяся с XVI века в Германии».

Тургеневский вечер. *50 л<ет> со дня смерти.* — 21 мая 1933 г. в помещении Salle Chopin Союз русских писателей и журналистов провел

литературный вечер к 50-летию кончины И. С. Тургенева. В программе: вступительное слово — Б. Зайцев и А. Ремизов. Чтение произведений Тургенева: «Живые мощи» — А. Ремизов, «Стихотворения в прозе» — кн. С. М. Волконский, отрывки из «Клары Милич» — Н. Берберова. Сообщения Ю. Л. Сазоновой «Тургенев и мы», И. Д. Сургучева «Что слышал я о Тургеневе от Савиной», выступление К. Д. Балмонта.

Пражская группа МХТ / «Враги» Лавренева. — 27, 28 и 6 июня 1933 г. в рамках гастролей Пражской группы МХТ состоялись премьерные показы спектакля по пьесе Б. Лавренева «Враги».

«Кн<язь> Игорь» с Шаляпиным... — 23 мая 1932 г. в Opéra-Comique открытие сезона Русской оперы в Париже (дирекция кн. А. Церетели и В. Базиля). Опера А. Бородина «Князь Игорь» с участием Ф. И. Шаляпина. См. также запись в дневнике Ладинского от 28 июня 1932 г.: «Какие события за эти дни? <...> Я слышал “Игоря” с Шаляпиным. Очевидно, с течением времени все изменяется, и наше отношение к вещам. В частности, Шаляпин. Как смешно, когда он обнимает князя Игоря (тот стоит дурак-дураком) и водит его по сцене, глядя на публику и напевая: “Нет, нет, ты не пленник...”» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов.* С. 78).

Концерт Метнера / Бетховен и свое. — 29 октября 1933 г. в Salle Gaveau состоялся единственный концерт в Париже композитора Н. Метнера, посвященный Бетховену.

Лекц<ия> о. Сергия Булгакова. — 6 марта 1933 г. в Православном богословском институте состоялась лекция профессора протоиерея С. Булгакова «Литургия как центр христианской жизни».

Лекц<ия> Федотова «История церкви». — 13 ноября 1933 г. на Русских православных курсах состоялась лекция Г. П. Федотова «История церкви».

Доклад Шестова о Кьеркегоре. — 16 ноября в Религиозно-философской академии состоялся публичный доклад Л. И. Шестова «Религиозно-философские идеи Кьеркегора». В прениях приняли участие Н. А. Бердяев, Б. В. Вышеславцев, А. М. Лазарев, А. М. Ремизов, о. Г. Флоровский, Б. Ф. Шлецер и др.

Доклад Дикова в «Пореволюц<ионном> клубе»... — 20 декабря 1933 г. в «Пореволюционном клубе» состоялось дискуссионное собрание, посвященное германской национал-социалистической революции. Вступительное слово произнес Б. В. Дикой. В прениях участвовали: М. М. Артемьев, И. И. Бунаков, Н. Н. Былов, В. Е. Зубов, И. И. Ильинская, А. Н. Михеев, Б. Е. Новицкий, Г. П. Федотов, А. В. Цингер, Ю. А. Ширинский-Шихматов и др.

Веч<ер> памяти Тургенева... — 22 декабря 1933 г. Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству

за границей провел Тургеневский вечер. В программе: произведения И. С. Тургенева читали артисты МХТ М. А. Крыжановская и Г. Хмара; «Париж Тургенева» прочитал Л. Львов.

С. 358. *Лек<ция> Сове «История текстов Библии».* — 10 декабря 1933 г. в Православном богословском институте состоялся годичный акт, на котором доцент института Б. И. Сове произнес речь на тему: «Ветхий Завет в свете современных раскопок на Древнем Востоке».

Кино — «Cette vieille canaille» — французский художественный фильм «Этот старый негодяй» (*фр.* «Cette vieille canaille»), 1933, реж. Анатолий Ливак.

Лек<ция> Б. И. Сове «Критика безбожничества». — 27 декабря 1933 г. на Православных богословских курсах состоялась лекция профессора Б. И. Сове «О Ветхом Завете».

Кино: «Le maître de forges» — французский художественный фильм-драма «Мастер кузнечного дела» (*фр.* «Le maître de forges»), 1933, реж. Фернан Риверс, Абель Ганс.

Концерт хора Денисова. — 15 ноября 1933 г. состоялся духовный концерт хора Богословского института под управлением И. К. Денисова, посвященный старинным церковным песнопениям.

Кино: «Le petit roi» — французский художественный фильм «Маленький король» (*фр.* «Le petit roi»), 1933, реж. Жюльен Дювивье.

Вечер памяти Андрея Белого у антропософов: Киселева и Тургенева. — 14 февраля 1934 г. Русская антропософская группа провела вечер памяти Андрея Белого. Были заслушаны доклады Т. Киселевой и Н. Тургеневой.

Летучий дневн<ой> конц<ерт> в пользу шоферов... — 25 февраля 1934 г. Общество взаимопомощи русских шоферов провело «летучий» концерт. Выступали А. Аргутинская-Геворкян, Ф. Бердяева, Ирина Гржебина, Е. А. Комиссаржевская и др. У рояля — С. Н. Георгиевский. Сбор пошел на раздачу бесплатных обедов для русских шоферов.

С. 359. *Вечер Ремизова* — 31 марта 1933 г. в помещении Hôtel Lutetia состоялся вечер А. М. Ремизова в двух отделениях. В первом автор читал тексты своих ненапечатанных рассказов и повести «Учитель музыки». Во втором — произведения Лескова, Писемского и Гоголя. На вечере были представлены 40 рукописных иллюстрированных альбомов Ремизова и выполненные им отдельные рисунки с подписями — иллюстрации к произведениям Лескова и Писемского. См. также: рукописные записи Ремизова — информации о его вечерах (*Amherst. Vox* 12. F. 1).

Кино: «Les Misérables» — французский художественный фильм, экранизация одноименного романа В. Гюго «Отверженные» (*фр.* «Les Misérables»), 1934, реж. Раймон Бернар.

Вечер шоферов. — 4 ноября 1933 г. состоялся вечер Союза русских шоферов. В музыкальном отделении приняли участие Юрий Морфесси, Павел Троицкий, М. А. Лидарская, О. М. Смирнова, Н. Н. Триплолитов, цыганский ансамбль Саши Масальского.

<Вечер> Ладинского — Вечера А. Ладинского состоялись 13 мая 1933 г. и 19 апреля 1934 г. См. запись в дневнике Ладинского от 13 мая 1933 г.: «Мой вечер в Société Savantes. Ася Берлин грабила публику. Народу было необычайно много. Аплодисменты перешли в овацию, как написал Ю. Мандельштам в “Возрождении”. Были — Алданов, Слоним, все почти молодые; Бальмонт обиделся, что я не прислал приглашения. Получил письмо от Ремизова. Успех большой и 1000 фр<анков>» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов.* С. 76). См. также запись в дневнике Ладинского от 19 апреля 1934 г.: «В зале Очага Русской Музыки был сегодня мой вечер. Много народу, Бальмонт, Гиппиус, Мережковский, Ремизовы, Ходасевич, Слоним, кн. Волконский и др. Кое-кто даже стоял. Встретили “горячими рукоплесканиями”. Читал главы из “Теренция Virgiliана”, так будет называться роман, и стихи. Успех большой “моральный и матерьяльный» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов.* С. 102).

Гоголевский вечер. Общ<ество> деятелей искусства. — 21 апреля 1934 г. в Союзе деятелей русского искусства, в помещении Salle de l’Eglise Américaine состоялся вечер, посвященный Н. В. Гоголю. А. М. Ремизов читал отрывки из произведений Гоголя. Отрывки из опер «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством» исполнили артисты Русской оперы Е. В. Лучезарская, Наталия Кашук и В. И. Карвяля. У рояля — Н. Кратиров.

Вечер Бальмонта. — 6 мая 1933 г. в Salle de Musée Social состоялся вечер К. Д. Бальмонта. В первом отделении: вступительное слово «Как возникает стих». Во втором: чтение стихов: «Серебряные туфельки (слова любви)», «Вейанье весны» (новые стихи), «Светослужение» (из неизданной книги), Песни о России. См. также запись в дневнике Ладинского от 6 мая 1933 г.: «На вечере Бальмонта. Полупустая зала “Лас-Каз”. Несколько старорежимных барышень. Пр<офессор> Кульман. Б. Зайцев. Адамович, чтобы заработать на отчете 30 фр<анков>. Еще какие-то совершенно невиданные типы. Очень много аплодисментов. Бальмонт входит в раж, читает, читает... В антракте. Зайцев представляет “знаменитому поэту” какую-то молоденькую девицу, пишущую стихи. Бальмонт, представляя меня: “Ладинский, сейчас более знаменит, чем я”. “Что вы, К<онстантин> Д<митриевич>» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов.* С. 75—76).

Концерт Горовица. — 16 мая 1934 г. в Théâtre des Champs Elysées состоялся единственный в сезоне концерт Вл. Горовица.

С. 359. «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина. Пражская группа. — 17, 20, 25, 30 мая 1934 г. в помещении Théâtre des Arts в рамках открытия XV сезона гастролей Пражской группы МХТ состоялась премьера спектакля «Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина.

Заседание в Сорбонне. / 120 лет со дня рождения Гоголя/ — 9 июня 1934 г. в Сорбонне прошел День русской культуры. Прошло торжественное собрание под председательством проф. Э. Омана. Д. М. Одинец произнес вступительное слово «10-летие Дня русской культуры». К 125-летию со дня рождения Н. В. Гоголя речи произнесли проф. Э. Оман и Д. С. Мережковский. А. М. Ремизов прочел отрывки из произведений Гоголя. В инсценировке «Мертвых душ» в постановке кн. Ф. Н. Касаткина-Ростовского приняли участие Д. Н. Кирова, В. И. Морева, Е. Я. Немирова, С. Г. Врублевский и др. Новый вокальный квартет Н. Н. Кедрова исполнил произведения Даргомыжского, Кюи и «Славу России» (музыка Н. Кедрова).

«Бесприданница» Островского Праж<ская> Г<руппа>... — 7 и 13 июня 1934 г. в помещении Théâtre des Arts в рамках гастролей Пражской группы МХТ состоялась премьера пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». В роли Ларисы выступила М. Крыжановская.

«Чужой ребенок» Шкваркина... — 19 мая 1934 г. в помещении Théâtre des Arts в рамках гастролей Пражской группы МХТ состоялась премьера комедии Шкваркина «Чужой ребенок». Роли исполняли: П. А. Павлов, В. М. Греч, Е. Н. Кедрова, А. Н. Богданов, Г. О. Свобода и др. Постановка — В. М. Греч. См. также запись в дневнике Ладинского от 8 июня 1934 г.: «Еще за это время видели “Чужой ребенок” Шкваркина и “Бродячих комедиантов”. “Чуж<ой> реб<енок>” интересна, к<a>к пьеса, которую требует советский зритель. Это остроумная пьеска старого доброго времени с благополучным брачным концом. Никакой пропаганды. Симпатичные осколки старого мира — старичок-музыкант и даже его жена. Славословие интеллигенции. Кто насадил вас (деревья) в таком порядке?.. Я тоже скрипка, не отнимайте от меня футляр (домик), я могу отсыреть...» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 106).

Фестиваль Евреинова. — 28 июня 1934 г. в помещении Salle d'Iéna состоялся театральный фестиваль, посвященный драматургическим и музыкальным произведениям Н. Н. Евреинова. Участвовали: Белла Рейн, М. М. Читау, Д. А. Дмитриев, Е. Н. Рощина-Инсарова, В. А. Кострова, А. М. Пихтина, А. П. Добровольская, Н. К. Кедрова, З. П. Козлова, М. Г. Петрова, Сима Рекси, Н. Д. Янчевский, М. С. Давыдова, Г. М. Поземковский. В программе: «Школа Этуалей», «Степик и Манюрочка», «Муж, жена и любовник» и др. Н. Н. Евреинов прочел лекцию «О внушении искусства».

Концерт в Трокадеро — 7 июля 1934 г. в Trocadéro прошел большой концерт казачьего хора и оркестра казаков-балалаечников под управлением А. А. Скрябина при участии дирижера А. А. Архангельского. Солисты: Л. Герберг, В. Тихомирова, О. Аргамонова и др. Сбор поступил в пользу нуждающихся русских музыкантов-балалаечников.

Кино: «Sapho» Альфонса Додэ... — французский художественный фильм «Сафо» (фр. «Sapho»), экранизация одноименного романа А. Додэ, 1934, реж. Леон Перре.

...показывали короля Александра Сербского [убийство]. — сербский король Александр Первый Карагеоргиевич (1888—1934) был застрелен вместе с министром иностранных дел Франции Луи Барту 9 октября 1934 г. в Марселе Владо Черноземским — боевиком македонской националистической организации. Король оказывал значительную помощь русской эмиграции.

Вечер поэтов... — 3 ноября 1934 г. в помещении Salle de Sociétés Savantes Объединение писателей и поэтов провело первый в сезоне литературный вечер, посвященный стихам 1934 г. В нем приняли участие: Г. Адамович, К. Бальмонт, Лю Ганский, З. Гиппиус, В. Злобин, Г. Иванов, Д. Кнут, А. Ладинский, В. Мамченко, Ю. Мандельштам, Д. Мережковский, И. Одоевцева, Н. Оцуп, Б. Поплавский, Г. Раевский, В. Смоленский, Ю. Софиев, П. Ставров, Ю. Терапиано, В. Ходасевич, М. Цветаева, Л. Червинская. См. также в дневнике Ладинского запись от 4 ноября 1934 г.: «Вчера — “вечер стихов”, на котором выступали все, кому не лень. “Успех”. Г. Иванов у Мережковских Гиппиус: — То, что вы читали вчера, не поэзия (о каком-то мертвом младенце). / Гиппиус: — По-вашему, поэзия — это грезы и роза? / Ив<анов>: — Да, есть только каких-то 25 слов, кот<орые> разрешается употреблять в стихах» (Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов. С. 116).

Денисов у м<атери>Марии. — 11 ноября 1934 г. по адресу 77, rue de Lourmel, 15, состоялся концерт И. К. Денисова «Русские духовные стихи». Вступительное слово произнес профессор Г. П. Федотов. Сбор поступил в пользу Покровской церкви при женском общежитии.

С. 360. *Концерт Гречанинова ~ потом 2 хорошие певицы: Макушина и Туровец / потом хор Афонского*. — 30 ноября 1934 г. в помещении Salle Gaveau состоялся концерт А. Т. Гречанинова. В концерте участвовали: Т. А. Макушина, Л. Е. Туровец, И. К. Денисов и др.; митрополичий хор под управлением Н. П. Афонского; хор учениц парижских профессоров пения; детские хоры Русской гимназии и Четверговой школы сестричества; квартет Н. Н. Кедрова; хор А. Е. Власова (исполнил плясовый хор из оперы «Добрыня Никитич»); И. Мириманова; Ю. Шор.

«Ревизор» у пражан... — 8 июня 1934 г. в помещении Théâtre des Arts в рамках гастролей Пражской группы МХТ к 125-летию со дня рождения Гоголя был сыгран спектакль по пьесе «Ревизор».

С. 360. *Концерт Хейфеца*. — 28 февраля 1934 г. в Théâtre des Champs Ellysées прошел единственный сольный концерт скрипача Я. Хейфеца.

Концерт Рахманинова. — 23 марта 1934 г. в Salle Pleyel состоялся концерт С. В. Рахманинова в пользу благотворительных учреждений во Франции. В программе: Моцарт, Бетховен, Шопен, Дебюсси, Рахманинов, Бородин, Лист.

Вечер Ремизова у Винавера. — 24 марта 1934 г. по адресу 26, Avenue de Tokyo, 16, состоялся весенний вечер А. М. Ремизова. В первом отделении писатель прочел свой рассказ «Слепая», во втором — рассказ Слепцова «Питомка», отрывки из романа Достоевского «Преступление и наказание» и поэмы Гоголя «Мертвые души». О вечере также см. рукописные записи Ремизова — информации о его вечерах (*At-herst*. Vox 12. F. 1.). См. печатную Программу десятого вечера чтения Алексея Михайловича Ремизова 24 марта 1934 г. (*ГЛМ*. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 957. 1 л.). См. также в дневнике Ладинского запись от 28 марта 1934 г.: «В прошлую субботу был на вечере Ремизова. Много народу. Читал, между прочим, рассказ забытого Слепцова (1836—1871) “Питомка”. Замечательный рассказ. / <Вклеен листок бумаги с аппликацией и автографом А. Ремизова:> “Антонину Петровичу Ладинскому. / Распорядительный билет. / 24 mars 1934 / Salle du Foyer / de la music Russe / 26. Avenue de Tokyo / Алексей Ремизов”» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 101).

Доклад Грабара в Общ<естве> «Икона»... — 24 мая 1935 г. в Обществе «Икона» состоялся доклад проф. А. Н. Грабара «Русская икона вне России в XVI—XVII веках».

Концерт у Винавера / Хорошая пианистка Энери... — 22 июня 1934 г. в помещении 26, Avenue de Tokyo, 16, состоялся единственный концерт пианистки Ирины Энери. В программе: Бетховен, Рамо, Годовский, Шуман, Шопен, Скрябин, Рахманинов, Лядов, Лист.

Кино: «La jeunesse bouleversée»... — немецкий художественный фильм-комедия «Расстроенная молодежь» (*фр.* «Jeunesse bouleversée»), 1933, реж. Карл Фрёлых (Carl Froehlich).

Кино: «Tovarichtch» — французский художественный комедийный фильм «Товарищ» (*фр.* «Tovarichtch»), 1935, реж. Жан Девал, Жермен Фрид.

«Пореволюционный клуб». — 27 марта 1935 г. состоялось заседание Пореволюционного клуба. Прошел диспут на тему: «Бесклассовое общество и как это возможно». Вступительное слово Н. Н. Алексеева. Выступили: Г. П. Федотов, Ю. А. Ширинский, А. Н. Антонов и др.

С. 361. *Концерт Карницкой и Ковалева*. — 16 апреля 1936 г. в Salle Gaveau прошел концерт, посвященный творчеству русских композиторов. Выступили: Е. А. Карницкая, Б. С. Блиндер, К. Е. Кайданов, П. И. Ковалев, Р. Тульман. У рояля — К. А. Лишке.

Концерт: украинские Рождественские колядки. — 12 января 1936 г. состоялся концерт смешанного украинского хора им. А. Кошица под управлением А. Чеховского. Были исполнены украинские рождественские мелодии, колядки.

Концерт Макановицкого... — 3 февраля 1936 г. в Salle Gaveau состоялся концерт скрипача Павла Макановицкого. Прозвучали произведения Баха, Моцарта, Глазунова, Альбениса и Крейсlera, Сарасате, Лили Буланже, Паганини.

Лекция о. Сергия Булгакова «Светлая печаль»... — 5 апреля в 1936 г. состоялась беседа протоиерея о. Сергия Булгакова «О страстях Господних».

Концерт Рахманинова. — 5 февраля 1936 г. в Salle Pleyel состоялся концерт Парижского симфонического оркестра под управлением Альфреда Корто, солист С. В. Рахманинов.

Концерт хора Богословского Института с Денисовым. — 7 февраля 1935 г. состоялся концерт хора богословского института под управлением И. К. Денисова, посвященный древним церковным распевам и народным духовным стихам.

Концерт Горовица. — 10 мая 1935 г. в Salle Rameau концерт Вл. Горовица. В программе произведения Шумана, Брамса, Шопена, Баха, Бузони, Скарлатти, Листа.

Вечер Ремизова / La Salle-Las Cases... — Вечер А. М. Ремизова состоялся 31 марта 1936 г. в Salle du Musée Social, 5 rue Las Cases. В первом отделении автор читал свои произведения, во втором — отрывки из «Мертвых душ» и «Майской ночи» Гоголя, «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина. См. также рукописные записи Ремизова — информации о его вечерах (*Amherst. Vox 12. F. 1*). См. также запись в дневнике Ладинского от 31 марта 1936 г.: «Вечер Ремизова. Полный зал. Не поклонник я его манеры читать <Вклеен пригласительный билет на вечер в Salle Las Cases 31 марта, написанный А. М. Ремизовым от руки>» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов. С. 178*).

С. 362. *Вечер Ладинского.* — 16 апреля 1935 г. по адресу 26, Avenue de Tokyo, 16, состоялся литературный вечер Ан. Ладинского под председательством И. А. Бунина. Писатель читал отрывки из романа «Пятнадцатый легион», рассказ «Верблюды в Регенсбурге», поэмы «Новая Америка», «Географическая поэма», стихи. См. запись в дневнике Ладинского от 22 апреля 1936 г.: «Мой “вечер”. Всегда боюсь в таких случаях: будет ли публика, будет ли сбор. Но всё обошлось благополучно. Зал битком, сбор (пока) перевал<ил> за тысячу, а еще не всё собрал. Был даже Милюков. Явился Б. Зайцев, Г. Иванов, Одовцева, Берберова, Слоним, мн<огие> другие» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов. С. 181*).

С. 362. *Кино:* «*Le nuits moscovites*» — французский художественный фильм «Московские ночи» (*фр.* «*Le Nuits moscovites*»), 1934, реж. А. М. Грановский, худ. по костюмам Ю. П. Анненков.

Кино: «*Sous la terreur*» — французский художественный исторический фильм «При терроре» (*фр.* «*Sous la terreur*»), 1936, реж. Марсель Кравен, Дживачино Форзано.

Заседание Общ<ества> Друзей Рус<ской> Книги. — 11 июня 1936 г. прошло заседание «Общества друзей русской книги». Были заслушаны доклады: Л. А. Гринберга «О русских жалованных грамотах XVIII в.» и Н. К. Кульмана «Первая грамматика русского языка».

Концерт День Русской Культуры. — 14 июня 1936 г. в Salle Pleyel состоялся День русской культуры, посвященный А. К. Глазунову. Вступительное слово произнес В. Ф. Зеелер. Выступили: З. Лисичкина, К. Т. Жукович, А. Веселовский, П. Макановицкий, квартет Э. Ортенберга, квартет Н. Н. Кедрова. Отрывки из балетов Глазунова в постановке Л. Н. Егоровой исполнили В. Блинова, Ж. Мулен, М. Славенска, Н. Тараканова, М. Франка, Р. Шанова, Фроман, К. Черкас. Аккомпанировали И. Энери, А. Лабинский, В. Павловский.

Балетный вечер в Opéra с Лифарем. — 15 июня 1936 г. в Opéra состоялась премьера балета «Голый король» (музыка Жана Франсе, постановка С. Лифаря, декорации Педро Прюны).

Веч<ер> Л. Львова с участием Хмары... — 29 июня 1936 г. состоялся Пушкинский вечер. В программе: вступительное слово организатора вечера Лоллия Львова «Парижские отклики на гибель Пушкина в 1837 году», Г. М. Хмара читал отрывки из произведений Пушкина, романсы на стихи Пушкина исполняли А. Аргутинская-Геворкян, М. Жук, Тася Тер-Осипова, Б. Шестакова, Ж. Цвибак. Аккомпанировали Тина Дембо и А. И. Лабинский. Пианист Ковалев исполнил «Сказку о рыбаке и рыбке» Н. Черепнина. Выставка старинных пушкинских книг и гравюр из собрания А. К. Семенченкова.

Кино: О Пастере. — Имеется в виду французский биографический фильм «Pasteur» (1935), реж. Саша Гитри.

В Общ<естве> Друзей Рус<ской> Книги доклады... — 23 октября 1936 г. состоялось заседание «Общества друзей русской книги». Были заслушаны сообщения: П. Н. Милоков. «Первопечатник Иван Федоров»; С. П. Ремизова-Довгелло. «Русские рукописные книги». См. запись в дневнике Ладинского от 23 октября 1936 г.: «На заседании Общ<еств>а друзей русской книги» (26, Av<енue de> Tokio. Доклад Милокова и Ремизовой-Довгелло. Видел «Часовник» из-под станка Ив. Федорова. Редчайшая книга. Покойный Дягилев купил ее случайно в Риме в 1926 г. Теперь принадлежит Лифарю. Печать изумительная» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов.* С. 201). Об отношении Ладинского к СП см. его дневниковую запись от 22 ноября 1936 г.:

«Днем были у меня: мрачный Корсак с женой, разговорчивый Яблоновский и зашли на минутку Ремизовы. О ней говорят так: “Толстейшую без сравнения серафим”» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 205).

С. 363. *Кино: «Une femme et hommes»*. — Возможно, имеется в виду французский художественный фильм «Семь мужчин, одна женщина» (фр. «Sept hommes, une femme»), 1936, реж. Ив Миранде.

Кино: «Тарас Бульба» — французский художественный фильм «Тарас Бульба», 1936, реж. А. М. Грановский.

Вечер Д. Кнута. — 29 октября 1936 г. в Salle des Sociétés Savantes состоялся литературный вечер Д. Кнута, который прочел рассказы, отрывок из романа, стихи.

Кино: «Сон в летнюю ночь» — экранизация комедии В. Шекспира, американский художественный фильм (англ. «A Midsummer Night's Dream»), 1935, реж. Макс Рейнхард, Уильям Дитерле.

Доклад Керенского. — 26 февраля 1936 г. состоялся доклад А. Ф. Керенского «Трагедия царской семьи»; 7 марта — «Гибель царской семьи».

Пушкинский концерт. — 8 февраля 1937 г. в Salle Pleyel состоялся организованный Пушкинским Комитетом концерт, посвященный А. С. Пушкину. Вступительное слово произнес Андре Пьер. В музыкально-литературном отделении выступили: квартет Кедрова, З. Лисичкина, Е. Садовень, Р. Спинадель, Г. Жукович, Ф. Рич, Е. Кайданов, П. Ковалев, А. Ремизов, В. И. Поль, а также С. Лифарь в новой балетной миниатюре «Танец Витязя» из оперы Глинки «Руслан и Людмила». См. запись в дневнике Ладинского от 8 февраля 1937 г.: «Собрание “Круга”. Мало народу: в тот вечер был Пушкинский концерт» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 217).

Заседание в память Пушкина. — 11 февраля 1937 г. в Salle d'Iéna состоялось организованное Пушкинским комитетом торжественное собрание памяти А. С. Пушкина. Вступительное слово произнес В. А. Маклаков. Речи произнесли: Д. С. Мережковский, И. С. Шмелев, М. М. Федоров, А. В. Карташев, французские профессора-пушкинисты Э. Оман и Ж. Легра. В музыкальном отделении выступили: квартет Кедрова, артисты Н. Вечор, И. Энери, И. К. Денисов, С. М. Кочубей.

Вечер памяти Пушкина. — 21 февраля 1937 г. в Salle d'Iéna прошел организованный Союзом деятелей русского искусства и Пушкинским Комитетом литературно-драматический вечер, завершающий пушкинскую неделю. Вступительную речь произнес Б. К. Зайцев. В программе вечера приняли участие: Л. А. Гатова, М. Н. Германова, О. А. Глебова-Судейкина, М. А. Жданова, М. А. Крыжановская, А. С. Эль-Тур, А. А. Александровский, Д. А. Дмитриев, А. И., Г. М. Хма-

ра, Б. Н. Шупинский, Г. Г. Рахманов. См. запись в дневнике Ладинского от 21 февраля 1937 г.: «Пушкинский вечер. Полная зала. “Иена”. Митрополит, генерал Миллер, Бунин, Маклаков. На эстраде старушки декламировали Пушкина. Боже мой!» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 219).

С. 363. *Концерт Рахманинова*. — 2 апреля 1936 г. в Salle Gaveau состоялся концерт С. В. Рахманинова. Были исполнены произведения Шопена, Листа, собственные сочинения. Вступительное слово о творчестве композитора произнес Жерар Баур.

Духовный концерт Денисова. — 4 марта 1936 г. состоялся концерт хора Богословского института под руководством и при участии И. К. Денисова. В программе прозвучали древние распевы. Сбор средств пошел на нужды храма Сергиевского подворья.

Вечер Ремизова — Вечер А. М. Ремизова состоялся 23 апреля 1937 г. на дому у Ю. Э. Конюса и его супруги Т. С. Конюс, урожденной Рахманиновой. См. рукописные записи Ремизова — информации о его вечерах (*Amherst*. Vox 12. F. 1). См. также запись в дневнике Ладинского от 26 апреля 1937 г.: «23 был мой вечер. Неизвестно почему, М^{ме} Цетлина позвонила мне с предложением организовать комитет по распространению билетов. Бунин и Алданов дали свои подписи. Народу было много, но, к сожалению, в этот же вечер устроил на квартире Конюс свое чтение Ремизов» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 225).

Концерт Шаляпина с хором Афонского. — 18 июня 1937 г. в Salle Pleyel состоялся концерт Ф. И. Шаляпина с участием Митрополитского хора Н. П. Афонского, Г. К. Павленко, А. А. Захаровой, пианистки М. Н. Каламкарян. В программе прозвучали произведения Мусоргского, Глинки, Бородина, Шумана, Шуберта и др. В заключение Шаляпин спел с хором «Вниз по матушке по Волге...».

Лекция М. И. Ростовцева. — 8, 10, 14, 15 июня 1937 г. М. И. Ростовцев прочел лекции по теме «Дура-Европос и месопотамское искусство эллинистической и римской эпохи».

С. 364. *Собрание Общества Икона*. — 27 июня 1937 г. в Богословском институте состоялось публичное собрание, посвященное 10-летию Общества. Выступили: И. В. Шнейдер, П. А. Федоров, В. П. Рябушинский.

«Анна Каренина» в гастрольном Художественном Театре. — 11 августа 1937 г. в рамках гастролей МХТ, проходивших в комплексе культурной программы СССР на Всемирной выставке (Париж, 25 мая — 25 ноября 1937 г.), в помещении Théâtre des Champs-Élysées была представлена инсценировка романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В ролях выступили: А. Тарасова, М. Прудкин, Н. Хмелев, В. Станицын и др. См также запись в дневнике Ладинского от 12 августа

1937 г.: «Побывал на спектаклях Моск<овского> Худож<ественного> Театра и захотелось написать несколько строк: М.Х.Т. больше не существует. <...> “Анна Каренина” окончательно разочаровала. Ушли с Т<атьяной>, не досидев до конца. Черкассова <так!> в Анне лишена всякой прелести, Бронский говорит ужасным голосом. Умер мировой М.Х.Т.» (*Ладинский А. Дневник 1932–1939 годов. С. 230–231*).

Концерт хора Красн<ой> Арм<ии>... — Согласно культурной программе СССР на Всемирной выставке 1937 г. в Париже прошли 13 показательных выступлений Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии под руководством А. В. Александрова. За блестящие выступления ансамбль был удостоен Гран-при выставки. См. запись в дневнике Ладинского от 19 сентября 1937 г.: «На концерте “Ансамбля Красной Армии”. 185 человек в белых рубахах. Выprávки особой нет, хотя некоторые солисты кланялись по-военному: одной головой. Хор прекрасный. В России, впрочем, это всегда было. Говорят, на “октавах” бывшие синодальные певчие, артисты. Это видно: некоторые воины или “бойцы”, к<а>к их теперь называют, с брюшками. Аранжировка грубовата (Александров). Новый репертуар слаб, “Берёзанька” — великолепно. <...> Страшно было смотреть на хор: все-таки это “красная армия”. / Говорят, кто-то из них сказал на rue Daug, где стояла толпа эмигрантов, из автокара: / — Белогвард<ейская> сволочь. / А другой русск<ому> шоферу: / — Ничего, скоро вернетесь» (*Ладинский А. Дневник 1932–1939 годов. С. 235–236*).

Симфонич<еский> концерт. — По изд.: *Русское зарубежье. Хроника 1–4* — такого концерта не выявлено.

Концерт М. А. Степун... — 15 ноября 1938 г. по адресу: 26, Avenue de Токуо, 16, состоялся первый в Париже сольный концерт оперной певицы М. А. Степун. У рояля — А. И. Лабинский.

Моск<овское> Землячество / Вечер... — 10 декабря 1938 г. Московское землячество провело вечер воспоминаний. В программе: В. Ф. Малинин. «Забастовка водопровода (из пережитого в 1905 г.)»; С. В. Яблоновский. «В доме Щепкина (Малый театр)»; А. М. Ремизов. «Мои первые московские сказки»; сцена из драмы А. Н. Островского «Гроза» в исполнении артистки Малого театра Е. Н. Рошиной-Инсаровой и Е. Б. Корсак, романсы Гречанинова — М. А. Степун. У рояля — К. А. Липке.

Доклад Паскаля в Рел<игиозно-> Фил<ософской> Академии о «Протопопе Аввакуме». — 22 января 1939 г. в Религиозно-философской академии состоялся доклад профессора Пьера Паскаля на русском языке «Протопоп Аввакум и начало раскола». В прениях участвовали Н. А. Бердяев, Д. М. Одинец, Г. П. Федотов и др.

Концерт А. П. Добровольской... — 27 января 1939 г. состоялся вечер артистки А. П. Добровольской. В вечере приняли участие: Л. Шаля-

пина, Kaissa Roba, юный скрипач Миша Тагрин, А. В. Кольчевская, Сергей Глебов. Конферансье — С. Аверино. У рояля — К. Липке.

С. 365. «Недоросль» в Рус<ском> Театре, постановка Евреино-ва... — 11, 12, 18 и 26 марта 1939 г. в Русском театре состоялись премьерные спектакли по пьесе Фонвизина «Недоросль». Режиссер-постановщик Н. Н. Евреинов.

Вечер Ремизова. — Дата вечера точно не указана. В 1938 г. вечер чтения Ремизова состоялся 31 мая в Salle du Musée Social. В программе: чтение рассказов из книги «Узлы и закруты», произведений Некрасова, Горького, «Черный Араб» Пришвина, «Пан Халявский» Квитки-Основьяненко. См. запись в дневнике Ладинского от 31 мая 1938 г.: «На вечере у Ремизова. Полная зала в Las-Cases. Читает он как артист, даже ножкой притопывает для ритма» (*Ладинский А. Дневник 1932—1939 годов*. С. 265). В 1939 г. вечер чтения А. М. Ремизова состоялся 22 апреля в Salle du Musée Social (5, rue Las Cases). В программе: чтение отрывков из книги «Узлы и закруты», произведений А. С. Пушкина «Цыгане», А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек», А. А. Погорельского «Лефортовская маковница». См. также: рукописные записи Ремизова — информации о его вечерах (*Amherst. Vox* 12. F. 1).

Вечер Л. Львова... — 23 мая 1939 г. по адресу 26, Avenue de Tokyo, 16, состоялся вечер Лоллия Львова. В программе: поэт читает свои стихи, арии из опер Россини исполняет Д. Вальми, соната для виолончели — Ю. Шор и А. И. Лабинский, романсы Гречанинова и Римского-Корсакова — Женни Цвибак.

Вечер «Общества» Др<узей> Рус<ской> Книги. — 24 мая 1939 г. в Обществе друзей русской книги состоялся доклад П. К. Паскаля «Как я дошел до Аввакума (По следам протопопа Аввакума в СССР) (1927—1930)». Ремизов читал открытое Паскалем в фонде Сибирского приказа неопубликованное Донесение царю Алексею Михайловичу даурского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова о наказании кнутом Аввакума, а также отрывок из его «Жития» о даурской ссылке протопопа. Были также заслушаны сообщения В. Л. Ячиновского «О редких изданиях книг Лермонтова и его неизданной рукописи» и А. Шика «О неизвестном немецком варианте стихов Жуковского».

Концерт 2-х хоров: Афонского и Данилова. — 9 июня 1939 г. в Eglise Luthérienne прошел духовный концерт в пользу храма Успения Пресвятой Богородицы с участием Митрополичьего хора под управлением Н. П. Афонского (солистки А. А. Захарова и Г. К. Павленко) и хора Богословского института под управлением И. К. Денисова.

Праздник в Сергиевом подворье... — 11 июня 1939 г. Сергиевское подворье провело праздник русской церковной культуры, посвящен-

ный Владимиру Святому и Иоанну Кронштадтскому. Митрополит Евлогий в сослужении с епископом Иоанном отслужил торжественный молебен всем святым, в земле Русской просиявшим. Прозвучали доклады А. В. Карташова «500-летие торжества русского православия над латинской унией. Акт Флорентийского собора 5 июля 1439 г.», прот. С. Четверикова «30-летие со дня кончины великого молитвенника земли Русской отца Иоанна Кронштадтского», сообщения И. И. Ветвеницкого и И. В. Никанорова. Состоялось выступление хора студентов Богословского института под управлением И. К. Денисова и хора Русской гимназии под руководством Е. В. Гермониус.

Праздник у Church'a в Villa d'Avrey. — см.: *Книга V.* Коммент. к с. 355.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

- ГАРФ* — Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (Москва).
- ГЛМ* — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей)». Отдел фондов рукописей (Москва).
- ГЛМ ОКФ* — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей)». Отдел книжных фондов. (Москва).
- ГПИБ России* — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственная публичная историческая библиотека России» (Москва).
- ИРЛИ* — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук». Рукописный отдел. Литературный музей. Библиотека (Санкт-Петербург).
- РГАЛИ* — Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства» (Москва).
- РГБ* — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская государственная библиотека». Научно-исследовательский отдел рукописей (Москва).
- РНБ* — Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека». Отдел рукописей (Санкт-Петербург).
- СПФ АРАН* — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

- ЦСПИ* — Центр социально-политической истории (в 1992—2014 гг. *ГОПБ* — Государственная общественно-политическая библиотека), филиал *ГПИБ России* (Москва).
- Amherst* — Центр Русской культуры Амхерст-Колледжа (США). Архив А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло (Amherst College Center for Russian Culture (USA). «Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers»).
- Bakhtmeteff Archive* — Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета г. Нью-Йорка (США) (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University in the City of New York (USA). «Ms Coll Chekhov Publishing House»).

Печатные издания

- Алексей Ремизов: Исследования и материалы 1994* — Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.
- Алексей Ремизов: Исследования и материалы 2003* — Алексей Ремизов: Исследования и материалы: сб. науч. ст. / отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. (Collana di Europa Orientalis; Вып. 4).
- БВ* — Биржевые ведомости (газета; С.-Петербург).
- Бестужевские курсы* — Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.): сб. ст. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965.
- Богомолов Н. А. 2009* — *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной INTRADA, 2009.
- Бунич-Ремизов (1)* — *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы 1994*. С. 267—272.
- Бунич-Ремизов (2)* — *Бунич-Ремизов Б. Б.* Родные и близкие С. П. Ремизовой-Довгелло в посвященных ее жизни произведениях // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы 2003*. С. 367—372.
- ВЖК* — Высшие женские Бестужевские курсы.
- Волшебный мир Алексея Ремизова* — Волшебный мир Алексея Ремизова: каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992.
- ВРБ* — *Ремизов А. М.* В розовом блеске. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

- Грачева 2000* — *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. (Studiorum Slavicorum Monumenta; [Vol.] 19).
- Грачева 2010* — *Грачева А. М.* Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. (Б-ка Пушкинского Дома).
- Даль В.*, с указанием раздела — *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Худож. лит., 1989.
- ДМ-I* — Алексей Ремизов. Дневник мыслей 1943—1957 гг. Том I: Май 1943 — январь 1946. / отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста А. М. Грачевой, Н. М. Коньчевой, Л. В. Хачатурян; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013.
- ДМ-II* — Алексей Ремизов. Дневник мыслей 1943—1957 гг. Том II: Январь 1946 — март 1947. / отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015.
- ДМ-III* — Алексей Ремизов. Дневник мыслей 1943—1957 гг. Том III: Март 1947 — февраль 1950. / отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017.
- ДМ-IV* — Алексей Ремизов. Дневник мыслей 1943—1957 гг. Том IV: Февраль 1950 — ноябрь 1951. / отв. ред., авт. вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста О. А. Линдеберг; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян, А. С. Урюпиной. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2020.
- Кодрянская 1959* — *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж: Изд. авт., [1959].
- Кодрянская 1977* — *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж: [б. и.], 1977.
- Кукха* — *Ремизов Алексей.* Кукха. Розановы письма / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент., указатель имен Е. Р. Обатниной. СПб.: Наука, 2011. (Лит. памятники).
- Лифарь 1966* — *Лифарь С.* Моя зарубежная пушкиниана. Пушкинские выставки и издания. Париж: Изд. авт., 1966.
- Лицо писателя* — *Ремизов А. М.* Лицо писателя: Материалы к книге // *Грачева 2010*. С. 241—483.
- ЛН* — Литературное наследство (издательская серия).
- Мейерхольд. Наследие 2* — В. Э. Мейерхольд. Наследие / предисл., сост. и коммент. О. М. Фельдмана. М.: Новое издательство, 2006. Т. 2.
- На вечерней заре 1985* — На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. [Vol.] IV. P. 149—190.

- На вечерней заре 1987* — На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1987. [Vol.] VI. P. 237—310.
- На вечерней заре 1990* — На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. [Vol.] IX. P. 443—498.
- На вечерней заре 2014 (1)* — На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // *РЛ*. 2014. № 1. С. 149—177.
- На вечерней заре 2014 (2)* — На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // *РЛ*. 2014. № 3. С. 142—185.
- На вечерней заре 2015* — Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // *РЛ*. 2015. № 3. С. 153—203.
- На вечерней заре 2016* — На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (Окончание) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // *РЛ*. 2016. № 2. С. 162—210.
- На вечерней заре 2017* — Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / вступ. ст. и коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста А. С. Урюпиной // *РЛ*. 2017. № 2. С. 56—95.
- На вечерней заре 2018 (1)* — Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / вступ. ст. и коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // *РЛ*. 2018. № 1. С. 163—209.
- На вечерней заре 2018 (2)* — Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1921—1922 гг. / подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной; коммент. Е. Р. Обатниной // *Литературный факт*. 2018. № 7. С. 46—81.
- На вечерней заре 2018 (3)* — Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1921—1922 гг. (Окончание) / вступ. заметка и коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // *Литературный факт*. 2018. № 8. С. 8—67.
- На вечерней заре 2019 (1)* — Ремизов А. М. На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1912 год / вступ. ст. и коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // *РЛ*. 2019. № 1. С. 90—116.
- На вечерней заре 2019 (2)* — Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1923 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной

и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 36–91.

На вечерней заре 2019 (3) – Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1924 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108.

На вечерней заре 2020 (1) – Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1925 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114.

На вечерней заре 2020 (2) – Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1926 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 54–87.

На вечерней заре 2020 (3) – Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1926–1927 гг. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 40–108.

На вечерней заре 2021 – Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло: 1927 г. (Окончание) / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 8–48.

НЖ – «Новый журнал» (Нью-Йорк, 1942 – продолж. изд.).

НРС – «Новое русское слово» (газета; Нью-Йорк, 1910–2010).

Обатнина 2001 – Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.

Обатнина 2008 – Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Filosoфoвым – Переписка З. Н. Гиппиус с Д. В. Filosoфoвым / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Л. Соболева // *ЛН*. Т. 106: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 586–857.

Переписка З. Н. Гиппиус с Ремизовыми – Переписка З. Н. Гиппиус с С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизовым (1905–1941) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е. Р. Обатниной // *ЛН*. Т. 106: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 249–492.

- Переписка с Савинковым* — «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е. И. Гончаровой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2009.
- Переписка с Философовым* — Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / публ. и коммент. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 366—422.
- Переписка с Шестовым* — Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // РЛ. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 158—197; № 4. С. 92—133; 1993. № 1. С. 170—181; № 3. С. 130—140; № 4. С. 147—158; 1994. № 1. С. 159—174; № 2. С. 136—185.
- Письма к Щеголеву (1998)* — Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 1: Вологда (1902—1903) / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб.: Наука, 1998. С. 121—177.
- Письма к Щеголеву (2002)* — Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2: Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903—1904) / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 153—205.
- ПН* — «Последние новости» (газета; Париж).
- Резникова 2013* — *Резникова Н.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / сост., подгот. текста, вступ. ст. и аннот. именной указ. А. М. Грачевой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013.
- РК I—X* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2000—2003:
- Пруд-РК I* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2000. Т. I: Пруд.
- Докука и балагурье-РК II* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2000. Т. II: Докука и балагурье.
- Окацион-РК III* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2000. Т. III: Окацион.
- Плачужная канава-РК IV* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2001. Т. IV: Плачужная канава.
- Взвихренная Русь-РК V* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2000. Т. V: Взвихренная Русь.
- Лимонарь-РК VI* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2001. Т. VI: Лимонарь.
- Ахру-РК VII* — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. 2002. Т. VII: Ахру.

- Иверень-РК VIII* — Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. 2000. Т. VIII: Иверень.
- Учитель музыки-РК IX* — Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. 2002. Т. IX: Учитель музыки.
- Петербургский буерак-РК X* — Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. 2003. Т. X: Петербургский буерак.
- РЛ* — «Русская литература» (журнал; Л. (СПб.), 1958 — по настоящее время).
- Росток-XI* — Ремизов А. М. Собр. соч. СПб.: Росток, 2015— (продолжающееся):
- Зга-Росток XI* — Ремизов А. М. Собр. соч. 2015. Т. XI: Зга.
- Русалия-Росток XII* — Ремизов А. М. Собр. соч. 2016. Т. XII: Русалия.
- Россия в письменах-Росток XIII* — Ремизов А. М. Собр. соч. 2017. Т. XIII: Россия в письменах.
- Звезда надзвездная-Росток XIV* — Ремизов А. М. Собр. соч. 2018. Т. XIV: Россия в письменах.
- В розовом блеске-Росток XV* — Ремизов А. М. Собр. соч. 2019. Т. XV: В розовом блеске.
- Полуночное солнце-Росток XVI* — Ремизов А. М. Собр. соч. 2021. Т. XVI: Полуночное солнце.
- Русское зарубежье. Хроника 1—4* — Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция / под общ. ред. Л. А. Мнухина: Париж; М.: УМСА-Press; ЭКСМО, 1995—1997. Т. 1—4: 1920—1940.
- СЗ* — «Современные записки» (журнал; Париж, 1920—1940).
- Соболев А. Л. 2013* — Соболев А. Л. Северная ссылка Ремизова: Уточнение нюансов // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар. М.: Трутень, 2013. С. 176—212. (Летейская б-ка: очерки и материалы по рус. лит. XX века; Т. 2).
- Сирин 1—8* — Ремизов А. Сочинения: в 8 т. СПб.: Сирин, 1910—1912.
- Толковый словарь В. И. Даля I—IV* — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978—1980. Т. I—IV.
- Шиповник 1—8* — Ремизов А. Сочинения: в 8 т. СПб.: Шиповник, [1910—1912].
- Эткинд Александр. Хлыст* — Эткинд А. Хлыст: (Секты, литература и революция). 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Intellect and Ideas* — *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.

Архивные источники

Адреса 1905–1912 – Адреса и маршруты поездок за 1905–1912 гг. // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Адреса 1913–1916 – Адреса и маршруты поездок за 1913–1916 гг. // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6.

Авт. коммент. – авторский комментарий.

диал. – диалектизмы.

обл. – областной.

ЛН – Литературное наследство.

НР – наборная рукопись.

СП – Серафима Павловна Ремизова-Довгелло.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА I

Торопился переписывать: все боюсь, не поспею.....	5
<ПИСЬМА>	6
ПЕТЕРБУРГ.....	6
1–3.....	6
<ГЕРМАНИЯ>	7
1–14.....	7
<ФРАНЦИЯ>	13
15–69.....	13
НАДПИСИ НА ФОТОКАРТЧКАХ	44
1.....	44
2.....	44
ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЗАПИСЕЙ	45
1.....	45
2.....	46
3.....	46
4.....	46
<ПИСЬМА НЕОТОСЛАННЫЕ И ВЕРНУВШИЕСЯ>	47
1. ПИСЬМО JULES LEGRAS [†14 V 1939].....	47
2. ПИСЬМО К З. Н. ГИППИУС [МЕРЕЖКОВСКОЙ].....	48
3. ПИСЬМО АЛФЕРОВЫМ.....	50
4. ПИСЬМО ВАНДЕ АДАМОВНЕ СПУВ-ВВЕДЕНСКОЙ.....	52
5. ПИСЬМО К D'ANCONA.....	53
6. ПИСЬМО РОРЕСКО.....	54
7. ПИСЬМА В. Г. КВИЛЬ-ТИЩЕНКО.....	55
1.....	55
2.....	57
8. ПИСЬМО И. С. ШМЕЛЕВУ.....	57

<9.> ПИСЬМО И. КРИСТИН.....	58
<10.> ПИСЬМО К Mme BARBARA CHURCH.....	59
КАК Я ВИДЕЛА КОГО В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ	60
ИЗ ДНЕВНИКА	60
I.....	60
ЛИДА.....	60
БАБУШКА	61
ДИКСОН.....	61
ПАПА	62
ЛИДА БОРЕЙКО	63
ФЕДОР ИВАНОВИЧ ЩЕКОЛДИН	64
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ БУЛИЧ.....	65
МАМА.....	65
БЛОК.....	66
ШКОТТ	66
САВИНКОВ.....	66
ЧЕХОВ	67
БИСК.....	67
РОЗАНОВ.....	68
ЦВЕРЦИКЕВИЧ	68
МОЙ ПЕТЕРБУРГ	69
ОЧЕНЬ СТРАШНОЕ	70
II.	70
НАДЯ САМОЙЛОВИЧ	70
III.	72
БОРИС ВИКТОРОВИЧ САВИНКОВ.....	72
IV.	76
ИЗ ДНЕВНИКА.....	76
1. ПОСЫЛКА [В. В. Диксон]. Сон.....	76
2. [ПЕТУХ]. Сон	77
3. [МЫЛО]. Сон	77
4. [СНЕГ]. Сон	77
5. [ГНЕЗДО]. Сон.....	77
6. «Культурный человек тот, кто различает великое и малое...»	78
7. «Разница между дядей Ив<аном> Ив<ановичем> Довгелло (“отчаянный”) и Шкоттом...»	78
8. «Если думаю, что хорошо в той жизни...»	78
9. «Мне так тяжело, я хочу умереть...».....	78
10. «Когда я думаю о том, что больше всего меня мучит...».....	79
11. «Я — не литератор».....	79

V.	79
[ИЗ ПРЕРВАННЫХ ДУМ]. 1923—1924—1925	79
1. ПРО ОТЦА. Сон.....	79
2. ПЕРВЫЕ ПАРИЖСКИЕ ДНИ	80
3. НА ДВЕРЯХ	81
4. В РАЗГОВОРЕ.....	82
5. А УМЕРЕТЬ ДАЮТ	83
6. ДЕСЯТЬ КОНФЕТ ИЛИ СТО РУБЛЕЙ [Л. И. Красильщик]. Сон.....	83
7. БЕРЕСТОВЕЦ [Тени]. Сон.....	84
8. РЕРИХ. Сон.....	85
9. «...не согласилась, чтобы... ходил»	85
10. ПУШКИНСКИЕ РУКОПИСИ. Сон.....	86
11. ДИКСОН. (Сон).....	86
12. АНГЛИЧАНКИ.....	87
13. «Как тяжело жить, когда нельзя высказать того, что возмущает всю душу».....	88
14. КНИГИ. Сон.....	88
15. ДВОЙНОЙ СОН	89
16. С БЛОКОМ О ДИКСОНЕ. Сон.....	90
17. ДВЕ СТАРУХИ И КОФИЙ. Сон.....	91
18. «Живу у совсем чужих и простых...»	91
19. «Надоело мне здесь ужасно...»	92
20. «Совсем я одинокая»	92
21. Сон.....	93
VI.	93
СТАРШАЯ СЕСТРА.....	93
VII.	95
В БОЛЕЗНЬ	
1. НА ТЮФЯКЕ. Сон.....	95
2. С КУВШИНОМ В ГРЯЗИ. Сон	95
3. «ПИЩИК». Сон	96
4. ПРОШЛОГОДНИЕ ЕЛКИ. Сон.....	96
5. В ГРОБУ.....	96
6. ОБЕЗЬЯНКИ.....	97
7. ЧУЛКИ, НА ИЗВОЗЧИКЕ И ПИСЬМО ДИКСОНА. Сон.....	97
8. «КОЗАК МОЛОДОЙ». Сон	98
9. В ЧЕРНОМ И В СЕРОМ. Сон.....	99
10. НА КЛАДБИЩЕ И ВНИЗУ	99
11. ЛЕКЦИЯ ПАСТЁРА. Сон.....	100
<12>. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА. Сон.....	101

VIII.	101
ИЗ ДНЕВНИКА. 1926	101
1.	101
2.	102
3.	102
Т<ышка> – Д<иксон>. Сон	102
4. Предисловие к стихам Вл. Диксона «Листья». Изд. «Вол», Paris, 1927	103
5.	103
6. о. Иоанн.....	104
7. «В воскресенье было нашествие».....	104
IX.	105
ИЗ ДНЕВНИКА. 1930–1931–1932	105
1. 245. Сон	105
2. ДИКСОН	106
3. ДВА ПУТИ.....	106
4. «ХОРОШО ЛЮБИТЬ».....	107
5. ГОДОВЩИНА [Диксон]. Сон	107
6. БРЕТАНЬ.....	108
7. «ПТИЦЫ»	108
8. ПАМЯТЬ.....	109
X.	109
ИЗ ДНЕВНИКА. 1933	109
1. ТРОЦКИЙ. Сон	109
2. «Теперь, когда мы в таком ужасном положении...»	110
3. «Как я рада, что мы живем не в Булони»	110
О Бедном Диксоне.....	111
ПЕТЕРБУРГ. 1907–1909	116
1. Очень мне плохо.....	116
2. Дрожит вся душа.....	118
3. Пасха.....	119
4. Наташе	119
5. Мои записки.....	122
6. Не поддержал. Сон	123
7. Про птичку, как руку клевала. Сон	123

КНИГА II

ПЕТЕРБУРГ 1908–1909

СНЫ	127
1. ЛЕВ ШЕСТОВ.....	127
2. З. А. ВЕНГЕРОВА	129

3. Ф. К. СОЛОГУБ.....	130
4. ВЯЧЕСЛАВ ИВ. ИВАНОВ.....	132
5. К. Д. БАЛЬМОНТ.....	138
6. Д. В. ФИЛОСОФОВ.....	139
7. МЕРЕЖКОВСКИЕ.....	140
1. <З. Н. Гиппиус> «То бурная, властно-мятежная...».....	141
2. <З. Н. Гиппиус> Тебе («В горькие дни, в часы бессонные...»).....	142
Из дневника 1941 г.....	142
ПЕТЕРБУРГ.....	143
На Шпалерной [предварилка].....	143
1. Книги.....	143
2. Марусе.....	143
3. Н. К. Михайловский.....	144
4. Отзыв Михайловского.....	151
МОИ СОБСТВЕННЫЕ КНИГИ.....	152
ДВЕ КАРТИНКИ.....	157
АТТЕСТАТЫ.....	157
1. Свидетельство С.-Петербургских Высших Курсов.....	158
2. Аттестат Им<ператорского> Археологического Института.....	160
3. Диплом Alliance Française École pratique de langue Française Diplôme Supérieur d'Études Françaises Modernes.....	162
4.....	163
Русский историко-филологический факультет в Париже.....	163
Анкета Русского Культурно-Исторического Музея.....	163
БЕЗЫМЯННЫЕ СТИХИ.....	164
НАША СВАДЬБА И КОНЕЦ.....	167
Кто был на похоронах или письмо прислал кто: Или на улице встреча.....	172

КНИГА III

В этой книге собрано самое большое.....	179
ИЗ «ОЛИ» О СМЕРТИ ОТЦА.....	180
ИЗ ДНЕВНИКА.....	182
ТУНГУС В ЮБКЕ. Сын меча.....	186
КУМ.....	190
К. Л. ЗАРУЦКИЙ	192
1. «Мне очень тяжело жить...».....	192
2. ПАСХА.....	192
3. СОРОКОУСТ.....	192
4. НОЧЬ.....	194

5. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА.....	194
6. О НЕМ.....	195
7. КОНЕЦ.....	200
8. <СНЫ>.....	202
I. Птичка как руку клевала. <i>Сон</i>	202
II. Мертвыми глазами. <i>Сон</i>	204
III. Частями. <i>Сон</i>	205
IV. С Наташей. <i>Сон</i>	205
V. Т — Д. <i>Сон</i>	206
9. РУКОПИСИ.....	206
ИЗ ВЕЧНОГО.....	208
«НЕПОПРАВИМОЕ». 1902 г. 9 X Вологда.....	209
БИСЕРНАЯ СТЕНА	215
МЕСТА НА ЗЕМЛЕ	218

КНИГА IV
НА БЕССРОЧНОЙ КАТОРГЕ
Русский исторический альбом.
1926—1943. Париж

«Я начинаю писать объяснения...».....	231
№ 1. Петр Петрович Сувчинский.....	233
№ 2. Кн<язь> Димитрий Петрович Святополк-Мирский.....	234
№ 3. Жорж — Юргис Юргисович Балтрушайтис.....	235
№ 4. Федор Августович Степун [<i>Steppun</i>].....	236
№ 5. А<лексей> М<ихайлович> Ремизов.....	238
№ 6. Михаил Андреевич Осоргин (Ильин).....	238
№ 7. Лев Исаакович Шестов (Шварцман).....	239
№ 8. Василий Эмильевич Сеземан.....	239
№ 9. Владимир Иванович Лебедев.....	239
№ 10. Марк Львович Слоним.....	240
№ 11. Константин Васильевич Мочульский.....	240
№ 12. Анна Ивановна Лозинская, мать Г. Л. Лозинского.....	241
№ 13. Григорий Леонидович Лозинский.....	241
№ 14. Алексей Алексеевич Архангельский.....	241
№ 15. Юрий (Юргис) Казимирович Балтрушайтис.....	242
№ 16. Сергей Григорьевич Сватиков.....	243
№ 17. Борис Петрович Вышеславцев.....	243
№ 18. Димитрий Николаевич Крачковский.....	244
№ 19. Константин Андреевич Сомов.....	244
№ 20. Димитрий Сергеевич Мережковский.....	245
№ 21. Александр Иванович Куприн.....	246

№ 22. Георгий Гаврилович Шклявер.....	247
№ 23. Антоний Павлович Воротников.....	247
№ 24. Сергей Порфирьевич Постников.....	248
№ 25. Владимир Васильевич Диксон.....	248
№ 26. Николай Константинович Мукалов.....	248
№ 27. Владимир Михайлович Зензинов.....	248
№ 28. Мстислав Валерьянович Добужинский.....	249
№ 29. Александр Федорович Керенский.....	250
№ 30. Зинаида Николаевна Гиппиус (Мережковская).....	251
№ 31. Иван Иванович Манухин.....	251
№ 32. Татьяна Ивановна Манухина.....	252
№ 33. Иван Альбертович Пуни.....	253
№ 34. Ксения Леонидовна Пуни-Богуславская.....	253
№ 35. Пекельный.....	253
№ 36. Ольгерд Витовтович Мошинский (A. Mořinskis).....	253
№ 37. Наталья Александровна Набокова (ур<ожденная> Шаховская).....	254
№ 38. Николай Димитриевич Набоков.....	254
№ 39. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов.....	254
№ 40. Сергей Сергеевич Прокофьев.....	254
№ 41. Николай Александрович Бердяев.....	255
№ 42. Николай Карлович Кульман.....	255
№ 43. Наталья Ивановна Кульман (Лихарева-Бокий).....	255
№ 44. Рахиль Григорьевна Осоргина (Макеева).....	256
№ 45. Иван Андреевич Шкотт (Болдырев).....	256
№ 46. Oton Juranić Жупанич.....	256
№ 47. Сергей Васильевич Рахманинов.....	257
№ 48. Федор Евдокимович Махин.....	257
№ 49. Надежда Даниловна Городецкая.....	257
№ 50. Павел Иванович Попич.....	258
№ 51. Степан Григорьевич Янич.....	258
№ 52. Николай Авдеевич Оцуп.....	258
№ 53. Нина Николаевна Берберова.....	259
№ 54. Владимир Сергеевич Варшавский.....	259
№ 55. Борис Юлианович Поплавский.....	259
№ 56. Борис Константинович Зайцев.....	260
№ 57. Кн<язь> Андрей Владимирович Оболенский.....	260
№ 58. Борис Алекин.....	260
№ 59. Владимир Васильевич Вейdle.....	261
№ 60. Юрий Владимирович Мандельштам.....	261
№ 61. Давид Моисеевич Кнут.....	261
№ 62. Юрий Борисович Бек-Софиев.....	261
№ 63. Анатолий Васильевич Алферов.....	261

№ 64. Петр Маркович Костанов	262
№ 65. Альфред Альфредович Сван.....	262
№ 66. Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс.....	262
№ 67. Игорь Васильевич Северянин (Лотарев).....	263
№ 68. Александр Николаевич Бенуа.....	263
№ 69. Анна Карловна Бенуа.....	264
№ 70. Иеромонах [<i>Архимандрит</i>] Иоанн (кн<язь> Дим<итрий> Алексеевич Шаховской).....	264
№ 71. Владимир Давидович Аитов.....	264
№ 72. Евгений Иванович Замятин	265
№ 73. Николай Васильевич Makeев.....	265
№ 74. Николай Васильевич Зарецкий.....	266
№ 75. Константин Викентьевич Дыдышко.....	266
№ 76. Евгений Васильевич Аничков.....	267
№ 77. Юрий Фельзен (Николай Бернгардович Фрейдентшт<ейн>).....	267
№ 78. Яков Борисович Полонский.....	267
№ 79. Евгения Юльевна Аронсберг [Штерн]	268
№ 80. Эсфирь Соломоновна Познер.....	268
№ 81. Борис Генрихович Унбегаун	268
№ 82. Соломон Владимирович Познер.....	268
№ 83. Александр Иосифович Аронсберг.....	269
№ 84. Вадим Викторович Руднев.....	269
№ 85. Раиса Ноевна Блох.....	269
№ 86. Михаил Генрихович Горлин.....	270
№ 87. Владимир Николаевич Ильин [Балаболка].....	270
№ 88. Владислав Фелицианович Ходасевич.....	271
№ 89. Лоллий Иванович Львов.....	271
№ 90. Павел Николаевич Апостол.....	272
№ 91. Петр Карлович Паскаль	272
№ 92. Николай Константинович Рерих.....	272
№ 93. Георгий Раевский [<i>Г<еоргий> Авдеевич Оцуп</i>].....	273
№ 94. Софья Алексеевна Оцуп-Рейман.....	273
№ 95. Павел Николаевич Милюков.....	274
№ 96. Марк Александрович Алданов (Ландау).....	274
№ 97. Николай Николаевич Евреинов.....	274
№ 98. Анна Александровна Кашина-Евреинова.....	275
№ 99. Иван Сергеевич Шмелев.....	275
№ 100. Albert Steffen.....	275
№ 101. Marie-Anne Comnène.....	276
№ 102. Лев Адольфович Гринберг	276
№ 103. Евгений Максимович Винавер.....	276
№ 104. Юрий Павлович Анненков (Б. Темирязов).....	276

№ 105. Сергей Михайлович Лифарь.....	277
№ 106. Леонид Михайлович Лифарь.....	277
№ 107. Fritz Lieb, Федор Иванович.....	277
№ 108. Федор Степанович Рожанковский.....	278
№ 109. Аркадий Вениаминович Руманов.....	278
№ 110. Jules Legras, Юлий Антонович.....	278
№ 111. Вера Георгиевна Квиль (Тищенко).....	278
№ 112. Софья Евгеньевна Струве.....	279
№ 113. Валентин Федорович Булгаков.....	279
№ 114. Абрам Товиевич Шленский.....	279
№ 115. Юрий Павлович Иваск.....	279
№ 116. Исидор Николаевич Квиль.....	280
№ 117. Ольга Федоровна Ковалевская (Блок).....	280
№ 118. Jules Supervielle.....	280
№ 119. Василий Лукич Ячиновский.....	280
№ 120. Наталья Владимировна Кодрянская (Генгросс).....	281
№ 121. И<саак> Кодрянский.....	281
№ 122. Владимир Владимирович Бутчик.....	281
№ 123. Глеб Владимирович Чижов.....	281
№ 124. Василий Петрович Никитин.....	281
№ 125. Константин Иванович Солнцев.....	282
№ 126. Павел Николаевич Переверзев.....	282
№ 127. Сергей Константинович Маковский.....	282
№ 128. Mirca Pretnar.....	282
№ 129. Robert Vivier.....	283
№ 130. Nicolai M. Rinoret.....	283
№ 131. Jean Priel.....	283
№ 132. Jean Chuzeville.....	283
№ 133. Rudolf von Scholtz.....	283
№ 134. Ante Jrshcujak.....	283
№ 135. Herwarth Walden.....	283

КНИГА V

ПЕТЕРБУРГ

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ 1916 <г.>.....	287
1.	287
2.	289
3.	292
4.	293
ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1917 <г.>.....	295
1.	295

2.	296
3.	296
4.	297
1.	298
2.	298
3.	298
4.	299
5.	299
6.	299
7.	299
8.	300
9.	300
10.	301
11.	302
5.	302
6.	304
7. Рождество	305
8. О критике.....	306
9. О писателях.....	308
10. Душа русской литературы.....	309
ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1918 г.	310
1.	310
2.	310
3.	311
4. Письмо З. Н. Гиппиус.....	313
5. И. А. Рязановский.....	315
Мережковские	315
7.	316
8. Пасха.....	316
9. Погасло электричество. Сон.....	317
10.	318
11.	318
12.	319
13.	321
14.	322
15.	323
ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1919 г.	323
1.	323
2.	324
3.	325
4. Сон.....	325
5. Федор Иванович Щеколдин † 1919.....	326
6.	328

7.	328
В трамвае.....	329
8. Восьмушка. Сон.....	330
9. Сон.....	330
10.	330
11.	331
ИЗ ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ 1921 г.	332
1. Большое дыхание памяти. Сон.....	332
2.	334
3.	334
4. Сон.....	335
Наше путешествие 1921 5 VIII – 21 IX.....	335
ПЕТЕРБУРГ	340
В лазарете 1915	340
Молитва.....	347
Мертвые цветы	354
Развлечения. Из дневника. Концерты, театр, лекции, собрания, кино. 1931–1932–1933–1934–1935–1936– 1937–1938–1939.....	356

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>А. М. Грачева.</i> История формирования книги «С.П.Р.-Д.»	369
Комментарии	393
Список сокращений	658

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук,
протокол № 1 от 27 февраля 2023 г.*

В оформлении шмуцтитолов, обложки и форзаца
использованы архивные материалы (рисунки писателя,
документы) из фонда А. М. Ремизова в Рукописном отделе
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Научное издание

А. М. РЕМИЗОВ
С.П.Р.-Д. ДЕВЯТИКНИЖИЕ ПАМЯТИ
Книги I–V
Собрание сочинений
Том 17

Научный редактор тома *А. М. Грачева*

Выпускающий редактор *В. С. Куковников*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *Л. Модебадзе*

Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Гарнитура Петербург.
Печ. л. 42,38. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

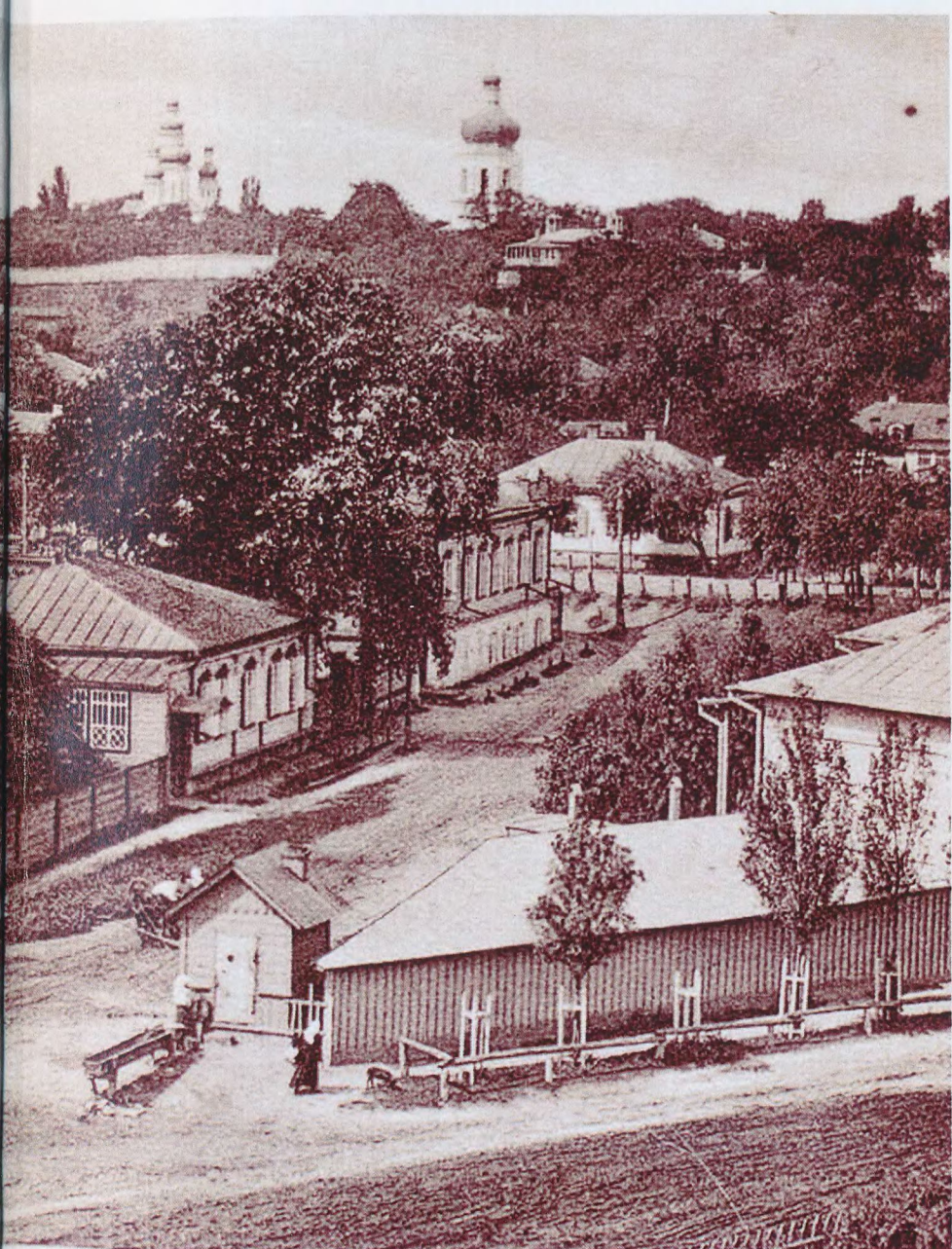

Дом Довидло
село Берестовец Борзенского уезда
Горностаевской губ.
г-м р-на и прошло гетмана
Серафима Павлова

26. ЧЕРНИГОВЪ.

Общій видъ города.

С. Петербургъ
St.-Pétersbourg

Дворцовый мостъ и Адмиралтейская набережная.
Pont de Palais et quai de l'Amirauté.

